

РАБИН ДРАНАТ ТАГОР

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

РАБИНДРАНАТ ТАГОР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

**В ДВЕНАДЦАТИ
ТОМАХ**

*Под редакцией Евг. Быковой,
А. Гнатюка-Данильчука, В. Новиковой*

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1963**

РАБИНДРАНАТ ТАГОР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ПЯТЫЙ

ГОРА

Роман

ЧЕТЫРЕ ЖИЗНИ

Повесть

Переводы с бенгальского

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1963**

Послесловие
Н. М. Гольдберга

Комментарии
М. Кафтиной

Оформление художника
Н. Крылова

ГОРА

Роман

Перевод

*Е. Алексеевой, Е. Смирновой,
В. Карпушкина*

*Под редакцией
В. Ефановой*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Был разгар дождливого сезона, но в это душное и жаркое утро лучам солнца удалось прорвать тяжелые тучи, затягивавшие небо Калькутты, и ярким светом затопить улицы, по которым двигалась нескончаемая вереница повозок и экипажей. Без устали кричали торговцы. Над кухнями вились дымки: в каждом доме готовили завтрак и укладывали в маленькие корзиночки рыбу и овощи для тех, кто спешил в свою контору, суд, школу или колледж. Ослепительный золотой свет словно принес сегодня в этот безжалостный деловой город небывалую свежесть.

Бинойбхушон стоял на верхней веранде своего дома и смотрел вниз на снующих по улице людей. Заняться ему было нечем. Колледж он уже давно закончил, но пока еще нигде не работал. Иногда он, правда, принимал участие в организации собраний, сотрудничал в газетах, но это далеко не удовлетворяло его. И сегодня, пока он стоял на веранде, не зная, что предпринять, мысль о собственной неустроенности не переставала тревожить его.

На крыше соседнего дома перекрикивались о чем-то вороны. В углу веранды бодро чирикала воробьиная чета, устраивая свое гнездышко. Все это только усиливало неясное волнение в душе Биноя.

Неподалеку от дома перед лавочкой стоял бродячий певец в халате до пят и пел:

Неведомая птичка ко мне в клетку влетела.
Откуда взялась ты, певунья?

Цепями любви не сумел я сковать твои крылья.
Вспорхнув, ты исчезла в лазури безбрежной.

Биной подумал, что хорошо было бы позвать певца и записать песню о неведомой птице, но им овладела та самая лень, которая иногда мешает человеку в прохладные предутренние часы натянуть на себя соскользнувшее одеяло, и он не смог заставить себя пойти за нищим.

Песня так и осталась незаписанной, но напев ее еще долго звучал у него в ушах.

И вот тут-то как раз напротив его дома большая, запряженная парой карета налетела на извозчичью коляску. Не обращая внимания на то, что у коляски соскочило колесо, карета помчалась дальше. Биной выбежал на улицу и увидел, что возле накренившейся коляски стоит девушка лет семнадцати, а с подножки с трудом спускается на землю пожилой благообразный человек.

Биной помог ему и, заметив бледность, покрывшую его лицо, спросил:

— Вы не ушиблись?

— Нет, нет, ничего.

Старик попытался улыбнуться, но улыбки не получилось, казалось, он вот-вот потеряет сознание. Биной взял его под руку.

— Это мой дом, входите, пожалуйста, — обратился он к перепуганной девушке.

Старика уложили на постель. Осмотревшись по сторонам, девушка увидела в углу кувшин, налила в стакан воды и стала брызгать в лицо старику.

— Нельзя ли пригласить доктора? — спросила она.

Врач жил рядом, и Биной немедленно послал за ним слугу.

В комнате, куда принесли старика, на туалетном столике у стены стояли зеркало, флакон с душистым маслом, лежали гребенки и щетки. Биной не отрываясь смотрел на девушку в зеркало.

Биной с раннего детства жил один в Калькутте и все свои познания о жизни и о людях черпал главным

образом из книг. Ему никогда не приходилось встречаться с девушками своего круга, исключая ближайших родственников.

И сейчас, глядя на прелестное личико, отражавшееся в зеркале, Биной был совершенно очарован. Юноша еще не умел разбираться во всех тонкостях женской красоты, но его поразила любовь, светившаяся во встревоженных глазах девушки. Словно новый мир, полный тепла и ласки, открылся Биною.

Немного погодя старик вздохнул, открыл глаза и позвал девушку. Сдерживая слезы, она еще ниже склонилась над ним и шепотом спросила:

— Тебе больно, отец?

— Где я? — Старик пытался приподняться, и Биной поспешил к нему на помощь.

— Не поднимайтесь, прошу вас, полежите, — сказал он. — Сейчас придет доктор.

Тут только старик припомнил все, что с ним произошло.

— Пустяки, — ответил он девушке, — немного болит голова, больше ничего.

В это время послышались шаги, и в комнату вошел доктор. Осмотрев пострадавшего, он сказал, что серьезного ничего нет, и посоветовал ему выпить горячего молока с коньяком. После ухода доктора старик забеспокоился, и дочь сразу поняла, в чем дело.

— Не волнуйся, отец. Мы приедем домой, и я тотчас же верну деньги и за доктора и за лекарство.

Девушка взглянула на Биню. Какие у нее были изумительные глаза! Если бы его спросили, большие они или маленькие, черные или карие, — Биной не смог бы ответить. В них не было и следа смущения или нерешительности, они смотрели на него со спокойной уверенностью.

— Доктор ведь приходил всего на минуту, поэтому вы... я сам...

Биной не докончил фразы. Девушка только посмотрела на него, но он прекрасно понял, что деньги ему взять придется.

— Коньяк мне совершенно ненужен, — начал было старик, но дочь перебила его:

— Почему, отец? Ведь доктор сказал!

— У докторов привычка при всяком удобном случае прописывать коньяк. Выпью горячего молока, и все пройдет.

Он выпил молоко, и ему стало лучше.

— Ну вот, теперь можно идти, — сказал он Биною, — простите, что мы доставили вам столько хлопот...

Девушка повернулась к молодому человеку:

— Прошу вас, не могли бы вы послать слугу за извозчиком?

— Опять ты его беспокоишь? — запротестовал отец. — Ведь наш дом совсем рядом, прекрасно дойдем пешком.

— Нет, нет, отец. Тебе нельзя.

Старик покорился, и Биной сам сходил и позвал им извозчика. Садясь в коляску, старик спросил:

— Как ваше имя?

— Бинойбхушон Чоттопадхай.

— А мое Порешчондро Бхоттачарджо. Мы живем очень близко от вас, в доме номер семьдесят восемь по этой же улице. Будем очень рады, если у вас найдется время заглянуть к нам.

Подняв на Биной глаза, девушка безмолвно подтвердила приглашение. Биною очень хотелось проводить их до дому, но он не знал, удобно ли это, и продолжал стоять в нерешительности. Когда коляска тронулась, девушка сложила ладони и слегка наклонила голову, прощаясь с ним, но молодой человек так растерялся от неожиданности, что даже не ответил на ее поклон.

Вернувшись в дом, Биной в отчаянии начал ругать себя за эту оплошность.

Мысленно он снова в мельчайших подробностях переживал все, что произошло с момента появления девушки и ее отца вплоть до их отъезда, и ему казалось, что он вел себя не так, как следовало, и говорил не то, что нужно. О, сейчас он прекрасно знал, что надо было ему сказать в том или ином случае. Но... было уже поздно!

Поднявшись к себе в комнату, Биной увидел на кровати забытый девушкой платок — тот самый, которым она вытирала лицо отцу. Юноша поднял его. И снова в его душе зазвучала песня странствующего певца:

Неведомая птичка ко мне в клетку влетела...

Наступил полдень. Невыносимо жгло солнце. Число ркипажей, направлявшихся в сторону деловой части города, все возрастало. А Биной по-прежнему не мог заставить себя взяться за какую-нибудь работу. Никогда в жизни не приходилось ему испытывать такой радости и вместе с тем такой боли. Его скромный домик, затерявшийся в громадном грязном городе, да и сам город показались ему вдруг сказочно прекрасным, волшебным царством, где возможно невозможное, где сбывается несбыточное, где красота побеждает безобразие. Палящие лучи июльского солнца жгли ему мозг, пламенем разливались по жилам, легкой сияющей дымкой окутывали, скрывая от его глаз, все мелочи повседневной жизни, так досаждавшие ему. Биной захотелось сделать что-нибудь из ряда вон выходящее. Но что? Ведь он показал себя самым обыкновенным, самым заурядным человеком. Жил он в невзрачном домишке, в комнатах его царил беспорядок, постельное белье давно не менялось. Обычно в вазах стояли цветы, но сегодня, как назло, не было ни цветочка. Все сходилось на том, что Биной замечательно выступает на собраниях. Сомнений быть не могло, со временем он будет знаменитым оратором. Но сегодня он не вымолвил ни одного слова, которое убедило бы всех в его талантах... «Эх, выскочить бы мне на улицу как раз в тот момент, когда карета налетела на коляску, — мечтал Биной, — схватить бы лошадей под уздцы и остановить...» И, представив себя в такой героической роли, Биной не удержался и посмотрел в зеркало.

Затем он выглянул в окно и вдруг увидел мальчика лет семи-восьми, который пытался разглядеть номер его дома.

— Здесь, здесь! Сюда! — Биной нисколько не сомневался, что мальчик ищет именно его. Шлепая туфлями, он быстро сбежал по лестнице, радостно схватил мальчугана за руку и ввел в дом.

— Меня послала к вам сестра. — И мальчик протянул ему конверт.

На конверте четким женским почерком было написано его имя. В конверте не было ничего, кроме нескольких рупий.

Мальчик повернулся, чтобы уйти, но Биной не хотел так быстро отпускать его и повел в свою комнату.

Чертами лица мальчик очень напоминал сестру, только был несколько смуглее. Биной ласково смотрел на него и чувствовал, как в душе его поднимаются нежность и любовь.

Мальчуган оказался очень любознательным. Войдя в комнату, он сразу же обратил внимание на портрет, висевший на стене.

— Кто это? — спросил он.

— Мой друг.

— Друг? А кто ваш друг?

Биной улыбнулся.

— Ты его не знаешь. Его зовут Гоурмохон, а я называю его просто Гóра. Мы вместе учились.

— Вы и теперь учитесь? — спрашивал мальчик.

— Нет, теперь я уже не учусь.

— Неужели вы уже все-все выучили?

Биной не удержался, чтобы не похвастаться:

— Да, я уже все выучил.

Пораженный мальчуган вздохнул. Вероятно, он подумал о том, как много испытаний ждет его впереди, прежде чем он достигнет тех же вершин премудрости.

— А тебя как зовут? — спросил в свою очередь Биной.

— Шотишчондро Мукхопадхай.

— Мукхопадхай? — удивился Биной.

Оказалось, что Пореш-бабу — не родной его отец, хотя и воспитывает их с сестрой с раннего детства. Сестру мальчика зовут Радхарани, но жене Пореша-бабу больше нравится имя Шучорита, поэтому теперь ее так и называют.

Биной и Шотиш быстро подружились, и когда мальчик собрался уходить, Биной остановил его:

— А ты не боишься идти один?

— Я всегда хожу один, — с гордостью ответил Шотиш.

— Я провожу тебя.

— Вот еще! Меня никто никогда не провожает.

Мальчик явно был обижен таким недоверием и начал рассказывать об удивительных происшествиях, случившихся с ним, когда он ходил один. Он так и не понял, почему же все-таки Биной довел его почти до самых дверей их дома.

— Может, вы зайдете к нам?

Биною очень хотелось зайти, но он ответил:

— Нет, сегодня не могу, как-нибудь в другой раз.

Вернувшись домой, юноша достал из кармана конверт и принялся изучать его. Он так долго и так внимательно читал адрес, что скоро знал наизусть каждую букву, каждую черточку. Затем осторожно положил конверт вместе с деньгами в шкатулку.

Можно было не сомневаться, что эти несколько рупий останутся неприкосновенными даже в самую трудную минуту его жизни.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В дождливую пору вечера обычно бывают гнетущими: насыщенный влагой воздух словно тяжелеет, низкие равные облака бесшумно плывут по темнеющему небу, и Калькутта становится похожей на громадного побитого пса, свернувшегося калачиком и положившего на хвост свою обиженную морду.

Дождь начался накануне вечером и моросил всю ночь, на улицах стояла непролазная грязь. Сейчас дождь перестал, но тяжелые, низко нависшие тучи не предвещали ничего хорошего. В такие дни одинаково не хочется ни сидеть дома, ни выходить на улицу. Вот почему два молодых человека вынесли плетеные кресла на еще мокрую от дождя плоскую крышу трехэтажного дома и расположились там.

Это были давние друзья. В раннем детстве, вернувшись из школы, они любили бегать взапуски по этой крыше; во время экзаменов в колледже как одержимые без конца шагали по ней из угла в угол, уткнувшись в учебники и бормоча себе под нос; в жару они обычно ужинали на крыше, а после ужина нередко засиживались здесь до глубокой ночи за разговорами, а порой тут же, на циновках, засыпали и спали до тех пор, пока их не будило солнце. С тех пор как молодые люди окончили колледж, на этой же крыше раз в месяц устраивались собрания «Индусского Патриотического общества»: один из друзей был председателем этого общества, другой секретарем.

Председателя звали Гоурмохон, но для родных и друзей он был просто Гора. Внешностью он резко отличался от окружающих. У него была очень светлая, без малейшего признака желтизны, кожа, за что кто-то из преподавателей колледжа прозвал его «Снежной Вершиной». Около шести футов ростом, с мощными плечами и кулаками, огромными, как лапы тигра, он к тому же обладал голосом таким сильным, чистым и глубоким, что люди невольно вздрагивали, услышав его, и испуганно спрашивали: «Что это?» Черты лица Горы тоже были необыкновенно крупными и выразительными: широкие скулы, выдающийся вперед подбородок, большой выпуклый, почти безбровый лоб, тонкие, плотно стиснутые губы, над которыми торчал длинный, похожий на кривую саблю, нос, и небольшие острые и пронизательные глаза. Казалось, что пристальный взгляд Горы всегда устремлен куда-то вдаль; это не мешало ему, однако, прекрасно замечать все, что делалось вокруг. Красивым назвать этого молодого человека было отнюдь нельзя, но невозможно было и не заметить его. Он невольно сразу же приковывал к себе внимание.

Его друг Биной был типичным молодым бенгальцем из хорошей семьи — скромным, но живым юношей. Врожденная мягкость и пытливый ум одухотворяли его красивое лицо. Он всегда хорошо учился и из года в год получал стипендию. Успехи же в занятиях Горы были много скромнее. У него не было ни усидчивости Биноя, ни его хорошей памяти, не обладал он и умением своего друга быстро, на лету, схватывать новое. На экзаменах главной его опорой бывал Биной.

— Послушай, — спрашивал Гора друга, — почему ты так набросился на Обинаша, когда он выступил в прошлый раз против брахмаистов? Ведь это выступление доказывает, что он вполне трезво смотрит на вещи.

— Вот как? — сказал Биной. — А меня удивляет, что ты находишь нужным спрашивать меня об этом.

— Ты несправедлив к нему. Невозможно требовать от общества доброжелательного отношения к тем своим членам, которые попирают его законы и обычаи и стараются переделать все на свой лад. Общество обязательно будет смотреть на таких людей с предубеждением, оно

с недоверием встретит их попытки изменить все вокруг и не поймет их намерений, пусть самых благих. И в отказе общества покорно принимать «благо», которое ему навязывают, как раз и заключается та самая кара, которая неизбежно обрушивается на людей, решившихся пойти против общества, полагающего это «благо» злом. Это совершенно естественно.

— Может быть, это и естественно для человеческого общества, — возразил Биной, — но согласиться с тем, что раз естественно, значит, хорошо, я, извини меня, не могу.

— Оставим в покое вопрос, что хорошо и что нет, — вспыхнул Гора. — Хорошие люди в этом мире — исключение. Если найдется один-другой и прекрасно. С остальных, на мой взгляд, хватит и того, чтобы они поступали согласно своей натуре. В противном случае прогресс был бы невозможен и вообще жить бы не стоило. Если у людей хватает «доблести» кичиться своей принадлежностью к брахмаистам, им следует мириться и с таким «несчастьем», как презрение небрахмаистов. Почему бы люди, придерживающиеся какого-то мнения, стали вдруг восхищаться тем, как кто-то горделиво проповедует противные им убеждения? Поверь мне, если бы они поступали так, это было бы очень печально.

— Я вовсе не отвергаю критики, направленной против общества, но когда она сосредоточивается на отдельных личностях...

— А что такое критика, направленная против общества? — перебил его Гора. — Пустые слова, больше ничего! Меня, кстати, интересует твое личное мнение. Ну скажи, вот ты, благородный человек, разве ты никогда никого не осуждал?

— Осуждал, даже часто, но теперь стыжусь этого.

— Нет, Биной, так не годится! — Гора сжал правую руку в кулак. — Совсем не годится.

Биной помолчал, а потом спросил:

— В чем дело? Почему это тебя так волнует?

— Потому что я вижу, что ты пошел по пути слабых.

— Слабых?! — Биной даже привскочил. — Ты же прекрасно знаешь, что если бы я захотел, то сейчас же мог бы пойти к Порешу-бабу. Они приглашали меня, но ведь я же не иду.

— Да, но в то же время это не перестает мучить тебя. Круглые сутки ты только и думаешь: «Я не пошел к ним, не пошел, не пошел!» Уж лучше пойдешь, и дело с концом!

— Значит, ты серьезно советуешь мне пойти?

— Нет, — ответил Гора, стукнув себя по колену. — Я не советую тебе идти. И я твердо убежден, что если ты все-таки туда пойдешь, то перекинешься на их сторону окончательно. На другой же день усядешься с ними есть за один стол, а потом вступишь в «Брахмо Самадж» и превратишься в его воинствующего проповедника.

— Вот как?! Ну и что же будет дальше?

— Что будет дальше? Для человека, порвавшего с теми, кто составлял его мир, нет будущего! Ты, сын брахмана, готов забыть о всех правилах воздержания и чистоты — значит, кончишь ты тем, что умрешь отверженным. Как рулевой, у которого разбит компас, ты потеряешь представление о том, где восток и где запад, начнешь думать, что вести корабль заданным курсом — это предрассудок и ограниченность, что куда лучше положиться на волю волн. Ну вот что, я не намерен пререкаться с тобой до бесконечности. Скажу одно — если тебе так уж невтерпеж идти к ним — иди; перестань только играть у нас на нервах, балансируя над пропастью.

Биной рассмеялся.

— Ну, знаешь, не все больные, объявленные безнадежными, умирают. Я не чувствую никаких признаков приближения смерти.

— Не чувствуешь?

— Нет.

— Ты не замечаешь, что у тебя слабеет пульс?

— Да нет же, он вполне нормален.

— И пища неверных не показалась бы тебе яствами богов, если бы ты получил ее из ручек некой прелестной девушки?

Биной смутился.

— Хватит, Гора, замолчи!

— Почему? Что ж тут обидного? Ведь она же не из тех скромниц, которые не позволяют даже солнечным лучам касаться своих нежных ручек. Если ты считаешь святотатством даже упоминание о пальчиках, которые,

однако, может позвать каждый вошедший в их дом мужчина, то это верный признак гибели.

— Я преклоняюсь перед женщинами, Гора, и к тому же шастры...

— Пожалуйста, не ссылайся на шастры, говоря о подобного рода чувствах. Это не преклонение. Если я скажу, что это такое на самом деле, ты окончательно на меня разобидишься.

— Ты просто злишься, — пожал плечами Биной.

— В шастрах о женщине сказано: «Достойна поклонения вносящая свет в дом». Да, это так. Запомни только, что чувство, которое вызывают порой женщины в сердцах мужчин, носит другое название, хотя англичане и именуют его «поклонением».

— Послушай, Гора, можно ли с таким пренебрежением относиться к замечательному чувству только потому, что иногда оно бывает омрачено?

— Вот что, Бину, — нетерпеливо прервал его Гора, — ты совершенно очевидно утратил способность рассуждать здраво, так доверься же мне и слушай: за всеми прекрасными словами, которые говорятя о женщине в английских книгах, скрывается самая обыкновенная страсть. Настоящая женщина, которая действительно достойна поклонения, это прежде всего Мать и безупречная хранительница семейного очага. Вынеси из дома троп преданной Лакшми, и в поклонении женщине невольно появится что-то оскорбительное. Чувство, которое, словно бабочку на огонь, влечет тебя к дому Пореша-бабу, называется по-английски «любовью». Смотри только не подражай англичанам и не делай культа из этого чувства!

Биной подскочил, словно его ударили.

— Хватит, Гора, замолчи! Это уж слишком!

— Почему слишком? Я даже не высказал до конца своей мысли. Именно потому, что мы не научились принимать отношения мужчины и женщины просто — такими, какие они есть, — нам и приходится порой портить их.

— Хорошо, допустим, иногда мы, действительно, склонны неправильно смотреть на отношения между мужчиной и женщиной, усложняем их и искажаем. Но разве в этом повинны только иностранцы? Пусть ложно то, что они утверждают, но разве так уж правы наши моралисты,

проповедующие, что женщина — это зло? Для того, чтобы спасти человека от этого всепоглощающего чувства, одни воспевают духовную сторону любви, всячески замалчивая телесную, другие же, наоборот, стремятся подчеркнуть все скверное, что есть в страсти, и отрицают любовь вообще. По существу же, это просто разные точки зрения разных людей, и раз уж ты порицаешь одних, то не защищай и других.

— По-видимому, я ошибся в тебе, — с улыбкой заметил Гора. — Твое положение не так уж безнадежно. Раз ты способен философствовать, можешь спокойно влюбляться и дальше; но помни совет друга, желающего тебе добра: умей остановиться вовремя.

— Нет, ты просто сумасшедший! — воскликнул Бинной. — Какая там любовь! Чтобы тебя успокоить, скажу: все, что я слышал о семье Пореша-бабу, внушает мне к ним большое уважение. Вероятно, поэтому меня так и тянет познакомиться с их жизнью.

— Пусть будет так! Смотри, однако, будь осторожен. Не лучше ли постараться подавить в себе страсть к исследованиям зоологического мира. Ведь женщины принадлежат к семейству хищников, и слишком близкое знакомство с ними может стоить тебе головы.

— Слушай, Гора, у тебя есть один очень большой недостаток. Ты почему-то убежден, что силу, предназначавшуюся всем людям, всевышний отдал тебе одному, а мы так и остались беззащитными, слабыми существами.

Слова Бинной поразили Гору. В восторге он хлопнул его по спине.

— А ведь ты прав! Это действительно мой недостаток!

— О! — простонал Бинной. — У тебя есть недостатки и похуже. Ты совершенно не в состоянии понять, какой удар может выдержать позвоночник человека.

В это время на крышу, задыхаясь, поднялся тучный человек. Это был сводный брат Горы Мохим.

— Гора!

— Что? — Юноша поспешно встал со стула.

— Я пришел узнать, не небо ли обрушилось на нашу крышу? Что тут происходит? Вероятно, вы уже освободили страну от рабства? Не берусь судить, как чувствуют

себя англичане, которых вы, без сомнения, давно вытеснили в Индийский океан, а вот старшая невестка, милый Гора, лежит внизу с мигренью и очень страдает от твоего львиного рычания.

Мохим повернулся и осторожно пошел вниз.

Гора смутился, но вместе с тем он почувствовал и какое-то раздражение — то ли против самого себя, то ли еще против кого-то. Он помолчал, затем тихо, словно размышляя вслух, проговорил:

— На все-то я трачу гораздо больше сил, чем требуется, и никогда не думаю, что это может быть неприятно другим.

Биной подошел к Горе и ласково взял его за руку.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Гора и Биной собирались спуститься вниз, когда на крышу поднялась мать Горы. Биной приветствовал ее, взяв прах от ее ног.

Трудно было поверить, что Анондомойи — мать Горы. Это была стройная, очень изящная женщина, с виду лет сорока, не больше. Седина лишь слегка тронула ее волосы. Тонкие черты лица словно выточила рука искусного мастера. В глазах светился ясный и острый ум. Она была значительно смуглее Горы. Все, кто встречался с Анондомойи, с удивлением отмечали, что она всегда надевала под сари плотно прилегающую кофточку. В то время, о котором я рассказываю, такие кофточки носили только молодые женщины, пожилые же считали, что эта мода идет от христиан, и отказывались следовать ей. Муж Анондомойи, Кришнодоаял-бабу, работал в комиссариате. Анондомойи с юных лет жила с ним на западе, привыкла тщательно одеваться, и ей даже в голову не приходило, что это может считаться предосудительным.

Целый день Анондомойи хлопотала по хозяйству: чистила, скребла, мыла, готовила, шила, подсчитывала расходы, сушила одежду, принимала деятельное участие в жизни родственников и соседей, и вид у нее при этом был такой, словно свободного времени у нее более чем достаточно. Если же ей случалось прихворнуть, она

не обращала на это никакого внимания. «Ничего со мной не случится, — говорила она обычно. — А без работы я жить не могу».

— Когда впризу слышен голос Горы, — сказала, входя, Анондомойи, — я уж знаю, что это пришел Бину. Столько дней у нас было совсем тихо! Что случилось, мой мальчик, почему ты не приходил? Был нездоров?

— Нет, ма, — Биной почувствовал укор совести. — Во всем виноват дождь.

— Ну да, конечно, — вмешался Гора. — Кончится дождь, и Биной скажет, что виновато солнце. Очень удобно сваливать вину на стихии — они возражать не станут. Ну, а истинная причина остается на твоей совести, друг мой.

— Брось болтать ерунду, Гора, — запротестовал Биной.

— Правда, Гора, — поддержала Анондомойи Биной, — не надо так говорить. Ведь человек не волеп в своем настроении — иной раз ему хочется общества, а иной, наоборот, побыть одному. Нельзя требовать, чтобы все всегда были одинаковыми. Поэтому не будем спорить, а лучше пойдем вниз. Пойдем ко мне, Бину, я хочу угостить тебя кое-чем.

— Нет, ма, нельзя, — Гора решительно замотал головой. — Я не пушу Биной к тебе.

— Но это же в конце концов смешно, Гора! Ведь тебя я не приглашаю. И твоего отца тоже — он теперь стал таким праведником, что ест лишь то, что сам себе приготовит. Ну, а Бину хороший мальчик, не фанатик, вроде тебя, так неужели ты будешь стараться держать и его?

— Да, и если понадобится, применю силу. До тех пор, пока ты держишь у себя эту христианку Лочмию, есть у тебя в комнате никто не будет.

— О Гора, как ты можешь говорить так! Ты же сам всегда ел из ее рук... Ведь она вырастила тебя. Совсем еще недавно тебе все казалось безвкусным, если на столе не было соуса, приготовленного ею. А разве я забуду когда-нибудь, как она выходила тебя, когда ты в детстве болел оспой...

— Ну, назначь ей пенсию, купи землю, построй дом, сделай все что хочешь, но только не держи ее в доме,

— Ты думаешь, Гора, что за все можно заплатить деньгами? Ей не нужны ни земли, ни дом; она умрет вдали от тебя.

— Хорошо, раз ты так хочешь, пусть она остается. Но тогда Бину не будет есть у тебя. Нужно уважать закон, он не для того существует, чтобы его нарушали. Но мне странно, мать, что ты, дочь такого ученого человека, не соблюдаешь обычаев...

— О, было время, когда я соблюдала их, — прервала его Анондомойи. — Если бы ты знал, сколько слез мне пришлось пролить из-за этого... Жаль, что тебя не было тогда. Каждый день я молилась Шиве, а твой отец приходил и выбрасывал его изображение. В те дни я не у каждого брахмана приняла бы пищу из рук. И один бог знает, как часто приходилось мне голодать во время переездов с места на место — то в повозке, запряженной волами, то в почтовой карете, то в паланкине, то на верблюде! Ведь железных дорог тогда почти не было. Ты думаешь, легко было твоему отцу сломить меня? А его хозяева-англичане были очень довольны тем, что он берет с собой в служебные поездки жену. Его повысили по службе, дали ему постоянную должность при главной конторе. И вот теперь, состарившись и поднакопив денег, он неожиданно превратился в праведника! Но с меня хватит. Веру моих предков у меня вырвали с корнем, и неужели ты думаешь, что можно так просто, по капризу, заставить меня вернуться к прошлому?

— Оставим в покое предков — что им до всего этого? Но ради нас ты должна считаться с некоторыми вещами. Пусть ты не согласишься с шастрами, — не забудь, что любовь тоже предъявляет к человеку свои требования.

— Ты зря тратишь на меня свое красноречие, — устало возразила Анондомойи. — Будто я не знаю, что такое требования любви? Разве могу я быть счастлива, зная, что нет согласия между мной и моими сыном и мужем? А ведь именно с той минуты, Гора, когда я впервые взяла тебя на руки, я и порвала со всеми обычаями. Только прижав к груди ребенка, начинаешь понимать, что новорожденное дитя не может принадлежать ни к какой касте. А поняв это, я постигла и другое — бог отнимет тебя у меня, если я буду презирать кого-ни-

Будь только за то, что он христианин или человек низшей касты. Я молилась: пусть он останется со мной, пусть озарит светом мой дом, и я согласна буду принять пищу из чьих угодно рук.

При этих словах в душе Биноя вдруг шевельнулось смутное подозрение, он посмотрел на Анондомойи, потом на Гору, но тотчас же отогнал прочь возникшее было сомнение.

Гора, казалось, тоже слегка растерялся.

— Ма, — сказал он, — я не понимаю, как могла родиться у тебя такая мысль. Ведь и в тех семьях, где строго соблюдаются предписания шастр, дети тоже прекрасно вырастают. Кто внушил тебе, что в твоём случае требуется особая милость всевышнего?

— Тот, кто дал мне тебя, тот и внушил. Что я могла поделать? Вина тут была не моя. Милый ты мой сумасброд, просто я не знаю, смеяться мне или плакать, глядя на твои чудачества. Хватит, не будем больше говорить об этом. Итак, Биную запрещено идти ко мне?

— Пусти я его, он кинулся бы со всех ног, — усмеялся Гора. — Он ведь к тому же и очень голодный. Только, ма, я не пушу его. Он сын брахмана и не имеет права забывать об этом ради каких-то лакомств. Ему еще придется от многого отречься и научиться умению во всем себя ограничивать, прежде чем он станет достойным своих славных предков. Так не сердись же на меня, ма, заклинаю тебя!

— Я сержусь? Откуда ты взял? Ты же сам не ведаешь, что творишь. Мне только грустно, что, вырастив и воспитав тебя, я... Во всяком случае, я не могу согласиться с твоим пониманием веры... А то, что ты не хочешь есть у меня в комнате, не беда. Ведь я могу видеть тебя утром и вечером, а больше мне ничего и не надо. Бину, не хмурься, дорогой. Я знаю, у тебя доброе сердце, ты думаешь, я огорчена, — нисколько. Как-нибудь в другой раз я приглашу тебя и угощу обедом, приготовленным руками настоящего брахмана. Не грусти, пожалуйста. Но хочу сказать вам сразу — сама я буду по-прежнему принимать пищу из рук Лочмии.

Анондомойи ушла. Некоторое время Биной стоял молча, потом медленно проговорил:

— Гора, по-моему, это уж слишком.

— Что?

— То, что ты сейчас наговорил.

— Ничуть. Я хочу лишь одного — чтобы все жили так, как им положено. Потому что стоит поступиться самым малым, и в конце концов потеряешь все.

— Но ведь она — твоя мать!

— Я сам знаю, что такое мать. Разве мне нужно напоминать об этом? И она замечательная женщина. Но если я перестану чтить обычаи, в один прекрасный день я перестану относиться с уважением и к своей матери. Слушай, Биной, и запомни: наше сердце — еще не самая важная вещь на свете.

Биной помолчал, потом неуверенно заметил:

— Знаешь, Гора, сейчас, когда я слушал мать, мне показалось, она что-то недоговаривает... У нее на сердце есть какая-то тайна, которую она не может нам открыть, и это тяготит ее.

— Ах, Биной! — нетерпеливо воскликнул Гора. — Не давай волю воображению. Что пользы в этом — пустая трата времени, больше ничего.

— Ты никогда не обращаешь внимания на то, что делается вокруг тебя, считаешь воображением все, чего не видишь сам, и поэтому предпочитаешь вообще не говорить о таких вещах. Но уверяю тебя — мать тревожит какая-то мысль, она что-то скрывает, и это делает ее несчастной. Я не раз думал об этом. Гора, будь повнимательнее, постарайся понять, что она хочет сказать.

— Я достаточно внимательно прислушиваюсь к ней, — ответил Гора. — Если же начать копаться в скрытом смысле чьих-то слов, можно сильно ошибиться. Этого делать я не собираюсь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Отвлеченные идеи могут быть очень хороши сами по себе, но они сразу теряют всю свою правильность и убедительность, как только дело коснется живых людей. Так по крайней мере было с Биноем, который в большинстве случаев поступал по велению сердца. Он мог

горячо защищать какую-нибудь идею в споре, но когда приходило время действовать, прежде всего думал о человеке и о его чувствах. Поэтому трудно сказать, что именно заставляло Биню соглашаться с принципами, которые проповедовал Гора — принципы ли сами по себе или любовь к другу?

Темным дождливым вечером возвращаясь от Горы домой, Биню медленно брел по грязной улице. В душе его шла борьба — чувства не желали соглашаться с доводами разума. Биню очень легко воспринял мысль Горы, что современное общество — если оно хочет оградить себя от всевозможных ударов, явных и скрытых, — должно особенно свято блюсти все правила касты в отношении пищи, одежды и тому подобного. Он горячо спорил по этому поводу с людьми, придерживающимися противоположной точки зрения, и утверждал, что, если враг осадил крепость, нельзя обвинять в недостатке лояльности тех, кто жертвует жизнью, защищая все подступы, бойницы, ворота и даже щели в стенах.

И тем не менее Биню очень страдал от того, что Гора запретил ему ходить к Анондомойи.

Отца у Биню не было, мать он тоже потерял рано. Дядя его жил в деревне. Биню учился в Калькутте и с детских лет привык жить один. Когда Гора привел его к себе в дом и познакомил с Анондомойи, Биню сразу же крепко привязался к ней и даже стал называть ее матерью. Сколько раз, бывало, приходил он к ней в комнату полакомиться. Сколько раз Гора шутя упрекал мать за то, что во время обеда она подкладывает Бинюю все лучшие кусочки. Биню знал, как беспокоилась Анондомойи, если несколько дней он не приходил к ним, знал, с каким нетерпением ждет она конца их собраний, чтобы усадить его рядом с собой и накормить любимыми лакомствами. Разве сможет Анондомойи примириться с тем, что Биню в страхе перед осуждением общества больше не будет есть у нее в комнате? Да он и сам не вынесет этого.

«Больше я не буду готовить для тебя, а приглашу хорошего повара-брахмана», — снова и снова вспоминал Биню слова Анондомойи. Конечно, она сказала это в шутку, но сколько горечи было в ее словах.

Наконец Биной добрался до своего дома.

В пустом доме было темно, повсюду валялись газеты и книги. Биной чиркнул спичкой и зажег лампу, — стекло ее было захватано руками слуг, белая скатерть на письменном столе — вся в чернильных и масляных пятнах. Биной задыхался в этом доме. Одиночество и тоска особенно сильно давили его сегодня. Освобождение страны, сохранение устоев общества — все эти задачи казались ему расплывчатыми и фальшивыми. Насколько больше правды принесла с собой та «неведомая птица», которая однажды в ясное июльское утро подлетела к клетке и снова упорхнула... Но нет, он ни за что не будет вспоминать эту неведомую птицу. Ни за что! И, чтобы отвлечься, Биной стал думать о комнате, двери которой закрыл сегодня перед ним Гора.

Пол блестит чистотой, у стены застланная постель — она напоминает распростертое крыло белого лебедя; рядом на скамеечке горит масляный светильник. Анондомойи, конечно, сидит, низко склонившись над шитьем. У ног ее, на полу, устроилась Лочмия и без умолку болтает на ломаном бенгальском языке. Но мать почти не слушает ее. Когда Анондомойи чем-нибудь расстроена, она всегда берется за шитье. Биной представил себе ее спокойное сосредоточенное лицо.

«Пусть ее светлый образ всегда будет со мной и сохранит меня от всех несчастий! Пусть он станет для меня олицетворением родины, пусть вдохновляет меня на выполнение долга и укрепляет мои силы», — подумал Биной и мысленно обратился к Анондомойи: «Мать, пища, приготовленная тобой, — амброзия, и никакие шастры не разубедят меня в этом».

В пустой комнате громко тикали часы. Биною становилось все больше не по себе. Он чувствовал, что не может оставаться здесь дольше. На стене возле лампы притаилась ящерица, она ловила moskitов. Биной некоторое время наблюдал за ней, затем встал, взял зонт и вышел.

Он не представлял себе, что будет делать. Весьма возможно, что он просто пошел бы назад к Анондомойи, но внезапно он вспомнил, что сегодня воскресенье и,

значит, в «Брахмо Самадже» выступает Кешоб-бабу. Биной решил пойти туда и уверенно зашагал по улице. Он знал, что проповедь Кешоба-бабу должна скоро кончиться, но это не остановило его.

Когда Биной подошел к дому, где происходило собрание, верующие уже начали расходиться. Раскрыв зонт, юноша остановился на углу. Вдруг он увидел, что из дома вышел Пореш-бабу. Лицо у него было спокойное, просветленное. Его сопровождали несколько членов семьи, но Биной видел только одно юное личико. На мгновение свет газового фонаря ярко осветил его, но тут послышался стук колес проезжающей кареты и видение исчезло, словно бескрайний океан мрака поглотил его.

Биной прочел много английских книг, но разве могли они заставить его изменить свои взгляды — взгляды молодого человека из хорошей бенгальской семьи? Он был твердо убежден, что, стремясь увидеть понравившуюся ему девушку, он тем самым оскорбляет ее. Эта мысль омрачила его радость, и постепенно отчаяние стало овладевать им. Ему казалось, что он погиб. Невзирая на разговор с Горой, несмотря на то, что такой поступок противоречил всем его понятиям, Биной неудержимо тянуло пойти в дом, посещение которого запрещал обычай, не позволявший смотреть на женщину глазами любви.

В этот день Биной не пошел больше к Горе. Размышляя обо всем случившемся, он вернулся домой.

Назавтра он снова долго бродил по улицам, и когда, наконец, подошел к знакомому дому, долгий дождливый день уже кончился и сумерки окутали город. В комнате Горы горел свет — он только что уселся за работу.

Не поднимая головы от лежавшего перед ним листа бумаги, Гора спросил:

— Ну что, Биной, как сегодня твое самочувствие?

Биной не ответил ему.

— Гора, я хочу спросить у тебя одну вещь, — медленно проговорил он. — Понятна ли тебе Индия? Как ты представляешь ее себе? Ведь ты день и ночь думаешь о ней, так скажи мне, какова она?

Гора бросил писать и некоторое время смотрел на Биной своими пронизательными глазами, потом отложил перо, откинулся на спинку кресла и сказал:

— Подобно тому как капитан, находящийся в плавании, день и ночь, каждую минуту, во время работы и во время отдыха, видит мысленно перед собой гавань, так и я вижу Индию.

— Но где же она, твоя Индия?

— Конечно, не в «Истории Индии» Маршмана, — она там, куда днем и ночью указывает стрелка этого компаса, — и Гора приложил руку к сердцу.

— И стрелка твоего компаса указывает на какую-нибудь определенную гавань?

— А ты думаешь, нет?! — воскликнул Гора. — Я могу сбиться с курса, могу утонуть, но она — эта великая гавань — существует! Это — моя Индия. Богатая, полная знаний, веры. Она существует только во мне. А здесь вокруг царят ложь и обман! Эта твоя Калькутта с ее конторами, судами, кирпичными коробками домов, разве это Индия? — Говоря это, Гора не сводил глаз с Биной. Тот сидел задумавшись. — Там, где мы учимся, — продолжал Гора, — где бродим в поисках работы, где с десяти утра и до пяти вечера нас ждет лишь адский труд, — ее нет. И именно потому, что мы видим Индию, окутанную магической ложью, двести пятьдесят миллионов человек считают обман правдой, а безделье — делом. Жить в этой фантазмагории невыносимо! Мы задыхаемся. Ведь истинная, настоящая Индия только одна. И до тех пор, пока она не станет реальностью, наши умы и сердца не ощутят живительной влаги. Нужно отрешиться от лжи, от ложных знаний, фальшивых почестей и низменных соблазнов! Нужно направить корабль в открытую гавань! И если нам суждено разбиться — разобьемся! Суждено погибнуть — погибнем! Но образ подлинной Индии до последней минуты будет жить в моем сердце.

— В тебе говорит волнение или ты действительно так думаешь?

— Да, я так думаю, — прогремел Гора.

— А как быть тем, кто не может представить себе всего этого так, как представляешь ты?

Гора сжал кулаки.

— Мы должны заставить их увидеть. Это наша задача. Если люди не разбираются, где правда и где ложь, они способны увлечься иллюзиями. Раскрой перед

каждым образ Индии во всей ее красоте и силе, и она покорит людей! Тогда нам не придется ходить от двери к двери, выпрашивая мизерные подачки. У нас не будет отбоя от людей, готовых отдать жизнь за счастье родины.

— В таком случае начни с меня и раскрой передо мной образ этой Индии или разреши встать в ряды тех, кто еще должен прозреть.

— Ты должен сам прийти к пониманию Индии, — ответил Гора. — Главное — это вера. Она поможет тебе найти радость в самых тяжелых испытаниях. А вот веры-то как раз и нет у наших модных «спасителей отечества». Потому-то они и не способны предъявить серьезные требования ни к себе, ни к другим. Если сам Кубера решит снизойти к их молитвам, вряд ли они осмелятся попросить у него что-нибудь, кроме придворного чина. У них нет веры, следовательно, нет и надежды.

— Но не все же люди одинаковы, Гора, — возразил Биной. — У тебя есть вера, у тебя есть внутренняя сила, вот почему тебе нелегко понять других. Мне нужно, чтобы ты поручил мне какое-нибудь дело, котороехватило бы меня всего без остатка. Иначе, пока я с тобой, мне кажется, что я все понял, но стоит мне остаться одному, и все опять становится неясным и расплывчатым.

— Ты просишь дела? Но сейчас у нас может быть только одна работа — внушать малодушным, колеблющимся такое же безусловное, горячее уважение ко всему индийскому, какое испытываем мы сами. Мы стыдились своей родины, и в результате яд рабства проник в наш мозг и отравил наши мысли. Каждый из нас обязан сделать все, что в его силах, чтобы исправить это зло, и тогда нам откроется широкое поле деятельности. Все, что мы делаем сейчас, — это стараемся подражать людям, о которых говорится в школьных учебниках. А разве это может увлечь по-настоящему! Таким путем мы никуда не идем и только растеряем в конце концов весь свой жар и энергию.

В это время в комнату медленно, вразвалку вошел Мохим с трубкой в руке. Возвратившись из конторы, Мохим сначала обедал, а потом, набив рот бетелем и захватив с собой еще несколько пакетиков пана, отпра-

лялся на улицу посидеть и покурить. Обычно там к нему присоединялись приятели, жившие по соседству. И они все вместе шли в гостиную играть в карты.

Как только Мохим вошел в комнату, Гора замолчал и поднялся с кресла. Попыхивая трубкой, Мохим проговорил:

— Заняты спасением Индии? Лучше бы ты, Гора, собственного брата спас.

Гора посмотрел на него.

— У нас в конторе появился новый начальник, — продолжал Мохим, — морда, как у бульдога, негодяй, каких мало! Всех бабу называет не иначе, как «Вабон»;¹ если у кого какое несчастье дома, не верит, орет: «Врешь!» — и не отпускает домой; никто из бенгальцев теперь не получает целиком жалованья, половину съедают штрафы. Так вот, недавно о нашем начальнике в газете появилась статья, и он считает, что это моя работа. Сказать правду, не так уж он далек от истины. Он грозитя уволить меня, если я не напишу энергичного опровержения и не подпишусь под ним полным именем. Вы двое, краса и гордость университета, должны помочь мне сочинить это письмо. Оно должно быть пересыпано такими выражениями, как «беспристрастие и справедливость», «неизменное великодушие», «чуткий подход» и так далее.

Гора продолжал молча смотреть на брата, а Биной рассмеялся:

— Дада, как можно одним духом выпалить столько ложных утверждений?

— А что же, с мошенниками и поступают по-мошеннически. Я с англичанами давно имею дело и знаю их хорошо. Врут они здорово, этого у них не отнимешь. Если нужно, ни перед чем не остановятся. Когда кто-нибудь из них начинает врать, все остальные, как стая шакалов, воют в унисон, не то что наш брат — перекинется на чужую сторону и еще очень этим гордится. Нет, падувать их не грех, лишь бы не попасться. — И Мохим расхохотался. Биной тоже не мог сдержать улыбки.

— Вы думаете смутить их, бросая им правду в лицо, — продолжал Мохим. — Э, да если бы боги не наградили

¹ Вабон (англ.) — обезьяна.

нас куриными мозгами, разве была бы наша страна в таком положении? Пора бы вам понять, что заокеанский громила не понурит стыдливо голову, если его застукают, когда он грабит квартиру. Наоборот, он замахнет на вас же отмычкой в полном сознании своей виновности. Разве неправда?

— Правда, что и говорить, — ответил Биной.

— Ну, а если вместо этого вы немного польстите ему — что совсем нетрудно — и скажете: «О, святой праведник! Пожалуйста, кинь нам что-нибудь из своей сумы, хотя бы щепотку пыли», — то в этом случае, возможно, кое-какие вещи вы и получите обратно, и к тому же все обойдется тихо и мирно. Быть рассудительным и значит быть патриотом. Но мой брат изволит гневаться. С тех пор как он превратился в правоверного индуиста, он стал очень уважать меня, своего старшего брата, однако сегодня, я вижу, мои слова не производят на него должного впечатления. Но что прикажешь делать, Гора? Нужно сказать правду и о лжи. Так вот, Биной, я хочу, чтобы вы написали мне это письмо. Подожди здесь, я уже сделал кое-какие наброски, сейчас принесу. — И, посасывая трубку, Мохим вышел.

Гора повернулся к Биню:

— Бину, будь другом, пойди, займи его разговором и не пускай сюда, пока я не кончу свою работу.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Анондомойи постучала в дверь молельной мужа.

— Ты слышишь меня? — сказала она. — Не бойся, я не войду. Только прошу тебя, когда кончишь молитву, зайди в мою комнату, мне надо поговорить с тобой. Я ведь знаю, раз уж в доме появился новый саньяси, значит, скоро я тебя не увижу. Пришлось идти с приглашением. Так не забудь же зайти, когда освободишься.

И Анондомойи снова вернулась к домашним делам.

Кришнодоял-бабу был темнолицый, среднего роста, полный человек. В лице его, почти сплошь заросшем густой седеющей бородой, приковывали внимание огромные яркие глаза. Он носил желтые шелковые одежды,

деревянные сандалии и, подобно саньяси, никогда не расставался с медным кувшином. Он уже начал лысеть, но на затылке и висках волосы были еще густые и длинные, и Кришнодоял закладывал их в узел на макушке.

В прежние времена, живя на западе, он водил дружбу с солдатами-европейцами, так же, как они, ел мясо и с удовольствием пил вино. Тогда Кришнодоял считал мужественным поступком оскорбить первого встречного священнослужителя или вишнунта-саньяси. Не то было теперь. Теперь он стал ревностным последователем религиозного учения правоверных. Он готов был учиться у каждого саньяси в надежде постигнуть новые пути, которые приблизили бы его к богу, ибо страстное желание Кришнодояла-бабу найти простейший способ спасения поистине не знало границ, так же как и его стремление овладеть таинственными магическими силами. Последнее время он усердно изучал тантры, и потому неожиданная встреча с буддийским священником особенно взволновала его.

Кришнодоялу-бабу было двадцать три года, когда от родов умерла его первая жена. Считая сына причиной смерти жены, он не захотел даже взглянуть на новорожденного и отдал его тестю, а сам, чувствуя отвращение ко всему земному, уехал на запад в Бенарес, где через полгода женился на Анондомойи — внучке известного пандита. Ему удалось устроиться на государственную службу, и он уехал в провинцию, оставив жену на попечение деда. Всякими правдами и неправдами он сумел завоевать благосклонность своих хозяев. Тем временем дед Анондомойи умер, и, так как она была сирота, Кришнодоялу пришлось взять жену к себе.

Во время сипайского восстания он помог скрыться двум высокопоставленным англичанам, за что был представлен к награде и получил в дар поместье. Вскоре после того, как восстание было подавлено, он оставил службу, и вместе с новорожденным Горой вернулся в Бенарес. Горе не было еще и пяти лет, когда Кришнодоял переехал в Калькутту, забрал к себе старшего сына Мохима, воспитывавшегося в доме деда, и занялся его образованием.

Благодаря связям отца Мохим устроился на службу в государственное казначейство, где — как мы уже слышали — с большим рвением исполнял свои служебные обязанности.

Гора с детских лет был вожаком своих сверстников: сначала соседей, а потом товарищей по школе. Любимым его занятием и забавой было портить жизнь учителям. Став постарше, он с подъемом декламировал в студенческом клубе патриотические стихотворения «Кто хочет жить в неволе?» и «Там, где живут двести миллионов», выступал с речами на английском языке, возглавлял отряды юных революционеров. Едва успев вылупиться из яйца студенческих собраний, он уже начал кудахтать на собраниях взрослых, и это, надо сказать, очень забавляло Кришнодояла-бабу.

Постепенно Гора завоевывал все большую популярность, однако дома к нему по-прежнему серьезно никто не относился. Мохим как государственный служащий считал своим долгом всячески издеваться над братом. Он называл его не иначе, как «Ура-патриот» или «Хориш Мукхерджи Второй», и дело у них нередко доходило чуть не до драки.

Ненависть Горы ко всему английскому очень тревожила Анондомайи, которая всеми силами старалась охладить его пыл, но безуспешно. Сын ее, казалось, только тогда и считал день прожитым не зря, когда ему удавалось затеять на улице ссору с англичанином.

Покоренный красноречием Кешюба-бабу, Гора начал увлекаться учением «Брахмо Самадж», и Кришнодоял, который приблизительно в это же время вдруг ударился в жесточайший пуризм, уже стал с неудовольствием по-смаживать, когда Гора переступал порог его комнаты. Кришнодоял отделил для себя часть дома и над дверью, которая вела туда, прибил доску с надписью: «Прибежище веры».

Все это возмущало Гору до глубины души. Он заявил, что глупые выходки отца противны ему, что он не собирается терпеть такого поведения, и едва не рассорился окончательно с Кришнодоялом. Анондомайи с трудом удалось помирить их.

К Кришнодоялу-бабу приходило много пандитов, и Гора при всяком удобном случае ввязывался с ними в спор. Впрочем, вряд ли можно было назвать это спором, потому что Гора высказывал свои мнения безапелляционно и с оскорбительной резкостью. Знания у большинства этих людей были весьма ограничены, а жадность к деньгам — бескрайна. Справиться с Горой они не могли и боялись его, как огня. Только один из них, Хорочондро Бидебагиш сумел завоевать уважение молодого человека.

Кришнодоял пригласил Бидебагиша как знатока и толкователя веданты. Сначала Гора обошелся с ним так же высокомерно, как со всеми другими, но Бидебагиш скоро покорила его. Бидебагиш был не только прекрасно образованным человеком, он обладал к тому же и очень широким кругозором. Гора никогда не предполагал, чтобы у человека, который умел читать только санскритские книги, мог быть столь пронизательный и светлый ум. Кроме того, Бидебагиш отличался такой снисходительностью и спокойствием, таким неизменным терпением и серьезностью, что Гора невольно становился сдержаннее в его присутствии. Под руководством Бидебагиша он начал знакомиться с философией веданты, а так как он не умел ничего делать наполовину, то скоро с головой ушел в ее изучение.

Как раз в это время один английский миссионер поместил в газете статью, в которой нападал на верования и общинные отношения индуистов и приглашал начать с ним полемику. Гору эта статья привела в ярость. Неважно, что сам он, вызывая гнев своих противников, при всяком удобном случае резко критиковал шастры и обычаи индуистов, — с издевательством иностранца над индуистской общиной примириться он не мог. Миссионер задел его за живое.

И Гора принял вызов. Он не согласился ни с одним из выдвинутых англичанином положений. Между ними разгорелся спор, который продолжался до тех пор, пока редактор газеты не объявил, что прекращает полемику.

Но Гора уже вошел в азарт. Он начал работать над книгой «Индуизм» на английском языке, подкрепляя свои выводы аргументами и цитатами из шастр; в ней он

старался доказать неоспоримое превосходство религии и общинного устройства индуизма над другими религиями и общинами.

Результат этой полемики был тот, что Гора постепенно переубедил самого себя. Теперь он говорил:

— Мы не должны позволять иноземцам судить нашу страну по своим законам. Мы должны иметь свои моральные стандарты и перестать оглядываться на иностранцев. Ни перед собой, ни перед другими не должны мы стыдиться обычаев, законов и веры страны, в которой родились. Мы должны поднять на щит все индийское и с гордостью нести его. Только так сможем мы защитить собственное достоинство и достоинство своей страны.

Гора начал совершать ритуальные омовения в Ганге, молиться в установленные часы, отрастил тики, стал очень строг в вопросах одежды и еды. Каждое утро он брал прах от ног родителей и при виде Мохима, которого прежде не стеснясь называл хамом и снобом, каждый раз почтительно вставал. Мохим не упускал случая поиздеваться над ним в ответ, но Гора все сносил молча.

Личный пример и статьи, которые писал Гора, сделали свое дело — молодежь стала группироваться вокруг него. Новое учение, казалось, предлагало им выход, освобождало от трудной внутренней борьбы и тяжелых раздумий.

— Теперь нам все равно, что о нас скажут. Какая разница — хорошие мы или плохие, цивилизованные или дикие, — говорили они со вздохом облегчения. — Мы хотим лишь одного — знать, что мы остаемся сами собой.

Однако, как ни странно, внезапная перемена в Горе не слишком-то обрадовала Кришнодояла. Напротив, однажды он даже позвал его к себе и сказал:

— Знаешь, сын мой, законы индуизма — вещь очень серьезная. Не каждому дано постичь всю глубину учения, созданного святыми. А если не понимаешь его полностью, то лучше не шутить с ним. Ты ведь еще молод, и ты воспитывался на английских книгах. Твое увлечение «Брахмо Самаджем» было естественным, и я не только не сердился на тебя за это, а напротив, радовался. Но тот путь, на который ты вступил теперь, — не для тебя.

— Что ты говоришь, отец? — протестовал Гора. — Ведь я индуист! Пусть я не могу охватить всю глубину учения сейчас, пройдет немного времени, и я пойму его. И если даже я никогда не смогу постичь индуизм до конца, все равно я должен идти этим путем. Ведь то, что я родился на этот раз в семье брахмана, — награда за добрые дела, совершенные в одном из прежних моих воплощений. Ведь каждое новое мое рождение в лоне индуистской религии и индуистской общины приближает меня к конечной цели и в конце концов приведет к ней. Если же я вдруг сойду с правильного пути, мне придется потратить слишком много сил, чтобы вернуться обратно.

Но Кришнодоял только качал головой.

— Нет, сын мой, назвать себя индуистом еще не значит стать им. Легко стать мусульманином, всякий может быть христианином, но индуист — это совсем-совсем другое.

— Все это так. Но раз уж я родился индуистом, возможность стать им была дана мне, и, неотступно исполняя все требования религии, в конце концов чего-то я все-таки достигну.

— Я знаю, сын мой, что для того, чтобы убедить тебя, мало одних слов. По-своему ты, конечно, прав. Тот, кто отходит от предопределенной ему свыше религии, рано или поздно все равно вернется в ее лоно. Ничто не сможет помешать ему в этом. Такова воля всевышнего! А мы — мы только орудия его.

Кришнодоял с одинаковой готовностью принимал и карму и власть божью, учение о тождестве с божеством и поклонение божеству, — он не испытывал ни малейшей потребности примирить все эти противоречивые понятия.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Закончив молитву и совершив омовение, Кришнодоял, впервые за долгое время, зашел к Анондомойи. Разостлав на полу принесенную с собой циновку, он сел и сразу выпрямился, стараясь ни к чему не прикасаться, чтобы не осквернить себя.

— Ты вот все стремишься к самоусовершенствованию, а о доме и о семье совсем не думаешь, — начала Анон-домойи. — А я так боюсь за Гору.

— Почему? Чего ты боишься?

— Не знаю, как объяснить тебе, чего я боюсь, но мне кажется, что если он по-прежнему будет всю душу отдавать этому индуизму, то дело кончится плохо — может произойти большое несчастье. Ведь предупреждала я тебя: не возлагай на него священного шнура, но ты заявил, что это просто обряд и никакого значения он не имеет. А теперь что из этого получилось? Не знаю, как и когда ты сможешь положить конец его увлечению.

— Ну конечно, я же во всем и виноват. А кто заставил меня совершить эту ошибку? Это ты ни за что не хотела отдавать его. Правда, в те годы я и сам мало задумывался над вопросами благочестия. Теперь я ни за что не допустил бы этого.

— Что ты там ни говори, — возразила Анон-домойи, — я никогда не соглашусь с тем, что поступила неправильно. Вспомни, чего я голько не делала, чтобы иметь ребенка! Покупала амулеты, молилась день и ночь — и все напрасно. И вот приснился мне раз сон, будто я принесла в храм корзину белых цветов. Смотрю, а в корзине уже не цветы, а ребенок — беленький, сам как лепесток цветка. Словами не выразишь, что я почувствовала в ту минуту! Слезы брызнули из моих глаз, я протянула руки — сейчас возьму его, прижму к груди... и проснулась. А ровно через десять дней господь даровал мне Гору. Разве мыслимо было после всего этого отдать его кому-то? Наверно, когда-то в прошлой жизни я носила его и приняла много мук, потому-то он и был послан мне, чтобы назвать меня матерью. Вспомни, как он появился! Кругом лилась кровь, смерть грозила нам самим, и, когда в полночь прибежала та англичанка, ты отказался приютить ее: побоялся. Но я обманула тебя и спрятала ее в хлеву. В ту же ночь она родила мальчика и умерла. Если бы я не выходила его, разве он остался бы жив. А ты? Ты хотел отдать его священнику. Почему? Почему бы я отдала его священнику? Кто ему этот священник? Разве он спас малютку? Для меня это было чудо, такое же чудо, как если бы я родила его сама. Так знай же, что

я отдам Гору только тому, кто дал мне его. Никому больше!

— Все это я знаю, — сказал Кришнодоял. — Но ведь и ты должна признать, что я никогда не вмешивался в воспитание твоего Горы. А не возложить на него священного шнура, раз уж мы выдали его за нашего сына, я не мог — что бы подумали в общине? Что сделано, то сделано. Мне кажется, теперь нам нужно решить всего лишь два вопроса. По справедливости, все мое состояние должно перейти к Мохиму, поэтому...

— Кому нужно твое состояние? Оставляй все Мохиму, Гора и пайсы не возьмет. Он не мальчик, он хорошо образован и сам может себя прокормить. Зачем ему чужое богатство? Ну, а мне ничего не нужно, только бы Гора был жив и счастлив.

— Я вовсе не собираюсь лишать его всего. Я отдам ему поместье; со временем оно будет приносить до тысячи рупий в год. Гораздо сложнее второй вопрос — его женитьба. Что сделано, того уж не воротить, но я никогда не пойду на то, чтобы женить его на девушке из дома брахмана. Можешь сердиться и обижаться на меня, но этого я не сделаю.

— Ты думаешь, раз уж я не кроплю непрерывно землю водой из Ганги, как ты, то, значит, я ни во что не верю! Почему бы я стала стремиться женить его на дочери брахмана или сердиться, узнав, что это невозможно?

— И это говоришь ты — дочь брахмана!

— Да, я дочь брахмана. И что дальше? Давно прошло то время, когда я гордилась этим. Помнишь, какой шум подняла твоя родня перед свадьбой Мохима из-за того, что я не соблюдаю всех обычаев правоверных. Тогда я даже предпочла отойти в сторонку и ни во что не вмешиваться. Почти все называют меня христианкой, да и кем еще только не называют. А я лишь отвечаю на это: разве христиане не люди? И если вы действительно такой великий, избранный богами народ, то почему же боги допустили, чтобы вы склонились сначала перед патанами, потом перед моголами, и наконец — перед англичанами?

— Ну, это долго рассказывать, — с легким раздражением сказал Кришнодоял, — ты женщина и не поймешь

всего. Однако ты, надеюсь, понимаешь, что поскольку общество существует, приходится и тебе с ним считаться.

— Этот вопрос меня очень мало волнует. Но я знаю, что, вырастив Гору, как своего ребенка, я не могу сейчас начать прикидываться правоверной брахманкой — это будет оскорбительно не только для общества, но и для меня самой. Потому-то я никогда не делала тайны из того, что не соблюдаю обычаев, и спокойно сносила все упреки и злословие окружающих. И все-таки одну тайну я продолжаю хранить, и меня все время преследует страх — не постигнет ли меня за это кара всевышнего. Знаешь что, давай расскажем обо всем Горе. А там — будь что будет...

— Нет, нет, — заволновался Кришнодоял-бабу. — Пока я жив, этого не будет. Будто ты не знаешь Гору. Неизвестно, что он выкинет, если узнает правду! А представляешь, как это примет община. Да разве только община? Еще неизвестно, как будет реагировать на это правительство... Правда, отец его погиб во время восстания и мать тоже умерла, но ведь, когда кончился мятеж, мы должны были сообщить о ребенке властям. Если все это сейчас всплывет наружу, прощай тогда мои религиозные занятия... Нет, нет! Даже представить себе трудно, какие несчастья могут свалиться на нас.

Анондомойи молчала, и немного погодя Кришнодоял снова заговорил:

— Что касается женитьбы Горы, то у меня есть одна мысль. Со мной вместе учился некий Пореш Бхоттачарджо. Он был инспектором школ, затем вышел на пенсию и поселился сейчас в Калькутте. Он убежденный брахмаист. Я слышал, что у него есть дочери. Надо познакомить Гору с Порешем, пусть он начнет бывать у него в доме. Кто знает, может быть, какая-нибудь девушка и приглянется ему, и тогда уж бог любви возьмет дело в свои руки.

— Чтобы Гора пошел в гости к брахмаисту? Миновали те дни...

И в это время раздался громоподобный голос Горы:

— Ма!

Он вошел в комнату, но, увидев Кришнодояла, удивленно остановился. Анондомойи поспешно подошла к нему и ласково спросила:

— Что такое, мой мальчик, в чем дело?

— Да нет, ничего, я потом... — Гора повернулся, намереваясь уйти, но Кришнодоля оставил его:

— Подожди, Гора, мне нужно сказать тебе кое-что. Недавно в Калькутту приехал один мой друг, брахманст, он поселился в Хэдотоле...

— Порещ-бабу?

— Откуда ты его знаешь?

— Биной живет рядом с ними, он мне рассказывал.

— Я хочу, чтобы ты навестил их.

Гора подумал немного и, к удивлению Анондомойи, согласился.

— Хорошо, я зайду к ним завтра, — сказал он. Но затем, подумав еще, добавил: — Хотя нет, завтра я не смогу.

— Почему? — спросил Кришнодоля.

— Завтра я еду в Тривени.

— В Тривени? Это еще зачем?

— Там будет омовение по случаю затмения солнца.

— Я не понимаю, Гора, — вмешалась Анондомойи. — Ну зачем тебе понадобилось ехать для этого в Тривени? Как будто в Калькутте нет Ганги. Ты обязательно должен поступать не так, как все.

Ничего не ответив, Гора вышел из комнаты.

Он решил ехать в Тривени потому, что там собиралось много паломников. Теперь, отбросив прочь свои прежние колебания и предубеждения, он не хотел упустить ни одной возможности побыть вместе с людьми, почувствовать могучие волны жизни своей страны, услышать биение ее сердца. Ему хотелось слиться воедино со своим народом, сказать ему от всего сердца:

— Я принадлежу вам, а вы — мне!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Биной проснулся и увидел, что за ночь небо прояснилось, утро было чистое и сияющее, как улыбка младенца. Только два-три облака, белых и пушистых, медленно, словно в раздумье, плыли в вышине. Биной вышел на веранду. И невольно воспоминания о другом

столь же чудесном солнечном утре нахлынули на него. Он стоял и улыбался, всматриваясь в даль, и вдруг увидел Пореша-бабу, который медленно шел по улице, опираясь на трость и держа за руку Шотиша. Заметив Биноя, Шотиш захлопал в ладоши и закричал:

— Биной-бабу! Биной-бабу!

Поднял голову и Пореш. Биной стремглав бросился вниз по лестнице и едва-едва успел встретить у входа в дом старика и мальчика.

Шотиш схватил Биноя за руку:

— Биной-бабу, вы ведь обещали прийти к нам, почему же до сих пор не пришли?

Биной ласково обнял мальчика за плечи и улыбнулся. Пореш осторожно прислонил трость к столу и уселся в кресло.

— Прямо и не знаю, что бы мы в тот раз делали, если б не вы, — сказал он. — Мы вам очень обязаны.

— Ну что вы. — смутился Биной, — я же ровным счетом ничего не сделал.

— Биной-бабу, а у вас нет собаки? — неожиданно спросил Шотиш.

— Собаки? — удивился Биной. — Нет, собаки у меня нет.

— А почему? Почему вы не заведете себе собаку?

— Да я никогда не задумывался над этим.

— Оказывается, Шотиш уже побывал у вас, — вмешался Пореш. — Воображаю, как он вам надоел своей болтовней. Он ведь может говорить без умолку. Сестра даже дала ему прозвище Бахтиар Хилджи¹.

— Ну, поболтать и я не прочь при случае, — ответил Биной. — Очевидно, тут мы сошлись характерами. Правда, Шотиш-бабу?

Но Шотиша, по-видимому, беспокоило, что прозвище может повредить ему в глазах Биноя, и он воскликнул:

¹ Игра слов: Бахтиар (Боктияр) — болтун (*бенгальск.*), в Афганистане — имя собственное. Бахтиар Хилджи — афганский полководец, завоевавший в 1199—1200 гг. западную часть Бенгалии.

— Так ведь это хорошо! Очень хорошо! Ведь Бахтнар Хилджи — герой! Разве он не завоевал Бенгалию?

— Когда-то завоевал, — улыбнулся Биной. — Сейчас он, правда, не воюет, а только разговаривает. Но он и разговором своим может покорить Бенгалию.

В таком духе беседа продолжалась довольно долго. Пореш-бабу больше слушал и лишь изредка вставлял какое-нибудь замечание, улыбаясь при этом своей доброй, светлой улыбкой. Перед уходом, уже поднимаясь с кресла, он сказал:

— Мы живем в доме номер семьдесят восемь, направо от вашего дома.

— Да он знает, где мы живем! — закричал Шотиш. — Простой раз он проводил меня до самых дверей!

Стыдиться этого не было никакой причины, но Биной смутился, словно его уличили в нехорошем поступке.

— Значит, вы знаете наш дом! В таком случае, если вы когда-нибудь...

— Конечно. Как только... — смущенно залепетал Биной.

— Мы ведь почти соседи, — уже прощаясь, сказал Пореш-бабу. — Но живем в Калькутте, так что не удивительно, что до сих пор не познакомились по-настоящему.

Биной вышел проводить Пореша-бабу и, пока старик с мальчиком не скрылся из вида, стоял у двери и смотрел им вслед. Пореш шел медленно, опираясь на палку, а рядом с ним, без умолку болтая, семенил Шотиш.

Биной думал о том, что еще никогда не встречал такого удивительного человека, как Пореш-бабу. Так и хочется взять прах от его ног! А какой чудесный мальчишка этот Шотиш! Вырастет, будет настоящим мужчиной — умным и честным!

Как бы ни были хороши старик с мальчиком, но всех их положительных качеств едва ли было достаточно, чтобы объяснить этот внезапный прилив чувств любви и уважения. Однако Биной был так восторженно настроен, что ему отнюдь не требовалось длительного знакомства, чтобы наделись их всякими достоинствами.

«Совершенно очевидно, что не пойти к Порешу-бабу после этого будет просто невежливо», — думал Биной.

Но Индия Горы и его последователей грозно предостерегала: «Берегись! Ты не должен входить в этот дом!» На каждом шагу Индия! На каждом шагу запреты! Биной подчинялся им — подчинялся всегда, хотя сомнения нередко закрадывались ему в душу. Однако сегодня его обуял мятежный дух. Воплощением всевозможных запретов — вот чем представилась ему Индия!

Вошел слуга и доложил, что завтрак подан. Было уже за полдень, а Биной еще не совершил утреннего омовения! Но он решительно тряхнул головой:

— Я сейчас ухожу. Не жди меня с завтраком.

Взяв зонт, даже не накинув чадора, он вышел на улицу и направился прямо к дому Горы. Биной знал, что ежедневно, в полдень, Гора уходит работать в «Индусское Патриотическое общество», снимавшее дом на Амхартской улице, — там он писал вдохновляющие письма членам общества, рассеянным по всей Бенгалии, там же собирались его почитатели, ловившие каждое его слово, и верные друзья, готовые поддержать его в любом деле.

Как он и предполагал, Гора уже отправился туда. Биной бегом пробежал через внутренние комнаты и ворвался к Анондомойи. Она только что села завтракать, а Лочмия прислуживала ей и обмахивала ее веером.

— Что случилось, Биной? — удивилась Анондомойи. — Что с тобой?

Юноша сел напротив нее.

— Ма, я страшно голоден, — ответил он. — Покорми меня, пожалуйста.

— Ах, какая досада! — Анондомойи очень расстроилась. — Повар-брахман только что ушел, а ты ведь...

— Ты думаешь, я пришел затем, чтобы есть брахманскую стряпню? Будто у меня у самого нет повара-брахмана? Разрешите мне разделить твой завтрак, ма. Ведь я же знаю, что ничего вкуснее того, что ешь ты, на свете нет. Лочмия, дай мне воды, пожалуйста.

Лочмия принесла стакан воды, и Биной залпом выпил его. Анондомойи взяла чистую тарелку, переложив на нее часть риса со своей тарелки и подала Биною. Юноша накинулся на еду с такой жадностью, будто несколько дней ничего в рот не брал.

Глядя на обрадованное, просветлевшее лицо Анондомойи, Биной почувствовал, что и ему становится легче на душе. Анондомойи взялась за шитье. В соседней комнате готовили катеху, и оттуда доносился аромат индийской акации. Биной растянулся на полу у ног Анондомойи, подперев рукой голову. Он забыл обо всем на свете и привялся радостно болтать с ней о том и о сем, совсем как в былые времена.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Нарушив один запрет, Биной почувствовал, как мятежный дух с новой силой охватывает его. По улице, распрощавшись с Анондомойи, он уже не шел, а летел, как по воздуху. Ему хотелось рассказать каждому встречному, что сегодня он наконец освободился от оков, которые носил так долго.

Он как раз подходил к дому номер семьдесят восемь, когда увидел идущего ему навстречу Пореша-бабу.

— Заходите, Биной-бабу, заходите! Мы будем очень рады, — ласково пригласил он Биноя и ввел молодого человека в гостиную.

В комнате стоял небольшой стол, у стола — диван и плетеное кресло. На одной стене висела цветная гравюра, изображавшая Христа, на другой — фотография Кешоба-бабу; на столе, придавленная тяжелым пресс-папье, лежала пачка газет. В углу комнаты стоял книжный шкаф, верхняя полка его была занята сочинениями Теодора Паркера; на шкафу стоял глобус в чехле.

Биной сел. При мысли о том, что в комнату в любую минуту может войти она, сердце его начало учащенно биться.

— По понедельникам Шучорита дает уроки дочери одного моего приятеля, — сказал Пореш, — ну, а Шотиш сопровождает ее, у них там есть мальчик — его ровесник. Я как раз возвращался домой после того, как проводил их. Задержись я немного, и не встретил бы вас...

Услышав это, Биной почувствовал одновременно и облегчение и разочарование. Но как бы то ни было, разговаривать с Порешем ему стало теперь значительно легче,

Скоро Биной рассказал Порешу-бабу все о себе. Рассказал, что он сирота, что его дядя и тетка живут в деревне, что учился он вместе со своими двоюродными братьями: старший из них стал адвокатом и сейчас работает в районном суде, а младший умер от холеры.

Дядя хочет, чтобы Биной попробовал свои силы на судебском поприще, но сам Биной не прилагает к этому никаких усилий и занимается разными, не приносящими дохода делами.

Прошло около часа; оставаться дольше было невежливо, и Биной поднялся.

— Очень жаль, что я не повидался с моим другом Шотишем, передайте ему, что я приходил.

— Посидите еще немного, и вы их дождетесь. Они должны скоро вернуться.

Но Биной постеснялся воспользоваться этим предложением. Без сомнения, прояви хозяин больше настойчивости, он бы остался, но Пореш был человек сдержанный, уговаривать не любил, и юноше волей-неволей пришлось откланяться.

— Если у вас найдется время, заглядывайте к нам, мы будем очень рады, — сказал ему на прощанье Пореш.

Возвращаться домой Биною не хотелось — делать там ему было нечего. Правда, для газет он писал статьи, поражавшие всех хорошим английским языком, но в последние дни работа не шла ему на ум. Как только он садился за письменный стол, на него нападала рассеянность. Поэтому он без всякой определенной цели медленно побрел в противоположную от своего дома сторону.

Не успел он сделать и нескольких шагов, как услышал детский голос:

— Биной-бабу! Биной-бабу!

Из извозчичьей коляски выглядывал Шотиш и махал ему рукой. В глубине коляски виднелся край сари и белый рукав блузки. Биной не сомневался, кто был этот второй пассажир.

Этикет запрещал ему проявлять повышенный интерес к этому второму пассажиру. Между тем Шотиш уже соскочил на мостовую, подбежал к нему и схватил за руку.

— Пойдемте к нам, Биной-бабу, — сказал он.

— Да я от вас и иду.

— Но ведь меня не было дома! Значит, вы должны вернуться.

Биной перестал сопротивляться, и, вводя пленника в дом, мальчик закричал:

— Отец, я привел Биной-бабу обратно.

Старик, улыбаясь, вышел им навстречу:

— В крепкие руки вы попали, Биной-бабу. Не скоро вырветесь. Шотиш, позови сестру.

Биной вошел в комнату и сел, сердце его взволнованно билось.

— Да вы, я вижу, совсем задохнулись, — проговорил Пореш. — Ну и Шотиш — вот баловник!

Когда Шотиш и его сестра вошли в комнату, Биной прежде всего почувствовал нежный аромат и только потом услышал, как Пореш сказал:

— Радха, к нам пришел Биной-бабу. Ты ведь знакома с ним.

Биной быстро взглянул на нее. Шучорита слегка поклонилась и села в кресло напротив. На этот раз Биной не забыл ответить на ее приветствие.

— Биной-бабу проходил по улице, — сказала девушка. — Ну и, конечно, когда Шотиш увидел его, он не мог усидеть в коляске, прыгнул и уцепился за него. Может быть, вы куда-нибудь спешили? — обратилась она к Биной. — Надеюсь, он не нарушил ваших планов?

Биной никак не ожидал, что Шучорита обратится прямо к нему, он растерялся и забормотал:

— Нет, нет, я никуда не спешил, никаких моих планов он не нарушил.

Шотиш потянул Шучориту за край сари:

— Диди, дай мне ключ. Я покажу Биной-бабу музыкальную шкатулку.

Шучорита рассмеялась:

— Ну, началось. Беда тому, с кем этот болтунишка подружится. Придется и шкатулку слушать, и многое другое вытерпеть! Биной-бабу, я должна предупредить вас, что это просто маленький вымогатель. Сомневаюсь, чтобы вы смогли удовлетворить все его требования.

Биной никак не мог заставить себя отвечать Шучорите в том же непринужденном тоне. Он во что бы то

ни стало хотел скрыть свое смущенье, но все, что ему удалось, это пробормотать бессвязно:

— Нет, что вы... пожалуйста... я... мне это очень нравится.

Получив у сестры ключ, Шотиш принес ящик.

В музыкальной шкатулке под стеклянной крышкой волновалось голубое шелковое море, а по нему плыл игрушечный кораблик. Шотиш завел ключом шкатулку. Заиграла музыка, и в такт ей кораблик начал медленно покачиваться на волнах. Не в силах сдержать восторг, мальчик переводил торжествующий взгляд с кораблика на Биню и обратно.

Так, с помощью Шотиша Бинюй постепенно поборол свою застенчивость. Немного погодя он уже отваживался, разговаривая с Шучоритой, смотреть ей прямо в лицо.

Вдруг ни с того ни с сего Шотиш спросил:

— А вы когда-нибудь приведете к нам своего друга?

Естественно, что после этого Бинюй спросили, кто этот друг. Семья Пореша-бабу недавно приехала в Калькутту и еще не слышала о Горе. Рассказывая о нем, Бинюй воодушевлялся с каждой минутой все больше и больше. Его похвалы Горе, казалось, не знали предела. Он рассказывал о том, как необыкновенно талантлив Гора, какое у него большое сердце и какая твердая воля. Сомнений быть не может, когда-нибудь его назовут одним из самых великих сынов Индии, его слава будет сиять в веках, как лучи полуденного солнца.

— Я уверен в этом, — заявил Бинюй.

Глаза его горели, смущение исчезло. Защищая идеи Горы, он даже осмелился вступить в спор с Порешем-бабу.

— Гора потому так уверенно приемлет в индуизме все от начала до конца, что у него великие цели. Для него в индуизме совершенно все — и малое и великое, все сливается в единой симфонии, едином величественном гимне. А мы не можем смотреть на Индию так, как он, видим ее разорванной на части, подходим к ней с чужеземными мерками и находим тысячи недостатков.

— Так вы, значит, оправдываете и кастовое деление? — спросила Шучорита. Она задала свой вопрос та-

ким тоном, словно не допускала возможности никаких споров на этот счет.

— Я не оправдываю и не отвергаю кастового деления. Спросите меня, признаю ли я целесообразность руки? Я отвечу, смотря для чего. Если вы видите в ней часть тела, она целесообразна. Но, если вы собираетесь летать, она не заменит вам крыла, точно так же, как крыло не заменит вам руки, когда нужно взять что-то.

— Я говорю не об этом, — с горячностью возразила Шучорита. — Я спрашиваю только, признаете ли вы касты?

Если бы его собеседником был кто-то другой, Биной, не колеблясь, ответил бы: «Да, признаю». Но сегодня он не находил в себе нужной твердости. Трудно сказать, была ли причиной тому его природная застенчивость или же просто нежелание углубляться в разговор на эту тему. Но тут на помощь ему пришел Пореш-бабу. Желая остановить опасный спор, он сказал:

— Радха, пойдн позови мать и всех остальных — я хочу познакомить с ними Биноя-бабу.

За Шучоритой вприпрыжку убежал и Шотиш. Вскоре Шучорита вернулась.

— Мать просит тебя и гостя пройти на верхнюю веранду, — сказала она, обращаясь к отцу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

На верхней веранде стоял стол, покрытый белой скатертью, вокруг него — стулья. Вдоль карниза в горшочках пламенели цветы кротона, ярко-зеленая глянцевитая листва умытых дождями сириса и кришночуры закрывала веранду со стороны улицы. Лучи заходящего солнца мягко освещали ее.

На веранде никого не было. Через несколько минут, однако, появился Шотиш с небольшой белой собачонкой, которую звали Кхуде¹, и заставил ее продемонстрировать Биную все свои фокусы. Собака умела подавать лапку, кланяться и даже служить, если ей показывали печенье.

¹ Кхуде (бенгальск.) — маленькая, крошечная.

Восхищение успехами Кхуде Шотиш полностью принимал на свой счет и был очень ими горд. Что же касается самой Кхуде, то ее, по-видимому, гораздо больше интересовало печенье.

Биной рассеянно слушал болтовню Шотиша. Из соседней комнаты доносился звонкий девичий смех и оживленные голоса, к которым иногда присоединялся и мужской голос. Непривычная обстановка волновала Биню, вызывала в его душе умиленную нежность с легкой примесью зависти. До сих пор ему еще нигде и никогда не приходилось слышать такого беззаботного и радостного девичьего смеха. Сейчас он звучал совсем рядом за стеной и все же казался таким бесконечно далеким.

Но вот, в сопровождении трех дочерей и какого-то юноши, на веранде появилась жена Пореша-бабу.

Звали ее Бародашундори. Она была уже немолода, но, по всей видимости, очень следила за собой и любила принарядиться. В молодости Бародашундори жила в деревне, теперь же она старалась наверстать упущенное и не отставать от века. Она носила шуршащие шелковые сари, туфли на высоких каблуках, которые громко постукивали при ходьбе, и старательно подчеркивала свою принадлежность к «Брахмо Самаджу». Потому-то и Радхарани стала называться теперь Шучоритой.

Как-то раз, вернувшись из дальних странствий на родину, свекор Бародашундори послал ей к празднику джамайшошти подарок. Пореша-бабу в то время не было дома — он уезжал по служебным делам, — и Бародашундори решила отослать подарок обратно, полагая этот обычай признаком дурного тона и выражением идолопоклонства. В то же время она считала, что носить чулки и шляпку так же обязательно, как выполнять брахманские ритуалы. Если ей случалось узнать, что в каком-то доме едят, сидя на полу, она приходила в ужас и говорила, что современное общество возвращается назад, к первобытному состоянию.

Старшую дочь Бародашундори звали Лабонне. Это была веселая общительная девушка, любившая поболтать и посплетничать. У нее было круглое лицо, большие глаза и темный цвет кожи. Наряды мало интересовали Лабонне, но мать была тверда, и ей приходилось подчи-

няться. Она терпеть не могла высоких каблуков и все же должна была ходить на них. Также обязательны были белила и румяна, если она собиралась куда-нибудь в гости. Лабонне была довольно полная, а платья мать ей шила такие узкие, что девушка чувствовала себя в них тюком джута, только что вышедшим из-под пресса.

Полную противоположность сестре представляла средняя дочь Бародашундори — Лолита. Она была худощава, значительно выше Лабонне и смуглее ее. Лолита держалась очень независимо, — не отличалась разговорчивостью, хотя при случае была вполне способна сказать колкость или отпустить резкое замечание. Бародашундори в глубине души побаивалась ее и старалась не досаждать дочери чрезмерной опекой.

Младшей дочери, Лилé, еще не исполнилось и десяти лет. Подвижная и задорная, она вечно ссорилась и дралась с Шотишем. Вопрос, кому принадлежит Кхуде, так до сих пор и не был разрешен ими. Сказать правду, если бы они поинтересовались мнением самой Кхуде, то она вряд ли выбрала бы в хозяева кого-нибудь из них, хотя предпочтение, по всей вероятности, отдала бы все же Шотипу. С дрессировкой мальчика Кхуде мирилась легче, чем с бурными ласками девочки.

При появлении Бародашундори Биной встал и поклонился ей.

— Вот молодой человек, в доме которого мы тогда... — начал Пореш-бабу.

— О, вы были так любезны! Мы чрезвычайно обязаны вам! — с жаром воскликнула его жена.

Биной настолько смутился от такого проявления чувств, что не знал, что и ответить.

Его познакомили и с молодым человеком, который вслед за всеми появился на веранде. Его звали Шудхир. Он еще учился в колледже и сейчас готовился к экзаменам на степень бакалавра искусств. Юноша был довольно красив, со светлым цветом лица; небольшие усики украшали его верхнюю губу. Из-за близорукости ему приходилось носить очки. Он производил впечатление человека беспокойного — все время подшучивал над девушками и дразнил их. Девушки притворялись, что сердятся, но было очевидно, что они просто обойтись без него не

могут. Шудхир охотно делал для них всякие покупки и всегда готов был сопровождать их в цирк, в зоологический сад или еще куда-нибудь. Биноя поразила простота в обращении Шудхира с девушками. Сначала он даже был несколько возмущен этим, но постепенно возмущение его улеглось, зато он стал испытывать чувство, похожее на ревность.

— Мне кажется, я видела вас несколько раз в Обществе, — заметила Бародашундори.

Биной почувствовал себя так, словно его уличили в некрасивом поступке, и смущенно пролепетал:

— Да, я иногда хожу слушать проповеди Кешобабабу.

— Вы, конечно, учитесь в колледже? — продолжала допрос Бародашундори.

— Нет, я уже не учусь.

— И до какого курса вы дошли?

— Я выдержал экзамены на степень магистра искусств...

Услышав это, Бародашундори прониклась должным уважением к своему юному собеседнику. Она тяжело вздохнула и посмотрела на Пореша:

— Если бы наш Мону был жив, он тоже получил бы степень магистра...

Ее старший сын, Моноронджон, умер, когда ему было десять лет, и с тех пор, всякий раз, как она слышала, что какой-нибудь юноша с честью выдержал трудный экзамен, или получил хорошее место, или написал хорошую книгу, или, наконец, сделал еще что-нибудь похвальное, ей начинало казаться, что, будь ее Мону жив, он, конечно, добился бы того же.

Но его не было с ней, и теперь главной своей задачей Бародашундори полагала демонстрацию современному обществу достоинств своих дочерей. Она обратила особое внимание Биноя на то, что ее дочери весьма прилежны и получили хорошее образование. Не скрыла она от него и мнения гувернантки-англичанки, очень высоко ставившей их ум и способности.

Биной узнал также, что, когда в школу на торжественный акт вручения премий приехали губернатор с супругой, Лабонне была избрана из числа всех девочек, чтобы при-

ветствовать их и преподнести цветы. Удостоился он услышать в передаче Бародашундори и те лестные замечания, которые сделала жена губернатора, обращаясь к девочке.

— Покажи нам вышивку, за которую ты получила приз, — закончила Бародашундори, обращаясь к Лабонне.

Вышитый шелком попугай был хорошо знаком всем родственникам и друзьям Бародашундори. Работу эту Лабонне закончила с большим трудом, потратив на нее уйму времени, да она никогда и не закончила бы ее, если бы не гувернантка, принимавшая во всем этом самое активное участие. Тем не менее церемония демонстрации попугая новым знакомым соблюдалась свято. Пореш пробовал было возражать, но, убедившись, что протесты его ни к чему не ведут, смирился.

Пока Биной ахал над попугаем и восхищался талавтами Лабонне, в комнату вошел слуга и подал Порешу письмо.

Пореш прочитал письмо, и лицо его просияло от удовольствия.

— Проси господина сюда, — сказал он слуге.

— Кто это? — заинтересовалась Бародашундори.

— Мой друг детства, Кришнодоял, прислал своего сына познакомиться с нами.

Сердце Биной вдруг замерло, и он побледнел. В следующее мгновение, однако, он сжал кулаки и выпрямился, словно ожидая нападения. Он был уверен, что Горе не понравится непринужденная атмосфера, царившая в этом доме, и он с предубеждением отнесется к семье Пореша-бабу,

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Расставив на подносе тарелочки со всякими сладостями, Шучорита передала поднос слуге, а сама поднялась наверх и вышла на веранду. В этот момент с противоположной стороны в дверях появился Гора. Его богатырский рост и белизна кожи невольно поразили всех присутствующих.

Знак касты, поставленный глиной из Ганги, красовался на лбу Горы. На нем было дхоти из грубой материи,

рубашка с тесемками вместо пуговиц и широкий чадор, на ногах — деревенские туфли с загнутыми кверху носками. Всем своим видом Гора как бы бросал вызов современности. Биной никогда еще не видел приятеля в таком воинственном облики.

Возмущение и бурное негодование против существующих порядков действительно кипели сегодня в душе Горы. И этому была своя причина.

Накануне утром он отправился на пароходе в Тривени, где по случаю затмения солнца должно было состояться массовое омовение. На каждой остановке на пароход садились все новые и новые группы паломников, главным образом женщины. Они лезли вперед, отпихивали друг друга, толкались. Началась давка, сходили были узкие, мокрые и скользкие, и несколько женщин свалилось в воду, а нескольких туда же нарочно столкнули матросы. В общей суматохе многие потеряли своих спутников. К тому же шел проливной дождь, и палуба, на которой расположились паломницы, была сплошь покрыта липкой грязью. Женщины промокли и устали. Глаза их выражали тревогу, мольбу и испуг. Они прекрасно понимали, что слабые, жалкие существа, подобные им, не могут рассчитывать на помощь со стороны капитана или матросов. С затравленным видом озирались они по сторонам и, казалось, боялись пошевелиться. Один только Гора старался, насколько мог, облегчить их положение.

Наверху, на палубе первого класса, стояли, облокотившись о перила, англичанин и бенгалец в европейском костюме. Они курили сигары, смеялись и шутили, словно перед ними разыгрывали забавную комедию. Если какая-нибудь из паломниц падала в воду или просто растягивалась на палубе, англичанин начинал хохотать, а бенгалец тотчас же вторил ему.

Так они проплыли часть пути. Наконец Гора не выдержал. Поднявшись наверх, он крикнул:

— Замолчите! Что у вас, стыда нет?

Англичанин молча смерил его надменным взглядом, бенгалец же решил затеять с Горой спор.

— Стыд?! — воскликнул он. — Конечно, есть. Мне очень стыдно смотреть на этих безморзлых животных,

Гора задохнулся от ярости.

— Животные — это те, у кого нет сердца, — с пылающим лицом заявил он.

— Убирайся отсюда прочь. Здесь тебе не место! — вскипел бенгалец. — Это первый класс.

— Ты прав, мое место не с такими, как ты, мое место с ними. Но предупреждаю, — грозно сказал Гора, — лучше не заставляй меня снова подниматься сюда.

С этими словами, тяжело дыша, он повернулся и ушел. Англичанин сел в шезлонг, положил ноги на перила и погрузился в чтение романа. Его спутник, бенгалец, сделал несколько попыток возобновить разговор, но — безуспешно. Тогда, желая подчеркнуть, что его нельзя смешивать с этими жалкими простолюдниками, бенгалец подозвал слугу и попросил подать ему жареного дыпленка.

— В буфете есть только хлеб, масло и чай, — ответил слуга.

— Просто возмутительно — никакой заботы о пассажирах! — сказал по-английски бенгалец, обращаясь к своему спутнику.

Англичанин промолчал. В это время со стола упала газета, и бенгалец, вскочив с шезлонга, поднял ее, однако и тут англичанин не проронил ни слова и даже не поблагодарил его.

Когда пароход прибыл в Чандернагар, англичанин подошел к Горе и, приподняв шляпу, проговорил:

— Я очень сожалею о своём поведении, надеюсь, вы меня извините, — и быстро ушел.

Мысль о том, что интеллигентный бенгалец мог вместе с иностранцем высокомерно посмеиваться над своими несчастными соотечественниками, раскаленным железом жгла мозг Горы. Его до глубины души возмущало, что простой народ покорно терпит оскорбительное обращение и издевательства более удачливых своих соотечественников, что в своей забитости люди дошли до того, что считают такое обращение естественным и неизбежным. Гора знал, что истинной причиной этого является глубокое невежество его народа, и это причиняло ему нестерпимую боль. Но еще более его задевало поведение людей обра-

зованных, которые делали вид, что их не касается весь позор, вся оскорбительность такого положения, и даже слегка гордились своей относительной неприкосновенностью.

Гора хотел показать, как презирает он книжную премудрость и рабское подражание условностям, — с этой целью он и явился сегодня в дом брахмаиста с кастовым знаком из глины Ганги на лбу и в деревенских туфлях.

Биной понял, что сегодняшней костюм Горы означает вызов. При одной мысли о том, что может выкинуть Гора, сердце его испуганно сжалось, но он тут же взял себя в руки и приготовился к обороне.

Пока Бародашундори занимала разговором Биной, Шотиш, предоставленный самому себе, забавлялся тем, что пускал волчок в углу веранды. Однако, увидев Гору, он забыл про игрушку, медленно подошел к Биною и, не сведя глаз с нового гостя, прошептал Биною на ухо:

— Это что, ваш друг?

— Да, — ответил Биной.

Встретившись взглядом с Биноем, Гора сделал вид, что не узнал его. Почтительно поздоровавшись с Порешем, он без малейшего смущения придвинул себе стул и сел подальше от стола в стороне от всех. Что касается Бародашундори и девушек, то он вел себя так, словно не замечал их присутствия.

Неприятно пораженная такой невоспитанностью гостя, Бародашундори решила увести дочерей, но Пореш остановил ее:

— Это Гоурмохои, сын моего старого друга Кришнодояла.

Гора повернулся к пей и наклонил голову. Хотя Шучорита и слышала о Горе от Биной, она не сразу поняла, что этот гость и есть его друг. С первого же взгляда она почувствовала к Горе острую неприязнь — не в обычаях и характере Шучориты было мириться с проявлением индуистского фанатизма среди европейски образованных людей.

Пореш стал расспрашивать Гору о друге своего детства Кришнодояле, а попутно и сам вспоминал разные случаи из их студенческой жизни.

— Мы тогда были неразлучны — два самых отчаянных еретика во всем колледже. Ничего не признавали — обедали в ресторанах, считали своим долгом есть пищу, приготовленную неправоверными. По вечерам часто отправлялись к Голдихи отведать мусульманской кухни и сидели там до полуночи, рассуждая о том, как перестроить индуистскую общину.

— А каких взглядов придерживается ваш отец теперь? — поинтересовалась Бародашундори.

— Теперь он стал правоверным индуистом, — ответил Гора.

— И ему не стыдно?! — Бародашундори вспыхнула от негодования.

— Стыд — признак слабости, — усмехнулся Гора. — Есть люди, которые стыдятся даже своих отцов.

— Но ведь прежде он был брахмаистом? — продолжала Барода.

— Я тоже когда-то был им, — ответил Гора.

— А теперь вы поклоняетесь идолу?

— У меня нет оснований отвергать конкретное. На смешками нельзя умалить его значения. А в тайну его до сих пор не смог проникнуть никто.

— Но ведь конкретная форма имеет границы, — мягко возразил Пореш.

— Если бы она этих границ не имела, вы бы не увидели ее. Бесконечное нуждается в конкретном воплощении, чтобы стать видимым для всех. Мы не можем судить о том, чего не видим. Подобно тому, как мысль облекается в слова, бесконечное проявляется в законченных формах.

Бародашундори покачала головой:

— Вы считаете, что конечное более совершенно, чем бесконечное?

— Какое значение может иметь то, что считаю я, — ответил Гора. — Существование конечного не зависит от моей воли. Если бы мы могли представить себе бесконечное, отпала бы необходимость в конечном.

Шучорите очень хотелось, чтобы кто-нибудь поставил на место этого зазнавшегося молодого человека и разбил его в споре. Молчание Биноя раздражало ее. Резкость Горы, его самоуверенный тон будили в ее душе желание

не менее резко ответить ему. Но в это время слуга принес кипяток, и Шучорита занялась приготовлением чая. Биной изредка, украдкой, поглядывал на нее.

Хотя Биной придерживался приблизительно тех же взглядов на религию, что и его друг, ему было очень неприятно, что Гора, явившись незванным в дом брахманиста, держится так вызывающе и неприязненно. Его восхищали спокойствие и выдержка Пореша, его благожелательность и беспристрастность, особенно в сравнении с враждебностью Горы.

«Так ли уж важно, каких взглядов придерживается человек, — думал юноша, — самое главное — это душевный покой и уверенность в себе. Не все ли равно, кто одержит верх в споре? Для человека имеет значение лишь та истина, к которой он пришел сам».

У Пореша была привычка закрывать вдруг во время разговора глаза, словно он хотел углубиться в себя и собраться с мыслями.

«Какое пленительное спокойствие выражают в такие минуты его черты, кажется, будто он черпает из неведомого источника истинную мудрость», — думал Биной. Ему было больно, что Гора, по всей видимости, не испытывает должного почтения к этому достойному человеку и не сдержан в разговоре с ним.

Разливая чай, Шучорита вопросительно взглянула на Пореша. Она не знала, кому из гостей можно предложить его. Барода повернулась к Горе:

— Вы, вероятно, чая не пьете?

— Нет, — твердо ответил Гора.

— Почему? Боитесь нарушить законы касты?

— Да.

— Следовательно, вы признаете кастовое деление?

— Не я его создал, какое же право имею я признавать его или не признавать? А раз я считаю себя членом индуистской общины, то, значит, должен признавать и ее правила.

— И вы безусловно подчиняетесь всем требованиям общины?

— Отказываясь подчиняться общине, мы тем самым разрушаем ее,

— Что же произойдет, если она будет разрушена?

— Вы с таким же успехом могли бы спросить, что произойдет, если подрубить сук, на котором сидишь?

С трудом сдерживая раздражение, Шучорита проговорила:

— Ма, к чему этот бесполезный разговор? Оставьте его! Он все равно не станет есть с нами.

Взгляд острых глаз Горы задержался на мгновение на девушке. Шучорита повернулась к Биною и неуверенно спросила:

— А вы?..

Биной никогда в жизни не пил чая. Он давно уже перестал есть хлеб и печенье из мусульманских булочных, но сегодня он чувствовал себя не вправе отказаться от того, что ему предлагали. Он заставил себя прямо взглянуть в лицо Шучорите и сказал:

— Спасибо! Я выпью, — и посмотрел на приятеля. Гора усмехнулся.

Чай показался Биною горьким, но он выпил всю чашку.

«Какой славный этот Биной», — подумала Бародашундори. Она отвернулась от Горы и сосредоточила все свое внимание на Биное. Заметив это, Пореш осторожно придвинул свое кресло поближе к Горе и заговорил с ним вполголоса.

В этот момент на улице послышались громкие выкрики продавца сладостей: «Жареные орехи, жареные орехи!» Лила радостно захлопала в ладоши. Но не успела она крикнуть: «Шудхир, позови его!» — как Шотиш уже бросился к перилам.

Тем временем на веранде появился еще один гость. Все называли его Пану-бабу, хотя настоящее его имя было Харанчондро Наг. В «Брахмо Самадже» он пользовался репутацией очень умного и высокообразованного человека.

Все в семье были уверены, что Пану-бабу собирается жениться на Шучорите, хотя ничего определенного между ними еще не было сказано. Сомнений быть не могло — Шучорита очень нравилась Пану-бабу, и сестры и подруги частенько поддразнивали девушку.

Пану-бабу преподавал в школе. По понятиям Бародашундори, школьный учитель отнюдь не был завидной партией, и она не скрывала, что, воспылай он нежными чувствами к какой-нибудь из ее собственных дочерей, она была бы этим весьма недовольна. Будущие мужья ее дочерей должны были быть по меньшей мере подающими надежды помощниками судьи.

Когда Шучорита подала Харану чашку чаю, Лабонне, сидевшая поодаль, хихикнула, прикрыв рот рукой. От внимания Биноя это не ускользнуло. У него вообще проявилась вдруг незаурядная способность подмечать все, что делается вокруг, и быстро делать из этого свои выводы, хотя прежде он вовсе не отличался повышенной наблюдательностью.

Ему показалось величайшей несправедливостью, что Харан и Шудхир давно знакомы с этими девушками, что они близки этой семье и даже стали здесь предметом шуток и тайных намеков.

Появление Харана несколько ободрило Шучориту. Она надеялась, что теперь-то уж высокомерие Горы будет сломлено. Обычно словоохотливость Харана сильно раздражала ее, но сейчас она радостно приветствовала появление этого витии и с удовольствием подкрепляла его силы чаем и печеньем.

— Пану-бабу, позвольте познакомить вас... — начал Пореш.

— О, мы знакомы. Когда-то он был рьяным членом «Брахмо Самаджа».

И, не обращая больше внимания на Гору, Харан занялся чаем.

В то время из Англии на родину только что возвратилась первая группа юношей-бенгальцев, сдавших экзамены для поступления на государственную службу, и Шудхир рассказывал о приеме, который оказали одному из них.

— Как бы хорошо ни выдержали бенгальцы экзамены, толку от них все равно не будет, — заметил Харан.

И, чтобы доказать неспособность бенгальцев быть хорошими администраторами, он начал распространяться о недостатках и слабостях, присущих всем бенгальцам.

Гора побагровел. Стараясь насколько возможно контролировать свой голос, он сказал:

— Если это, действительно, ваше мнение, не понимаю, как вы можете спокойно сидеть за столом и пить чай.

Харан удивленно поднял брови:

— А что прикажете делать?

— Бороться с этими недостатками, искоренять их или уж... кончить жизнь самоубийством. Заявить, что твой народ ни на что не способен и ничего никогда не добьется!.. Да как у вас кусок не застрянет в горле?!

— Не вижу, почему я не могу сказать правду?

— Извините меня, но если бы вы искренне считали, что это так, вы никогда не могли бы говорить об этом с таким хладнокровием. В душе вы сознаете, что это неправда, так чего же не порассуждать на досуге! Но знайте, Харан-бабу: ложь — грех, клевета — еще больший грех, но нет греха страшнее, чем клевета на свой народ.

Харан дрожал от ярости.

— Вы, значит, ставите себя выше всех остальных? — продолжал Гора. — Считаете, что только вам дано право метать громы против своего народа, а мы все обязаны покорно выслушивать ваши обвинения, памятуя, что так завещано нам от предков?

Прекратить спор — значило признать свое поражение. Смириться с этим Харан не мог, и он начал со все возрастающим жаром доказывать никчемность бенгальцев. Он перечислил все дурные обычаи, господствующие в бенгальском обществе, и добавил:

— Пока с этим не будет покончено, народу рассчитывать не на что.

— Вы просто повторяете слова англичан, а сами знаете об этих обычаях только понаслышке, — презрительно сказал Гора. — Вот если бы вы так же горячо возмущались дурными обычаями англичан, тогда, конечно, вы имели бы право говорить...

Пореш попытался было переменить тему, но разъяренный Харан не унимался.

Солнце зашло, но в просветах туч на западе еще виднелось небо, пылавшее великолепными красками. И, не-

смотря на словесную бурю, бушевавшую вокруг, в душе Биной звучала чудесная музыка.

Наступил час вечерней молитвы, и Пореш, оставив гостей, спустился в сад и сел на скамеечку под большим деревом.

Гора очень не понравился Бародашундори, но и Харан вызывал в ней не больше симпатии. Устав слушать их пререкания, она поднялась с кресла и обратилась к Биною:

— Пойдемте, посидим в гостиной, Биной-бабу.

Биною ничего не оставалось, как принять любезное приглашение Бародашундори и покинуть вслед за ней веранду. Дочерей Бародашундори тоже позвала с собой, а Шотиш, сообразив, что конца спору не предвидится, исчез еще раньше, прихватив с собой Кхуде и орехи, купленные у уличного разносчика.

Бародашундори решила воспользоваться случаем познакомиться Биной с талантами своих дочерей.

— Покажи Биною-бабу свой альбом, дорогая, — сказала она Лабонне.

Девушка уже привыкла, что новым знакомым обязательно демонстрируют ее альбом, и давно ждала этой просьбы. По правде сказать, затнувшийся спор вызывал у нее легкую досаду.

Когда Биной раскрыл альбом, его взору представились стихи Мура и Лонгфелло, переписанные по-английски ровным, четким, изящным почерком. Названия стихов и заглавные буквы украшали всевозможные виньетки и завитушки.

Биной был немало поражен и восхищен. В те дни немногие девушки могли похвастаться умением так красиво и правильно писать по-английски. Довольная впечатлением, произведенным на Биною, Барода повернулась к средней дочери:

— Ну, а теперь послушаем, как декламирует Лолита.

— Нет, ма, пожалуйста, не надо... Я все забыла... — Девушка отошла к окну и стала смотреть на улицу.

Бародашундори шепотом пояснила Биною, что Лолита прекрасно все помнит, но что она очень застенчива и не любит выставлять напоказ свои знания. С ранних лет она такая, продолжала Бародашундори и в доказательство

привела несколько случаев, свидетельствующих о необычайной одаренности Лолиты. Она добавила, что Лолита очень мужественна, слез от нее не дождешься — даже в детстве она никогда не плакала от ушибов — и вообще характером и умом пошла в отца.

Наступила очередь Лилы. Ее попросили прочесть стихотворение. Сначала она было застеснялась, но потом одним духом, без всякого выражения отбарбашила:

Twinkle, twinkle little star...¹

Зная, что следующим номером в программе значится пение, Лолита вышла из комнаты.

На веранде между тем спор достиг апогея. Разозленный Харан от доводов перешел к прямым оскорблениям, и Шучорита, которую возмутило такое неумение владеть собой, решительно встала на сторону Горы, что, конечно, мало способствовало охлаждению пыла Харана-бабу.

Мрак за окном сгущался все больше и больше. Небо покрылось грозowymi тучами. Гортанные крики торговцев гирляндами из арабского жасмина доносились с улицы. В пышной зелени деревьев засветились огоньки светлячков, и густая черная тень легла на соседний водоем.

Заключив вечернюю молитву, Пореш поднялся на веранду. При виде его Гора и Харан слегка смутились. Гора встал:

— Уже поздно, я должен идти.

Попрощавшись с Бародашупдори и ее дочерьми, Биной вышел на веранду.

— Приходи к нам, когда захочешь, — говорил Пореш Горе. — Кришнодоял был мне близок, как брат. Сейчас мы с ним разошлись в убеждениях. Мы не видимся и не пишем друг другу, но дружба юных лет не забывается — воспоминание о ней делает и тебя близким и дорогим мне. Да благословит тебя всевышний!

Ласковый, спокойный голос Пореша отрезвляюще подействовал на Гору. И если его первый поклон был

¹ «Мерцай, мерцай, маленькая звезда...» (англ.)

почтителен только внешне, то сейчас он склонился перед стариком с искренним уважением. На Шучориту Гора и не взглянул — показать ей, что он заметил ее присутствие, было, по его понятиям, чрезвычайно невежливым. Биной низко поклонился Порешу, сложив ладони, попросился с Шучоритой и, словно устыдившись своего поступка, поспешил вслед за Горой.

Желая избежать церемонии прощания, Харан промел в гостиную и принялся перелистывать лежавший на столе сборник ведических гимнов. Однако лишь только Гора и Биной ушли, он сейчас же вернулся на веранду.

— Мне кажется, — сказал он, обращаясь к Порешу, — что вряд ли следует знакомить девушек со всеми, кто приходит к вам.

Гнев охватил Шучориту; не в силах сдержать его, она воскликнула:

— Но ведь если бы отец придерживался такого мнения, мы не познакомились бы и с вами!

— Я не имел в виду людей, принадлежащих к одному с вами Обществу, — возразил Харан.

— Вы хотите, — улыбнулся Пореш, — снова запереть женщин на их половине, ограничить их свободное общение пределами нашего Общества? Нет, я не согласен. Я считаю, что девушки должны встречаться с людьми самых различных взглядов, иначе у них никогда не будет широкого кругозора. Не понимаю, к чему такая разборчивость.

— Я вовсе не протестую против того, чтобы они встречались с людьми других взглядов, — ответил Харан. — Но ведь эти двое даже вести себя как следует не умеют в присутствии дам.

— Нет, нет, вы не правы, — возразил Пореш, — это вовсе не недостаток воспитания, а обыкновенная застенчивость, и они никогда от нее не избавятся, если не будут встречаться с девушками.

— Знайте, Пану-бабу, — резко вставила Шучорита, — что сегодня мне было стыдно за поведение человека нашего Общества!

Но в это время с криком «диди, диди!» вбежала Лила, схватила Шучориту за руку и утащила ее в комнату.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

У Харана в тот день была особая причина стремиться выйти победителем из спора. Тем самым он хотел поднять свой престиж в глазах Шучориты. Сначала Шучорита тоже хотела этого. Но все пошло не так, как она думала. Хотя Шучорита и не разделяла взглядов Горы на религию и обычаи общества, но она не меньше его любила родину и страдала за свой народ. Обычно она никогда не вступала в разговоры, касающиеся общих проблем Индии, но на этот раз, когда Гора, возмущенный оскорбительными замечаниями Харана в адрес своих соотечественников, гневно обрушился на него, в ее душе поднялась горячая волна сочувствия Горе. Еще никто и никогда не говорил при ней о своей стране с такой страстью, с такой непоколебимой верой в нее.

Ей приходилось и раньше слышать недовольное бряжание некоторых своих соотечественников по поводу своей страны и своего народа. Никто из них не верил в него искренне и не любил его глубоко. Однако это не мешало им произносить на собраниях громкие речи и читать патриотические стихи. Гора же вовсе не отвергал слабостей и недостатков своего народа, но он чувствовал его здоровый дух и испытывал к нему огромное уважение. В Горе жила такая неистребимая вера в дремлющие силы народа, что его страстные выступления в защиту отечества каждый раз убеждали колеблющихся. Рядом с этой беспредельной, чистой любовью пренебрежительные высказывания Харана казались Шучорите просто оскорбительными. Время от времени, преодолев смущение, она горячо возражала ему.

Вот потому-то, когда после ухода Горы и Биноя Харан возобновил свои злобные нападки и обвинил молодых людей в невоспитанности и грубости, возмущенная Шучорита снова не могла не заступиться за них.

Отсюда еще не следовало, что неприязненные чувства, которые возбудил в ней Гора, окончательно исчезли. Ее корбило при воспоминании об утрированном деревенском наряде, в котором он явился к ним. И в то же время внутренне она понимала, что, подчеркивая таким образом свою ортодоксальность, он просто бросает всем

вызов, что в его поведении не было простоты искреннего убеждения, что сомнения продолжают обуревать его — и что выставил он свое правоверие напоказ из чувства протеста, потому что был зол и хотел уязвить других.

О чем бы Шучорита ни разговаривала в тот вечер, что бы ни делала, где-то в уголке сердца она все время ощущала гложущую боль. Чтобы извлечь занозу, нужно точно знать место, где она находится; и вот, чтобы найти это место и избавиться от мучившей ее занозы, Шучорита и решила уединиться на веранде.

Она надеялась, что прохлада и темнота успокоят непрошенное волнение, но непонятная тяжесть в груди не проходила, ей хотелось плакать, а слез не было.

Что же заставило страдать Шучориту? Появление незнакомого юноши с тилаком на лбу? То, что доводы этого юноши остались непровергнутыми, или то, что сомненья его так и не удалось сломить? Трудно было представить себе что-нибудь более нелепое. И вдруг Шучорита залилась краской стыда: действительная причина вдруг открылась ей. Добрых три часа сидела она напротив этого юноши, даже вмешивалась в спор, поддерживала его, а он не только не обратил на нее никакого внимания, но, даже прощаясь, сделал вид, что не видит ее. Сомнений быть не могло: именно это полнейшее пренебрежение с его стороны и уязвило ее так больно.

Поведение Горы нельзя было объяснить замешательством, вызванным непривычкой к женскому обществу. В этом случае в нем чувствовались бы те же робость и неуверенность, что и в Биное, а этого отнюдь не было.

Почему же все-таки Шучорита так остро воспринимала холодное безразличие Горы, почему она не могла с презрением выбросить мысль о нем из головы? Ей было мучительно стыдно, что она не сумела сдержаться и вмешивалась в разговор. Правда, один раз, когда в ответ на особенно возмущившее ее замечание Харана она высказалась с большой горячностью, Гора посмотрел на нее. В его взгляде не было и тени робости, но что именно выражал этот взгляд, сказать она не могла. Может быть, он подумал: где стыд у этой девушки и как она сама на-

деяния, если осмеливается вмешиваться в разговор мужчин!

Ну и пусть! И тем не менее тяжелое чувство не оставляло Шучориту. Она старалась не думать об этом вечере, вычеркнуть его из памяти и — не могла... В ней поднималось негодование. Она заставляла себя с пренебрежением думать об этом дерзком фанатике, но перед ее мысленным взором неотступно стояла гигантская фигура Горы, она видела его уверенные бесстрашные глаза, слышала сильный голос, и проникнуться презрением к нему ей никак не удавалось.

Шучорита привыкла быть центром внимания, привыкла к тому, что ее любят, ею восхищаются. Но она вовсе не добивалась этого и спокойно относилась к похвалам окружающих. Почему же тогда ее так больно ранило непоколебимое равнодушие Горы? После долгих раздумий она наконец решила, что единственной причиной ее негодования было неосуществившееся желание видеть Гору разбитым в споре с Хараном.

Пока она, терзаясь своими думами, сидела на веранде, наступила ночь. В доме погасли огни — все легли спать. Шелкнул замок парадной двери — это слуга запер ее на ночь перед тем, как пойти спать самому. В этот момент на веранде появилась Лолита в одной сорочке. Не говоря ни слова, она прошла мимо сестры в угол веранды и остановилась у перил. Шучорита улыбнулась про себя, она поняла — Лолита обижена на нее: она обещала лечь спать сегодня в ее комнате и совсем забыла об этом. А Лолита не прощала забывчивости в отношении себя. С ее точки зрения, это был тяжкий грех. Однако она не собиралась и напоминать о данном ей обещании.

Она решила лечь в постель и виду не подавать, что чем-то расстроена. Но время шло, а обида все острее и острее мучила ее и, наконец, не в силах дольше терпеть, Лолита встала и вышла на веранду, чтобы показать Шучорите, что она еще не спит.

Шучорита поднялась со стула, медленно подошла к Лолите и, обняв ее за плечи, проговорила:

— Лолита, дорогая, не сердись на меня.

— Сердиться? — Лолита сбросила руку Шучориты. — Я не сержусь. Зачем мне сердиться. Сиди, пожалуйста,

— Пойдем, — Шучорита потянула ее за руки. — Пойдем спать.

Но Лолита не двигалась с места, и в конце концов Шучорите пришлось почти насильно увести ее в комнату.

Только тут наконец Лолита спросила дрогнувшим голосом:

— Почему ты так долго не шла? Уже пробило одиннадцать, а я все ждала тебя. Ведь теперь ты сразу заснешь, и мы так и не поболтаем.

Шучорита прижала Лолиту к груди.

— Извини меня, дорогая, — сказала она.

Виновная раскаялась, и гнев Лолиты моментально испарился.

— О ком ты думала, пока сидела там? — мягко спросила она. — Неужели о Пану-бабу?

— Ну что ты! — отмахнулась от нее Шучорита.

Лолита не выносила Пану-бабу. В отличие от других сестер, она даже никогда не дразнила им Шучориту. При одной мысли о том, что он хочет жениться на Шучорите, она приходила в бешенство.

Помолчав немного, Лолита проговорила:

— А вот Биной-бабу очень славный. Правда, диди?

Есть основание предполагать, что за этим невинным вопросом крылось желание выяснить истинные мысли Шучориты.

— Ты права, Биной-бабу просто удивительно славный человек.

Это было сказано, однако, совсем не тем тоном, на который рассчитывала Лолита, и она продолжала свой допрос:

— Но что бы ты ни говорила, диди, Гоурмохон-бабу совершенно невыносим. И цвет лица у него ужасный, и черты такие грубые. И потом он, по-моему, кроме себя, никого не признает. А ты как считаешь?

— На мой взгляд, он чересчур правоверен.

— Нет, нет, тут не только это! Ведь вот дядя тоже индуист, а он совсем другой. Этот же — я даже не могу сказать, какой он.

— Действительно, какой? — засмеялась Шучорита.

Она представила себе высокий белый лоб Горы с нарисованным на нем знаком касты, и снова в душе ее под-

нялось раздражение. Она понимала, что всем своим видом он как бы бросал им вызов, говорил: «Знайте, я не с вами». Нет, она успокоится, лишь ниспровергнув эту отчаянную гордыню.

Постепенно разговор их стал затихать, и девушки уснули. Глубокой ночью Шучорита проснулась. Шел проливной дождь. Через полог от москитов было видно, как вспыхивают в небе яркие молнии. Ночник, стоявший в углу, погас. Тишина, мрак, ливень — все это снова вызвало боль в сердце Шучориты. Она долго ворочалась с боку на бок, тщетно силясь заснуть, и с завистью посматривала на ровно дышавшую Лолиту. Наконец, рассердившись, встала с постели, подошла к двери, выходящей на веранду, и открыла ее. Порывы ветра обдавали ее дождевыми каплями. В памяти возникали картинки вчерашнего вечера. Она вдруг отчетливо увидела веранду, освещенную лучами заходящего солнца, и Гору с пылающим от гнева лицом, снова услышала его глубокий голос, который повторял: «Для вас они невежды, а для меня — мой народ, для вас это суеверие, а для меня — вера. Раз уж вы не любите своего народа, раз уж вы далеки от него, так не смейте и порицать его». На это Пану-бабу возразил: «Но ведь такая точка зрения исключает всякую возможность прогресса». — «Прогресса? Прогресс придет позже. Взаимная любовь и уважение куда важнее, чем прогресс. Перемены к лучшему придут сами собой, изнутри, после того как мы станем единым народом. Вы хотите держаться в сторонке и не понимаете, что тем самым разбиваете страну на тысячи кусков. Неужели же потому, что наша страна погрязла в суевериях, вы — люди свободомыслящие — имеете право смотреть на нее с холодным высокомерием? Я же... поверьте, у меня нет более страстного желания, чем желание всегда быть вместе со своим народом, не отделяться от него, даже ради того, чтобы подняться выше. Вот когда мы, наконец, действительно сольемся воедино, сама страна и всевышний решат, какие из наших обычаев сохранятся и какие исчезнут». — «Но ведь у нас слишком много как раз таких обычаев, которые мешают стране объединиться», — отстаивал свою точку зрения Пану-бабу. «Так вы считаете, что сначала нужно искоренить все дурные обычаи, а уж потом

объединяться? Но ведь это все равно, что утверждать, будто нужно вычерпать море, для того чтобы потом перейти его, — возражал Гора. — Забудьте о гордости, смиритесь внутренне, соедините свою судьбу с судьбой парода, — только любовь поможет вам преодолеть все недостатки и пороки. В любой стране есть свои недостатки и свои пороки, но пока узы любви связывают людей, они им не страшны: рано или поздно эти пороки будут побеждены. Ферменты гниения всегда присутствуют в воздухе, однако, пока человек жив, никакого действия на него оказать они не могут: разлагаются лишь мертвые тела. Так запомните же: попыток изменить наше общество мы не допустим ни от вас, ни со стороны иностранных миссионеров». — «Но почему?» — спросил тогда Пану-бабу. «Да потому же, почему мы покорно выслушиваем суровые наставления родителей и считаем унижительным для своего достоинства, когда с такими же наставлениями к нам обращается полицейский. Прежде сблизьтесь с народом, а потом уж приходите реформировать его — в противном случае даже хороший ваш совет может повредить ему».

Так фраза за фразой всплывал в памяти Шучориты весь этот разговор, и, неизвестно почему, прежняя боль все сильнее сжимала ей сердце. Под утро, вконец измученная, она снова улеглась в постель, прикрыла рукой глаза, стараясь забыться и уснуть. Но лицо и уши ее горели, противоречивые мысли продолжали бурлить в усталом мозгу.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Когда Биной и Гора вышли на улицу, Биной попросил: — Знаешь что, Гора, — иди помедленней. Ты вон какой длинноногий — мне за тобой не угнаться.

— Сейчас я хочу побыть один, мне нужно о многом подумать, — ответил Гора и быстро зашагал дальше.

Биной расстроился. Сегодня, вопреки своему обыкновению, он восстал против Горы, и теперь ему было бы легче, если бы Гора как следует отругал его за это. Буря разогнала бы тяжелые тучи, нависшие над их давней дружбой, освежила бы воздух, и он снова вздохнул бы полной грудью.

Однако это была не единственная причина, заставлявшая его страдать. Неожиданно появившись сегодня в доме Пореша-бабу, Гора застал там Биноя, который, по всей видимости, чувствовал себя легко и непринужденно, и, без сомнения, решил, что его друг — завсегдашней здесь. Ничего дурного в том, что Гора застал его в доме Пореша-бабу, конечно, не было. Биной считал для себя счастьем и большой удачей близкое знакомство с таким просвещенным семейством и недовольство Горы относил за счет его слепого фанатизма. Беспокоило его другое. От Биной Гора знал, что тот никогда не был у Пореша-бабу. Встретив его там, — и особенно после того, как Бародашундори позвала Биноя в комнаты, чтобы похвастаться талантами своих дочерей, что, конечно, не укрылось от пронизательных глаз Горы, — он, конечно, сделал свои выводы и пришел к заключению, что Биной лгал ему. И радость, которую принесло Биною знакомство с юными девушками, и благосклонное отношение к нему Бародашундори невольно омрачались тем, что Гора был явно настроен враждебно ко всей этой семье.

До этого дня ничто не мешало их дружбе. Разве только когда Гора увлекся учением «Брахмо Самадж», они немного — очень немного — отдалились друг от друга. Но это увлечение Горы быстро миновало. Для Биной же, как мы уже говорили, идеи имели второстепенное значение. Как бы горячо ни отстаивал он свои взгляды, понастоящему интересовали и привлекали его только люди. И вот теперь он боялся, что люди как раз и могут стать причиной его душевного разлада. С одной стороны, его неодолимо влекли теплота и радушие, царившие в доме Пореша-бабу. Ему никогда не приходилось ощущать такой радости бытия, как та, которую он пережил, находясь в гостях у них. Но с другой стороны, дружба с Горой была неотделимой частью его существования. Биной не мыслил своей жизни без дружбы с ним. До сих пор никому еще не удавалось овладеть сердцем Биной так прочно, как владел им Гора. До сих пор вся жизнь Биной проходила в чтении и философских спорах, в ссорах с Горой и в дружеских беседах с ним. В его сердце Гора царствовал безраздельно.

Что же касается Горы, то хотя у него и не было недостатка в почитателях, но единственным его другом был Биной. В характере Горы была одна странная особенность — он был в одно и то же время и очень общительным, и очень замкнутым человеком. По-настоящему близко он не сходил с почти ни с кем из людей своего круга. Биной знал это, и сейчас, чувствуя, что новые знакомые произвели на него глубокое впечатление и что его неудержимо тянет познакомиться с ними еще ближе, он испытывал чувство вины перед Горой.

Биной сознавал, каким ничтожным должно было казаться Горы материнское тщеславие Бародашундори, демонстрировавшей Биною английские стихи, переписанные ее дочерьми, и их рукоделия. Действительно, все это было достаточно смешно, и радость, которую мать испытывала оттого, что ее дочери немного знают английский язык, что гувернантка-англичанка хвалила их, что они удостоились внимания жены губернатора, вызывала лишь жалость к пей. И несмотря на то, что Биной понимал все это, он не мог презирать ее так, как Гора. Ему все нравилось в этом доме. Например, когда Лабонне — красавица Лабонне — с гордостью показывала ему переписанные ею стихи Мура, Биной и сам почувствовал прилив гордости. Бародашундори была очень далека от идеала современной женщины, хоть и прилагала все усилия, чтобы шагнуть в ногу с веком. Но Биною, который прекрасно видел всю тщетность ее потуг, Бародашундори нравилась. Его умиляли ее ничем не прикрытое тщеславие и претенциозность. Кому-нибудь дом, наполненный радостным девичьим смехом, где разливали чай, украшали вышивками стены, наслаждаясь в то же время чтением английских стихов, мог показаться совсем обыкновенным, но для Биноя он был удивительным. Никогда за всю его сознательную жизнь ничто не приносило ему большей радости, чем милый уют в семье Пореша. Он рисовал в своем воображении бесчисленные заманчивые картины, главными героинями которых были сами девушки с их нарядами и украшениями, с их шутками и забавами. Перед мальчиком, за чтением и теоретическими спорами не заметившим, как он вступил в юность, обыкновенный дом Пореша раскрылся новым и удивительным миром.

Биной признавал, что негодование Горы было вполне обоснованным. Впервые за все годы их дружбы между ними произошла действительно серьезная размолвка. И сейчас, идя домой унылой дождливой ночью, под небом, затянутым грозовыми тучами, прислушиваясь к редким раскатам грома, Биной ощущал на сердце страшную тяжесть. Ему казалось, что жизнь его вышла из привычной колеи и устремилась в каком-то новом направлении. Во мраке этой ночи их пути разошлись. Гора пошел одной дорогой, а он, Биной — другой.

Угроза разрыва усиливает любовь. Сейчас, когда дружбе Биной и Горы был нанесен первый серьезный удар, Биной понял, как крепко привязан он к Горе, как горячо любит его.

Биной пришел домой. Мрак, окутавший его жилище, показался ему особенно непроглядным, а безлюдный дом особенно пустым, и он совсем было собрался тотчас же пойти к Горе, но решил, что сегодня им будет трудно понять друг друга, и улегся спать.

Встав утром, Биной почувствовал себя легко и свободно. Вчерашние сомнения и тревоги показались ему совершенно беспочвенными. Почему, собственно, он решил, что дружба с Горой и знакомство с семьей Пореша несовместимы? Он даже улыбнулся при воспоминании о том, что пережил и передумал за ночь. Накинув на плечи плащ, Биной вышел из дому и быстро зашагал к Горе.

Гора в это время сидел внизу и читал газету. Из окна он видел, как Биной шел по улице, но, когда тот вошел в комнату, он даже не поднял глаз. Биной подошел к другу и, не говоря ни слова, взял у него из рук газету.

— Ты, видимо, путаешь меня с кем-то другим, — заметил Гора холодно, — ведь я — Гоурмохон, индуст, у которого тьма всяких предрассудков.

— Нет, это ты путаешь меня с кем-то, я — Биной, человек с не меньшим количеством предрассудков, — друг этого самого Гоурмохона.

— Беда в том, что Гоурмохон неисправим: он не считает нужным извиняться перед кем бы то ни было за свои предрассудки.

— И Биной точно такой же. Только он избегает навязывать кому бы то ни было свои предрассудки.

Слово за слово, между друзьями завязался горячий спор, и соседям не потребовалось много времени, чтобы понять, что это встретились Гора с Биноем.

— Почему, когда я спросил тебя в прошлый раз, ты сказал, что никогда не был у Пореша-бабу?

— Потому что я никогда прежде и не бывал там. Вчера я первый раз переступил их порог.

— Что-то мне сдается, что ты, как Абхиманью — туда переступить порог сумеешь, а вот обратно вряд ли.

— Может быть. Такой уж у меня характер. Мне не легко расставаться с теми, кого я полюбил и к кому испытываю уважение. Тебе ведь должна быть знакома эта черта моего характера?

— Значит, ты собираешься продолжать свои посещения?

— Почему только я? Ты ведь не каменный, тоже можешь двигаться.

— Я могу пойти, но я вернусь, — сказал Гора, — а вот по некоторым признакам мне кажется, что ты предпочтешь остаться там навсегда. Кстати, как понравился тебе чай?

— Горьковат.

— Так зачем же...

— Если бы я отказался, горький осадок остался бы у кого-то еще.

— По-твоему, значит, в отношениях между людьми самое главное вежливость?

— Не всегда. Только, видишь ли, Гора, когда законы общества приходят в столкновение с велениями сердца...

Взбешенный Гора не дал Биною договорить.

— Сердца?! — прогремел он. — Ты не считаешься с обществом, поэтому его законы и вступают на каждом шагу в столкновение с твоим сердцем. Если бы ты сознавал, какие тяжелые последствия влечет за собой любой удар, нанесенный обществу, ты постыдился бы говорить о своем сердце. Тебе неприятна мысль, что ты можешь как-то обидеть дочерей Пореша, а мне больно при мысли, что из-за всякого пустяка ты, не задумываясь, готов оскорбить целое общество.

— Ну, знаешь, Гора, — запротестовал Биною. — Если общество видит оскорбление в том, что кто-то из его чле-

нов выпьет чашку чаю, это уж слишком. Оберегать страну от подобных оскорблений — значит ослаблять ее и делать неспособной к сопротивлению.

— Все эти доводы, милый мой, мне хорошо известны, — ответил Гора. — Я ведь не окончательный дурак. Но в данном случае они неуместны. Когда больной ребенок отказывается принимать лекарство, мать сама пьет его — хочет утешить дитя мыслью, что оба они страдают одинаково. Ее толкает на это любовь к ребенку. А когда этой любви нет, никакие доводы — пусть самые разумные — не убедят ребенка, потому что он не будет чувствовать внутренней связи с матерью. Чашка чаю — срунда. Меня глубоко оскорбляет то, что ты так легко смотришь на свои обязанности по отношению к обществу. Не пить чая и огорчить дочерей Пореша-бабу — это еще не самое большое горе. Самое важное для нас теперь — духовно сблизиться со своим народом, а тогда будет очень просто решить вопрос — пить или не пить чай.

— Похоже на то, что мне долго придется ждать второй чашки.

— Не вижу, почему бы ждать этого пришлось долго, — ответил Гора. — Знаешь, Биной, я не понимаю, почему ты так настойчиво цепляешься за меня. По-моему, пришло время тебе покончить с нашей дружбой, а заодно и со всеми обычаями индуистской общины, которые тебя раздражают. Иначе ты можешь обидеть дочерей Пореша.

В эту минуту в комнату вошел Обинаш. Это был верный последователь Горы, слепо веривший каждому его слову. Беда только, что мысли Горы преломлялись в его ограниченном умишке, и, рассказывая о них всем и каждому, он умудрялся опозлать их до неузнаваемости. И тем не менее многие люди, не понимавшие Гору, отлично понимали Обинаша и не скупилась на похвалы его выступлениям.

Обинаш сильно ревновал Гору к Биною. При каждом удобном случае он старался втянуть Биною в спор. Доводы Обинаша были настолько бессмысленны, что Биной начинал злиться и обрывал его. Но тут на сцену выходил Гора, что давало возможность Обинашу кичиться впоследствии тем, что Гора проповедует его идеи.

Чувствуя, что с приходом Обинаша шансы на примирение временно потеряны, Биной пошел наверх к Анон-

домой, которая сидела перед открытой дверью кладовки и чистила овощи.

— Я давно уже слышу твой голос. Что это ты сегодня так рано? Ты успел поесть перед уходом из дома? — спросила она его.

В другое время Биной, конечно, ответил бы: «Нет, не успел», — и с удовольствием позавтракал бы, тут же, усевшись на пол напротив нее. Но сейчас он сказал:

— Спасибо, ма, я не буду есть.

Биной не хотел давать Горе новых поводов для неудовольствия. Он сознавал, что друг еще не простил его окончательно, что натянутость в их отношениях до сих пор существует, и эта мысль по-настоящему угнетала его. Он молча вынул из кармана нож и стал помогать Анондо-мойи чистить картофель.

Минут через пятнадцать он снова спустился вниз и обнаружил, что Гора и Обинаш куда-то ушли. Он посидел немного в комнате Горы, почитал газету, рассеянно просмотрел объявления, наконец тяжело вздохнул, поднялся и пошел домой.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

После завтрака Биной снова потянуло к Горе. Он никогда не считал бы унижительным для себя извиниться перед другом, сознавая свою вину. Но тут дело было вовсе не в его гордости. Он не мог допустить поругания их дружбы. Он чувствовал, правда, что, вспыхвав вдруг симпатией к Порешу, он проявил известную нелояльность к Горе. Биной ждал, что Гора высмеет его, может быть, отчитает, и этим все кончится. Но он не допускал и мысли, чтобы Гора мог оттолкнуть его. Он вышел на улицу и направился к дому Горы, но, не доходя нескольких шагов, повернул обратно: он боялся увидеть Гору, боялся, что дружба их снова может подвергнуться тяжелому испытанию.

Вернувшись домой, Биной решил написать другу письмо. Он уселся за стол, но письмо подвигалось туго, и, полагая, что виной тому загнувшийся внутрь кончик пера, он принялся старательно выправлять его. Но тут он

услышал, что кто-то зовет его снизу, и, положив перо, поспешно спустился вниз.

— Проходите, Мохим-дада, сюда, наверх, — пригласил он гостя.

Войдя в комнату, Мохим непринужденно расселся на постели Биной и внимательно осмотрелся по сторонам.

— Вот что, Биной, — сказал он. — Если я до сих пор не заходил к тебе, то это не потому, что меня не интересовало взглянуть, как ты живешь, и не потому, что не знал твоего адреса. Беда в том, что вы, нынешние молодые люди, чересчур уж примерны — не дождешься, чтобы вы предложили гостю выкурить трубку или пожевать пана. Если бы не из ряда вон выходящее обстоятельство, я бы никогда...

Увидев, что Биной стал с беспокойством оглядываться по сторонам, он добавил:

— Ты, кажется, хочешь бежать покупать мне трубку? Умоляю тебя, не делай этого. Я как-нибудь переживу, если мне не придется некоторое время покурить, но предложить мне новую трубку, да еще бог знает как набитую, было бы с твоей стороны непростительной ошибкой.

Мохим взял лежавший на кровати веер и стал обмахиваться.

— Есть серьезная причина, почему я пожертвовал своим послеобеденным сном в воскресенье и пришел к тебе, — продолжал он. — Ты должен оказать мне одну услугу.

— Какую?

— Сперва обещай сделать то, о чем я тебя попрошу, тогда скажу.

— Если я смогу, я, конечно...

— Только ты один и можешь это сделать. Я ничего от тебя не требую, скажи только «да».

— Почему вы не хотите сказать прямо? Вы же прекрасно знаете — я для вас свой человек, и если в моих силах помочь вам, я никогда не откажу.

Мохим достал из кармана пакетик с паном, предложил немного Биной, остальное отправил себе в рот и продолжал:

— Ты знаешь мою Шошимукхи. Она очень недурна собой. К счастью, не в отца пошла. Ей скоро исполнится

десять, пора позаботиться о женихе. Я иногда ночей не сплю, все одолевают мысли — боюсь, не досталась бы она какому-нибудь негодяю.

— Почему это вас так беспокоит? Ведь впереди еще много времени.

— Была бы у тебя дочь, понял бы почему, — со вздохом ответил Мохим. — Годы идут, а жених сам собой не появится. Вот я и тревожусь с каждым днем все больше и больше. Но если ты подашь мне надежду, я могу и подождать.

Биной растерялся.

— Но ведь я же никого не знаю, — пробормотал он. — Кроме вас, у меня в Калькутте, собственно, и знакомых нет. Но я постараюсь, разузнаю...

— Ты ведь хорошо знаешь Шошимукхи?

— Ну конечно! Еще бы! — рассмеялся Биной. — Прекрасная девочка!

— Так чего там разузнавать. Бери ее.

— Что вы! Что вы! — испугался Биной.

— Извини, если я поступил бестактно. Конечно, ваш род знатнее, но, право же, в наше время это не может служить препятствием для человека образованного.

— Ну что вы, тут вопрос вовсе не в том, чей род знатнее, просто я хочу сказать... Ведь она еще совсем малютка.

— Э, что ты! Да разве ей мало лет? Индусские девушки не англичанки — им не годится пренебрегать обычаями своего народа.

Не в характере Мохима было легко отпустить свою жертву. Не зная, как вырваться из его когтей, Биной в конце концов попросил:

— Дайте мне немного подумать.

— Да сколько угодно. Не думай, пожалуйста, что я пришел условиться насчет дня свадьбы.

— Я должен поговорить с родными... — начал было Биной.

— А то как же, — прервал его Мохим, — обязательно. Раз твой дядя жив, без его согласия ничего предпринимать нельзя.

Прикончив еще один пакетик папа, Мохим поднялся с таким видом, словно между ними все уже решено, и ушел.

Еще раньше Анопдомойи намекнула как-то Биною на возможность его брака с Шошимукхи, но молодой человек пропустил ее слова мимо ушей. И хотя он и сегодня не усмотрел в этом предложении ничего заманчивого, все же он призадумался. Женившись на Шошимукхи, он станет членом семьи Горы, а оттолкнуть близкого родственника Горе будет не так-то легко. Английский обычай жениться по склонности сердца он считал нелепым, поэтому женитьба на Шошимукхе не представлялась ему чем-то невозможным. И во всяком случае, это был предлог пойти и поговорить с Горой, чему он был очень рад. В глубине души он надеялся, что Гора будет уговаривать его согласиться. Биной не сомневался, что, не получив от него определенного согласия, Мохим обязательно обратится к Горе за поддержкой.

Постепенно мрачное настроение Биноя рассеялось. Решив не откладывать в долгий ящик свиданья с Горой, он поспешно накинул чадор и вышел из дому. Но не успел он пройти и несколько шагов, как услышал сзади себя крик: «Биной-бабу!» — и, оглянувшись, увидел Шотиша.

Вместе с Шотишем он снова вернулся домой. Шотиш достал из кармана узелок и сказал:

— Отгадайте, что это такое?

Биной назвал ряд совершенно невероятных вещей, как, например, «череп», «щенок», и так далее, пока, наконец, возмущенный его недогадливостью Шотиш не развязал узелок и не достал из него несколько оранжевых плодов.

— Может быть, вы хоть теперь скажете мне, что это такое?

Биной выдавил из себя наудачу несколько названий, но в конце концов ему пришлось признаться в своем невежестве, и тогда Шотиш рассказал, что в Рангуне у них живет дядя, который и прислал его матери посылку с этими плодами, и что мать велела Шотишу отнести пять штук в подарок Биною.

В те дни в Калькутте мало кто видел эти бирманские плоды. Повертев манго в руках и пощупав их плотную кожуру, Биной осведомился:

— Шотиш-бабу, а как их есть?

Шотиш рассмеялся:

— Не вздумайте только кусать, их надо сперва очистить.

Незадолго перед тем Шотиш сам тщательно пытался откусить кусочек манго, чем немало насмешил мать и сестер. Сейчас он мог отыграться и с удовольствием подсмеивался над Биноем.

Они посмеялись немного, и затем Шотиш сказал:

— Биной-бабу, ма сказала, чтобы вы пришли к нам, если у вас есть время, — сегодня день рождения Лилы.

— Видишь ли, сегодня, к сожалению, я занят, мне надо идти в другое место.

— Куда?

— К моему другу.

— К тому самому?

— Да.

«К другу может, а к нам нет», — Шотишу показалось это крайне нелогичным, тем более что друг этот ему чрезвычайно не понравился — на вид он был еще более суров, чем директор школы, и, уж конечно, был совершенно неспособен оценить всю прелесть музыкальной шкатулки. Шотишу было неприятно, что Биной может предпочесть общество этого человека, и он решительно заявил:

— Нет, Биной-бабу, вы должны пойти к нам.

Желание пойти к Порешу-бабу боролось в душе Биноя с сознанием долга по отношению к Горе. Он не хотел подвергать новым испытаниям их пошатнувшуюся дружбу, твердо решив поставить ее превыше всего.

Однако понадобилось совсем немного времени, чтобы молодой человек капитулировал. Он взял мальчика за руку и направился к дому номер семьдесят восемь, несмотря на то, что в душе его боролись противоречивые чувства и он понимал, что делать этого не следует. Что там ни говори, а приятно знать, что о тебе помнят, да еще получить в подарок редкие фрукты, присланные из далекой Бирмы.

Уже в дверях они столкнулись с Пану-бабу и еще несколькими незнакомыми людьми, покидавшими дом после торжественного обеда в честь Лилы. Пану-бабу сделал вид, что не заметил Биноя.

В доме слышались громкий смех и беготня: Шудхир утащил у Лабонне ключ от ящика стола, где она хранила свой альбом. Среди стихотворений, которые переписала в него эта юная любительница поэзии, были и такие, которые легко могли стать объектом насмешек, и Шудхир грозил прочитать их вслух собравшимся. Когда Биной вошел в комнату, борьба за обладание альбомом была в самом разгаре. При его появлении Лабонне и все остальные мгновенно разбежались; вслед за всеми бросился и Шотиш, желавший непременно принять участие в веселой игре. Вскоре в комнату вошла Шучорита.

— Ма просит вас подождать немного, она сейчас придет. А отец уехал к Онатхо-бабу. Он тоже скоро вернется.

Чтобы рассеять смущение Биной, она заговорила с ним о Горе.

— Ваш друг, наверное, больше никогда не придет к нам, — с улыбкой сказала она.

— Почему?

— Он, конечно, был неприятно поражен, увидев нас в обществе мужчин. Я уверена, что, по его понятиям, уважения заслуживают лишь те женщины, которые посвящают себя исключительно домашнему хозяйству.

Биной не знал, что ответить. Он и рад был бы протестовать, но как мог он солгать?

— Гора считает, что женщины должны отдавать все свое внимание дому, иначе они не смогут как следует выполнять свои обязанности, — уклончиво сказал он.

— В этом случае, — возразила Шучорита, — женщинам и мужчинам следует вообще строго разграничить свои обязанности. А то как бы не пострадали и дела, которыми заняты мужчины, поскольку какое-то участие в домашней жизни они все-таки принимают. А вы согласны со своим другом?

До сих пор взгляды Биной на место и роль женщины в обществе ничуть не отличались от взглядов Горы. Он даже писал статьи на эту тему. Но трудно было ожидать, чтобы он признался в этом сейчас.

— Вам не кажется, — сказал он, — что в таких делах все мы рабы условностей? Мы не привыкли к женщинам, которых интересует что-то, помимо их прямых обязанностей, и, встретив такую женщину, испытываем обычно

неприятное чувство. А для того, чтобы обосновать это чувство, стараемся убедить себя, что поведение ее неуместно, неприлично. Все дело в традициях, а доводы приводятся по большей части просто так, чтобы оправдать свою точку зрения.

— Наверно, ваш друг строго придерживается всех традиций?

— Это только кажется на первый взгляд. На самом деле он строго следует всем традициям вовсе не потому, что верит в их мудрость и превосходство. Просто он полагает, что неукоснительное соблюдение обычаев может приостановить разрушительный процесс, которому мы подвергаем нашу обществу, презирая все его законы. Он утверждает, что только понимание и знание всех обычаев страны, которые приходят вместе с уважением и любовью к ней, могут положить начало ее оздоровлению — так же, как это бывает с любым живым организмом.

— Но, если вы думаете, что оздоровление может прийти само собой, то почему этого не случилось до сих пор?

— Потому, что мы никогда не видели свою страну в целом, никогда не принимали своего народа целиком. Мы не презираем свой народ, но разве можно сказать, что мы уважаем его? Вернее всего мы его просто не замечаем. Откуда же ему черпать силы? Представьте себе больного, которого долгое время никак не лечили и не обращали на него никакого внимания, а потом вдруг, спохватившись, повезли в больницу, где врач, однако, отнесся к нему крайне равнодушно и, вместо того чтобы начать курс длительного и вдумчивого лечения, в нетерпении предложил целый ряд операций. Тогда как другой врач — мой друг — твердо заявил: «Нет, я не могу пойти на то, чтобы у человека, дорогого мне, бесконечными операциями отняли бы жизнь. Я категорически против какого бы то ни было хирургического вмешательства. Я буду применять стимулирующие средства, чтобы дать ему возможность окрепнуть, и тогда, если понадобится, он выдержит операцию, а может быть, обойдется и без нее». Гора считает самым важным для нас сейчас — глубокое уважение к нашей родине. Без этого мы никогда не пойдем ее как следует,

Р. Тагор с семьей
(1909 г.)

Слева направо: младшая дочь Мира Деби, старший сын Ротхиндронатх Тагор, Рабиндранат Тагор, жена Ротхиндронатха — Протима Деби, старшая дочь Р. Тагора — Мадхурилоа Деби

а, не поняв, можем принести ей вред, какими бы благими ни были наши намерения. Для того, чтобы принести пользу, нужно знать, в чем заключается польза, и для того, чтобы узнать это, надо проявить максимум терпения. А для того, чтобы проявить терпение, нужно искренне любить.

Задавая Биною разные вопросы, вставляя свои замечания, Шучорита умело поддерживала разговор о Горе. А Биной говорил о нем с истинным воодушевлением. Никогда, кажется, речь его не изобиловала такими яркими примерами, никогда она не была так убедительна. Вряд ли даже Гора смог бы так же ярко и образно изложить свои взгляды. Биной и сам был поражен этим неожиданным приливом красноречия и остроумием своих доводов, и лицо его так и сияло от радости.

— Ведь шастры учат, — говорил он, — «познай самого себя». Истина в самопознании. Так поймите же: мой друг Гора — это и есть воплощенное самопознание Индии. Я не могу относиться к нему, как к человеку обыкновенному, заурядному. В то время как все мы распыляем свое внимание и увлекаемся всякими пустяками — мелочами, имеющими прелесть новизны, он один ясно видит перед собой цель и, невзирая ни на что, повторяет зычным голосом древнюю заповедь — «познай самого себя»!

В таком духе разговор мог продолжаться еще очень долго, потому что Шучорита слушала Биноя со жгучим интересом, но неожиданно из соседней комнаты донесся громкий голос Шотиша, декламировавшего:

Не говори в угрюмом раздраженье,
Что наша жизнь — мгновенный сон пустой...

Бедному Шотишу никогда не представлялось случая похвастаться перед знакомыми своими талантами. Нередко гости, изнывая от скуки, покорно слушали английские стишки в исполнении Лилы, но подобных же выступлений Шотиша Бародашундори отнюдь не поощряла, несмотря на то, что дети соперничали буквально во всем. Главной целью жизни Шотиша было взять верх над заносчивой Лилой. Накануне ей удалось блеснуть своим умением перед Биноем, доказать же собственное превосходство Шотиш так и не смог, потому что никто не просил его об этом, а если

бы он рискнул проявить инициативу, его быстро поставили бы на место. Поэтому сегодня он решил продекларировать стихи в соседней комнате, как будто для своего удовольствия. Шучорита не могла сдержать улыбки, поняв его хитрость.

В это время в комнату влетела Лида. Косы так и прыгали у нее за спиной. Она обняла Шучориту и что-то зашептала ей на ухо. Шотиш моментально подскочил к ней и спросил:

— Ну-ка скажи, Лида, что такое «внимание»?

— Знаю, да не скажу.

— Ага, ага! Не знаешь, поэтому и не скажешь.

Биной притянул Шотиша к себе и, улыбаясь, спросил:

— А ты знаешь?

Шотиш гордо поднял голову:

— «Внимание» — значит «прилежание».

— А что такое «прилежание»? — поинтересовалась

Шучорита.

Ну кто, кроме любимой сестры, может поставить человека в такое щекотливое положение! Шотиш сделал вид, что не слышал вопроса, и вприпрыжку выбежал из комнаты.

Отправляясь к Порешу, Биной твердо решил, что останется там недолго и пойдет к Горе. Сейчас, после разговора с Шучоритой, желание увидеться с другом еще более усилилось. Услышав, что часы бьют четыре, он торопливо поднялся с кресла.

— Как, вы уже уходите? — сказала Шучорита. — А ма хочет угостить вас чаем. Посидите еще немного, пожалуйста.

Просьба эта прозвучала для Биной как приказание, и он тотчас же снова сел. В комнату вошла одетая в красивое шелковое платье Лабонне.

— Диди, все уже готово. Ма просит всех наверх, на веранду.

На веранде Биной усадили за стол, и ему пришлось отведать всех яств, приготовленных хозяйкой дома. Затем Бародашундори развлекала его рассказами о характерах и наклонностях своих детей и поведала ему немало случаев из их жизни. Лолита увела Шучориту в комнату. Лабонне же уселась в кресло и, склонив голову, приня-

лась вязать: кто-то сказал ей, что, когда она вяжет, ее изящные пальчики делают удивительно красивые движения. С тех пор, стоило кому-нибудь прийти в гости, и она сразу же бралась за рукоделие, часто безо всякой на то надобности.

Уже стало смеркаться, когда вернулся Пореш, а так как день был воскресный, он предложил поехать в храм послушать проповедь.

— Может быть, и вы поедете с нами? — обратилась Бародашундори к Биною.

Отказаться было невозможно. Разделившись на две группы, все уселись в коляски и отправились в храм. После окончания проповеди, садясь в коляску, чтобы ехать домой, Шучорита вдруг воскликнула:

— Посмотрите, вон идет Гоурмохон-бабу!

Не могло быть никакого сомнения, что Гора видел их, однако он сделал вид, что ничего не заметил, и быстро прошел мимо. Биной был очень сконфужен этим невежливым поступком приятеля, но причину его поспешного исчезновения понял прекрасно. Гора увидел его среди этих людей. Радостное чувство, которое Биной испытывал все это время, мгновенно исчезло. Шучорита прочитала мысли молодого человека и поняла причину внезапной перемены в его настроении. Раздражение против Горы поднялось в ней с новой силой. Ее возмущало, что он может несправедливо судить такого верного друга, как Биной. Еще больше возмущало ее то, что он с такой нетерпимостью и предубеждением относится к брахмаистам. И ей больше, чем прежде, захотелось, чтобы кто-нибудь сумел поставить Гору на место.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Когда в полдень Гора сел обедать, Анондомойи осторожно попыталась коснуться вопроса, который мучил ее сегодня весь день.

— Сегодня утром приходил Биной, — вскользь сказала она. — Ты видел его?

Не поднимая головы от тарелки, Гора ответил:

— Видел.

Довольно долго они молчали. Затем Анондовой спова заговорила:

— Я оставляла его, но он ушел, причем вид у него был ужасно расстроенный.

Гора ничего не ответил.

— Гора, — продолжала она, — я знаю, у него неладно на душе. Я никогда не видела его таким. Меня это очень тревожит.

Гора продолжал молча есть. Анондовой очень любила Гору и, может, именно поэтому в душе побаивалась его: она никогда не докучала ему расспросами, если он сам не желал открыть ей своих мыслей. В другое время она замолчала бы, но тревога за Биную заставила ее продолжать.

— Не сердись на меня, Гора, и выслушай внимательно. Один бог создал людей, но он не всем уготовил одинаковый путь. Бинкой всей душой любит тебя, он готов мириться с любыми твоими выходками и настроениями, но не насилуй его волю, не навязывай ему своих мыслей: ничего хорошего из этого не выйдет.

— Ма, дай мне еще молока, пожалуйста, — не отвечая ей, попросил Гора.

На этом разговор прекратился. Пообедав, Анондовой села на кушетку и занялась шитьем. Лочмии очень хотелось посплетничать о безнравственном поведении одной из служанок, но вовлечь хозяйку в разговор ей не удалось, и она с горя уснула, свернувшись калачиком тут же на полу.

После обеда Гора принялся за свою корреспонденцию. Утром он ясно дал почувствовать Биную, как сердит на него. Гора не допускал и мысли, что Бинкой не придет к ним сегодня же, чтобы помириться с ним. Поэтому, занимаясь своим делом, он все время прислушивался: не раздадутся ли шаги друга.

Но наступил вечер, а Бинкой все не приходил. Гора бросил писать и только собрался встать из-за стола, как в комнату вошел Мохим.

— Ну, Гора, а что ты думаешь о замужестве Шошимукхи? — спросил он, усевшись в кресло.

Так как Гора никогда не задумывался над этим, ему ничего не оставалось делать, как хранить виноватое молчание.

Тут Мохим подробно изложил все, что он знал о состоянии рыночных цен и материальных затруднениях семьи, и предложил Горе найти выход из создавшегося положения. И так как Гора не знал, что и думать по этому вопросу, Мохим помог ему выбраться из тупика, указав, что единственный выход видит в браке Шошимукхи с Биноем. Нужды в таком длинном вступлении, конечно, не было, однако надо признаться, что Мохим, несмотря на свой обычный, снисходительный тон, в душе побаивался Горы, поэтому он предпочел повести беседу издалека.

Гора никогда не думал, что Биноя могут счесть подходящим женихом для его племянницы, тем более что оба друга решили не жениться и посвятить свою жизнь служению родине. Поэтому, выслушав Мохима, он спросил:

— Но захочет ли Биной вообще жениться?

— Вот он, ваш индуизм! — вспыхнул Мохим. — Носи хоть тысячу тики и кастовых знаков, а английский дух вытравить, видно, не так-то легко. Ты что, не знаешь, что по закону сын брахмана обязан жениться?

Мохим не пренебрегал обычаями, как это делали некоторые представители современной молодежи. Нельзя сказать, однако, чтобы он, подобно Горе, строго следовал всем заветам шастр. Он отнюдь не одобрял привычку ходить по ресторанам, но вместе с тем считал совершенно излишним для разумного, здравомыслящего человека то и дело цитировать священные тексты. Однако, твердо придерживаясь правила «в чужой монастырь со своим уставом не суйся», Мохим счел нужным в разговоре с Горой обратиться к шастрам.

Если бы это предложение было сделано несколько дней тому назад, Гора спокойно пропустил бы его мимо ушей, но сегодня он решил, что, может быть, над ним стоит и подумать. По крайней мере благодаря этому у него будет предлог сразу же пойти к Биною. Поэтому после недолгого раздумья он сказал:

— Хорошо, я узнаю, что думает сам Биной по этому поводу.

— И узнавать нечего. Как ты ему посоветуешь, так он и будет думать. Тебе нужно только высказаться за это, и можно считать, что дело выгорело.

В тот же вечер Гора отправился к Биною.

Словно ураган, влетел он к нему, но Биноя дома не оказалось. Гора крикнул слугу и от него узнал, что Биной ушел в дом номер семьдесят восемь. Гора не верил своим ушам: Биной, его друг, из-за которого сегодня весь день он не знал покоя, ушел в гости, даже не вспомнив о нем! Ему безразлично, что с Горой — сердится он или страдает. Биноя это нимало не трогает и не волнует!

Жгучая ненависть к семейству Пореша, к «Брахмо Самаджу» наполнила сердце Горы. Вне себя от ярости он бросился к Порешу. Ему хотелось высказать напрямик этим людям, что он обо всем этом думает, доставить им — а заодно и Биною — несколько неприятных минут.

Но слуга Пореша сказал ему, что дома никого нет — все уехали на проповедь. Мгновение Гора колебался: может быть, Биной не поехал с ними? Может быть, он пошел к нему и сейчас сидит и ждет его?

Гора уже едва владел собой; со свойственной ему порывистостью он зашагал к храму и подошел к нему как раз в тот момент, когда Биной, следом за Бародашундори усаживался в коляску. На глазах у всех бесстыдно ехать в коляске с посторонними женщинами! Безумец! Попасться в ловушку! Так просто! Так легко! Значит, дружба побоку?

Вихрем промчался Гора мимо Биноя, а тот сидел в углу коляски и молча смотрел на улицу.

Бародашундори, решив, что именно проповедь произвела на него столь сильное впечатление, сидела молча, чтобы не вспугнуть его думы.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Вернувшись поздно вечером домой, Гора поднялся на крышу и начал шагать из угла в угол. Он злился на самого себя. Так бессмысленно убить воскресенье! Неужели он родился только затем, чтобы ради привязанности к одному человеку пожертвовать всем своим делом. Нет, пытаться заставить Биноя свернуть с пути, на который он вступил, значит попусту тратить время и душевные силы.

Пусть он уйдет с дороги! В отказе от единственного друга видел Гора теперь истинное служение вере. И он несколько раз с силой рассек рукой воздух, как бы рубя все свои связи с Бином.

В это время на крышу, с трудом переводя дыхание, поднялся Мохим.

— Не понимаю, раз уж у людей нет крыльев, чего ради они строят себе трехэтажные дома? — ворчал он. — Боги все равно не потерпят, чтобы простые смертные подобралась к их владениям на небе. Ты был у Биноя?

Избегая прямого ответа на вопрос, Гора сказал:

— Шошимукхи не выйдет замуж за Биноя.

— Почему? Разве он не согласен?

— Я не согласен.

— Что? — Мохим в отчаянии всплеснул руками. — Это что еще за новости! Ты не согласен! А позвольте узнать, почему?

— Рассчитывать на то, что Биной останется правоверным индуистом, чрезвычайно трудно, поэтому не к чему ему жениться на девушке из нашего дома.

— Ну, знаешь ли! — воскликнул Мохим. — Много фанатиков перевидал я на своем веку, но такого, как ты, пожалуй, никогда не встречал. Куда до тебя праведникам из Бенареса! Они довольствуются тем, что насаждают правоверие. А ты требуешь гарантий еще и на будущие времена. Скоро ты будешь требовать, чтобы человек совершал обряд очищения, если тебе приснится, что он стал христианином.

Они препирались довольно долго, и наконец Мохим заявил:

— Я свою дочь первому встречному мужлану не отдам, так и знай! А люди образованные всегда будут в той или иной степени нарушать шастры. Никуда ты от этого не денешься. Вот ты и спорь с ними, ссорься, издевайся над ними — непонятно только, зачем тебе понадобилось наказывать бедную девчонку, отнимая у нее жениха? Вечно у тебя все не как у людей.

Спустившись вниз, Мохим пошел прямо к Анондомойн.

— Мать, — сказал он, — повлияй на своего Гору.

— Что случилось? — встревожилась та.

— Я договорился с Биноем насчет его женитьбы на Шошимукхи. Гора тоже был согласен, но вдруг ему почудилось, что Биной недостаточно правоверен. У него, видите ли, обнаружались некоторые расхождения во взглядах с Парашарой и Ману! Ну и, конечно, Гора заупрямился. А ты сама знаешь, что это такое, когда он упрется. Пари держу, что, если бы нынешний Джанака обещал Ситу в награду тому, кто сломит упрямство твоего Горы, то тут сплеховал бы сам Рамачандра. Из всех, кто стоит ниже Парашары и Ману, Гора признает только тебя. Стоит тебе сказать свое веское слово, и будущее Шошимукхи обеспечено. Лучшего мужа для нее и желать нечего.

И Мохим передал ей во всех подробностях свой разговор с Горой. Анондомойи не на шутку встревожилась. Она поняла, что размолвка Горы и Биноя грозит перейти в настоящую ссору.

Анондомойи поднялась наверх, но на крыше уже никого не было. Гору она нашла в его комнате. Он читал, сидя в кресле и положив ноги на стул. Анондомойи придвинула кресло поближе и села. Гора тотчас же спустил ноги на пол, выпрямился и внимательно посмотрел на мать.

— Гора, любимый мой, — начала Анондомойи, — послушай меня и не ссорься с Биноем. В моем представлении вы двое — братья. Мысль о том, что пути ваши могут разойтись, очень тяжела мне.

— Но, если мой друг хочет отойти от меня, я не стану зря тратить время и бегать за ним.

— Гора, я не знаю, что произошло между вами, но если ты мог поверить тому, что Биной хочет отойти от тебя, некрепка же, значит, была и твоя дружба.

— Ма, у меня прямой характер, и тот, кто любит сидеть на двух стульях сразу, мне не товарищ. Свой стул я из-под него выдерну, и пусть при этом ушибется он или я сам — мне все равно.

— Да скажи же мне наконец, в чем дело. Неужели вся вина Биноя в том, что он ходит в дом к брахмаисту?

— Это длинная история, ма.

— Пусть будет так, но меня, Гора, ты все же выслушай. Ты похваляешься своей твердостью, уверяешь, что

своего не отдашь никому и никогда. Так почему же ты так легко решил расстаться с Бином? Разве ты отпустил бы так просто Обинаша, если бы он захотел порвать с вами? Или Биной значит для тебя меньше других, потому что он твой друг?

Гора задумался. Слова Анондомойи словно открыли ему глаза. До этого он считал, что приносит дружбу в жертву долгу. А сейчас вдруг понял, что на деле произошло нечто прямо противоположное. Он так сильно мучил Биной именно потому, что тот не хотел подчиниться ему во имя дружбы. Он считал, что узы дружбы обязывали Биной к беспрекословной покорности, и почувствовал себя оскорбленным, потому что Биной восстал против этого.

Анондомойи поняла, что ее слова произвели впечатление, и, не сказав больше ни слова, поднялась с кресла. Неожиданно Гора тоже встал, схватил с вешалки чадор и накинул его на плечи.

— Куда ты? — спросила Анондомойи.

— К Биною.

— Ужин готов; может, сначала поешь?

— Я приведу Биной, и мы поужинаем вместе.

Анондомойи повернулась и пошла к двери, но, услышав чьи-то шаги на лестнице, остановилась.

— А вот и он сам! — воскликнула она.

В комнату вошел Биной. При виде его слезы блеснули в глазах Анондомойи. Ласково положив руку на плечо Биной, она спросила:

— Надеюсь, ты еще не ужинал?

— Нет, ма.

— Тогда тебе придется поужинать с нами.

Биной взглянул на Гору.

— А ты, брат, легок на помине, — сказал тот. — Я ведь только что сказал матери, что иду к тебе.

У Анондомойи отлегло от сердца; быстрыми шагами она пошла по лестнице вниз.

Друзья уселись, но ни у одного из них не хватало смелости начать разговор о том, что действительно волновало обоих. Чтобы не молчать, Гора заговорил о пустяках:

— Знаешь, мы нашли хорошего учителя гимнастики для нашего спортивного клуба. Он прекрасно ведет занятия...

Они продолжали в том же духе, пока их не позвали вниз ужинать.

По разговору приятелей за ужином Анондомойи поняла, что тучи, омрачившие горизонт их дружбы, еще не рассеялись. Поэтому, когда они кончили есть, она обратилась к гостю:

— Вот что, Биной, сейчас уже поздно, оставайся у нас ночевать, а я пошлю кого-нибудь к тебе на квартиру предупредить, что ты не придешь.

Биной вопросительно посмотрел на Гору и улыбнулся:

— Сытый человек подобен царю, и ему не пристало ходить пешком по улицам — посему я остаюсь здесь.

После ужина оба друга снова поднялись на крышу и улеглись на циновках.

Было начало сентября. С неба струился слабый свет луны. Легкие, пушистые облака задумчиво наплывали на луну, мгновенно набрасывали на нее тончайший покров и потом снова медленно уплывали. Со всех сторон теснились крыши — высокие и низкие, просторные и совсем небольшие, они ряд за рядом уходили вдаль и вместе с купами деревьев, поднимавшихся там и тут, образовывали какую-то волшебную панораму, будто сотканную из света и теней.

Часы на церкви пробили одиннадцать; последний раз предложив свой товар, замолкли продавцы льда; утих и шум уличного движения. Лишь слышно было порой, как бьет копытом о деревянный настил лошадь в конюшне соседнего дома, да еще где-то лениво лаяла собака. Долго никто из них не нарушал молчания. Наконец Биной заговорил. Сначала нерешительно, но затем все смелее и смелее высказывал он то, что накопилось у него в душе.

— Я очень много пережил и передумал за эти дни, Гора, — говорил он, — и должен поделиться с тобой своими чувствами и мыслями, хоть и знаю, что тебя этот вопрос интересует мало. Не берусь судить, плохо ли, хорошо ли то, что произошло со мной, знаю одно — я должен разобраться в себе; так просто отмахнуться от всего этого нельзя. Я прочел не одну книгу, посвященную этому чувству, и вообразил, что ничего неизвестного для меня тут быть не может. Знаешь, так же вот люди любят фотографией прекрасного озера и думают, как чудесно

было бы поплавать в нем, а я очутился в воде этого озера и понял, что плавать совсем не так легко.

После этого вступления Биной начал рассказывать Горе обо всем новом и изумительном, что вошло в его жизнь.

Время в его представлении перестало делиться на дни и ночи, уверял он, превратившись в нескончаемую вереницу сладостно томительных часов, оно обволакивало его и медленно увлекало за собой; небо превратилось в чашу, наполненную дивным нектаром, словно пчелиные соты весной, когда их распирает от душистого меда. Взгляд его стал острее, внимательнее, все вокруг обрело вдруг новый смысл и интерес. Он и не подозревал прежде, что так страстно любит окружающий мир, не знал, что так чудесно небо, так удивителен солнечный свет, что даже незнакомые люди, непрерывным потоком движущиеся по улицам, могут казаться такими близкими и понятными. И ему захотелось сделать что-то хорошее для каждого человека, с которым сталкивала его жизнь, захотелось отдать все свои силы служению людям, как отдает все свое тепло миру вечное светило — солнце.

Слушая Биню, трудно было догадаться, что он имеет в виду кого-то определенного. Внутренний такт не позволял ему назвать ту, что пробудила в нем эти чувства, или хотя бы намекнуть, что она существует. Он чувствовал себя виноватым, пачав этот разговор. Он поступил бесцеремонно, непозволительно... Но как можно было противостоять соблазну открыться во всем сидевшему рядом другу, когда ночь так прекрасна и небо так спокойно и величественно ласково.

Как она хороша! Сколько горделивой прелести в строгих линиях ее нежного лба! Каким умом, какой проникновенностью дышат тонкие черты ее лица! А как замечательно сияют глаза, когда в них расцветает улыбка и ясно отражаются вдруг сокровенные мысли, и как старается она притушить их сияние, опустив долу густые длинные ресницы. А руки! Сколько экспрессии в их движениях, им словно хочется как можно скорее осуществить каждый порыв ее нежной души. При ее появлении он каждый раз особенно остро ощущает радость бытия и свою молодость. Ему кажется, что волны счастья, нахлынув

неведомо откуда, заливают его сердце. Как он рад, что на его долю выпало счастье испытать чувства, познать которые дано далеко не всем людям. Кто сказал, что это безумие? Это дурно? Ну, даже если и дурно, — пусть! Слишком поздно говорить об этом сейчас. Если его прибьет течением к берегу, прекрасно. А если течение вынесет его в открытое море или он погрузится на дно — ничего не поделаешь. Все дело в том, что ему вовсе не хочется, чтобы его спасали. Казалось, весь смысл его жизни свелся к тому, чтобы стряхнуть с себя все путы традиций и обычаев.

Гора слушал молча. Сколько раз и раньше сидели они вдвоем на этой самой крыше, когда все кругом спит. О чем только ни говорили они в такие же тихие лунные ночи: о литературе, о человечестве, об общественном благе, о своих планах на будущее, но никогда еще их разговор не касался таких сокровенных тем. Никогда еще Горе не приходилось слышать, чтобы кто-нибудь с такой искренностью говорил о своих переживаниях. Никогда еще не открывались ему такие глубины человеческого сердца. Обычно он немного свысока относился к подобным излияниям, считая их блажью поэтов, но сегодня он был по-настоящему взволнован. Нет, не просто взволнован. Эта бурная вспышка чувств нашла отражение и в его душе, и мгновенный сладостный трепет охватил его. Будто завеса приподнялась вдруг над потаенным уголком сердца Горы, и волшебный луч осенней луны проник в него и развеял мрак, царивший там.

Они не заметили, как луна скрылась за крышами домов, и вместо нее на востоке забрезжил неясный, мягкий, как сонная улыбка, рассвет. Когда наконец Биной освободился от тяжести, лежавшей у него на душе, ему стало немного стыдно. Помолчав, он сказал:

— Тебе, Гора, все это, вероятно, кажется мелким и недостойным внимания. Может быть, ты даже презираешь меня. Но что мне было делать? Я ведь никогда ничего не скрывал от тебя. Вот я и решил излить душу, а уж поймешь ты меня или нет, видно будет.

— Биной, я не стану утверждать, что мне понятны такого рода чувства. Да ты и сам всего лишь два дня назад мало что в них понимал. Не буду отрицать и того,

что эта сторона жизни, несмотря на столь пылкие страсти, всегда казалось мне несколько мелкой. Но я готов допустить, что ошибался и что в действительности эти чувства далеко не так мелки. Может быть, они казались мне такими, потому что сам я еще не познал всей их силы и глубины. И уж во всяком случае, отрицать чувства, которые так остро переживаешь ты, я не могу. Дело тут совсем не в этом. Просто человек должен отдавать всего себя без остатка делу, которому решил посвятить жизнь. Все остальное — пусть важное и нужное — должно отходить на второй план. Потому-то бог и одарил человека способностью по-разному смотреть на разные вещи. Мы должны поставить перед собой цель и безраздельно, беззаветно служить ей. Мы должны подавлять в себе желание объять и познать все; разбрасываясь, мы только отодвигаем достижение цели. Я не могу молиться у алтаря, где открылась истина тебе, этим я только изменю себе, своим идеалам. Человек сам должен избрать свой путь — тот или иной.

— Понимаю, — воскликнул юноша. — Путь Биноя или путь Горы, путь, который ведет к осуществлению желаний, и путь, идя по которому нужно отказаться от всех желаний...

— Обойдемся без эпитаграмм, Биной, — нетерпеливо прервал его Гора. — Я прекрасно понимаю, что тебе открылась замечательная истина. Береги ее! Знай, что достигнуть своей цели можно, только стремясь к ней всеми помыслами, всеми силами. Иначе ты ничего не добьешься. У меня одно желание — пусть и та истина, к которой стремлюсь я, предстанет когда-нибудь передо мной с той же ясностью и четкостью. До сих пор ты довольствовался тем знанием любви, которое можно почерпнуть из книг. Мой патриотизм тоже вырос из книг. Теперь, на опыте познав любовь, ты понял, насколько это чувство выше и сильнее того, что ты читал о нем. Оно заслонило тебе весь мир, тебе некуда уйти от него. Настанет день, когда и моя любовь к родине получит такое же яркое воплощение, и тогда я с радостью пожертвую ради него всем — своим богатством, своей жизнью... Я буду готов отдать по капельке всю свою кровь, отдать глаза, руки, всего себя... Как чудесен, как прекрасен и светел будет исти-

ный образ моей страны, с какой остротой я буду переживать ее страдания и ее радости, нестись вперед, отдавшись на волю бурному потоку ее, в котором сольются воедино и жизнь и смерть. Все это открылось мне, когда я слушал тебя. То новое, что вошло в твою жизнь, по-новому осветило и мою. Не знаю, буду ли я когда-нибудь способен понять твои чувства, но мне кажется, что благодаря тебе я впервые ясно понял сегодня, к чему именно стремлюсь я сам.

Гора встал с циновки и принялся ходить по крыше взад и вперед. Розовая полоска зари на востоке, казалось, возвещала ему что-то; он был взволнован до глубины души, словно до него донеслись слова вед, которые произносили в древние времена отшельники в лесной пустыни. Он замер, охваченный восторгом, и ему почудилось на мгновение, будто великолепный цветок лотоса раскрылся над его головой; и нежные блестящие лепестки, ширясь и разрастаясь, закрыли все небо. Вся его жизнь, все его сознание, все его силы, казалось, растворились в блаженном созерцании этой совершенной красоты.

Очнувшись, он повернулся к Биною:

— Знай, Биной, что даже та любовь, которую испытываешь ты, должна расти и совершенствоваться. Ты не можешь остановиться на полпути. Когда-нибудь я покажу тебе, как велик и мудр тот, кто властно позвал меня к себе. Сегодня великая радость наполнила мое сердце. Я понял, что никогда не отдам тебя недостойному.

Биной встал с циновки и подошел к нему. Гора восторженно обнял его и прижал к груди.

— Биной, мы с тобой вместе до самой смерти, мы — одно целое, ничто и никогда не разлучит нас, никто не встанет между нами.

Сильное волнение Горы передалось и Биною. Он чувствовал, что подчиняется воле своего друга. Молча ходили они по крыше. А на востоке все ярче и ярче разгоралась алая заря...

— Знай, Биной, — заговорил, наконец, Гора, — богиня, которой служу я, не придет ко мне воплощением красоты. Она там, где царят нищета и голод, страдания и унижения. В ее храме нет песен и цветов, на алтарь там

лется человеческая кровь... Но я счастлив, я не встречу там никаких соблазнов. В ее храме нужно быть очень сильным, нужно быть стойким, быть готовым к самоотречению. В этом чувстве нет ничего сладостного, оно неотвратимо и неодолимо, оно жестоко и страшно и напоминает какой-то тяжкий стон, который ширится и растет и убивает чистые и тонкие звуки всех семи струн вины. И все же, когда я думаю о моей богине, сердце мое замирает — такую радость испытываю я, и мне кажется, что это чувство и есть настоящее человеческое счастье. Это — пляска жизни, это — стремление человека увидеть прекрасный образ нового в отблесках пламени жертвенного костра, сжигающего старое. На фоне кроваво-красного неба я вижу сияющее будущее моей страны, освобожденной от оков, я вижу его в свете разгорающейся зари. Послушай, это бьют барабаны в моем сердце!

И он приложил руку Биной к своей груди.

— Гора, — сказал глубоко тронутый Биной, — я пойду с тобой до конца. Только прошу тебя — не давай мне сомневаться. Ведя меня, будь беспощаден, как сама судьба. У нас с тобой один путь, но у нас неравные силы.

— Да, по натуре мы разные люди, — ответил Гора, — но, познав высшую радость, мы не можем не стать одинаковыми. Братская любовь, которую испытываем мы друг к другу, окрепнет и свяжет нас навеки. А пока это не случится, нам не избежать размолвок и ссор. Они будут подстерегать нас на каждом шагу. Но настанет день, когда, позабыв все, что нас разъединяло, позабыв даже былую дружбу, мы встанем рядом плечом к плечу, объединенные единым порывом самоотречения, и в чистой радости этой минуты найдем смысл и высшую награду нашей дружбы.

— Да будет так! — сказал Биной, сжимая руку Горы.

— Но до тех пор тебе со многим придется мириться. Я должен быть деспотичен. Дружба ради дружбы не для нас. Мы не оскверним ее, стараясь сохранить любую ценой. Но, если нашей дружбе суждено распасться при столкновении с тем, другим чувством — пусть распадается! Только выдержав все испытания, она поистине оправдывает свое назначение.

В это время слышались шаги. Обернувшись, они увидели Анондовой. Она подошла и взяла Гору и Биню за руки:

— Идите, идите спать.

— Нет, ма, мы не заснем, — в один голос ответили оба.

— Прекрасно заснете.

Анондовой почти насильно привела их в комнату, уложила рядом в постель, потом закрыла дверь и, сев у изголовья кровати, стала обмахивать веером.

— Ма, — улыбнулся Бинюй, — мы все равно не заснем.

— Неужели? Посмотрим! — ответила Анондовой. — Во всяком случае, я отсюда не уйду, а то вы опять начнете разговаривать.

Когда Гора и Бинюй наконец уснули, Анондовой осторожно вышла из комнаты. Спускаясь по лестнице, она столкнулась с Мохимом.

— Не ходи туда, — остановила она его. — Они всю ночь проговорили, я насилу уложила их.

— Ого! Вот это дружба! А ты не знаешь, говорили они о свадьбе?

— Не знаю.

— И когда они наконец проснутся? Надо думать, что они разрешили этот вопрос, — задумчиво сказал Мохим. — Со свадьбой нужно торопиться, как бы что-нибудь потом не помешало.

Анондовой улыбнулась:

— Ну, если они поспят немного, это не помешает свадьбе. Рано или поздно, но они проснутся.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

— Ты как — собираешься выдавать замуж Шучориту или нет? — спросила Бародашундори Пореша.

Пореш-бабу по привычке спокойно погладил свою седую бороду, потом мягко спросил:

— А где жених?

— Как где? Ведь решено же, что она выйдет за Панубабу. По крайней мере, так думаем мы все... да и Шучорита сама этого не отрицает.

— Но я не уверен, что Пану-бабу нравится Радхарани.

— Ты прекрасно знаешь, — возразила его супруга, — что я терпеть не могу подобных разговоров. Мы всегда относились к ней, как к родной дочери, но это еще не причина, чтобы она бог знает что о себе воображала. Раз уж она приглянулась такому умному и благочестивому человеку, как Пану-бабу, то пренебрегать этим нельзя. Моя Лабонне намного красивее ее, что бы ты там ни говорил, но и она, без всякого сомнения, выйдет замуж за человека, которого выберем мы, и никогда нас не послушается. Если же ты будешь по-прежнему поощрять тщеславие Шучориты, нелегко нам будет выдать ее замуж.

Пореш-бабу ничего не ответил. Он давно уже избегал споров с женой, тем более если речь шла о Шучорите.

Шучорите было семь лет, когда, после рождения Шотиша, умерла ее мать. Потеряв жену, их отец, Рамшорон Халдар, вступил в «Брахмо Самадж», но вскоре, устав от враждебных выходок своих соседей, ревностно соблюдавших законы индуизма, вынужден был покинуть родные места и переселился в Дакку, где поступил на службу в почтовую контору. Там он познакомился и подружился с Порешем. Шучорита сразу же привязалась к Порешу, а потом и полюбила его, как родного отца.

Внезапно Рамшорон умер. По завещанию все его состояние делилось на две равные части: одна — Шучорите, другая — Шотишу. Опекуном детей покойный назначил Пореша. Пореш забрал сирот к себе, и с тех пор Шотиш и Шучорита вошли в его семью.

Бародашундори очень не нравилось, когда кто-нибудь из членов семьи или их друзей оказывал Шучорите особое внимание. Но, как нарочно, девушка вызывала к себе симпатию и уважение у всех окружающих, даже собственные дочери Бародашундори часто ссорились между собой из-за места в сердце Шучориты, что, конечно, было особенно неприятно. Больше всего сердила Бародашундори средняя дочь, Лолита, которая обожала Шучориту и буквально не могла прожить без нее и часу.

Бародашундори мечтала дать дочерям лучшее по тому времени образование, и ее отнюдь не радовала мысль, что

такое же образование может получить и Шучорита. Поэтому, когда пришло время отдавать девочек в школу, она стала с поразительной находчивостью изыскивать предлоги, как бы помешать этому.

Догадавшись о ее намерениях, Пореш взял Шучориту из школы и начал учить ее сам. Мало-помалу юная девушка стала для него настоящим другом. Он беседовал с ней на самые разнообразные темы, уезжая куда-нибудь надолго, всегда брал ее с собой, а если отправлялся в далекое путешествие, аккуратно писал ей. Сколько интересного узнавала Шучорита из этих писем! Благодаря Порешу девушка была развита и серьезна не по летам, в ее манерах, во всем ее облике было столько достоинства, что к ней невольно относились, как к взрослой. Лабонне, в сущности, ровесница Шучориты, всегда держалась с ней, как младшая со старшей, да и сама Бародашундори не решалась принимать в отношении девушки покровительственный тон.

Читателям уже известно, что Харан-бабу был очень рьяным и деятельным членом «Брахмо Самаджа»; он преподавал в вечерней школе, редактировал студенческую газету и был секретарем комитета женского училища — словом, не знал ни минуты отдыха. Все полагали, что со временем Харан-бабу займет в «Брахмо Самадже» высокий пост. Стараниями прежних своих учеников он был известен и за пределами Общества как тонкий знаток английского языка и философских учений.

Все это вместе взятое создало ему известный ореол в глазах Шучориты, с большим уважением относившейся ко всем благочестивым брахманстам, и она мечтала познакомиться с ним.

После переезда из Дакки в Калькутту долгожданное знакомство наконец состоялось. Более того, прошло совсем немного времени, и всем окружающим стало ясно, что девушка произвела на Харана-бабу большое впечатление. О своих чувствах он, конечно, не обмолвился ни словом, но с таким рвением принялся за устранение недостатков в ее образовании и воспитании, так горячо пропагандировал в ее присутствии идеи Общества и вообще прилагал столько усилий к тому, чтобы расширить ее кругозор, что все поняли: он хочет сделать из девушки до-

стойную спутницу жизни. Однако это привело к тому, что благосклонность, с какой Бародашундори относилась к Харану-бабу прежде, исчезла безвозвратно, и она стала смотреть на него свысока, как смотрела бы на любого учителя.

Со стороны Шучориты было бы странно ожидать, что, покорив сердце столь выдающегося человека, она не почувствовала известной гордости — с примесью почтения, конечно.

Официального предложения сделано пока еще не было, но поскольку все вокруг считали, что оно не замедлит последовать, то и сама Шучорита стала смотреть на свой брак с Хараном как на дело решенное.

С удвоенной энергией взялась она за занятия, чтобы стать достойной человека, посвятившего свою жизнь процветанию «Брахмо Самаджа». Шучорите казалось, что ее жених не похож на остальных людей, что «Брахмо Самаджу» выпало большое счастье иметь его в числе своих членов. Она верила, что он человек чрезвычайно образованный, — ведь прочел же он огромное количество книг, — и необычайно серьезный — не было такой научной теории, о которой он не мог бы поговорить, и притом весьма авторитетно. Даже к своей предстоящей свадьбе с Хараном она относилась не как к семейному событию, а как к делу исторической важности. Совместную жизнь с ним она представляла себе в виде крепости, сложенной из страха, благоговения и сознания тяжелой ответственности — крепости, предназначенной отнюдь не для счастливой жизни в ней, а для тяжелой, упорной борьбы.

Если бы свадьба Шучориты состоялась вскоре после их знакомства, все было бы прекрасно, по крайней мере с точки зрения близких невесты. Но, на беду, Харан полагал, что ответственность, возложенная судьбой на его плечи, слишком велика, чтобы он мог жениться просто так, по сердечной склонности. Прежде чем совершить подобный шаг, он должен был проверить со всех сторон, в какой степени брак этот будет полезен «Брахмо Самаджу», и потому решил подвергнуть Шучориту испытанию.

Но, задавшись целью изучить чей-то характер, вы невольно даете и другому человеку возможность узнать все

свои достоинства и недостатки. Поэтому Харан-бабу, ставший частым гостем в семье Пореша и принятый там просто как Пану-бабу (так его обычно называли близкие друзья и родственники), не мог долго оставаться для этой семьи только сокровищницей английской учености и кладезем метафизической премудрости, воплощением всех добродетелей «Брахмо Самаджа». Пореш-бабу и его домашние увидели в Харане обыкновенного человека, к которому они не испытывали больше безотчетного уважения и который мог вызывать и симпатию и антипатию.

Но удивительнее всего, что именно те качества Харан-бабу, которые на расстоянии внушали Шучорите трепетное почтение, теперь, при более близком знакомстве, неприятно поразили ее. То, что он, без малейшего смущения, определил себя опекуном и защитником всего праведливого, важного и хорошего, что было в «Брахмо Самадже», выставляло его, по ее мнению, в очень невыгодном свете.

Человек должен благоговеть перед истиной, испытывать перед ее лицом смирение. Превознося себя, напуская на себя важность, он только лишней раз подчеркивает свое ничтожество. Разница между Порешом-бабу и Хараном не могла не броситься в глаза Шучорите. Пореш-бабу всегда молча склонял голову перед высокими идеями «Брахмо Самаджа» и смиренно растворял свое «я» в их глубине. Даже спокойствие, которым дышали черты лица Пореша, говорило о чистоте и благородстве его помыслов и стремлений. Не таков был Харан-бабу. Казалось, что в «Брахмо Самадже» его больше всего прельщала безапелляционность, с какой это ученье противопоставлялось всем другим, и он с особенным удовольствием принимал в разговоре не допускающий возражения и чрезвычайно самоуверенный тон. Шучорите же, воспитанной Порешем-бабу в духе отрицания религиозного изуверства, и этот тон, и фанатизм Харана казались оскорбляющими человеческое достоинство.

Харан-бабу полагал, что самоотверженное служение богу сделало его настолько ясновидящим, что он без труда может разбираться в хороших и дурных свойствах человеческой души. И поэтому он только и делал, что судил всех подряд. Обывателям свойственно судачить и

сплетничать друг о друге, но когда под это не очень достойное занятие подводится религиозная основа и к мелочной зависти примешивается благочестивое рвение, то это приводит в конце концов к весьма нежелательным эксцессам в обществе. Мириться с этим Шучорита тоже никак не могла. Было бы ошибкой утверждать, что она не гордилась своей принадлежностью к брахмаистскому обществу, но не могла согласиться она и с тем, что все сильные мира сего достигли вершин власти только благодаря вступлению в это Общество, тогда как люди маленькие и слабые именно потому и обижены судьбой, что они не брахмаисты, не слушают проповедей и не исполняют необходимых обрядов. Она часто спорила по этому поводу с Хараном-бабу.

Считая, что ему одному дано знать совершенно точно, что требуется для процветания брахмаистского общества, Харан-бабу позволял себе оспаривать даже мнение Пореша, и это очень больно ранило Шучориту. В те времена в Бенгалии люди, получившие английское образование, не изучали «Бхагавадгиту», но Пореш познакомил с ней Шучориту; прочитал он с ней и почти всю «Махабхарату» Кали Шингхо. Харан очень не одобрял этого. Он предпочел бы, чтобы подобные книги были изгнаны из обихода брахмаистских семей. «Рамаяну», «Махабхарату» и «Бхагавадгиту» он считал сугубо индуистскими произведениями и сам никогда не читал их. Среди священных книг разных вероисповеданий Харан-бабу признавал одну лишь Библию, и то, что Пореш-бабу находил возможным соглашаться с точкой зрения небрахмаистов относительно священного писания других народов, а также в иных несущественных, по его мнению, вопросах, служило для Харана-бабу источником непрерывного раздражения. Шучорита же не терпела, чтобы кто-то даже в мыслях критиковал ее названного отца. Нескрываемое высокомерие, с каким Харан-бабу позволял себе осуждать Пореша, сильно повредило ему во мнении Шучориты.

Так постепенно, под воздействием разных причин, звезда Харана-бабу в доме Пореша закатывалась все больше и больше. Даже Бародашундори, не уступавшая Харану в стремлении отгородить брахмаистское от небрахмаистского и неоднократно шокированная поведением

мужа, перестала боготворить Харана-бабу и начала подмечать в нем тысячи недостатков.

Но хотя фанатизм Харана-бабу, его ограниченность и сухость все сильнее отталкивали от него Шучориту, вопрос их брака по-прежнему оставался решенным.

Когда на ярмарке религиозных учений появляется человек, навесивший на себя ярлык с высокой ценой, постепенно и все окружающие соглашаются с этой оценкой и начинают верить в исключительные качества данного человека. А так как никто — и Пореш в том числе — не выражал сомнения в правильности оценки Хараном-бабу своих достоинств и так как все вокруг смотрели на него, как на одного из будущих столпов «Брахмо Самаджа», то Пореш-бабу дал молчаливое согласие на этот брак. И если его и тревожило что-нибудь, то лишь вопрос — достойна ли Шучорита подобного супруга. Ему просто не приходила в голову мысль поинтересоваться, какие чувства испытывает к Харану сама Шучорита.

Поскольку никто не нашел нужным выяснить точку зрения Шучориты, то и она привыкла к мысли, что ее сердечная склонность не играет в этом вопросе никакой роли. Вместе со всеми остальными членами «Брахмо Самаджа» она считала, что в тот день, когда Харану-бабу будет угодно заявить, что он готов жениться на ней, ее священным долгом будет ответить немедленным согласием.

Так обстояли дела до того самого дня, когда Шучорита, защищая Гору, обменялась с Хараном-бабу несколькими резкостями. И вот тут Пореш-бабу заколебался: ему показалось, что девушка недостаточно уважает Харана-бабу и что, может быть, существуют и более глубокие причины, оправдывающие столь неожиданную вспышку. Потому-то, когда Бародашундори заговорила с ним о свадьбе, он ответил ей далеко не с прежней покладистостью.

В тот же день Бародашундори, отозвав Шучориту в сторону, сказала ей:

— Ты знаешь, отец очень тревожится за тебя.

Шучорита страшно огорчилась. Мысль о том, что она — пусть даже невольно — могла расстроить Пореша-бабу, была ей невыносима. Побледнев, она спросила:

— Но что я сделала?

— Не знаю, дитя мое. Он почему-то вообразил, что тебе неприятен Пану-бабу. Все в «Брахмо Самадже» уверены, что вопрос вашей свадьбы уже решен, и если ты теперь...

— Но почему отец мог подумать это, ма? — удивленно перебила ее Шучорита. — Я никогда никому не говорила об этом.

Шучорите было чему удивляться. Правда, манера держаться и речи Харана-бабу порой раздражали ее, но она никогда не думала, что это может послужить предлогом для отказа выйти за него замуж — слишком уж хорошо внушили девушке, что ее личное счастье в этом случае не играет никакой роли.

И тут она припомнила, что как-то раз неосторожно высказала свое недовольство Хараном-бабу в присутствии Пореша. Ну конечно же, этим она и встревожила отца. Шучорита почувствовала раскаяние. Никогда раньше не позволяла она себе такой несдержанности и поклялась в душе, что не позволит и в будущем.

Появившись в доме Пореша после нескольких дней отсутствия, Харан-бабу не на шутку встревожился. До сих пор он считал, что Шучорита боготворит его. Правда, ему хотелось, чтобы боготворила она одного его, и никого больше; неуместное преклонение перед старым Порешем, на которого она чуть ли не молилась, несмотря на то, что ей неоднократно указывали на множество его недостатков, вовсе ему не нравилось. Харан-бабу в душе то смеялся над этим, то огорчался, но неизменно надеялся, что с течением времени и при благоприятных условиях ему удастся устремить это почитание в соответствующее русло.

Прежде Харан-бабу был твердо уверен в том, что внушает Шучорите благоговейное обожание, и потому считал своим долгом вникать во все мелочи ее жизни, следить за ее занятиями и поведением в обществе и делать наставления по любому поводу; при этом, однако, он никогда не касался вопроса их брака. Теперь же, когда по двум-трем замечаниям, брошенным Шучоритой, он понял, что ничто не укрывается от ее зорких глаз, что она взвешивает и оценивает каждое его слово, каждый поступок, ему

стало чрезвычайно трудно сохранять прежнее невозмутимое спокойствие.

В те редкие дни, когда ему удавалось увидаться с ней, Харан-бабу уже не мог держаться с былой снисходительностью. В том, как они разговаривали и вели себя, намечались определенные признаки надвигающейся ссоры. Харан-бабу безо всякой причины придирался к Шучорите и без конца упрекал ее, а ее равнодушие повергало его в совершенное уныние. Он горько сожалел о своем потерянном авторитете.

При первых признаках охлаждения Шучориты, Харан-бабу почувствовал, что ему становится трудно удержаться на пьедестале, поглядывая оттуда на девушку сверху вниз. Раньше, опасаясь, как бы кто не подумал, что он не уверен в любви Шучориты, он бывал у Пореша-бабу только раз в неделю и обращался с ней, как со своей ученицей. Но в последние дни что-то произошло с ним. Под самыми незначительными предложениями он стал заходить к Порешу каждый день, а то и по нескольку раз в день и прилагал все усилия, чтобы встретиться с Шучоритой и поговорить с ней. Все это позволяло Порешу-бабу наблюдать за молодыми людьми и еще более укрепило его подозрения.

И вот в один прекрасный день Бародашундори пригласила к себе в комнату Харана-бабу и сказала ему:

— Кстати, Пану-бабу, я со всех сторон слышу, что вы собираетесь жениться на нашей Шучорите, а сами вы храните на этот счет полное молчание. Если у вас действительно есть такое намерение, почему вы не находите нужным сказать об этом нам?

Дольше тянуть с предложением руки и сердца было невозможно. Харан-бабу чувствовал, что рисковать утратой Шучориты он не может. Первым делом нужно было утвердить свои права на нее, а потом уж можно было заняться выяснением, насколько ценна будет ее помощь в делах «Брахмо Самаджа» и как сильно предана она ему самому.

— Но ведь это ясно и без слов, — ответил он Бародашундори. — Просто я хотел подождать, чтобы Шучорите исполнилось восемнадцать лет.

— Какой вы формалист! По-моему, вполне достаточно того, что она совершеннолетняя по нашим законам,

Наблюдая в этот вечер за Шучоритой, Пореш был крайне удивлен: давно уже она не встречала Харана-бабу с такой радостью, не оказывала ему такого внимания. Когда тот собрался уходить, она настояла, чтобы он посидел еще немного: ей хотелось показать ему новое рукоделие Лабонне.

Пореш-бабу успокоился, он решил, что ошибся, и даже посмеялся над собой — видимо, влюбленные поссорились, а теперь помирились — все, как полагается.

Вечером, перед уходом, Харан-бабу официально попросил руки Шучориты и сказал, что ему не хотелось бы откладывать свадьбу надолго.

Пореш-бабу удивился:

— Но ведь вы всегда утверждали, что ошибка жениться на девушках моложе восемнадцати лет. Вы даже писали об этом.

— Ну, это не может относиться к Шучорите, — объяснил Харан-бабу. — По своему умственному развитию она стоит неизмеримо выше своих сверстниц.

— Пусть так, — спокойно, но твердо возразил Пореш-бабу. — Но я считаю, Пану-бабу, что раз у вас нет особых причин спешить, вам не следует изменять в этом случае своим принципам. По-моему, лучше подождать до полного совершеннолетия Радхарани.

Смущенный тем, что его уличили в слабости характера, Харан-бабу поспешил согласиться:

— Вы совершенно правы; конечно, не следует. Все, что я хочу, это чтобы в самом непродолжительном времени состоялась наша официальная помолвка.

— А вот это, безусловно, прекрасная мысль!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Проспав часа три, Гора проснулся и увидел лежащего рядом Биноя. Сердце его переполнилось радостью; он почувствовал невероятное облегчение — такое чувство испытывает человек, потерявший во сне что-то очень дорогое, а потом убедившийся, что это ему всего лишь приснилось. Только теперь он понял, как искалечена была бы его жизнь, лишись он друга. Не в силах совладать

с радостным возбуждением, охватившим его, он растолкал Биноя.

— А ну, вставай, пора за дело братья.

Каждое утро Гора навещал бедняков, живущих неподалеку от их дома. В его намерение отнюдь не входило поучать их или выступать в роли благотворителя, просто ему хотелось быть вместе с ними. По правде сказать, мало с кем из людей своего круга сходилась он так близко, как с этими простыми людьми. Они называли Гору «дада», предлагали ему почетную трубку, и, боясь их обидеть и желая еще больше подчеркнуть свою близость к ним, он заставлял себя сделать несколько затяжек.

Самым рьяным почитателем Горы был двадцатидвухлетний Нондо, сын плотника. Он был непревзойденным игроком в крикет и вообще прекрасным спортсменом.

Гора организовал небольшой спортивный клуб для игры в крикет, где на равных началах состояли членами дети плотников и кузнецов и сыновья зажиточных родителей. И в этом клубе Нондо легко удерживал первенство во всех видах спорта. Кое-кому из студентов и молодых людей, не принадлежавших к рабочим семьям, это не нравилось, но Гора установил в клубе строгую дисциплину, и в конце концов они вынуждены были примириться с тем, что Нондо был избран капитаном команды.

На прошлой неделе Нондо уронил себе на ногу стамеску и вот уже несколько дней не приходил на тренировки. Все это время мысли Горы были заняты его ссорой с Биноем, и он даже не удосужился справиться о здоровье юноши. Поэтому сегодня они первым делом отправились к старому плотнику.

Подходя к его дому, они услышали женский плач и причитания, доносившиеся из открытых дверей. Никого из мужчин дома не оказалось, но от лавочника, торговавшего по соседству, Гора узнал, что сегодня утром Нондо умер и что тело его уже унесли, чтобы предать сожжению.

Нондо умер! Такой здоровый и сильный, такой энергичный, благородный, совсем юный! Сегодня умер! Гора вдруг почувствовал, что тело его словно налилось какой-то тяжестью. Нондо был сыном простого плотника. Лишь для очень немногих его уход из жизни явится тяжелой

утратой, да и они скоро утешатся. Гора же был совершенно потрясен этой непостижимой в своей жестокости и нелепости смертью...

Сосед рассказал им, что умер Нондо от столбняка. Отец был за то, чтобы позвать доктора, но мать и слышать об этом не хотела; она была уверена, что в ее сына вселился злой дух, и послала за знахарем. Всю ночь тот бормотал свои заклинания, жег Нондо каленым железом и вообще мучил его, как мог. В самом начале болезни юноша попросил сообщить о случившемся Горе, но мать испугалась, что Гора будет настаивать на приглашении доктора, и не послала за ним.

— Какое дикое невежество и как страшно оно наказано! — сказал Биной, когда они отошли от дома.

— Биной, не успокаивай себя тем, что все это тебя не касается, что ты можешь оставаться в стороне. Если бы ты имел ясное представление о том, как велико это невежество и какие ужасные последствия влечет оно за собой, ты не ограничился бы одним сожалением, чтобы потом обо всем забыть.

В пылу возбуждения Гора все более и более ускорял шаги, Биной молча шел рядом, стараясь не отставать от него.

— Народ во власти тьмы! Он опутан суевериями! Боги, злые духи, привидения, святой четверг, високосный год — сколько причин для страха! Да и откуда народу знать, что человек способен овладеть силами природы? Так ли уж далеко ушли от него и мы сами? Что из того, что мы прочли несколько книг, разве можем мы, горстка людей, обладающих ничтожными знаниями, оградить себя от всеобщего невежества? До тех пор, пока весь народ не научится понимать закономерности явлений природы, до тех пор, пока пустые страхи будут преследовать его, не освободимся от них и мы, просвещенные люди.

— Хорошо, предположим, что мы просвещенные люди, сумеем выпутаться из паутины страха и суеверий, — возразил Биной. — Но много ли нас? И, кроме того, мне кажется, что цель наша должна быть вовсе не в том, чтобы с помощью народа научиться преодолевать свой страх и получить право называться людьми просвещенными,

а в том, чтобы помочь этому самому народу избавиться от невежества.

— Да, да! — воскликнул Гора, схватив Биноя за руку. — Это я и хотел сказать, но я вижу, что все вы, обуреваемые гордыней собственного превосходства, предпочитаете держаться в стороне от простых людей, — так ведь спокойней! Но имейте в виду, пока вы не поможете простому народу осознать благо, которое несет ему просвещение, вы и сами никогда полностью не осознаете этого. Когда в лодке есть течь, то, как бы велик ни был парус и какой бы сильный ни дул ветер, она не доплывет до берега.

Биной молча шел рядом. Немного погодя Гора снова заговорил:

— Нет, Биной, я не могу так просто примириться с тем, что произошло. Мысль о страданиях, которые причинил этот шарлатан моему Нондо, терзает меня. Для меня его мучения олицетворяют страдания всей нашей родины, всей Индии. Я не могу рассматривать его смерть как единичный случай, не имеющий большого значения.

Биной продолжал хранить глубокое молчание, и Гора вскипел:

— Биной, ведь я прекрасно понимаю, о чем ты думаешь! Тебе кажется, что исправить все это невозможно и что много воды утечет, прежде чем можно будет что-нибудь сделать. Ты думаешь, что суеверия липкой паутиной опутали нашу страну и гнетущий страх громадной ледяной глыбой придавил ее душу; тебе кажется, что не найдется богатыря, который мог бы освободить ее. А я не допускаю и мысли, что это так! Допусти я такую мысль, и я не смог бы жить. Понимаешь? Какие бы страшные несчастья ни выпадали на долю нашей родины, мы можем бороться с ними, можем избавить ее от них. Это в наших силах! Я твердо верю в это, иначе я просто не вынес бы всего отчаяния, мук, издевательств, какие вижу вокруг себя.

— А я для этого недостаточно мужествен, — сказал Биной. — Когда я вижу всю глубину невежества нашего народа, я невольно перестаю верить, что у меня хватит сил побороть это невежество.

— Да, тьма необъятна, и пламя светильника слабо, но я верю в это робкое пламя. Никогда я не соглашусь с тем, что невежество вечно — его постоянно, изнутри и снаружи, подтачивает сама жизнь, самый процесс познания окружающего мира, и как бы мало нас ни было, мы должны стоять на стороне прогресса. А уж если нам суждено погибнуть в неравной борьбе, то мы умрем, уверенные в грядущей победе света и разума. Разве не одно и то же — верить знахарю или бояться духов? Именно это чувство и лежит в основе пренебрежения настоящим лечением. Суеверия и знахарство в равной мере абсурдны и пагубны для нас. Я всегда говорил тебе, Биной: ни на мгновение не сомневайся в том, что освобождение придет. Невежество не вечно: англичане приковали нас к своему торговому кораблю не навсегда. Мы должны твердо помнить это и постоянно быть начеку. Ты довольствуешься смутной надеждой, что придет час, и борьба за освобождение Индии начнется. Я же настаиваю на том, что борьба уже началась и не затихает ни на минуту. И с нашей стороны было бы величайшим малодушием с бесстрастным спокойствием наблюдать за ее развитием.

— Знаешь, Гора, — ответил Биной, — я понял, в чем разница между тобой и нами. Тебя каждый раз с новой силой поражает все то скверное, что происходит в нашей стране, пусть даже такие вещи существуют испокон веков и все к ним давно привыкли. А мы обращаем на них так же мало внимания, как на воздух, которым дышим. Они не заставляют нас ни отчаиваться, ни радоваться. Наши дни проходят бесплодной чередой, и постепенно в их веренице мы перестали ощущать себя и свою связь с родиной.

Вдруг лицо Горы налилось кровью, вены на лбу вздулись. Сжав кулаки, он выбежал на середину улицы и бросился вдогонку за экипажем, запряженным парой, крича при этом громовым голосом, заставлявшим прохожих оборачиваться в испуге:

— Стой!

Но дородный, хорошо одетый господин, который правил лошадьми, только оглянулся через плечо, еще раз взмахнул бичом и мгновенно скрылся из виду.

А произошло следующее: старик-мусульманин, по всей вероятности, повар какого-нибудь англичанина, возвращался с базара, неся на голове корзину, в которой лежали фрукты, овощи, яйца, хлеб, масло и другие продукты. Он как раз переходил улицу, когда из-за угла показался экипаж. Сидевший в нем бабу крикнул старику, чтобы он убирался с дороги. Но тот был глуховат и чуть не угодил под колеса. Каким-то чудом старик спасся, но корзина его отлетела в сторону, и продукты рассыпались по мостовой. «Проклятая свинья», — выругался бабу и, повернувшись на сиденье, взмахнул бичом. Бич со свистом рассек воздух, и тотчас же на лбу у старика вздулась кровавая полоса. «О, аллах!» — простонал повар и начал подбирать уцелевшие продукты и укладывать их в корзину.

Так и не догнав коляски, Гора возвратился назад и принялся помогать старику. Бедного повара очень смутило участие незнакомого господина.

— Что вы, бабу, — забормотал он, — зачем вы беспокоитесь, ведь это все равно уже никуда не годится.

Гора сознавал бесполезность своего вмешательства, понимал, что, вместо того чтобы помочь старику, он только смущает его. Но он хотел показать прохожим, что и среди богатых есть люди, готовые вступить за человека, незаслуженно оскорбленного другим богатым, и загладить как-то его отвратительный поступок. Когда корзина наполнилась, Гора обратился к старику:

— Тебе будет слишком тяжело возместить убыток своему хозяину. Я дам тебе денег; только запомни, отец, аллах не простит тебе, что ты молча стерпел такое оскорбление.

— Аллах покарает виновного, — возразил мусульманин, — зачем ему наказывать меня?

— Тот, кто терпит зло, — ответил Гора, — виноват не меньше. Он — истинная причина всего зла, что творится на свете. Думаю, что ты не поймешь меня, но постарайся запомнить: быть набожным не значит быть покорным, религия не потворствует творящим зло. Ваш Мухаммед это отлично понимал, потому-то он никогда и не проповедовал смирения.

Идти к Горе было далеко, и они привели мусульманина к Биною. Войдя в дом, они поднялись в комнату и Гора сразу же направился к письменному столу.

— Дай мне денег, — обратился он к Биною.

— Подожди минуту, я сейчас достану ключ.

Но пока Биной искал ключ, Гора в нетерпении дернул за ручку, сломал замок и выдвинул ящик.

Первое, что бросилось ему в глаза, была фотография всей семьи Пореша, которую Биной добыл при помощи своего приятеля Шотиша.

Гора дал старику денег и выпроводил его из дому. Он не сказал ни слова о фотографии. Промолчал и Биной, хотя ему было бы много приятнее, если бы Гора сказал, что он думает по этому поводу.

— Ну, я пошел, — сказал Гора.

— Вот это мне нравится! — воскликнул Биной. — Как это ты пошел? Ведь ма и меня звала обедать. Я тоже пойду.

Молодые люди вместе вышли на улицу, но всю дорогу Гора молчал. Фотография, которую он увидел в ящике письменного стола, напомнила ему о том, что сердце Биной увлекло его на новый, чуждый Горе, жизненный путь. Смутная тревога за их дружбу, которая, подобно Ганге, меняла свое старое русло на новое, незримым грузом лежала где-то в глубине его сердца. Сегодня весь день ничто друзей не разделяло, одни и те же мысли были у них, но сейчас Гора вновь почувствовал: сохранить прежнего нельзя — Биной пошел своим путем.

Биной понимал, почему молчит его друг, но у него не хватало духу первым перешагнуть барьер отчужденности. Он знал, что вопрос, которым заняты сейчас мысли Горы, может послужить серьезным препятствием для их дружеских отношений в будущем.

Подойдя к дому, они увидели Мохима, поджидавшего их у дверей.

— Да что такое наконец с вами? — воскликнул Мохим. — Вчера не спали всю ночь. Я уж думал, не улеглись ли вы теперь где-нибудь на дороге поспать. Знаете, который теперь час? Торопись, Биной, ты ведь еще и омовения не совершал.

Отослав Биной, Мохим повернулся к Горе и сказал:

— Вот что, Гора, я прошу тебя очень серьезно подумать над тем, что я тебе говорил. Ну хорошо, пусть Биной недостаточно правоверен на твой вкус, ну а где ты найдешь жениха лучше, скажи на милость! Ведь если жених правоверен, это еще не все. Хорошо бы, он еще был и образован в придачу. Правда, с точки зрения шаштр, образование и благочестие — вещи не очень-то совместимые, а по-моему, такое сочетание вовсе не так уж плохо! Будь у тебя дочь, ты рассуждал бы так же.

— Ты прав, дада, — ответил Гора. — Я не думаю, чтобы Биной был против.

— Вы только послушайте его! — воскликнул Мохим. — Кто думает о Биное? Все дело в том, чтобы ты не был против. Попроси его разок, ничего больше мне и не надо. А уж если не выйдет, значит, не судьба.

— Ладно!

«Ну, теперь можно заказывать свадебное угощение», — подумал Мохим.

Улучив удобный момент, Гора спросил Биной:

— Дада все пристаёт ко мне с твоей женитьбой на Шошимукхи. Что ты скажешь на это?

— Сначала ты скажи мне свое мнение.

— Я считаю, что это было бы неплохо.

— Вот как! Но раньше ты думал иначе. Ведь как будто было решено, что оба мы никогда не женимся.

— Ну, а теперь будет решено, что ты женишься, а я нет.

— Почему? Разве впереди у нас разные цели? Я считал, что мы идем одной дорогой.

— Именно для того, чтобы пути наши не разошлись, я и советую тебе согласиться. Всевышний, отправляя людей в земное странствие, возлагает на их плечи далеко не одинаковую ношу — один сгибается под ее тяжестью, а другой идет налегке, и для того, чтобы обоих можно было запрячь в одно ярмо, нужно взвалить на второго добавочный груз. Вот навалятся на тебя тяготы семейной жизни, тогда, глядишь, и мы с тобой зашагаем в ногу.

Биной улыбнулся.

— Ладно, — сказал он. — Раз так, придется взвалить.

— А как насчет самой предполагаемой ноши? Возражений нет?

Шантиникетон. Центральная библиотека

— Так ведь речь идет о том, чтобы уравнивать нашу с тобой поклажу, ну а для этого годится все — вплоть до камней.

Биной сразу понял, почему Гора так стоит за этот брак. Очевидно, он боялся, что Биноя могут женить на одной из дочерей Пореша, и пытался спасти его. Догадавшись о подозрениях друга, Биной не мог не посмеяться в душе. Ему и на мгновение не приходила в голову мысль о такой свадьбе. Это было совершенно немыслимо! В то же время женитьба на Шошимукхи уничтожила бы основания для странных опасений Горы, и между ними снова восстановились бы нормальные, здоровые, дружеские отношения. Ну и потом, ведь никто не стал бы мешать ему ходить в дом Пореша. Взвесив все это, Биной легко согласился на брак с Шошимукхи.

После обеда друзья вознаградили себя долгим отдыхом за предыдущую бессонную ночь. Разговор на волнующие их темы не возобновлялся до самого вечера. Лишь когда ночные тени пали на землю и настала пора задушевных бесед, они вышли на крышу, и Биной, устремив взгляд в небо, сказал:

— Слушай, Гора, я хочу сказать тебе кое-что. Мне кажется, наша любовь к родине как-то однобока. Мы говорим об Индии, а видим всего лишь половину ее.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Мы считаем ее страной мужчин и совершенно забываем о женщинах.

— Стало быть, ты придерживаешься точки зрения англичан и хотел бы, чтобы женщина сопутствовала тебе и в домашней и в общественной жизни, чтобы она неотступно сопровождала тебя повсюду, делила бы с тобой еду и труд, отдых и развлечения? Но в этом случае ее присутствие заслонит от тебя мужчин и твое мировоззрение так и останется однобоким.

— Нет, нет, не передергивай моих слов, пожалуйста. При чем тут точка зрения англичан или неангличан! Просто я хочу сказать, что, думая об Индии, мы очень мало внимания уделяем ее женщинам. Возьми хоть себя. Я утверждаю, что ты никогда не задумываешься над их судьбой — в твоём представлении Индия словно лишена женщин, а такое представление в корне неверно.

— С той минуты, как я сознательно взглянул на свою мать, она олицетворяет для меня всех женщин моей родины. Тогда же я понял, какую большую роль играют женщины в нашей жизни.

— Ты говоришь красивые слова, чтобы успокоить себя. Разве можно до конца понять женщину, сталкиваясь с ней только в домашних условиях? Если бы мы могли увидеть женщину за пределами семейного очага, Индия предстала бы перед нами во всей своей замечательной красоте. Мы увидели бы ту прекрасную страну, ради которой люди не задумываясь отдали бы жизнь. И уж во всяком случае, мы избавились бы наконец от ложного представления, что нашу страну населяют исключительно мужчины. Я знаю, стоит мне начать сравнивать наше общество с английским, и ты сразу же выходишь из себя. Этого я не хочу, точно так же как не хочу и утверждать, что знаю, в какой мере и каким образом могли бы проявить себя наши женщины в общественной жизни, не преступая границ приличий, — но я настаиваю, что, пока они будут оставаться в тени, понять всю правду о нашей стране мы не сможем, так же как и не сможем отдать ей всю любовь и преданность, на которую способны.

— И эта истина открылась тебе сегодня?

— Да, сегодня, и внезапно. До сих пор у меня не было определенных мыслей на этот счет, и я очень счастлив, что все это наконец стало мне ясно. Ведь, относясь пренебрежительно к женщине, ограничивая ее интересы кухней, видя в ней только наложницу, мы тем самым ослабляем силы своей страны, точно так же, как в том случае, когда воздвигаем барьер между богатыми и бедными, когда презираем крестьян и ремесленников за их низкий труд, ограничиваем их узкой сферой занятий и делаем вид, что не замечаем их.

— Нет, Биной, ты не прав. Так же как сутки состоят из дня и ночи, так и общество состоит из мужчин и женщин. В обществе, где все идет нормально, женщину можно уподобить ночи; спокойно, не назойливо, незаметно исполняет она свои обязанности. Там же, где обстоятельства нарушают нормальное течение жизни, где ночь превращается в день и наоборот, теряется представление о времени, труд и легкомысленные похождения

идут бок о бок. А к чему это приводит? Только к тому, что назначение ночи — покой, который она дарует, ее умиротворяющая сила — теряется; с каждым днем возрастает утомление, гаснет энергия, и человеку, чтобы поддержать свои силы, приходится прибегать к алкоголю. То же самое произойдет, если мы оторвем женщин от домашнего очага. Мы только помешаем их мирным занятиям, нарушим покой и счастье общества и заменим его нездоровым возбуждением. И тот, кто примет подобное возбуждение за прилив новых сил, сделает большую ошибку, ибо в конце концов оно приведет общество к гибели. Ведь силы, движущие обществом, состоят из двух элементов: явного и скрытого, возбуждающего и умиротворяющего, требовательного и самоограничивающего. Нарушать это равновесие нельзя, иначе огромная созидательная энергия общества пойдет на убыль, а это не принесет нам ничего хорошего. Мужчина олицетворяет элемент явный, хотя сказать, что он играет более важную роль, нельзя никак. Если же мы попытаемся выявить свои скрытые ресурсы в лице женщин, то это будет означать лишь, что вместо накопления сил мы стали растрачивать их и быстрыми шагами движемся навстречу банкротству... И я настаиваю: пусть на празднествах жертвоприношений присутствуют мужчины, а женщины лишь смотрят за тем, чтобы не иссякали яства и возлияния для этих празднеств. Только тогда наши жертвы не пропадут даром, и неважно, если женщина останется при этом невидимой, Безумен тот, кто хочет заставить все свои силы действовать в одном направлении, для достижения одной цели, — идя таким путем, он может лишиться сразу всего.

— Гора, я не буду с тобой спорить, но знай, что ты меня ни в чем не убедил. Ведь основной вопрос...

— Знаешь что, Биной, — прервал его Гора, — если мы будем продолжать спор на эту тему, то в конце концов поссоримся по-настоящему. Я признаю, что вопрос о женщинах не заполняет моих мыслей так, как он с недавних пор заполняет твои. Поэтому все твои попытки заставить меня проникнуться к ним теми же чувствами, какими проникся ты, ни к чему не приведут. Давай же согласимся на том, что мы не согласны.

Гора не пожелал продолжать разговор, но семя, подхваченное ветром, в конце концов всегда падает на землю, а упав, обязательно прорастает. До сих пор Гора решительно исключал женщин из своих мыслей и ни на минуту не задумывался над тем, что благодаря этому что-то теряет, не чувствовал никакой пустоты. Горячность, с какой говорил о женщинах Биной, впервые заставила его осознать, что — никуда не денешься — женщинам отведена в обществе не такая уж маленькая роль. Но какая именно роль предназначена им, какое место занимают они по праву, сказать он не мог, и потому ему совсем не улыбался разговор на эту тему. Правильного решения он еще не нашел, не мог он, однако, согласиться и с доводами Биноя и потому предпочел пока не вдаваться в обсуждение этого вопроса.

Вечером, когда Биной уже собрался уходить домой, Анондомойи подозвала его к себе и спросила:

— Ну что, Биной, кажется, твоя свадьба с Шошимукхи уже решена?

Биной смущенно улыбнулся.

— Да, ма, — ответил он, — как же иначе, раз сватом выступил Гора.

— Что ж, Шошимукхи хорошая девушка, — сказала Анондомойи, — но вот что, Биной, не поступай опрометчиво. Я ведь тебя хорошо знаю: ты колебался, не зная, как поступить, и предпочел поскорее покончить с этим делом. У тебя есть еще время взвесить все за и против. Ты же взрослый человек, помни, что, прежде чем решить такой важный вопрос, нужно спросить свое сердце.

Она ласково дотронулась до плеча Биноя. Юноша ничего не ответил и медленно вышел из комнаты.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

По дороге домой Биной продолжал размышлять над тем, что сказала ему Анондомойи. Он привык во всем — даже в мелочах — следовать ее совету, и сейчас тяжесть невольно легла ему на сердце. Всю ночь неприятное чувство не оставляло его.

Однако, проснувшись утром, Биной ощутил вдруг необычайную легкость — как будто, сполна заплатив долг, палагаемый на него дружбой, он освободился от всех обязательств. Ему казалось, что, добровольно возложив на себя пожизненные оковы в виде брака с Шошимукхи, он тем самым приобретал право скинуть некоторые другие путы. Гора был неправ, подозревая его в желании порвать с индустами и взять в жены девушку из дома брахмаиста. Женитьба на Шошимукхи должна была рассеять эти подозрения. Поэтому, отбросив прежние колебания, он стал частым гостем в доме номер семьдесят восемь.

Биной легко сходилась с теми, кто ему нравился. Поскольку он мог больше не мучиться из-за того, что подумает или скажет Гора, ему понадобилось очень немного времени, чтобы близко подружиться со всеми в доме Пореша-бабу и сделаться как бы членом его семьи. Даже Лолита, которая сначала относилась к нему с некоторой неприязнью, так как подозревала, что он нравится Шучорите, и та, убедившись, что сестра вовсе не выделяет его из числа других знакомых молодых людей, сменила гнев на милость и охотно согласилась с тем, что Биной-бабу удивительно милый.

Даже Харан-бабу не был настроен к нему враждебно, — напротив, он старательно подчеркивал тот факт, что Биной отнюдь не лишен хороших манер, давая понять, что с Горой дела обстоят в этом отношении весьма плачевно.

Чувствуя, что таково желание Шучориты, Биной никогда не вступал в споры с Хараном-бабу, поэтому за чайным столом теперь всегда царили мир и благодать.

Однако, в отсутствие Харана-бабу, Шучорита сама вызывала Биню на откровенные беседы и заставляла его высказывать свои взгляды по разным социальным вопросам. У нее в голове не укладывалось, что такие образованные люди, как Гора и Биной, могут оправдывать отжившие суеверия, и она страстно хотела понять причину этого. Если бы она не знала, что представляют собой два друга, она была бы возмущена до глубины души их рассуждениями и с презрением отвернулась бы от них, но уже после первой встречи с Горой она поняла, что никогда и ни при каких обстоятельствах не сможет отвернуться

от него с презрением. Поэтому при каждом удобном случае Шучорита снова и снова заводила с Биноем разговор о Горе. Ее интересовали убеждения Горы и его образ жизни. Она задавала Биную всякие вопросы и нередко спорила с ним — все для того, чтобы выведать как можно больше о его друге. Пореш же, веря, что знакомство с разными религиозными вероучениями очень расширяет кругозор, и зная, что Шучорита никогда не даст сбить себя с толку, не препятствовал подобным беседам.

Однажды Шучорита спросила Биную:

— Скажите мне, Биной-бабу, Гора действительно признает кастовое деление или это лишь проявление его крайнего патриотизма?

— Но ведь признаете же вы лестницу? — спросил в свою очередь Биной. — Вы не возражаете, что одни ступеньки расположены над другими?

— Я признаю ее постольку, поскольку она дает мне возможность подниматься вверх. Иначе зачем она нужна? На ровном месте я обхожусь без нее.

— Совершенно верно. Так вот, наше общество напоминает лестницу, имеющую определенное назначение: помочь человеку подниматься все выше и выше, пока он не достигнет конечной цели. Если бы мы могли достигнуть этой конечной цели, не выходя за рамки общины или хотя бы за рамки здешней жизни, то, конечно, никакой необходимости в кастовом делении не было бы. Тогда каждый член общества стремился бы урвать для себя как можно больше за счет другого, совсем как это делается в Европе. Лишь сильные держались бы на поверхности, а слабые шли бы ко дну. Мы же хотим здесь на земле, в рамках этого общества, преодолеть мирские привязанности и потому, естественно, не можем строить свои взаимоотношения на личной предприимчивости и конкуренции. Мы превращаем в культ высшее назначение человека на земле. Ведь в этом и заключается смысл кармы — достижение свободы. Итак, мирское существование человека, с одной стороны, и конечная цель его жизненного пути, с другой, легли в основу кастового деления нашего общества — деления, базирующегося на предопределенном свыше занятии человека.

— Боюсь, что я вас не совсем понимаю. Я хочу знать одно — считаете ли вы, что цель, которую, по вашим словам, преследует кастовое деление, достигнута и, следовательно, это деление оправдало себя?

— Убедиться воочию, что ваши попытки достичь какой-то цели действительно увенчались успехом, в этом мире не так-то просто. Возьмем, например, идеи древнегреческих философов: в Греции в свое время они не получили соответствующего развития, но это еще не значит, что они были ошибочны или бессмысленны — постепенно в разных формах эти идеи находят свое воплощение в человеческом обществе. Кастовое деление, принятое в Индии, является очень серьезным экспериментом разрешения социального вопроса; опыт этот еще не закончен, и о том, как он проходит, может судить весь мир. Ничего более приемлемого не могла предложить в этом отношении и Европа, — вся история развития европейского общества — это непрерывная цепь борьбы, столкновений и интриг. Человечество еще увидит плоды решения, предложенного Индией. Не думайте, что, если мы — фанатики — исчезнем, исчезнет и эта извечная система. Нет, мы — индуисты — действительно ничтожная капля в море, но великий гений Индии подсказал величайшее решение, и до тех пор, пока результаты опыта не станут окончательно ясными, эта система будет существовать.

— Не сердитесь на меня, — смущенно прервала его Шучорита, — но, пожалуйста, скажите — вы действительно так думаете или только повторяете мысли Гоурмохона-бабу?

Биной улыбнулся:

— Сказать вам правду, непоколебимой уверенности Горы у меня нет. Когда я вижу людей, отверженных кастами, подвергающихся общественному ostracismu, я начинаю сомневаться. Но Гора уверяет, что происходит это оттого, что мелочи заслоняют мне истинную суть дела. Он говорит, что нельзя судить о природе дерева по обломанным сучьям и высохшим листьям — это доказывает лишь умственную незрелость. Он не требует похвал обломанным сучьям, но просит, чтобы люди внимательно присмотрелись к самому дереву и постарались бы попятить, ради чего оно растет.

— Бог с ними, с обломанными сучьями, — сказала Шучорита. — Но ведь есть еще и плоды. Так какие же плоды принесло кастовое деление нашей стране?

— То, что вы подразумеваете под плодами кастового деления, порождено не только им, это — результат условий жизни, существовавших и существующих в нашей стране. Если у вас шатается зуб и вы станете кусать им, вы почувствуете боль, но ведь это не будет означать, что все ваши зубы никуда не годятся. Виноват в этом будет один испорченный зуб. Обрушившиеся на нашу страну болезни и порожденная ими апатия не способствовали успеху идеи, выдвинутой Индией, а наоборот, исказили и дискредитировали ее. Однако все это не означает, что плоха сама идея. Поэтому Гора и повторяет: «Чтобы избавиться от головной боли, предпочтительно не лишаться головы, а закалять организм».

— Хорошо, — не сдавалась Шучорита. — Значит, вы видите в брахмане человека, отмеченного печатью божества, и верите, что пыль с его ног очищает человека?

— А разве то, чему мы поклоняемся, не создано по большей части собственным нашим воображением? Ореол, которым люди окружают монарха, придуман ими самими. Он нужен им. А на деле монарх такой же человек, как и все. Только люди стараются оправдать в собственных глазах тот факт, что кто-то имеет над ними абсолютную власть, и потому наделяют монарха всякими сверхъестественными качествами и тем самым вынуждают и его самого держаться как существо высшего порядка. Примеры подобной надуманности в человеческих отношениях нередки. Отчего, например, мы возвели в такой культ почитание родителей? Ведь отнюдь не только из обычной сыновней привязанности. Отчего в большинстве семей старшие братья во всем уступают младшим? Отчего у нас старший брат пользуется особым почетом? Ведь в других странах этого нет. А представьте себе, что наше общество оказалось бы способным воспитывать брахманов настоящими людьми, соответствующими своему высокому назначению. Ведь это было бы очень важно. Нам нужны святые люди, и они будут посланы нам — надо только желать этого со всей страстностью, на какую способны наш ум и наше сердце. Ну, а допустив, чтобы

нашими желаниями руководила глупость, мы всколыхнем в обществе все темные силы, которые обратят в свою пользу наше поклонение и будут процветать за наш счет.

— Но вы где-нибудь встречали таких святых людей?

— Они здесь, в Индии. Так же, как дерево скрыто в семечке, так и они — в духовных запросах нашей страны, в ее устремлениях. Одним странам нужны полководцы вроде Веллингтона, другим — ученые вроде Ньютона, третьим — миллионеры вроде Ротшильда, Индии же нужен брахман — человек, который не знает страха, который ненавидит алчность, побеждает страдания и не боится лишений, брахман, познавший Высшего Духа. Индии нужны стойкие, миролюбивые, независимые брахманы, и только в том случае, если они у нас будут, Индия обретет свободу. Нам нужен брахман и для того, чтобы соединить песней свободы все слои нашего общества. Брахманы нужны нам не для того, чтобы быть у нас поварами или заводить в нашем доме часы, а для того, чтобы пример их святого служения стал для нас образцом поведения в обществе. И чем выше будет наш идеал брахмана, тем больше уважения будем испытывать мы к нему. Это почитание намного превосходит поклонение монарху — оно равносильно преклонению перед богом. И вот, когда брахманы завоюют такое уважение к себе, наша страна станет неуязвимой, никто не посмеет оскорбить ее. Мы не склоняем головы перед властелином и не подставляем шею под ярмо угнетателя. Но мы согнуты страхом, созданным нашим же воображением, запутываемся в сетях собственной алчности, становимся рабами собственной глупости. Так пусть же брахманы, неумолимые в требованиях к самим себе, освободят нас от этого страха, от этой алчности, от глупости! И нам вовсе не пужно, чтобы они были великими полководцами, прозорливыми дельцами, чтобы они добывали для нас какие-нибудь земные блага.

Молчавший до этого Пореш не вытерпел и вмешался в разговор.

— Я не могу утверждать, что знаю Индию, — медленно проговорил он, — и не знаю, обрела ли она то, к чему стремится, но, скажите мне, разве возможно возвращение к прошлому? Мне кажется, мы должны

считаться с тем, осуществимо ли в настоящее время наше желание или нет. Какой прок хвататься за прошлое?

— Я тоже так думал и не раз говорил об этом, — ответил Биной. — Но Гора утверждает, что нельзя вычеркнуть прошлого, заявив, что оно отжило и никогда не вернется. Если наши представления не соответствуют нынешнему смятению умов, то это еще не значит, что они отсталые, ведь они — плоть от нашей индийской плоти. Гора говорит, что истина не умирает, и действительно, теперь только мы и начинаем чувствовать всю силу нашей индийской правды. И если вдруг родится некто, в кого поверят, за кем пойдут, то путь к источнику нашей силы откроется всем. Хранилище прошлого станет арсеналом настоящего. Неужели вы думаете, что Индии не суждено это счастливое рождение?

— Всё же рассуждения вашего друга, — возразила Шучорита, — вряд ли свойственны простым людям. Откуда же у вас такая уверенность, что вы говорите от имени всей Индии?

— Но ведь и восход солнца ученые объясняют не так, как простые люди, что, кстати сказать, нисколько не вредит самому солнцу. Людям же истинное понимание явлений природы приносит немалую пользу. Нам свойственно видеть истину частями, иногда упуская главное, а Гора обладает изумительной способностью соединять все эти детали в единое стройное целое; и разве можем мы считать, что он заблуждается, а правы все те, кто не может увидеть истины в целом?

Шучорита молчала.

— Пожалуйста, не думайте, — продолжал Биной, — что Гора один из тех заурядных людей, для которых строгое соблюдение законов индуизма — источник особой гордости. Если бы вы видели его отца, Кришнодояла-бабу, вы поняли бы, какая между ними разница. Кришнодояла-бабу чрезвычайно обеспокоен, как бы ему не оскверниться, он без конца раздевается и кропит себя водой из Ганги, он свято блюдет все обычаи, указанные в календаре. Он даже не решается доверить прекрасному повару-брахману приготовление пищи, — а вдруг этот брахман окажется недостаточно чистым! Гора не имеет права переступить порог его комнаты, и если Кришнодоялу-

бабу приходится по делу зайти в покои жены, то потом он совершает обряд очищения. И день и ночь он насто-роже — как бы умышленно или неумышленно не совершить хоть малейшую оплошность в исполнении положенных обрядов. Он так же заботится о своем внешнем облике, как мрачный Шива с лунным серпом на голове. Тот, как известно, был с ног до головы осыпан пеплом, носил соответствующую одежду и соответствующую прическу. Гора не таков. Не то что бы он не уважал законов индуизма, но он не может следовать им с таким фанатизмом. Для Горы важен внутренний смысл индуизма, самая суть его. И он вовсе не считает, что жизнь праведного индуиста нужно ограждать от всякого соприкосновения с грубой действительностью, словно это хрупкая безделушка.

— А у меня создалось впечатление, что он старается избежать даже малейшего соприкосновения с ней, — с улыбкой заметила Шучорита.

— О, это объясняется особенностями его характера, — пояснил Биной. — Если вы спросите Гору, признает ли он обычаи индуизма, он, не задумываясь, ответит: «Да, я признаю все обычаи: я верю, что каста может погибнуть от одного нечистого прикосновения и что внутренняя чистота может быть осквернена нечистой едой. Для меня это неопровержимая истина». Но я-то знаю, что все это простое упрямство, и ничего больше. Чем абсурднее кажутся слушателям его утверждения, тем с большим упорством он их отстаивает. А настаивает на безоговорочном исполнении всех правил он для того, чтобы, увидев, как он поступаетя мелочами, люди недалекие не начали бы пренебрегать тем, что действительно имеет значение, и еще чтобы не дать возможность противникам праздновать победу. Поэтому он не дает себе никаких поблажек даже в присутствии меня одного.

— Таких людей немало и среди членов «Брахмо Самаджа», — заметил Пореш-бабу. — Они требуют полного отказа от индуизма, опасаясь, как бы их не заподозрили в снисходительном отношении и к его скверным обычаям. Такие люди не могут жить просто, они либо лицемерят, либо лгут, полагая, что истина бессильна и их задача всеми правдами и неправдами защищать ее. Тот, кто

заявляет, что истина зависит от него, а не он от истины, — ханжа. Человек, который верит в силу истины, не кичится своей силой. Можно ненадолго усомниться в том или ином человеке — беда не велика, — но усомниться в истине нельзя ни на мгновение — это страшнее всего. Что касается меня, я молю бога об одном: пусть, где бы я ни был — на собраниях ли общества брахмаистов или в храме индуистов, — истина всегда открывалась бы моему смиренному взору и ничто постороннее не могло бы отвлечь меня от созерцания ее.

Проговорив это, Пореш-бабу задумался; казалось, он погрузился в собственные мысли. Эти несколько фраз словно изменили всю атмосферу. И не потому, что он сказал что-то значительное, а потому, что от его слов на всех повеяло теплом и миром, которыми была проникнута вся его жизнь. Глаза Шучориты и Лолиты сияли нежностью и гордостью. Молчал и Биной. Он понимал, что Гора слишком подавляет всех вокруг себя, что спокойная и ясная уверенность, которая облекает мысль, слова и поступки истинных глашатаев истины, не дана ему. В словах Пореша-бабу он услышал подтверждение этому, и ему стало неприятно. Противоречивые чувства и прежде боролись в душе Биноя; он понимал, что в жизни общества бывают периоды, когда, охваченное брожением, оно приходит в столкновение с требованиями времен, и что в этих случаях ревнители истины теряют хладнокровие и начинают подгонять истину к обстоятельствам. И вот теперь, слушая Пореша-бабу, он невольно подумал, что такого рода поведение свойственно лишь заурядным людям. Но ведь нельзя же причислить Гору к таким людям.

Вечером, когда Шучорита уже легла в постель, Лолита пришла к ней в комнату и присела на край кровати. Шучорита догадывалась, какие мысли бродят в голове сестры. Она понимала, что та думает о Биное, и поэтому заговорила первая:

— А знаешь, Биной-бабу мне очень нравится.

— Ну еще бы, ведь он только и знает, что повторяет слова Гоурмохона-бабу, — заметила Лолита.

Шучорита отлично поняла намек, но, сделав невидный вид, ответила:

— А знаешь, ты права, мне очень приятно слышать мнение Гоурмохона-бабу в его изложении. Создается впечатление, что сам Гоурмохон-бабу говорит с тобой.

— А мне это ничуть не приятно, — наоборот, даже злит.

— Почему? — удивилась Шучорита.

— Гора, Гора и Гора! День и ночь один Гора! Может быть, друг Биноя-бабу и правда замечательный человек, ну а сам-то он что — разве не хороший?

Шучорита улыбнулась:

— Конечно, хороший! Я только не понимаю, чем ему может мешать восхищение Гоурмохоном-бабу?

— Да тем, что этот Гоурмохон-бабу так подавляет Биноя-бабу, что тот окончательно ступешивается. Будто паук держит муху. Меня злит паук, но я не чувствую уважения и к мухе.

Шучорита, которую забавляла горячность Лолиты, только рассмеялась в ответ.

— Ты вот смеешься, диди, а я тебе прямо скажу, я не потерпела бы, если бы меня кто-нибудь стал отодвигать на задний план. Возьми хоть себя — ведь ты же никогда не стараешься затмить меня своим умом и знаниями, хоть некоторые и думают так, — просто это не в твоём характере. За это я и люблю тебя. Это отец научил тебя быть такой, он тоже уважает чужие взгляды и никому не навязывает своих убеждений.

Шучорита и Лолита больше всех в семье любили Пореша-бабу. Достаточно было одной из них произнести слово «отец», и лица обеих расцветали.

— Как ты можешь приравнивать меня к отцу, — сказала Шучорита. — Но как бы там ни было, язык у Биноя-бабу подвешен хорошо.

— Как ты не понимаешь, что он и красноречив-то так именно потому, что высказывает не свои мысли. Если бы он говорил то, что думает сам, он никогда не употреблял бы таких напыщенных избитых фраз. И тогда я слушала бы его с гораздо большим удовольствием.

— Но почему тебя это так возмущает? — спросила Шучорита. — Просто он настолько проникся мыслями Гоурмохона-бабу, что они стали его собственными.

— Вот это-то и ужасно! Разве бог дал человеку ум для того, чтобы толковать чужие мысли, а язык, чтобы повторять чужие слова, — пусть даже они звучат великолепно? Кому нужны тогда все эти красивые речи?

— А почему ты не хочешь допустить, что Биной настолько любит Гоурмохона-бабу, что совершенно искренне верит в правильность его мыслей?

— Нет, нет, нет, — вспыхнула Лолита. — Совсем он не верит! Просто он привык повиноваться Гоурмохону-бабу. Это рабство, а не любовь. Он пытается убедить себя и других, что у них одинаковые мысли; он глушит свои сомнения, чтобы не потерять уважения к Гоурмохону-бабу, потому что боится этого. Ведь хотя любовь и предполагает подчинение одного человека другому, невзирая на разницу в убеждениях, такое подчинение никогда не бывает слепым. С Биноем-бабу дело обстоит иначе — уважение к Гоурмохону вытекает из его любви к нему, только он не хочет в этом признаться. Ты не согласна со мной, диди? Ну скажи правду.

Но Шучорита думала о другом: ее интересовал только Гора, и она вовсе не стремилась понять внутренний мир Биной. Поэтому, не отвечая прямо на вопрос Лолиты, она в свою очередь спросила:

— Допустим, что ты права, что же из этого следует?

— Я так хотела бы помочь ему освободиться от влияния друга, хотела бы, чтобы он стал самим собой.

— Ну что ж, попробайся.

— У меня ничего не выйдет, вот если ты возьмешься за это, у тебя это, конечно, получится.

Хотя Шучорита и сознавала в глубине души, что Биной неравнодушен к ней, она попробовала отделаться шуткой, однако Лолита не унималась.

— Единственно, что мне в нем нравится, — продолжала она, — это то, что, узнав тебя, он стал пробовать выйти из-под опеки Горы. Будь на его месте кто-нибудь другой, он, наверное, уже написал бы какой-нибудь пасквиль о нравах и обычаях девушек из «Брахмо Самаджа». Биной же по-прежнему искренне расположен к нам. Ты только посмотри, как он относится к тебе, какое почтение питает к отцу. Диди, мы должны помочь Биною-бабу стать самим собой! Это же невыносимо, что

вся его жизнь посвящена проповеди взглядов Гоурмохона-бабу!

В эту минуту с криком «диди, диди!» в комнату вбежал Шотиш. Оказалось, что Биной брал его с собой в цирк, и, хотя было уже поздно, мальчик не мог не поделиться с сестрами своими впечатлениями — он первый раз в жизни был в цирке!

— Я оставлял Биню-бабу ночевать у нас, но он проводил меня до дому и ушел, сказал, что придет завтра, — болтал мальчуган. — Диди, я говорил ему, пусть бы он и вас сводил как-нибудь в цирк.

— Ну и что же он ответил? — поинтересовалась Лолита.

— Он сказал, что девушки испугаются, когда увидят тигра. А я ну ничуть не испугался.

И Шотиш с чувством мужского превосходства выпятил грудь.

— Ну еще бы! — сказала Лолита. — Храбрость твоего друга Биню сразу бросается в глаза. Послушай, диди, давай заставим его пойти с нами в цирк.

— Завтра днем там будет представление, — сказал Шотиш.

— Вот и чудесно! Завтра и пойдем.

На следующее утро, как только появился Биной, Лолита заявила ему:

— Вы пришли вовремя, Биной-бабу. Идемте.

— Куда? — удивился Биной.

— В цирк, конечно, — ответила Лолита.

В цирк! На глазах у всех, днем идти с девушками в цирк! Биной растерялся.

— По всей вероятности, Гоурмохон-бабу будет очень этим недоволен? — спросила Лолита.

Биной насторожился, и когда Лолита добавила:

— Ведь у Гоурмохона-бабу, безусловно, свои взгляды насчет посещения цирка в компании с девушками? — он твердо ответил:

— Безусловно!

— Какие же? Расскажите нам. Я пойду позову диди, пусть и она послушает.

Биной почувствовал скрытое ехидство вопроса и улыбнулся.

— Почему вы смеетесь? — продолжала Лолита. — Вы вчера сказали Шотишу, что девушки боятся тигров. Может быть, и вы кого-нибудь боитесь?

После такого разговора Биною ничего не оставалось делать, как отправиться с девушками в цирк. И по пути туда его не оставляла мысль, что в глазах Лолиты и остальных девушек он, наверно, выглядит немного смешным из-за своего подчинения Горе.

Когда Биной снова пришел к ним, Лолита с самым невинным видом спросила его:

— А вы говорили Гоурмохону-бабу о том, что были с нами в цирке?

На этот раз ее вопрос больно задел Биной.

— Нет, еще не говорил, — ответил он, краснея до ушей.

В это мгновение в комнату вбежала Лабонне.

— Пойдемте, Биной-бабу.

— Куда? — удивилась Лолита. — Опять в цирк?

— Ну, зачем же в цирк. Просто я хочу попросить Биной-бабу нарисовать мне узоры в углах платка, который собираюсь вышивать. Биной-бабу так хорошо рисует!

И Лабонне увела Биной.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Гора сидел, погруженный в свои обычные утренние занятия, когда в комнату неожиданно вошел Биной и безо всякого вступления заявил:

— А я на днях был в цирке с дочерью Пореша-бабу.

— Слышал, — ответил Гора, продолжая писать.

— От кого? — удивился Биной.

— От Обинаша. Он тоже в тот день был в цирке.

И, не добавив ни слова, Гора углубился в работу. Мысль о том, что Горе все уже известно, и притом известно от Обинаша, который, уж конечно, не пожалел красок, рассказывая о таком событии, снова всколыхнула в Биное все его прежние сомнения и заставила внутренне сжаться. К тому же он вспомнил, что вчера долго не мог уснуть, потому что мысленно вел спор с Лолитой. «Она вообразит, что я боюсь Горы, испытываю к нему те же

чувства, что школьник к своему учителю. Как ошибаются люди в своих суждениях! Да, я уважаю Гору, потому что он замечательный человек, но понимать наши отношения так, как понимает их Лолита, — значит быть несправедливой и к нему, и ко мне. Я не мальчишка, и Гора не мой наставник, просто глупо приписывать нам такие роли».

Гора продолжал писать, а язвительные замечания Лолиты одно за другим вспоминались Биною, и выкинуть их из памяти он не мог.

В душе его закипело возмущение.

«Что ж плохого в том, что я ходил в цирк? — спрашивал он себя. — Кто такой Обинаш, чтобы обсуждать с Горой мое поведение? И вообще, зачем понадобилось Горе говорить обо мне с этим дураком? Разве Гора мой опекун? С какой стати я должен отдавать ему отчет в том, с кем я встречаюсь и куда хожу? Это оскорбительно для нашей дружбы!»

Биной не возмущался бы так, если бы не понял вдруг, что собственное его поведение было далеко не безупречным. Он словно хотел переложить на Гору вину за то, что пытался утаить от него некоторые события своей жизни. Обругай его Гора, они бы крупно поговорили, выяснили отношения, помирились, и все было бы в порядке. Но Гора продолжал хранить торжественное молчание, как будто ему было дано право судить Биной. И, вспоминая язвительные замечания Лолиты, Биной испытывал жгучую обиду.

В это время в комнату вошел Мохим с трубкой в руке. Открыв коробочку с паном, он протянул ее Биною.

— Ну, брат, — сказал он, — мы со своей стороны все решили и все одобрили. Теперь остается только получить согласие твоего дяди. Ты уже написал ему?

Напоминание о предстоящей свадьбе было сегодня особенно неприятно Биною, хоть он и понимал, что винить Мохима не в чем, поскольку он дал свое согласие и Гора сообщил об этом брату. Но сейчас ему казалось унижительным, что он согласился на этот брак. Ведь Анондомойи уговаривала его не спешить, и потом, ведь он не испытывал никаких чувств к невесте. Совершенно непонятно, каким образом вопрос о свадьбе оказался уже

решенным. И не то чтобы Гора толкал его на это. И все же... За этим «все же» ему снова послышался насмешливый голосок Лолиты. Никто его не заставлял, никто не настаивал, просто долголетнее влияние Горы и тут сыграло свою роль. Ведь только любовь к Горе и природная мягкость и податливость были причиной беспрекословного подчинения Биноя своему другу. Из их дружбы ушло равенство. До сих пор Биной не замечал этого, теперь же он не мог не тревожиться. Дело дошло до того, что из чувства долга он обязан жениться на Шошимукхи!

— Нет, — ответил Биной Мохиму, — я еще не написал дяде.

— Собственно, я сам виноват в этом. Это моя обязанность, а вовсе не твоя. Скажи мне только его полное имя.

— К чему такая спешка, — возразил Биной. — Ведь время с середины октября до середины ноября считается неподходящим для свадеб. Можно, конечно, взять начало декабря, но нет... декабрь считается в нашем роду несчастливым, и дядя никогда не позволит, чтобы свадьба или вообще какое-нибудь счастливое событие состоялось в этом месяце.

Мохим поставил трубку в угол и сказал:

— Ну, знаешь, Биной, если ты с такими предрассудками считаешься, то немногого же, значит, стоит все ваше хваленое современное образование. В этой несчастной стране и так уж почти невозможно выбрать в календаре счастливый день, а если еще каждая семья начнет выяснять, когда именно у нее произошло какое-нибудь несчастье, то что это будет?

— Почему же вы тогда соглашаетесь с тем, что октябрь и ноябрь несчастливые месяцы?

— Я соглашаюсь? — вскричал Мохим. — Ничего подобного! Но что делать? В этой стране можно забыть бога, но попробуй-ка забудь, что связано с октябрём и ноябрём, с четвергом и субботой, с новолунием и полнолунием, — не обрадуешься! И должен признаться, что я хоть и не очень-то верю во все это, но тем не менее чувствую, как мне становится не по себе, если день не благоприятствует делу. Воздух нашей страны заражен

суевериями не меньше, чем малярией. Не могу избавиться от чувства страха и я.

— Ну, вот, а в нашем роду не могут избавиться от страха перед декабрем. Во всяком случае, дядя ни за что не согласится.

Таким образом, Биной удалось снова отсрочить окончательное решение, и Мохим, не зная, что еще предпринять, пошел к себе.

По тону Биноя Гора понял, что он колеблется. Последние дни Биной не показывался у них и, по-видимому, проводил все больше и больше времени у Порешабабу. А теперь он совершенно очевидно старался всеми способами оттянуть свадьбу. Мрачные предчувствия охватили Гору.

Его можно было сравнить с удавом, сжимающим кольца вокруг своей жертвы. Взявшись за дело, он уже не мог отступить, а когда чувствовал сопротивление или колебания противника, упорство его только возрастало.

И сейчас одолеваемый сомнениями Биной вызывал в Горе непреодолимое желание вцепиться в него.

Отложив перо, он поднял голову:

— Биной, раз уж ты дал слово брату, к чему все эти проволочки и оттяжки?

— То ли я дал слово, то ли меня заставили его дать, — вскипел вдруг Биной.

— Кто тебя заставил? — резким, холодным тоном спросил Гора, удивленный столь неожиданной вспышкой друга.

— Ты!

— Я?! Да мы с тобой и двух слов не сказали по этому поводу. И ты называешь это заставить?

Собственно говоря, подкрепить свое обвинение Биной было нечем; Гора сказал правду, они почти не говорили о свадьбе, и слова Горы вряд ли можно было истолковать как принуждение. И тем не менее в известном смысле был прав и Биной: по существу Гора заставил его согласиться на брак с Шошимукхи. Чем меньше улик против обвиняемого, тем раздражительнее становится обвинитель. Поэтому Биной возбужденно сказал:

— Заставить человека дать слово можно и без длинных разговоров.

— Можешь взять его обратно! — заорал Гора, вскакивая. — Оно не стоит того, чтобы я уговаривал тебя или заставлял согласиться!

— Дада! — позвал он громовым голосом Мохима, который был в соседней комнате.

Мохим поспешно вошел.

— Дада, разве я тебе не говорил с самого начала, что брак Биноя с Шошимукхи немислим... что я не согласен на него...

— Еще бы не говорил, — не понимая, в чем дело, ответил Мохим. — От тебя еще и не того дождешься. Другой бы на твоём месте хоть немножко усилий приложил, чтобы выдать племянницу замуж.

— Так зачем же ты ссылался на меня, уговаривая Биноя дать слово?

— Я думал, так он скорее согласится, вот и все.

Кровь кинулась Горе в лицо.

— Не смейте путать меня в это! Я вам не сваха! У меня есть другие дела, поважнее, — прогремел он и вышел из комнаты.

Не успел бедняга Мохим опомниться, Биноя тоже след простыл, и ему ничего не осталось делать, как обратиться за утешением к трубке, стоявшей тут же в углу.

Биной и прежде не раз ссорился с Горой, но до такой бурной стычки дело у них еще не доходило — он был в ужасе от того, что наговорил. К тому времени, как он добрался домой, угрызения совести сделались просто нестерпимыми. Ему не хотелось ни есть, ни спать, из головы не выходила мысль об оскорблении, которое он ни с того, ни с сего нанес Горе. Его особенно мучило то, что он незаслуженно, непонятно почему и зачем пытался взвалить всю вину на Гору. «Нехорошо, ох как нехорошо!» — повторял он про себя.

В тот же день, когда Анондомойи, пообедав, принялась за шитье, в ее комнате неожиданно появился Биной. От Мохима Анондомойи уже знала кое-что о случившемся, да и по выражению лица Горы за обедом она догадалась, что была буря.

— Ма, я нехорошо поступил, — чуть ли не с порога начал Биной. — То, что я наговорил сегодня Горе по поводу свадьбы с Шошимукхи, чистейший вздор.

— Не расстраивайся, Биной. Когда человек пытается подавить внутреннюю боль, такие вспышки неизбежны. Очень хорошо, что все так случилось. Через два дня вы оба забудете об этой ссоре.

— Ма, я хочу сказать тебе — я согласен жениться на Шошимукхи.

— Смотри, милый Биной, как бы ты не испортил дела еще больше, стараясь поскорее уладить вашу ссору. Помни, что размолвка на несколько дней, а женитьба на всю жизнь.

Но Биной уже твердо решил, что ему делать. Он чувствовал, что не может пойти к Горе, поэтому направился к Мохиму и заявил ему, что никаких препятствий к свадьбе больше нет, что она может состояться в конце января и что он сам позаботится о том, чтобы дядя дал свое согласие.

— Ну, что ж, если так, можно устраивать помолвку. А?

— Конечно, только сперва посоветуйтесь с Горой.

— Что? Неужели опять советоваться с Горой? — застонал Мохим.

— Да, это необходимо.

— Что ж, если иначе нельзя, не о чем и говорить, только...

И он сунул себе в рот кусочек пана.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

В этот вечер Мохим ничего не сказал Горе, но на следующее утро он пошел к брату. В душе он побаивался, что ему придется выдержать бурное объяснение, прежде чем он заручится согласием Горы на брак Шошимукхи и Биной. Однако, к большому удивлению Мохима, едва он рассказал о вчерашнем посещении Биной, о его готовности жениться и о настоятельной просьбе обсудить с Горой вопрос о помолвке, как Гора сейчас же выразил полное одобрение.

— Прекрасно, — сказал он. — Раз так, нечего откладывать помолвку.

— Сейчас ты говоришь «прекрасно», а потом тебе опять что-нибудь не понравится и ты начнешь возражать, — усомнился Мохим.

— Насколько я понимаю, весь этот сыр-бор разгорелся из-за моего ходатайства, а вовсе не из-за возражений.

— Ну, раз так, моя покорнейшая просьба, чтобы в будущем ты и не возражал и не ходатайствовал. Мне не пужны ни войска Кришны, ни его личная поддержка. Обойдусь как-нибудь своими силами. Как я мог ожидать, что твое ходатайство будет иметь обратное действие? Скажи мне честно, ты хочешь, чтобы эта свадьба состоялась?

— Да, хочу.

— Вот и хорошо. Тогда не вмешивайся больше в это дело, ради всего святого.

Гора мог сердиться, мог в гневе наговорить много лишнего, однако это вовсе не означало, что из-за резкой вспышки он готов поступиться своими планами. Он хотел во что бы то ни стало удержать Биноя возле себя и потому не думал о своем оскорбленном самолюбии. Более того, он даже рад был вчерашней ссоре — он понимал, что именно благодаря ей Биной решил на брак с Шошимукхи, что, выйдя вчера из себя, он тем самым связал Биноя по рукам и по ногам. Гора стремился как можно скорее установить с другом родственные отношения — тесные родственные отношения, которые связали бы их на всю жизнь. Он чувствовал, что прежняя непосредственность и простота постепенно исчезают из их дружбы.

Гора сознавал также, что трудно будет сохранить власть над Биноем, если он не будет постоянно находиться с ним вместе, и что для того, чтобы оградить друга от вредного влияния, следует в первую очередь установить наблюдение в «зоне опасности».

«Нужно начать ходить в дом Пореша-бабу, только так я смогу предостеречь его от всяких безрассудств», — решил Гора.

Вечером на следующий день после ссоры Гора отправился к Биною. Биной никак не ожидал его и даже не знал, радоваться ему или удивляться приходу друга. Еще

более поразило его, что Гора сам начал разговор о дочерях Пореша-бабу, причем в его словах вовсе не чувствовалось былой враждебности. Чтобы вовлечь Биню в разговор об этой семье, не требовалось особых усилий, и вскоре они уже оживленно говорили о своих новых знакомых. Бинюй рассказывал Горе о своих беседах с Шучоритой. Он не преминул отметить, что Шучорита всегда первая начинает разговор и что, хотя на словах она по-прежнему не согласна с их взглядами, в душе — так по крайней мере ему казалось — она начинает соглашаться с ними. Своим рассказом Бинюй надеялся возбудить в Горе острое любопытство.

— Когда я рассказал ей, как мать Нондо погубила своего сына, позвав к нему знахаря, и передал ей наш с тобой разговор, — вспоминал Бинюй, — она ответила: «Вот вы считаете, что круг обязанностей женщины должен быть ограничен домашним хозяйством, что ее дело стирать, убирать, готовить пищу, и больше ничего. Но, ставя ее в такое положение, вы сами создаете условия, притупляющие ее ум. Когда же она начинает верить в знахарей, вы возмущаетесь. Женщина, для которой весь мир заключен в ее семье, никогда не сможет стать настоящим человеком; она всегда будет вам, мужчинам, помехой в большом деле, будет тянуть вас назад, вымещая на вас обиду за собственное невежество. Мать Нондо — результат ваших усилий. Это вы держали ее в таких условиях, и теперь, как бы ни старались вы просветить ее, вам это не удастся». Я пытался спорить, — продолжал Бинюй, — но, сказать по совести, без большого подъема, потому что в душе был согласен с ней. И встаки с Шучоритой еще можно спорить, а вот с Лолитой — уволь. Я даже не осмеливаюсь возражать, когда она, подняв брови, говорит: «Вы полагаете, что всегда будете разрешать мировые проблемы, а мы обслуживать вас? Этого не будет! Мы должны заниматься тем же, чем занимаетесь вы, иначе мы так и останемся обузой для вас, а вы будете раздраженно твердить, что женщина — камень на вашем пути. Распахните двери перед женщиной, и вы увидите, что ни в каком деле она не будет вам помехой». Что можно возразить на это? Я больше помалкиваю. Она не часто вступает в разговор, но уж если

скажет, приходится основательно подумать, прежде чем ответить. И знаешь, Гора, что ни говори, но мне кажется, нам не пойдет на пользу, если мы станем искусственно задерживать развитие наших женщин, вроде того, как это делают китайцы, бинтующие женщинам ноги, чтобы остановить их рост.

— Я никогда не выступал против образования женщин.

— Да, но ты считаешь, что им достаточно изучить третью часть «Облегченного чтения»?

— Хорошо, теперь мы начнем с первой части теории Смирения¹.

Весь день и весь вечер друзья провели вместе. Слова и снова возвращались они к разговору о дочерях Пореша.

По дороге домой Гора неотступно думал об этих девушках. Не смог он отогнать мысли о них, даже когда лег в постель, и долго лежал без сна, перебирая в памяти все новое, что узнал в этот вечер от Биной.

Никогда еще не испытывал он такого смятения мыслей и чувств — ведь до сих пор ему и в голову не приходило задумываться над положением женщин, и вдруг сегодня Биной доказал ему, что этот вопрос тоже относится к числу мировых проблем, что его нужно так или иначе разрешить и что игнорировать дольше его невозможно.

Поэтому, когда на следующий день Биной предложил Горе пойти к Порешу-бабу, сказав: «Ты ведь давно у них не был. Пореш-бабу все время спрашивает про тебя», — Гора сразу же согласился. И не только согласился — по тону его голоса Биной понял, что прежнее безразличие к этой семье сменилось у Горы живым интересом.

Вначале Шучорита и другие девушки ничуть не заинтересовали его, затем в душе его поднялась какая-то презрительная враждебность к ним, и только теперь на смену этим чувствам явилось любопытство. Ему хотелось понять, чем они так приворожили к себе Биной.

Когда они пришли к Порешу, был уже вечер. В одной из комнат второго этажа горел свет. Харан читал Порешу свою новую статью, написанную по-английски. Впрочем,

¹ Здесь игра слов: по-бенгальски имя Биной означает «смирение, покорность».

Пореш в данном случае являлся всего лишь средством к достижению цели, основная же цель была заставить познакомиться с этим произведением Шучориту и произвести на нее впечатление.

Шучорита сидела поодаль, веером защищая глаза от яркого света лампы. Со свойственной ей выдержкой она внимательно слушала Харана, но время от времени мысли ее начинали блуждать и внимание рассеивалось.

Когда вошедший слуга доложил о приходе Горы и Биноя, Шучорита вздрогнула и поднялась, чтобы выйти из комнаты, но Пореш-бабу остановил ее:

— Ты куда, Радха? Ведь это же свои — Биной и Гора.

Смущенная девушка снова села. И хотя она испытывала облегчение оттого, что кончилось, наконец, чтение скучной английской статьи, и радость оттого, что пришел Гора, ее немного тревожила предстоящая встреча Горы и Харана. Трудно сказать, чем была вызвана ее тревога — боязнью ли нового столкновения между ними или еще чем-то...

Приход Горы чрезвычайно раздражил Харана. Он едва поздоровался с ним и погрузился в мрачное молчание. Зато в Горе при виде Харана немедленно проснулся весь его боевой задор.

Бародашундори с дочерьми уехала в гости, условившись с мужем, что вечером он приедет за ними. Приход Биноя и Горы поставил Пореша в затруднительное положение, но задерживаться дольше он не мог и поэтому, шепнув Харану и Шучорите: «Вы пока развлекайте их, а я постараюсь поскорей вернуться», — уехал.

Развлечение последовало незамедлительно — не прошло и нескольких минут, как Харан и Гора вступили в ожесточенный словесный бой. Спорили же они вот о чем: еще в Дакке Пореш-бабу познакомил с судьей одного из прилегающих к Калькутте районов — англичанином Браунло. Сам Браунло и его супруга весьма благоволили к Порешу-бабу, потому что он не ограничивал свободы своей жены и дочерей и не держал их как пленниц на женской половине дома.

Не так давно Бародашундори была в гостях у миссис Браунло. И, как всегда, не преминула похвастаться

необыкновенными успехами своих дочерей в области английской поэзии и литературы. Миссис Браунло — женщина восторженная и порывистая — тут же предложила Бародашундори, чтобы ее дочери подготовили небольшую пьеску и разыграли ее на вечере, в честь дня рождения судьбы. Это событие ежегодно отмечалось не только большим приемом, но и чем-то вроде сельской ярмарки.

— В этом году обещали приехать губернатор и его супруга, — добавила она.

Бародашундори очень обрадовалась приглашению. Сегодня в доме их друзей должна была состояться репетиция, на которую она и повезла своих дочерей.

Харан-бабу спросил Гору, не поедет ли он на ярмарку, на что тот с излишней резкостью ответил: «Нет, не поеду», — после чего между ними и вспыхнул горячий спор на тему об англичанах и бенгальцах и о трудностях, стоящих на пути к их сближению и дружбе.

— Во всем виноваты мы сами, — заявил Харан. — Со всеми своими глупейшими предрассудками и суевериями мы просто не заслуживаем того, чтобы англичане принимали нас в свое общество.

— Если мы действительно этого не заслуживаем, то нам должно быть очень стыдно добиваться, чтобы нас все-таки пустили в это общество, — усмехнулся Гора.

— Да, но к людям достойным англичане относятся с очень большим уважением, пример тому семья Пореша-бабу, — возразил Харан-бабу.

— Такого рода уважение только подчеркивает их высокомерное отношение к остальному народу и является в моих глазах ничем иным, как оскорблением.

Злость душила Харана, и Гора, искусно поддевая и подзадоривая его, скоро окончательно загнал противника в тупик.

Шучорита сидела напротив и из-за веера внимательно наблюдала за Горой; она слышала, что он говорит, но в смысл его слов не вникала. Если бы до ее сознания дошло, что она, не отрывая глаз, смотрит на молодого человека, Шучорита, наверное, сгорела бы со стыда. Но она не замечала этого. Гора сидел напротив нее, он чуть наклонился вперед и положил на стол свои громадные кулаки; свет лампы падал на его большой светлый лоб. Он

то презрительно смеялся, то сердито хмурился. Но за этой сменой выражений чувствовались внутреннее достоинство и спокойная уверенность человека, для которого спор отнюдь не был состязанием в красноречии и чьи взгляды сложились в результате долгих раздумий и наблюдений. Убеждением проникнут был не только его голос: выражение глаз, каждый жест, весь его облик свидетельствовали о том, что он глубоко уверен в своей правоте. С удивлением смотрела Шучорита на Гору. Ей казалось, она впервые увидела настоящего человека — человека, которого нельзя поставить на одну доску с другими людьми. Рядом с ним Харан-бабу выглядел совершенным ничтожеством: что-то смехотворное было в его фигуре, чертах лица, манерах, даже в одежде — и это раздражало Шучориту.

Она так часто говорила с Биноем о Горе, что в ее представлении он уже давно превратился в партийного лидера, человека стойких убеждений, посвятившего себя служению родине. Но сейчас мысль о его общественных заслугах, о пользе, которую он принесет со временем своей стране, отступила в сторону, и ее взору явился просто человек. Подобно тому как луна вызывает морские приливы, не считаясь при этом ни с местом, ни с временем, так и Гора взволновал сегодня душу Шучориты, заставил ее забыть о благоразумии и хороших манерах и наполнил всю ее искрящейся беззаветной радостью. Первый раз в жизни внутренний мир человека открылся ей, она словно заглянула ему в душу — и, потрясенная, забыла о себе.

От Харана-бабу не ускользнуло напряженное внимание, с которым девушка слушала Гору, и это вовсе не способствовало убедительности и вескости его собственных аргументов. Наконец, не в состоянии более сдерживать себя, он встал и, обращаясь к Шучорите, как будто она была ему близкой родственницей, сказал:

— Шучорита, выйдем на минуту в ту комнату, мне нужно кое-что сказать тебе.

Шучорита вздрогнула, как от удара. Отношения девушки с Хараном-бабу были таковы, что он мог позволить себе говорить с ней в таком тоне, и в другое время она не обратила бы на это никакого внимания, но сегодня,

в присутствии Горы и Биной, его фамильярность оскорбила ее. Она не могла простить Харану взгляда, который бросил на нее Гора. Сначала девушка сделала вид, что не слышала слов Пану-бабу, но когда он повторил уже с некоторым раздражением в голосе: «Ты слышишь, Шучорита? Мне нужно поговорить с тобой. Пойдем в ту комнату», — она, не подымая головы, ответила:

— Скоро вернется отец. Подождем до его прихода.

Биной поднялся.

— Мы, наверное, вам мешаем, — сказал он, — да и нам уже пора.

— Нет, нет, Биной-бабу, — торопливо ответила девушка. — Пожалуйста, не уходите. Отец ведь просил вас дожидаться его. Он сейчас вернется.

В голосе ее слышалась мольба. Так могла бы умолять о пощаде лань, которую готовились выпустить в лес навстречу охотнику с заряженным ружьем.

— У меня, к сожалению, нет времени. Я уйду, — заявил Харан-бабу и стремглав выбежал из комнаты. В следующее мгновение он пожалел о своем опрометчивом поступке, но вернуться обратно было уже неудобно.

Шучорита сидела, низко опустив пылающее от стыда лицо, и тщетно старалась придумать тему для разговора. Вот когда Горе представилась возможность внимательно рассмотреть ее.

Где же заносчивость и развязность, которые он в мыслях всегда приписывал образованным девицам? У нее, вне всякого сомнения, было очень умное и живое лицо, но присущие девушке скромность и застенчивость чудесным образом смягчали его выражение и придавали ему нежное очарование. Как правильны были черты ее лица! Как чист и безоблачен лоб, ясный, словно просвет осеннего неба, сколько прелести в очертании ее губ, похожих на свежие розовые лепестки; они сомкнуты, но слова трепещут на них, готовые сорваться. До сих пор Гора еще никогда не видел вблизи одежду современных женщин и осуждал новую моду, по существу не зная ее. Сегодня же сари, по-новому драпировавшее изящную фигурку Шучориты, показалось ему восхитительным. Одну руку она положила на стол. Эта рука, выглядывавшая из широкого

присобранного у запястья рукава блузки, словно несла Горе вдохновенный призыв ее нежного сердца.

Неярко горела настольная лампа, стоявшая рядом с Шучоритой. При ее мягком, спокойном освещении комната с затаившимися по углам тенями, с картинами на стенах, с удобной красивой мебелью приобрела вдруг в глазах Горы странное очарование, словно она стала уже не просто комнатой, а олицетворением домашнего очага и уюта, созданного прикосновением искусных и заботливых женских рук. Что-то теплое и живое коснулось сердца Горы, и вслед за этим горячая волна прихлынула и сладкой истомой обволокла его сердце. Никогда еще не испытывал он подобного чувства.

Гора пристально смотрел на девушку. Вся она, начиная от небрежных завитков волос на висках и кончая каймой сари, касающегося пола, казалась ему воплощением новой, чрезвычайно важной для него истины; он не сводил с нее глаз, он видел ее всю, и в то же время ни одна черточка, ни одна деталь не ускользала от его внимательного взгляда.

Некоторое время после ухода Харана все смущенно молчали. Первым нарушил молчание Биной.

— Вы помните, о чем мы с вами говорили в прошлый раз? — обратился он к Шучорите. — Ну так вот, было время, когда я, как и многие другие, верил, что для нашей страны, для нашего общества, для нас самих нет никакой надежды, что мы никогда не достигнем совершеннолетия и Англия вечно будет нашим опекуном, что какие бы то ни были перемены к лучшему невозможны, и что бороться против могущества англичан и против глубокого невежества нашего общества немислимо. Большинство наших соотечественников и до сих пор продолжает так думать. Подобные мысли делают одних людей алчными, других — апатичными. Вот почему средний бенгалец ни о чем, кроме служебной карьеры, не думает, а у богатого весь смысл жизни заключается в том, чтобы добиваться от правительства всяких титулов и званий. У нас нет никаких перспектив — прожили день, и ладно... оттого мы и не строим никаких планов, да для этого у нас и нет никаких оснований. Одно время я серьезно подумывал поступить на государственную службу, воспользовавшись про-

текцией отца Горы, но Гора так на меня напустился, что я живо пришел в себя.

Заметив, что последние слова Биноя несколько удивили Шучориту, Гора сказал:

— Не подумайте, что я возражал потому, что был зол на правительство. Нет, дело в том, что люди, состоящие на государственной службе, очень часто приписывают себе власть, принадлежащую государству, начинают гордиться своим могуществом и образуют класс, который стоит особняком от всего остального населения. С каждым днем я все больше и больше убеждаюсь в этом. У меня есть родственник, помощник судьи, теперь он уже в отставке. Так вот, пока он еще работал в суде, окружной судья, англичанин, часто упрекал его: «Бабу, почему вы так часто выносите оправдательные приговоры?» На это он неизменно отвечал: «Для этого у меня есть веская причина, сахиб. Для вас подсудимые, которых вы отправляете в тюрьму, немногим выше собак и кошек. А мне они братья». В те дни у нас было немало людей, которые решались говорить такие благородные слова, были и английские судьи, которые выслушивали и понимали их. Но с каждым днем лакейская ливрея все сильнее привлекает людей, и теперешний судья-бенгалец тоже смотрит на своих соотечественников, как на собак. На опыте доказано, что чем выше поднимается он как чиновник, тем ниже опускается как человек. Его опора — чужие, пришельцы, поэтому он невольно начинает смотреть сверху вниз на свой народ, а это неизбежно кончается тем, что он становится несправедливым по отношению к этому самому народу. Ни к чему хорошему это не ведет!

И Гора так ударил кулаком по столу, что в лампе заметался язычок пламени.

— Гора, этот стол не собственность правительства, — улыбнулся Биной, — а лампа принадлежит Порешу-бабу.

Гора громко расхохотался, и смех его разнесся по всему дому. Шучорита была удивлена и в то же время немало обрадована тем, что Гора понимает шутку и может по-детски, безудержно смеяться. В ее представлении люди, посвятившие себя великим идеям, были начисто лишены этого качества...

Гора говорил в этот день о многом, и хотя Шучорита слушала его молча, одобрение, которое он читал в ее глазах, все больше воодушевляло его.

— Мне хочется, чтобы вы запомнили одну вещь, — обратился он наконец непосредственно к Шучорите. — Глубоко заблуждаются люди, которые считают, что стать такими же сильными, как англичане, мы сможем лишь в том случае, если будем стараться уподобиться им буквально во всем. Такое подражание приведет нас к тому, что мы и от одних отстанем, и к другим не пристанем. Нужно помнить, что Индия — страна особенная: у нее своя сила и своя правда; она достигнет успеха и сохранит самобытность только в том случае, если пойдет собственным путем. Если мы, изучая английскую историю, не сумели понять этого, значит, мы ничему не научились. Я прошу вас: слейтесь с Индией, примите ее со всеми ее достоинствами и недостатками. Если вы натолкнетесь на уродливые стороны, старайтесь исправлять их своими силами. А главное, не полагайтесь на чужое мнение, постарайтесь увидеть своими глазами, понять, передумать, почувствовать себя частицей Индии. Вы никогда ничего не поймете, если будете настроены против нее, если, с детства, проникшись христианскими идеями, предпочтете смотреть на Индию со стороны. В этом случае вы лишь причините ей новые страдания и ничем не сумеете помочь.

Слова «я прошу» прозвучали в устах Горы, как приказ. В них заключалась такая сила, что согласия собеседника не требовалось. Сердце Шучориты учащенно билось; опустив голову, слушала она страстные слова молодого человека, обращенные к ней. Она не понимала, что, собственно, с ней происходит. Она никогда не думала, что «Индия» — это древний исполин, долго накапливавший силы в своем одиночестве, причудливо вплетающий свою особую нить в канву прошлой и будущей истории человечества. И только сегодня, слушая сильный, уверенный голос Горы, она вдруг поняла, как тонка и изящна эта нить и какими нерасторжимыми узами связывает она Индию с грядущими мировыми потрясениями. Внезапно ей открылись нелепость и убожество жизни тех индийцев, которые не сознают своей связи с этим гигантом и не готовы, если нужно, пожертвовать ради счастья Индии

собой. Это неожиданное прозрение помогло ей побороть свою застенчивость.

— Я никогда прежде не думала об Индии так глубоко и так правильно, — просто сказала она. — Но мне хочется задать вам один вопрос — каково отношение между родиной и религией? Разве религия — это не пробудившийся Дух страны?

Для слуха Горы вопрос, заданный нежным голосом Шучориты, прозвучал музыкой. А выражение ее огромных глаз придало ему особенную прелесть.

— Пробудившийся Дух страны неизмеримо больше ее самой и все же проявляется в ней. Всевышний выразил свою вечную сущность в многообразии форм. И те, кто утверждают, что истина — едина и, следовательно, истинна — только одна религия, упускают из вида ту истину, что истина безгранична. Именно благодаря существованию огромного множества разных религиозных учений, мы и в состоянии осознать все многообразие и всю безграничность верховного существа. Уверяю вас, можно увидеть солнце и через открытое окно Индии и для этого незачем переплывать океан и усаживаться у окна христианской церкви!

— Вы хотите сказать, что у Индии свой особый путь познания всевышнего? В чем же особенность этого пути?

— А вот в чем, — ответил Гора. — Все сходятся на том, что верховное существо, не обладая конкретной формой, проявляется в то же время в беспредельном множестве конкретных форм. Оно и в воде, и в земле, и в воздухе, и в огне, и в душе, и в сознании, и в любви. Оно в великом и в малом, в материальном и в духовном. Оно многолико и безлико, многообразно и едино. Немало мудрых людей пытались постичь его и проникнуть в его тайну. В некоторых странах бога стараются представить себе как нечто ограниченное и определенное. Такое стремление порой наблюдается и у нас в Индии, но мы никогда не утверждали, что наше представление единственно правильное. Никто из верующих Индии не станет опровергать того факта, что бог в своей бесконечности превосходит все представления о нем.

— Не станут опровергать просвещенные люди, а как насчет невежественных? — спросила Шучорита.

— В любой стране невежественные люди не понимают, что такое истина, — этого отрицать я не стану.

— Но разве у нас это непонимание не зашло дальше, чем в других странах?

— Возможно, но это происходит потому, что, стремясь всесторонне постичь сущность религии — ее материю и дух, ее внутреннее содержание и внешнюю сторону, ее плоть и душу, — кое-кто начинает отвергать духовное, признавая только материальное, и в своем невежестве приписывает этому материальному совершенно неприсущие ему странные свойства. Мы не настолько глупы, чтобы отказаться от удивительных, разнообразных, вдохновенных путей, которыми шла Индия, пытаясь познать дух, плоть и дела того, кто воплощает истину во всех ее проявлениях, — будь то сфера конкретного или отвлеченного, материального или духовного, осязаемого или воображаемого — и предпочесть им ограниченный, схоластический эклектизм атеизма и теизма Европы семнадцатого века. Вы, верно, думаете обо мне — этот человек хоть и выучил английский язык, по ничему не научился. Вам ведь с детских лет внушали совершенно другие понятия. Если же в вас когда-нибудь родится желание познать истинную природу Индии, постичь ее истинное назначение, если вы сумеете проникнуть в самую суть ее бытия, сквозь все предрассудки и уродства нынешней жизни, тогда... что я могу еще сказать... тогда в вас заговорит национальное чувство, и вы обретете свободу.

Шучорита сидела задумавшись, и Гора продолжал:

— Не считайте меня фанатиком, и особенно из числа наших скороспелых ортодоксальных индустов. Я вижу глубокую и величественную связь во всем том, что переживает и к чему стремится Индия; созерцание этого приводит меня в настоящий восторг, и я не чувствую ни малейшего смущения, сталкиваясь с самыми нищими, самыми темными пашинами соотечественниками. Не всем, увы, дано слышать этот великий зов Индии, но это не мешает мне ощущать свое неразрывное единство со всем народом ее, сознавать, что этот народ принадлежит мне, так же как я принадлежу ему. И я ни на секунду не

сомневаюсь в том, что именно в народе постоянно проявляется таинственный, извечный дух Индии.

Мощный голос Горы, казалось, сотрясал весь дом.

Трудно было ожидать, что Шучорита поймет все, что хотел сказать Гора, но первые проблески неминуемого прозрения всегда воспринимаются остро, и сейчас, словно впервые осознав, что мир человека не ограничивается пределами его семьи или общины, она испытывала неясное болезненное чувство.

Больше на эту тему они не говорили — на лестнице послышались быстрые шаги и громкий девичий смех. Это вернулся Пореш-бабу с Бародашундори и девушками, и встретивший их Шудхир уже принялся за свои обычные шутки.

Войдя в комнату и увидев Гору, Лолита и Шотиш постарались умерить свое веселье, Лабонне же, не в силах сдержать смех, повернулась и стремглав кинулась вон из комнаты. Шотиш подбежал к Биною и начал что-то шептать ему на ухо, а Лолита пододвинула стул поближе к Шучорите и села, почти спрятавшись за ее спиной.

Следом за ними вошел Пореш-бабу.

— Меня немного задержали, — сказал он. — А Панубабу уже ушел, как я вижу...

Шучорита промолчала, и Биной ответил за нее:

— Да, он куда-то спешил.

— Нам тоже пора идти, — сказал Гора и, поднявшись с кресла, почтительно поклонился Порешу-бабу.

— Мне так и не удалось поговорить с вами сегодня. Заходите к нам, когда у вас будет время, — сказал Пореш, обращаясь к Горе.

Гора и Биной направились к выходу, но в этот момент в дверях показалась Бародашундори. Молодые люди поздоровались с ней.

— Как, вы уже уходите? — воскликнула она.

— Да, — коротко ответил Гора.

— Но вас, Биной-бабу, я не отпущу, — обратилась Бародашундори к юноше. — Оставайтесь обедать. Мне нужно поговорить с вами.

Шотиш подпрыгнул от радости и, схватив Биною за руку, закричал:

— Да, ма, не отпуская Биню-бабу, пусть он переночует у нас сегодня.

Видя, что Биню стоит в нерешительности, Бародашундори обратилась к Горе:

— Вы непременно хотите увести с собой Биню-бабу? Разве он вам так уж нужен?

— Нет, что вы, — поспешно возразил Гора, — ты оставайся, Биню, а я пошел.

И он быстро вышел из комнаты.

Пока Бародашундори спрашивала у Горы разрешение Бинюю остаться, Биню не удержался и искоса взглянул на Лолиту. Девушка стояла отвернувшись, и на губах ее играла улыбка. И хотя Биню не мог сердиться на Лолиту за ее вечные поддразнивания, ему стало не по себе. Когда он вернулся к своему стулу и сел, Лолита заметила:

— А знаете, Биню-бабу, с вашей стороны было бы куда разумнее сбежать.

— Почему?

— Ма кое-что замышляет против вас. Для спектакля, который мы собираемся поставить на празднике у судьбы, не хватает одного актера, и она твердо решила, что вы нас выручите.

— Силы небесные! — встревожился Биню. — Но ведь я же не смогу!

— Я так и сказала ма, — улыбнулась Лолита. — Я сказала, что ваш друг ни за что не позволит вам участвовать в этом спектакле.

Биню проглотил эту пилюлю.

— Мой друг здесь ни при чем, — возразил он, — во всех своих шести предыдущих жизнях я ни разу не играл на сцене, — зачем же выбирать именно меня?

— Вы, вероятно, думаете, что мы играли?

В это время в гостиную вернулась Бародашундори, и Лолита сказала ей:

— Я же тебе говорила, ма, что бесполезно просить Биню-бабу принять участие в спектакле. Сначала нужно получить согласие его друга, и только потом...

— Но дело тут вовсе не в моем друге, — в полном отчаянии перебил ее Биню, — просто у меня нет никаких сценических способностей.

— О, пусть это вас не смущает, — успокоила его Бародашундори, — мы вам поможем. Неужели вы думаете, что эти девчонки сумеют играть, а вы нет? Это же просто смешно...

Все пути к отступлению были отрезаны.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

На этот раз Гора изменил своей обычной стремительной походке. Очутившись на улице, он медленно, с рассеянным видом пошел к своему дому, но вскоре бессознательно свернул в сторону и побрел по направлению к Ганге. В те времена руки алчных торговцев еще не коснулись этих мест: рельсы железной дороги не безобразили берег реки, над водой не нависали пролеты мостов и дымное дыхание шумного города не загрязняло неба. Казалось, волны реки доносили до пыльной, шумной Калькутты мир и тишину, царившие среди горных вершин далеких Гималаев.

Красотам природы еще никогда не удавалось привлечь внимание Горы. Занятый собственными мыслями, он не замечал ничего вокруг — ни земли, ни воды, ни неба, — ничего, что не имело непосредственного отношения к его деятельности.

Но сегодня красота бездонного темного неба, мерцавшего тысячами звезд, нашла путь к сердцу юноши, он увидел зеркальную гладь реки, в которой отражались огоньки стоявших у причала пароходов, заметил окутанные густым мраком деревья на противоположном берегу и всевидящее око Юпитера, спокойно взиравшего на всю эту картину сверху.

Сегодня величавое спокойствие природы словно овладело Горой. Ему казалось, что огромная ночь дышит в такт биению его сердца. До сих пор природа терпеливо ждала; но вот растворилась дверца в душе юноши, и она мгновенно захватила эту доверчиво распахнувшуюся, незащищенную крепость. Прежде он не нуждался в близости природы, для него существовал лишь его собственный мир, наполненный его мыслями, его делами. Что же произошло с ним сегодня? Что-то заставило его прибли-

зиться к природе вилотную, новыми глазами взглянуть на нее, и в ответ он ощутил теплую ласку спокойной темной реки, ее погруженных в непроницаемый мрак берегов, пеобъятного черного неба и почувствовал, как открывается этой ласке его душа.

Из какого-то сада до него донесся аромат незнакомых цветов; словно дуновением легчайшего ветерка, коснулся он встревоженного сердца Горы; река манила его вдаль, в неведомые края, где можно отдохнуть от тяжелых человеческих трудов, где на берегах безлюдных озер сплетаются кроны деревьев, осыпанные чудесными цветами, отбрасывающими таинственные тени, где так прекрасно небо, где дни подобны открытому взгляду наивных глаз, а ночи — теням, отброшенным стыдливо опущенными ресницами. Волна нежности нахлынула на Гору, подняла, закружила и повлекла в извечные глубины чувств, неведомых ему до той поры. Ликование и боль охватили его. Сейчас, в эту осеннюю ночь, когда он в полной отрешенности стоял на берегу реки, вематриваясь в туманные звезды, прислушиваясь к неясным городским шумам, ему казалось, что он ощущает присутствие таинственной, неуловимой силы, которой подчинена вся вселенная. За то, что он так долго не признавал ее власти, природа отомстила ему, опутав своими волшебными сетями: неразрывными узами соединив с землей, водой, небом, оторвав от всего, что еще недавно составляло его жизнь.

Недоумевающий, взволнованный Гора опустил на ступеньку безлюдной в этот час пристани. Снова и снова спрашивал он себя, чем вызваны эти внезапные чувства, что они дадут ему, какое место займут в его жизни, посвященной великой цели? Может быть, они враждебны ей? Может быть, с ними нужно бороться и победить?..

Гора с силой сжал кулаки, но в это мгновение вспомнил ласковый вопрошающий взгляд больших глаз, исполненных нежности и понимания, и ему показалось, что прекрасные легкие пальцы коснулись его руки. Несказанная радость пронзила его, все сомнения и колебания показались вдруг такими незначительными по сравнению с тем удивительным чувством, которое пережил он во

ираке этой ночи. Он боялся испугнуть его и продолжал сидеть на берегу — не шевелясь, не думая о том, что его ждут...

Когда поздно вечером Гора вернулся домой, Анондомойи спросила его:

— Почему ты так задержался, дорогой? Ужин давно уж остыл.

— Не знаю, ма, я долго сидел на набережной.

— Вместе с Биноем?

— Нет, я был один.

Анондомойи удивилась. Она не знала случая, чтобы Гора до глубокой ночи предавался мечтам, сидя на берегу Гаюги. Такое раздумие отнюдь не было в его характере. Анондомойи внимательно наблюдала за ним, пока он ел, и по лицу Горы поняла, что он взволнован и чем-то обеспокоен.

— Я думала, что ты пошел к Биною, — сдержанно сказала она, помолчав немного.

— Нет, мы вместе с ним были у Пореша-бабу.

Ответ Горы насторожил Анондомойи, и немного погодя она решила задать сыну еще один вопрос:

— Ты со всеми там познакомился?

— Со всеми, без исключения.

— Если я не ошибаюсь, девушки в этой семье решаются выходить к гостям?

— Да, и очень охотно.

В другое время в тоне Горы обязательно звучало бы раздражение, но теперь его не было, и это снова заставило Анондомойи задуматься.

Проснувшись на следующее утро, Гора, который обычно совершал омовение не теряя ни минуты, торопясь сразу же заняться своими дневными делами, на этот раз медлил. Он рассеянно подошел к окну, выходящему на восток, и, распахнув его, остановился. Переулок, где находился их дом, упирался в широкую улицу, на углу которой стояла школа. Вековой джам рос во дворе школы. Сейчас его листва была окутана тончайшей дымкой утреннего тумана, сквозь который неясно алело восходящее солнце. Гора стоял и смотрел на восход. Вот растаял туман, и яркие лучи солнечного света, подобно сверкающим штыкам, пронзили пышную крону дерева. Улицы

оживали, наполняясь прохожими и шумом городского транспорта.

В конце переулка показался Обинаш и еще несколько студентов. Усилием воли Гора стряхнул оцепенение, охватившее его. «Нет, так нельзя!» — убежденно сказал он себе и выбежал из комнаты.

Он резко упрекал себя за то, что оказался не готов к приходу товарищей. Прежде подобной оплошности с ним не случалось. Этот, казалось бы, пустяк больно задел его самолюбие, и он твердо решил впредь не ходить в дом Пореша и постараться выбросить из головы все мысли об этой семье, даже если бы для этого потребовалось не видеться некоторое время с Биноем.

Приятели собрались к нему обсудить план задуманного похода. В конце концов было решено, что они пойдут по дороге вдоль берега Ганги, пойдут без денег, рассчитывая исключительно на радушие и отзывчивость людей, с которыми им доведется встретиться в пути.

Когда решение было окончательно принято, Гора пришел в восторг. Сильнейшая радость овладела им при мысли о том, что ему удастся сбросить с себя все оковы и вырваться на волю. Уже само сознание того, что они пускаются в рискованное предприятие, казалось, высвободило сердце из опутавших его тенет. Словно школьник, отпущенный на каникулы, Гора чуть ли не вприпрыжку выбежал из дому, чтобы сделать все необходимые приготовления к походу, повторяя снова и снова, что чувства, охватившие его, — пустой обман и что истина заключается только в труде.

В это время к дому, бормоча молитвы, подходил Кришнодоял. На плечи у него был накинут чадор, испещренный именами богов, в руках он держал кувшин со священной водой Ганги. Гора чуть не столкнулся с ним и, смутившись, нагнулся, чтобы коснуться его ног в знак извинения.

— Оставь, оставь! — заторопился Кришнодоял и в замешательстве быстро отошел от Горы, прикосновение которого, до утренней молитвы, сводило на нет его омовение в Ганге.

Гора никогда не замечал, что отец старательно избегает именно его прикосновений. Он просто считал, что

Кришнодола в своей боязни оскверниться доходит до крайности и старается избежать любых прикосновений. Ведь держал же он на расстоянии даже Анондомойи, как будто она была отверженной, и уклонялся от всяких контактов с Мохимом. Из всех членов семьи он допускал к себе только дочь Мохима — Шошимукхи. Он заставлял ее заучивать санскритские тексты и посвящал в таинства разных обрядов.

Когда Кришнодола отшатнулся от него, Гора только усмехнулся про себя: сказать правду, поведение отца постепенно привело к тому, что отношения их стали совсем далекими, и вся привязанность Горы сосредоточилась на матери, которую он считал необыкновенной женщиной, хоть и не одобрял ее вольного отношения к священным законам.

После завтрака Гора связал в небольшой узел смену белья, прикрепил его за спиной на манер английских туристов и отправился к матери.

— Ма, я хочу уйти на несколько дней. Отпусти меня, пожалуйста.

— Куда же ты идешь, милый?

— Я и сам еще не знаю.

— У тебя какие-нибудь дела?

— Не такие, которые мы обычно подразумеваем под этим словом. Поход сам по себе будет делом.

И так как Анондомойи ничего не ответила, он добавил:

— Ма, прошу тебя, не отказывай мне. Как будто ты меня не знаешь. Не бойся, я не сделаюсь саньяси и не стану бродягой. Ведь долго прожить без тебя я все равно не смогу. Ты же это знаешь...

Гора никогда прежде не говорил матери о своих чувствах к ней и сейчас немного смутился. Обрадованная Анондомойи увидела его замешательство и поспешила прийти ему на помощь.

— Ты, конечно, идешь вместе с Бипоем? — спросила она.

— Ну вот... ты считаешь, что без охраны Бипоя твоего Гору обязательно похитят! Нет, ма, Бипой не пойдет с нами. Я пойду один, вернусь цел и невредим и докажу

на деле, что твоя слепая вера в Биноя не имеет под собой никаких оснований.

— Но ты будешь сообщать мне о себе?

— Приготовься к тому, что не буду — тебе же будет приятнее, если ты все-таки получишь вдруг от меня весточку. Не беспокойся, никто не позарится на твоего Гору. Это только для тебя я такое сокровище. Ну, а если кого-нибудь соблазнит мой узелок, я преподнесу его в подарок и вернусь домой — жизнь за него отдавать я не собираюсь, можешь быть спокойна на этот счет.

Гора низко склонился и взял прах от ног матери. Она опустила ему на голову руку и потом приложила пальцы к губам. Отговаривать его она не стала. Анондомойи никогда ничего не запрещала только оттого, что была раздражена или из страха перед воображаемыми несчастьями. За свою жизнь она повстречала немало всяких трудностей и опасностей и неплохо знала мир, в котором жила. Она отнюдь не была труслива и, отпуская Гору, вовсе не боялась, что он попадет в беду. Однако еще накануне вечером она с тревогой поняла, что в душе ее сына произошел какой-то перелом. Она чувствовала, что внезапный уход Горы связан с этим.

Вскнував на спину узел, Гора вышел на улицу и почти сразу же столкнулся с Биноем, который бережно нес в руках две пунцовые розы.

— Ну, Биной, — засмеялся Гора, — на этот раз я на деле проверю, хорошая или плохая примета встреча с тобой.

— А что, ты разве отправляешься в странствие?

— Да.

— Куда?

— Пусть эхо ответит тебе «куда», — с улыбкой сказал Гора.

— Ничего другого сказать ты мне не можешь?

— Нет. Иди к ма, от нее все узнаешь. А я пошел.

И он быстро зашагал.

Биной пошел на женскую половину дома, поклонился Анондомойи и положил розы к ее ногам.

— Откуда они у тебя? — спросила она, наклоняясь, чтобы поднять их.

Биной не ответил на ее вопрос.

— Как только у меня появляется что-нибудь прекрасное, мне в первую очередь хочется сложить это к твоим ногам, ма, — сказал он и добавил: — Но ты чем-то обеспокоена сегодня.

— Почему ты так решил? — спросила Анондомойи.

— Ты забыла предложить мне пан.

Когда Анондомойи исправила свою оплошность, они уселись рядом и принялись болтать. Никаких предположений, чем вызван внезапный уход Горы, сделать Биной не мог.

— Так вы, значит, вчера вместе были у Пореша-бабу? — спросила Анондомойи.

Биной во всех подробностях рассказал об их вчерашнем посещении, и Анондомойи выслушала его с глубоким вниманием.

Наконец Биной собрался идти домой.

— Ма, могу ли я взять назад розы, после того как ты дала им свое благословение? — спросил он.

Анондомойи рассмеялась и протянула ему цветы.

«Конечно, эти розы удостоились такого почета отнюдь не потому, что они красивы, — подумала она, — за их ботанической природой скрывается природа куда более серьезных вещей».

После ухода Биноя Анондомойи еще долго размышляла над тем, что она узнала от него, и усердно молила бога, чтобы он оградил Гору от всех несчастий и укрепил его дружбу с Биноем.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

С этими цветами была связана целая история.

Накануне вечером, уже после того как Гора один ушел от Пореша-бабу, Биной, получив предложение принять участие в предстоящем спектакле, очутился перед трудной дилеммой. Лолита вовсе не была в восторге от этого представления и ко всей затее относилась весьма холодно, тем не менее она во что бы то ни стало хотела втянуть в нее и Биноя. Ее раздражал Гора, и она испытывала странное желание заставлять Биноя поступать наперекор ему. Она и сама не смогла бы ответить, почему ей

так невыносима мысль, что Бипой находится у Горы в подчинении. Как бы то ни было, она чувствовала что тогда только успокоится, когда вырвет Биной из-под влияния его друга. Поэтому, когда Биной отказался принять участие в представлении, она, задорно тряхнув головой, спросила его:

— А что, собственно, дурного в этом спектакле?

— В спектакле, может быть, и нет ничего дурного, — ответил Биной. — Но мне не нравится то, что он состоится в доме судьи.

— Не нравится вам самому или еще кому-нибудь?

— Я не считал бы себя вправе говорить за кого-то еще, — сказал Биной, — чтобы повторять чужие мысли, нужно знать, что за ними кроется. Может быть, вам кажется это неправдоподобным, но я всегда говорю то, что думаю сам, хотя, случается, пользуюсь для этого чужими словами.

Лолита только усмехнулась и ничего не ответила. Немного погодя, однако, она снова обратилась к нему:

— Ваш друг Гора-бабу, наверно, думает, что отклонить приглашение судьи — большое геройство. Вероятно, он считает это одним из способов борьбы с англичанами?

— Право, не знаю, что думает по этому поводу мой друг, — вспыхнул Биной. — Про себя же скажу, что я действительно так считаю. Что же это, если не один из способов борьбы? Довольно трудно сохранять чувство собственного достоинства и в то же время униженно принимать приглашения тех, кто, поманив пальцем, думает, что оказал нам тем самым большую честь.

Лолита была горда по природе, и поэтому ответ Биной ей очень понравился. Но так как ей не очень хотелось признавать свою неправоту, она принялась язвить и подтрунивать над Биноем.

В конце концов Биной сказал:

— К чему весь этот спор? Почему вы не скажете прямо: «Я хочу, чтобы вы участвовали в спектакле!» Тогда у меня хоть будет удовлетворение, что я поступил своими принципами ради того, чтобы исполнить вашу просьбу.

— Вот еще, — возразила Лолита, — и не подумаю! Если у вас действительно есть какие-то определенные

принципы, с какой стати вы будете отказываться от них из-за меня... Конечно, в том случае, если они у вас действительно есть.

— Хорошо, пусть будет так! — сказал Биной. — Будем считать, что никаких определенных принципов у меня нет — раз уж мне не разрешается поступиться ими ради вас. В таком случае позвольте мне заявить, что я признаю свое поражение в споре и соглашаюсь принять участие в спектакле.

В это время в комнату вошла Бародашундори. Биной тотчас же поднялся.

— Я готов участвовать в спектакле, — сказал он. — Скажите, пожалуйста, где я могу получить свою роль?

— Ну, на этот счет можете не тревожиться, — ответила очень довольная Бародашундори. — Мы все сделаем. Все, что от вас требуется, это аккуратно посещать репетиции.

— Прекрасно! Ну, а сейчас я прощаюсь с вами.

— Нет, нет! Вы должны поужинать у нас.

— Сегодня я попросил бы вас отпустить меня.

— Нет, Биной-бабу, — настаивала Бародашундори, — это невозможно.

В конце концов Биной остался, но на этот раз он не чувствовал себя в доме Пореша-бабу легко и непринужденно, как прежде. Даже Шучорита казалась сегодня какой-то рассеянной и почти все время молчала. Она не принимала никакого участия в разговоре Лолиты и Биноя и, пока они спорили, встала и начала ходить из одного угла веранды в другой. Что-то явно нарушилось в гармонии их всегдашних отношений.

Уходя домой, Биной сказал вдруг ставшей серьезной Лолите:

— Ну и везет же мне — и побежденным себя признал, а улыбки от вас так и не заслужил!

Ничего не ответив, девушка повернулась и вышла.

Лолита никогда не плакала по пустякам, почему же сегодня слезы то и дело навертывались ей на глаза? Что случилось? Почему она, не щадя усилий, старалась уколоть Биноя и добилась лишь того, что ей самой стало больно и грустно?

Пока Биной отказывался, Лолита проявляла большую настойчивость, стремясь заставить его согласиться, но стоило молодому человеку изменить свое решение, как весь ее пыл моментально угас. Доводы, которые приводил он, вставали у нее в уме, и мысль о том, что они были, пожалуй, совершенно справедливыми, не переставала мучить ее.

«Как он мог согласиться только потому, что я попросила его об этом? — с тоской спрашивала она себя. — Что значит для него мое желание? Может быть, он сделал это просто из вежливости? Очень мне нужна его вежливость!»

Из-за чего же, собственно, мучилась она сейчас? Ведь она проявила максимум энергии, чтобы заставить Биную участвовать в спектакле. Какое же право имела она злиться на него за то, что он уступил ей, пусть даже из вежливости? Лолита осыпала себя упреками, и со стороны могло показаться, что она придает всей этой истории слишком уж большое значение. Обыкновенно, если ее что-нибудь мучило, она сразу бежала за сочувствием к Шучорите, но сегодня Лолита не пошла к сестре — не пошла потому, что сама не понимала толком, отчего так стучит ее сердце и к глазам подступают слезы.

На следующий день Шудхир преподнес Лабонне букет цветов, среди которых были две великолепные красные розы. Лолита взяла букет и вытащила из него розы.

— Что ты делаешь? — закричала Лабонне.

— Я не выношу, когда такие чудные цветы соединяют с другими. Смешанные букеты вообще варварство.

Лолита развязала букет и расставила цветы по разным вазам, а розы оставила себе.

— Диди, откуда ты взяла эти цветы? — закричал вбежавший Шотиш.

Но Лолита пропустила его вопрос мимо ушей и сама спросила мальчика:

— Ты не собираешься сегодня к своему приятелю?

До этой минуты Шотиш и не думал о Биное, но сейчас при одном упоминании о нем он так и запрыгал.

— Пойду, пойду, конечно, пойду!

Ему не терпелось скорей побежать к Биною, но Лолита удержала его.

— А что ты там делаешь?

— Мы разговариваем, — веско ответил Шотиш.

— Биной-бабу подарил тебе столько картинок, — продолжала Лолита, покачивая головой, — пора бы и тебе отнести что-нибудь ему в подарок.

Биной вырезал из английских журналов картинки и приносил их Шотишу, а мальчик завел себе специальный альбом и наклеивал их туда. Ему так не терпелось поскорее заполнить альбом, что у него разгорались глаза на все картинки — даже в дорогих книгах, — и за эту жадность на его голову обрушивалось немало упреков от сестер.

Мысль о том, что в этом мире всякое даяние требует воздаяния, неприятно поразила Шотиша. Ему нелегко было расстаться с каким-нибудь из сокровищ, хранившихся в старой жестяной коробке. Лолиту позабавило встревоженное лицо мальчика, и, ласково потрепав его по щеке, она со смехом проговорила:

— Ладно, ладно, нечего так волноваться. Отнеси ему эти цветы, и дело с концом.

Обрадованный тем, как просто все разрешилось, Шотиш взял розы и немедленно отправился выполнять долг дружбы.

Биноя он встретил на улице.

— Биной-бабу, Биной-бабу! — еще издали закричал мальчик. Он спрятал цветы под курточкой и, подбежав к своему другу, спросил:

— А ну угадайте, что я вам принес?

Когда же Биной, по обыкновенному, угадать не смог, Шотиш достал розы.

— О, какая прелесть! Только, Шотиш-бабу, откуда ты их взял? Они ведь не твои! Как бы мне не угодить в полицию за укрывательство краденого!

Шотиш заколебался, цветы ведь и в самом деле были не его. Но, подумав, он ответил:

— Нет, почему? Мне эти розы дала Лолита-диди и сказала, чтобы я подарил их вам.

Все разъяснилось, и Биной простился с мальчиком, пообещав прийти к ним вечером.

Биной до сих пор остро чувствовал обиду, которую нанесла ему вчера вечером Лолита. Он почти никогда ни

с кем не ссорился и не понимал, почему у кого-то может возникнуть желание говорить ему неприятности. Сначала он считал, что Лолита во всем подражает Шучорите, и не задумывался над ее отношением к нему, но с некоторых пор он стал испытывать к ней приблизительно то же чувство, какое испытывает слон к погонщику, вооруженному анкушем. Главной задачей Биной стало всеми силами стараться умиловить Лолиту и добиться хоть минуты покоя самому. Но вчера, даже после того как он вернулся домой и лег в постель, ее насмешливые язвительные замечания продолжали звучать у него в ушах и долго не давали заснуть.

«Лолита считает, что я всего лишь тень Горы, — думал он. — Что я совершенно лишен собственного мнения, и за это она презирует меня. Но ведь это неправда, я во все не тень Горы!»

Мысленно Биной приводил массу доводов в доказательство своей самостоятельности, но беда в том, что это было совершенно бесполезно, ведь Лолита ни в чем прямо его не обвиняла и в споры с ним по этому поводу не вступала. Он очень многое мог бы сказать в свою защиту, но такого случая ему не представлялось — вот это-то и было самое обидное. И в довершение всего, даже когда он заявил, что считает себя побежденным в споре, Лолита не выказала никакой радости, чем окончательно расстроила Биной.

«Неужели я действительно такое ничтожество», — с горечью думал он.

И конечно, он был несказанно рад, узнав от Шотиша, что цветы посланы ему Лолитой. Он понял, что они посланы как залог мира, в знак принятия его капитуляции.

Первой мыслью Биной было отнести розы домой, но потом он подумал: «Нет, это цветы примирения, и я понесу их матери. Пусть она освятит их своим прикосновением».

Вечером того же дня Биной отправился в дом Порешабабу. Лолита проверяла, как Шотиш приготовил заданные в школе уроки.

— Красный цвет — цвет войны, цветы же примирения должны быть белыми, — сказал Биной, подходя к Лолите.

Лолита удивленно посмотрела на молодого человека, словно не понимая, о чем идет речь. Тогда Биной вынул из-под чадора букет белых олеандров и протянул их девушке.

— Как ни красивы ваши розы, — сказал он, — на их лепестках лежит алый отблеск гнева. Мои цветы не сравнятся с ними по красоте, но их скромный белый наряд олицетворяет покорность, а потому — прошу вас — сообразоволите принять их.

Лолита вспыхнула. Даже кончики ушей у нее покраснели.

— О каких моих цветах вы говорите?

Биной растерялся:

— Может быть, я ошибся. Шотиш-бабу, чьи цветы ты мне подарил?

— Как чьи? — обиженно ответил Шотиш. — Лолита-диди дала их мне и приказала отдать...

— Отдать кому? — настаивал Биной.

— Вам, конечно.

Лолита покраснела еще больше и толкнула Шотиша в спину.

— Вот глухой мальчишка, — сказала она. — Разве ты сам не хотел подарить Биною-бабу цветы, чтобы отблагодарить его за картинки?

— Да, но ведь это ты сказала, чтобы я отдал ему цветы, — оправдывался ничего не понимавший Шотиш.

Лолита чувствовала, что с каждой минутой запутывается все больше и больше. Конечно, Биной понял, что цветы послала ему она, понял он и то, что она ни за что не хотела признаться в этом.

— Хорошо, — сказал Биной. — Я уступаю — вы не посылали мне роз. Но все, что я сказал о своих цветах, остается в силе. Я дарю их вам в знак нашего примирения.

— Я не помню, чтобы мы с вами ссорились, — покачав головой, ответила Лолита. — И не понимаю, о каком примирении может идти речь?

— Выходит, что все это, с начала до конца, моя фантазия, — воскликнул Биной. — Ни ссоры, ни цветов, ни примирения — ничего этого не было. Хорошо же я обманулся — думал, что принял позолоту за чистое золото,

а оказывается, и позолоты-то не было. Вы уговаривали меня принять участие...

— В этом случае вы ничуть не ошиблись, — прервала его Лолита. — Только при чем тут ссора? Почему вы вообразили, что, споря с вами, я преследовала тайную цель заставить вас выступить в этом спектакле. Вы согласились, и я этому рада — вот и все! Но если у вас были серьезные причины не хотеть этого, зачем было соглашаться на чьи бы то ни было уговоры?

С этими словами Лолита вышла из комнаты. Все получилось наоборот! Еще утром она твердо решила признаться Биню в том, что была неправа, и попросить его отказаться от участия в спектакле, но с самого начала все пошло шиворот-навыворот.

У Биню же создалось впечатление, что Лолита не простила ему вчерашних возражений и сердится, думая, что — несмотря на свое согласие — в глубине души он по-прежнему настроен против спектакля. Бинюй был очень огорчен тем, что она приняла все это так близко к сердцу, и дал себе слово избегать в будущем всяких разговоров на этот счет, даже шутивных. Он решил, что приложит все силы к тому, чтобы сыграть свою роль хорошо и не дать повода упрекать себя в безразличном отношении к делу.

Шучорита с самого утра сидела одна у себя в комнате и пыталась читать английскую книгу под названием «По стопам Христа». Сегодня она не могла заставить себя заняться обычными делами. Она пыталась читать, но мысли ее то и дело устремлялись куда-то вдаль, буквы начинали расплываться перед глазами, и тогда, сердясь на свою рассеянность, девушка усилием воли принуждала себя с удвоенным вниманием браться за книгу.

Один раз Шучорите показалось, что она слышит голос Бинюй-бабу. Она положила книгу на стол и совсем было собралась выйти в гостиную. Но в следующее мгновение, не желая самой себе сознаться в том, что книга интересуется ее очень мало, она снова села и углубилась в чтение, заткнув уши, чтобы не слышать посторонних звуков.

В это время в комнату вошла Лолита. При виде ее расстроенного лица Шучорита воскликнула:

— Что с тобой?

Лолита резко тряхнула головой.

— Ничего.

— Ты где была все это время?

— Пришел Биной-бабу, он, кажется, хочет поговорить с тобой.

Шучорита не решилась спросить, пришел ли Биной один или нет. Конечно, если бы кто-нибудь пришел вместе с ним, Лолита сама сказала бы ей об этом... И все же подавить волнение она не могла. Как бы то ни было, долг гостеприимства нужно было выполнять прежде всего, а потому, отбросив колебания, она направилась в гостиную.

— А ты не пойдешь? — спросила она сестру, остановившись в дверях.

— Иди, иди, — нетерпеливо ответила Лолита. — Я приду после.

Войдя в гостиную, Шучорита застала там только Биной, болтавшего с Шотишем.

— Отца нет дома, но он скоро вернется, — сказала она, — а ма повела Лабонне и Лилу к учителю, который помогает им разучивать роли. Одна Лолита дома. Ма просила, чтобы вы не уходили, не дождавшись ее. Вы тоже, наверно, будете сегодня репетировать?

— А разве вы не участвуете в спектакле?

— Ну, если все будут актерами, кому же быть зрителями? — пошутила Шучорита.

Бародашундори неизменно старалась отстранить Шучориту от участия во всякого рода светских развлечениях; так и сейчас она сделала все, чтобы не допустить девушку блеснуть своими талантами.

В другое время хозяйка и гость нашли бы достаточно тем для разговоров, но сегодня что-то мешало им, и беседа не клеилась. Шучорита вошла в гостиную с твердым намерением не заводить обычного разговора о Горе. Нелегко было заговорить о нем и Биной, раз уж — как ему казалось — Лолита, да, возможно, и все остальные в этом доме, считали его всего лишь слепым последователем своего друга.

И прежде случалось, что сначала приходил Биной, а потом уж Гора, поэтому и сегодня Шучорита все время

была в каком-то напряженном ожидании. Она боялась прихода Горы и в то же время беспокоилась, что он может не прийти.

Обменявшись несколькими незначительными замечаниями, Шучорита и Биной умолкли. Чтобы заполнить как-то пустоту неловкого молчания, девушка взяла альбом Шотиша и стала указывать брату на недостатки в размещении картинок и в конце концов добилась того, что вывела мальчика из терпения. Обиженный Шотиш заспорил с ней, а Бипой печально смотрел на свои отвергнутые олеандры, так и оставшиеся лежать на столе, и думал: «Она должна была взять мой букет хотя бы из простой вежливости».

Послышались чьи-то шаги. Шучорита обернулась и, увидев входящего Харана-бабу, вздрогнула. Испугавшись, что ее волнение ни для кого не осталось тайной, она залилась краской. Харан-бабу уселся в кресло и обратился к Биноу:

— Что же это не видно вашего Горы-бабу?

Биной рассердился на Харана за этот неуместный вопрос.

— А он вам нужен? — резко спросил он.

— Нет, — ответил Харан, — но вы ведь почти неразлучны. Потому я и спросил.

Это замечание еще больше раздражило Биню, и, чтобы как-нибудь не выказать своего неудовольствия, он коротко ответил:

— Гора уехал из Калькутты.

— Отправился проповедовать, вероятно? — усмехнулся Харан.

Гнев Биню все возрастал, но он сдержал себя и ничего не ответил. Внезапно Шучорита встала и молча направилась к дверям. Харан-бабу пошел было за ней, но не догнал и только крикнул ей вслед:

— Шучорита, мне нужно поговорить с вами.

— Я скверно себя чувствую, — ответила девушка, ушла и заперлась у себя в спальне.

Вскоре приехала Бародашундори. Она позвала Биню в другую комнату, чтобы объяснить, что ему надлежит делать в предстоящем спектакле. Во время его отсутствия цветы исчезли со стола в гостиной. Долита в этот вечер

на репетицию так и не явилась. Не вышла из своей комнаты и Шучорита. До поздней ночи сидела она в одиночестве у окна и задумчиво смотрела в темноту ночи. Книга «По стопам Христа» раскрытая лежала у нее на коленях. Шучорите казалось, что перед ней, словно мираж, возникла какая-то неведомая прекрасная страна. Все в этой стране было незнакомо ей, ничто не напоминало прошлой жизни; огни, сиявшие там, подобные ярким четкам звезд во мраке ночи, наполняли ее душу благоговением, и ей казалось, что она очутилась на пороге разгадки тайны дальних миров.

«Как бессодержательна, как мелка, оказывается, была моя жизнь. — думала она, — то, что я считала непреложным, наполнилось вдруг сомнениями. То, что являлось предметом каждодневных забот, потеряло вдруг всякий смысл. Может быть, в этой неведомой стране всякое знание действительно будет совершенным, всякий труд благородным, и истинное значение жизни наконец откроется мне. Кто подвел меня к таинственным вратам этой чудесной, загадочной, грозной страны? Почему так бьется мое сердце?.. И почему ноги отказываются служить мне, когда я хочу сделать шаг вперед?..»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Благодаря репетициям Биною приходилось ежедневно бывать в доме Пореша-бабу. При его появлении Шучорита скидывала на него глаза и сразу же углублялась в чтение или удалялась к себе. Хотя ей и было досадно, что Биной приходит один, она ни о чем его не спрашивала. Между тем дни шли, и ее обида на Гору становилась все сильнее. Ей казалось, что своим поведением в тот вечер он словно пообещал ей прийти еще раз.

Когда она узнала, что Гора совершенно неожиданно уехал из Калькутты неизвестно куда и зачем, она попыталась отнестись к этому равнодушно и забыть о нем, однако мысль о его внезапном исчезновении не давала ей покоя. Была ли она занята чем-то или просто так сидела с рассеянным видом, она постоянно ловила себя на мысли о нем.

После того разговора с Горой у Шучориты и мысли не было, что он может исчезнуть. Несмотря на то, что Гора и она по-прежнему расходились во взглядах, от нее не укрылось, что в тот вечер он отстаивал свои убеждения без прежнего воинственного задора. Шучорита вридли ясно поняла точку зрения Горы, но его самого она полюбила очень хорошо. Ей стало ясно, что, каковы бы ни были его взгляды, он никогда не попытается умалять достоинства человека, унижить его и, наоборот, будет стремиться выделить все сильные стороны его души. Выскажи подобные взгляды кто-нибудь другой, и Шучорита ни за что не согласилась бы с ними, она рассердилась бы, сочла такого человека глупцом и, возможно, попыталась бы его переубедить. Но с Горой все было иначе. Его осанка, острый пронзительный ум, непоколебимая твердость убеждений, звучный выразительный голос — все это придавало его словам особую силу и убедительность. В тот день Шучорита поняла, что человека, безоговорочно преданного своим идеалам, готового отдать за них жизнь, нельзя осуждать, как бы ни противоречили эти идеалы ее собственным убеждениям. Более того, она поняла, что такой человек заслуживает всяческого уважения и что она обязана отнестись к нему с подчеркнутым уважением, даже если бы для этого потребовалось пренебречь мнением окружающих. Подобный образ мыслей был совершенно нов для нее, потому что, несмотря на пример спокойного, уравновешенного и терпимого Пореша, сама Шучорита отличалась крайней нетерпимостью к мнениям других. Виною тому был дух узкого сектантства, которым были проникнуты окружавшие ее с детства люди. В тот вечер она впервые поняла, что убеждения сами по себе не существуют, что они неотделимы от людей, и, поняв это, вдруг уловила таинственную природу чего-то очень значительного, без чего трудно понять жизнь. Теперь она уже не могла делить людей на тех, кто согласен с ее взглядами, и тех, кто с ними не согласен. Она поняла, что самое ценное в человеке — это его духовные качества, а вовсе не его убеждения.

И еще в тот вечер Шучорита почувствовала, что Горе приятно разговаривать с ней. Возможно, что его просто радовал удачный случай высказать свои мысли, а сама

девушка к этому не имела ни малейшего отношения. Вполне вероятно, что люди не представляли для него никакой ценности, что, поглощенный своими идеями и устремлениями, он предпочитал держаться в стороне от них, и возможно, они были нужны ему только для проверки собственных мыслей.

Эти дни Шучорита особенно часто и много молилась и больше, чем когда-либо, ощущала потребность в поддержке Пореша-бабу. Однажды, когда он сидел в своей комнате и читал, она тихо вошла и села рядом с ним.

Пореш-бабу положил книгу на стол и спросил:

— Ты что, Радха, дорогая?

— Ничего, отец, — ответила девушка и начала перекладывать книги на столе, хотя они и так лежали в порядке. Немного погодя она спросила: — Отец, почему ты больше не занимаешься со мной?

Пореш-бабу ласково улыбнулся:

— Моя ученица выросла. Теперь ты сама можешь во всем разобраться.

— Нет, отец, я и теперь ничего, ничего не понимаю. Я хочу заниматься с тобой, как прежде.

— Хорошо, — согласился Пореш-бабу. — Давай начнем хоть завтра.

Шучорита опять помолчала, затем спросила:

— Отец, помнишь, что говорил тогда о кастовом делении Бипой-бабу? Почему ты никогда ничего не рассказывал мне об этом?

— Родная, ты ведь знаешь, я всегда старался, чтобы вы научились думать самостоятельно, а не повторяли бы мои или еще чьи-нибудь мысли. Я считаю, что предлагать объяснения, прежде чем возникнет сам вопрос, все равно, что кормить человека, не успевшего проголодаться, — все покажется ему несъедобным и невкусным. Но если ты захочешь спросить меня о чем-нибудь, задавай вопрос, и, как сумею, я всегда тебе на него отвечу.

— Ну так вот, скажи мне, почему мы осуждаем касты?

— Подумай сама: если кошка сидит рядом с тобой и ест, в этом не видят ничего дурного. Но если в это же время в комнату входит человек из другой касты, то считается, что пищу нужно выбрасывать. Как же можем мы

мириться с кастовым делением, которое привело к такому презрению и оскорблению человека человеком? Как можем мы считать эти касты божественным установлением? Те, кто могут относиться с презрением к себе подобным, никогда не достигнут величия, потому что им неизбежно придется испытать на себе презрение других людей.

— Но ведь разложение, поразившее современное общество, породило множество всяких пороков, — возразила Шучорита, повторяя слова Горы. — Их отпечаток лежит на всем, что нас окружает. Так неужели же эти пороки могут заслонить от нас истину?

— Если бы я знал, в чем заключается эта истина, я мог бы ответить на твой вопрос, — со своим обычным спокойствием сказал Пореш. — Но я вижу лишь, что в моей стране создано нетерпимое положение, когда один человек лютой ненавистью ненавидит другого, и что это разобщает и разделяет наш народ. Можно ли при таких условиях успокаивать себя рассуждениями о какой-то воображаемой истине?

И снова, как эхо, повторяя слова Горы, Шучорита возразила Порешу-бабу:

— Но разве абсолютное беспристрастие к людям не является высшим достижением нашего мироощущения?

— Беспристрастное отношение — это свойство ума, а никак не сердца. В беспристрастии нет места ни для любви, ни для ненависти, оно стоит выше склонности и предубеждения. Но ведь такое состояние лишает человеческое сердце всех его потребностей — оно чуждо ему. И в результате, несмотря на все эти прекрасные философские идеи, низшим кастам у нас не разрешен вход даже в храмы. А если равенство не соблюдается даже в местах поклонения богу, то не все ли равно, признана ли идея равенства нашей философией или нет?

Шучорита задумалась над словами отца, стараясь понять его. Наконец она сказала:

— Но, отец, почему ты не попытался объяснить все это Биною-бабу и его другу?

Пореш-бабу улыбнулся:

— Они не сознают этого вовсе не потому, что недостаточно понятливы, напротив, они слишком умны, чтобы

желать понять: они предпочитают учить других. Но придет время, и у них явится желание познать все с точки зрения высшей правды, то есть справедливости, и тогда им не нужно будет обращаться за объяснением к твоему отцу. Теперь же, пока они смотрят на эти вещи с другой точки зрения, все, что бы я им ни сказал, будет совершенно бесполезно.

Хотя Шучорита слушала Гору с большим вниманием, согласиться с ним она не могла, и резкое расхождение в их взглядах очень огорчало ее и лишало внутреннего покоя. Сегодняшний разговор с Порешем-бабу разрешил сомнения, одолевавшие ее последние дни. Она не допускала и мысли, чтобы Гора, Биной — да и вообще кто бы то ни было — разбирались в чем-то лучше, чем Пореш-бабу. Больше того, она невольно начинала сердиться на тех, кто не соглашался с ним. Но теперь она уже не могла с прежним высокомерием отмахиваться и от того, что утверждал Гора, и это заставляло ее страдать. Потому-то она и испытывала последнее время постоянное желание укрыться под крылышком Пореша-бабу, как делала это в детстве. Она встала со стула, дошла до двери, но затем снова вернулась к Порешу-бабу и, положив руку на спинку его кресла, попросила:

— Отец, возьми меня с собой на вечернюю молитву.

— Конечно, дорогая моя, — сказал Пореш-бабу.

Шучорита поднялась к себе в комнату, закрыла дверь и села в кресло. Она призвала на помощь всю свою силу воли, стараясь прогнать из памяти то, что говорил ей Гора. Но вдруг перед ее мысленным взором встало его лицо, дышавшее такой непоколебимой верой в свою правоту, что она невольно подумала: «Ведь речи Горы — не просто слова. В них он сам. Они обрели форму, движение, обрели жизнь... В них живет его пламенная вера в свою родину и мучительная любовь к ней. Нельзя доказать ему неправоту его взглядов и успокоиться. За этими взглядами стоит человек, и притом человек незаурядный».

Разве могла она оттолкнуть, прогнать его? Тяжелая внутренняя борьба шла в душе Шучориты, и, не в силах справиться с собой, она вдруг горько расплакалась. Гора

была причиной того, что ей так трудно, так тяжело сейчас, но его это ничуть не трогало — не задумываясь он мог уехать куда-то и покинуть ее. Эта мысль причиняла Шучорите острую боль, признаться в которой ей было бы нестерпимо стыдно.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Было решено, что Биной прочтет на празднике поэму Драйдена «Могущество музыки», а девушки в соответствующих костюмах будут показывать в это время живые картины. Затем с декламацией и пением выступят и сами девушки.

Бародашундори неоднократно заверяла Биню, что «они» позаботятся о том, чтобы хорошо подготовить его к выступлению. Сама она, правда, с трудом объяснялась по-английски, но рассчитывала на помощь некоторых своих друзей, прекрасно владевших языком. Однако уже на первой репетиции Биной поразили всех знатоков своим произношением и умением выразительно декламировать и лишил тем самым Бароду удовольствия ставить себе в заслугу обучение «этого повичка». Теперь даже те, кто едва замечал Биню прежде, почувствовали к нему уважение. Сам Харан-бабу предложил ему сотрудничать в своей газете, а Шудхир стал уговаривать Биню давать уроки английского языка в студенческом кружке, членом которого состоял он сам.

Что же касается Лолиты, то она испытывала полное смятение чувств. Ей и приятно было, что Биной не нуждается ни в чьей помощи, и в то же время досадно. Она боялась, что Биной, почувствовав уверенность в своих силах, уже не захочет ничему учиться у них и возгордится. Чего хотела она от Биню? Что могло вернуть ей утраченный душевный покой? На эти вопросы она и сама не могла бы дать ясного ответа. В конце концов, раздражение ее стало искать выхода во всяких мелких придирках, мишенью которых неизменно был Биной. Лолита хорошо сознавала, что несправедлива к Биню, что ведет себя невежливо; ее мучило это, и она старалась сдерживаться, но достаточно было самого незначительного

повода, чтобы пробудить в ней дух противоречия и желания совершить нечто необъяснимое и неожиданное.

И если раньше она изводила Биноя, пока он не согласился принять участие в спектакле, то теперь она делала все, чтобы заставить его отказаться. Но разве мог Биной без всякой причины заявить о своем отказе выступить сейчас, когда до спектакля оставалось совсем немного времени, и тем самым фактически сорвать его? Кроме того, неожиданно открыв в себе актерское дарование, он, по всей вероятности, и сам увлекся предстоящим выступлением.

Кончилось дело тем, что Лолита решила сама отказаться участвовать в спектакле.

Бародашундори хорошо знала свою среднюю дочь и не на шутку испугалась.

— Что случилось? Почему? — спросила она.

— Просто у меня ничего не получается, — ответила девушка.

Надо сказать, что с тех пор, как участники спектакля поняли, что Биной далеко не так неопытен, как предполагалось, Лолита ни за что не хотела декламировать в его присутствии и вообще отказалась репетировать со всеми.

— Я буду заниматься сама, отдельно, — заявила она. И хотя это было весьма неудобно для всех остальных, она твердо стояла на своем, так что в конце концов пришлось смириться и проводить репетиции без нее.

И вдруг теперь, в последнюю минуту, она вообще отказалась участвовать. Бародашундори пришла в ужас. Она знала, что никакие ее доводы и убеждения ни к чему не приведут, и решила обратиться за помощью к Порешу-бабу. Обычно Пореш-бабу в мелких вопросах предпочитал не вмешиваться в дела своих дочерей, но он дал слово судье и чувствовал себя в некотором роде ответственным перед ним. К тому же времени до праздника оставалось немного, и менять что-либо было уже поздно.

Пореш позвал Лолиту и, положив руку ей на голову, сказал:

— Знаешь, дорогая, будет нехорошо, если ты теперь откажешься.

— У меня ничего не выходит, отец, — со слезами в голосе проговорила девушка. — Я неспособна к этому.

— Тебе не поставят в вину, если ты не сумеешь как следует прочитать стихи, но если ты совсем откажешься выступить, будет нехорошо.

Лолита слушала молча, опустив голову.

— Начатое дело, девочка моя, нужно доводить до конца. Нельзя бросать его только потому, что задето твое самолюбие. Долг выше самолюбия. Может быть, ты все-таки постарайся?

Девушка посмотрела на отца.

— Я постараюсь, — сказала она твердо.

В тот же вечер, собравшись с духом, Лолита пришла на репетицию и провела свою роль с большим подъемом. Казалось даже, что в голосе ее звучит вызов. Биной впервые услышал, как она декламирует, и был поражен чистотой и правильностью ее выговора и выразительной манерой чтения. Он был восхищен сверх всякого ожидания; Лолита уже давно кончила читать, а голос ее все еще звучал у него в ушах.

Хорошие декламаторы производят на слушателей совершенно особенное впечатление. Они как бы впитывают в себя все очарование стихотворения. И как цветы раскрываются на ветках деревьев, так и стихи оживают только в мастерском исполнении чтеца, овладевшего их внутренним богатством.

С этой минуты Лолита стала в глазах Биноя как бы воплощением поэзии. До сих пор, беспрестанно отпуская язвительные шуточки и колкие замечания в адрес Биноя, она умудрялась держать его в состоянии постоянного раздражения, и, подобно тому как человек, у которого что-то болит, невольно думает о больном месте, Биной, представляя себе Лолиту, первым долгом вспоминал ее резкие выпады и ехидные усмешки. Его мысли о ней невольно ограничивались желанием понять, что вынудило ее сказать то-то или поступить так-то; и чем непонятнее было ее недовольство, тем сильнее мучился он, пытаясь найти разгадку. Он просыпался с мыслью о том, в каком настроении найдет сегодня Лолиту. Об этом же он думал каждый раз, подходя к дому Пореша. Если она была настроена милостиво, он облегченно вздыхал, но тут же перед ним возникала новая — и совершенно, очевидно,

непосильная — задача, как бы продлить хорошее расположение ее духа.

Вот почему, после всех душевных волнений, декламация Лолиты произвела на Биноя такое сильное впечатление. Он был странно тронут и взволнован и в растерянности не находил слов, чтобы выразить ей свое восхищение. Но он и не осмелился бы обратиться к самой Лолите. В том, что его похвала обрадует ее, он отнюдь не был уверен, как не уверен был и в том, что к ней можно подходить с общей меркой, — похоже было, что нельзя, — и нельзя именно потому, что мерка эта была общей!.. Поэтому Биной отправился к Бародашундори и перед ней излил свой восторг, после чего Барода прониклась еще большим уважением к его уму и пропигательности.

Но и на Лолиту собственный успех оказал удивительное действие. Едва она убедилась в своих силах, почувствовала, что уверенно ведет по волнам свой корабль, преодолевая трудности, как все ее раздражение против Биноя моментально улеглось и желание мучить его исчезло бесследно. С этих пор она с большим увлечением начала готовиться к предстоящему спектаклю. Репетации постепенно все больше и больше сближали ее с Биноем, и дело дошло до того, что она уже начала обращаться к нему за советом и поддержкой.

Перемена в отношении к нему Лолиты чудесным образом подействовала на Биноя. Он чувствовал, будто камень свалился у него с плеч. Его тянуло к Анондомойи, которая так хорошо понимала его шутки и мальчишеские выходки. В голове то и дело возникали новые мысли, которыми ему очень хотелось бы поделиться с Шучоритой, но последнее время они почти не виделись. Если представлялась возможность поболтать с Лолитой, он с радостью пользовался ею, но держал себя с девушкой по-прежнему настороженно, зная, как критически относится она к нему и к Горе. Поэтому в их разговоре не было простоты и неприужденности.

Лолита иногда спрашивала его:

— Почему вы всегда говорите княжными фразами?

— Я до сих пор только и делал, что читал книги, — отвечал Биной, — и, по-видимому, эти фразы навек отпечатались у меня в мозгу.

— А вы не старайтесь подбирать красивые выражения, говорите то, что думаете. Вы так витиевато выражаетесь, что невольно начинаешь сомневаться, свои ли вы высказываете мысли?

Теперь, прежде чем поделиться какими-нибудь мыслями с Лолитой, Биной внимательно проверял себя, стараясь упростить и сократить чересчур закругленные и цветистые фразы. И если случайная метафора все же срывалась у него при этом, ему становилось неловко.

Сама Лолита так и сияла, словно рассеялись наконец тяжелые тучи, омрачавшие ее небосклон. Перемена, прошедшая с дочерью, изумила даже Бародашундори. Лолита больше не спорила из-за всякого пустяка, как бывало прежде, и с охотой принималась за любое дело. У нее постоянно рождались блестящие идеи, как сделать предстоящий спектакль еще интереснее, и изобретательности ее, казалось, не было предела.

Но тут пыл ее пришел в столкновение с житейской расчетливостью Бародашундори, которую восторженная предприимчивость дочери и связанные с нею расходы смущали, кажется, не меньше, чем прежняя ее строптивость. Однако она не решалась нанести удар разыгравшемуся воображению дочери; Лолита всегда целиком отдавалась захватившей ее мысли, но, стоило ей натолкнуться на противодействие, и она мгновенно потухала и теряла всякий интерес к начатому.

Часто случалось, что Лолита, вся во власти нового увлечения, прибегала к Шучорите, чтобы поделиться с ней своими планами и надеждами, но хотя Шучорита смеялась и шутила с ней, Лолита чувствовала в сестре какую-то отчужденность и в конце концов уходила к себе разочарованная и обиженная.

И вот как-то раз Лолита пошла к Порешу-бабу и сказала ему:

— Отец, почему Шучорита-диди сидит у себя и читает книги, пока мы все заняты этим спектаклем? Ведь это несправедливо! Она тоже должна выступить вместе с нами.

Пореш-бабу и сам уже заметил, что последнее время Шучорита стала отдаляться от своих сестер и подруг, и

опасался, что такое настроение не полезно для молоденькой девушки. Слушая Лолиту, Пореш-бабу снова подумал о том, что необходимо заставить Шучориту принять участие в готовящемся развлечении, иначе как бы привычка замыкаться в себе не укоренилась в ней.

— Почему ты не поговоришь об этом с матерью? — сказал он Лолите.

— С ма я, конечно, могу поговорить, но вот убеждать Шучи-диди придется тебе, никого другого она не слушает.

Пореш-бабу, не медля, поговорил с Шучоритой и был приятно удивлен, когда она без всяких возражений согласилась с ним и сразу энергично взялась за дело.

Лишь только Шучорита покинула свое уединение, Биной постарался возобновить с ней прежние дружеские отношения, но это оказалось невозможным. Он не узнавал прежней Шучориты. Отсутствующий взгляд, рассеянное выражение лица удерживали Биню на почтительном расстоянии; навязываться сй он не решался. Ее манеры и прежде были сдержанны и холодноваты, теперь же она стала держаться еще более неприступно, даже когда участвовала в репетициях вместе со всеми. Она послушно исполняла все, что от нее требовалось, и сразу же уходила.

Вначале отчужденность Шучориты болезненно задевала Биню, человека общительного, которому трудно было мириться с безразличием тех, кто ему нравился. В свое время Шучорита уделяла ему так много внимания! А теперь вдруг, неизвестно почему, перестала даже замечать его! Биню было больно. Но как только он понял, что поведение Шучориты обижает не только его, но и Лолиту, он тотчас же успокоился, а его дружба с Лолитой укрепилась еще больше. Биной не хотел давать Шучорите повода избегать себя и все же сам отошел от нее, заставив таким образом и девушку постепенно отдалиться.

Отсутствие Горы дало возможность Биню очень близко сойтись с семьей Пореша-бабу. С каждым днем он чувствовал себя все проще в их обществе и, становясь самим собой, вызывал все большую симпатию к себе и с их стороны. Это новое для него чувство ничем не ограниченной

свободы радовало его. Так обстояли дела, когда он почувствовал, что Шучорита постепенно отдаляется от него. В другое время потеря ее дружбы явилась бы тяжелым ударом для молодого человека, но теперь он перенес это легко. Удивительным было и то, что и Лолита, отлично видя, как изменилась Шучорита к Биною, вовсе не огорчилась этим, как можно было бы ожидать. Впрочем, вполне возможно, она была слишком увлечена подготовкой к спектаклю и своей декламацией.

Узнав, что Шучорита тоже принимает участие в спектакле, Харан-бабу вдруг почувствовал к нему большой интерес. Он решил сам выступить и предложил прочитать отрывок из «Потерянного рая», а в качестве пролога к декламации стихов Драйдена сделать небольшой доклад на тему о власти музыки над человеком. Предложение Харана очень не понравилось Бародашундори, не обрадовало оно и Лолиту. Но Харан-бабу уже успел написать об этом судье и получить согласие. Так что, когда Лолита попробовала намекнуть, что судья, возможно, будет не очень доволен тем, что спектакль затянется, Харан-бабу с торжествующим видом достал из кармана благодарственное письмо судьи и пресек таким образом дальнейшие возражения.

Никто не знал, когда вернется Гора. Шучорита дала себе слово не думать о нем, но каждое утро она просыпалась с надеждой, что именно этот день будет днем его возвращения.

И вот как раз, когда она особенно остро чувствовала и безразличие Горы, и свою собственную растерянность и страстно искала выхода из создавшегося положения, Харан-бабу снова обратился к Порешу с покорнейшей просьбой официально объявить о его помолвке с Шучоритой.

— Но ведь вам придется еще долго ждать свадьбы, — возразил Пореш. — Разумно ли так спешить, связывая себя словом?

— Мне кажется, для нас обоих было бы полезно, если бы какое-то время мы могли привыкать друг к другу, — настаивал Харан. — Такое духовное общение было бы весьма благотворным для нас, как переходная ступень от простого знакомства к супружеской жизни, как союз без обязанностей, без отягчающего чувства долга.

— Обо всем этом лучше было бы спросить Шучориту, — предложил Пореш-бабу.

— Но ведь она уже дала свое согласие раньше, — настаивал Харан.

Однако Пореш-бабу питал кое-какие сомнения относительно истинных чувств девушки и, позвав ее к себе, сообщил о предложении Харана-бабу.

В том состоянии, в каком находилась Шучорита, ей было безразлично, за что ухватиться, лишь бы дать покой своим взбаламученным чувствам, поэтому она согласилась без всяких колебаний и с такой готовностью, что все сомнения Пореша рассеялись. Он еще раз напомнил ей об обязательствах, которые налагает официальная помолвка, но, когда и это на нее никак не подействовало, сказал, что в таком случае день помолвки будет назначен сразу после праздника у судьи Браунло.

Некоторое время после этого разговора Шучорита испытывала большое облегчение, словно мысли ее вырвались из страшного плена. Твердо решив посвятить жизнь после замужества служению делу «Брахмо Самаджа», она стала усиленно готовиться к этому. Она взяла себе за правило ежедневно читать вместе с Хараном английские книги по вопросам религии, чтобы проникнуться его идеями и суметь впоследствии приспособить к ним свою жизнь, и при мысли о трудной и далеко не приятной задаче, которую она сама поставила перед собой, Шучорита чувствовала даже некоторое воодушевление.

Последнее время она не читала газеты, редактором которой был Харан-бабу, но через несколько дней после разговора с Порешем ей принесли свежий, только что из-под пресса номер, специально посланный, очевидно, самим редактором.

Шучорита взяла газету к себе в комнату и уселась в кресло с твердым намерением прочитать ее всю от начала до конца и, как подобает преданной ученице, безоговорочно принять все поучения, которые заключались в ней.

Но вместо этого она, как корабль, несущийся на всех парусах, наскочила вдруг на риф. В газете была помещена статья под названием «Маньяки прошлого», содержащая ожесточенные нападки на тех современников, которые упрямо продолжают жить прошлым. Нельзя ска-

зять, чтобы доводы автора были неубедительны. Шучорита и сама с удовольствием воспользовалась бы такими аргументами, защищая свою точку зрения. Но лишь только она прочла статью, ей сразу же стало ясно, что мишенью для этих нападок был Гора. Правда, имя его не упоминалось и никаких ссылок на его статьи не было, и все же сомнений быть не могло. Подобно тому как солдат стремится, чтобы каждая пуля, посланная им, сражала врага, автор статьи со злобной радостью заботился только о том, чтобы каждое слово наносило рану невидимому противнику.

Самый тон статьи произвел отталкивающее впечатление на Шучориту. Она готова была в пух и прах разнести все доводы, приводившиеся в ней.

«Если бы Гоурмохон захотел, — думала она, — он бы камня на камне не оставил от всего этого «произведения». И снова перед ее мысленным взором предстало одухотворенное лицо Горы, и в ушах зазвучал его могучий бас. В сравнении с необыкновенной выразительностью этого лица и этого голоса сама статья и ее автор показались вдруг Шучорите такими жалкими и пошлыми, что она не выдержала и швырнула газету на пол.

Спустившись вниз в гостиную, девушка впервые после долгого перерыва сама под села к Биною и завела с ним разговор.

— Да, а как насчет газет с вашими статьями и статьями вашего друга? — спросила она между прочим. — Ведь вы же обещали принести их мне почитать.

Биной не сказал Шучорите, что, смущенный происшедшей в ней переменой, он не решался исполнить свое обещание. Он только ответил:

— Я уже подобрал все газеты и завтра же принесу их вам.

На следующий день Биной явился к Шучорите с охапкой журналов и газет. Шучорита взяла их, но читать не стала, а сложила все в ящик стола. Не взялась же она сразу за чтение именно потому, что ей не терпелось сделать это. Она хотела прежде всего успокоить свое непокорное сердце, удержать его на правильном пути и заставить признать, что неоспоримая власть над ним принадлежит Харану-бабу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

В воскресенье утром Биной отправился к Анондомойи. Анондомойи была занята приготовлением пана. Рядом с ней сидела Шошимукхи и крошила орехи бетеля, складывая их в аккуратные кучки. Как только Биной вошел в комнату, Шошимукхи вскочила, рассыпав по полу лежавшие у нее в подоле орехи, и выбежала из комнаты. Анондомойи улыбнулась.

У Биноя был дар легко сходитья с людьми. С Шошимукхи они были большими друзьями и очень любили подшучивать друг над другом. Девочка придумала прятать туфли Биноя и возвращала их только после обещания рассказать сказку. В отместку Биной рассказывал действительные события из жизни Шоши, сильно приукрашивая их всякими небылицами. Возмущенная его коварством, девочка обвиняла рассказчика в клевете, отчаянно спорила, стараясь перекричать его, и в конце концов спасалась бегством. Иногда она пыталась отплатить ему тем же и придумывала нелепую историю из его жизни, но в области фантазии ей было нелегко тягаться с Биноем.

Несмотря на это, стоило Биную прийти, как Шошимукхи немедленно бросала свои занятия и со всех ног бежала к нему играть. Когда она уж слишком надоедала Биную, Анондомойи приходилось ее останавливать, однако справедливость требует сказать, что обвинять в этом одну Шоши было нельзя — Биной напрашивался на неприятности сам, и очень охотно.

И вот теперь эта самая Шошимукхи сконфузилась при виде Биноя и убежала из комнаты. Анондомойи, правда, улыбнулась, но улыбка вышла невеселая. Да и Биной был так смущен этим, казалось бы, пустячным эпизодом, что некоторое время сидел молча. У него словно открылись глаза, и он понял, насколько неестественны, в сущности, были эти новые отношения с Шошимукхи. Давая согласие жениться на ней, он думал только о дружбе с Горой и совершенно упускал из виду, что у брака есть еще и другие, не менее важные стороны. Ведь он неоднократно писал статьи о том, что брак в Индии имеет общественное, а никак не личное значение, и не допускал и мысли,

что к женитьбе можно подходить с точки зрения своей симпатии или антипатии. И только сегодня, когда смущенная Шошимукхи убежала, едва завидев своего предполагаемого жениха, Биной вдруг ясно представил себе, во что выльются их будущие отношения.

Впервые он совершенно отчетливо понял, что, безвольно следуя за Горой, зашел слишком далеко, и почувствовал досаду на друга. Горько упрекал Биной и себя самого. Тут он вспомнил, что Анондомойи с самого начала была против этой свадьбы, и сердце его наполнилось чувством глубокого уважения к ней, смешанного с восхищением и признательностью.

Анондомойи догадалась, что творится на душе у Биной, и, чтобы отвлечь его от неприятных мыслей, сказала:

— Биной, я вчера получила письмо от Горы.

— Что он пишет? — рассеянно спросил молодой человек.

— О себе немного, все письмо о том, как тяжело живет у нас в Индии бедным людям. Он очень подробно описывает злоупотребления судьбы в деревне Гхошпур.

Чувствуя, что в душе его поднимается раздражение против Горы, Биной вдруг вспыхнул:

— Гора всегда видит соломинку в чужом глазу. А вот когда мы сами ежедневно поступаем со своими соотечественниками и несправедливо и жестоко, он не только смотрит на это снисходительно, но даже еще называет такие поступки добродетельными.

Понимая, что горячая защита Биноем противников Горы объясняется его желанием излить свою досаду, Анондомойи улыбнулась.

— Ты вот смеешься, ма, удивляешься, наверно, почему это я вдруг так разозлился? Я скажу тебе почему. Недавно Шудхир пригласил меня в гости к одному своему приятелю, который живет за городом. Не успели мы отъехать от Калькутты, как хлынул дождь, и когда мы сошли на своей остановке, нашим глазам представилась такая картина: на перроне, раскрыв над головой большой зонт, стоял одетый по-европейски бенгалец и смотрел, как выходит из вагона его жена. Она держала на руках ребенка и кутала его своей шалью; самой же ей укрыться было нечем, и она, дрожа от холода и смущения, бук-

важно сжалась в комок, а ее муж невозмутимо стоял под своим зонтиком, во всеуслышание отчитывая ее за что-то, — причем никто на станции не находил, по-видимому, в этом ничего необычного. В этот миг я подумал, что во всей Бенгалии не отыщется ни одной женщины, ни богатой, ни бедной, которая была бы как следует защищена от дождя и солнца. И я поклялся никогда не повторять ложь о том, что мы боготворим наших женщин и преклоняемся перед ними. Мы называем нашу страну «Мать-родина», но если мы не видим проявления ее женственного величия в женщинах, не видим в них полнокровного и яркого проявления ее разума и воли, ее щедрого служения делу, если мы не можем отрешиться от привычки видеть наших матерей и жен, поглощенными домашними заботами, ограниченными, слабыми и безвольными, мы никогда не поймем, в чем же сила нашей родины.

И, внезапно устыдившись своего порыва, Биной обычным тоном добавил:

— Ма, ты, конечно, думаешь, что, по своему обыкновению, я решил прочитать тебе лекцию? Может быть, я и правда излишне пристрастен к громким словам и пышным фразам, но только не сейчас. До сих пор я как-то не понимал, какое большое значение имеют женщины для судьбы каждой страны! Не понимал и не задумывался над этим... Ну, хватит, что-то я уж очень разболтался, ма. Я так много говорю, что никто не верит, будто я высказываю собственные мысли. Постараюсь в будущем больше помалкивать.

И Биной, волнение которого еще не совсем улеглось, ушел так же внезапно, как появился. Немного погодя Анодомойи позвала Мохима и сказала ему:

— Вот что, сынок, брак Биной с нашей Шошимукхи не состоится.

— Почему? Ты что-нибудь имеешь против?

— Да, я против, потому что все равно из этого ничего не выйдет...

— Гора согласен, Биной согласен, а ты говоришь, что ничего не выйдет. Но, конечно, если начнешь возражать ты, Биной никогда не женится, в этом я уверен.

— Я лучше тебя знаю Биной.

— Может быть, даже лучше, чем Гора?

— Да, и лучше, чем Гора. Я обдумала все и поняла, что своего согласия на этот брак дать я не смогу.

— Посмотрим, что скажет Гора, когда вернется.

— Мохим, послушай меня. Если ты будешь настаивать, неприятностей не миновать, уверяю тебя. Я не хочу, чтобы Гора снова поднимал этот вопрос и разговаривал с Бипоем.

— Ладно, там видно будет, — ответил Мохим и, положив в рот кусочек пана, вышел из комнаты.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Вместе с Горой в поход отправились четыре его приятеля: Обинаш, Мотилал, Бошонто и Ромапотн. Но Гора, беспощадный и неутомимый в своем энтузиазме, оказался трудным товарищем, и через несколько дней Обинаш и Бошонто под предлогом нездоровья вернулись обратно в Калькутту. Что же касается Мотилала и Ромапотн, то только горячая преданность Горе не позволила им последовать примеру своих товарищей и оставить учителя одного. Но чего только не пришлось им претерпеть из-за своей верности! Дорога совершенно не утомляла Гору и не наскучивала ему, он мог оставаться в пути сколько угодно. Так же подолгу мог он жить в домах крестьян, с удовольствием предлагавших кров странствующим брахманам, — пусть даже дома их были убоги и лишены всяких удобств. Послушать Гору сходились обычно все соседи и с большой неохотой отпускали его дальше.

Гора впервые видел, что представляла собой Индия, лежавшая за пределами богатого и просвещенного калькуттского общества. Деревня потрясла его своей разобщенностью, бессилием, темнотой; огромная и инертная, она совершенно не сознавала своей мощи и была безразлична к собственному благополучию. Какая страшная пропасть общинных предрассудков разделяла жителей деревенок, лежавших всего лишь в нескольких крошах одна от другой. Сколько воображаемых, ими самими созданных преград мешало им принимать участие в жизни страны, в жизни всего мира! Какими значительными представлялись

им самые обыденные мелочи и нерушимыми все без исключения обычаи старины. Если бы не эта возможность своими глазами увидеть жизнь сельской Индии, Гора никогда не поверил бы, что люди, населявшие ее, так погрязли в косности, в убожестве, что они так потрясающе безвольны.

Однажды в деревне, где остановился Гора, случился пожар. Гора был поражен полнейшей неспособностью крестьян объединить свои усилия даже перед лицом такого страшного бедствия. Все перепуталось: люди бегали взад и вперед, суетились, кричали, плакали, но никому не приходило в голову установить хоть какой-то порядок. Ни колодцев, ни каких-либо других источников воды поблизости не было: воду для домашних нужд женщины приносили издалека. Но никому — даже зажиточным крестьянам — не приходила в голову мысль построить водохранилище и облегчить себе повседневную жизнь. Пожары случались и раньше, но все смотрели на них, как на наказание, посланное свыше, и не принимали никаких мер для их предотвращения. Им и в голову не приходило, что можно устроить так, чтобы вода была под рукой. Гора начинал понимать всю нелепость своих патриотических выступлений перед людьми, чье сознание, опутанное темными предрассудками, не реагировало даже на насущнейшие потребности.

Но больше всего удивляло Гору то, что Мотилал и Ромапотти не только не возмущались всем этим, но, наоборот, считали, по-видимому, совершенно неуместным его возмущение. Они полагали, что простые люди привыкли жить так и легко переносят то, что сами они сочли бы тяжкими лишениями. Его стремление сделать что-нибудь для улучшения жизни крестьян было в их глазах чистейшей воды сентиментальностью.

Для Горы же зрелище страшного гнета невежества, апатии и нищеты, тяготевшего равно и над богатыми и над бедными, над людьми просвещенными и темными и на каждом шагу задерживавшего их движение вперед, было источником постоянных мучений.

Вскоре Мотилал получил из дому какое-то неприятное известие и распрощался со своими спутниками, С Горой теперь остался один Ромапотти.

Как-то раз молодые люди пришли в мусульманскую деревню, расположенную на берегу реки. В поисках крова они обошли все селение, но нашли в нем только один дом, в котором жил индуист. Это был сельский цирюльник. Он почтительно предложил брахманам гостеприимство, но, войдя к нему в дом, они увидели среди прочих обитателей мальчика-мусульманина, приемыша цирюльника. Это чрезвычайно возмутило правоверного Ромапотти. Да и Гора тоже начал было отчитывать старика за его отступничество от законов индуизма, но тот возразил ему:

— А какая же разница, господин? Мы говорим «хари», а они «аллах», только и всего.

Между тем солнце поднялось высоко и жгло немилосердно. Река была далеко, чтобы добраться до нее, нужно было долго идти по раскаленному песку. Ромапотти мучила жажда.

— Где бы достать питьевой воды, пригодной для правоверных индуистов? — обратился он к Горе.

Во дворе был небольшой колодец, но пить воду из колодца отступника-индуиста Ромапотти не мог и продолжал сидеть с потемневшим от жажды лицом.

— А есть ли родители у этого мальчика? — спросил Гора старика.

— Родители-то у него есть; и мать и отец живы, но можно считать, что он сирота.

— Как так? — удивился Гора.

Тут-то цирюльник и рассказал историю появления у них мальчика.

Владелец земли, на которой стояла их деревня, отдал ее в аренду под плантации индиго, и плантаторы-англичане вечно оспаривали право крестьян возделывать плодородную землю вдоль берега реки. Все другие деревни уже давно уступили плантаторам, и только гхошпурцы все еще сопротивлялись, не желая уходить с насиженных мест. Все здешние жители — мусульмане, и глава их общины Фарусардар никого не боялся. За время этой распри Фарусардара уже два раза сажали в тюрьму за сопротивление полиции, и он был доведен до такой нищеты, что семье его почти нечего было есть. Но он и слышать не хотел о том, чтобы покориться.

В этом году крестьяне успели снять первый урожай с плодородной паноной земли. Но недавно, месяца полтора назад, в деревню нагрянул англичанин-управляющий с бандой вооруженных дубинками людей и отобрал у крестьян весь урожай. Вот тогда-то, защищая своих односельчан, Фарусардар так ударил палкой управляющего по руке, что ее пришлось ампутировать. В этих краях и не слыхивали до сих пор о таких вещах...

С самого того дня полиция не перестает бушевать здесь. Полицейские совершают налеты то на одну, то на другую деревню, грабят, насилуют... спасения от них нет. Фарусардара и многих других бросили в тюрьму. Большинство жителей Гхошпура бежало. Особенно трудно семье Фару. Есть нечего, единственная одежда изорвалась в клочья, так что и на улицу показаться не в чем. Этот мальчик Гамиз — сын Фару, он всегда был привязан к жене цирюльника, называл ее «тетя». Ну и конечно, узнав, что мальчик прямо с голоду помирает, она забрала его к себе.

Инспектор полиции со своим отрядом расположился в нескольких крошах от деревни. Никто не знает ни дня, ни часа, когда они могут нагрянуть в деревню и что они могут натворить здесь. Вчера, например, полицейские зашли к старому Назиму, соседу цирюльника. Шурия Назима пришел из другого округа навестить сестру. Полицейский инспектор увидел его и говорит: «А это что за драчун? Вишь, как грудь выпятил!» И ни с того ни с сего как хватит его дубинкой по лицу — разбил в кровь, вышиб зубы. Сестра увидела, что сделал этот зверь, бросилась к брату на помощь, но полицейские и ее избili. Прежде полицейские никогда не решались так бесчинствовать, но теперь, когда все здоровые мужчины или арестованы, или бежали из деревни, они знают, что могут безнаказанно расправляться со всеми, и окончательно распоясались. И никто не может сказать, долго ли они еще будут наводить ужас на всю округу...

Гора слушал рассказ цирюльника с напряженным вниманием. Ромапоти же, не в силах больше терпеть жажду, прервал старика на полуслове:

— А не живет ли тут поблизости кто-нибудь из индустов?

— В конторе индиговой фабрики живет индуст — сборщик ренты, Мадхоб Чаттерджи. Это полтора кроша отсюда.

— А что он за человек? — спросил Гора.

— Дьявольское отродье — вот он кто! — ответил цирюльник. — Зверь, а не человек! Но зато стелет так уж мягко, дальше некуда. Полицейского инспектора поит, кормит, всячески ублажает, а денежки на это с нас сдерет, да еще и разницу в карман положит.

— Пошли, Гора, — снова нетерпеливо прервал его Ромапотти. — Я больше не могу...

Терпение его окончательно лопнуло при виде того, как жена цирюльника подвела этого паршивого мальчишкumusльманина к колодцу и начала мыть, выливая на него кувшин за кувшином. Ромапотти так расстроился, что больше ни минуты не желал оставаться в этом доме.

Уходя, Гора спросил старика:

— Почему же ты остаешься в деревне, несмотря на все безобразия, которые творятся здесь? У тебя разве нигде нет родственников?

— Я всю свою жизнь прожил здесь, господин, — объяснил цирюльник, — к соседям привык. Я здесь единственный цирюльник-индуст, землю я не пашу, так что англичанам до меня дела нет. Ну, а потом в деревне ведь никого из мужчин не осталось, если и я уйду, женщины умрут со страху.

— Ну, хорошо, мы пошли, — сказал Гора. — Но я еще вернусь, после того, как поем.

В голодном, изнемогающем от жажды Ромапотти весь этот бесконечный рассказ о притеснениях вызвал лишь бурное негодование против строптивых крестьян, которые сами были виноваты во всех несчастьях, обрушившихся на них!

«Упрямые безумцы! На кого руку подняли! — думал он. — До чего же доходит нахальство и глупость этих негодяев! Вот и получили по заслугам. Крестьяне вечно всем недовольны, и долг властей проучить их как следует. Должны слушаться, когда им хозяева приказывают. Не послушали — вот и результат! К чему привел их дурацкий мусульманский гонор?»

Одним словом, симпатии Ромапотти были целиком на стороне англичан.

Всю дорогу, шагая по раскаленному полуденным солнцем песку, Гора не произнес ни слова. Когда наконец из-за развесистых деревьев показалась крыша фабричной конторы, он вдруг остановился и сказал:

— Ты иди, Ромапотти, и постарайся достать себе еды, а я вернусь назад к цирюльнику.

— Что ты! — вскричал Ромапотти. — Разве ты не хочешь есть? Пойдем к этому брахману Чаттерджи, поедим у него, а потом иди к цирюльнику, если тебе так надо.

— Не беспокойся, я о себе позабочусь, а ты поешь и возвращайся в Калькутту. Думаю, что мне придется пробыть в Гхошпуре несколько дней, ты этого не выдержишь.

У Ромапотти на лбу выступил холодный пот. Он не верил своим ушам. Как мог Гора, благочестивый индуст, сказать, что он собирается ночевать в доме нечестивого. Может быть, он помешался? Или решил уморить себя голодом? Но у Ромапотти не было времени для размышлений: каждая минута казалась ему вечностью, и угрожать ему воспользоваться случаем и уехать в Калькутту долго не пришлось.

Противившись со своим спутником, Гора пошел обратно. Некоторое время Ромапотти стоял и смотрел ему вслед: высокий, крупный Гора шагал по пустынному берегу, и рядом с ним по горячему песку шагала его короткая тень. Каким одиноким казался он в эту минуту!

Гора страдал от жажды и голода, но чем больше думал он о том, что, соблюдая чистоту своей касты, он по правилам должен был бы воспользоваться гостеприимством бессовестного негодяя Чаттерджи, тем непереносимее становилась для него эта мысль. Лицо его пылало, глаза покраснели, голова раскалывалась от возмущенных дум...

«Какой непростительный грех совершаем мы, рассматривая чистоту касты как нечто внешнее. Неужели я сохранил бы эту чистоту, приняв угощение в доме человека, который притесняет и мучает мусульман, и, наоборот, осквернил бы свою касту, разделив еду с человеком, который не только страдал наравне с этими мусульманами,

по еще и приютил мусульманского мальчика, рискуя прослыть нечестивым? Нет, что бы там ни говорили, согласиться с этим я не могу».

Цирюльник очень удивился, увидев, что Гора возвратился один. Как только молодой человек вошел во двор старика, он первым делом тщательно вымыл кувшин, достал из колодца воды и напился.

— Если у тебя есть немного рису, дай мне, пожалуйста, я сварю себе, — попросил он затем хозяина дома.

Старик поспешно принес все, что нужно, и Гора занялся приготовлением пищи. Поев, он сказал:

— Я поживу у тебя несколько дней.

Старик страшно взволновался, услышав это; он умоляюще сложил руки и сказал:

— Для меня было бы большим счастьем, если бы вы снизошли до этого. Но, бабу, мой дом находится под надзором полиции, и если они найдут вас здесь, трудно сказать, чем все это может кончиться.

— При мне полиция не посмеет никого тронуть... а если посмеет, то я сумею защитить тебя.

— Нет, нет, — умолял цирюльник. — Прошу вас, не делайте этого. Если за меня вступитесь вы, то я пропал. Ведь эти разбойники подумают, что я вас нарочно позвал к себе, чтобы иметь свидетеля против них. До сих пор мне удавалось держаться незаметно, но стоит мне попасться им на глаза, и житья здесь мне не будет. А если я уйду, то и всей деревне конец...

Гора вырос в городе, и ему было трудно понять, чего так боится старик. Он всегда воображал, что если твердо стоять за правду, то зло в конце концов будет обязательно побеждено. Чувство долга не позволяло ему покинуть на произвол судьбы беспомощных людей, попавших в беду. Но старик опустил перед ним на колени и слезно молил его:

— Господин, я понимаю, какая честь для меня, что вы, брахман, пожелали провести несколько дней у меня в доме, — то, что я прошу вас удалиться, очень нехорошо с моей стороны. Но я вижу, что вы действительно жалуете нас, только поэтому я и осмеливаюсь сказать вам: если вы, живя у меня в доме, попробуете заступить-

ся за нас, полиция расправится со мною, лишь только вы уйдете.

Гора, рассерженный тем, что он принял за беспринципную трусость цирюльника, в тот же день к вечеру покинул деревню. Он даже испытывал отвращение при мысли, что ел в доме этого негодного вероотступника. Усталый и расстроенный, пришел он вечером в контору фабрики. Романоти там уже не было — он не теряя времени сразу же после обеда отправился в Калькутту.

Мадхоб Чаттерджи встретил Гору чрезвычайно почтительно и пригласил остановиться у него. Но Гора, все еще во власти своих гневных мыслей, резко сказал:

— Я у вас даже воды не напьюсь.

Изумленный Мадхоб осведомился о причине, и тут Гора обрушился на него с упреками, обвиняя в возмутительном поведении по отношению к крестьянам и в притеснении их. Сесть он наотрез отказался.

Тут же в конторе, развалившись на кушетке, сидел полицейский инспектор и курил трубку. Услышав запальчивые слова Горы, он выпрямился и грубо вмешался в разговор:

— А ты кто такой? Откуда взялся?

— А? Насколько я понимаю, это полицейский инспектор, — сказал Гора, не отвечая на вопрос, — твое поведение в Гхошпуре мне известно. Так вот, если ты не поостережешься...

— То что будет? Ты отдашь приказ перевешать всех нас? — с издевкой спросил инспектор и повернулся к своему приятелю. — Здорового наглеца удалось нам, кажется, зацапать. Я было думал, что это нищий, но ты только в глаза ему погляди!.. А? Эй, сержант!

Встревоженный Мадхоб поспешно подошел к полицейскому и, коснувшись его руки, сказал:

— Не горячись, инспектор! Ведь это благородный господин. Не надо его оскорблять.

— Хорош благородный! — вскипел полицейский. — Кто ему дал право набрасываться на тебя с руганью. Зачем он явился? Оскорблять нас, что ли?

— Но ведь в его словах есть доля истины, — елеинным голосом возразил Мадхоб, — так чего уж тут сердиться? Я в наказание за грехи свои оказался на побе-

группках у англичан. Куда уж дальше идти? Ну, а разве это такое уж оскорбление — не в обиду тебе будь сказано — назвать полицейского инспектора дьявольским отродьем. Тигры затем и созданы, чтобы убивать и пожирать добычу, и никто не восхвалит их кротости. Ничего не поделаешь — каждый зарабатывает кусок хлеба как умеет.

Никто никогда не видел, чтобы Мадхоб вышел из себя, разве что это было ему на руку. Как угадаешь, кто может оказаться впоследствии полезным, а кто может наделять тебе гадостей. Поэтому он всегда взвешивал все за и против, прежде чем оскорбить или обидеть кого-нибудь, и терпеть не мог зря тратить энергию.

— Вот что, господин, — сказал инспектор, обращаясь к Горе. — Мы сюда приехали по распоряжению губернатора и делаем то, что нам приказано. И, если вы хотите путаться не в свое дело, то неприятностей не оберетесь. Ручаюсь вам...

Гора молча вышел из комнаты. Мадхоб торопливо последовал за ним.

— То, что вы говорили, господин, сухая правда. Грязная у нас работа, ничего не скажешь. А уж что до этого мерзавца-инспектора, так с ним и сидеть-то рядом грех. Но теперь уж недолго мне терпеть. Подпакоплю денег дочери на приданое, а потом мы с женой поселимся в Бенаресе и посвятим себя служению богу. Мне и самому все это не знаю как надоело. Иногда просто руки на себя готов наложить... Но где же вы собираетесь почевать сегодня? Оставайтесь у меня, поужинайте, выпитесь. Я вас устрою отдельно, даже тень этого разбойника не падет на вас.

Судьба наделила Гору завидным аппетитом, к тому же весь этот злополучный день он почти ничего не ел и был очень голоден. Однако возмущение его еще не улеглось, и он ни за что не мог бы остаться здесь.

— У меня неотложное дело, — сказал он Мадхобу.

— Разрешите мне хоть послать слугу с фонарем, чтобы он проводил вас, — настаивал тот.

Но Гора, не слушая его, быстро зашагал прочь.

Вернувшись в дом, Мадхоб сказал инспектору:

— А этот человек, вероятно, важная птица. На твоём месте я сразу же послал бы кого-нибудь к судье.

— Зачем?

— Предупредить его, что в наших краях появился какой-то бабу, который, по-видимому, собирает свидетелей по этому делу против полиции.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Судья Браунло совершал свою ежедневную вечернюю прогулку по берегу реки; его сопровождал Харан. Немного поодаль за ними следовала коляска — в ней ехала жена судьи с дочерьми Пореша-бабу.

Мистер Браунло снисходил до того, что устраивал иногда небольшие приемы, на которые приглашал наиболее уважаемых из своих знакомых бенгальцев, он же раздавал всегда награды на торжественном акте в местной школе. Если его просили почтить своим присутствием свадьбу в каком-нибудь богатом доме, он милостиво соглашался поскучать часок-другой. Не отказывался он даже от приглашений на представление джатр. И, устроившись в удобном кресле, в течение некоторого времени терпеливо слушал песни, исполнявшиеся по ходу действия. В прошлом году, присутствуя на таком представлении в доме знакомого адвоката, он так восхитился сценой водоноса и подметальщицы, что даже попросил повторить ее.

Жена судьи была дочерью миссионера и любила собирать у-себя за чашкой чая дам из миссии. Она основала в своем округе школу для девочек и заботилась о том, чтобы в этом учебном заведении не ощущалось недостатка в ученицах. Видя, как прилежно учатся дочери Пореша-бабу, она всегда хвалила их, и даже сейчас, когда они уехали в Калькутту, регулярно писала им и на рождество посылала в подарок книги религиозного содержания.

Ярмарка уже открылась. К ее открытию приехали Бародашундори с дочерьми, а также Харан-бабу, Шудхир и Биной. Всех их устроили в правительственных бунгало. Пореш-бабу, не любивший шума и суеты, остался один в Калькутте. Шучорита попыталась было добиться позволения остаться с ним, но Пореш считал, что долг требует принять приглашение судьи, и настоял, чтобы девушка поехала вместе со всеми. Было решено, что спектакль

состоится через два дня, после торжественного обеда в доме судьи. На этот вечер должны были приехать комиссар и губернатор провинции с женой; кроме того, судья пригласил немало своих друзей-англичан из Калькутты и ее окрестностей. Приглашения были посланы некоторым «избранным» бенгальским бабу, причем ходили слухи, что для их угощения будет отведена специальная беседка, где будет подаваться чай, приготовленный поваром-брахманом.

За короткое время Харан-бабу сумел завоевать расположение судьи. Англичанин был поражен чистотой речи молодого человека, его познаниями в области христианства и даже спросил, почему он до сих пор не принял эту религию.

В этот вечер, прогуливаясь по набережной, они вели серьезную беседу о деятельности «Брахмо Самаджа» и о том, как лучше подойти к вопросу о реформе индуистской общины. И тут неожиданно со словами: «Good evening, sir!»¹ — перед ними предстал Гора.

Гора еще накануне пытался увидеться с судьей, но быстро убедился, что без взятки слугам преодолеть барьер, отделяющий его от англичанина, невозможно. Не желая поощрять этот позорный обычай, он решил подкараулить судью во время прогулки и поговорить с ним. Ни Харан-бабу, ни Гора и виду не подали, что они знакомы.

Неожиданное появление Горы удивило судью. Он не мог припомнить, чтобы ему встречался где-нибудь этот высокий, широкоплечий, здоровенный бенгалец. Да и цвет кожи у него был необычайный для индийца. На нем была рубашка цвета хаки с широкими рукавами, грубое, запылившееся дхоти, в руке он держал бамбуковую трость, чадор был обмотан вокруг головы в виде чалмы.

— Я только что из Чор-Гхошпура, — заявил Гора.

Судья чуть слышно свистнул сквозь зубы. Еще вчера ему сообщили, что в Гхошпуре появился какой-то неизвестный и что он пытается мешать расследованию, проводимому полицией. Так вот, значит, это кто!

Острым взглядом он смерил Гору с головы до ног и спросил:

— Кто вы такой?

¹ Добрый вечер, сэр! (англ.)

— Я бенгальский брахман.

— О! По всей вероятности, работаете в газете?

— Нет.

— Почему же вы вдруг очутились в Гхошпуре?

— Я знакомился с положением крестьян в окрестных деревнях. В Гхошпуре мы с приятелем решили отдохнуть. Увидев, до чего довела полиция своими притеснениями крестьян, и опасаясь еще худшего произвола в будущем, я решил попросить вас вмешаться.

— Известно ли вам, что крестьяне Гхошпура — настоящие разбойники?

— Нет, они не разбойники. Они смелые и независимые люди и молча сносить несправедливые притеснения не могут.

Судья пришел в ярость. Он решил, что этот юноша принадлежит к так называемым «новым бенгальцам», которым образование окончательно вскружило голову.

— Insufferable¹, — пробормотал он про себя и добавил строгим тоном: — Вам совершенно неизвестны особые условия, которые существуют здесь...

— Но вам они, по-видимому, известны еще хуже! — прогремел в ответ Гора.

— Вот что, — холодно сказал судья, — предупреждаю, что если вы хотите вмешиваться в гхошпурские дела, то так просто вам это не пройдет.

— Поскольку вы настроены против крестьян и не собираетесь прекратить бесчинства полиции, мне не остается ничего другого, как вернуться в Гхошпур и попытаться убедить людей, что они сами должны бороться с притеснениями.

Судья резко повернулся к Горе.

— Вот как? — закричал он. — Наглец!

Ничего не ответив, Гора медленно пошел прочь.

— Что случилось последнее время с вашими соотечественниками? — с презрением спросил судья, обращаясь к своему спутнику. — Чем вы можете объяснить это, Харан-бабу?

— Это только показывает, что образование их недостаточно глубоко, — снисходительно пояснил Харан-

¹ Певыносимо! (англ.)

бабу. — Никто не заботится об их духовном и нравственном воспитании, и в результате они оказались не в состоянии воспринять все лучшее, что есть в английской культуре. Слепая зубрежка и полное отсутствие моральных основ привели этих неблагодарных к тому, что они не понимают — не могут понять, — что английское правление ниспослано Индии самим провидением.

— Пока они не признают Христа, духовная культура будет недоступна этим людям, — наставительным тоном заметил судья.

— В известном смысле вы правы, — согласился Харан и пустился в умные рассуждения на тему, в чем он согласен и в чем расходится с христианской точкой зрения. Судья тоже увлекся этой беседой и не заметил, как пролетело время. Только когда жена, проезжая мимо, окликнула его: «Гарри, не пора ли домой!» (она уже завезла в бунгало дочерей Пореша-бабу и теперь возвращалась обратно) — он вдруг опомнился и взглянул на часы.

— Вот же черт! Уже двадцать минут девятого! Я очень приятно провел с вами вечер, — сказал он Харану, садясь в коляску и крепко пожимая ему руку.

Вернувшись в бунгало, Харан-бабу подробно рассказал о своей беседе с судьей, но о внезапном появлении Горы не обмолвился ни словом.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Сорок семь крестьян были брошены в тюрьму без суда и следствия, просто так, чтобы нагнать страха на всех остальных.

После встречи с судьей Гора отправился на поиски адвоката. Он слышал, что лучший адвокат в этой округе некто Шаткори Халдар, и решил обратиться к нему.

Увидев его, Халдар воскликнул:

— Ба, Гора! Ты что тут делаешь?

Шаткори, как и думал Гора, оказался его старым школьным товарищем.

Гора объяснил, что хотел бы подать прошение судье об освобождении на поруки арестованных в Гхошпуре крестьян.

— А кто выступит в качестве поручителя? — спросил Халдар.

— Я, конечно.

— Разве ты сможешь внести залог за сорок семь человек?

— Если они согласятся отпустить крестьян на поруки, то требуемую сумму я готов внести.

— Для этого понадобится немало денег...

На следующий день в суд было подано прошение об освобождении крестьян на поруки. При первом взгляде на подателя — высокого юношу в пыльной одежде, с чалмой на голове — судья узнал в нем вчерашнего смельчака и без разговоров отказался принять прошение. В результате заключенные, среди которых были четырнадцатилетние мальчишки и восьмидесятилетние старики, должны были оставаться в тюрьме.

Гора попросил Шаткори взять на себя защиту этих несчастных.

— А где ты найдешь свидетелей? — возразил адвокат. — Все они сидят в тюрьме, а остальные так запуганы расследованием, которое велось после нападения на англичанина, что и пикнуть не смеют. Судья дошел до того, что подозревает в заговоре местную интеллигенцию. Если я возьмусь за это дело, он, возможно, станет подозревать и меня. Английские газеты все чаще пишут, что местному населению нельзя давать слишком много воли, иначе беззащитные, беспомощные англичане скоро не смогут жить за чертой города. Хотя пока что именно нам, индийцам, становится невозможно жить в своей собственной стране. Как будто я не знаю, как ужасен произвол, царящий вокруг, однако бороться с ним не в наших силах.

— Как это так не в наших? — вскипел Гора. — Неужели мы...

— Ты все такой же, как в школе, — улыбнулся Шаткори. — Да, не в наших, хотя бы потому, что нам приходится содержать семьи. Если мы лишимся возможности зарабатывать на хлеб, нашим женам и детям придется голодать. Кто станет рисковать жизнью детей, которых в каждой семье немало, ради того, чтобы вытащить

кого-то из беды? Если на шею сидят своих десять человек, кому какое дело до десятка чужих?!

— Значит, ты ничего не хочешь сделать для них? — не унимался Гора. — Может быть, ты согласишься написать прошение в Верховный суд?..

— Брось, — нетерпеливо перебил его Шаткори. — Разве ты не понимаешь, — пострадал англичанин! А каждый англичанин представляет здесь своего короля, и нападение на самого захудалого, самого ничтожного из них рассматривается, как бунт против английского владычества. Я не намерен вступать в бой с существующей системой без всякой надежды на успех и навлекать на себя гнев судьбы.

На следующий день Гора с утра отправился на станцию, он хотел успеть на поезд, отходивший в половине одиннадцатого в Калькутту, и попытаться найти там адвоката, который согласился бы взять на себя защиту ни в чем не повинных людей. Но по пути на станцию непредвиденное обстоятельство расстроило его планы.

В последний день ярмарки должен был состояться матч в крикет между местной командой и калькуттскими школьниками. Во время тренировки один из приезжих школьников получил сильный удар по ноге. Рядом со стадионом находился пруд; товарищи повели к нему пострадавшего, усадили его на берегу, разорвали на полоски чадор и, намочив в воде, стали бинтовать ногу. В это время откуда ни возьмись появился полицейский и принялся колотить школьников направо и налево, осыпая их площадной бранью. Калькутты не знали, что этот пруд принадлежал частному лицу и что пользоваться им запрещено, да если бы они и знали это, не в их обычае было сносить подобные оскорбления! Они были молоды, сильны и на оскорбительную выходку ответили должным образом. На шум драки прибежало еще несколько полицейских. Как раз в этот момент мимо проходил Гора.

Гора хорошо знал этих школьников — он сам не раз устраивал для них состязания в крикет, — и сейчас он со всех ног кинулся им на помощь.

— Негодяи! Не смейте их бить! — закричал он полицейским.

В ответ полицейские с руганью обрушились на него самого, и Гора, вооружившись палкой, кинулся в бой. Собралась толпа; на поле битвы со всех сторон сбежались школьники. Ободренные поддержкой Горы, они скоро обратили полицейских в бегство. Эта баталия доставила зрителям-прохожим немало веселых минут. Стоит ли говорить, однако, что для Горы все это кончилось весьма плачевно.

Часа в четыре дня, когда Биной, Харан и девушки репетировали у себя в бунгало, туда пришли два школьника, знавшие Биной, и сказали ему, что Гора и несколько их товарищей задержаны полицией и что завтра на утреннем заседании суда будет слушаться их дело.

Гора под арестом! Это известие произвело ужасное впечатление на всех, кроме Харана. Биной немедленно побежал к своему старому школьному товарищу Шаткори Халдару. Вместе они отправились в полицейский участок, где сидел Гора.

Шаткори предложил Горе защищать его на суде и добиться освобождения на поруки, но тот решительно воспротивился.

— Нет, мне не надо адвоката, и я не хочу, чтобы меня брали на поруки, — твердо сказал он.

— Ты слышишь, что он говорит? — Шаткори повернулся к Биною. — Кто поверит, что Гора уже окончил школу? Здравому смысла у него прибавилось немного.

— Я вовсе не желаю, чтобы двери тюрьмы открылись передо мной только потому, что мне посчастливилось родиться в богатой и знатной семье, — сказал Гора. — Законы нашей страны гласят, что обязанность следить за правосудием в стране лежит на ее властелине. Ответственность за каждый несправедливый поступок падает на него. И если при нашем теперешнем правительстве приходится откупаться от тюрьмы, приходится тратить все состояние, чтобы добиться признания своих элементарных прав, то — поверьте — кто-кто, а я не истрачу и четверть пайсы на такое правосудие.

— При мусульманах люди головы закладывали, чтобы дать взятку, — возразил Шаткори.

— То была вина недобросовестных чиновников, — ответил Гора, — а вовсе не правителей — и теперь среди

судей есть взяточники. Но при пынешних порядках разорение грозит каждому: истцу и ответчику, преступнику и невинному — всем, кому приходится обращаться за правосудием в суд своей страны. Ну, а в тех случаях, когда истцом является высшая власть, а ответчиком — люди вроде меня, судьи и адвокаты обязательно становятся на сторону власти и, следовательно, все, что я могу сделать это положиться на волю судьбы. Если суд существует для того, чтобы справедливо решать все дела, то почему тогда интересы государства защищает специально назначенный адвокат? И наоборот, если участие адвоката в разбирательстве дела является неременным условием, то почему не назначается такой же адвокат для защиты интересов противной стороны? Что это — политика или один из приемов борьбы государства со своими подданными?

— Не горячись, Гора, — рассмеялся Шаткори. — Цивилизация обходится нам недешево. Для того, чтобы суд выносил мудрые решения, необходимо иметь мудрые законы, а мудрые законы открывают широкие возможности для торговли ими. Поэтому суды в цивилизованном мире обычно становятся рынками для купли и продажи правосудия. Причем тех, у кого денег мало, неизбежно надувают. Ну-ка, скажи мне, что бы ты предпринял, если бы власть в твои руки?

— Если бы в моей стране действовали сверхмудрые законы, в тайну которых не могли бы проникнуть даже умнейшие высокооплачиваемые судьи, то я, по крайней мере, предоставил бы за счет правительства опытных адвокатов и той и другой стороне. И уж не стал бы похваться превосходством своих судов над могольскими или натанскими, принуждая в то же время своих несчастных подданных нести непосильные расходы, если им хочется добиться справедливости.

— Понятно, — сказал Шаткори. — Но поскольку это благословенное время еще не наступило и власть пока еще не в твоих руках, а наоборот, ты сам находишься перед судом цивилизованного правительства, то приходится тебе или потратить денежки, или согласиться на то, что какой-нибудь приятель-адвокат будет защищать тебя даром. Всякое другое решение не сулит тебе ничего хорошего.

— Что будет, то будет, — решительно сказал Гора, — а я и пальцем не пошевелю, чтобы улучшить свое положение. Пусть мой жребий ничем не отличается от жребия других бедняков этой страны.

Биной принялся уговаривать Гору быть благоразумнее, но тот не слушал его. Он только спросил:

— А ты откуда взялся?

Биной покраснел. Если бы Гора не был в тюрьме, Биной, наверно, объяснил бы ему причину своего появления даже, может быть, с легким вызовом. Но сейчас у него просто не поворачивался язык сказать правду, и он только пробормотал:

— Я потом скажу тебе... сегодня ты...

— С сегодняшнего дня — я гость правительства, оно само печется о моем благополучии, так что вам обо мне беспокоиться незачем.

Биной знал, что переубедить Гору невозможно, и не стал уговаривать его взять защитника. Но он сказал:

— Ты же не сможешь есть здешнюю пищу, я буду присылать тебе еду...

— Биной, — нетерпеливо остановил его Гора, — не трать понапрасну свою энергию. Я не хочу, чтобы мне что-нибудь посылали. Пусть мое положение будет таким же, как всех заключенных.

Биной вернулся в бунгало взволнованный до глубины души. Шучорита сидела одна в своей спальне у открытого окна и ждала его. Она заперлась у себя, не в состоянии видеть кого-либо и слушать пустую болтовню.

Сердце ее сжалось от дурного предчувствия, когда она увидела мрачного Биной, медленно подходившего к дому. Большим усилием воли Шучорита взяла себя в руки и, схватив первую попавшуюся книгу, вышла в гостиную. Долита сидела в уголке и молча вышивала, хотя обычно она терпеть не могла заниматься рукоделием. Лабонне с Шотишем решали английский ребус, а Лила следила за ними. Харан-бабу и Бародашундори обсуждали какие-то подробности завтрашнего представления.

Биной рассказал им об утренней стычке Горы с полицией. Шучорита выслушала его, не проронив ни слова. Рукоделие упало с колен Долиты на пол, и румянец гнева залил ее лицо.

— Не волнуйтесь, Биной-бабу, — успокаивала юношу Бародашундори. — Сегодня вечером я буду у супруги судьи и попрошу ее похлопотать за Гоурмохона-бабу.

— Нет, нет, не делайте этого, — испугался Биной. — Если Гора узнает, он никогда не простит мне.

— Но ведь нужно же что-то предпринять для его защиты, — вмешался Шудхир.

Биной рассказал о своих тщетных попытках взять Гору на поруки и о его решительном отказе от защитника.

— Какое глупое ломанье! — не выдержал Харан-бабу.

До этого дня как бы Лолита ни относилась к Харану-бабу, она всегда выказывала ему внешнее уважение и никогда не спорила с ним, но сейчас она резко тряхнула головой и сказала:

— Никакое это не ломанье. Гоурмохон-бабу правильно поступает. Зачем же тогда существует судья — чтобы запугивать нас и заставлять защищаться? Мы должны платить налоги, чтобы они получали огромное жалованье, и мы же должны нанимать адвокатов, которые помогали бы нам вырваться из их рук! Нет, уж чем такое правосудие, действительно, кажется, лучше сесть в тюрьму.

Харан-бабу с удивлением взглянул на Лолиту — он привык смотреть на нее, как на ребенка, и никогда не предполагал, что она может так рассуждать. Минуту он стоял пораженный, а потом веско и важно стал отчитывать ее за неуместную вспышку.

— Что ты понимаешь в серьезных делах? Наслышались всякого вздора от недоучившихся мальчишек, которые вызубрили несколько книжонок и ничего не признают. Они болтают, что им на ум взбредет, а у таких, как ты, голова идет кругом.

Затем Харан-бабу рассказал им о вчерашней встрече Горы с судьей, не преминул он также передать и свой последующий разговор с мистером Браунло. Биной ничего еще не слышал о гхошпурских событиях и потому не на шутку встревожился. Он понимал, что легко судья Гору не отпустит.

Однако своим рассказом Харан-бабу не достиг цели, которую преследовал. Шучориту до глубины души

возмутила низость Харана, промолчавшего об этой встрече с Горой. В поступке Харана сказалось его мелкое недоброжелательство по отношению к Горе, и все присутствующие невольно почувствовали к нему легкое презрение. Шучорита не произнесла ни слова. Одно мгновение казалось, что она готова вспылить и разразиться потоком гневных слов, но она сдержалась и, взяв книгу, стала нервно перелистывать ее страницы. И только Долита вызывающе заявила:

— Для меня безразлично, на чьей стороне Харан-бабу. Одно только я знаю: своим поступком Гоурмохон-бабу доказал, что он действительно благородный человек.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

В день приезда губернатора судья явился в суд ровно в половине одиннадцатого, рассчитывая закончить дела пораньше.

Шактори-бабу, защищавший школьников, хотел было воспользоваться случаем, чтобы помочь и своему другу. Видя, как оборачивается дело, он решил, что самое лучшее — сразу признать вину. В своей речи он просил принять во внимание молодость и неопытность его подзащитных и снисходительно отнестись к ним. Судья приговорил школьников к наказанию розгами от пяти до двадцати пяти ударов в зависимости от возраста и степени виновности каждого.

Гора защищался сам. Но только он начал говорить о бесчинствах полиции, как судья резко оборвал его и не позволил продолжать.

По обвинению в сопротивлении действиям полиции при исполнении ею своих обязанностей, Гора был приговорен к месяцу строгого тюремного заключения, причем судья заявил, что он должен быть благодарен, что так легко отделался.

Шудхир и Биной присутствовали на суде, но Биной не решался взглянуть на Гору. Чувствуя, что задыхается, он поспешно покинул зал. Шудхир уговаривал его вернуться в бунгало, принять ванну и поесть, но Биной ничего не

хотел слушать. Выйдя за ворота судебного двора, он сел прямо на землю у подножья дерева.

— Возвращайся один, — сказал он Шудхиру, — я скоро приду.

Сколько времени просидел он так после ухода Шудхира, Биной и сам не знал. Солнце уже перешло зенит, когда рядом с ним вдруг остановилась коляска. Подняв голову, он увидел, что из коляски вышли Шудхир и Шучорита. Биной торопливо встал.

— Поедьте с нами, Биной-бабу, — взволнованным голосом сказала девушка.

Заметив, что эта сцена начинает привлекать внимание прохожих, Биной поспешно согласился. Всю дорогу никто из них не вымолвил ни слова.

Когда они возвратились в бунгало, оказалось, что там тем временем разыгралась настоящая баталия. Лолита решительно заявила, что на вечер к судье она ни за что не поедет, и Бародашундори окончательно растерялась. Харана же бессмысленное упрямство «этой девчонки» привело в совершенное бешенство. Сев на своего любимого конька, он без усталости поносил заразу, которая распространилась на всю современную молодежь, не желающую знать никакой дисциплины.

— Вот вам результат встреч бог знает с кем, — говорил он, — и всякой безответственной болтовни.

Биной не успел войти, как Лолита бросилась к нему:

— Простите меня, Биной-бабу. Я перед вами очень виновата. Вы были совершенно правы, когда отказывались участвовать в спектакле, только я не хотела вас понять. Вся беда, что мы не знаем ничего, что делается за стенами нашего дома, и поэтому ничего не понимаем. Вон Пану-бабу утверждает, что власть судьи в Индии — воля провидения. Если это действительно так, то наше непреодолимое желание проклинать эту самую власть, очевидно, тоже не что иное, как воля провидения.

— Лолита, ты... — начал было разгневанный Харан-бабу.

Но девушка, отвернувшись от него, пренебрежительно сказала:

— Не перебивайте меня, пожалуйста. Я ведь не с вами разговариваю. Не слушайте никого, — обратилась она

к Биною-бабу. — Сегодня представление ни в коем случае не должно состояться. Ни в коем случае!

Бародашундори поспешила вмешаться.

— Ну и любезна же ты, нечего сказать, — воскликнула она. — Не даешь Биною-бабу принять ванну и поест. Ведь уже половина второго! Посмотри, как он осунулся.

— Нет, нет! Я не могу есть тут, — ответил Биной. — Ведь это дом судьи, мы здесь его гости.

Бародашундори попробовала уладить дело миром и стала умолять Биной остаться; заметив, однако, что дочери не поддерживают ее, она рассердилась:

— Да что такое с вами, в самом деле? Шучи, попробуй хоть ты убедить Биной-бабу. Ведь мы обещали... На спектакль разосланы приглашения. Как-нибудь через это пройти мы должны, — иначе что о нас подумают! Нам нельзя будет и на глаза людям показаться!

Но Шучорита сидела молча, опустив голову.

Биной отправился на пристань и узнал, что пароход в Калькутту отходит через два часа и прибывает туда на следующий день около восьми часов утра.

Тем временем Харан-бабу окончательно потерял самообладание и что было сил напустился на Биной и Гору. Не в силах терпеть это, Шучорига поспешно ушла и затворилась у себя в комнате. Через несколько минут туда вошла Лолита. Шучорита лежала на постели, закрыв лицо руками.

Лолита заперла дверь изнутри, тихонько села рядом с сестрой и стала ласково гладить ее по волосам. Прошло немало времени, прежде чем девушка немного успокоилась. Тогда Лолита осторожно отвела ее руки от лица, прижалась щекой к щеке Шучориты и зашептала ей на ухо:

— Уедем в Калькутту, диди. Не можем же мы сегодня идти на вечер к судье!

Шучорита долго ничего не отвечала. Но когда Лолита еще раз повторила свою просьбу, она приподнялась на постели и сказала:

— Разве это возможно, Лолита! С самого начала я не хотела сюда ехать. Но раз уж отец сказал мне, что я должна, я не могу вернуться, не исполнив его приказания.

— Так ведь отец не знает, что тут произошло, — возразила Лолита. — Если бы он знал, он ни за что не захотел бы, чтобы мы оставались.

— Как мы можем быть в этом уверены, дорогая? — возразила Шучорита.

— Но неужели, диди, ты сможешь пойти туда? Сможешь разряженной стоять на сцене и читать стихи? Нет, я не могла бы слова сказать... хоть бы до крови язык себе искусала.

— Понимаю, — сказала Шучорита. — Но надо уметь переносить любые страдания. Сейчас у нас иного выхода нет. Ты думаешь, я когда-нибудь смогу забыть сегодняшний день?

Лолита, возмущенная неуместным послушанием Шучориты, пошла к матери.

— Что же вы не собираетесь ехать, ма? — обратилась она к Бародашундори.

— Ты, кажется, с ума сошла, — в недоумении сказала мать. — Нас ждут там только к девяти часам вечера.

— Я говорю об отъезде в Калькутту.

— Нет, вы только послушайте, что говорит эта девчонка! — воскликнула Бародашундори.

Тогда Лолита обернулась к Шудхиру:

— А ты как — тоже остаешься?

Шудхир был очень расстроен осуждением Горы, но у него не хватало мужества отказаться от соблазна блеснуть своими талантами перед изысканным английским обществом. Из его невнятного бормотания можно было понять, что он весьма сожалеет, но все-таки вынужден остаться.

— Ah, сколько времени ушло на споры, — проговорила Бародашундори. — Всем нам нужно хорошенько отдохнуть, а то вечером на нас смотреть будет страшно. Марш все в постель, и чтобы до половины шестого никто и не думал вставать.

С этими словами она выпроводила дочерей из гостиной. Скоро в доме водарила тишина. Спали все, кроме Шучориты и Лолиты, которые так и не легли, а сидели каждая в своей комнате, уставившись в одну точку.

Пароходная сирена уже не раз гудела, призывая пассажиров подняться на борт. Матросы готовились было

убрать сходни, когда Биной, стоявший на верхней палубе, увидел закутанную в покрывало женщину, спешившую к пароходу. Одеждой и походкой она напоминала Лолиту, но сначала Биной отказался поверить своим глазам. Однако, когда она подошла к пароходу, сомнения его рассеялись. В первый момент он подумал, что Лолита пришла уговаривать его вернуться, но затем вспомнил, что она тоже отказывалась идти на вечер к судье.

Едва только Лолита поднялась на борт, матросы начали убирать сходни. Встревоженный Биной поспешил ей навстречу.

— Пойдемте на верхнюю палубу, — сказала Лолита.

— Но ведь пароход сейчас отчалит, — в смятении сказал Биной.

— Я знаю, — коротко ответила девушка и, не дожидаясь Биноя, стала подниматься наверх. Пароход, непрерывно гудя, отошел от берега.

Усадив Лолиту в кресло на палубе первого класса, Биной с немим вопросом посмотрел ей в глаза.

— Я еду в Калькутту, — объявила Лолита. — Здесь оставаться я не могла.

— А как остальные отнеслись к этому?

— Пока еще никто не знает, — ответила Лолита. — Я оставила им записку.

Дерзкий поступок Лолиты ошеломил Биноя. С трудом обретя дар речи, он неуверенно начал:

— Но...

Лолита решительно прервала его:

— Какие могут быть «но» сейчас, когда пароход уже отчалил. Не понимаю почему, раз я родилась женщиной, то должна все сносить молча. У нас тоже существуют такие понятия, как справедливость и несправедливость, возможно и невозможно. Так знайте же, мне легче было бы покончить с собой, чем участвовать в сегодняшнем спектакле.

Биной понимал, что прошлого не вернуть и что сейчас бесполезно терзать себя мыслями, хорошо она поступила или плохо.

После непродолжительного молчания Лолита заговорила снова:

— Я была очень несправедлива к вашему другу, Бинной-бабу. Сама не знаю почему, но с первого раза, когда я увидела Гоурмохона-бабу и услышала его речи, я почувствовала к нему неприязнь. Меня возмущало, что он говорил так властно, а вы во всем с ним соглашались и только поддакивали. Я не терплю принуждения — ни словом, ни делом. Но теперь я вижу, что Гоурмохон-бабу умеет принуждать не только других, но и себя, а это — истинная сила воли. Таких людей мне еще не приходилось встречать...

Лолита говорила без умолку. Но к этому ее побуждало не столько раскаяние в том, что она ложно судила Гору, сколько сомнение, закравшееся ей в душу, едва она поднялась на пароход, — сомнение в том, правильно ли она поступила. До сих пор она как-то не задумывалась над тем, что путешествие на пароходе в обществе одного только Биноя не совсем удобно для девушки. Но, твердо зная, что показывать смущение нельзя ни в коем случае, а то окончательно пропадешь со стыда, она храбро болтала, не замолкая ни на минуту. Бинной же, наоборот, молчал как убитый. Горькое унижение, выпавшее по воле судьбы на долю Горы, стыд за себя, за то, что он собирався выступить в спектакле в доме этого самого судьбы, и вдобавок ко всему неловкое положение, в которое неожиданно поставила его Лолита, окончательно лишили его дара речи.

Случись это в прежние дни, он был бы возмущен безрассудным поведением девушки, но сейчас осуждать ее он не мог. К удивлению смелостью Лолиты в душе Бинной примешивалось чувство восхищения ею и тайная радость от того, что из всех только он и Лолита выразили хотя бы слабый протест против оскорбления, нанесенного Горе.

И еще он думал о том, что для него самого этот поступок не может иметь особенно неприятных последствий, но Лолите, безусловно, придется долго расплачиваться за него.

Как странно — ведь до сих пор он считал, что Лолита терпеть не может Гору! Чем больше раздумывал он над этим, тем больше восхищался ее абсолютной нетерпи-

мостью к лжи, ее безграничной смелостью, свободной от соображений расчетливого благоразумия, и его уважение к ней все росло.

Он понимал, что Лолита была права, упрекая его в нерешительности и отсутствии собственных убеждений. Он никогда не посмел бы отбросить соображения о том, как отнесутся к его поступку близкие ему люди, и смело пойти путем, который считал правильным, — как это сделала она. Как часто поступал он вопреки своим желаниям из боязни раздражить Гору, из опасения, чтобы друг не счел его слабым, а потом обманывал свою совесть, пытаясь жалкими доводами убедить себя в том, что взгляды Горы — это и его взгляды! Он отчетливо понял, что гордая и независимая в своих суждениях Лолита стоит намного выше его в духовном отношении. Ему было стыдно вспомнить, что раньше он неверно судил о ней и нередко в душе порицал. Ему хотелось попросить у нее прощения, но он не находил слов, чтобы передать ей свои чувства. Нежное лицо Лолиты, озаренное внутренним светом, казалось Биною божественно прекрасным. Его жизнь вдруг наполнилась глубоким смыслом, он впервые понял, как величественно хороша может быть женщина. И перед лицом этой Прекрасной Силы без колебаний признал свою мелочность и ничтожность.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

В Калькутте Биной сразу же проводил Лолиту домой. До того, как они оказались вместе на пароходе, он не слишком разбирался в своих чувствах к ней. При встречах с этой своенравной девушкой, он главным образом старался не допустить, чтобы споры, вспыхивавшие у них по малейшему поводу, оканчивались настоящей ссорой. Шучорита взошла на горизонте его жизни первой вечерней звездой, сияющей чистыми лучами женственности, и наполнила чудесной радостью все его существо. Но вот рядом с ней загорелась еще одна звезда, и он даже не заметил, как случилось, что, открыв для него этот праздник света, первая звездочка мало-помалу опять скрылась за горизонтом.

С тех пор как взбунтовавшаяся Лолита появилась на пароходе, Биноя не покидала мысль, что они теперь стоят вдвоем, плечом к плечу, против всех остальных; он не мог забыть, что в трудную минуту девушка решила покинуть близких и присоединиться к нему. Что бы ни побудило ее поступить так, было совершенно очевидно, что отныне она не сможет относиться к нему, как к одному из многих: он — и только он один — оказался рядом с ней, когда она нуждалась в поддержке. Все ее родные были далеко, лишь он был близко, и ощущение этой близости заставляло вздрагивать его сердце подобно тому, как вспыхивают трепещущие зарницы в надвигающихся грозных тучах.

Лолита ушла к себе в каюту первого класса, но Биной чувствовал, что все равно не заснет. Он снял туфли и стал молча ходить взад и вперед по палубе под дверью ее каюты. Трудно было предположить, что Лолите грозит какая-нибудь опасность на пароходе. Но слишком уж заманчивы были обязанности, которые возлагало на Биноя неожиданно обрушившееся на него, никогда прежде не испытанное чувство ответственности, и он ни за что в жизни не отказался бы от этого ненужного ночного дежурства.

Невыразимая глубина чувствовалась во мраке ночи; безоблачное небо было усеяно звездами; частые густые деревья по берегам реки превратились в мощный цоколь, на который опирались темные стены небосвода. Внизу стремительно неся молчаливый поток величественной реки, а в центре всего этого спала Лолита. Ничего не случилось, — Лолита доверила Биную свой безмятежный сон, только и всего. Но Биной принял это доверие, как драгоценнейший из даров, и нес почетную вахту. Ни отца, ни матери, ни сестер — никого нет подле нее, но Лолита — прекрасная Лолита — не побоялась лечь на незнакомое ложе и спокойно уснула. Дыхание мерно вздымает грудь в такт ритму пормы ее сна. Ни один локон не выбился из искусной прически. Обе руки — такие нежные в своей женственной мягкости — в полном изнеможении покоятся на одеяле; утомнились наконец изящные резвые ножки, — словно завершив блистательную каденцию

праздничной мелодии, замерли они сейчас... Вот какая картина рисовалась Биною.

Как жемчужина в своей раковине, лежала Лолита, окутанная безмолвной тьмой, укрытая звездным покрывалом. И ему казалось, что этот сон, этот совершенный в своей красоте покой, — единственное, что имеет значение в этом мире в эту ночь.

— Я не сплю, я не сплю, — повторял юноша. Эти слова поднимались из тайников его вдруг возмужавшего сердца, победно неслись ввысь, растворялись в безмолвном покое, царившем в обители недремлющего владыки неба...

Но была и еще одна мысль, которая все возвращалась к нему во мраке безлунной ночи: «А Гора эту ночь проводит в тюрьме!» До сих пор он делил с Горой все его радости и печали. Впервые это было не так. Биной понимал, что для такого сильного человека, как Гора, заключение в тюрьме не представляет ничего страшного; но с начала и до конца этой истории, имевшей большое значение для его друга, Биной не принимал в ней никакого участия и был далек от Горы. Когда разделившиеся потоки их жизней сольются вновь — можно ли будет заполнить пустоту, образовавшуюся вследствие этой разлуки? Не положит ли она конец их редкой дружбе, такой безупречной и бескорыстной! Биной стоял неподвижно, пристально вглядываясь в темноту ночи, словно ощущая слияние разрушающего начала жизни и созидающего, ее полное бессилие и несокрушимую мощь.

Если бы Биной лишь по чистой случайности не участвовал в путешествии, предпринятом Горой, и только поэтому не смог разделить злключения, выпавших на его долю, их дружба, возможно, и не пострадала бы. Но паломничество Горы, так же как и участие в спектакле Биной, не было случайностью. Поток жизни Биной вырвался из русла их прежней дружбы. И разрыв поэтому стал неизбежен. Но другого выхода не было; факты — упрямая вещь, и Биной уже не считал единственно правильным путем для себя — путь Горы.

Но неужели столь длительная привязанность погибнет только оттого, что разошлись их пути? Эта мысль заставила Биной содрогнуться. Он знал, что Гора все, что бы

Шантиникетон. «Удаяна» — дом-музей

он ни делал, подчиняет намеченной цели. Великий Гора! Человек с несокрушимой волей, которую он сумел сделать законом для всех. Он победоносно пойдет вперед, покоряя сердца людей, — ведь не даром всевышний одарил его царственным величием!

Когда извозчик остановился у дома Пореша-бабу и Лолита вышла из коляски, Биной увидел, что она дрожит и что ей стоит больших усилий взять себя в руки. По правде сказать, она до сих пор еще не отдавала себе ясного отчета в том, насколько серьезно преступление против законов приличия, так опрометчиво совершено ею. Она знала, что отец никогда не будет ее бранить, и больше всего остального боялась именно его молчания. Биной терялся в догадках, как ему поступить. Опасаясь, что его присутствие только усугубляет ее беспокойство, он перешитительно сказал Лолите:

— Пожалуй, лучше будет мне уйти?

— Нет, нет! — поспешно ответила девушка. — Зайдемте вместе к отцу.

В душе Биной был несказанно рад такой настойчивой просьбе. Значит, его долг по отношению к Лолите не страничивался тем, что он доставил ее домой. Значит, благодаря этому неожиданному происшествию, его судьба окажется теперь странно связанной с ее судьбой. Он чувствовал, что должен твердо — тверже, чем прежде, — стоять за нее. Мысль о том, что Лолита ищет его поддержки, взволновала Биню до глубины души; у него было чувство, будто она схватила его за руку, прося о помощи. Если Пореш-бабу будет сердиться на Лолиту за ее необдуманый и неприличный с точки зрения общественной морали поступок и начнет ее бранить, он возьмет всю вину на себя, надежным заслоном встанет между Лолитой и отцом и, не дрогнув, примет все упреки.

Но Биной неверно понял, что таилось за просьбой Лолиты. Она не любила ничего скрывать и теперь хотела, чтобы Пореш-бабу знал во всех подробностях, что с ней произошло. Она готова была принять любое наказание, которое отец пожелал бы наложить на нее.

С самого утра Лолита сердилась на Биню. Она признавала, что он не давал ей повода к этому, но, как ни

странно, это сознание не уменьшало, а, наоборот, увеличивало ее досаду. На пароходе у Лолиты было совсем иное настроение.

С детских лет у нее нередко бывали приступы раздражения, за которыми следовали самые нелепые выходы; но на этот раз дело обстояло гораздо серьезнее. То, что в этой истории оказался замешан Биной, сильно осложняло положение, и все же Лолита испытывала тайную радость, вроде той, что доставляет людям запретное удовольствие.

Принять покровительство человека постороннего, разделить его общество, и притом без всякой «охраны» в лице родных или близких, — все это создавало опасное положение, и ей было о чем тревожиться. Но врожденная деликатность Биной придала этому приключению отенок чистоты и невинности, и она с особенным удовольствием отметила его удивительную внутреннюю скромность. Ей казалось, что она видит совсем не того Биной, который бывал у них дома, делил с ними игры и забавы, болтал без умолку, весело шутил, смеялся и умел поддерживать приятельские отношения даже со слугами. Под предлогом заботы о ней Биной мог вести себя на пароходе гораздо свободнее, — но, стараясь держаться подчеркнуто на расстоянии, он тем самым сделался еще ближе сердцу Лолиты.

Всю ночь одолеваемая разными мыслями, Лолита ворочалась на своей койке и не могла заснуть. Наконец ей показалось, что начало светать. Осторожно приоткрыв дверь, она выглянула наружу. Напоянная росой предрасветная мгла еще лежала над чистым речным простором и окутывала прибрежные леса; подул свежий утренний ветерок, и по воде побежала рябь; из машинного отделения доносился шум — начинался трудовой день.

Выйдя из каюты, Лолита тотчас увидела Биной. Он заснул в кресле на палубе, уткнувшись в теплый плащ. Сердце Лолиты дрогнуло. Значит, всю ночь Биной охранял ее сон! Так близко, и так далеко... Лолита быстро скользнула обратно в каюту и, остановившись на пороге, снова посмотрела на Биной, мирно спавшего на фоне сумрачного речного пейзажа, и ей показалось, что среди звезд, оберегающих покой земли, самым ярким светом

горит его звезда. И пока она смотрела так на него, нежность затопила ее сердце и на глаза навернулись слезы.

Ей казалось, что бог, молиться которому научил ее отец, явился ей, что он простирает к ней руки, благословляя ее. И в ту священную минуту, когда на берегу, под сенью дремлющих деревьев, впервые обнялись разгорающаяся заря и уходящая тьма, в огромном звездном чертоге вселенной прозвучал первый аккорд божественной вины, и в ее мелодии слышались безмерная радость и великое страдание.

В это мгновение Биной во сне пошевелился. Лолита тотчас спряталась в каюте и, заперев дверь, улеглась. Руки и ноги у нее совсем окоченели, и она долго не могла унять взволнованное сердце.

Постепенно мрак рассеялся, и пароход поплыл дальше. Биной проснулся от паровозного гудка, но остался лежать в кресле и, устремив взор на восток, ждал, когда блеснет первый луч восходящего солнца. Вдруг он заметил, что на палубу вышла Лолита и стала у перил. Он поспешно приподнялся и собрался было скрыться в своей каюте, но она окликнула его и поздоровалась.

— Боюсь, что вы плохо спали эту ночь, — сказала она.

— Да нет, что вы, наоборот... — смущенно ответил юноша.

Из-за горизонта показался краешек солнца, брызнули яркие лучи и зажгли золотые искры в капельках росы, осыпавших листья растущих по берегу бамбуков. Никогда в жизни ни Лолите, ни Биною не приходилось видеть такого восхода. Никогда еще не затрагивала их так сильно красота нарождающегося дня. Сегодня они впервые почувствовали, что небо, словно открытое око, смотрит вниз, безмолвно радуясь каждому новому проявлению мироздания. Все чувства их были обострены до предела, им казалось, что в этот момент они соприкоснулись с великой тайной вселенной. И поэтому ни один из них не мог вымолвить ни слова.

Пароход прибыл в Калькутту. Наняв извозчика, Биной усадил Лолиту, а сам сел на козлы с кучером.

Пока они ехали по улицам утреннего города, ветер

настроения Лолиты неизвестно почему изменил направление и подул в обратную сторону. Теперь ее угнетала мысль, что в трудную минуту жизни на пароходе с ней оказался Биной, что он имел такое близкое отношение ко всей этой истории, что он, словно опекун, вез ее домой. Она не могла примириться с тем, что силой обстоятельств Биной получил какую-то власть над ней. Лолита и сама не отдавала себе отчета в том, почему так переменилось ее настроение. Почему мелодия прошлой ночи, столкнувшись с повседневностью, вдруг оборвалась на такой резкой ноте. И когда у дверей дома Биной смущенно спросил, не уйти ли ему, она рассердилась еще больше.

«Он, кажется, воображает, — думала она, — что я боюсь показаться на глаза отцу с ним вместе!» Лолита хотела как можно яснее дать понять ему, что она ни капельки не стыдится своего поступка и готова все рассказать отцу. Поэтому в ее планы отнюдь не входило потихоньку распрощаться с Биноем у дверей, как будто она и вправду была виновата. Лолита хотела сохранить свои отношения с Биноем по-прежнему простыми и ясными, какими они были раньше, и вовсе не была намерена унижить себя в его глазах и допустить, чтобы фантазии и колебания прошлой ночи все изменили между ними.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Увидев Биноя и Лолиту, Шотиш со всех ног кинулся к ним и, схватив обоих за руки, забросал вопросами:

— А Шучорита? Где она? Разве она не приехала?

Биной обшарил карманы, посмотрел по сторонам и воскликнул:

— Действительно, куда же она делась? Потерялась, наверно.

— Будет вам, — закричал Шотиш, подталкивая Биноя. — Скажи ты, Лолита, где она?

— Шучорита приедет завтра, — бросила на ходу Лолита, направляясь прямо к комнате Пореша-бабу.

Но Шотиш тянул их в другую сторону.

— Пошли, посмотрите, кто к нам приехал.

— Не приставай! — воскликнула девушка, вырывая руку. — Мне нужно к отцу.

— А отец ушел, — сообщил Шотиш, — и вернется не скоро.

При этом известии молодые люди почувствовали некоторое облегчение.

— Ну, так кто же приехал? — спросила Лолита.

— Не скажу, — ответил Шотиш. — Ну-ка, Биной-бабу, угадайте, кто приехал? Никогда не угадаете. Ни за что на свете!

Биной стал перечислять самые невероятные и пелепые имена. Сперва он назвал Сирадж-уд-доулу, затем раджу Нобокришно и, наконец, Нондокумара. После каждого имени Шотиш пронзительным голосом выкрикивал «нет» и доказывал, что присутствие в доме подобных гостей совершенно невозможно. Биной вынужден был сдаться, смиренно заметив, что он совсем не подумал о том, как трудно было бы добраться до их дома такому гостю, как Сирадж-уд-доула.

— Во всяком случае, — заключил он, — пусть сначала твоя сестра сходит и посмотрит, в чем дело, а в случае необходимости позовите и меня.

— Да нет же, — упорствовал Шотиш, — пошли все вместе.

— Куда же идти? — спросила Лолита.

— На самый верх.

В одном уголке крыши была построена небольшая комнатка. С южной стороны к ней примыкал навес, защищавший ее от солнца и дождя. Послушно следуя за Шотишом, Биной и Лолита пришли туда и увидели пожилую женщину в очках, которая сидела под навесом на небольшой циновке и читала «Рамаяну» Криттибаша. Одна дужка ее очков была сломана и заменена веревочкой. На вид женщине было лет сорок пять. Спереди над лбом волосы ее уже начали редеть, но лицо было свежее и круглое, как спелый плод. Между бровей виднелся несмываемый знак касты. Украшенный, однако, на ней не было, и одежда была вдовьей.

Увидев Лолиту, женщина сняла очки и, отложив книгу в сторону, стала взволнованно всматриваться в ее лицо. Но, заметив Биноя, который шел позади, она натянула на

голову край сари и направилась было в комнату. Однако Шотиш успел схватить ее за руку.

— Ну зачем ты убегаешь, тетя? — воскликнул он, — это же наша Лолита, а это Биной-бабу. Старшая сестра придет завтра.

Такой краткой рекомендации оказалось достаточно. Без сомнения, все сведения о Биное-бабу были сообщены еще раньше, потому что, если уж Шотиш дорывался поговорить на интересовавшие его темы, остановить его, прежде чем он не выболтает все до конца, было невозможно.

Лолита стояла в молчаливом изумлении, не понимая, что за «тетя» появилась у Шотиша. Но когда Биной низко склонился и взял прах от ног пожилой женщины, девушка тотчас последовала его примеру.

Затем тетя принесла из комнаты большую циновку и, расстелив ее, пригласила:

— Садись, сын мой, и ты, дитя мое, сядь!

Когда Биной и Лолита уселись, она села сама, а Шотиш примостился возле нее. Крепко обняв его правой рукой, она сказала:

— Вы меня, наверное, не знаете, но я — тетя Шотиша, его мать приходилась мне родной сестрой.

И не столько простые слова эти, как что-то в ее лице и тоне сказало им о горькой, слезами омытой жизни, прожитой этой женщиной. Когда она, прижав мальчика к груди, произнесла: «Я — тетя Шотиша», — Биной в душе почувствовал к ней глубокое сострадание.

— Нет, не годится, чтобы Шотиш захватывал на вас исключительные права, — заявил он, — иначе я, несмотря на долгую дружбу, поссорюсь с ним. Довольно с него, что он зовет меня не дада, а Биной-бабу, и, если он у меня еще и тетю оттягает, это будет уже слишком.

Для Биноя не составляло большого труда очаровать кого угодно. Тетя и оглянуться не успела, как этот вежливый юноша занял в ее сердце место рядом с Шотишем.

— А где твоя мать, дитя мое? — обратилась она к Биною.

— Родную мать я потерял очень давно, — ответил он, — и все-таки не имею права сказать, что у меня нет

матери, — и тут, при мысли об Анондомойи и о том, чем была она для него, глаза Биноя увлажнились.

Между Биноем и тетушкой завязалась такая оживленная беседа, что, слушая их, никто бы не сказал, что они только что познакомились. Шотиш тоже время от времени вставлял совершенно неожиданные замечания. Лолита же сидела молча. Она всегда была сдержанна с чужими, и ей требовалось немало времени, чтобы побороть первую неловкость. К тому же сейчас на душе у нее было беспокойно. Ей не понравилось, что Биной так непринужденно болтает с незнакомой женщиной. В душе осуждала она его еще и за то, что он недостаточно серьезно относится к ее делам, словно его несколько не беспокоит затруднительное положение, в котором она очутилась. Однако, заметь она, что Биной удрученно молчит, вряд ли он многим больше выиграл бы в ее глазах. Тогда Лолита, разумеется, тоже рассердилась бы на него за то, что он, видите ли, вообразил себя ответственным за ее поступок, касавшийся в конце концов только их с отцом. На деле же все сводилось к тому, что то, что вчера вечером звучало дивной музыкой, сегодня днем резало ухо. Поэтому Лолита и возмущалась так Биноем, потому, что бы он ни делал и как бы ни вел себя, все было не по ней. Одному только богу известно, как можно было вырвать корень зла.

Увы, разве можно обвинять в непоследовательности женщин, живущих одними чувствами. Когда любовь стоит на прочной основе, движения сердца так просты и чудесны, что разуму остается только смиренно склониться перед ним. Но едва в этой основе появится хотя бы маленькая трещина, и разум становится бессильным. Тогда напрасно гадать, чем вызваны неожиданные ссоры и примирения, смех и слезы.

Нельзя сказать, чтобы и у Биноя на сердце было спокойно. Если бы все было как прежде, он, не медля ни минуты, отправился бы к Анондомойи. Кто, кроме Биноя, мог сообщить матери о том, что Гора попал в тюрьму? Да и кто, кроме него, сумел бы ее утешить? Эта горестная мысль рождала в глубине души гнетущую боль. Но он не мог бросить Лолиту и уйти. Биной убеждал себя, что он — единственный защитник девушки перед лицом

всего мира и что, лишь выполнив свой долг перед Порешем-бабу, он сможет уйти. Убедить себя в этом оказалось совсем нетрудно. На возражения у него не хватало сил. Он действительно тревожился за Гору и Анондомойи, но близость Лолиты наполняла его душу таким ликованием, что он чувствовал себя самым гордым, самым свободным в мире человеком, и все переживания прятались где-то глубоко на самом дне его сердца. Он не осмеливался смотреть на Лолиту. Но то и дело его глаза сами собой обращались в ее сторону. И, когда взгляд ловил край ее одежды или руку, неподвижно лежавшую на коленях, волнение мгновенно охватывало его вновь.

Время шло, а Пореш-бабу все не возвращался.

Желание Биной подняться и уйти становилось все настойчивее. Чтобы заглушить это желание, он деятельно поддерживал разговор с тетей и Шотишем. Но терпение Лолиты наконец истощилось.

— Чего вы, собственно, дожидаетесь? — оборвала она его на полуслове. — Кто знает, когда еще вернется отец. Почему вы не идете к матери Гоурмохона-бабу?

Биной вздрогнул. Ему были хорошо знакомы эти гневные нотки в голосе девушки. Посмотрев на Лолиту, он вскочил со стремительностью выпущенной из лука стрелы. Действительно, чего он тут ждет? Он вовсе не воображал, что его присутствие здесь в такой момент так уж необходимо. Откровенно говоря, если бы не настойчивая просьба Лолиты, он распрощался бы еще у порога. Но дожидаться, чтобы она задала ему такой вопрос!..

Биной так поспешно поднялся со своего места, что Лолита вздрогнула и удивленно посмотрела на него. Его обычная жизнерадостная улыбка угасла, как угасает свет, когда задувают лампу. Такого несчастного, такого обиженного лица Лолита еще никогда не видела у Биной, и острое раскаяние, как удар хлыста, обожгло ее сердце. Шотиш тотчас же вскочил и, повиснув на руке Биной, принялся его упрашивать:

— Сядьте, Биней-бабу, не уходите! Позавтракайте сегодня с нами. Тетя, уговорите Биной-бабу! Зачем только ты велела ему уходить, Лолита-диди! — повернулся мальчик к сестре.

— Нет, Шотиш, в следующий раз, если тетя меня пригласит, я обязательно поем у вас, а сегодня уже поздно, — ответил Биной.

В его голосе слышались слезы, даже тетя не могла не заметить этого. Робко переведя взгляд с Биноя на Лолиту, она поняла, что между ними что-то произошло, что тут кроется закулисная драма.

Вскоре под каким-то предлогом Лолита поднялась и ушла к себе. Который уж раз она вот так сама доводила себя до слез!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Биной, снедаемый стыдом и угрызениями совести, сразу же отправился к Анондомойи. Почему он так долго не шел к матери? Как мог он вообразить, что Лолита нуждается в нем? Бог справедливо наказал его за то, что он, приехав в Калькутту, не бросил все дела и не побегал прямо к Анондомойи. И поделом ему, что именно из уст Лолиты ему пришлось в конце концов услышать: «Почему вы не идете к матери Гоурмохона-бабу?» Как могло случиться, что мысль о матери Горы тревожила Лолиту больше, чем его — Биноя? Ведь для Лолиты Анондомойи была всего лишь матерью Горы, для Биноя же она была подлинным воплощением всех матерей мира.

Анондомойи только что приняла ванну. Постелив циновку, она сидела в своей комнате на полу, погруженная в глубокую задумчивость, когда быстрыми шагами вошел Биной и, бросившись к ее ногам, воскликнул:

— Ма!

— Биной! — промолвила Анондомойи, глядя его склоненную голову.

Ну, у кого еще, кроме матери, мог быть такой голос! Звук его подействовал на Биноя, как ласковое прикосновение. С трудом сдерживая себя, он спокойно сказал:

— Я давно должен был быть здесь, ма...

— Я уже все знаю, — ответила Анондомойи.

— Уже! — воскликнул пораженный Биной.

Как выяснилось, Гора еще в полиции написал ей письмо, которое переслал через адвоката и в котором

сообщал, что, по всей вероятности, попадет в тюрьму. Письмо кончалось так:

«Тюрьма твоему Горе никакого вреда не принесет, его лишь волнует мысль, что все это может причинить боль тебе. Твое же горе будет ему тягчайшим наказанием, какого не в силах придумать ни один судья. Но, ма, не думай только о своем сыне! Ведь и многие другие сыновья своих матерей безвинно томятся в тюрьмах, и я хочу быть таким же, как они, и разделить с ними их лишения. Ты не должна печалиться, ма, если моему желанию суждено исполниться. Не знаю, помнишь ли ты, как однажды, в голодный год, я оставил на столе в комнате, выходящей окном на улицу, свой кошелек и на пять минут вышел. Вернувшись, я обнаружил что кошелек исчез. Там были восемьдесят пять рупий, которые я скопил из своей стипендии и на которые собирался купить тебе серебряную чашу для омовения ног. Узнав, что деньги украдены, я страшно разозлился. Но тут всевышний послал мне прозрение, и я сказал себе: «Я дарю эти деньги голодающему, который взял их». И не успел я сказать это, как сейчас же перестал сожалеть о них и успокоился. И теперь я тоже говорю себе: «Я иду в тюрьму добровольно, в моей душе нет ни печали, ни гнева. Некоторое время она будет мне пристанищем». Правда, в тюрьме будет трудно с едой, будут и другие неудобства. Но ведь во время своих недавних странствий я пользовался гостеприимством самых различных людей, и не во всех домах получал то, к чему привык; иногда мне приходилось мириться с отсутствием самого необходимого. К тому же лишения, которые испытываешь по доброй воле, очень скоро перестают быть лишениями. О насилии над моей волей не может быть и речи, уверяю тебя, — я вполне согласен сесть в тюрьму, я даже доволен этим.

Дома, ни в чем не испытывая недостатка, мы в силу привычки перестаем замечать, какое это наслаждение беспрепятственно пользоваться воздухом и светом, и забываем о великом множестве людей, которые справедливо или несправедливо лишены свободы и подвергаются всяческим унижениям, которые лишены даже этого удовольствия, дарованного всем людям без исключения. Обычно мы не думаем об этих людях и считаем, что

у нас с ними нет ничего общего. Так вот я хочу, чтобы меня заклеили одним с ними клеймом. Я не желаю сидеть в безопасности, примазавшись к сытому самодовольному большинству, скрывающему свое ничтожество под маской благопристойности.

Ма, познакомившись с миром поближе, я многое узнал. Тех, кто довольствуется ролью судей, в большинстве случаев можно только жалеть. Узники несут наказание за грехи тех, кто судит других, вместо того, чтобы судить себя. Преступление слагается из многих проступков разных людей, но кару за него несет почему-то кто-то один, именуемый преступником. Где, когда и как искупят свой грех те, кто живет сейчас на свободе, в довольстве и почете, — нам не дано знать. Что же касается меня, то мне отвратительна их самодовольная благопристойность, и я предпочитаю носить на груди клеймо, выжженное человеческой подлостью. Так благовослови же меня, ма, и не плачь обо мне. Всю свою жизнь Кришна носил на груди след от удара ноги Бхригу. И чем больше пинков рассыпает направо и налево высокомерие, тем отчетливее выступает этот след на груди божества. Если Кришна носит его, как символ почета, так чего же беспокоиться обо мне? О чем сожалеть, ма?»

Получив это письмо, Анондомойи попробовала уговорить Мохима съездить к Горе. Но тот заявил: «Не забывай, что я служу, и хозяин ни за что не отпустит меня». Затем Мохим обрушился на Гору с упреками за неосмотрительность и легкомыслие.

— Из-за него и я, чего доброго, вылечу со службы, — заключил он.

Анондомойи, болезненно воспринимавшая всякие объяснения с мужем насчет Горы, решила пока не говорить Кришнодоюлу о случившемся. Она знала, что отцовских чувств Кришнодоюл к нему не питает, а скорее прячет в душе некоторую неприязнь. Гора встал между супругами, как горный хребет Виндхья. По одну сторону этого хребта оказался Кришнодоюл со своим правоверием и обрядами, по другую — Анондомойи со своим непутевым Горой. Казалось, что между этими двумя людьми, которые одни в целом мире знали историю Горы, не осталось ничего общего. Любовь к Горе стала для Анондомойи

поистине счастьем, ее сокровищем — это сокровище она не делила ни с кем. Она старалась, насколько было в ее силах, облегчить положение Горы в семье, где его только терпели. Она жила в постоянном страхе, как бы кто не сказал: «Если бы не Гора, этого не случилось бы!», или: «Видишь, какие сплетни про нас пустили, и все из-за твоего Горы», или: «Вон какой урон мы понесли по милости твоего Горы». Она чувствовала, что вся ответственность за Гору лежит на ней одной. И надо же было так случиться, чтобы этот ее драгоценный Гора уродился не в меру строптивым! Как трудно было усмотреть за ним, чтобы он никому не мешал. День и ночь во враждебно настроенной семье она не спускала с него глаз, пока этот непоседа Гора не стал взрослым юпешей. Сколько выслушала она упреков, не сказав ни слова в ответ, сколько вынесла горя, разделить которое ей было не с кем!

После ухода Мохима Анопдомойи долго молча сидела у окна. Она видела, как, бормоча священные заклинания, возвратился домой после утреннего омовения Кришнодоая; его лоб, руки и грудь еще были перепачканы священной глиной Ганги. Подойти к нему сейчас, после такого очищения, никто не имел права. Запрет, запрет, — всюду одни лишь запреты!

Она со вздохом поднялась и пошла в комнату к Мохиму. Он сидел на полу, просматривая газету, в то время как слуга цатирал его маслом перед утренним омовением.

— Мохим, найди кого-нибудь, кто согласился бы сопровождать меня. Я хочу поехать к Горе, — попросила Анопдомойи. — Он, кажется, твердо решил сесть в тюрьму. Но ведь должны же мне разрешить свидание с ним, пока он находится в предварительном заключении?

При всей своей внешней грубоватости Мохим искренне любил Гору. Хоть он и раскричался, что «такому мерзавцу только в тюрьме и место, и просто удивительно, что он туда раньше не попал», однако, не мешкая ни минуты, позвал своего верного слугу Гхошала и, дав ему денег на судебные издержки, сказал, чтобы тот сразу же отправлялся в путь, добавив, что он и сам тоже поедет к брату, если отпустит хозяин и разрешит жена,

Анондомойи знала Мохима: увидев, что Гора попал в беду, он никогда не сумел бы равнодушно отойти в сторону. Убедившись, что теперь он сделает то небольшое, что можно сделать, она вернулась к себе. Она отлично понимала: в этой ортодоксальной семье не найдется никого, кто согласился бы отвезти ее, хозяйку дома, к Горе в место заключения, где она рискует стать объектом нескромных взглядов и пересудов толпы. Поэтому она не стала настаивать, только плотно сжала губы, и тень безмолвной печали затаилась в глубине ее глаз. Лочмия начала жалобно причитать, но Анондомойи выбрала ее и отослала вон из комнаты. Она привыкла молча переносить невзгоды. И радости и несчастья она встречала с неизменным спокойствием, и только всевышний знал, что творится у нее на душе.

Биной никак не мог придумать, что бы сказать Анондомойи в утешение, и потому смолк после первых же слов. Но ей и не нужны были ничьи утешения. Она не любила и избегала говорить о несчастьях, помочь которым было нельзя. Поэтому она тоже не стала возвращаться к прежнему разговору и только сказала:

— Омовения ты, надо думать, еще не совершил, Биной, — пойди, да поскорее возвращайся, уже поздно.

Совершив омовение, Биной принялся за еду. Место Горы рядом с ним оставалось незанятым, и это острой болью отозвалось в сердце Анондомойи. Она представила, что сейчас Гора вынужден принимать в тюрьме грубую тюремную пищу, вдвойне горькую от унижительных тюремных правил. Представив себе это, Анондомойи почувствовала, что больше не может сдерживаться, и, воспользовавшись каким-то предлогом, поспешила выйти из комнаты.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Когда Пореш-бабу, возвратившись домой, неожиданно нашел там Лолиту, он сразу понял, что его взбалмошная дочь выкинула что-то из ряда вон выходящее. В ответ на его вопросительный взгляд Лолита заявила:

— Я вернулась, отец. Я не могла там больше оставаться.

На вопрос о том, что же все-таки произошло, Лолита ответила:

— Судья посадил в тюрьму Гоурмохона-бабу.

Сначала Пореш никак не мог понять, каким образом Гора оказался замешанным в эту историю, но, узнав от Лолиты обо всем случившемся, он глубоко задумался и долгое время сидел молча. Первая мысль его была о матери Горы. Он размышлял над тем, что, если бы судья взял на себя труд подумать, как много невинных людей страдает за осужденного, может быть, тогда осудить человека для него стало бы не таким легким делом. А ведь для судьи было проще простого посадить Гору в тюрьму, он мог обвинить его в самом обыкновенном воровстве. Такая бессердечность являлась результатом пренебрежительного отношения к справедливости, которое судья видел вокруг и к которому давно привык. Что может быть страшнее тирании, думал Пореш, и какие угрожающие размеры она приняла при дружной поддержке общества и государства. Все это отчетливо встало в его сознании, пока он слушал историю ареста Горы.

Видя, что отец задумчиво молчит, Лолита осмелела:

— Ведь правда же, это ужасно, отец?

— Мы не знаем, насколько виноват Гора, — с обычным спокойствием ответил Пореш-бабу. — Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что если даже под влиянием своих убеждений он и совершил поступок, недопустимый с точки зрения представителей закона, то уж по одному характеру своему он не способен на то, что по-английски называется преступлением. Но что подлаешь, дитя мое. Чувство справедливости в наше время еще не поднялось на должную высоту. До сих пор еще за самый обыкновенный проступок порой наказывают так же, как за тяжкое преступление, и оба виновных в одной и той же тюрьме отбывают одно и то же наказание. И нельзя обвинять кого-то одного за то, что так получается: это общий всечеловеческий грех... — Неожиданно прервав мысль на полуслове, Пореш-бабу спросил Лолиту: — С кем же ты приехала?

Девушка выпрямилась и развязнее, чем обычно, ответила:

— С Биноем-бабу.

Но за всей ее развязностью чувствовалась крайняя беспомощность. Не так-то легко было ей спокойно и просто сказать, что она приехала с Биноем-бабу. Она смутилась, и краска стыда залила ей лицо к еще большему ее смущению.

Эту непослушную, капризную дочь Пореш-бабу любил больше других своих детей. Он ценил в ней ее прямоту, которую, кстати сказать, остальные члены семьи крайне не одобряли. Недостатки Лолиты были в достаточной мере очевидны, и он прекрасно понимал, как сильно мешают они окружающим оценить в ней это драгоценное качество. Потому-то он и подходил так бережно к воспитанию дочери: он сознавал, что с ее упрямством следует бороться, но боялся, как бы не уничтожить в ней попутно и внутреннего благородства.

Все, знавшие двух других его дочерей, безоговорочно признавали их красоту: у них была светлая кожа и правильные черты лица. Лолита была смуглее своих сестер, относительно же привлекательности ее лица, отличавшегося большим своеобразием, мнения расходились. Поэтому Бародашундори и высказывала неоднократно мужу опасения, что трудно будет найти подходящего жениха для Лолиты. Но не нежность кожи и не правильность черт видел в лице дочери Пореш-бабу, а красоту духовную, которую оно отражало: твердость характера, ясность ума, независимость — качества, которые привлекают лишь немногих избранных, остальных же обычно отпугивают. Предчувствуя, что успеху Лолиты в обществе всегда будет мешать ее искренность, отец относился к ней с какой-то мучительной нежностью и, помня о том, что никогда никто, кроме него, не простит ей ее ошибок, был к ней тем более снисходителен.

Когда Пореш-бабу услышал, что Лолита неожиданно приехала вдвоем с Биноем, он тотчас же подумал, что за этот незначительный проступок общество накажет ее сурово, как настоящую грешницу. Лолита вдруг прервала его мысли:

— Я виновата, отец, но, видишь ли, мне стало ясно, что отношение судьи к нашему народу таково, что его гостеприимство и покровительственное отношение к нашей

семье не делает нам чести. Разве могла я после этого оставаться его гостьей?

Порешу-бабу нелегко было ответить на этот вопрос. Вместо ответа он только легонько потрепал Лолиту по волосам.

Под вечер, когда Пореш гулял перед домом, раздумывая о случившемся, к нему подошел Биной и поклонился. Они долго беседовали о происшествии с Горой и о том, что оно может повлечь за собой, но Пореш-бабу ни словом не обмолвился о поездке Лолиты и Биной на пароходе. Сумерки опустились на землю, и Пореш сказал:

— Ну, что ж, Биной, пойдем в компаты.

Но Биной отказался, сославшись на то, что ему нужно домой.

Пореш-бабу не стал настаивать на приглашении, и Биной, кинув украдкой взгляд на веранду второго этажа, медленно пошел прочь.

Лолита сверху видела юношу и, когда отец вернулся домой один, решила, что, может быть, Биной придет позже. Но он так и не пришел. Тогда она рассеянно полистала лежавшие на столе книжки и журналы и направилась было к двери. Пореш-бабу окликнул ее и, остановив взгляд, полный любви, на расстроенном личике дочери, проговорил:

— Лолита, спой-ка мне что-нибудь.

И с этими словами передвинул лампу так, чтобы свет не бил ей в лицо.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

На следующий день возвратились домой Бародашундори и все остальные. Харан-бабу, до крайности разъяренный поведением Лолиты, не заходя домой, отправился вместе со всеми к Порешу-бабу.

Бародашундори, с трудом сдерживая возмущение, сразу же пошла к себе, не удостоив Лолиту взглядом. Лабонне и Лиля были тоже очень сердиты на сестру: без Лолиты и Биной вся программа вообще и их выступление в частности выглядели так жалко, что они не знали, куда

глаза девать от стыда. Что же касается Шучориты, то она, не разделяя ни гнева и воинственного пыла Харана-бабу, ни слезливой досады Бародашундори, ни стыда и уныния сестер, просто погрузилась в ледяное молчание и продолжала исполнять свои обязанности совершенно машинально. Когда она с отсутствующим видом вошла вслед за всеми в комнату, казалось, что это идет заводная кукла.

Шудхир, терзаемый раскаянием, простился с ними еще у дверей. Лабонне долго безуспешно упрашивала его остаться и в конце концов даже объявила, что между ними все кончено.

— Произошла очень серьезная неприятность, — с этими словами Харан вошел к Порешу-бабу.

Лолита была в соседней комнате. Услышав голос Харана, она сейчас же вошла к ним и, вцепившись в спинку отцовского кресла, устремила пристальный взгляд на Харана-бабу.

— Я уже все слышал от самой Лолиты, — ответил Пореш-бабу молодому человеку, — полагаю, что вопрос исчерпан и больше говорить тут не о чем.

Спокойную сдержанность Пореша Харан принимал за признак слабохарактерности и потому с оттенком презрения заметил:

— Разумеется, вопрос о данном инциденте исчерпан, но его первопричина, заключающаяся в неискоренимости характера, остается, и тут поговорить есть о чем. Лолита никогда не решилась бы на такой поступок, если бы не то, что вы постоянно потакаете ей во всем. Какое зло вы ей этим причинили, станет вам очевидно, едва вы узнаете все подробности этой постыдной истории.

Пореш-бабу, почуяв за спинкой своего кресла признаки собирающейся бури, взял Лолиту за руку и, притянув к себе, с улыбкой обратился к Харану-бабу:

— Когда-нибудь вы поймете, Пану-бабу, что, для того чтобы воспитывать детей, нужна любовь.

Лолита наклонилась и, обняв отца, шепнула ему на ухо:

— Твоя ванна стынет, отец. Иди купайся.

— Я скоро пойду, — с укоризной проговорил Пореш, намекая на присутствие Харана, — ведь еще не так поздно.

— Ты не беспокойся, — ласково настаивала Лолита. — Иди купайся, а мы в твоё отсутствие займем Пану-бабу. Когда Пореш-бабу покинул комнату, Лолита решительно уселась в его кресло и в упор посмотрела на Харана.

— Вы, что же, полагаете, что имеете право делать в этом доме замечания всем и каждому? — проговорила она.

Шучорита хорошо знала характер Лолиты. В другое время, увидев выражение, появившееся на её лице, она поспешила бы принять меры предосторожности, но на этот раз она безучастно села в кресло у окна и равнодушно уставилась в открытую книгу. Шучорита давно взяла за правило всегда держать себя в руках, а то, что ей пришлось вытерпеть в течение последних нескольких дней, заставило её ещё больше замкнуться в себе. Но сегодня молчание стало для неё почти невыносимым, так что, когда Лолита взялась за Харана-бабу, Шучорита в душе это только приветствовала, как желанную разрядку.

— Вы, очевидно, воображаете, что обязанности отца по отношению к нам известны вам лучше, чем ему самому? — не унималась Лолита. — Вы что, предполагаете стать наставником для всего «Брахмо Самаджа»?

От такой дерзости Харан-бабу даже растерялся. Он было приготовился сделать девушке строгое внушение, но она не дала ему говорить.

— До сих пор мы терпели ваш снисходительно-покровительственный тон, но имейте в виду, если вы собираетесь записаться и перед отцом, то этого в нашем доме не потерпит никто, включая слуг.

— Лолита, ты... — выговорил с трудом Харан-бабу, но девушка не дала ему продолжать.

— Помолчите, пожалуйста! — сказала она. — Довольно мы вас слушали, так что раз в жизни выслушайте и вы меня. А если не хотите слушать меня, то же самое вам скажет Шучорита. Знайте же: отец как человек намного выше вас, какого бы высокого мнения вы о себе ни были. Мы хотели бы, чтобы вы поняли это совершенно отчетливо. А теперь я готова выслушать ваши советы, если у вас таковые имеются.

Харан-бабу почернел от злости.

— Шучорита! — крикнул он, вскакивая с кресла.

Девушка подняла голову.

— Ты допускаешь, чтобы Лолита оскорбляла меня в твоём присутствии!

— Она и не думала вас оскорблять, — медленно возразила Шучорита, — она всего-навсего добивалась от вас должного уважения к отцу. Мы не знаем никого, кто более заслуживал бы уважения, чем наш отец, уверяю вас.

Один миг казалось, что Харан-бабу уйдет, однако он остался и теперь сидел с чрезвычайно торжественным выражением лица. Чем яснее делалось ему, что его престиж в этом доме слабеет, тем яростнее он боролся, чтобы сохранить его, забыв о том, что, если опора непрочна, то чем крепче за нее держаться, тем скорее она рухнет.

Видя, что Харан-бабу сердито молчит, Лолита отошла к Шучорите и, сев рядом, принялась как ни в чем не бывало болтать.

А тут в комнату вбежал Шотиш и, схватив Шучориту за руку, стал звать ее:

— Пойдем, диди, ну пойдем же...

— Куда? — удивилась девушка.

— Пойдем, я тебе что-то покажу, — настаивал Шотиш. — Лолита, ты ведь ей ничего не рассказывала?

— Нет, не рассказывала, — успокоила его сестра.

Дело в том, что Шотиш просил Лолиту ничего не говорить Шучорите о тете, и Лолита сдержала обещание.

Но Шучорита посчитала неудобным покинуть гостя.

— Я приду попозже, болтунишка, — улыбнулась она, — как только отец вернется с купанья.

Шотиш забеспокоился. Он обычно проявлял невероятную изобретательность, когда дело касалось того, чтобы улизнуть от Харана-бабу. Однако, изрядно его побавиваясь, Шотиш не стал в присутствии Харана настаивать на своем. Что же касается Харана, то за исключением периодически повторяющихся попыток перевоспитать мальчика никакого интереса к Шотишу он не проявлял.

Шотиш терпеливо ждал, но лишь только Пореш-бабу вернулся, он сразу же утащил за собой из комнаты обеих сестер.

— Мне не хотелось бы больше откладывать нашу помолвку с Шучоритой, — сказал Харан. — Давайте назначим ее на будущее воскресенье.

— Лично я не возражаю, — ответил Пореш-бабу. — Все дело в том, согласна ли Шучорита.

— Так ведь ее согласие уже получено, — настаивал Харан.

— Ну что ж, тогда пусть будет по-вашему, — согласился Пореш-бабу.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

С того самого дня, как Биной вернулся от Лолиты, его ни на минуту не покидали сомнения; они словно шипы впились в его мозг и не давали ему покоя.

«Ведь я даже не знаю, — мысленно рассуждал он, — хочет ли кто-нибудь в доме Пореша-бабу, чтобы я бывал у них, и все-таки упрямо хожу туда. Может быть, не следует этого делать; может быть, их раздражают мои неуместные посещения. Мне неизвестны их привычки, и я не имею никакого представления, как нужно держать себя у них. Возможно, я, глупец, сую свой нос туда, куда могут вмешиваться лишь самые близкие люди».

Размышляя над всем этим, он вдруг подумал, что, вероятно, Лолита заметила в выражении его лица нечто такое, что показалось ей оскорбительным. До сих пор Биной отчетливо не представлял себе, какие чувства питает он к Лолите. Но теперь, когда все стало ясным, он окончательно растерялся. Он без конца раздумывал над тем, какое влияние все это окажет на его жизнь, как отнесется к этому общество, не сочтут ли его чувство неуважением к Лолите и предательством по отношению к Порешу-бабу. Вероятно, он был слишком назойлив, поэтому Лолита и рассердилась на него. Думая о событиях последних дней, он от стыда готов был провалиться сквозь землю.

Пустота собственного жилища действовала на него угнетающе, но он никак не мог набраться храбрости и пойти к Порешу-бабу. И вот как-то утром он отправился к Аюндомойи.

— Ма, — сказал он ей. — Мне бы хотелось пожить у тебя некоторое время.

Помимо всего прочего, он рассчитывал, что его присутствие облегчит Анондомойи вынужденную разлуку с Горой. Анондомойи поняла это и была глубоко тронута его заботой. Она ничего не ответила и только ласково положила руку ему на плечо.

Не успел Биной переселиться, как у него появилось вдруг множество капризов. Он то и дело шутя попрекал Анондомойи, что о нем никто не заботится. Все это для того, чтобы отвлечь ее, да и себя тоже, от черных мыслей. В сумерки, когда тоска одолевает с особенной настойчивостью, он надоедал Анондомойи до тех пор, пока она не бросала всю домашнюю работу. Тогда, расстелив на веранде циновку, он усаживался рядом с ней и заставлял ее рассказывать о своем детстве, о жизни в отцовском доме, о том, как до замужества она жила у деда и была любимицей всех его учеников, так что ее рано овдовевшая мать вечно беспокоилась, как бы не избаловали вконец ее сиротку-дочку.

— Я даже не могу себе представить, ма, неужели было такое время, когда ты не была нашей матерью? — говорил Биной. — Я уверен, что и ученики у деда в школе относились к тебе, как к своей маленькой матери, и что на самом деле это ты воспитывала своего деда — знаменитого учителя.

Однажды вечером Биной сидел на циновке около Анондомойи, положив голову ей на колени.

— Ма, — сказал он внезапно, — я бы с удовольствием вернул всевышнему все свои знания, только бы мне снова, как маленькому, спрятаться у тебя на коленях. Чтоб была у меня только ты, ты одна, и больше никого!

В его голосе слышалась такая усталость, такая глубокая тоска, что Анондомойи не только удивилась, но и сильно встревожилась. Она придвинулась ближе и стала тихонько гладить его по голове. Они долго сидели молча. Наконец Анондомойи спросила:

— В семье Пореша-бабу все в порядке, Бину?

Биной вздрогнул от неожиданности и смутился.

«От матери ничего не скроешь, — подумал он. — Она всех насквозь видит!» — И не совсем уверенно ответил:

— Да, они все здоровы.

— Мне бы очень хотелось познакомиться с девочками Пореша-бабу, — продолжала Анондомойи. — Ведь сначала Гора был о них не особенно высокого мнения, и если они все-таки сумели его приручить, значит, они должны быть не такие, как все.

— Я тоже давно мечтал, — оживился Биной, — познакомиться тебя с ними, но боялся, что Гора будет против, и потому молчал.

— Как зовут старшую? — спросила Анондомойи.

Последовало еще несколько вопросов и несколько ответов, но когда таким образом дошла очередь до Лолиты, Биной стал вдруг отвечать очень уклончиво. Анондомойи, однако, не захотела оставить его в покое.

— Я слышала, что Лолита очень умна? — продолжала расспрашивать она.

— Кто тебе это сказал? — полюбопытствовал юноша.

— Да ты сам.

Было время, когда имя Лолиты не вызывало особого волнения в сердце Биной, и он совершенно забыл, что тогда, в период «свободомыслия», он нередко с восторгом рассказывал Анондомойи о недюжинном уме девушки.

Анондомойи, как опытный навигатор, обходя подводные скалы, повела разговор так умело, что от нее не смогла укрыться ни одна существенная подробность его знакомства с Лолитой. Биной проговорился даже о том, как потрясена была Лолита внезапным арестом Горы и как это привело к тому, что она решилась вдвоем с ним — с Биноем — бежать на пароходе. Возбужденный рассказом, Биной совершенно забыл про свою усталость и прежнюю тоску. Какое счастье было вот так свободно, без малейшего смущения, поговорить о такой замечательной девушке.

Когда наконец их позвали ужинать и беседа оборвалась, Биной вдруг словно пробудился ото сна: он понял, что поведал Анондомойи свои самые сокровенные мысли. Она так хорошо выслушала и поняла его, что юноша, не испытывал ни малейшего стыда или неловкости за свой рассказ. До сих пор в его жизни не было ничего, что нужно было бы скрывать от матери, — он привык делиться с ней даже самыми пустяками. Но с тех пор как

он стал бывать в семье Пореша-бабу, им овладела какая-то скованность, и это ужасно мучило его. Теперь, излив Анондомойи — этому чуткому, внимательному слушателю — все свои горести, Биной почувствовал большое облегчение. Не расскажи он той, которую считал матерью, о своих новых переживаниях, чистота его чувства пострадала бы — в этом он был уверен.

Ночью Анондомойи долго не спала, раздумывая над тем, что услышала. Она чувствовала, что клубок жизни Горы запутывается еще больше, и в то же время надеялась, что концы его можно найти именно в доме Пореша-бабу. И Анондомойи дала себе слово во что бы то ни стало познакомиться с девушками.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Мохим и все члены его семьи смотрели на брак Шопшимулки с Биноем как на дело решенное. Шопшимулки стала даже прятаться от него, что было ново. С ее же матерью Локхимони Биной, можно сказать, почти не был знаком. Не то чтобы Локхимони была застенчива, но она казалась чрезвычайно необщительной. Дверь ее комнаты всегда была закрыта. Все свое имущество, за исключением мужа, она держала под замком. Да и супруг пользовался у Локхимони далеко не такой полной свободой, как ему хотелось бы. Согласно строгому режиму, установленному опекой, круг его знакомых и сфера действий были строго ограничены. Локхимони, мать Шопшимулки, держала свой маленький мирок в железных руках, так что постороннему проникнуть туда было так же трудно, как своему — вырваться оттуда. Даже Гору она допускала на свою половину скрепя сердце. Никаких разногласий между органами управления в этом государстве быть не могло: законы писала Локхимони, она же творила правосудие — от первой инстанции и до верхнего апелляционного суда, — таким образом, между законодательной и исполнительной властью противоречий не существовало.

По тому, как держался Мохим в обществе, он легко сходил за человека с твердым характером, но в царстве

Локхимони этому характеру развернуться было решительно негде, даже в пустыках.

Локхимони наблюдала за Бином через парду и дала ему свою оценку, оказавшуюся положительной. Мохим, знавший Биню с детства, привык смотреть на него просто как на приятеля Горы, и Локхимони первая обратила его внимание на Биню, как на возможного жениха, причем среди прочих его достоинств ее особенно прельщало то, что Биню, по всей вероятности, не станет настаивать на приданом.

Теперь Мохим совершенно извелся, потому что хотя Биню и поселился в доме Анондомойи, заводить с ним разговор о свадьбе было явно неудобно, так как в настоящее время он был слишком расстроен историей с Горой.

Но, когда пришло воскресенье, потерявшая терпение повелительница взяла дело в свои руки. Она ворвалась к благодушествовавшему по случаю праздника Мохиму и, сунув ему в руки коробочку с паном, погнала его к Биню, который в это время читал Анондомойи новый номер журнала Бонкима «Бонгдоршон».

Угостив Биню паном, Мохим начал с того, что осудил неискоренимое безрассудство Горы. Затем, подсчитывая, сколько времени осталось до его выхода из тюрьмы, он ненароком — и совершенно естественно — вспомнил, что декабрь уже на исходе. После чего, не мешкая, приступил к делу.

— Слушай, Биню, — сказал он, — насчет этой твоей фантазии, будто в декабре нельзя венчаться, — ведь это же срунда! Я тебе говорю, что если ко всем нашим уставам да запретам каждый начнет добавлять еще какие-то свои семейные приметы, так у нас в Индии свадеб вообще никогда не будет.

Анондомойи, видя растерянность Биню, пришла к нему на помощь:

— Биню знает Шошимукхи с пеленок, и, конечно, ему трудно представить ее своей женой. Вот он и выдумал про декабрь, — сказала она.

— Так он бы так и сказал с самого начала, — проговорил Мохим.

— Даже в своих собственных чувствах порой бывает трудно разобраться, — ответила Анондомойи. — И что тебе

не терпится, Мохим? Мало, что ли, ей женихов? Вот погоди, вернется Гора, он знает много хороших молодых людей; он сумеет выдать Шоши за кого-нибудь подходящего.

— Гм... — Лицо у Мохима вытянулось. Помолчав немного, он произнес: — Если бы ты, мать, не совала нам палки в колеса, Биной никогда и слова бы не сказал.

Биной хотел было в запальчивости возразить что-то, но Анондомойи опередила его:

— Ты не так далек от истины, Мохим, — сказала она. — Я просто не могла поощрять Биную в этой затее. Он еще молод и, пожалуй, необдуманно мог бы решиться на этот брак, но только ничего хорошего из этого никогда не получилось бы.

Таким образом, защищая Биную, Анондомойи приняла на себя весь гнев Мохима, и Биной оказался совершенно посрамленным в своем малодушии. Он хотел было поправить дело и сказать, что, собственно, и сам не слишком-то настроен жениться, но Мохим не стал дожидаться — он выскочил из комнаты, причем выражение лица его явно говорило: «Да, мачеха — это тебе не мать».

Анондомойи знала, что Мохим всегда держит наготове этот попрек. Она знала, что общество, не задумываясь, возлагает всю вину за семейные распри на плечи мачехи. Но не в ее правилах было сообразовывать свои поступки с тем, что о ней могут подумать люди. С того дня, когда она взяла на руки Гору, она порвала со всеми традициями и условностями, то есть вступила на путь, сделавший ее постоянной мишенью для нападок общества. Но Анондомойи сама постоянно упрекавшая себя за то, что ей приходится скрывать правду, стала нечувствительной к чужим колкостям. Когда ее называли христианкой, она, прижимая Гору к груди, говорила только: «А что тут плохого?» Так, шаг за шагом, она совершенно перестала считаться с мнением общества и теперь слушалась только голоса своего сердца. Поэтому никакой упрек Мохима, высказанный или невысказанный, не мог помешать ей поступить так, как она считала правильным.

— Бину, — сказала вдруг Анондомойи, — ты ведь, кажется, давным-давно не был у Пореша-бабу.

— Да нет, ма, не так уж давно, — ответил Биной.

— Во всяком случае, ты ни разу не зашел к ним после той поездки на пароходе.

По правде говоря, времени с тех пор прошло не так уж много. Но Биной-то не забыл, что как раз перед этим он так зачастил в дом к Порешу, что почти перестал бывать у Анондомойи. С этой точки зрения замечание было справедливо: он, действительно, не был там давно — для себя, конечно.

Биной стал молча вытягивать нитку из края своего дхоти, но как раз в это время в комнату вошел слуга и доложил о приходе каких-то женщин. Биной хотел было поскорее уйти, чтобы не помешать, но пока они стояли, гадая, кто бы это мог быть, в комнату вошли Шучорита и Лолита. Теперь отступать было уже поздно, и Биной остался, не в силах, однако, нарушить смущенного молчания.

Обе девушки, приветствуя Анондомойи, взяли прах от ее ног. Лолита вообще не обратила внимания на Биню. Шучорита же поклонилась и спросила, как он поживает. Затем, обращаясь к Анондомойи, пояснила ей:

— Мы из дома Пореша-бабу.

Анондомойи ласково пригласила их сесть, сказав:

— Вам не нужно представляться мне, милые мои. Хотя я никогда не видела вас, но для меня вы как родные.

Очень скоро девушки почувствовали себя у Анондомойи как дома. Шучорита попробовала вовлечь в разговор и Биню, молча сидевшего в стороне от всех.

— Вы что-то давно у нас не были, — сказала она.

— Боялся исчерпать ваше гостеприимство, — ответил Биной, глядя на Лолиту.

— Разве вам неизвестно, что добрые чувства неисчерпаемы? — спросила с улыбкой Шучорита.

— Это-то он очень хорошо понимает, — засмеялась Анондомойи. — Если бы вы только знали, как он мне целыми днями покоя не дает своими капризами. — И она с нежностью посмотрела на Биню.

— Это бог в моем лице испытывает терпение, которым он наградил тебя, — ответил Биной.

Шучорита легонько подтолкнула Лолиту:

— Слышишь, Лолита! Надо полагать, что нас тоже подвергли испытанию и забраковали в конце концов.

Заметив, что Лолита ничего не ответила, Анондомойи рассмеялась.

— На этот раз, — сказала она, — Бину занимается испытанием своего собственного терпения. Вы и не представляете себе, как он очарован вами, по вечерам он только о вас и говорил. Достаточно назвать имя Пореша-бабу, чтобы вызвать у него восторг.

С этими словами она взглянула на Лолиту, которая прилагала все усилия, чтобы сохранить невозмутимый вид, что ей, в общем, удалось, если бы не предательский румянец.

— Он со многими перессорился из-за вашего отца, — продолжала Анондомойи. — Правоверные знакомые стали называть его брахмаистом, а некоторые начали даже поговаривать о том, что ему не место среди членов касты. Нечего так смущаться, Бину, — я правду говорю! Ничего постыдного в этом нет. Как по-твоему, дитя мое? — На этот раз Лолита смотрела прямо на нее, но, когда Анондомойи обратилась к ней, она опять потупилась и за нее ответила Шучорита.

— Мы хорошо знаем дружеское расположение к нам Биной-бабу, — сказала она. — Только тут дело не столько в наших заслугах, сколько в его добром сердце.

— А вот здесь я с вами не согласна, — улыбнулась Анондомойи. — Я знаю Биню с самого раннего детства, и за все это время он ни с кем не мог подружиться, кроме моего Горы. Я замечала, что даже с людьми своего круга он сходится очень трудно. Но, познакомившись с вами, он совершенно отбился от нас. Я хотела уж поссориться с вами из-за него, но теперь вижу, что и меня постигла его участь — вы хоть кого можете очаровать!

С этими словами Анондомойи коснулась подбородка Шучориты, затем Лолиты и поцеловала кончики своих пальцев. Шучорита заметила, что Биной окончательно смутился, и, сжалившись над ним, сообщила:

— Отец тоже приехал, Биной-бабу. Он беседует внизу с Кришнодоялом-бабу.

Биной воспользовался этим известием, чтобы поскорее уйти, оставив женщин одних.

Тогда Анондомойи принялась рассказывать о необыкновенной дружбе Биной и Горы, и от нее не укрылся

напряженный интерес, с каким отнеслись к ее рассказу обе слушательницы. В целом мире не было для Анондомойи ничего дороже этих двух мальчиков, которым она отдала всю свою материнскую любовь. Они были поистине ее творением и в то же время предметом обожания. В этом отношении она была похожа на девушек, которые лепят себе божков из глины и потом им же и поклоняются.

В ее устах рассказ о двух этих кумирах звучал так трогательно, так выразительно, что Шучорита и Лолита слушали и не могли наслушаться. Они всегда высоко ставили Бию и Гору. Но теперь, посмотрев на них через призму материнской любви, они словно по-новому увидели их.

С той минуты, когда Лолита познакомилась с Анондомойей, гнев ее против судьбы разгорелся с новой силой, но в ответ на ядовитое замечание девушки Анондомойей только улыбнулась.

— Одному богу известно, как мне тяжело сознавать, что Гора сейчас в тюрьме. Но я не сержусь на этого англичанина, — сказала она. — Я ведь знаю Гору: если он уверен в своей правоте, то никакие законы не смогут его остановить. Гора выполнил свой долг. Власти выполняют свой. Тем, кто должен при этом пострадать, остается только терпеть. Прочти письмо моего Горы, дорогая, и ты увидишь, что испытаний он не боится и ни против кого не чувствует мелочных обид. Он взвесил все возможные последствия своего поступка.

Она достала письмо Горы из шкатулки, где его бережно хранила, и передала Шучорите.

— Пожалуйста, прочитай вслух, дорогая, — попросила она. — Мне хочется послушать еще раз.

Удивительное письмо Горы было прочитано, и все трое некоторое время молчали. Анондомойей смахнула слезинки. В этих слезах была не только боль материнского сердца, но и счастье и гордость за сына. Вот он какой, ее Гора! Такой не станет кланяться, не запросит у судьбы пощады. То, что он сделал, он сделал с открытыми глазами, заранее зная, какие тяжкие лишения сулит ему тюрьма. Он никого не станет упрекать в том, что ему приходится страдать. А если Гора стерпит все, не дрогнув, то и у нее, его матери, хватит сил снести свое горе!

Лолита с восхищением смотрела на Анондомойи. Она, воспитанная в принципах «Брахмо Самаджа», не питала особенного уважения к женщинам, не следующим новому учению, погрязшим, как она считала, в суевериях ортодоксального индуизма. С детства Лолита помнила, что, когда Бародашундори хотела ее как следует отругать за какой-нибудь проступок, она обычно говорила, что «так поступают одни индуисты!», после чего Лолита чувствовала себя должным образом пристыженной. Сейчас, слушая Анондомойи, она не переставала изумляться. Какая сила духа и в то же время сколько спокойствия, необыкновенного здравого смысла в этой женщине! Лолита вспомнила, как невоздержанна порой бывает она сама, и почувствовала себя рядом с Анондомойи совершенно ничтожной.

Сегодня Лолита в своем возбуждении не хотела ни говорить с Биноем, ни даже смотреть на него. Но когда она увидела перед собой спокойное лицо Анондомойи, излучающее ласку и понимание, в душе ее воцарился мир, и все вдруг стало простым и ясным.

— Теперь, когда я увидела вас, — обратилась она к Анондомойи, — я поняла, откуда у Горы столько мужества.

— Боюсь, что ты здесь несколько ошибаешься, — ответила с улыбкой Анондомойи. — Если бы Гора был таким, как все, откуда я взяла бы силы? Разве смогла бы я так легко перенести несчастье, случившееся с ним?

Чтобы понять странное возбуждение Лолиты, необходимо вернуться немного назад.

Вот уже несколько дней первой мыслью Лолиты при пробуждении было: «Биной-бабу не придет». И тем не менее весь день потом она не могла подавить в себе надежду, что он все-таки придет. То и дело ей начинало казаться, что Биной уже пришел, только, наверное, вместо того чтобы подняться наверх, разговаривает с отцом внизу. И, когда эта мысль овладевала ею, она начинала слоняться из комнаты в комнату. Когда же наступал вечер и потом приходило время ложиться спать, она не знала, куда деваться от своих мыслей, — и то вдруг слезы подступали к глазам, то она сердилась неизвестно на кого, скорее всего на себя. «Да что же это такое? — думала

она. — Что со мной будет? Как найти выход из этого положения?»

Лолита знала, что Биной был правоверным индуистом, поэтому брак с ним был совершенно немислим. И при всем этом не владеть собой! Какой стыд! Она видела, что не безразлична Биною, и именно потому, что знала об этом, ей так трудно было теперь заставить молчать свое сердце. Именно поэтому она и ждала Биню и в то же время боялась его прихода.

Промучившись так несколько дней, Лолита в это утро почувствовала, что дальше так продолжаться не может, и решила, что если она не находит себе места только потому, что не видит Биню, значит, нужно его увидеть. Может быть, это приведет ее в равновесие?

Утром она зазвала к себе в комнату Шотиша.

— Ты что, поссорился с Биноем-бабу? — спросила она.

Шотиш стал с жаром отрицать это, хотя, с тех пор как у мальчика появилась его маши, дружба с Биноем действительно отошла на второй план.

— Хорош же тогда твой друг! — продолжала девушка. — Ты только и знаешь, что твердишь «Биной-бабу» да «Биню-бабу», а он и знать тебя не хочет.

— Вот и неправда! — запротестовал Шотиш. — И ничего ты не понимаешь! Очень даже хочет!

Обычно Шотиш для поддержания своего престижа довольствовался голословными утверждениями; однако в данном случае он почувствовал, что необходимо какое-то вещественное доказательство. Поэтому он тут же помчался домой к Биною, но вскоре вернулся и сообщил:

— А его и дома-то нет вовсе, потому он к нам и не приходит!

— А почему он раньше не мог прийти? — не отставала Лолита.

— Потому что его уже давно там нет, — сказал Шотиш.

Услышав это, Лолита пошла к Шучорите и сказала:

— Как ты думаешь, диди милая, не следует ли нам сходить к матери Гоурмохона-бабу?

— Но мы же с ней незнакомы, — возразила Шучорита.

— Вот еще, — воскликнула Лолита. — Ведь отец Горы и наш отец — старые друзья.

Шучорита совсем упустила это из виду.

— А верно ведь, — сказала она и тут же сама загорелась: — Ты пойди спроси у отца.

Но от этого Лолита наотрез отказалась, так что Шучорите в конце концов пришлось идти самой.

— Конечно, — сразу же согласился Пореш-бабу, — жаль, что мы раньше об этом не подумали.

Решено было, что после завтрака они пойдут туда. Но тут Лолита снова передумала. В ней заговорило вдруг уязвленное самолюбие, и неизвестно откуда взявшаяся робость поколебала ее решимость.

— Диди, — тихо проговорила она, входя к сестре, — отправляйся одна с отцом, я не пойду.

— Как же так? — воскликнула Шучорита. — Как же я пойду одна с отцом? Ну, дорогая моя, ну красавица моя! Пойдем, не упрямясь!

После длительных уговоров Лолита наконец сдалась. Но не означало ли это, что она признает победу за Биноем? Ведь он, по-видимому, прекрасно обходился без нее! А она возьмет и побежит за ним! Чем бесславней казалась ей собственная капитуляция, тем больше злилась она на Биноя. Она всячески старалась заставить себя поверить, что пошла к Анондомойи вовсе не потому, что надеялась встретить там Биноя. И, чтобы окончательно убедить себя в этом, она, войдя в комнату, даже не взглянула на Биноя, не ответила на его поклон, не сказала ему ни слова.

Биной, со своей стороны, решил, что Лолита догадалась о его тайном чувстве и своим пренебрежением подчеркивает, что возмущена такой дерзостью. Заподозрить, что Лолита может питать к нему нежные чувства, — нет, для этого Биною не хватало самонадеянности.

Вскоре Биной вернулся и, робко остановившись у двери, сказал, что Пореш-бабу просил передать, что собирается уходить домой. При этом он спрятался за створкой двери так, чтобы Лолита не могла его видеть.

— Как же так! — воскликнула Анондомойи. — Неужели он думает, что я его отпущу, не угостив? погоди

минуточку, Биной. Ты посиди здесь, я сейчас. Что ж ты стоишь в дверях? Проходи!

Биной вошел и уселся в углу подальше от Лолиты. Но Лолита уже успела овладеть собой и теперь свободно, без тени прежней застенчивости обратилась к нему:

— А знаете, Биной-бабу, ваш друг Шотиш сегодня утром бегал к вам домой, чтобы выяснить, не забыли ли вы его окончательно?

Биной в изумлении поднял глаза, словно его слуха коснулся небесный голос, и тут же смутился, сообразив, сколь неприкрыто его удивление. Обычная находчивость совершенно изменила ему.

— Значит, Шотиш приходил ко мне? А меня не было дома, — наконец вымолвил он и весь, до кончиков ушей, залился краской.

Однако эти несколько незначительных слов, сказанных Лолитой, преисполнили его ликованием. Сразу же рассеялись сомнения, окутывавшие до сих пор весь его мир каким-то кошмаром. Ему казалось, что все его желания исполнились и больше ему ничего не надо. «Я спасен, спасен! — ликовало его сердце. — Лолита не сомнеется во мне! Лолита не сердится!»

Разделявший их барьер очень скоро рухнул.

Шучорита со смехом говорила:

— Кажется, Биной-бабу принял нас сначала за какого-то когтистого, бодучего или кусачего зверя. Или, может быть, вы подумали, что мы явились, чтобы совершить вооруженное нападение?

— Молчанье почему-то всегда принимается за признание собственной вины, — ответил Биной. — Увы, выигрывает в этом мире тот, кто нападает первым, но уж от вас-то, диди, я такого не ожидал. Спрятаться самой в свою скорлупку, а потом отчитывать других за то, что они держатся вдалеке!

Сегодня Биной впервые назвал Шучориту «диди», подчеркнув таким образом, что относится к ней, как к сестре. Ей было приятно это обращение, потому что в ее представлении доверие и симпатия, которые они почувствовали друг к другу с первого знакомства, приняли теперь определенно дружескую форму.

Р. Тагор с сыном
(1910 г.)

Было уже почти темно, когда Пореш-бабу и его дочери ушли домой.

— Ма, — сказал Биной Анондомойи, — сегодня я не позволю тебе больше ничем заниматься. Давай пойдем наверх.

Биной не мог сдержать своего возбуждения. Приведя Анондомойи на веранду, он усадил ее на циновку, которую сам расстелил на полу.

— Ну, так в чем же дело, Бину? — сказала Анондомойи. — Что ты мне хочешь сказать?

— Ничего, ма, ровно ничего. Я хочу, чтобы говорила ты.

Дело в том, что Биную не терпелось узнать, какое впечатление произвели на Анондомойи дочери Пореша-бабу.

— Ах вот оно что! — воскликнула Анондомойи. — И ради этого ты заставил меня бросить всю работу. А я-то думала, что ты хочешь сообщить мне что-то важное.

— Если бы я не привел тебя сюда, ты не увидела бы такого чудесного заката, — ответил молодой человек.

Декабрьское солнце и правда садилось за крышами Калькутты, но оно, казалось, было объято унынием: не искрилось и не сверкало, а словно меркло над горизонтом в дымном мареве столицы. Но сегодня для Биноя даже этот тусклый закат так и играл волшебными красками. И ему казалось, что весь мир сомкнулся вокруг него, а небо, приблизившись, ласково и нежно баюкает его.

— Обе девочки очаровательны, — сказала Анондомойи.

Но Биную этого показалось мало, и он сделал все, чтобы углубить разговор. Он старательно припоминал различные подробности своего знакомства с семьей Пореша-бабу. Все эти эпизоды сами по себе были в достаточной степени незначительными, но волнение Биноя и живой интерес Анондомойи, тишина, окружавшая их, и сгущающиеся тени осеннего вечера придавали каждой мелочи в этой семейной хронике какой-то особенный, глубокий смысл.

Неожиданно Анондомойи сказала со вздохом:

— Как бы мне хотелось, чтобы Гора женился на Шучорите!

Биной выпрямился.

— Я и сам об этом часто думал, ма! — сказал он. — Шучорита прямо создана для Горы!

— Но разве это возможно? — задумчиво произнесла Анондомойи.

— А почему бы и нет? — воскликнул Биной. — Я далеко не уверен, что Гора равнодушен к Шучорите.

От внимания Анондомойи не укрылось, что в последнее время Гора поддался какому-то увлечению, а по отдельным замечаниям Биной ей нетрудно было догадаться, что увлечен он не кем иным, как Шучоритой. После короткого молчания она сказала:

— Но разве Шучорита согласится выйти замуж за правоверного индуиста?

— Я бы поставил вопрос иначе, — сказал Биной. — Позволят ли Горе жениться на девушке из «Брахмо Самаджа»? Разве ты не будешь возражать?

— Нет, конечно, — ответила Анондомойи.

— Правда? — воскликнул Биной.

— Уверяю тебя, — повторила Анондомойи, — против чего, собственно, мне возражать? Ведь брак — это союз двух сердец; так не все ли равно, какие молитвы читаются при заключении этого союза.

Тяжелый груз свалился с сердца Биной.

— Мне странно слышать от тебя такие речи, ма, — горячо сказал он. — Откуда у тебя такой либерализм?

— От Горы, конечно, — ответила со смехом Анондомойи.

— Но Гора же учит как раз обратному, — возразил Биной.

— Мало ли чему он учит, — сказала Анондомойи. — Все равно, тем, что я сумела понять, я обязана только Горе. Разве поняла бы я без него, что настоящее — это сам человек, а все то, что заставляет людей делиться на разные лагеря и ссориться, надуманно и ложно. Какая в конце концов разница, правоверный ли ты, индуист, или брахмаист, или еще кто-нибудь? Человеческое сердце стоит вне касты. Всевышний затем и дал его людям, что

только оно помогает им соединиться воедино, затем, что только сердцем люди могут познать Его. Как же можем мы забывать об этом и оставлять на произвол вероучений и разных обрядов миссию соединения людей?

Биной, взяв прах от ног Анондомойи, почтительно склонился перед ней.

— Как радостно мне слышать все это, ма, — сказал он. — Как много дал мне этот день, проведенный с тобой!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

С появлением Хоримохины, тетки Шучориты, в доме Пореша-бабу поселилась тревога.

Но прежде чем объяснять, почему так случилось, стоит, пожалуй, изложить вкратце ее же словами то, что она рассказала о себе Шучорите.

«Была я двумя годами старше твоей матери. Казалось, нет предела любви и заботы, которыми нас окружали в отцовском доме, потому что, кроме нас, в семье детей не было, и все дядюшки так любили нас, что готовы были на руках носить.

Когда мне исполнилось восемь, меня отдали замуж в знатную семью Рай Чоудхури из Пальши; семья была столь же богата, сколь и именита. Но участь моя оказалась нелегкой. Свекор с отцом рассорились из-за свадебных подарков, и семья мужа долго не могла простить мне оскорбления, которое, как они считали, нанесли им в доме моего отца. «А что, если наш мальчик приведет в дом новую жену? Посмотрим тогда, каково будет этой девчонке!» — не раз приходилось мне слышать, и в этих словах сквозила смутная угроза. Видя, как мне тяжело живется, отец поклялся, что ни за что не выдаст вторую дочь за сына богатых родителей. Поэтому для твоей матери и не стали искать выгодной партии.

Семья мужа была большая, и мне с девяти лет приходилось помогать на кухне, где готовили на шестьдесят, а то и на все семьдесят человек. Мне не разрешалось завтракать, пока все не наедятся, так что для меня порой оставались одни лишь обеды — чаще всего рис с горохом или просто один рис.

Обычно мне не удавалось поесть до двух часов, а то и до самого вечера, и, бывало, не успею я проглотить последний кусок, как надо уже готовить вечернюю трапезу. Так что ужинала я сама не раньше одиннадцати. У меня не было даже своей собственной постели. Где на женской половине оказывалось свободное местечко, там я и засыпала, а иной раз приходилось укладываться прямо на голом полу. В общем, относились ко мне с таким пренебрежением, что это не замедлило отразиться на поведении мужа, который долгое время не хотел меня знать.

Когда мне исполнилось семнадцать лет, у меня родилась дочь Монорома. После этого мое положение в семье еще более ухудшилось из-за того, что родила я всего лишь девочку. И все-таки, несмотря на все обиды, дочка стала для меня настоящим утешением. Никем в семье — даже собственным отцом — не любимая Монорома была мне дороже жизни, и я неустанно заботилась о ней.

Три года спустя я родила сына, и моя жизнь сразу изменилась к лучшему, потому что я наконец заняла по праву принадлежавшее мне место хозяйки дома. Свекрови своей я не знала, свекор же умер через два года после рождения Моноромы. После его смерти мой муж и его братья затеяли тяжбу из-за наследства. В конце концов они разделились, но только после того, как судебный процесс поглотил значительную часть состояния.

Когда пришло время выдавать Монорому замуж, я так испугалась, что она уедет далеко и я потеряю ее из виду, что выдала ее за человека, жившего в деревне Шимул, в пяти-шести крошах от Пальши. Жених был на редкость хорош собой — прямо Картика, да и только. У него были правильные черты лица и светлая кожа. И происходил он тоже из довольно зажиточной семьи.

Прежде чем горький рок вновь настиг меня, провидение все-таки дало мне изведать и короткое счастье, как мне тогда казалось, с лихвой искупившее все горести и обиды, которые мне раньше пришлось пережить. Под конец я заслужила уважение и любовь мужа, так что теперь он никогда не предпринимал ничего, не спросив прежде моего совета. Увы, счастье не может быть вечным! Вскоре у нас вспыхнула эпидемия холеры, и в те-

чение нескольких дней унесла одного за другим моих мужа и сына. Меня же всевышний оставил в живых; наверное, он хотел показать мне, что человек может пережить даже такое несчастье, какое и представить себе немыслимо.

С течением времени я лучше узнала своего зятя. Кто бы мог подумать, что под красивой внешностью скрывалось такое чудовище! Дочь раньше никогда не говорила мне о том, что он попал в дурную компанию и начал пьянствовать, поэтому, когда он иногда являлся ко мне кланчить деньги, я скорее радовалась, так как в этом мире мне больше не для кого было беречь свое добро. Вскоре, однако, дочь стала запрещать мне давать ему деньги. «Ты его только портишь, — предостерегала она. — Ведь совершенно неизвестно, на что он швыряет их». А я воображала, что Монорома просто боится, как бы его семья не стала косо на него смотреть, узнав, что он занимает деньги у родственников жены. И вот по собственной глупости я тайно от моей девочки продолжала давать деньги ее мужу и таким образом подталкивала его к гибели. Когда Монорома узнала об этом, она пришла ко мне вся в слезах и рассказала, как низко он пал. Я была в полном отчаянии. И подумать только, что сбил его с толку своим примером и погубил младший брат моего мужа!

Когда я перестала давать деньги и он заподозрил, что это дело рук его жены, он перестал заботиться о соблюдении приличий. Он стал так плохо обращаться с моей девочкой, так издевался над ней, даже при посторонних, что я не выдержала и снова тайком от нее стала давать ему деньги. Я понимала, что толкаю его в пропасть. А что я могла сделать? Ведь я же знала, как он терзает мою Монорому! Наконец пришел день — ох, как хорошо я помню этот день! Был конец февраля. Теплая пора наступила в тот год необычно рано, и мы не переставали удивляться тому, что манговые деревья в нашем саду уже покрылись цветами.

В полдень у моих дверей остановились носилки. Из них вышла улыбающаяся Монорома и взяла прах от моих ног.

— Ну что, Мону, какие у вас новости? — спросила я.

— А разве нельзя прийти к матери просто так, без всяких новостей? — ответила она, продолжая улыбагся.

Свекровь моей дочери была неплохая женщина. Она прислала мне такое сообщение: «Моноромы ждут ребенка, и, по-моему, пока он не родится, Мону лучше всего быть у своей матери». Я, конечно, была вполне с ней согласна и не стала доискиваться других причин. Мне тогда и в голову не пришло, что зять, не считаясь с положением Моноромы, опять стал бить ее, и его мать, замирая от страха перед последствиями, отослала ее ко мне. Так Мону со своей свекровью скрыли все от меня. Когда я предлагала натереть ее маслом или помочь выкупаться, она под разными предлогами уклонялась от этого: моя Мону не желала, чтобы даже я — мать — видела на ее теле следы побоев.

Несколько раз являлся зять и скандалил, требуя, чтобы жена возвращалась домой, понимая, что, пока она у меня, денег не очень-то выманишь. Но мало-помалу и это перестало быть для него помехой, и он опять стал приставать ко мне, требуя денег даже при Монороме. Сама Мону была тверда и запретила мне даже слушать его. Но я, глупая, опасаясь, что он еще больше обозлится на Мону, такой твердости в себе не находила.

— Ма, — сказала в конце концов Моноромы, — отдай мне на хранение свои наличные деньги. — И она отобрала у меня шкатулку и ключи. Когда зять убедился, что теперь с меня больше ничего не возьмешь и что Мону не поддается на уговоры, он заявил, что забирает ее домой.

— Дай ты ему, сколько ему нужно, дорогая моя, — стала я упрашивать Монорому, — пусть бы он только ушел, а то кто его знает, на что он способен!

Но моя нежная Моноромы умела быть непреклонной.

— Ни за что, — сказала она, — денег ему давать нельзя ни в коем случае.

Однажды зять пришел с налитыми кровью глазами и заявил:

— Завтра после обеда я присылаю носилки. Если не отпустите жену, — потом пожалеете!

Когда на следующий день у дверей появились носилки, я сказала Монороме:

— Теперь тебе оставаться просто опасно. Поезжай, дорогая моя, а через неделю я пришлю кого-нибудь за тобой.

Но Монорома ответила:

— Можно мне побыть у тебя еще немного, ма? Сегодня я просто не могу ехать туда. Скажи им, чтобы приходили через несколько дней.

— Дорогая моя, если я отошлю носилки, — отвечала я ей, — то справимся ли мы с твоим буйном-мужем? Нет, Мону, лучше поезжай.

— Только не сегодня, ма, — молила она, — свекор сейчас в Калькутте, он должен приехать в середине будущего месяца, — тогда я и вернусь домой.

Но я все-таки настаивала, что это небезопасно, и в конце концов Монорома пошла собираться. Я же занялась приготовлением угощения для слуг и носильщиков, и занялась так усердно, что перед расставанием нам даже не удалось побыть с ней вместе, я даже не приласкала ее, не одела своими руками, не накормила самым любимым кушаньем!

Уже перед тем как сесть в носилки, Монорома взяла прах от моих ног и сказала:

— Прощай, ма.

Тогда я не поняла, что она прощается навсегда! До сих пор сердце у меня разрывается при мысли, что она не хотела идти, а я сама заставила ее.

Той же ночью у Моноромы случился выкидыш, и она умерла. Прежде чем я об этом узнала, ее тело успели тайно предать сожжению.

Тебе не понять безысходного горя, такого горя, которого за всю жизнь не выплачешь. Но, хотя со смертью Моноромы для меня, казалось бы, кончилось все, беды мои, однако, далеко еще не кончились.

Сразу после смерти мужа и сына у братьев мужа разгорелись глаза на мое состояние. Они знали, что после моей смерти оно все равно перейдет к ним. Но им не хотелось ждать. И в этом их трудно винить. Как можно ожидать, чтобы люди, не знающие границ своим желаниям, мирились с человеком, которому ничего в жизни не нужно, но который тем не менее стоит на их пути к наслаждениям.

Пока была жива Монорома, я ни в чем не уступала деверям и, как могла, отстаивала свои права на наследство. Я решила, что оставлю ей все, что сумею скопить. Но девери не хотели примириться с тем, что я берегу деньги для дочери. Им казалось, что этим я обкрадываю их. Моим помощником и союзником в делах был преданный служащий мужа, Нилоканто. Он даже слышать не хотел, когда я начинала разговор о том, чтобы ради сохранения мира отдать им часть состояния.

— Хотел бы я посмотреть, кто посмеет лишить нас наших законных прав, — говорил он, бывало.

Моя дочь умерла как раз в разгар этой борьбы за мои права. На следующий день после ее смерти ко мне пришел младший деверь и посоветовал отречься от имущества и уйти от мира.

— Сестра, — сказал он, — видно, всевышнему не угодно, чтобы ты жила в миру. Шла бы ты в какую-нибудь святую обитель да посвятила бы остаток дней служению богу. А мы бы о тебе позаботились.

Я послала за своим духовником и спросила его:

— Скажи мне, святой отец, как уйти мне от нестерпимого горя, свалившегося на меня. Я не нахожу себе места, я будто в огненном кольце; я нигде не вижу пути к избавлению от страданий, куда ни повернись.

Гуру привел меня в наш храм и, указывая на изображение Кришны, сказал:

— Вот твой муж, твой сын, твоя дочь, все, что у тебя есть дорогого. Служи ему и молись, и сбудутся желания твои, и заполнится пустота в сердце твоём.

Но как я могла служить ему, если он не нуждался во мне и не принимал моих услуг?

И вот я стала дни и ночи проводить в храме, стараясь, чтобы все помыслы мои были о боге.

Я призвала Нилоканто и сказала ему:

— Нилу-дада, все свои доходы и имущество я решила отдать деверям, с тем чтобы они выплачивали мне небольшое ежемесячное пособие.

Но Нилоканто сказал:

— Нет, так нельзя! Ты женщина, и не тебе заниматься денежными делами.

— Но к чему мне теперь имущество? — спросила я.

— Как так «к чему»? — воскликнул Нилоканто. — Зачем отказываться от своих законных прав? Не надо терять голову, госпожа!

Для Нилоканто ничего, кроме законных прав, на свете не существовало. Но я оказалась в безвыходном положении. Мирские дела мне стали горше яда. И в то же время, как могла я огорчить старого Нилоканто, своего единственного верного друга? Ведь ему пришлось приложить столько усилий, прежде чем он сумел отстоять мои права!

И вот наконец, тайком от Нилоканто, я подписала какую-то бумагу. Я даже толком не поняла, что в ней говорилось, но, поскольку мне ничего не было нужно, я не боялась, что меня обманут.

Я думала, что все, принадлежавшее когда-то моему свекру, следует передать его детям.

Когда бумага была заверена, я призвала Нилоканто и сказала ему:

— Не сердись, Нилу-дада, я отказалась от имущества письменно. Мне оно больше не нужно.

— Что? — закричал в папике Нилоканто. — Что ты наделала?!

Когда он прочел копию документа и убедился, что я на самом деле отреклась от всех своих прав, его возмущение не имело границ: ведь после смерти своего господина он всю жизнь посвятил защите моих интересов! Все его помыслы, все усилия были направлены к этому. Он не знал другого удовольствия, кроме как таскаться по адвокатским конторам и копаться в законах. У него даже не оставалось времени на свои дела. Увидев же, как от одного росчерка пера глупой женщины все труды его пошли прахом, он не смог сдержаться.

— Ах так! — воскликнул он. — Ну тогда с меня довольно ваших дел. Я уйду!

Чтобы Нилу-дада рассердился и ушел от меня вот так, в гневе — нет, это был уже предел моих несчастий! Я крикнула ему вслед:

— Не сердись на меня, дада!

Я упрашивала его:

— Я дам тебе пятьсот рупий, которые у меня еще остались. В тот день, когда жена твоего сына войдет в ваш

дом, ты передашь ей мое благословение и на эти деньги купишь для нее украшений.

— На что мне деньги, — ответил Нилоканто, — когда все состояние моего хозяина пошло прахом! Какая мне радость от этих пятисот рупий. Пропади они пропадом!

И с этими словами последний истинный друг моего мужа покинул меня.

Я искала прибежища в храме. Но мои девери не давали мне проходу, настаивая, чтобы я отправлялась в какую-нибудь святую обитель да молилась бы там богу.

— У меня есть своя святая обитель — это дом, который я унаследовала от своего мужа. У меня есть бог, которому я могу молиться, — это бог нашего семейного очага, ему молились наши предки, — отвечала я им.

Но то, что я все-таки занимаю место в доме, раздражало братьев мужа сверх всякой меры. Постепенно они свезли свою мебель в наш дом и поделили между собой комнаты.

И наконец они сказали мне:

— Забирай с собой бога нашего семейного очага, против этого мы не возражаем.

Когда же все-таки я продолжала колебаться, они заявили:

— А на что ты, интересно, собираешься жить?

— Мне вполне хватит пособия, которое вы обещали мне выплачивать, — ответила я.

Но они сделали вид, что не понимают.

— То есть, как это? — возразили мне. — Ни о каком пособии и речи не было.

Теперь мне уже не оставалось ничего, как покинуть дом своего мужа, где я прожила ровно тридцать четыре года. Я отправилась на поиски Нилу-дады, но вскоре узнала, что он уехал в Вриндаван.

Вместе с другими паломниками из нашей деревни я отправилась в Бенарес. Но даже там моя грешная душа не обрела покоя. Каждый день я молилась: «О господи, замени мне мужа и детей!» Но, увы! Он не внял моим молитвам, и на сердце у меня так и не становилось легче, и слезы по-прежнему не иссякали. Боже мой, до чего же тяжела жизнь!

С той поры, как восьмилетней девочкой меня выдали замуж, мне ни разу не удалось побывать в отчем доме. Как я ни просилась, чтобы меня отпустили домой на свадьбу твоей матери, ничего из этого не вышло. Из письма отца я узнала о вашем рождении и вскоре после этого о смерти сестры. Но до сегодняшнего дня богу не было угодно, чтобы я прижала вас, моих сироток, моих дорогих детей, к своей груди.

Когда, вдоволь настранствовавшись по святым местам, я поняла, что все равно не могу отрешиться от земных привязанностей, что сердцу моему нужно кого-то любить, я принялась разыскивать вас».

Хоримохини ласково посмотрела на Шучориту. «Говорят, Пореш-бабу порвал с индуистами. Но что мне до этого? Разве не были мы с вашей матерью родными сестрами?»

Наконец я разузнала, где вы живете, и пришла сюда из Бенареса с одной своей знакомой. Я слышала, что Пореш-бабу не чтит наших богов, но достаточно взглянуть на его лицо, чтобы понять, что боги чтят его. Бога не проведешь одними молитвами. Это-то я прекрасно знаю. И мне хотелось бы понять, как Пореш-бабу заслужил его милость.

Как бы то ни было, дитя мое, выходит, что не пришло еще мне время уходить от мира. Я еще не готова к тому, чтобы жить отшельницей. Когда будет на то воля господня, я уйду отсюда и поселюсь вдали от всех. А пока что мне даже страшно подумать, как это я буду жить вдали от вас, мои новообретенные дети».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Пореш-бабу дал приют Хоримохини в отсутствие Бародашундори и поселил ее в дальней комнатке на самом верху, где она могла бы жить, как ей хочется, и беспрепятственно выполнять обряды, предписанные ее кастой.

Но когда Бародашундори возвратилась и увидела, что ее хозяйские обязанности усложняются благодаря этой неожиданной гостье, она пришла в страшное негодование, которое и высказала Порешу-бабу в доходчивых

выражениях, заявив, что от нее слишком многого хотят. На это Пореш-бабу ответил:

— У тебя на плечах целая семья, и ты ничего, справляешься, так неужели же одна несчастная вдова окажется для тебя непомерной обузой?

Бародашундори смотрела на Пореша как на человека, не обладающего ни здравым смыслом, ни житейским опытом. Она была уверена, что раз он не имеет понятия о хозяйственных делах, всякий его самостоятельный шаг в этой области обязательно будет неудачен. Однако она знала также, что если ему что-нибудь взбредет на ум, то сердись не сердись, плачь не плачь, но с места его не сдвинешь, он будет стоять на своем как истукан, ну что с таким человеком поделаешь? И какая женщина может с ним ладить, если в случае надобности с ним и не поссоришься-то толком? Она видела, что придется признать себя побежденной.

Шучорита была почти ровесницей Моворомы, и Хоримохини даже стало казаться, что и в лице у них есть что-то общее; даже характерами они были похожи: обе спокойные, но твердые. Всякий раз, когда Хоримохини случалось взглянуть на девушку со спины, сердце ее замирало.

Однажды вечером, когда Хоримохини сидела одна в темноте и беззвучно плакала, к ней зашла Шучорита, и Хоримохини, прижимая племянницу к своей груди, с закрытыми глазами зашептала:

— Она вернулась! Вернулась ко мне! Она не хотела уходить, а я сама отослала ее. И нет для меня в этой жизни достойной кары. Но, может, я все-таки отстрадала свое и теперь она снова вернулась ко мне. Вот она, с той же улыбкой на лице! О моя маленькая, моя жемчужина, сокровище мое! — И она гладила лицо и руки Шучориты и целовала ее, обливая слезами.

Тогда Шучорита тоже не выдержала и голосом, прерывающимся от рыданий, сказала:

— Тетя, я тоже уже давно не видела материнской ласки. Но сегодня я снова нашла свою мать. Сколько раз в минуты отчаяния, когда мне казалось, что горе иссушило мне душу, и я не могла даже молиться, я звала свою мать. И вот теперь она слышала мой зов и пришла ко мне.

— Не говори, не говори так, дитя мое! — отвечала Хоримохини. — От твоих слов мне делается так радостно, что даже страшно. О господи, неужели ты отнимешь у меня и это? Я думала, что больше не привяжусь уже ни к кому, я старалась обратить свое сердце в камень, и не смогла! — потому что слаб человек. Смилуйся же надо мной, господи, не наказывай меня больше! О Радхарани, уйди, оставь меня, не прикасайся ко мне! О всемогущий Кришна! Мой Джибоннатх, мой Гопал, мой Нильмони! Какое новое испытание уготовил ты мне?

— Не гони меня, тетя, — проговорила Шучорита. — Что бы ты ни сказала, я тебя никогда не покину, я всегда буду с тобой.

И она, как ребенок, прильнула к груди Хоримохини.

За эти несколько дней между ними возникли близкие родственные чувства, которые не измеришь временем, и это, казалось, приводило Бародашундори в еще большее раздражение.

— Вы только посмотрите на нее! — говорила она о Шучорите, — будто она от нас никогда не видела ни заботы, ни ласки! Интересно, где эта тетка раньше была? Воспитывать ее с ранних лет нам пришлось, а теперь только от нее и слышишь: «Тетя да тетя!» И сколько раз говорила я мужу, что эта Шучорита, которую все превозносят до небес, еще себя покажет. Мы столько для нее сделали, а она хоть бы спасибо сказала!

Бародашундори прекрасно понимала, что сочувствия у Пореша не встретит. Мало того, она не сомневалась, что, проявив неприязнь к Хоримохини, она только уронит себя в его глазах, и это еще больше выводило ее из себя и придавало решимости во что бы то ни стало — и что бы там ни говорил Пореш — доказать, что всякий здравомыслящий человек должен обязательно встать на ее сторону. И вот она начала рассказывать о Хоримохини каждому встречному члену «Брахмо Самаджа», без различия пола, возраста и положения в обществе, чтобы убедить их в своей правоте. Не было конца ее жалобам на то, как вредно отражается на детях постоянное присутствие в доме несчастной суеверной старухи, которая к тому же поклоняется идолам.

Но Бародашундори не ограничивалась тем, что изливала свое скрытое раздражение посторонним — она и дома начала чинить Хоримохини всякие неудобства. Слуга, принадлежащий к соответствующей касте и специально приставленный к Хоримохини, чтобы носить ей воду для приготовления пищи, отзывался для какой-нибудь другой работы всякий раз, когда она нуждалась в его услугах. Если же об этом говорили Бародашундори, она отвечала:

— В чем дело? Что такое? Так ведь есть же еще Рамдин! — прекрасно понимая, что Хоримохини не может принять воду из рук Рамдина, принадлежавшего к одной из пизших каст. А когда ей указывали на это, она обычно возражала: — Если уж она из такой высокой касты, то незачем ей было селиться в доме брахмаистов. Мы не можем разрешить у себя соблюдение этих дурацких кастовых различий, и я лично никогда этого не позволю.

В подобных случаях сознание долга выросло у нее до невероятных размеров.

«Что-то в «Брахмо Самадже» начинают слишком индифферентно относиться к вопросам общественной жизни. Видно, поэтому его деятельность уже не приносит былых результатов», — говорила она и тут же начинала доказывать, что лично она, Бародашундори, пока у нее есть еще силы, никогда не согласится с таким положением вещей. Нет, нет и нет! Если ее не так поймут — ну что ж, ничего не поделаешь. Если даже родные пойдут против нее, она и это снесет! И в заключение она не забывала напомнить слушателям, что все святые, которые хоть чего-нибудь стоили, подвергались в свое время гонениям и немало вытерпели.

Но все эти неудобства, казалось, ничуть не трогали Хоримохини. Она скорее даже радовалась им, всегда считая, что это дает ей возможность лишней раз пострадать за свой грех. Невзгоды, которые ей приходилось терпеть в результате добровольно возложенной на себя епитимьи, вполне отвечали строю ее измученной души. Казалось, чем горше было страдание, тем радостней ей было от мысли, что она находит в себе силы превозмочь его.

Когда Хоримохини увидела, что из-за воды для ее стражи в доме начался разлад, она совсем прекратила готовить и стала питаться фруктами и молоком, которые предварительно клала на алтарь, где стоял ее божок. Все это очень огорчало Шучориту, но Хоримохини, как могла, утешала ее:

— Для меня так даже лучше, дорогая, — говорила она. — По крайней мере, я учусь воздержанию, и это радует, а не печалит меня.

— Тетя, — спрашивала девушка, — а если бы я перестала принимать воду и пищу из рук людей низшей касты, ты разрешила бы мне прислуживать тебе?

— Нет, моя дорогая, — отвечала Хоримохини, — тебя воспитали в определенных правилах, и я не хочу, чтобы из-за меня ты их нарушала. Ты со мной, я могу обнять тебя — с меня достаточно и этого. Пореш-бабу стал для тебя отцом — твоим гуру. Живи же так, как он научил, и бог не оставит тебя.

Мелких выпадов и придинок Бародашундори Хоримохини, казалось, просто не замечала, и, когда по утрам Пореш-бабу заходил к ней справиться, как она себя чувствует и всем ли довольна, Хоримохини неизменно отвечала:

— Благодарю вас, мне очень хорошо здесь.

Однако Шучорита о выходках Бародашундори не забывала ни на минуту и очень из-за них страдала. Но не в ее характере было жаловаться, поэтому она стала тщательно следить за собой, чтобы не выказать как-нибудь своего недовольствия Бародашундори в присутствии Пореша-бабу. Она молча терпела и никак не проявляла своего возмущения.

Но все это привело к тому, что Шучорита еще больше сблизилась со своей теткой и мало-помалу, несмотря на все протесты Хоримохини, стала делать для нее все необходимое сама. В конце концов, увидев, как беспокойится за нее племянница, Хоримохини решила снова готовить себе горячую еду, после чего Шучорита твердо заявила:

— Я буду вести себя так, как ты скажешь, тетя, но ты непременно должна разрешить мне носить тебе воду. Даже и не думай отказываться.

— Ты не обижайся, дорогая, — отвечала Хоримохини, — но ведь эта вода предназначается также и для моего бога.

— Неужели, тетя, твой бог тоже считается с кастами? Разве и он может оскверниться, как всякий правоверный?

В конце концов любовь Шучориты сломила сопротивление Хоримохини, и она стала покорно пользоваться услугами племянницы. Вслед за сестрой и Шотиш воспламялся желанием питаться в компании у тети, и вскоре дело дошло до того, что в одном из уголков дома Пореша-бабу образовалась отдельная маленькая семья — так сказать, государство в государстве, — причем единственным связующим звеном между этими двумя государствами была Лолита. Остальным дочерям Бародашундори строго-настрого запретила близко подходить к той части дома, где жила Хоримохини. Запретить же что-нибудь Лолите она просто не решалась.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Бародашундори довольно часто приглашала к себе приятельниц-брахмансток. Иногда они собирались на плоской крыше, на которую выходила компания Хоримохини. В таких случаях Хоримохини по простоте душевной тоже радушно встречала гостей; те же даже не пытались скрывать своего пренебрежения. Если Бародашундори позволяла себе пройтись в ее присутствии насчет нравов и обычаев правоверных индустов, то кто-нибудь обязательно ей поддакивал, остальные же ограничивались тем, что выразительно косились на Хоримохини.

Шучорите, проводившей у Хоримохини все время, приходилось сносить все это молча. Ей оставалось только всячески показывать своим поведением, что подобные разговоры задевают и ее, так как она разделяет взгляды тетки. Когда подавали угощение, Шучорита от всего отказывалась, говоря:

— Спасибо, я этого не ем.

— Что такое? Ты хочешь сказать, что не можешь есть с нами?

И когда Шучорита подтверждала, что, действительно, предпочла бы не есть, Бародашундори, переходя на саркастический тон, поясняла подругам:

— А вы знаете, наша Шучорита скоро будет такой правоверной, что ей к нам и прикоснуться будет нельзя.

— Что? Шучорита правоверной заделалась! Бывают же чудеса на свете! — дружно откликнулись гости.

Тогда огорченная Хоримохипи начинала уговаривать девушку:

— Нет, Радхарани, так нельзя, милая, пойди лучше поешь.

Ей тяжело было, что из-за нее Шучорите приходится выслушивать такие колкости. Но Шучорита оставалась непоколебимой.

Как-то раз одна из этих брахмансток, любопытства ради, собралась было войти в комнату Хоримохини, не снимая туфель, но Шучорита преградила ей дорогу со словами:

— Не входите сюда, пожалуйста.

— В чем дело? Почему?

— В этой комнате обитает бог семейного очага моей тети.

— Ах, идол! Так она, значит, поклоняется идолам?

— Конечно, милая, а как же иначе? — ответила Хоримохини.

— Неужели вы верите в идолов?

— Верю ли? Где же такой недостойной взять веру? Будь у меня вера, она спасла бы меня.

Лолита, которая оказалась поблизости, вспыхнув, резко обратилась к спрашивавшей:

— А вы верите в того, кому молитесь?

— Что за глупый вопрос! Конечно, верю.

Лолита презрительно трянула головой.

— Вы не только не верите, — сказала она, — но даже не отдаете себе отчета в своем неверии.

Так произошло окончательное отчуждение Шучориты от тех, кто прежде был ей близок, несмотря на все старания Хоримохини удержать ее от поступков, которые могли бы раздражить Бародашундори.

Прежде Харан и Бародашундори не очень-то долюбивали друг друга, теперь они пришли к полному взаимопониманию и объединились против всех остальных.

— Как бы там ни говорили, — не без удовольствия отмечала Бародашундори, — но если кто-то еще старается сохранить в чистоте идеалы «Брахмо Самаджа», так это Пану-бабу.

Харан же, в свою очередь, всех и каждого оповещал о том, что Бародашундори являет собой блистательный пример брахмаистки, самозабвенно и неустанно пекущейся о доброй славе общины. В этих славословиях безошибочно угадывался камешек в огород Пореша-бабу.

Однажды Харан в присутствии Пореша-бабу спросил Шучориту:

— Говорят, что ты теперь ешь только остатки жертвоприношений идолу, якобы ниспосланные тебе его милостью? Это правда?

Шучорита вспыхнула, но сделала вид, что пропустила вопрос мимо ушей, и усердно занялась чернильницей и перьями, лежавшими на столе. Пореш-бабу, бросив сочувственный взгляд в ее сторону, ответил Харану:

— Все, что бы мы ни ели, Пану-бабу, ниспослано божьей милостью.

— Но Шучорита, кажется, решила отказаться от нашего бога! — воскликнул Харан-бабу.

— Если даже допустить, что это так, едва ли следует приставать к ней с этим.

— Неужели, видя, как человека уносит потоком, не сто́ит попытаться вытащить его на берег? — удивился Харан.

— Забрасывать комьями глины или вытаскивать на берег — это отнюдь не одно и то же. Но беспокоиться, Пану-бабу, вам не о чем. Я знаю Шучориту с малых лет, и если бы она сорвалась в воду, я первый заметил бы это и, поверьте, не остался бы равнодушным.

— Поскольку Шучорита здесь, то пусть ответит нам сама. Я слышал, что она отказывается есть со всеми. Спросите ее, так это или не так?

Шучорита оставила в покое чернильницу, на которой без нужды сосредоточила все свое внимание, и сказала:

— Отцу известно, что я действительно перестала принимать пищу, к которой прикасается неизвестно кто. И если он согласен мириться с этим, с меня достаточно.

Если же кто-то из вас недоволен, что ж, можете называть меня как угодно, но зачем надоедать отцу. Разве вы не знаете, как снисходителен он ко всем нам? Почему бы не платить ему той же монетой?

Харан растерялся от такой речи. «Шучорита научилась огрызаться!» — подумал он не без удивления.

Пореш-бабу был человек миролюбивый. Он не любил пересудов — ни в отношении себя, ни в отношении других. Он прожил жизнь тихо, не добиваясь высоких постов в «Брахмо Самадже». Харан объяснял это равнодушным отношением к делу и даже не раз корил его за это. Но в ответ Пореш-бабу говорил только:

— Бог создал два типа людей: активных и пассивных. Я отношусь ко второй категории. Но и такие, как я, нужны богу и служат ему, выполняя посильный труд. И надо ли браться за то, что делать мы не в состоянии? Кому и что это даст? Лет мне немало, и на что я способен — установлено давным-давно. Лучше бросьте понукать меня — ничего вы этим не добьетесь.

Однако Харан льстил себе мыслью, что он может разжечь и вдохновить даже самых неподатливых. Он был твердо убежден, что обладает неотразимой силой побуждать к действиям инертных и к раскаянию падших, — одним словом, что никому долго не устоять перед его несокрушимой, твердолобой целеустремленностью. Он пришел к заключению, что все изменения в лучшую сторону, которые ему приходилось замечать в отдельных членах «Брахмо Самаджа», следует относить преимущественно на его счет.

Он ни на минуту не сомневался, что его благотворное влияние незаметно распространяется на окружающих, и, если при нем кто-нибудь начинал особенно хвалить Шучориту, он просто сиял от самодовольства. Он полагал, что своим примером и дружескими советами создаст из Шучориты человека, и начинал уже надеяться, что вся ее жизнь станет одним из величайших его достижений, делающих ему большую честь.

Его горделивая вера в себя не пошатнулась даже теперь, после того как Шучорита так некстати ударилась в правоверие, поскольку всю ответственность за это плачевное событие он возложил на Пореша-бабу.

Харап и раньше не мог чистосердечно примкнуть к общему хору, славящему достоинства Пореша-бабу; сейчас он начинал подумывать, что недалек тот день, когда и остальные оценят его проницательность, и в душе поздравлял себя с этим.

Харап-бабу мог простить людям все или почти все, но если кто-то из тех, кого он наставлял на путь истинный, выказывал желание идти своим путем, руководствуясь своими взглядами, он считал такое поведение непростительным. Выпустить свою жертву без боя он просто не мог, и чем очевиднее становилось, что его советы не действуют, тем упорнее наседали на отступника. Как механизм, у которого еще не кончился завод, он не мог остановиться и продолжал назойливо жужжать одно и то же, не замечая, что его не хотят слушать, не видя, что игра уже проиграна.

Эта его особенность доставляла Шучорите немало неприятных минут, — не из-за себя, а из-за Пореша-бабу. Пореш-бабу сделался предметом обсуждения в «Брахмо Самадже» — нужно было найти способ пресечь это.

Не менее трудным был вопрос с Хоримохини. С каждым днем делалось очевиднее, что, несмотря на все ее старания держаться как можно незаметнее, она все чаще становится причиной раздоров в семье. Обиды, выпадавшие на долю Хоримохини, очень тревожили Шучориту. Она просто не видела выхода из создавшегося положения.

Ко всему этому Бародашундори не переставала надоедать Порешу-бабу, чтобы он поторанивался с замужеством Шучориты.

— Раз уж она решила своевольничать, мы не можем больше брать на себя ответственность за нее, — настаивала Барода. — И если ее свадьба будет опять отложена, я заберу с собой девочек и уеду куда-нибудь, — совершенно ни к чему им иметь все время перед глазами дурной пример. Ты еще пожалеешь, что так ее распустил, помяни мое слово! Посмотри на Лолиту — разве она была такой раньше? А теперь она делает все, что ей вздумается. И не слушает никого. Как по-твоему — чья это работа? Возьми хотя бы эту последнюю историю, когда я чуть не умерла со стыда. Может, по-твоему, Шучорита

и здесь ни при чем? Я прежде никогда не жаловалась, хоть и знала, что ты любил ее больше своих дочерей, но имей в виду — дальше так продолжаться не может!

Не поведение Шучориты, а разлад в семье заставил призадуматься Пореша-бабу. Он нисколько не сомневался в том, что если Бародашундори вбила себе что-то в голову, то она гору свернет, а своего добьется. Увидев же, что ее старания не дают желаемых результатов, она просто-напросто удвоит их. Он считал, что при сложившихся обстоятельствах для самой Шучориты, пожалуй, лучше будет насколько возможно ускорить свадьбу. Поэтому он сказал Бародашундори:

— Если Пану-бабу сумеет уговорить Шучориту назначить определенный день, то я, со своей стороны, никаких препятствий чинить не стану.

— В конце концов, сколько раз можно спрашивать ее согласия! — воскликнула Бародашундори. — Ты просто удивляешь меня! Что еще за церемонии! Интересно, где она найдет другого такого жениха? Ты можешь на меня сердиться сколько угодно, но я все равно скажу, что твоя Шучорита недостойна Пану-бабу!

— Для меня не совсем ясно, как Шучорита относится к Пану-бабу, — заметил Пореш, — поэтому, пока они сами этот вопрос между собой не уладят, вмешиваться я не буду.

— Ах, тебе не совсем ясно! — снова налетела на него Бародашундори. — Наконец-то ты сознался в этом! Не так-то легко раскусить эту девчонку! Она совсем не такая, какой кажется. За это я ручаюсь.

Сразу после этого разговора Бародашундори послала за Хараном-бабу.

И вот в газете появилась статья об оскудении веры в «Брахмо Самадже». Намек на семью Пореша-бабу был так прозрачен, что, хотя имен в статье не упоминалось, всем было очевидно, о ком идет речь. По стилю нетрудно было догадаться и о том, кто ее автор.

Шучорита с трудом заставила себя дочитать статью до конца и была теперь занята тем, что рвала газету на мелкие кусочки.

Судя по тому, как тщательно она это делала, можно было подумать, что она не успокоится, пока не расчленил

ее на атомы. Как раз в это время в комнату вошел Харан и, придвинув кресло, сел рядом с ней. Но Шучорита даже не взглянула на него, так поглощена была она своим занятием.

— Шучорита, — начал Харан, — мне надо серьезно с тобой поговорить. Так что выслушай меня внимательно.

Но Шучорита по-прежнему изничтожала газету. Когда рвать руками стало невозможно, она взяла ножницы и начала стричь ими остающиеся кусочки. Она еще не кончила свое занятие, как вошла Лолита. Харан повернулся к ней.

— Лолита, — сказал он, — мне нужно кое о чем поговорить с Шучоритой.

Девушка направилась было к двери, но Шучорита поймала ее за край сари.

— Но ведь Пану-бабу хочет сказать тебе что-то важное, — запротестовала Лолита.

Шучорита, не обращая внимания на ее протесты, усадила Лолиту рядом с собой.

Что касается Харана, то он органически был не способен понимать намеки и потому, не тратя времени попустому, сразу же перешел к делу.

— Я считаю, что нашу свадьбу откладывать больше нельзя. Я уже переговорил с Порешем-бабу, и он сказал, что, как только ты дашь свое согласие, можно будет назначить день. Поэтому я решил, что через воскресенье...

Но Шучорита, даже не дав Харану договорить начатую фразу, сказала: «Нет!»

Это «нет» прозвучало так выразительно и категорично, что Харан растерялся. Он всегда считал Шучориту образцом послушания и потому даже представить себе не мог, что она способна одним словом оборвать его еще не высказанное предложение.

— Нет?! — сердито переспросил он. — То есть что значит «нет»? Ты хочешь опять отложить свадьбу?

— Нет! — только и ответила Шучорита.

— Так о чем же ты? — Харан даже задохнулся.

— Я не согласна выходить за вас замуж, — сказала Шучорита, низко опустив голову.

— Ты не согласна? То есть как это не согласна? — повторил он с обалделым видом.

— Пану-бабу, вероятно, разучился понимать бенгальский язык, — колко заметила Лолита.

Харан бросил на нее уничтожающий взгляд.

— Мне легче согласиться с тем, что я перестал понимать родной язык, — сказал он, — чем признаться, что я, оказывается, все время неправильно понимал слова той, которая никогда не видела от меня ничего, кроме уважения.

— Чтобы понять человека, нужно время, — заметила Лолита, — возможно, это относится и к вам.

— От начала и до конца, — сказал Харан, — слова у меня не расходились с делом, и я считаю себя вправе заявить, что неправильно истолковывать свои слова я не давал повода никому. Пусть Шучорита сама скажет, так это или не так?

Лолита хотела было что-то ответить, но Шучорита остановила ее:

— Вы совершенно правы, Харан-бабу, я не виню вас ни в чем.

— Если ты не винишь меня, — воскликнул Харан, — тогда почему же ты так низко поступаешь со мной?

— Вы имеете полное право называть мое поведение низким, — твердо сказала Шучорита, — но поступить иначе я не могла, потому что...

За дверью послышался голос:

— Диди, можно войти?

На лице Шучориты отразилось невероятное облегчение, и она сразу же отозвалась:

— Ах, это вы, Биной-бабу? Входите, входите, пожалуйста!

— Вы ошиблись, диди, это не Биной-бабу, а всего лишь Биной. Не смущайте меня таким официальным обращением. — С этими словами Биной вошел в комнату. Увидев Харана и заметив неудовольствие на его лице, он шутливым тоном добавил: — Ага, я вижу, вы недовольны мной, потому что я так давно не заходил.

Харан сделал попытку ответить в том же шутливом тоне.

— Вообще-то, конечно, это достаточный повод для недовольства, — начал он, но тут же сорвался: — Однако, боюсь, что сейчас вы пришли несколько некстати, — у нас с Шучоритой серьезный разговор.

— Вот ведь! — сказал Биной, поспешно вскакивая. — Никогда не угадаешь подходящего момента. Собственно, потому-то так и трудно бывает отважиться зайти.

Он уже собрался уходить, но тут вмешалась Шучорита.

— И не думайте уходить, Биной-бабу! — воскликнула она. — Наш разговор уже окончен. Садитесь.

Биной было очевидно, что своим приходом он вызволил Шучориту из какого-то затруднительного положения. Поэтому он снова сел с беспечным видом и сказал:

— Не умею отказываться от любезных приглашений. Раз предлагают сесть, я тотчас же соглашаюсь — уж такой мой характер. Потому прошу вас, диди: будьте осторожны, когда говорите со мной — помните, что я все принимаю за чистую монету.

Харану волей-неволей пришлось замолчать. Но вид его красноречивее слов говорил, что он отнюдь не считает разговор законченным и что не такой он человек, чтобы уйти, прежде чем заставит выслушать себя до конца.

Лишь только Лолита услышала за дверью голос Биноя, ее охватило страшное волнение, и как она ни старалась сохранить спокойствие, это ей не удалось. В результате, когда Биной вошел в комнату, заговорить с ним непринужденно, как со старым знакомым, она просто не смогла, поскольку все ее внимание было сосредоточено на том, куда ей следует смотреть и куда девать руки. Она, пожалуй, вышла бы из комнаты, но Шучорита все еще удерживала ее за край сари.

Биной, со своей стороны, тоже старался делать вид, что его слова относятся только к Шучорите, так как при всей своей находчивости он не решался обратиться прямо к Лолите. Свое смущение он пытался замаскировать излишней болтливостью.

Однако вновь обретенная робость Лолиты и Биноя не укрылась от Харана. Видя, что Лолита, которая только что так дерзила ему, с появлением Биноя вдруг удивительно поскромнела, он вспыхнул от досады. Его возмущение

против Пореша-бабу только возросло при виде нового доказательства тех зол, которые он навлек на свою семью, разрешая дочерям заводить знакомства вне «Брахмо Самаджа». Мысль, что когда-нибудь Пореш-бабу еще горько пожалеет о своем легкомыслии, всецело завладела им.

Когда стало очевидно, что Харап уходит не собирается, Шучорита, повернувшись к Биной, сказала:

— Вы давно не виделись с тетей, она о вас часто спрашивает. Не хотите ли пройти к ней?

— Только, пожалуйста, не думайте, что я не вспомнил бы о тете без вашего напоминания, — проговорил Биной, поднимаясь с кресла, — я как раз хотел о ней спросить.

Когда Шучорита с Биноем ушли, Лолита тоже поднялась и сказала:

— Полагаю, Пану-бабу, что мне вы ничего особенного сказать не имеете?

— Нет, — ответил Харан, — поскольку ты, кажется, нужнее не здесь, то я тебя задерживать не стану.

Лолита поняла, на что он намекает, и, желая показать, как мало она задета его замечанием, сказала:

— Биной-бабу так давно не был у нас, что я действительно должна пойти поболтать с ним. А пока что, если у вас есть желание почитать свое произведение... Ах да, я забыла, что диди только что изорвала вашу газету на мелкие кусочки... тем не менее, если вы в состоянии читать что-нибудь помимо своих статей, то можете посмотреть вот это, — и с этими словами девушка достала из стола бережно сложенные статьи Горы и, положив их перед Хараном, быстро вышла из комнаты.

Хоримохини была очень рада приходу Биной, и не только потому, что сразу воспылала симпатией к юноше, а потому, что он был совсем не похож на остальных посетителей, с которыми ей приходилось встречаться в доме Пореша-бабу и которые нисколько не скрывали, что видят в ней существо совсем иного порядка. Это все были коренные калькуттцы, получившие английское и бенгальское образование и, следовательно, стоявшие неизмеримо выше ее и подавлявшие ее своим высокомерием, так что в их присутствии Хоримохини невольно съеживалась и замыкалась в себе. В Биное же она чувствовала поддержку.

Правда, и Биной был калькуттец; слышала она и о том, что он немало преуспел в науках, и тем не менее он ни разу не был непочтителен с ней; напротив, ничего, кроме любви и уважения, она от него не видала. Именно поэтому она в такой короткий срок привязалась к нему, как к родному. Ей казалось, что Биной, как щит, прикроет ее от людской злобы. В этом доме она была беззащитна и певольно тянулась к дружески расположенному человеку.

Лолита ни за что не решилась бы пойти к Хоримохини сразу вслед за Биноем, если бы Харан своей неуместной шуткой не задел ее самолюбия. Теперь же она не только пошла к Хоримохини, но, придя, не задумываясь вступила с Биноем в непринужденный разговор — настолько непринужденный, что обрывки их смеха долетали до сидевшего внизу всеми покинутого Харана и изрядно действовали ему на нервы.

Скоро Харану надоело сидеть в одиночестве, и он решил подлечить свои душевные раны беседой с Бародашундори. Когда он разыскал ее и поведал, что Шучорита отказывается выходить за него замуж, негодование Бародашундори перешло все границы.

— Будет вам церемониться с ней, Пану-бабу, — заявила она. — Эта девчонка уже не раз и не два давала вам свое согласие. Собственно, все в «Брахмо Самадже» считают, что эта свадьба — вопрос решенный. А сегодня она вдруг головой мотнула, и все идет кувырком. Нет, этого ни в коем случае нельзя допускать. Не отступайтесь, Пану-бабу, стойте твердо на своем, и тогда посмотрим, что она сможет сделать.

Призывать Харана-бабу к твердости не было нужды. Он и так все время упорно повторял про себя:

«Из принципа я должен довести дело до конца. Может, мне лично не так уж и трудно отказаться от Шучориты, но нельзя забывать, что речь идет о чести «Брахмо Самаджа».

Биной, чтобы окончательно закрепить дружбу с Хоримохини, попросил, чтобы она угостила его. Хоримохини радостно встрепенулась, тотчас захопотала и вскоре осторожно поставила перед Биноем поднос, на котором разместились: моченый горошек, сбитые сливки, густая сметана, сахар, банан и чашка молока.

— Я думал, что застану тетю врасплох, попросив есть в столь неурочное время, — рассмеялся Биной, — но оказывается, не тут-то было! — Он уже собирался с преувеличенным аппетитом приняться за еду, когда неожиданно в комнату вошла Бародашундори. При ее появлении Биной склонился в приветственном поклоне, насколько позволила ему стоявшая перед ним тарелка, и сказал:

— Как это я не видел вас внизу? Я ведь там тоже был.

Оставив без внимания как его слова, так и поклон, Бародашундори обратилась к Шучорите:

— Ах, так вот вы где, милейшая! Я так и знала. Бедный Харан-бабу ждет ее все утро, как какой-нибудь проситель, а она здесь веселится. Я воспитывала всех вас с детских лет и не думала никогда, что вы окажетесь на это способной! Хотелось бы мне знать, кто ее подучивает! И подумать только, что все это происходит в нашей семье! Какими глазами мы теперь будем смотреть на наших друзей в «Брахмо Самадже»! Все, чему учили вас столько лет, в одно мгновение полетело вверх тормашками. Что же это такое, в самом деле?!

Хоримохини страшно разволновалась.

— А я и не знала, Шучи, что тебя ждут внизу. Не нужно было мне тебя задерживать! Ступай туда скорее, дорогая. И как же это я сама не догадалась, — говорила она Шучорите.

Лолита собралась было возразить, что Хоримохини тут ни при чем, но Шучорита, крепко сжав ей руку, сделала знак, чтобы она молчала, и, не говоря ни слова, вышла из комнаты.

Мы уже рассказывали, как Биной проложил себе путь к сердцу Бародашундори. Она была уверена, что недалек тот день, когда под благотворным влиянием их семьи он вступит в «Брахмо Самадж». И мысль, что он будет творением ее рук, наполняла Бароду особой гордостью. Сказать правду, она даже хвасталась — и не раз — этим подвигом перед своими приятельницами. Тем горше было ей увидеть, как этот самый Биной прочно обосновался в стане врага, да еще в союзе с ее родной дочерью Лолитой, которая тоже стала проявлять явные признаки неповиновения.

— Лолита, — резко сказала она, — тебе здесь что-нибудь нужно?

— Да, Биной-бабу пришел, поэтому я...

— Пусть Биноя-бабу занимают те, к кому он пришел, а ты ступай вниз и займись делом, — перебила ее Бародашундори.

Лолита тотчас же решила, что Харан позволил себе недопустимые намеки насчет нее и Биноя, и от этого настроение у нее сразу же стало воинственным; поэтому фразу, начатую столь робко, она закончила с излишним жаром:

— Биной-бабу давно не был у нас, я поговорю с ним, а потом приду.

По ее тону Бародашундори поняла, что Лолита отказывается подчиняться, и, опасаясь, что еще, не дай бог, в присутствии Хоримохини придется расписываться в поражении, она, не говоря больше ни слова, вышла из комнаты, сделав вид, что не заметила Биноя.

Матери-то Лолита объявила о своем намерении поговорить с Биноем, но как только Барода ушла, намерение это так и осталось висеть в воздухе. Некоторое время царило неловкое молчание, затем Лолита ушла в свою комнату и заперлась там.

Биной прекрасно понимал, каково было положение Хоримохини в этом доме. Умело направляя разговор, он скоро узнал всю историю жизни этой женщины.

— Милый мой, — заключила Хоримохини, — сам посуди, разве место таким несчастным, как я, в миру? Лучше бы мне отправиться в какую-нибудь святую обитель и посвятить себя служению богу. Денег у меня немного осталось, я бы на них и жила пока что, а потом, даже если бы и зажила на этом свете, можно было бы пойти в кухарки к кому-нибудь. В Бенаресе многие так устраиваются. Но я, великая грешница, никак не могу решиться на это. Стоит мне остаться одной, как все мое горе снова встает передо мной и не дает мне думать даже о боге. Иногда мне кажется, что я схожу с ума. Радхарани и Шотиш для меня словно плот для утопающего. Одна мысль, что придется покинуть их, душит меня. День и ночь живу я в страхе, что должна буду уйти от них. Зачем тогда, всех потеряв, я смогла так скоро привя-

заться к ним? Я не стыжусь признаться тебе, что только с тех пор, как нашла их, я могу от всего сердца молиться богу. Уйдут они из моей жизни, и не останется у меня бога — только каменный идол, и больше ничего, — и она утерла слезы краем сари.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Шучорита сошла вниз и, остановившись перед Хараном, спросила:

— Вы что-то хотели мне сказать?

— Присядь, — ответил он.

Девушка упрямо продолжала стоять.

— Шучорита, ты обидела меня...

— Вы тоже меня обидели.

— Почему? Ведь слово, которое я тебе дал, до сих пор... — Харан хотел было продолжать, но Шучорита перебила его.

— Да разве в словах дело? — сказала она. — Неужели вы заставите меня поступать против воли из-за какого-то слова? А разве правда не важнее всех лживых слов? Неужели только потому, что я много раз делала одну и ту же ошибку, эту ошибку уж не исправить? Теперь, когда я поняла, что заблуждалась, я чувствую себя обязанной отказаться от своего прежнего обещания, — поступить иначе было бы нечестно с моей стороны.

Харан никак не мог понять, откуда такая перемена. Он и мысли не допускал — для этого ему не хватало ни ума, ни скромности, — что сам своей назойливостью довел Шучориту до того, что даже обычные спокойствие и кротость изменили ей. В душе он был твердо убежден, что виноваты во всем Биной и Гора.

— Ну, так что же это за ошибка, которую ты вдруг обнаружила? — спросил он.

— Надо ли спрашивать об этом, — возразила Шучорита, — неужели недостаточно того, что я отказываюсь от своего обещания.

— Но ведь нам, несомненно, придется давать какое-то объяснение членам «Брахмо Самаджа». Что ты скажешь им, что скажу я?

— Я лично ничего не скажу, — ответила Шучорита. — Если же вам обязательно что-то говорить, можете сказать, что Шучорита еще молода, глупа, непостоянна... что угодно. Нам же с вами говорить больше не о чем.

— Нет, так это не может кончиться, — воскликнул Харан. — Если Пореш-бабу...

Как раз в этот момент сам Пореш-бабу вошел в комнату.

— В чем дело, Пану-бабу? — спросил он. — Что вы хотите мне сказать?

Шучорита направилась было к выходу, но Харан остановил ее:

— Подожди, Шучорита, давай-ка обсудим этот вопрос в присутствии Пореша-бабу.

Девушка повернулась и остановилась на месте, Харан же сказал:

— Пореш-бабу, сегодня, спустя столько времени, Шучорита вдруг заявила, что она не согласна на брак со мной! Разве имела она право шутить делом такой важности? И не думаете ли вы, что часть ответственности за эту скверную историю ложится и на вас?

Пореш-бабу погладил Шучориту по голове.

— Тебе, дитя, незачем здесь оставаться, иди к себе, — ласково сказал он.

От этих простых, но теплых слов слезы брызнули из глаз Шучориты, и она поспешно вышла из комнаты. Пореш-бабу вернулся к прерванному разговору.

— Я с самого начала боялся, что Шучорита дала согласие выйти за вас замуж, не разобравшись как следует в своих чувствах, — сказал он. — Именно поэтому я и не решался удовлетворить вашу просьбу относительно официальной помолвки.

— А не кажется ли вам, — возразил Харан, — что, может быть, раньше, давая согласие, Шучорита прекрасно разбиралась в своих чувствах и что именно отказ ее вызван тем, что она в своих чувствах запуталась?

— Оба предположения одинаково возможны, — согласился Пореш-бабу, — но при таких обстоятельствах о свадьбе, конечно, не может быть и речи.

— И вы не хотели бы посоветовать Шучорите ради ее собственного же блага?..

— Кому-кому, а вам следовало бы знать, что все мои советы Шучорите направлены исключительно на ее благо.

— Если бы это было так, — возразил Харан, — Шучорита никогда не позволила бы себе того, что она сделала. Все, что творится за последнее время в вашей семье, я вам прямо говорю — результат вашей неосмотрительности.

— Здесь вы правы, — усмехнулся Пореш-бабу. — Кому же, как не мне, нести ответственность за то, что делается в моей семье?

— Так помяните мое слово, когда-нибудь вы еще раскаетесь.

— Раскаяние — это от бога. Я боюсь не раскаяния, Пану-бабу, я боюсь совершить неправильный поступок, — ответил Пореш-бабу.

Тут вошла Шучорита. Подойдя к Порешу-бабу, она взяла его за руку и сказала:

— Отец, уже время идти на молитву.

— Пану-бабу, может быть, вы подождете меня? — спросил Пореш.

Коротко буркнув «нет», Харан наконец удалился.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

Шучориту пугала борьба как с самой собой, так и со всеми окружающими, которая, по-видимому, предстояла ей. Она решительно не могла представить себе, к чему приведет ее чувство к Горе, которое, незаметно набирая силу, после ареста молодого человека заявило о себе решительно и властно. Она ни с кем не могла поделиться своим секретом, она боялась признаться в своем чувстве даже себе.

У нее почти не бывало возможности побыть одной, чтобы покончить как-то с этим внутренним разладом, хотя бы путем компромисса, потому что Харан умудрился напустить на нее чуть ли не весь «Брахмо Самадж». Было похоже, что его стараниями какой-нибудь пасквиль вот-вот появится в газете.

А тут еще тетя... С ней тоже надо было что-то предпринимать, и решение откладывать было нельзя, иначе

дело могло копчиться плохо. Шучорита поняла, что в ее жизни наступил крутой поворот, что миновали дни, когда можно было идти привычным путем, когда мысли сами бежали по знакомому руслу.

В это тяжелое время единственной ее опорой был Пореш-бабу. И не потому, что она обращалась к нему за советом или наставлениями — было много такого в ее мыслях, в чем она не могла открыться даже ему, было и такое, о чем говорить с ним ей было просто стыдно. Но ей было важно знать, что он тут, что он с ней. Он был ее тихим прибежищем, от него она видела неусыпную отеческую заботу и нежную, совсем материнскую, ласку.

Наступила осень. Теперь Пореш-бабу не ходил вечерами в сад для молитвы, а молился в маленькой комнатке, находившейся в западном крыле дома. Там он усаживался на коврик перед отворенной дверью, и лучи заходящего солнца падали на его спокойное лицо, обрамленное седыми волосами. И тогда молча, неслышными шагами приходила Шучорита и садилась рядом с ним. Ей казалось, что можно смирить свое беспокойное, наболевшее сердце, окунув его в эти тихие глубины общения с богом. Нередко, открыв глаза после молитвы, Пореш находил рядом с собой дочь — воплощение преданной ученицы, которая, затаив дыхание, сидела подле него. И таким невыразимо милым и лучезарным бывало ее лицо в эти минуты, что он мог только безмолвно благословлять ее от всего сердца.

Всю свою жизнь Пореш-бабу стремился к внутренней гармонии, и потому мысли его всегда были о возвышенном и истинно прекрасном, повседневная же жизнь заботила его мало. Сам обретя таким образом свободу, он не считал себя вправе навязывать другим свои взгляды и верования. От природы он был одарен верой в добро и безграничной терпимостью и нередко навлекал на себя этим порицание наиболее ревностных членов «Брахмо Самаджа». Но хотя их порицания и задевали Пореша-бабу, его душевного равновесия они никогда не нарушали. Он часто повторял про себя: «Что мне суд людской, когда падо мной бог!»

Чтобы приблизиться к этому незыблемому душевному покою, Шучорита последнее время стала под разными

предлогами постоянно забегать в комнату Пореша. Когда внутренний и внешний разлад доводил ее — неопытную девочку — до отчаяния, сердце подсказывало, что она сможет обрести мир, склонившись к ногам отца.

Сначала она надеялась, что стоит только набраться терпения и выждать время, и враждебные силы сами собой рассеются. Но этого не случилось, и сейчас ей предстояло принять какое-то решение и отважиться вступить на новый, неведомый путь.

Когда Бародашундори убедилась, что никакими попреками Шучориту с толку не собьешь и что перетянуть на свою сторону Пореша-бабу надежд тоже нет никаких, она весь свой гнев с удвоенной силой обратила против Хоримохини. Одна мысль о том, что «эта особа» находится у нее в доме, выводила ее из себя.

В годовщину смерти своего отца Бародашундори пригласила Биноя. Предполагалось, что друзья и родные соберутся вечером, чтобы присутствовать на поминальном обряде. Теперь же она с Шучоритой и дочерьми занимались украшением комнаты, в которой должна была состояться церемония.

И вдруг в разгар этой работы Бародашундори увидела Биноя, который поднимался по лестнице к Хоримохини, и поскольку малейший пустяк приобретает огромное значение, когда на душе неспокойно, то, естественно, минутой спустя ей стало казаться совершенно невыносимым, что Биной пошел наверх. Не в силах дальше заниматься делом, она отправилась вслед за Биноем и застала его сидящим на циновке и непринужденно беседующим с Хоримохини.

— Послушайте, — выпалила Бародашундори, — я не против того, чтобы вы жили у нас, пожалуйста, живите сколько вам угодно, и я все для вас сделаю и даже с удовольствием, но только имейте в виду раз и навсегда, что разрешить вам держать здесь своих идолов мы не можем!

Всю свою жизнь Хоримохини прожила в деревне, и в ее представлении «Брахмо Самадж» был всего-навсего какой-то христианской сектой. Поэтому единственно, что ее интересовало в связи с этим Обществом вначале — это разрешается ли правоверным общаться с его членами. Мысль, что им тоже может быть неприятно общение с ней,

не сразу пришла ей в голову, но, понемногу осознав это, она стала задумываться, что же делать при создавшемся положении. Выпад Бародашундори показал ей, что теперь уже долго думать не приходится и что нужно немедленно принимать решение.

Сперва она решила поселиться где-нибудь в Калькутте, чтобы иметь возможность время от времени видаться со своими любимыми Шучоритой и Шотишем. Но тут же подумала, что прожить в Калькутте, где все так дорого, на ее скромные средства вряд ли можно.

После того, как налетевшая внезапным ураганом Бародашундори удалилась, Биной некоторое время сидел молча, опустив голову. Первой нарушила молчание Хоримохини.

— Мне бы сходить к святым местам, — сказала она. — Сможет ли кто-нибудь из вас пойти со мной, сынок?

— Я был бы только рад сопровождать вас, — ответил Биной. — Но ведь раньше чем через несколько дней выйти нам не удастся. Пожили бы вы пока у моей матери.

— Ты и не знаешь, дитя мое, — говорила Хоримохини, вытирая слезы, — какая я обуза. Господь взвалил на мои плечи такое тяжкое бремя, что я всем стала в тягость. Еще когда я увидела, что даже в доме собственного мужа всем я мешаю, нужно бы мне это понять. Только туго дается мне понимание. Старалась я заполнить пустоту в сердце, скиталась повсюду, но куда бы я ни подавалась, мое горе всюду следовало за мной по пятам. Нет, сын мой, хватит с меня этого. Зачем я снова буду вторгаться в чей-то дом. Уж лучше я пойду искать приюта у ног того, на ком тяжелым бременем лежат страдания всего мира. У меня нет больше сил бороться...

— Нет, тетя, не говорите так, — сказал Биной. — Мою мать нельзя ни с кем сравнивать. Разве может человек, жизнью своей доказавший любовь к богу и сумевший встать выше всех тягот мира, отказаться принять бремя чужого горя? Такова моя мать, таков и Пореш-бабу. Нет, нет, я даже и слушать не хочу. Сначала я отведу вас в свою святую обитель, а уж потом поеду с вами в вашу.

— Но ведь нужно предупредить... — начала было Хоримохини.

— Мы приедем и тем самым предупредим, — перебил ее Биной. — Это самое лучшее предупреждение.

— Тогда завтра утром... — начала опять Хоримохини.

— Почему завтра утром, когда можно сегодня вечером, — снова перебил ее Биной.

В этот момент за Биноем пришла Шучорита.

— Биной-бабу, — обратилась она к нему, — мать прислала сказать, что скоро начнется богослужение.

— Боюсь, что я не смогу на нем присутствовать. Мне нужно переговорить кое о чем с тетей, — ответил Биной.

В действительности же, после всего случившегося ему просто не хотелось принимать приглашение Бародашундори. Все это начало казаться ему сплошным издевательством.

Но Хоримохини очень забеспокоилась и начала уговаривать его идти.

— Мы ведь и потом можем поговорить. Вот кончится служба, ты и приходи ко мне, — говорила она.

— Я думаю, что лучше бы вам сходить, — прибавила от себя Шучорита.

Биной понял, что его отсутствие на богослужении лишь ускорит взрыв, который давно назревал в этой семье. И он прошел в комнату, предназначавшуюся для церемонии. Но это мало что изменило.

После богослужения всех пригласили к столу. Биной начал отказываться:

— У меня сегодня что-то пропал аппетит.

— При чем тут аппетит, — ехидно заметила Бародашундори, — когда вы просто успели наесться всяких лакомств наверху.

— Да, — сознался со смехом Биной. — Таков удел всех обжор: не устояв перед тем, что есть, они теряют то, что будет.

С этими словами он встал из-за стола.

— Надо полагать, опять наверх? — спросила Бародашундори.

— Да, — коротко ответил Биной и пошел из комнаты.

Проходя мимо стоявшей в дверях Шучориты, он шепнул ей:

— Диди, зайдите на минутку к тете. Ей нужно срочно видеть вас,

Лолита обносила угощениями гостей. Когда она пошла к Харану, тот неизвестно почему счел нужным сообщить ей:

— А Биноя-то-бабу здесь нет, он наверх пошел.

Лолита остановилась перед ним, посмотрела прямо ему в глаза и холодно ответила:

— Знаю. Но он не уйдет, не попрощавшись со мной. К тому же я и сама пойду наверх, как только освобожусь.

Жгучая злоба снесла Харана. Сегодня ему положительно не везло: он даже не сумел смутить Лолиту! От Харана не ускользнуло и то, что Биной, уходя, шепнул несколько слов Шучорите, и то, что она вскоре после этого последовала за ним. Сам он сегодня неоднократно пытался заговорить с ней, и оттого, что она на глазах у всех собравшихся старательно отклоняла его попытки, он чувствовал себя посрамленным, и это приводило его в бешенство.

Поднявшись наверх, Шучорита увидела, что Хоримохини уже собрала все свои пожитки и теперь сидит с таким видом, словно с минуты на минуту собирается уехать.

Шучорита спросила ее, в чем дело, но в ответ Хоримохини только расслакалась.

— Где Шотиш? — проговорила она, наконец. — Попроси его зайти ко мне на минутку.

Шучорита растерянно взглянула на Биноя.

— Тете оставаться здесь во всех отношениях неудобно, — пояснил Биной, — вот я и увожу ее к ма.

— А оттуда я думаю пойти странствовать по святым местам, — добавила Хоримохини. — Нельзя таким, как я, у людей жить. Зачем я их стеснять буду?

Шучорита и сама все эти дни думала об этом. И она тоже пришла к выводу, что оставаться в этом доме дольше будет для ее тетки только унижительно. Не зная, что ответить, она молча села рядом с Хоримохини.

Уже стемнело, но огня еще не зажигали. В мутном небе чуть заметно мерцали звезды, и в полумраке не видно было, кто из сидящих в комнате плачет.

Вдруг с лестницы донесся звонкий голос Шотиша:

— Тетя, тетя!

Хоримохини поспешно встала.

— Иди, дорогой мой, иди сюда!

— Тетя, — сказала Шучорита. — Не уходите сегодня, на ночь глядя. Утро вечера мудреней! И потом, как же вы уйдете, не простившись с отцом? Он ведь очень огорчится.

Биной, возбужденный оскорблением, которое панесла Бародашундори тетке, и не подумал об этом. Он решил, что Хоримохини нельзя больше ни на одну ночь оставаться под этой крышей. Ему хотелось доказать Бароде, что она жестоко ошибается, если думает, что Хоримохини безропотно стерпит все потому, что ей некуда деться. Поэтому он не хотел откладывать отъезд ни на минуту. Но, услышав слова Шучориты, Биной вдруг сообразил, что не одна Барода живет в этом доме и что, помимо причиненные ею обиды, нельзя забывать и сердечного отношения гостеприимного хозяина.

— Что верно, то верно! — сказал он. — Нельзя уезжать, не простившись с Порешем-бабу!

Тут в комнату с криком влетел Шотиш.

— Тетя, тетя, вы слышали, русские собираются напасть на Индию! Вот-то будет здорово!

— А на чьей ты будешь стороне? — спросил Биной.

— Я? На русской, конечно, — ответил Шотиш.

— Ну, тогда им нечего бояться, — улыбнулся Биной.

Увидев, что кризис миновал и что Биной снова стал самим собой, Шучорита выскользнула из комнаты и пошла вниз.

Она знала, что Пореш-бабу имел обыкновение читать перед сном. Сколько раз девушка приходила к нему в этот час, усаживалась рядом, и он читал ей вслух.

Так и сегодня Пореш-бабу сидел один в своей маленькой комнатке и при свете лампы читал Эмерсона. Вошла Шучорита, тихонько пододвинула стул и села рядом. Отложив книгу, Пореш-бабу посмотрел на нее. Но у Шучориты не хватало духу начать разговор, ради которого она пришла. Она почувствовала, что не может говорить с ним об обыденных вещах.

— Отец, почитай мне немножко! — только и сказала она.

Было уже десять часов, когда Пореш-бабу кончил читать и объяснять ей прочитанное. Но Шучорита, боясь

испортить сон отцу, так и не решилась начать разговор на неприятные темы. Она уже собиралась идти к себе в комнату, когда Пореш-бабу ласково окликнул ее:

— Радха!

Она подошла к нему.

— Ты ведь хотела поговорить со мной относительно тети?

Шучориту поразило, что Пореш-бабу сумел разгадать ее мысли.

— Да, отец. Только сегодня мне не хочется тебя беспокоить. Может, поговорим об этом завтра утром?

Но Пореш-бабу усадил ее и сказал:

— Ты думаешь, я не видел, что твоей тете тяжело живется здесь? Я только не ожидал, что ее верования и обычаи могут настолько возмутить твою мать. Но раз уж она воспринимает все это болезненно, то, конечно, для твоей тети не могла не создаться у нас очень неприятная обстановка.

— Тетя уже решила уехать.

— Я так и знал, что она уедет, — сказал Пореш-бабу. — Но знаю я и то, что вы с Шотишем, как ее единственные родственники, ни в коем случае не допустите, чтобы она вновь осталась без крова. Вот уже несколько дней я думаю, как помочь делу.

Шучорита даже не догадывалась, что Пореш-бабу был в курсе домашних событий и что все это время он пытался найти выход из создавшегося положения. Она всеми силами старалась скрыть от него происходящее из страха огорчить и разволновать его. Поэтому его слова растрогали ее до слез.

— Я уже придумал, где ее лучше поселить, — продолжал Пореш-бабу.

— Боюсь только, что... ведь она... — залепетала Шучорита.

— Не сможет платить за квартиру, ты хочешь сказать? А зачем ей это? Надо полагать, что ты с нее денег не станешь требовать.

Шучорита смотрела на Пореш-бабу в немом удивлении. Он с улыбкой продолжал:

— Разреши ей жить в своем доме, вот ей и не придется платить.

Это показалось Шучорите еще более загадочным, но Пореш-бабу ласково объяснил ей:

— Разве ты не знаешь, что в Калькутте у вас есть два дома? Один твой, другой — Шотиша. После вашего отца остались кое-какие деньги. Они были у меня. Я стал пускать их в оборот, и они приносили прибыль. Когда накопилась достаточная сумма, я приобрел в Калькутте два дома и сдал их внаем, — накопились доходы и с них. Недавно жильцы из твоего дома съехали, и поскольку сейчас он стоит пустой, ничто не будет стеснять там твою тетю.

— Но разве сможет она жить там одна? — спросила Шучорита.

— Зачем же ей жить одной, пока у нее есть ты — ее родная племянница? — сказал Пореш-бабу.

— Вот об этом как раз я и хотела с тобой поговорить, — сказала Шучорита. — Тетя твердо решила уехать отсюда, и я просто не знаю, как же я отпущу ее одну? Я пришла спросить тебя: как ты скажешь, так я и сделаю.

— Знаешь переулок, который проходит за нашим домом, — сказал Пореш-бабу, — вот там и стоит твой дом — он третий от угла. Его даже видно с нашей веранды. Если ты там поселишься, то тебе и скучать не придется, ты сможешь с нами видаться не меньше, чем теперь.

У Шучориты словно гора с плеч свалилась. Мысль о том, что ей придется покинуть дом Пореша и расстаться с ним, казалась ей невыносимой, хотя было ясно, что чувство долга очень скоро вынудит ее сделать это.

Молча, потому что сердце ее было переполнено, сидела Шучорита около Пореша-бабу, который тоже углубился в свои мысли. Шучорита была его ученицей, его дочерью и его другом. Она стала неотъемлемой частицей его жизни. Без нее даже общение с богом не давало ему полного удовлетворения. В те дни, когда Шучорита приходила и молилась вместе с ним, ему казалось, что молитва больше утоляет душу. Окружая ее заботливой лаской, он старался направить ее мысли ввысь, к богу, и невольно его собственные мысли и поступки становились чище и возвышеннее. Никто никогда не смотрел на него с таким обожанием, с такой кротостью, как Шучорита. Как цветы тянутся к солнцу, так и вся ее душа тянулась к

нему и расцветала. Такая преданность не может остаться без ответа, она обязательно заставит сердце открыться и пролить свои дары, как облако, чреватое дождем.

И что может быть лучше, чем возможность постоянно отдавать истинное и прекрасное тому, чье сердце готово принять ваш дар? Эту редкую возможность Шучорита и предоставила Порешу. Потому-то он так и привязался к ней. Теперь настало время порывать узы, связывавшие их внешне. Дерево взрастило плод, питая его своими соками. Плод созрел, и настал срок ему отпадать. Порешу-бабу было очень грустно, но он таял свою грусть глубоко в сердце.

С некоторых пор он стал замечать, что желание — пока еще неясное — самостоятельно распоряжаться своей жизнью начинает пробуждаться в Шучорите. Он не сомневался, что она накопила для предстоящего жизненного пути хороший багаж, и с этим багажом ей надлежит сейчас шагать по свету, чтобы познать его радости и горести, победы и поражения. «Ступай, дочь моя! — говорил он в душе. — Разве можешь ты вечно жить моими наставлениями? Даже своим неустанным попечением не должен я мешать твоему «я». Скоро ты по воле господя оторвешься от меня и познаешь жизнь, и *он* приведет тебя через всякие испытания к конечной цели. И обретешь ты в *ней* счастье свое». Так Пореш мысленно вручал богу, как священную жертву, свою любовно взлелеянную Шучориту.

Раздражаться на Бародашундори Пореш-бабу себе не разрешал, не допускал он в сердце своем и досады из-за раздоров, возникших вдруг в его семье. Он прекрасно сознавал, что старому узкому каналу не сдержать наводка и единственно, что можно сделать в таком случае, это дать воде выход на просторы полей. Он видел, как неожиданные события, центром которых оказалась Шучорита, нарушают привычную жизнь их семьи с ее сложившимися традициями и правилами, и понимал, что мир можно восстановить, только освободив девушку от всех пут и дав ей возможность самой найти свое место в жизни. Поэтому он уже давно начал исподволь приготовления к тому, чтобы она могла спокойно и безболезненно встать на самостоятельный путь.

Долго сидели они молча. Наконец пробило одиннадцать. Тогда Пореш-бабу поднялся, взял Шучориту за руку

и повел ее на веранду. На прояснившемся ночном небе сияли звезды. Было очень тихо. Стоя рядом с Шучоритой, он молился: «Избавь нас, всевышний, от всякой неправды и да озарит нашу жизнь свет истины!»

ГЛАВА Сорок вторая

Когда на следующее утро Хоримохини при прощании с Порешем-бабу припала к его стопам в знак почтения к старшему, он поспешно подобрал ноги.

— Пожалуйста, не надо! — воскликнул он в сильном смущении.

— Я перед вами в неоплатном долгу, — со слезами на глазах сказала Хоримохини. — И мне ни в этой жизни, ни в будущей не отблагодарить вас. Вы поддержали меня, несчастную, и теперь я снова могу жить дальше. Никто другой — сколько бы ни старался — не смог бы сделать этого. Видно, любит вас бог, если даже мне вы сумели помочь.

Пореш-бабу совсем растерялся.

— Да что я особенного сделал, — пробормотал он. — Это все Радхарани...

Но Хоримохини не дала ему кончить.

— Знаю, знаю. А Радхарани-то кто воспитал, — сказала она. — Во всем, что она ни делает, есть и ваша рука. Когда у нее умерла мать, а потом вскоре и отец, я подумала: не миновать ей горькой доли. Но откуда ж мне было знать, что бог не оставит ее в горестях? А когда после стольких скитаний я пришла наконец сюда и повстречалась с вами, я поняла, что бог даже и надо мной может сжалиться.

В эту минуту вошел Бинной и объявил:

— Тетя, мать приехала за вами.

— Где она? — воскликнула Шучорита, возбужденно вскочив с места.

— Сидит внизу с Бародашундори, — ответил Бинной, и Шучорита поспешно убежала вниз.

— Разрешите, я сейчас пойду и присмотрю, чтобы все в вашем доме было в порядке, — сказал Пореш, обращаясь к Хоримохини.

Биной проводил его изумленным взглядом.

— А я и не знал, тетя, что у вас есть дом, — сказал он.

— Я и сама до сегодняшнего дня не знала, сынок, — ответила Хоримохини. — Один только Пореш-бабу знал. Кажется, это дом нашей Радхарани.

И Хоримохини рассказала обо всем Биною.

— А я-то думал, наконец и Биной кому-то пригодится, — сказал он. — Но, видно, рассчитывать на это не приходится. До сих пор я даже для ма ничего не сумел сделать, вместо этого она все время что-то делает для меня. Хотел тете помочь, отплатить за ее доброту, и тоже не удалось. Видно, так уж у меня на роду написано — принимать, но не давать.

Вскоре в комнату в сопровождении Лолиты и Шучориты вошла Анондомойи.

Хоримохини поднялась ей навстречу.

— Уж если господь посылает милости, то не скушится — наконец-то мне удастся и с тобой всласть поговорить, диди, — с этими словами она взяла Анондомойи за руку и усадила рядом с собой. — Знаешь, диди, — продолжала она, — Биной только и говорит о тебе.

— Это за ним с детства водится, — улыбнулась Анондомойи. — Стоит только ему увлечься чем-нибудь, и он будет болтать об этом без умолку. Скоро дойдет очередь и до тети, можешь быть уверена.

— Совершенно верно! — воскликнул Бипой. — Так что предупреждаю заранее. Слишком долго пришлось мне обходиться без тети, должен же я наверстать упущенное.

— Наш Биной, — сказала Анондомойи, с многозначительной улыбкой взглянув на Лолиту, — умеет не только добиваться своего, но и беречь то, чего добился. Уж я-то знаю, как он всех вас ценит. Как будто в вашей семье он нашел то, к чему стремился всю жизнь. И я несказанно рада, что он с вами познакомился. С тех пор как он начал у вас бывать, он прямо-таки другим человеком стал — да он и сам это прекрасно сознает.

Лолита хотела было что-то ответить, но никак не могла подобрать нужных слов и так смутилась, что Шучорите пришлось прийти к ней на помощь.

— Биной умеет в каждом человеке увидеть хорошее, — сказала она, — поэтому и друзья охотно откры-

вают ему свои лучшие стороны. Это скорее всего его собственная заслуга.

— Ма, — вмешался в разговор Биной, — в мировом масштабе твой Биной не настолько интересен, чтобы заслужить такое широкое обсуждение. Сколько раз собирался я открыть тебе глаза на это, да все тщеславие не позволяло. Но теперь я чувствую, что дольше тянуть с разоблачением нельзя. Давай-ка, ма, переменим тему разговора.

В это время, прижимая к груди щенка, свое новейшее приобретение, прибежал Шотиш. Увидев, что он притащил, Хоримохини в ужасе отпрянула назад и принялась умолять его:

— Шотиш, миленький, унеси отсюда эту собаку, ну будь хорошим мальчиком.

— Он же не укусит тебя, тетя. Он даже не пойдёт в твою комнату. Он будет сидеть тихонько, ты только погладь его.

Однако Хоримохини все пятилась от нечистого животного, продолжая уговаривать Шотиша:

— Нет, нет, милый! Унеси его бога ради!

Анондомайи привлекла к себе Шотиша, не выпускавшего щенка, и взяла собачонку к себе на колени.

— Так, значит, ты, Шотиш, друг нашего Биноя? — спросила она.

Шотиш находил вполне естественным, что его называют другом Биноя, и потому не задумываясь ответил «да!» и уставился во все глаза на Анондомайи, которая объяснила ему, что она мать Биноя. Он даже забыл о щенке, который тем временем забавлялся, пытаясь укунить браслет Анондомайи.

— Ну-ка, болтунишка, — строго сказала Шотишу Шучорита, — а кто будет приветствовать мать Биноя? — после чего смущенный Шотиш кое-как поклонился.

В это время на сцене появилась Бародашундори и, даже не взглянув на Хоримохини, обратилась к Анондомайи:

— Не могу ли я вас чем-нибудь угостить?

— Благодарю вас, — ответила та, — дело не в том, что я привередлива, только лучше в другой раз. Вот вернется

Гора, и тогда, если позволите, мы с удовольствием воспользуемся вашим гостеприимством.

Дело в том, что в отсутствие Горы Анондомойи не хотела делать ничего такого, что противоречило бы его желаниям.

Бародашундори посмотрела на Биноя.

— Вот как, и Биной-бабу здесь! Я и не знала, что вы тоже пришли.

— А я как раз собирался нагрянуть к вам в комнату.

— Вчера вы исчезли, хоть и были приглашены. Как насчет того, чтобы позавтракать у нас сегодня, без предварительного приглашения?

— Звучит тем более заманчиво, — ответил Биной, — что наградные получать всегда веселее, чем ежемесячное жалование.

Хоримохини была поражена этим разговором. Биной, оказывается, запросто ест в этом доме, а главное, Анондомойи, по-видимому, не придаст никакого значения кастовым различиям! Это ей уж совсем не понравилось.

Когда наконец Бародашундори ушла, Хоримохини робко спросила Анондомойи:

— Диди, а разве твой муж...

— Мой муж правоверный индуст... — ответила Анондомойи.

Хоримохини была так очевидно озадачена, что Анондомойи пришлось объяснить:

— Сестра, я соблюдала законы общины до тех пор, пока она была для меня превыше всего. Но однажды я получила знамение от самого господина и мне стало ясно, что он не хочет, чтобы я продолжала соблюдать их. И раз он сам почел за благо лишить меня касты, то я перестала бояться того, что скажут обо мне люди.

— Ну, а как же твой муж? — спросила ничего не понимавшая Хоримохини.

— Мужу это не нравится, — просто отвечала Анондомойи.

— А дети?

— И дети недовольны. Но разве жизнь дана мне только для того, чтобы ублажать мужа и детей? Этого, сестра, так просто не объяснишь. Поймет лишь тот, кому

ведомо все. — И с этими словами она молитвенно сложила руки.

Хоримохнии подумала, что, наверное, какая-нибудь миссионерка соблазнила Анондомойи христианским учением, и невольно съежилась от этой страшной мысли.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

Шучорита была совершенно спокойна, зная, что она и брат будут жить недалеко от отца, под его постоянным присмотром. Но, когда все в новом доме было готово и пришло время переезжать, сердце девушки тоскливо жалось. Она не думала сейчас о расстоянии, которое будет разделять их. Ей было больно от сознания того, что настала пора разорвать какие-то узы, до сих пор тесно связывавшие их жизни. И этот разрыв она ощущала как частичное отмирание чего-то в себе самой. Место, которое принадлежало ей в этой семье, дела, которыми она занималась, даже отношения, которые установились между нею и прислугой, — все это было дорого и близко ей.

Когда стало известно, что Шучорита владеет некоторым имуществом и готовится вступить в самостоятельную жизнь, Бародашундори стала повторять всем и каждому, что она очень этому рада, что это, наконец, освобождает ее от обязанностей, которые она столь ревностно исполняла в течение многих лет, и она может теперь быть совершенно спокойной. Однако тщеславие ее было сильно задето. Она не могла простить Шучорите намерения отделиться и жить самостоятельно. Все это время Бародашундори чувствовала трогательную жалость к самой себе за то, что несет тяжкое бремя забот о несчастной девушке, которой некуда деться. Но когда бремя вдруг перестало давить на ее плечи, она почему-то не почувствовала ни малейшего облегчения. Она уже заранее обвиняла Шучориту в том, что та, получив самостоятельность и независимость, не преминет возгордиться.

Все эти дни Бародашундори старалась держаться от Шучориты на почтительном расстоянии, не прибегала к ее услугам в домашних делах и была с ней подчеркнуто вежлива.

Мысль о скорой разлуке не давала Шучорите покоя. Под разными предлогами крутилась она около Барода-шундори, стремясь помочь ей по хозяйству, но Барода и близко не подпускала ее к уборке, всем своим видом показывая, что эта низкая работа не для нее.

А Шучорита страдала. Ей было особенно горько видеть, что та, которую она звала матерью, в доме которой она выросла, так холодна с ней в эти дни.

Лабонне, Лолита и Лиля не отходили от Шучориты. Они с увлечением помогали ей устраиваться на новом месте, но оживление их было папускным — в душе они были очень огорчены предстоящей разлукой с сестрой.

Все эти годы Шучорита, пользуясь каждым удобным случаем, оказывала Порешу-бабу всевозможные мелкие услуги: расставляла в вазах цветы, разбирала книги и бумаги, проветривала одежду и каждый раз, когда его ванна бывала готова, приходила напоминать ему об этом. Ни Пореш-бабу, ни сама Шучорита этим мелочам особого значения не придавали. Но теперь, когда время быстро близилось к расставанию, у обоих скребло на сердце при мысли, что этих незатейливых услуг, которые с тем же успехом мог оказать кто-нибудь другой и без которых в конце концов можно было прекрасно обойтись, она ему уже больше оказывать не сможет. Теперь всякий раз, как Шучорита забежала в комнату Пореша-бабу, все, что бы она ни сделала там, казалось обоим важным и значительным. И от того, что у него было тяжело на сердце, он нет-нет да вздыхал, и от того, что сердце ее болезненно сжималось, глаза ее нет-нет да наполнялись слезами.

Наконец наступил назначенный день. Переезд должен был состояться после обеда. Когда утром Пореш-бабу пошел к себе молиться, он увидел, что комната его уже украшена цветами и что в углу сидит Шучорита и ждет его. Лабонне и Лиля задумали помолиться все вместе в это утро, но Лолита отговорила их, зная, как дороги для Шучориты эти часы совместной с отцом молитвы и как нуждается она в его благословении, особенно сегодня. Лолита не хотела, чтобы кто-то своим присутствием помешал им в такую минуту.

Когда к концу молитвы из глаз Шучориты потекли слезы, Пореш-бабу сказал ей:

— Не оглядываясь назад, дитя мое! Смело, без колебаний смотри судьбе в глаза. Радуюсь иди навстречу жизни. И что бы ни случилось с тобой, умей во всем найти хорошее. Положись на волю божью, надейся на него одного, и тогда, несмотря на все потери и все ошибки, ты сумеешь выйти на путь истины. Но только помни, богу ты должна отдавать все свои помыслы безраздельно, иначе трудно придется тебе. Да будет господь милостив к тебе, чтобы ты впредь легко обошлась без нашей скромной помощи.

Выйдя из комнаты, они увидели ожидавшего их Харана. Шучорита, не хотевшая омрачать этот день недобрыми чувствами, приветливо поздоровалась с ним.

Харан-бабу тотчас же выпрямился в своем кресле и изрек:

— Шучорита, этот день, когда ты отступаешь от истины, которой столько времени следовала, — черный день для всех нас.

Шучорита не ответила, но гармония мира и печали, царившая до этой минуты в ее сердце, была нарушена.

— Только собственная совесть может подсказать человеку, отступает ли он или, наоборот, делает шаг вперед. Судить со стороны — в большинстве случаев напрасный труд, — сказал Пореш-бабу.

— Не хотите ли вы этим сказать, — спросил Харан, — что не испытываете опасений за будущее и не видите повода к раскаянию за прошедшее?

— Я, Пану-бабу, всегда гоню от себя прочь мнимые страхи, которые являются не чем иным, как плодом воображения. Что же касается поводов к раскаянию, то я узнаю о них только, когда раскаяние придет.

— А то, что ваша дочь Лолита одна с Биноем-бабу приехала на пароходе, это что, тоже плод воображения?

Шучорита вспыхнула, в то время как Пореш-бабу спокойно ответил:

— Вы, Пану-бабу, очевидно, чем-то сильно возбуждены, и было бы несправедливо по отношению к вам заставлять вас в таком состоянии обсуждать подобные вопросы.

Харан-бабу тряхнул головой.

— Я никогда ничего не обсуждаю в возбужденном состоянии, — сказал он. — Я всегда отвечаю за свои слова, так что обо мне вам беспокоиться нечего. Все, что я сказал, я сказал не от себя лично, а как представитель «Брахмо Самаджа», и говорю потому, что не считаю себя вправе молчать. Если бы вы не были ослеплены, уже из одного того, что Лолита рискнула поехать на пароходе вдвоем с Биносем-бабу, вы должны были бы заключить, что вашу семью начало относить в сторону от надежного причала. Здесь вопрос не только в том, что у вас появится повод к раскаянию, — это еще и дискредитирует «Брахмо Самадж».

— Если вы задались целью порицать, то поверхностного взгляда, конечно, вполне достаточно, но если вы хотите дать событию правильную оценку, то для этого нужно вникнуть в дело глубже. Всякий свершившийся факт сам по себе вовсе не доказывает чьей-то виновности.

— Факты сами собой не свершаются, — ответил Харан. — Видно, в вашей семье не все благополучно, потому такие явления и стали возможными. Вы напустили к себе в дом людей, нам абсолютно чуждых, которые всячески стараются сбить всех вас с твердых устоев. Неужели вы сами не видите, куда они успели уже вас завести?

— Боюсь, Пану-бабу, что мы с вами видим вещи по-разному. — В голосе Пореша-бабу зазвучало раздражение.

— То есть, может быть, вы отказываетесь видеть, но вот вам беспристрастный свидетель — Шучорита. Пусть она скажет нам, ограничены ли отношения Лолиты и Биноя чисто внешними рамками или они пустили глубокие корни? Нет, Шучорита, прежде чем уходить, ответь-ка на мой вопрос. Дело ведь далеко не шуточное.

— Возможно, — сказала сухо Шучорита, — но вас оно не касается.

— Если бы оно меня не касалось, то я не только говорить, но и думать о нем не стал бы, — сказал Харан-бабу. — Вполне возможно, что мнение «Брахмо Самаджа» вас несколько не тревожит, но поскольку вы являетесь его членами, ему волей-неволей приходится спрашивать с вас.

В комнату вихрем ворвалась Лолита.

— Если «Брахмо Самадж» назначил судьей вас, то нам в этом Обществе вообще делать нечего.

— Ты очень кстати пришла, Лолита, — сказал Харан, поднимаясь с кресла. — Я считаю, что обвинение, выдвинутое против тебя, должно рассматриваться в твоём присутствии.

Теперь Шучорита по-настоящему рассердилась.

— Знаете что, Харан-бабу, — крикнула она, сверкнув глазами, — вы можете, если хотите, устраивать судебные процессы у себя, но никто вам не позволит оскорблять людей в их собственном доме! Кто вам дал на это право? Идем, Лолита!

Лолита не тронулась с места.

— Нет, диди, я не побегу. Я готова выслушать все, что имеет сказать мне Пану-бабу. Итак, я вас слушаю!

Поскольку Харан-бабу молчал, не зная, с чего начать, заговорил Пореш-бабу.

— Лолита, дорогая моя, — сказал он, — сегодня Шучорита уходит от нас. Давайте же не будем в этот день ссориться. Пану-бабу, какие бы ошибки не допустили мы в прошлом, сегодня не время укорять нас в них.

Харану ничего не оставалось, как замолчать. Странно, чем яснее Шучорита показывала, что не желает иметь с ним ничего общего, тем упорнее добивался он ее. Нет, от своих надежд Харан даже теперь отнюдь не отказался; потому-то он и лез на стену из-за предстоящего переезда Шучориты на новую квартиру вместе с теткой-индуисткой, зная, что там его усилия будут бесплодны.

Итак, сегодня он пришел во всеоружии, готовый к бою, готовый добиться решения тут же и во что бы то ни стало. Он был уверен, что его слова будут бить прямым попаданием в цель. Он совершенно не предполагал, что Шучорита и Лолита придут тоже не безоружными и на удар сумеют ответить ударом. Но как бы он ни был разочарован таким поворотом дела, духом Харан-бабу отнюдь не пал. «Истина — иными словами сам Харан — неминуемо восторжествует». Это был издавна его девиз! Но конечно, победа сама в руки не дается... И Харан-бабу стал готовиться к дальнейшей борьбе.

Шучорита тем временем пошла к тетке.

— Тетя, ты не сердись, — сказала она, — сегодня я пообедаю вместе со всеми.

На это Хоримохини ничего не ответила. Она думала, что Шучорита окончательно перешла в истинную веру; более того, она считала, что теперь, получив материальную независимость и переехав в отдельный дом, они заживут наконец по-своему. И ей вовсе не понравилось, что Шучорита опять решила взяться за старое. Потому-то она и не ответила девушке.

Шучорита догадалась, что у нее на уме, и сказала:

— Уверю тебя, тетя, что твой бог не будет в претензии. Я получила сегодня указание свыше есть вместе со всеми. Если я ослушаюсь, господь разгневется, а его гнев для меня страшнее, чем твой.

Этого Хоримохини уже никак не понимала. Пока ей приходилось терпеть нападки и оскорбления Бароды, Шучорита делала с ней все обиды и вела себя как настоящая индуистка. Теперь же, когда настал час освобождения, она, вместо того, чтобы радоваться, бог знает что выдумала. Было очевидно, что Хоримохини не постигла всей глубины души своей племянницы — да и не по плечу, вероятно, ей это было.

Запретить обедать со всеми она ей не запретила, но осталась недовольна. «И откуда только у нее это пристрастие к поганой еде? — ворчала Хоримохини про себя. — А еще родилась в семье брахмана».

И, помолчав немного, добавила вслух:

— Я тебе только вот что скажу: насчет того, чтобы есть с ними — делай как знаешь, но по крайней мере не принимай воду, которую приносит водонос Рамдин.

— Но почему, тетя? — воскликнула Шучорита. — Ведь это тот же самый Рамдин, который каждое утро приносит тебе молоко от своей коровы и сам ее к тому же и доит.

Хоримохини даже глаза выпучила от изумления:

— Ты меня просто удивляешь! Сравнила молоко с водой! Ну и ну!

— Ладно, тетя, — рассмеялась Шучорита. — Сегодня я не буду пить воду из рук Рамдина. Но только имей в виду, лучше не запрещай этого Шотишу, а то он сделает как раз наоборот.

— Так то Шотиш... — протянула Хоримохини.

В конце концов сильный пол на то и силен, чтобы нарушать правила дисциплины, хотя бы даже индуистские.

Харан вступил на путь войны.

Прошло почти полмесяца с тех пор, как Лолита приехала с Биноем на пароходе. Кое-кому уже стало известно об этом, со временем, несомненно, узнали бы и многие другие, но за последние два дня сенсационная новость распространилась по городу, как огонь в сухой соломе.

Харан многим разъяснил, сколь необходимо пресекать подобного рода распушенность в отдельных членах Общества в целях поддержания морального уровня брахмантской семьи на должной высоте. Трудности это не представляло, потому что всегда приятно живо откликнуться на призыв заклеить кого-то позором и соответствующим образом наказать чужие прегрешения. Большинство видных членов «Брахмо Самаджа», отбросив ложную скромность, с завидным энтузиазмом объединились вокруг Харана-бабу для выполнения этой тягостной обязанности. Эти столпы Общества, не считаясь с расходами на извозчиков, стали разъезжать из дома в дом, трубя об опасности, грозящей «Брахмо Самаджу», если такого рода явления не будут пресечены в корне.

В добавление ко всему из уст в уста передавалась весть о том, что Шучорита не только ударилась в правоверие, но к тому же еще поселилась с теткой-индуисткой и целые дни проводит в иступленных молитвах перед идолом.

А тем временем, не успела Шучорита переехать в свой дом, как в душе Лолиты началась жестокая борьба. Каждый вечер, ложась спать, она говорила себе «не сдамся», и каждое утро, проснувшись, повторяла «ни за что не сдамся». Потому что дело дошло до того, что все ее мысли были заняты исключительно Биноем. Стоило ей услышать его голос внизу, как сердце ее начинало учащенно биться. Стоило ему не зайти к ним день-другой, и ее уже одолевало чувство оскорбленной гордости. В таких случаях она под разными предлогами засылала Шотиша к Биною и, когда тот возвращался, старательно выпытывала у него, о чем они разговаривали, что делает Биною и так далее.

И чем больше это наваждение овладевало Лолитой,

тем страшнее ей становилось при мысли о неизбежном поражении. Временами она начинала даже сердиться на Пореша-бабу за то, что тот не пресек их дружбы с Биноем и Горой.

Во всяком случае, теперь, более чем когда-либо, она была исполнена решимости бороться до конца, погибнуть, но не сдаться. В голове девушки возникали различные планы дальнейшего существования. Она даже стала думать, не последовать ли ей славному примеру героинь некоторых европейских романов, всю жизнь свою отдавших служению ближнему.

Как-то раз она пришла к Порешу-бабу и спросила:

— Скажи, отец, разве нельзя мне заняться преподаванием в какой-нибудь женской школе?

Пореш-бабу посмотрел в лицо дочери. Измученные сердечной болью, глаза молили о помощи.

— Отчего бы нет, — ответил ласково Пореш. — Только вот есть ли у нас подходящая школа?

В те времена подходящих школ было немного, потому что, хотя женские начальные школы и существовали, девушки из хороших семейств неохотно шли преподавать туда.

— А разве таких школ нет? — спросила Лолита, и в голосе ее зазвучало отчаяние.

— Насколько мне известно, нет, — пришлось признаться Порешу-бабу.

— Хорошо, а нельзя ли тогда самим открыть школу? — не унималась Лолита.

— Для этого потребуется много денег, — сказал Пореш-бабу, — и к тому же содействие многих людей.

Лолита раньше думала, что главная трудность состоит в том, чтобы пробудить в людях желание сделать доброе дело, она не представляла, сколько препятствий лежит на пути к осуществлению такого желания. Она молча сидела некоторое время, затем поднялась и вышла из комнаты, предоставив Порешу-бабу размышлять о причинах душевной тоски у любимой дочери.

Вдруг он вспомнил намеки Харана насчет Биноя. «Неужели я тогда, действительно, поступил необдуманно?» — с тяжелым вздохом спросил он себя.

Будь это любая другая из его дочерей, причин для особого беспокойства не было бы, но цельная, искренняя

Лолита слишком серьезно относилась к жизни — даже радости ее и печали никогда не бывали половинчатыми.

Как же она будет жить дальше, преследуемая незаслуженными упреками и оскорблениями? Плыть вперед, не видя перед собой ни проблеска, ни просвета? Разве могла она отдаться на волю воли?

В полдень того же дня Лолита отправилась к Шучорите. Обставлен дом был более чем скромно. В большой комнате на полу лежала грубая деревянная циновка. По одну сторону ее была постель Хоримохини, по другую — Шучориты. Поскольку тетка отказывалась спать на кровати, Шучорита, следуя ее примеру, тоже устроила себе постель на полу в той же комнате. На стене висел портрет Пореша-бабу. В соседней комнате, поменьше, стояла кровать Шотиша, на небольшом столе у стены, в беспорядке были разбросаны книги, тетради, черпильница, перья, грифельная доска. Шотиш был сейчас в школе, и в доме царил тишина.

Хоримохини как раз укладывалась поспать после обеда. Шучорита с распушенными по плечам волосами сидела погруженная в чтение на своей постели, положив книгу на колени поверх подушки. Еще несколько книг лежало перед ней. Это были сборники статей Горы.

Увидев Лолиту, Шучорита смутилась и захлопнула было книгу, но тут же, устыдившись, снова открыла ее.

— Проходи, проходи, моя милая, — сказала Хоримохини, сев на постели. — Разве я не вижу, как Шучорита по вас по всех скучает. Как загрустит, так за эти книги берется. Я только подумала: хорошо бы, кто-нибудь из вас зашел, а ты уже тут как тут. Долго будешь жить, дочка.

Лолита, не тратя лишних слов, сразу же заговорила о том, что ее больше всего интересовало:

— Диди, как ты смотришь на то, чтобы открыть школу для девочек нашего квартала?

Хоримохини даже рот разинула от изумления:

— Подумать только! Да на что тебе школа?

— Как же мы ее откроем? — спросила Шучорита. — Кто поможет вам? Ты говорила с отцом?

— Ведь мы же с тобой можем преподавать, — ответила Лолита. — Может быть, и Лабонне согласится.

— Дело не только в преподавании, — возразила Шучорита. — Нужно разработать особые правила, найти помещение, набрать учениц, достать деньги. Что можем тут сделать мы с тобой?

— Не говори так, диди! — воскликнула Лолита. — Неужели из-за того, что мы родились девочками, мы должны попусту тратить свои силы, запершись в четырех стенах? Разве мы совсем уж ни на что не годны?

Боль, прозвучавшая в ее словах, нашла отклик в сердце Шучориты. Она серьезно задумалась над предложением Лолиты.

— Ведь по соседству сколько угодно девочек, — продолжала Лолита, — их родители будут только рады, если мы предложим учить их бесплатно. Что же касается помещения, то для начала нам хватит места хотя бы тут, у тебя — ведь учениц у нас будет не бог весть сколько. Так что вопрос денег тоже не так уж страшен.

Хоримохини не на шутку всполошилась при мысли, что какие-то неизвестные соседские девочки пабьются к ним в дом и будут учиться. Все ее старания были направлены на то, чтобы вести праведную жизнь, выполнять религиозные обряды так, как это предписано священным писанием, и всеми силами стараться не оскверниться. Поскольку угроза осквернения становилась вполне реальной, Хоримохини начала громко выражать протест.

— Тебе нечего бояться, тетя, — успокаивала ее Шучорита. — Если нам вообще удастся набрать учениц, то мы прекрасно сможем заниматься с ними внизу, мы не будем пускать их наверх беспокоить тебя. Что ж, Лолита, если найдутся ученицы — я согласна, — повернулась она к сестре.

— Во всяком случае, я считаю, что попытаться стоит, — сказала Лолита.

Хоримохини продолжала понемногу ворчать:

— И что это вы во всем хотите подражать христианам, дорогие мои. Отроду не слыхала, чтобы девушка из хорошей индуистской семьи шла в учительницы.

Когда Шучорита жила у Пореша-бабу, вместе с сестрами она частенько выходила на крышу поболтать с девушками из соседних домов. Одно обстоятельство,

однако, серьезно мешало дальнейшему развитию их дружбы — соседки донимали сестер расспросами, почему они до сих пор не вышли замуж. Поэтому Лолита по возможности избегала этих бесед.

Лабонне же, наоборот, была горячей сторонницей такого времяпрепровождения. Когда дело касалось чужих семейных историй, ее любопытство не знало границ. Ежедневные «журфиксы» на крыше, куда они выходили расчесывать волосы, пользовались большим успехом, и во время них самые разнообразные новости летели от соседки к соседке по беспроволочному телеграфу.

Потому Лолита и возложила на Лабонне обязанность подобрать учениц для своей предполагаемой школы, и когда предложение было обнародовано с высоты крыши, многие девушки проявили к нему горячий интерес. Лолита тем временем принялась с энтузиазмом мести, мыть и украшать помещение.

Но комната оставалась пустой. Главы семейств были до глубины души возмущены этой попыткой заманить их дочерей в брахмаистский дом под предлогом обучения. Они даже сочли своим долгом строжайше запретить своим дочерям всякие дальнейшие сношения с дочерьми Пореша-бабу. Таким образом, девочки не только лишились теперь удовольствия прогуливаться по вечерам на крыше, но должны были еще и выслушивать немало нелестных слов о своих подругах-брахмаистках.

Теперь бедная Лабонне, выходя на крышу с гребенкой в руках, видела на крышах соседних домов одних только взрослых. Представительниц младшего поколения не наблюдалось, и привычных приветствий тоже слышно не было.

Но и это не остановило Лолиту.

«Ведь многие девочки из бедных брахмаистских семей не могут учиться в платных школах, — решила она, — мы принесем большую пользу, если возьмемся их учить».

И, призвав на помощь Шудхира, она отправилась на поиски новых учениц.

Дочери Пореша-бабу слыли чрезвычайно образованными девушками. И хотя эта слава была в значительной мере преувеличена, многие родители очень обрадовались, услышав, что Лолита и Шучорита собираются учить их

детей, да еще бесплатно. Уже через несколько дней в школе Лолиты насчитывалось шесть учениц, и она была так поглощена обсуждением с Поршем-бабу всяких административных вопросов, что на свои собственные дела у нее не оставалось ни минуты. У нее даже возник однажды с Лабонне горячий спор относительно того, какими книгами наградить учениц в конце года, когда пройдут экзамены, и кто будет экзаменовать их. Хотя Лабонне с Хараном в восторге друг от друга никогда не были, Лабонне твердо верила в его ученость и немало не сомневалась в том, что если бы Харан согласился помочь им в школьных делах как учитель или экзаменатор, то слава школы значительно возросла бы. Но Лолита от этого наотрез отказалась. Ей было думать противно, что Харан может принять какое-нибудь участие в их работе.

Однако уже через несколько дней группа учениц начала таять, и вскоре настал день, когда школа совсем опустела. Сидя в пустом классе, Лолита каждый раз вздрагивала при звуке шагов, все еще надеясь, что это идет одна из ее учениц. Но никто не шел. Просидев таким образом до двух часов, Лолита наконец решила: что-то, вероятно, случилось. И она отправилась на дом к одной из учениц, жившей поблизости.

— Мама не пускает, — сказала девочка, едва сдерживая слезы.

— В доме от этого одни нелады, — объяснила мать.

Однако осталось неясным, что же, собственно, не ладится. Лолита была чуткой девушкой и не любила настаивать или добиваться исчерпывающего ответа, поэтому она сказала только:

— Ну раз нелады, то ничего не поделаешь.

В следующем доме Лолита услышала другое объяснение. «Шучорита стала правоверной. — заявили ей сплеча, — кастовые обряды соблюдает и кланяется идолам, которых держат в доме».

— Если вы возражаете только против этого, то можно заниматься у нас, — сказала девушка.

Но поскольку и это не помогло, Лолита почувствовала, что тут кроется что-то еще. Поэтому, не заходя больше ни к кому, она пошла домой и послала за Шудхиром.

— Скажи мне, Шудхир, что же в конце концов случилось? — спросила она его.

— Пану-бабу ополчился против вашей школы, — ответил Шудхир.

— Почему? — спросила Лолита. — Неужели потому, что в доме у диди поклоняются идолу?

— Не только поэтому... — начал было Шудхир, но осекся.

— Так в чем же дело? — нетерпеливо воскликнула Лолита. — Скажи мне!

— Это длинная история, — попробовал отвертеться Шудхир.

— Что-нибудь касающееся меня?

Ответа не последовало. Краска залила лицо девушки.

— Ах вот оно что — меня наказывают за поездку на пароходе! Значит, в нашем «Самадже» искупление грехов исключается — так, что ли? Значит, теперь меня в нашем Обществе к добрым делам больше не подпустят? И таким путем вы собираетесь морально возвысить меня, а заодно и «Самадж»?

Пытаясь как-то сгладить углы, Шудхир сказал:

— Дело обстоит не совсем так. Чего они действительно боятся, это как бы Биной-бабу со своим приятелем не вмешались мало-помалу в ваши школьные дела.

Но Лолита только еще больше рассердилась.

— Боятся? — воскликнула она, — не пугаться нужно, а радоваться этому. Интересно, могли бы они предложить нам в помощь кого-нибудь, кто располагал бы хотя бы половиной знаний Биной-бабу?

— Тоже верно... — пробормотал сбитый с толку Шудхир, — но ведь Биной-бабу...

— Не брахманст? Это я и сама знаю. И поэтому «Брахмо Самадж» преследует и травит его! По-моему, таким Обществом гордиться нечего.

Шучорита сразу поняла истинную причину бегства учениц из школы. Не говоря ни слова, она вышла из класса и поднялась наверх к Шотишу, чтобы позаниматься с ним и проверить его знания перед надвигающимися экзаменами.

Там, после разговора с Шудхиром, Лолита и нашла ее.

— Ты слышала, что произошло? — спросила она.

— Слышать не слышала, но и без этого все поняла, — ответила Шучорита.

— Неужели мы должны молча все это терпеть?

Шучорита взяла Лолиту за руку:

— Мы будем молча терпеть, что бы ни случилось — ведь в терпении нет ничего позорного. Разве ты не видишь, как спокойно сносит все отец?

— Но мне часто кажется, диди, — возразила Лолита, — что безропотно терпеть зло — значит поощрять его. Гораздо более верное средство против зла — борьба.

— И как же ты собираешься бороться? — спросила Шучорита.

— Я об этом еще не думала, — ответила Лолита. — Я даже не знаю своих сил, но что-то делать, несомненно, надо. Тех, кто способен из-за угла наносить удары нам — совсем еще девочкам, иначе, как трусами, не назовешь, что бы они сами о себе ни воображали. Пусть они делают, что угодно, я ни за что не отступлю перед ними, ни за что! — И Лолита даже топнула ногой.

Шучорита не отвечала и только молча гладила ее руку. Потом, немного погодя, она сказала:

— Лолита, миленькая, давай узнаем, что думает по этому поводу отец.

— Я как раз собираюсь к нему, — ответила Лолита, поднимаясь.

Подходя к дому, Лолита увидела, как из дверей по-нуро вышел Биной. Заметив ее, он на минуту остановился, словно в нерешительности — заговорить с ней или нет, но тут же взял себя в руки, слегка поклонился и пошел прочь, не взглянув на нее.

Словно раскаленная стрела вонзилась в сердце Лолиты. Она быстрыми шагами вошла в дом и отправилась прямо в комнату матери. Бародашундори сидела за столом, раскрыв узкую длинную тетрадь, и, по-видимому, была погружена в какие-то сложные хозяйственные расчеты.

Бародашундори с первого же взгляда поняла, что выражение лица дочери не сулит ничего хорошего, и сразу же

снова занялась своими подсчетами, причем вид у нее был такой озабоченный, словно все благосостояние семьи зависело от того, сойдется ли итог.

Лолита придвинула стул к столу и села. Но ее мать так и не оторвалась от тетрадки. Наконец Лолита окликнула ее:

— Ма!

— погоди минутку, девочка, — недовольно отозвалась Бародашундори, — разве ты не видишь, что я... — И она еще ниже склонилась над цифрами.

— Я не буду тебе долго надоедать, — сказала Лолита. — Я хочу знать только одну вещь: Биной-бабу был здесь?

Не поднимая глаз от тетрадки, Бародашундори ответила:

— Да.

— Что ты ему сказала?

— Ну, об этом долго рассказывать!

— Я только хочу знать, говорили вы обо мне или нет? — не отставала Лолита.

Видя, что деваться некуда, Барода бросила перо и, посмотрев на дочь, сказала:

— Да, дитя мое, говорили. Разве я не вижу, как далеко все это зашло. Все в «Самадже» говорят об этом. Так что мне пришлось предупредить его.

От стыда Лолита покраснела до корней волос.

— Отец запретил Биною-бабу бывать у нас? — спросила она.

— Разве станет твой отец беспокоиться о таких вещах? Если бы он хоть немного подумал, ничего этого не случилось бы.

— А Пану-бабу можно бывать у нас по-старому? — продолжила вопрос Лолита.

— Ну, что ты говоришь?! — изумилась Бародашундори. — С какой стати нам отказывать от дома Пану-бабу?

— А с какой стати отказывать Биною-бабу?

Бародашундори снова придвинула к себе тетрадь и сказала:

— Тебя не переговоришь, не мешай мне теперь. Мне столько еще надо сделать.

Среди дня, воспользовавшись тем, что Лолита ушла к Шучорите на занятия, Бареда пригласила Биноя и высказала ему все, что думала. Она рассчитывала, что Лолита никогда не узнает об этом, и теперь, увидев, что ее хитрость оказалась разгаданной, она очень расстроилась. Ей было очевидно, что миром это дело не кончится и что еще худшие неприятности ждут ее впереди. Однако весь свой гнев она обратила на своего безответственного супруга. «Какая мука для женщины, — думала она, — вести дом, когда рядом с ней находится такая бестолочь!»

Лолита удалилась, унося в сердце бурю. Спустившись вниз, она застала Пореша-бабу за писанием писем. Не тратя лишних слов, она в упор спросила его:

— Отец, разве Биной-бабу недостойн нашего общества?

Пореш-бабу сразу догадался, в чем дело. Он не мог не заметить возбуждения, охватившего в последнее время «Брахмо-Самадж», и знал, что атаки будут направлены против его семьи. Он уже много думал над этим. Не подозревая он о чувстве Лолиты к Биную, он не стал бы и слушать, что болтают досужие языки. Но что, если Лолита полюбила Биноя? В чем тогда состоит его долг по отношению к ним? — снова и снова спрашивал он себя.

В его семье назревал кризис — впервые с тех пор, как он открыто порвал с индуизмом, чтобы вступить в «Брахмо Самадж». И хотя, с одной стороны, опасения и мрачные предчувствия и одолевали его, встрепенувшаяся совесть напоминала, что, подобно тому как в свое время, отрекаясь от веры отцов, он следовал одному лишь зову господнему, так и теперь в этот час испытаний ему надлежит поставить истину превыше всех общественных условностей и соображений благоразумия и только так он выйдет в конце концов победителем.

Поэтому в ответ на вопрос Лолиты Пореш-бабу сказал:

— О Биное я могу сказать только хорошее. Человек он прекрасный и не только умен, но и в высшей степени порядочен.

— За последние несколько дней мать Гоурмохона-бабу уже дважды была у нас, — сказала Лолита после короткого молчания. — Что, если мы с Шучоритой сходим к ней сегодня с ответным визитом?

Пореш-бабу не смог сразу ответить, так как знал, что теперь, когда почти каждый шаг его семьи не остается незамеченным, такой визит подольет лишь масла в огонь. Но поскольку сам он не видел тут ничего предосудительного, он просто не мог отказать дочери.

— Хорошо, ступайте, — сказал он. — Не будь я так занят, я бы тоже пошел с вами.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

Биною и не снилось, что его посещения дома Пореша-бабу, где он столь беспечно проводил время в качестве гостя и друга, могут вызвать такой взрыв общественного негодования. На первых порах, когда он только начал бывать там, он немного стеснялся и, не зная, как следует себя вести, держался связанно и настороженно. Но постепенно робость прошла, и уж ничто не мешало ему чувствовать себя свободно. Услышав впервые, что его поведение сделало Лолиту предметом кривотолков среди членов «Брахмо Самаджа», он был потрясен до глубины души. Больше всего Биной приводило в отчаяние то, что его чувства к Лолите — как он сам прекрасно сознавал — далеко не нечерпывались просто дружбой, а при теперешнем положении дел, когда одна часть общества так резко противостоит другой, вынашивать подобные чувства ему казалось преступным. Он часто думал, что, строго говоря, назвать его близким другом этой семьи нельзя, что в одном отношении, во всяком случае, он обманывает окружающих, и знал, что если бы они догадались о его истинных чувствах, он сгорел бы со стыда.

И вот в один прекрасный день он получил записку от Бародашундори, в которой она убедительно просила его зайти к ней около полудня.

Когда он пришел, Бародашундори спросила его:

— Ведь вы индунст, Биной-бабу? — И когда он ответил утвердительно, задала следующий вопрос: — И вы не предполагаете порвать с индуизмом?

Узнав, что делать этого он не собирается, Бародашундори сказала:

— Так что же вы...

На этот недосказанный вопрос Биной не мог дать никакого определенного ответа. Он сидел, глядя в сторону, с таким чувством, будто его наконец уличили в преступлении: оказывается то, чем он не делился ни с луной, ни с солнцем, что скрывал даже от воздуха, было известно здесь всем. Его сверлила мысль, что думает об этом Пореша-бабу, что думает об этом Лолита, что думает о нем Шучорита? По недосмотру кого-то из ангелов, он попал ненадолго в этот рай, но прошло немного времени, и вот его уже изгоняют оттуда и он бежит прочь, низко опустив голову.

Когда, выходя из дома Пореша-бабу, он увидел Лолиту, у него на миг зародилась мысль признаться ей в своем великом прегрешении и окончательно зачеркнуть их былую дружбу — но как это сделать, он не знал — а поэтому, слегка поклонился и, не глядя на нее, пошел прочь.

Еще совсем недавно Биной в семье Пореша-бабу был чужим. И вот он снова оказался им. Чужой! Но какая разница! Почему так пусто стало все вокруг? Кажется, жизнь его ничем не изменилась, по-прежнему были у него его Гора и его Анонодомойн. Но сейчас он чувствовал себя, как рыба, которую выбросили на берег — и куда ни глянь, нигде нет спасения. Повсюду в этом шумном многолюдном городе ему мерещились туманные картины гибели, нависшей над ним. Его самого удивляла эта безжизненная пустота, объявшаая вселенную, и он то и дело спрашивал равнодушное небо, почему так случилось и почему и когда это стало возможным?

Вдруг он услышал, что кто-то зовет его:

— Биной-бабу! Биной-бабу!

И, оглянувшись, увидел бежавшего за ним Шотиша.
— Братишка ты мой! В чем дело, дружок? — воскликнул он, поймав мальчика в свои объятия. Слезы комом подступили к горлу Биной. Раньше он и не догадывался, как дорога ему дружба с этим шалуном.

— Отчего же вы к нам не заходите? — спросил Шотиш. — Завтра Лабонне и Лолита придут к нам обедать, и тетя послала меня пригласить вас.

Из этого Биной понял, что тетя пока что ничего не знает, поэтому он сказал:

В студии Обонидронатха Тагора —
рисунок художника Нондолала Бошу.

— Шотиш-бабу, передай от меня поклон тете и скажи, что я не смогу прийти.

Вздвигнув руку Биной, Шотиш начал уговаривать:

— Почему не сможете? Вы должны прийти. Мы хотим, чтобы вы непременно были.

У Шотиша была особая причина так горячо упрашивать Биной. В школе им задавали сочинение на тему «Любовь к животным», и он получил за него хорошую отметку, так что теперь ему не терпелось показать свой труд Биной. Он знал, что его друг умен и образован, и потому решил, что человек с таким тонким вкусом, как Биной, сумеет оценить по достоинству его произведение. И если, например, удастся добиться от Биной признания, что сочинение действительно написано отлично, тогда завосчивую Лилу, если она посмеет непочтительно отозваться о его талантах, можно будет просто не замечать. Шотиш сам уговорил тетю пригласить Биной-бабу, потому что ему хотелось, чтобы Биной вынес оценку его сочинения в присутствии сестер.

Услышав, что Биной никак не может воспользоваться приглашением, он очень расстроился, так что Биной обнял его и сказал:

— Знаешь что, Шотиш, пойдем ко мне.

Поскольку сочинение находилось в кармане, отказаться от приглашения мальчик был не в силах.

Сознавая, что он совершает преступление, тратя драгоценные часы, которые следовало посвятить подготовке к экзаменам, Шотиш, снедаемый жаждой литературной славы, пошел к Биной.

Биной никак не хотелось отпускать юного приятеля. Он не только прослушал сочинение, но и похвалил его, что, с точки зрения беспристрастной критики, было уже лишним. Не довольствуясь этим, он послал на базар за лакомствами и совершенно закармлил ими своего гостя. Затем он проводил его почти до самых дверей дома Пореша-бабу и, прощаясь с ним, сказал в каком-то незеленом замешательстве:

— Ну, Шотиш, мне пора...

Но мальчик схватил Биной за руку, стараясь втащить в дом.

— Нет, нет, пойдите к вам, — говорил он.

Сегодня, однако, уговоры не принесли желаемых плодов.

Как во сне, побрел Бинной к дому Анондомайи. Не найдя ее, он поднялся на крышу и вошел в опустевшую комнату, где обычно спал Гора. Сколько радостных дней и безмятежных ночей провели они в этой комнате во времена своей мальчишеской дружбы! Сколько было веселых бесед, сколько планов, сколько споров! Сколько горячих ссор и шумных примирений! Бинною хотелось вернуться в мир прошлого, забыв о настоящем. Но на пути к этому миру стояли новые друзья и не пускали его. До сих пор Бинной не мог ясно себе представить, в какой момент переместился центр его жизни, когда именно изменился ее курс. Теперь, когда он понял все до конца, ему стало жутко.

Анондомайи развесила на крыше белье. Придя снимать его под вечер, она очень удивилась, увидев в комнате Горы Бинной. Она поспешно подошла к нему и, положив руку на плечо, спросила:

— Что с тобой, Бинной? Что случилось? Почему ты такой бледный?

— Ма, — сказал Бинной, поднимаясь, — Гора сердился, когда я зачастил к Порешу-бабу. Тогда мне казалось, что он несправедлив ко мне. Но дело оказалось не в его несправедливости, а в моей глупости.

— Я вовсе не утверждаю, что ты у нас на редкость умен, — улыбнулась Анондомайи. — Но расскажи, в чем же заключается твоя глупость на этот раз?

— Я ни на минуту не задумывался над тем, что мы и они — это два совершенно разных мира. Мне просто казалось, что дружить с ними, брать с них пример приятно и полезно, — потому-то меня и влекло к ним. Но мне никогда и в голову не приходило, что следует о чем-то беспокоиться.

— Судя по твоему рассказу, — перебила его Анондомайи, — и мне бы не пришло...

— Ты не понимаешь, ма, — сказал Бинной, — из-за меня вокруг них в «Самадже» поднялась целая буря. Пошли такие сплетни, что я к ним никогда больше...

Но Анондомайи не дала ему кончить:

— Гора любил повторять нечто, на мой взгляд, очень правильное. Он говорил: нет хуже, когда снаружи все

гладко, а внутри таится зло. И если у них в «Самадже» буря, то, по-моему, тебе тут горевать нечего. Вот увидишь — это только к лучшему. Все обойдется! Важно, чтобы ты сам ни в чем не мог упрекнуть себя.

Что касается Биной, то как раз в этом и была загвоздка. Он отнюдь не был уверен в безупречности своего поведения. Поскольку Долита принадлежала совершенно к другому обществу и брак с ней был невозможен, то и любовь к ней казалась ему греховной страстью. И теперь его мучила мысль, что наступила пора неизбежной расплаты.

— Эх! — воскликнул вдруг Биной. — Женился бы я лучше на Шошимукхи! Меня следует держать на привязи, чтобы я знал, где мое настоящее место, да так держать, чтобы я не сорвался.

— То есть, — рассмеялась Анондомойи, — ты хочешь сделать из Шоши не хозяйку дома, а цепь. Ничего себе, завидная участь!

В это время вошел слуга и доложил о приходе дочерей Пореша-бабу. Сердце Биной учащенно забилось, он не сомневался, что они пришли к Анондомойи пожаловаться на него и попросить передать ему, чтобы впредь он был осмотрительнее.

— Ну, я пошел, ма, — сказал он, поспешно вставая.

Но Анондомойи взяла его за руку.

— Не уходи совсем, Биной. Подожди внизу.

«Зачем это они? — думал Биной, спускаясь вниз по лестнице. — Что произошло, того уж не поправишь, а теперь я скорее умру, чем пойду туда... Огонь возмездия подобен костру, пылающему и после того, как грешник давно испепелен».

Только он хотел войти в кабинет Горы на нижнем этаже, как в противоположном конце коридора появился возвращавшийся со службы Мохим, который на ходу расстегивал на толстом животе пуговицы чапкана.

— А-а, Биной! — воскликнул Мохим, беря его за руку. — Ты-то мне и нужен!

И он повел Биной в комнату Горы, усадил на стул, сел сам и угостил его паном из металлической коробочки, которую всегда носил при себе.

— Принеси-ка табаку! — грозно крикнул он слуге и затем сразу приступил к делу. — Значит, тот вопрос у нас решен, так что теперь...

Он сразу заметил, что Биной настроен куда более миролюбиво, чем прежде. Собственно, особого энтузиазма он и сейчас не проявил, но уклоняться от объяснения не стал, и когда Мохим заговорил о том, что пора назначить определенный день, ответил:

— Вот вернется Гора, тогда и сговоримся насчет дня.

— Ну, это теперь уж недолго, — довольным тоном сказал Мохим и добавил: — Как насчет того, чтобы закусить, а, Биной? Что-то ты сегодня скверно выглядишь, смотри не захворай.

Биною удалось отвертеться от угощения, и Мохим пошел утолять муки голода к себе. Биной же взял со стола Горы первую попавшуюся книгу, перелистал несколько страниц, затем отбросил ее и принялся шагать из угла в угол, пока не пришел слуга и не сказал, что его зовут наверх.

— Кого зовут? — переспросил Биной.

— Вас, — ответил слуга.

— Они все еще наверху?

— Да.

Биной отправился наверх вслед за слугой с видом студента, идущего на экзамен. В дверях он замешкался, но тут его окликнула Шучорита своим обычным дружеским и ласковым голосом:

— Входите же, Биной-бабу! — И, услышав этот голос, он почувствовал себя так, словно его неожиданно-негаданно озолотили.

Вид Биной поразил девушек. Пережитое потрясение успело сказаться на нем: всегда веселое, смеющееся лицо его вдруг лишилось всех красок, словно цветущее поле после опустошительного набега саранчи. При взгляде на Биной Лолита почувствовала боль и сострадание, но вместе с тем она не могла скрыть и внутренней радости, охватившей ее.

В другое время Лолите трудно было бы заговорить сразу с Биной, но сегодня она обратилась к нему, едва он вошел в комнату:

— Нам нужно кое о чем посоветоваться с вами, Биной-бабу.

При этих словах на Бинюя нахлынул восторг. Он радостно встрепенулся, и сразу же его угрюмое бледное лицо просветлело.

— Мы с сестрами втроем, — продолжала Лолита, — хотим открыть небольшую женскую школу.

— Господи! — воскликнул с жаром Бинюя. — Да я сам всю жизнь мечтал о том же!

— Вам придется помочь нам, — сказала Лолита.

— Все, что в моих силах! Скажите только, что мне нужно делать?

— Мы — брахмисты, поэтому индуисты к нам относятся с недоверием. Вот здесь вам и придется помочь нам.

— Ни о чем не беспокойтесь, — просиял Бинюя. — Это я устрою.

— Уж это он, несомненно, устроит, — вступила в разговор Анондомойи. — Если нужно перетянуть кого-нибудь на свою сторону, лучше Бинюя не найти — перед его красноречием и обаянием никто не устоит.

Лолита продолжала:

— Вам придется помочь нам написать школьный устав, распределить часы занятий, решить, какие предметы преподавать, сколько классов организовать, и вообще во всяких таких вещах.

Хотя все это не составило бы для Бинюя никакого труда, он почувствовал себя смущенным: неужели Лолита не догадывается, что Бародашундори запретила ему всякое общение со своими дочерьми и что в «Брахмо Самадже» против них поднялась буря негодования? Перед ним встал мучительный вопрос: не будет ли нечестно с его стороны, если он примет ее предложение, не повредит ли это ей? Вместе с тем, разве мог он найти в себе силы отказать Лолите в просьбе помочь ей в добром деле?

В свою очередь, изумлена была и Шучорита. Ей никогда и не снилось, что Лолита может сразу обратиться к Бинюю с подобной просьбой. Мало у нее и без этого осложнений из-за Бинюя? Шучориту пугало, что Лолита, зная обо всем, все же решилась самовольно сделать этот шаг. Она понимала, что в душе Лолиты родился протест. Но хорошо ли с ее стороны продолжать запутывать бед-

ного и без того запутавшегося Биной? Поэтому она сказала с некоторой тревогой:

— Не мешало бы сначала посоветоваться об этом с отцом. Так что, Биней-бабу, не радуйтесь преждевременно своему назначению на пост инспектора женской школы.

Из этого Биною стало ясно, что Шучорита старается тактично сдержать Лолиту. И вновь недоумение и страх поднялись в его душе.

Поскольку было очевидно, что Шучорита в курсе семейных осложнений, он не мог себе представить, чтобы и Лолита не знала о них. Но тогда почему же Лолита... Для него это была загадка.

— Конечно, надо поговорить с отцом, — сказала Лолита. — Теперь, когда Биней-бабу согласился помочь нам, мы все расскажем ему. Он не станет возражать, в этом я уверена. Мы и его заставим помогать нашей школе. Вас мы тоже не оставим в покое, — добавила она, повернувшись к Анондомойи.

— Я буду подметать в классах, — засмеялась Анондомойи. — Едва ли я еще на что-нибудь способна.

— Этого больше чем достаточно, — воскликнул Биней. — Чистота по крайней мере в нашей школе будет обеспечена.

После ухода Шучориты и Лолиты Биней отправился погулять в Иден-Гарден. Тем временем к Анондомойи поднялся Мохим.

— Биней, как видно, стал сговорчивее, — начал он. — Теперь хорошо бы поскорее обделать дело, а то кто его знает, вдруг опять передумает.

— Что такое? — воскликнула в изумлении Анондомойи. — С каких это пор Биней опять согласен? Он мне об этом ничего не говорил.

— Да вот только что он сам об этом мне сказал, — ответил Мохим. — Говорит, что, как только вернется Гора, можно будет и день назначить.

Анондомойи покачала головой.

— Нет, Мохим. Ты что-то не так понял. Уверяю тебя.

— Может, конечно, я и туп, — в сердцах ответил Мохим, — но я все-таки вышел из того возраста, когда не понимают простую человеческую речь — это уж будь покойна!

— Дитя мое, — сказала Анондомойи, — ты, конечно, рассердишься на меня за мои слова, но я уверена, что ничего, кроме беды, ты себе этим не наживешь.

— Если ты станешь вмешиваться, — холодно проговорил оп, — беды, конечно, не миновать.

— Я все снесу, Мохим, что бы ни говорили ты и твоя семья. Но я не могу дать своего согласия на то, что неминуемо кончится бедой. Это ведь я вам же на пользу говорю.

— Предоставь уж нам самим решать, что нам на пользу и что нет, — сказал Мохим довольно резко. — Тогда тебе, по крайней мере, не придется выслушивать жалоб. Может, это как раз и было бы для всех нас к лучшему. Забудь о том, что нам полезно и что нет, до тех пор пока Шошимукхи не будет замужем!

В ответ Анондомойи только тяжело вздохнула. Мохим достал из кармана коробочку, вынул из нее сверточек пана, запихнул его в рот и выбежал вон.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

— Мы брахмаисты, — сказала Лолита, входя в комнату Пореша-бабу, — поэтому ни одна девочка из правоверной индуистской семьи не хочет учиться у нас. Вот я и подумала, что было бы очень полезно привлечь к нашему делу кого-нибудь из индуистов. Что ты скажешь на это, отец?

— Где же вы найдете индуиста, который согласился бы на это?

Лолита специально подготовилась к этому разговору с отцом, зная, как трудно ей будет назвать имя Биной. Однако сейчас она почувствовала внезапную робость. Все же, сделав над собой большое усилие, она сказала:

— Разве это так уж трудно? Есть много подходящих людей. Вот хотя бы Биной-бабу... или...

Произносить это «или» не было решительно никаких оснований, оно было совершенно излишним, и ее фраза так и осталась незаконченной.

— Биной?! — воскликнул Пореш-бабу, — но с какой стати Биной согласится?

Эти слова задели самолюбие Лолиты. Как так, с какой стати! Как будто отец не знал, что кто-кто, а Лолита сумеет уговорить Биноя.

Но она только сказала:

— Не вижу, почему бы ему не согласиться.

Пореш-бабу помолчал.

— Тщательно взвесив все привходящие обстоятельства, он не согласится ни за что.

Лолита густо покраснела и, потупившись, стала брехать ключами, связка которых была прикреплена к краю ее сари. Пореш очень огорчился при виде ее расстроенного личика, но как утешить ее, он не знал.

Так прошло некоторое время. Затем девушка медленно подняла голову.

— Значит, отец, с нашей школой ничего не выйдет?

— Я предвижу, что вы столкнетесь с массой всяких затруднений, — ответил Пореш-бабу. — Сама попытка создать школу обязательно вызовет осуждение и злобные выпады по вашему адресу.

Ничего не могло быть горше для Лолиты, чем необходимость смириться перед такой несправедливостью и уступить победу Харану. Если бы не отец, она ни за что не отступила бы. Неприятности ее не страшили, но несправедливость возмущала до глубины души. Она молча поднялась и вышла из комнаты.

Вернувшись к себе, Лолита нашла на столе письмо. По почерку она догадалась, что оно от школьной подруги Шойлобалы, живущей теперь с мужем в Банкипуре.

Шойлобала, между прочим, писала:

«Я была весьма огорчена дошедшими до меня слухами о всех вас и давно собиралась написать тебе и узнать, в чем дело, но все как-то не было времени. Однако позавчера я получила письмо от одного человека (не буду называть его имени), из которого узнала ошеломляющую новость, касающуюся тебя лично. Я никогда не допустила бы мысли, что это возможно, но человеку, написавшему мне, трудно не верить. Неужели правда, что ты собираешься замуж за какого-то молодого индустра? Если да...» и т. д.

Лолиту даже затрясло от гнева. Не теряя ни секунды, она тут же села писать ответ:

«Мне кажется весьма странным, что ты решила справиться у меня, правда ли то, что тебе сообщили. Неужели ты так мало доверяешь людям, что тебе потребовалось проверять сообщение одного из членов «Брахмо Самаджа»?! Ты пишешь далее, что тебя совершенно ошеломило известие о том, что я собираюсь выйти замуж за какого-то молодого индунста. Позволь возразить тебе на это, что и в «Брахмо Самадже» есть всем известные благочестивые молодые люди, одна мысль о браке с которыми приводит меня в ужас, тогда как я знаю нескольких юношей-индуистов, выйти замуж за которых было бы великой честью для любой девушки из «Брахмо Самаджа». Это все, что я хотела написать тебе по этому поводу».

После ухода Лолиты Пореш не мог заставить себя взяться за работу. Долго сидел он молча, погруженный в раздумье. Затем он поднялся и пошел к Шучорите. Шучориту очень встревожил его расстроенный, огорченный вид. Она прекрасно знала, что послужило причиной его беспокойства, потому что ее собственные мысли вот уже несколько дней были заняты исключительно этим вопросом.

Пореш-бабу прошел с Шучоритой в ее скромную комнату, опустился на стул и сказал:

— Ну, дорогая, пришло время серьезно подумать о Лолите.

Шучорита посмотрела на него глазами, полными сочувствия.

— Я знаю, отец.

— Меня ничуть не беспокоят сплетни о ней, меня волнует другое... Неужели Лолита...

Видя нерешительность Пореша, Шучорита поняла, что должна сказать ему без утайки все, что думала по этому поводу сама.

— Лолита всегда делилась со мной всеми своими мыслями, но с некоторых пор я замечаю, что она стала гораздо более скрытной. Я очень хорошо понимаю...

— В душе у Лолиты творится что-то такое, — перебил ее Пореш-бабу, — в чем она не хочет признаться даже себе самой. Я думаю и не могу придумать, как тут поступить. Скажи мне... ты не думаешь, что с моей стороны было ошибкой позволить Бипою запросто бывать у нас и так часто видеться с ней?

— Отец, ты же знаешь, что поведение Биноя было безупречным, — сказала Шучорита. — Это честный человек, я искренне считаю, что очень немногие среди наших знакомых могут сравниться с ним в благородстве.

— Ты права, Радха, совершенно права! — горячо воскликнул Пореш-бабу, словно ему открылась вдруг какая-то истина. — Внутренние достоинства человека — вот все, что должно иметь для нас значение. Господь помогает нам увидеть человеческую душу. Мы только должны благодарить бога за то, что Биной оказался таким хорошим человеком и что мы не ошиблись в нем, — и он облегченно вздохнул, как человек, который чуть было не совершил ошибки, но вовремя спохватился.

Пореш-бабу не мог обидеть своего бога. Он твердо верил, что весами, на которых всевышний взвешивает людские дела, служит ему вечная истина. А так как сам Пореш никогда не пользовался фальшивыми гирями, изготовленными его единовверцами, то и себя упрекнуть ему было не в чем. Он лишь удивился самому себе, что не сразу понял такую простую вещь и столько времени мучился зря. Положив руку на голову Шучорите, он сказал:

— Сегодня, дорогая, урок мне преподала ты.

— Нет, нет, что ты, отец! — возразила девушка, быстрым движением касаясь его ног.

— Сектантство приводит к тому, что люди перестают понимать одну простую и несомненную истину, а именно, что человек это прежде всего человек; оно, как водоворот, затягивает людей, и мало-помалу искусственные, ими самими созданные различия между религиями брахманстов и индуистов начинают заслонять саму истину. Вот в таком водовороте ложных понятий и представлений кружился и я все это время.

Помолчав немного, Пореш продолжал:

— Лолита никак не может расстаться с мыслью о женской школе. Она просила меня разрешить ей обратиться за помощью к Биную.

— Нет, отец, — воскликнула Шучорита. — Подожди немного.

Перед мысленным взором Пореша вновь появилось огорченное личико Лолиты в тот момент, когда она уходила из его комнаты, и сердце у него защемило. Он со-

знавал, что его смелая пылкая дочь не столько возмущена несправедливым отношением к ней Общества, сколько тем, что ей не дают бороться против этой несправедливости, причем не дает именно он, ее отец. Ему не терпелось сказать ей, что он передумал, поэтому он спросил:

— Почему же, Радха, почему ты считаешь, что надо подождать?

— Ма будет очень недовольна, — ответила Шучорита.

Пореш-бабу почувствовал, что она права, но прежде чем он успел что-нибудь сказать, в комнату ворвался Шотиш и, подбежав к Шучорите, стал что-то шептать ей на ухо.

— Нет, болтунишка, только не сейчас, — сказала она. — Завтра.

— Но ведь завтра мне идти в школу, — огорчился мальчик.

— В чем дело, Шотиш? Чего ты хочешь? — ласково спросил Пореш-бабу.

— Он... — начала было Шучорита, но Шотиш тотчас же закрыл ей рот ладонью.

— Нет, нет, не говори, диди, не говори! — умолял он.

— Зачем же Шучорита будет говорить, если это секрет? — улыбнулся Пореш.

— Видишь ли, отец, ему самому очень хочется, чтобы ты узнал этот секрет.

— Вот и нет! Вот и нет! — запротестовал мальчик, убегая.

Дело в том, что мальчик хотел показать Шучорите сочинение, столь расхваленное Биноем. Излишне добавлять, что Шучорита сразу догадалась о причине, побудившей Шотиша поднять этот вопрос в присутствии Пореша. Бедный Шотиш и не подозревал, что предмет самых его сокровенных мыслей может с такой легкостью стать достоянием других.

ГЛАВА Сорок седьмая

Спустя четыре дня Харан-бабу явился к Бародашундори с письмом в руке. Он уже оставил всякую надежду повлиять как-нибудь на Пореша-бабу.

— С самого начала я пытался предостеречь вас, — сказал Харан-бабу, вручая Бародашундори письмо, которое

Лолита отправила Шойлобале, — и даже вызвал этим неприязнь всей вашей семьи. Но из этого письма вы поймете, как далеко зашло дело.

Прочитав письмо, Бародашундори воскликнула:

— Но, как же я могла предвидеть все это, скажите пожалуйста! У меня и в мыслях не было, что этим может кончиться. Но имейте в виду, вы очень заблуждаетесь, если хотите возложить ответственность за все это на меня. Вы все общими усилиями вскружили голову Шучорите, восхваляя ее без меры: «Ну разве найдется во всем «Брахмо Самадже» кто-нибудь равный ей!» Вот теперь сами и распутывайте, что ваша несравненная девица натворила. Это она привела в наш дом Биноя с Гоурмохоном, и хотя я приложила все старания к тому, чтобы перетянуть Биноя на нашу сторону, откуда ни возьмись явилась эта «тетя» со своим идолом и все испортила. Теперь Биной, лишь меня завидит, бежит без оглядки. Во всем, что сейчас происходит, виновата ваша Шучорита. Я давно знала, что она за человек, только никому не говорила. Я к ней относилась так, что никто и не догадывался, что она не моя родная дочь, — и вот награда! И совершенно напрасно было показывать мне это письмо. Делайте, что хотите!

Харан-бабу великодушно просил извинения за то, что невольно позволил себе упрекнуть в чем-то Бародашундори, и чистосердечно признался, что в свое время он неправильно понимал ее. В конце концов был призван Пореш-бабу.

— На, полюбуйся! — И Бародашундори швырнула на стол письмо.

Пореш-бабу дважды внимательно прочитал письмо с начала до конца.

— В чем же, собственно, дело? — спокойно спросил он.

— Как в чем дело! — вскипела жена. — Или тебе этого мало? До чего можно дойти таким образом! Ты разрешил, чтобы в твоём доме поклонялись идолу и придерживались кастовых предрассудков, ты все разрешаешь, все... Не хватает только, чтобы ты отдал свою дочь замуж в индуистский дом. А потом тебя охватит раскаяние, и ты сам вернешься к правоверному индуизму. Но только предупреждаю...

— Можешь не предупреждать, — улыбнулся Пореш. — Пока еще необходимости в этом нет. Но вот что я хочу знать: с чего вы вдруг взяли, что Лолита собирается выходить замуж за индуйста? В этом письме нет ничего такого, что подтверждало бы это. Я, во всяком случае, ничего не заметил.

— Я просто не знаю, что еще нужно сделать, чтобы ты прозрел! — воскликнула Барода. — Если бы ты с самого начала не был слеп, ничего подобного не произошло бы. Ну, скажи, можно ли выразиться яснее, чем в этом письме!

— Мне кажется, — вступил в разговор Харан-бабу, — следует показать это письмо Лолите и спросить ее, что она имела в виду. Если разрешите, я сделаю это сам...

Но в это мгновение в комнату, как ураган, влетела Лолита.

— Посмотри, отец. Это члены «Брахмо Самаджа» посылают такие анонимные письма.

Пореш прочитал письмо, полученное Лолитой. Считая, что вопрос брака Лолиты с Биноем втайне решен, автор письма не поспешил на всякого рода оскорбления и советы. Он приписывал также Биною разные дурные намерения, утверждал, что ему скоро надоест жена-брахманстка и что, бросив ее, он женится вторично на какой-нибудь правоверной индуйстке.

Харан взял письмо из рук Пореша и, прочитав его, вернул Лолите.

— Тебя рассердило это письмо, Лолита, — сказал он. — Но не ты ли сама дала повод для него? Скажи нам, как могла ты своей рукой написать вот это?

В первое мгновение Лолита не нашлась что ответить.

— Так это вы переписываетесь с Шойло относительно меня?! — произнесла она наконец.

— Помня о своем долге по отношению к «Брахмо Самаджу», — Харан уклонился от прямого ответа, — Шойло вынуждена была переслать твое письмо мне.

— Скажите же раз и навсегда, что угодно «Брахмо Самаджу»? — спросила Лолита, гордо выпрямившись.

— Я, кажется, единственный человек во всем «Брахмо Самадже», который не верит в слезли о тебе и Биное-

бабу, однако мне хочется из твоих собственных уст услышать решительное опровержение.

Глаза Лолиты загорелись гневом. Дрожащими руками она сжимала спинку стула.

— А, собственно, почему вы этому не верите? — спросила она.

— Ты слишком взволнована сейчас, Лолита, — сказал Пореш-бабу, кладя ей руку на плечо. — Мы поговорим об этом после...

— Раз уж мы начали этот разговор, так давайте продолжим его. Замалчивание ни к чему хорошему не приведет, Пореш-бабу! — вмешался Харан.

Услышав это, Лолита окончательно возмутилась:

— Отец никогда ничего не замалчивает. Он ведь не вы! Знайте, что правды он не боится, она для него дороже «Брахмо Самаджа». Что же касается меня, то я не считаю для себя брак с Биноем-бабу чем-то невозможным или оскорбительным!

— Разве он решил вступить в «Брахмо Самадж»? — спросил Харан.

— Никто ничего не решал. И я вообще не вижу, зачем это нужно.

До сих пор Бародашундори хранила молчание. В душе она мечтала, чтобы Харан-бабу одержал верх в этом споре и Порешу пришлось бы признать свою вину и раскаяться. Но дольше удерживаться она не могла.

— С ума ты сошла, что ли, Лолита? — воскликнула она. — Что ты говоришь?!

— Нет, ма, — ответила Лолита, — я не сошла с ума. Я отвечаю за каждое свое слово. Я не потерплю, чтобы меня онекали все, кому не лень. Я хочу быть свободной от «Самаджа», от Харана-бабу и от всех ему подобных.

— Под свободой ты, очевидно, подразумеваешь отсутствие всяких сдерживающих начал? — ехидно спросил Харан-бабу.

— Нет, — ответила Лолита, — я подразумеваю под ней свободу от подлых нападков, от рабского преклонения перед ложью. Почему «Брахмо Самадж» считает возможным мешать мне делать то, в чем сама я не вижу ничего

дурного, ничего, противоречащего моей религии? Почему он становится на моей дороге?

— Вот видите, Пореш-бабу, — вызывающе заявил Харан. — Я всегда знал, что в конце концов произойдет что-нибудь подобное. Как я ни старался предостеречь вас, мои усилия оказались тщетными.

— Вот что, Харан-бабу, — сказала Лолита. — Позвольте и мне предостеречь вас: не заноситесь настолько, чтобы поучать людей, которые во всех отношениях стоят выше вас, — и с этими словами она быстро вышла из комнаты.

— Что же это такое творится? — воскликнула Бародашундори. — Давайте подумаем, что нам остается делать?

— Нам остается исполнять свой долг, — ответил Пореш-бабу. — Но когда страсти кипят, очень трудно решить, в чем именно он состоит. Извините меня, но сейчас я не в состоянии обсуждать этот вопрос. Мне нужно побыть одному.

ГЛАВА Сорок восьмая

Когда Шучорита услышала о том, что произошло, она решила, что Лолита своей выходкой сильно осложнила и без того запутанное положение. Некоторое время она сидела молча, а затем, обняв сестру, сказала:

— Знаешь, дорогая, все это меня очень пугает.

— Пугает? Почему?

— «Брахмо Самадж» взбудоражен до предела, — сказала Шучорита, — предположи, однако, на минуту, что Биной-бабу вовсе и не думает...

— Он подумает, — твердо ответила Лолита, но невольно потупилась при этом.

— Ты же знаешь, Пану-бабу уверял мать, что Биной никогда не согласится жениться на тебе, если ради этого ему придется порвать со своей общиной. Отчего ты не подумала о всех препятствиях, которые стоят перед вами, прежде чем сказать это Пану-бабу!

— Не воображай, пожалуйста, что я жалею об этом, — вспыхнула Лолита. — Если Пану-бабу и все его приспешники решили, что достаточно загнать меня, как дикого

зверя, на край бездны, и я тут же дамся им в руки, то они жестоко ошиблись. Они не знают, что я предпочту прыгнуть в эту бездну, чем оказаться во власти гавкающей своры их гончих.

— Давай посоветуемся с отцом, — предложила Шучорита.

— Могу тебя заверить, что отец ни за что не примет сторону преследователей. Он никогда не стеснял нашу свободу и никогда не сердился, если мы в чем-нибудь не соглашались с ним. Разве когда-нибудь пользовался он авторитетом «Брахмо Самаджа», чтобы заставить нас замолчать? Как часто ма сердилась на него за это, но отец боялся одного, как бы мы не потеряли смелости мыслить самостоятельно. Так неужели ты думаешь, что, воспитав нас в таком духе, он возьмет и отдаст меня в руки всех этих тюремных надзирателей из «Самаджа» вроде Панубабу!

— Хорошо, допустим, отец не станет препятствовать, — сказала Шучорита. — Но, скажи, как ты намерена поступить в дальнейшем?

— Если вы все предпочтете не вмешиваться, я сама...

— Нет, нет! — встрепенулась Шучорита. — Только не ты, дорогая. Я уже придумала, что надо делать.

В тот же вечер Шучорита собралась пойти поговорить с отцом, но он сам пришел к ней. У него вошло в привычку каждый вечер выходить в эту пору в сад и гулять там в одиночестве, погружившись в свои думы. Ему казалось, что в этот час, когда над землей царят прозрачные сумерки, его душа очищается от темных пятен, оставленных дневными заботами, и на нее снова нисходят мир и тишина, без которых он не мыслил ночного отдыха. Сегодня, однако, он пожертвовал своей вечерней прогулкой и душевным покоем, который она приносила ему. При виде его измученного, осунувшегося лица сердце Шучориты болезненно сжалось: так смотрит нежная мать на ребенка, разметавшегося в жару и забытье, вместо того, чтобы весело шалить и резвиться со своими сверстниками.

— Ты, наверно, уже обо всем слышала, Радха? — мягко спросил Пореш.

— Да, отец, я все знаю, — ответила Шучорита. — Но скажи мне, чего ты боишься? Почему ты так встревожен?

— Я не боюсь. Меня тревожит лишь одно: сможет ли Лолита выдержать натиск той бури, которую сама вызвала? Часто в минуты возбуждения в нас слишком громко говорит самолюбие и молчит разум, но когда потом нам приходится пожинать один за другим плоды своих поступков, не у всех находятся силы вынести это. Достаточно ли хорошо взвесила Лолита все последствия, когда решила поступить так, как поступила?

— Одно я могу сказать тебе с уверенностью — никакие гонения со стороны «Самаджа» не сломят Лолиту.

— Я хочу быть уверенным, — ответил Пореш, — что Лолита не затеяла всего этого сгоряча.

— Нет, отец, — промолвила Шучорита, опустив глаза, — будь это так, я бы никогда и слушать ее не стала. Просто, получив неожиданный удар, она сказала то, о чем уже давно и серьезно думала. И не такая она, чтобы ее можно было сейчас остановить или помешать ей. И потом, отец, ведь Биной-бабу очень хороший человек.

— Да, но согласится ли он вступить в «Брахмо Самадж»?

— Этого я не могу сказать с уверенностью. Отец, а может быть, нам сходить к матери Горы-бабу. Как ты считаешь?

— Я уже и сам думал об этом. Мне кажется, было бы хорошо, если бы ты навестила ее.

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ

Каждое утро Биной заходил к себе домой. Поднявшись сегодня в свою комнату, он обнаружил на столе письмо. Письмо было без подписи. Неизвестный автор убедительно советовал Биною воздержаться от брака с Лолитой и предупреждал, что, женившись на ней, он не только навлечет на себя всякие беды, но сделает несчастной и саму Лолиту. В последних строках письма грубо говорилось о том, что если юноша все же отважится взять Лолиту в жены, то ему не мешает помнить о том, что у девушки слабые легкие и врачи опасаются чахотки.

Прочитав письмо, Биной совершенно растерялся. Он никогда не предполагал, что кто-то был способен на

такую откровенную ложь. Ведь все и так должны были понимать, что принадлежность к разным религиозным обществам делала их брак невозможным. Потому-то он и считал предосудительной свою любовь к Лолите. Из письма же явствовало, что их брак считается делом решенным, и при мысли о том, как чернят в связи с этим Лолиту в «Брахмо Самадже», у него стало нехорошо на душе. Его смущала — нет даже больше — стыдила мысль, что имя Лолиты, склоняя на все лады, ставят рядом с его именем. Он представлял, как должна упрекать себя Лолита за прежние приятельские отношения с ним, как прокликает она день их первой встречи; по всей вероятности, она никогда больше не захочет видеть его.

Но разве можно постичь человеческое сердце! Осыпая себя горькими упреками, Биной не мог не ощущать, как неудержимо растет в его сердце светлое радостное чувство, сметая прочь стыд и боль, причиненные оскорблениями, наполняя всего его горячей нежностью. Чтобы не отдаться целиком во власть этого чувства, он начал быстро шагать взад и вперед по веранде. Но, казалось, сегодня само утро было пронизано неясной тревогой, так что даже крики уличных торговцев будили в нем беспокойство и нетерпение. Может быть, поток клеветы, хлынувший на Лолиту, подхватил ее и принес в надежную гавань его сердца. Воображение невольно рисовало ему се образ — бурное течение уносило Лолиту все дальше и дальше от «Брахмо Самаджа» прямо к нему. «Лолита принадлежит мне, только мне!» — пела его душа. Никогда раньше не осмелился бы он произнести эти слова. Но сегодня, когда оказалось, что его заветное желание перестало быть тайной для других, Биной уже не мог больше сдерживаться.

Расхаживая в волнении по веранде, он внезапно увидел Харана-бабу и догадался, что тот направляется к нему. И сразу же ему стало ясно, с какой провокационной целью было сострипано это анонимное письмо.

Обычная уверенность в себе сегодня изменила Биную. Он предложил стул Харану-бабу и вопросительно посмотрел на него.

- Биной-бабу, вы ведь индунст? — начал Харан-бабу.
- Да, я индунст, — ответил Биной.

— Вы не должны сердиться на меня за то, что я спрашиваю. Как часто в своем ослеплении мы теряем способность тщательно взвешивать обстоятельства какого-нибудь дела... или рискуем причинить своим поведением много всяких бед обществу. В таких случаях мы должны быть только благодарны тому, кто укажет нам, к чему могут привести наши поступки, и даст искренний совет, когда следует остановиться.

— Такое длинное предисловие совершенно излишне, — попытался отшутиться Биной. — Я не имею обыкновения сердиться, когда мне задают щекотливые вопросы, и веду себя по отношению к спрашивающему вполне корректно. Если вы хотите спросить меня о чем-то, можете сделать это совершенно безбоязненно.

— Я вовсе не хочу обвинять вас в том, что вы умышленно совершили скверный поступок, — примирительным тоном сказал Харан. — Стоит ли говорить, что опрометчивость бывает чревата иногда губительными последствиями.

— Может быть, мы оставим то, о чем говорить не стоит, — сказал Биной, начиная раздражаться, — и будем говорить по существу?

— Если вы правоверный индуист и не собираетесь порывать с индуистской общиной, то имеете ли вы право постоянно бывать в доме Пореша-бабу, давая тем самым повод для сплетен о его дочерях?

Лицо Биной стало серьезным.

— Вот что, Пану-бабу, — сказал он, помолчав. — Я не могу брать на себя ответственность за то, что почему-то может взбрести в голову членам какого-то общества. Тут ведь дело, главным образом, во внутренних качествах этих самых господ. И если в вашем «Самадже» возможны пересуды — и тем более грязные — по адресу дочерей Пореша-бабу, то стыдно должно быть не этим девушкам, а вашему «Брахмо Самаджу».

— Позвольте мне задать вам один вопрос, — не унимался Харан, — разве община не имеет права обсудить поступок своего члена — молоденькой девушки, которая решилась одна, без позволения матери, поехать на пароходе в обществе постороннего мужчины?

— Если вы находите возможным проводить параллель между случайными поступками людей и греховностью их натур, то я, право, не понимаю, зачем вам понадобилось отречься от индуистской общины и вступать в «Брахмо Самадж», — ответил Биной. — Но как бы то ни было, Пану-бабу, я не вижу нужды обсуждать все это с вами. Предоставьте мне самому решить, что я должен делать. Боюсь, что вы мне в этом ничем помочь не сможете.

— Мне остается сказать вам совсем немного, — сказал Харан, — всего лишь одну вещь: держитесь подальше от семьи Пореша-бабу, с вашей стороны будет очень дурно, если вы не слушаете моего совета. Вы и ваш друг своими посещениями уже доставили им немало неприятностей. Вы даже не сознаете, как велик вред, принесенный вами этой семье.

Когда Харан-бабу ушел и Биной остался один, тягостные сомнения овладели им. С каким радушием Пореша-бабу — благородный и доверчивый — ввел их обоих в свой дом... И если случалось, что Биной преступал в этом доме границы, поставленные гостеприимством, то это никогда не отражалось на ласковом и внимательном отношении к нему Пореша-бабу. В доме брахманста Биной нашел приют, которого не находил до тех пор нигде. Новое знакомство удивительно благотворно повлияло на него, благодаря ему вся жизнь, казалось, обрела новый смысл. Так неужели же в той самой семье, где он видел столько теплоты и радости, Биной оставит теперь о себе недобрую память! Из-за него тень ляжет на хорошую репутацию дочерей Пореша-бабу! Он — вина тому, что под угрозой оказалось все будущее Лолиты. Что он мог сделать, чтобы искупить свою вину? Увы! То, что именуется «обществом», воздвигло на пути к достижению истины непреодолимое препятствие. Ведь никаких действительных преград к союзу Биноя и Лолиты не было! Бог — гот бог, перед которым открыты сердца их обоих, — знает, с какой радостью пожертвовал бы Биной жизнью ради счастья и блага Лолиты! Разве не сам он зажег первую искру чувства в сердце Биноя... По-видимому, в его вечных законах не нашлось никаких указаний насчет недопустимости этого... И разве бог «Брахмо Самаджа», которому поклоняются люди вроде Пану-бабу, и бог Биноя — два разных

существа? Разве бог «Брахмо Самаджа» не является повелителем человеческих сердец? На пути к их браку, подобно алчному, оскалившему зубы чудовищу, стояло страшное препятствие. Но не совершит ли он непростительного греха, послушавшись голоса общества, воздвигнувшего это препятствие, а не *того*, чьи заповеди говорят о милосердии и покаянии...

Но, увы, вполне возможно, что Долите именно это препятствие покажется непреодолимым. К тому же Долита... как знать, какое чувство испытывает она? Сколько сомнений! И как их разрешить?

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ

В то самое время, когда Харан-бабу был у Биной, к Анондомойи пришел Обинаш. Он принес известие о том, что брак Долиты и Биной решен окончательно.

— Этого не может быть, — возразила Анондомойи.

— Почему не может? Разве так уж невероятно, чтобы Биной решился на это!

— Этого я не знаю, — ответила Анондомойи. — Но я твердо уверена, что, решившись на такой важный шаг, Биной никогда не скрыл бы этого от меня.

Обинаш, однако, продолжал настаивать, говоря, что слышал он эту новость от члена «Брахмо Самаджа» и что она абсолютно достоверна. Он добавил, что давно знал, как плачевно для Биной все это кончится, и даже предупреждал об этом Гору. После чего Обинаш отправился вниз к Мохиму и с большим удовольствием повторил новость ему.

Когда появился Биной, Анондомойи по его лицу догадалась, что он чем-то очень сильно встревожен. После обеда она увела его в свою комнату и сказала:

— А теперь, Биной, расскажи, что с тобой случилось.

— Вот, ма, прочти, — ответил Биной, протягивая ей письмо.

И, когда Анондомойи кончила читать, он продолжал:

— Сегодня утром ко мне приходил Пану-бабу и наговорил массу неприятностей.

— По какому поводу?

— Он сказал, что мое поведение было причиной сплетен, которые ходят в «Самадже» о дочерях Пореша-бабу.

— Я слышала, что вопрос твоей женитьбы на Лолите уже решен. Какая же тут может быть причина для сплетен?

— Если бы этот брак был возможен, тогда, конечно, причины для сплетен не было бы. Но распространять подобные слухи, зная, что наш брак невозможен, по меньшей мере низко, и это особенно подло в отношении Лолиты.

— Если бы у тебя хватило мужества, Бину, — сказала Анондомойн, — ты легко мог бы оградить Лолиту от всех этих сплетен.

— Каким образом, ма? — удивленно спросил Биной.

— То есть как каким образом? Женись на ней!

— Что ты говоришь, ма! Боюсь, что ты меня несколько переоцениваешь. Неужели ты воображаешь, что стоит мне сказать: «Я женюсь», — и все моментально встанет на свое место, будто все только и ждут моего знака.

— Я просто не вижу, о чем тут так много разговаривать. Все, что в твоих силах, сделать ты обязан. А ты, безусловно, можешь сказать, что жениться ты готов.

— А не оскорбит ли Лолиту это неосуществимое предложение?

— Но почему же оно неосуществимо? Уж если все вокруг заговорили о вашем браке, значит, по общему мнению, он вполне возможен. Уверяю тебя, что твои колебания и нерешительность совершенно излишни.

— А как же Гора, ма? Ведь нужно и о нем подумать.

— Нет, сын мой, — твердо сказала Анондомойн, — в этом деле оглядываться на Гору не следует. Я знаю, что он рассердится, и мне вовсе не хочется, чтобы он сердился на тебя. Но что поделаешь? Если Лолита для тебя что-нибудь значит, ты не допустишь, чтобы злые языки «Брахмо Самаджа» без конца сплетничали о ней.

Но все это было далеко не так просто! С тех пор как Гора был заключен в тюрьму, любовь к нему Биной неизмеримо возросла, и он просто не представлял себе, что сможет нанести другу такой тяжелый удар. Еще больше тревожил Биной вопрос принадлежности его и Лолиты к разным общинам. В мыслях очень просто бывает пренебречь законами своего общества, но сколько больших

и малых препятствий встает на пути, когда доходит до дела! Страх перед неизвестным, боязнь непривычного невольно заставляют мешкать и оглядываться назад.

— Чем больше я узнаю тебя, ма, тем больше удивляюсь! — воскликнул Биной. — Какая у тебя светлая голова! Для тебя, кажется, не существует преград, ты будто не ходишь, а летаешь. Разве бог дал тебе крылья?

— Да, бог не ставит преград на моем пути, — улыбнулась Анондомойи. — Он сделал все в жизни понятным для меня.

— А у меня вот, — вздохнул Биной, — язык хорошо подвешен, а мысли не всегда за ним поспевают. Ведь сколько я учился, читал, рассуждал, спорил — и теперь вдруг обнаруживаю, что как был, так и остался совершенным глупцом!

В это время вошел Мохим и стал так грубо и оскорбительно расспрашивать Биной о его отношениях с Лолитой, что тот окончательно растерялся. Большим усилием воли ему удалось взять себя в руки. Едва владея собой, он сидел молча, опустив глаза, пока наконец, обругав всех и вся, Мохим не ушел, заявив на прощание:

— Семейство Пореша-бабу бесстыдно завлекло Биной в западню и приготовило ему погибель. И Биной по своей глупости попался. Хотел бы я посмотреть, как бы они окрутили Гору! Этот так легко в руки не дается!

Подавленный упреками, сыпавшимися со всех сторон, Биной сидел в молчаливом отчаянии. Анондомойи внимательно смотрела на него.

— Ты знаешь, что тебе надо делать, Бину? — сказала она вдруг.

Он поднял голову, посмотрел ей в глаза.

— Сходи к Порешу-бабу. Поговори с ним, и тебе станет ясно, как следует поступить.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

— А я как раз собиралась к вам! — удивленно воскликнула Шучорита, увидев входящую Анондомойи.

— Как жаль, что я этого не знала, — улыбнулась Анондомойи, — Но почему ты хотела навестить меня, я

догадываюсь. Меня привело к тебе то же дело. Лишь только я обо всем узнала, как сразу же поспешила сюда. Мне кажется, нам надо поговорить с тобой.

Шучорита поразились, услышав, что Анондовой уже обо всем знает.

— Я всегда смотрела на Биню, как на родного сына, — продолжала Анондовой, и Шучорита внимательно слушала ее. — Ты не поверишь, как часто в душе я благословляла вас, зная, как хорошо ему с вами, как высоко ставит он всех вас! Так неужели же я могла оставаться спокойной, когда на вас обрушились всякие неприятности. Не знаю, в состоянии ли я чем-нибудь помочь вам, но я так разволновалась, что прямо-таки не могла сидеть дома. Скажи мне, дорогая, есть ли вина Биню в том, что произошло?

— Нет, нет, его вины нет никакой. Виновата во всем Лолита. Биню-бабу и думать не мог, что сестра может явиться на пароход, не сказав никому ни слова. Но, конечно, все сейчас болтают, что они заранее договорились. А Лолита так горда, что не желает ни опровергать этого, ни объяснять истинную причину случившегося.

— Но ведь нужно что-то сделать, — сказала Анондовой. — С тех пор как до Биню дошли все эти разговоры, он совершенно лишился покоя. Виновником всех бед он считает себя одного.

Шучорита зарделась и, чуть потупившись, спросила:

— И вы думаете, что Биню-бабу...

— Выслушай меня, дитя мое, — перебила Анондовой, увидев, что Шучоритой овладела мучительная нерешительность. — Биню сделает для Лолиты все — в этом ты можешь быть совершенно уверена. Я знаю его с малых лет. Если он к кому-нибудь привязывается, то отдает свое сердце без остатка. Поэтому я вечно и была в страхе, как бы он не отдал его тому, кто этого недостойн.

Шучорита облегченно вздохнула.

— Относительно согласия Лолиты вы можете не беспокоиться, — сказала она. — Я хорошо знаю ее сердце. Но разве решится Биню-бабу порвать со своей общиной?

— Думаю, что община сама порвет с ним, — ответила Анондовой, — и ему нет нужды предпринимать что-либо в этом отношении.

— Но я не понимаю... Вы хотите сказать, что Биной, оставаясь индуистом, может жениться на девушке из брахманстской семьи?

— Если сам он готов поступить так, я не вижу, почему против этого может возражать ваша община.

— У меня как-то не укладывается в голове, что это возможно, — в замешательстве сказала Шучорита.

— Мне же это кажется проще простого, — ответила Анондомойи. — Вот тебе пример: я не могу соблюдать обычаев, которые приняты в моем доме, по этой причине многие даже называют меня христианкой. Во время каких-нибудь особых церемоний я нарочно держусь в стороне. Тебе может показаться это смешным, дорогая, но я хочу, чтобы ты знала — никто, даже Гора, не пьет в моей комнате воды. Но разве это означает, что дом, в котором я живу, — не мой дом и что община индуистов — не моя община... С этим я согласиться не могу. Я продолжаю оставаться в своем доме, в своей общине, покорно выслушивая все упреки... и, право, это не так уж тяжело. Ну, а если передо мной возникнут непреодолимые препятствия, я пойду по пути, который мне укажет господь. Но до конца дней своих я буду всегда говорить только то, что думаю, и это уж не моя забота, хотят мириться со мной или нет.

— Но как же... — по-прежнему растерянно проговорила Шучорита. — Я хочу сказать, что члены «Брахмо Самаджа» придерживаются других взглядов... и если Биной...

— Он придерживается точно таких же взглядов, — прервала ее Анондомойи. — Во взглядах «Брахмо Самаджа» нет ничего из ряда вон выходящего. Биной не раз читал мне статьи, которые появляются в ваших газетах. И большой разницы в наших взглядах я не вижу.

— Диди! — окликнула в этот момент Шучориту вошедшая в комнату Лолита. Увидев Анондомойи, она смутилась и покраснела. По лицу сестры девушка догадалась, что разговор шел о ней. Она охотно убежала бы, но пути к отступлению были отрезаны.

— Иди сюда, Лолита, иди, милая! — сказала Анондомойи, беря ее за руку и усаживая рядом с собой, так, словно Лолита была очень близка и дорога ей.

— Видишь ли, дорогая, — продолжала Анондомайи начатый разговор с Шучоритой, — очень трудно гармонично сочетать добро и зло, и все же в мире существует это сочетание, и не всегда в таких случаях зло одерживает верх над добром, бывает и наоборот. А раз возможно это, то почему же не возможен союз двух людей, которые только чуть-чуть расходятся в убеждениях? Неужели только единство взглядов важно для подлинного союза сердец?

Шучорита сидела, опустив голову.

— Неужели этот ваш «Брахмо Самадж» может воспротивиться, если два человека пожелают соединить свои жизни? Неужели члены вашего Общества, выискивая в своих законах какие-то мелкие придирки, сочтут возможным разлучить тех, чьи сердца соединил сам господь? Неужели, дочь моя, во всем мире нет такой общины, где не обращали бы внимания на мелкие расхождения во взглядах людей и считались бы только с тем, что действительно имеет значение? Разве люди существуют для того, чтобы идти против своего бога? И разве то, что называется Обществом, создано для того, чтобы помогать им в этом?

Только ли желание сокрушить все преграды на пути к браку Биной и Лолиты заставляло Анондомайи говорить с таким воодушевлением? Не думала ли она, что ее страстная речь поможет рассеять последние остатки сомнений и в сердце Шучориты? А она не могла допустить, чтобы Шучорита продолжала сомневаться. Если Шучорита будет по-прежнему считать, что Биной не может жениться на Лолите, не вступив в «Брахмо Самадж», то рухнет и та надежда, которую Анондомайи вынашивала все эти тревожные дни. Не далее как сегодня Биной спросил ее:

— Ма, неужели мне придется стать членом «Брахмо Самаджа»? Должен ли я согласиться и на это?

И она ответила:

— Нет, нет, я не думаю, чтобы это было нужно.

— Хорошо, а если они будут настаивать? — продолжал спрашивать Биной.

И тогда, помолчав немного, она ответила:

— Нет, настоящим здесь места быть не может.

Но Шучорита, по-видимому, была другого мнения, и Анондомойи поняла это по ее молчанию.

«Только любовь к Горе помогла мне освободиться от всех предрассудков общества, — думала Анондомойи. — Но разве сердце Шучориты не тянется к Горе? Очевидно, нет, иначе она никогда не стала бы задумываться о таких пустяках».

Анондомойи стало грустно. Через несколько дней Гора должен был выйти из заключения. И в душе она надеялась, что счастье уже ждет его. Она чувствовала, что настало время подрезать крылья Горе, а то неизвестно, в какую еще беду может он попасть. Но пленить и удержать Гору было под силу далеко не каждой девушке. К тому же нельзя было допустить, чтобы он женился на пидуистке. Именно поэтому Анондомойи решительно отклонила все предложения родителей, у которых дочери были на выданье. Гора упорно твердил, что никогда не женится. И все поражались тому, что она, его мать, никогда не протестовала против такого решения. Заметив по некоторым признакам, что решимость сына несколько ослабела, она очень обрадовалась. Вот почему молчаливое несогласие Шучориты явилось для нее настоящим ударом. Но Анондомойи была не из тех, кто легко сдает свои позиции.

«Ничего, дальше видно будет!» — решила она про себя.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

— Я вовсе не хочу, Бинвой, — сказал Пореш-бабу, — чтобы ты совершал какие-нибудь безрассудные поступки, желая помочь Лолите выпутаться из неприятного положения. Сплетням в «Самадже» особого значения придавать не стоит. Пройдет день-другой, и то, вокруг чего сегодня поднялся такой шум, преспокойно забудется.

Бинвой пришел, преисполненный решимости выполнить свой долг по отношению к Лолите. Он знал, что, с точки зрения общества, брак этот крайне нежелателен и — что еще гораздо более важно — Гора придет в ярость, узнав о нем. Но, повинуясь зову долга, Бинвой гнал от себя все неприятные мысли. И теперь, когда Пореш-бабу захотел освободить его от необходимости выполнить веление долга,

Биной почувствовал, что вовсе не желает воспользоваться этой возможностью.

— Я никогда не смогу отплатить за ту ласку, которую я видел у вас. Мне невыносимо больно думать, что из-за меня вашей семье пришлось испытать хотя бы малейшую неприятность.

— Ты меня не так понял, Биной, — возразил Пореш-бабу. — Лично я очень польщен и тронут твоим отношением к нам, но должен сказать тебе, что, предлагая жениться на Лолите для того, чтобы доказать, насколько ты уважаешь нас, ты доказываешь, в первую очередь, что не слишком уважаешь ее чувства. Вот почему я и старался объяснить тебе, что трудности эти не так уже велики, чтобы из-за них идти на какие-то жертвы.

Итак, Биной был свободен от чувства ответственности. Но душа его не спешила вырваться на волю, подобно птице, перед которой открывают дверцу клетки. Ее не манило прежнее гнездо. Разве так просто было ему убедить себя в несостоятельности препятствий, стоявших на пути к исполнению долга, и отмести их? А теперь нужно было оставить то, что завоевано в смертельной схватке, то, о чем душа только робко мечтала, страшась и пугаясь собственных мыслей! Чувство долга, приведшее его сюда, говорило: «Ну что ж, все в порядке, теперь ты можешь со спокойной совестью уйти». Сердце же отвечало: «Если хочешь — уходи, а я остаюсь».

Прямота, с которой Пореш-бабу вел разговор, была настолько подкупающей, что Биною не оставалось ничего, кроме признания:

— Не думайте, что только чувство долга привело меня к вам, — сказал он. — Если вы дадите согласие, для меня это будет такое счастье, такая радость... Только я боюсь, что...

— Этого ты можешь не бояться, — твердо сказал правдолюбивый Пореш-бабу, — я слышал от Шучориты, что Лолита к тебе равнодушна.

Бурная радость вспыхнула в сердце Биной. Лолита поведала свою заветную тайну Шучорите! Когда, в каких выражениях сделала она это? Он испытывал дивное блаженство при мысли о том, что был предметом задушевной беседы двух подруг.

— Если вы считаете меня достойным, для меня не может быть большего счастья, — повторил он.

— Подожди минутку, я должен посоветоваться с женой, — сказал Пореш-бабу.

Когда он спросил мнение Бародашундори, она немедленно ответила:

— Но Биной должен будет вступить в «Брахмо Самадж».

— Само собой разумеется, — сказал Пореш.

— Нужно обусловить это первым долгом. Позови сюда Биной.

— Значит, нужно назначить день, когда состоится церемония вашего вступления в члены Общества, — безо всяких обиняков объявила Бародашундори Биною.

— Разве это необходимо? — нерешительно спросил Биной.

— Необходимо? А вы как думали? — возмутилась Бародашундори. — Ведь вы же, кажется, собираетесь жениться на девушке из «Брахмо Самаджа»?

Биной стоял молча, опустив голову. «Значит, Пореш-бабу не допускает и мысли, что я могу не захотеть вступить в члены «Брахмо Самаджа», — думал он.

— Я уважаю религиозное учение «Брахмо Самаджа» и до сих пор никогда не поступал вразрез с его принципами, — чуть слышно прошептал Биной. — Но разве так уж обязательно мне вступать в члены Общества?

— Но если у вас нет расхождений во взглядах с брахмистами, — ответила Барода, — то что вам мешает стать одним из них?

— Я не могу отречься от индуизма.

— В таком случае вы не имели права и начинать этот разговор. Вы что, из милости решили жениться на моей дочери?

Биной страшно растерялся. Он понял, что его предложение и в самом деле показалось оскорбительным родителям Лолиты.

Закон о гражданском браке был принят всего лишь год тому назад, и тогда и он и Гора рьяно выступали в газетах против него. Как же он мог теперь публично заявить, что не считает больше себя индуистом, и согласиться на этот самый гражданский брак?

И в то же время он видел, что, оставаясь индустом, он не может рассчитывать получить согласие Пореша-бабу. С тяжелым вздохом Биной поднялся и низко поклонился обним.

— Простите меня, — сказал он. — Я не скажу больше ничего, чтобы не усугубить своей вины перед вами, — и вышел из комнаты.

Спускаясь по лестнице, Биной увидел Лолиту, которая сидела на веранде одна за столиком и писала письмо. Она услышала шаги и подняла голову. На одно мгновение глаза их встретились, и он прочел в ее взгляде смутение. Они были знакомы уже не первый день, они и прежде не раз так же встречались глазами, но сегодня впервые ему почудилась в ее взгляде какая-то тайна. Эта тайна, поверенная одной лишь Шучорите, пряталась в темных глазах Лолиты и наполняла ее взгляд нежностью, готовой излиться освежающим крупным дождем. Она же, встретив его ответный мимолетный взгляд, всем сердцем вдруг ощутила острую душевную боль, которую он испытывал. Не сказав ни слова, Биной поклонился Лолите, медленно спустился по лестнице и вышел.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

Первыми, кого встретил Гора, выйдя из тюремных ворот, были ожидавшие его Пореш-бабу и Биной.

Один месяц не такой уж большой срок. Пока длился его поход, Гора был дольше разлучен с родными и друзьями, и все же, когда после месяца, проведенного в тюремном одиночестве, он вышел на волю и увидел Пореша и Биной, ему показалось, что он вновь родился в знакомом мире, среди старых друзей. Он склонился перед Порешем-бабу, лицо которого, освещенное первыми лучами утреннего солнца, так и светилось покоем и лаской, и взял прах от его ног так радостно и почтительно, как никогда прежде. Они обнялись.

Затем Гора схватил Биной за руку.

— Биной, — со смехом сказал он, — с самого детства мы всегда учились вместе в одной школе, но тут я тебя обставил и этот курс обучения прошел без тебя,

Но Биною было не до смеха. Гора, встретившийся в тюрьме с тяжелыми испытаниями, о которых Биной не имел понятия, и стойко перенесший их, был ему ближе, чем когда-либо. Охваченный глубоким волнением, он продолжал молчать, пока Гора не обратился к нему с вопросом:

— Как чувствует себя мать?

— Она здорова, — ответил Биной.

— Пойдем, милый, — сказал Пореш. — Нас ждет экипаж.

Но лишь только они хотели усесться, как откуда ни возьмись примчался запыхавшийся Обинаш и с ним еще несколько студентов. При виде Обинаша Гора хотел было побыстрее забраться в пролетку, но тот успел преградить ему дорогу, умоляя подождать минутку.

И в эту минуту студенты грянули хором:

Утро пришло, нет ночи боле,
Нали, пали оковы неволи...

Лицо Горы побагровело.

— Замолчите! — крикнул он громовым голосом.

Удивленные студенты смолкли, а Гора продолжал:

— Что все это значит, Обинаш?

Обинаш, не отвечая, достал пышную гирлянду из цветов жасмина, завернутую в банановые листья, а один из студентов — совсем еще мальчик — начал высоким голосом читать, как заведенная шарманка, написанное золотыми буквами приветствие по случаю освобождения Горы из тюрьмы.

Гора решительно отстранил гирлянду, протянутую Обинашем.

— Это что еще за представление? — спросил он, едва сдерживая гнев. — Вы что, весь этот месяц только и делали, что готовились напаять на меня посреди дороги костюм клоуна из вашей бродячей труппы?

Что правда, то правда, Обинаш давно вынашивал план встречи Горы. Он рассчитывал на большую сенсацию. Во времена, о которых мы говорим, инциденты такого рода были еще внове. Обинаш не рассказал о своей идее даже Биною, не желая ни с кем делиться лаврами, которые должны были достаться ему, как организатору этого ред-

кого зрелища. Он даже подготовил заметку для газеты, в которой оставалось уточнить лишь две-три детали.

— Ты несправедлив к нам, — сказал он Горе, обиженный таким приемом. — Весь месяц, что ты был в тюрьме, мы разделяли с тобой страдания. Наши сердца тлели на медленном огне, от которого обуглились даже наши ребра.

— Ты ошибаешься, Обинаш, — возразил Гора. — Присмотришься внимательно, и ты увидишь, что огонь еще и не занялся и что ваши ребра находятся в полном порядке.

— Правители нашей страны пытались унижить тебя, — не унимался Обинаш, — но сегодня от лица народа Индии мы возлагаем эту гирлянду почета...

— Это уж слишком! — воскликнул Гора и, отстранив Обинаша и его спутников, обратился к Порешу: — Садитесь, Пореш-бабу!

Очутившись наконец в экипаже, Пореш-бабу облегченно вздохнул. Гора и Биной не замедлили последовать его примеру.

Путь до Калькутты Гора проделал на пароходе и на следующее утро был уже дома. У дверей его ждала толпа восторженных почитателей. С большим трудом освободившись от них, он прошел в комнату Анондомойи. Она еще рано утром совершила омовение и сидела, поджидая сына. Когда вошедший Гора, почтительно склонившись, коснулся ее ног, она не смогла дольше удерживать столько времени копившиеся слезы.

Вскоре, после омовения в Ганге, вернулся Кришнодоял, и Гора пошел к нему, но отцу он поклонился издали и не коснулся его ног. Да и сам Кришнодоял предусмотрительно сел подальше от него.

— Я хочу совершить обряд покаяния, отец, — сказал Гора.

— Не вижу в этом никакой необходимости, — ответил Кришнодоял.

— Я легко переносил в тюрьме все лишения и трудности, но уберечься от осквернения не мог, и мысль об этом не перестает угнетать меня. Потому-то я и считаю, что мне необходимо совершить торжественный обряд покаяния,

— Нет, нет, — забеспокоился Кришнодоял. — Ты превеличиваешь. Это совершенно лишнее. Своего согласия дать я не могу.

— Хорошо, — сказал Гора, — но позволь мне хотя бы спросить мнение пандитов на этот счет.

— И пандитов спрашивать незачем, — возразил Кришнодоял. — Я могу уверить тебя, что в твоём случае обряд очищения вовсе не обязателен.

Гора никогда не мог понять, почему Кришнодоял, такой щепетильный в исполнении обрядов и соблюдения чистоты, не хочет признать за ним права строго следовать законам религии и, более того, решительно препятствует этому.

За обедом Анондомойи хотела посадить Биню рядом с Горой, но тот воспротивился.

— Пересади Биню подальше, ма, — попросил он.

— Почему? Биней-то чем провинился?! — удивилась Анондомойи.

— Биней не провинился ни в чем. Дело во мне — я считаю себя оскверненным.

— Ну и пусть, Биней не обращает внимания на это.

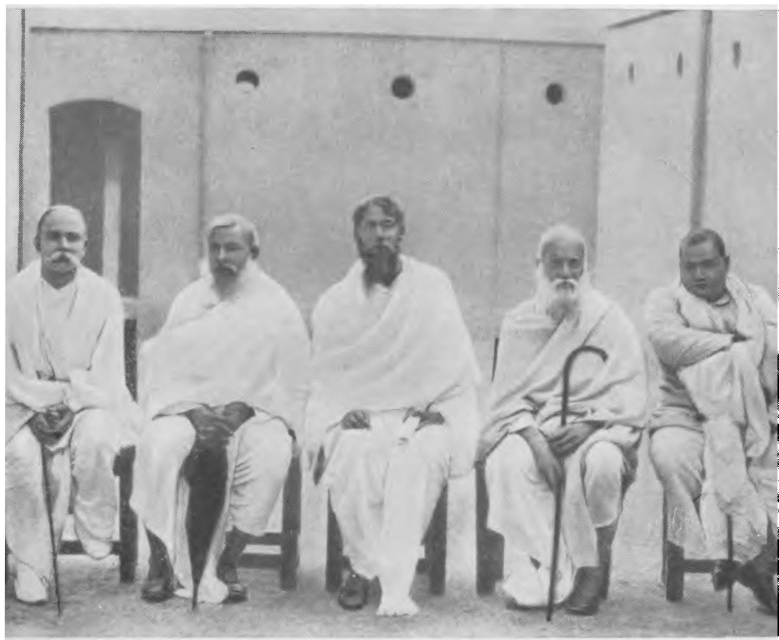
— Это уж его дело, зато я сам обращаю, и большое...

Когда после обеда друзья отправились в скромную комнатку на верхнем этаже, оба не знали, с чего начать разговор. Биней не мог представить себе, как он расскажет Горе о том, что занимало его мысли весь этот месяц. Горе же очень хотелось расспросить друга о семье Пореша-бабу, но он ждал, чтобы Биней сам заговорил об этом. Гора, конечно, спросил Пореша-бабу, как поживают его дочери, но то была всего лишь дань вежливости. А ему не терпелось узнать о них гораздо больше, чем то, что все они чувствуют себя хорошо.

В это время, с трудом одолев лестницу, в комнату вошел запыхавшийся Мохим и уселся рядом с молодыми людьми. Отдышавшись немного, он сказал:

— Ну вот, Биней, до сих пор мы ждали Гору. Но теперь никаких оснований для отсрочки больше нет. Давай назначим день. Что ты скажешь, Гора? Ты же знаешь, о чем я говорю?

Гора только рассмеялся в ответ, и Мохим продолжал:

**Р. Тагор с близкими друзьями
(1911 г.)**

— Тебе смешно! Наверное, думаешь — вот ведь какой у меня дада: если уж что задумал, так не отступится. Беда в том, что это касается будущего моей дочери — насколько я теперь понял, это не какой-то там отвлеченный вопрос, а вполне реальный, и так просто от него не отмахнешься. Так что смеяться нечего, а надо думать, как это все решить окончательно.

— Так ведь человек, от которого зависит окончательное решение, находится перед тобой?

— О господи, — воскликнул Мохим, — интересно, что может решить такой нерешительный человек! Раз уж ты вернулся, вся ответственность возлагается на тебя.

Биной сидел серьезный, молчаливый. Он даже не пытался, как обычно, перевести разговор в шутку, и Гора, поняв, что здесь что-то не так, сказал:

— Я могу взять на себя приглашение гостей, готов заказать свадебный пир, согласен даже прислуживать за столом, но принять всю ответственность за то, что Биной женится на твоей дочери, я, знаешь ли, все-таки откажусь. Я мало знаком с божеством, по чьей воле совершаются все эти дела, стараюсь не попадаться ему на глаза и всегда поклоняюсь ему издалека.

— Не воображай, пожалуйста, что, если ты стараешься не попадаться ему на глаза, он тебя пощадит, — возразил Мохим. — Как знать, когда ему придет в голову заняться тобой. Я не знаю, что он там надумал относительно тебя, но вот с Биноем натворил такого, что не разберешься. Только я предупреждаю, как бы не пришлось тебе, Гора, пожалеть, что ты не вмешался в это дело и предоставил все на волю такого легкомысленного божества...

— Ладно, пусть уж я лучше буду жалеть о том, что отказался взяться не за свое дело, а то как бы мне не пришлось еще больше пожалеть, взявшись за него. Предпочитаю избежать такой участи.

— Неужели же ты будешь спокойно смотреть, как сын брахмана, забыв о фамильной чести, о своей касте, о правилах приличия, готовится совершить недостойный поступок? — настаивал Мохим. — Ты готов голодать и терпеть всякие лишения, чтобы сохранять в чистоте индуизм, а твой лучший друг собирается тем временем отречься от

своей касты и жепиться на девушке из брахманстской семьи? Интересно, как ты будешь смотреть людям в глаза, если это случится? Ты, Биной, наверное, рассердишься на меня, но у многих чешутся языки сказать обо всем этом Горе за твоей спиной. Я же сказал ему это при тебе, считая, что так лучше для всех. Если слух ложный, скажи об этом прямо, и делу конец, если же правильный — то нужно решить, что же делать.

С этими словами Мохим ушел, Биной же остался сидеть, так и не проронив ни слова.

— Так в чем же дело, Биной? — спросил Гора, повернувшись к нему.

— Объяснить, что произошло, в нескольких словах очень трудно, — сказал Биной, — я хотел рассказать тебе все по порядку, но, как видно, в этом мире ничто не делается так, как нам хочется. События сначала двигаются тихо, незаметно, словно тигр, который бесшумно подкрадывается к своей жертве, а в следующий момент ты уже оказываешься в их власти. Так и слухи — сперва они тлеют себе потихоньку, как слабый огонек, а когда вырвутся наружу яростным пламенем, то их уже не загасить. Поэтому иногда мне приходит на ум, что человек сможет достигнуть духовного освобождения, лишь совершенно отказавшись от всякой деятельности.

— Какая же это свобода, если от всякой деятельности откажешься один только ты? — рассмеялся Гора. — Как сможешь ты пребывать в состоянии покоя, если вместе с тобой не остановит своего развития и вселенная? Ведь этим ты достигнешь как раз обратных результатов. Бездельничая в то время, как весь мир работает, ты обязательно прогадаешь. Лучше уж смотреть в оба, как бы тебя не обогнали, пока ты один топчешься на месте.

— Это верно, — согласился Биной. — Со мной именно так всегда и бывает. Вот и на этот раз события меня обогнали. Я никогда не могу предугадать, какой они ход примут, а потом приходится за это расплачиваться. Можно, конечно, тешить себя мыслью, как хорошо было бы, если бы эти неприятности тебя не коснулись, но вряд ли это может помочь избежать их.

— Мне довольно трудно судить, поскольку я не знаю даже, о чем идет речь, — заметил Гора.

— Неумолимым ходом событий, — собравшись с духом, начал Биной, — я оказался поставленным перед необходимостью жениться на Лолите, ибо в противном случае она до конца своих дней останется мишенью для незаслуженных нападок и оскорблений со стороны членов «Брахмо Самаджа».

— Мне бы хотелось узнать поподробнее, что это были за события? — прервал его Гора.

— Об этом долго рассказывать, — уклонился Биной от прямого ответа. — Постепенно я все объясню, а пока довольствуйся тем, что я тебе сказал.

— Хорошо, довольствуюсь! Но я хочу сказать одно: если ход событий действительно неотвратим, то столь же неотвратимы и его печальные последствия. Если в «Самадже» считают, что Лолита заслужила оскорбительное отношение с их стороны, то помочь тут ничем нельзя.

— Но ведь я же имею возможность помочь этому! — воскликнул Биной.

— Если это действительно так, прекрасно, — сказал Гора, — но одних твоих слов, как бы красноречивы они ни были, тут недостаточно! Ведь если человек впадает в нищету, у него тоже есть возможность вырваться из нее. Он, скажем, может пойти грабить или даже убивать. Но разве это выход? Ты утверждаешь, что, женившись на Лолите, ты выполнишь свой долг по отношению к ней, а уверен ли ты, что это и есть самый главный твой долг? Разве у тебя нет обязанностей по отношению к обществу?

Биной не сказал ему, что именно сознание общественного долга заставило его отказаться от женитьбы на брахмаистке. Вместо этого он стал горячась отстаивать свою точку зрения.

— Мне кажется, что по этому вопросу мы с тобой никогда не договоримся, — заявил он. — Я вовсе не хочу сказать, что чувство к какому-нибудь человеку может заслонить от меня долг по отношению к обществу. Я только говорю, что есть нечто, стоящее выше, чем общество и люди, и это нечто — истина; ею-то и следует руководствоваться в своих поступках. Я согласен, что долг по отношению к отдельному лицу не должен стоять на первом месте, но это относится и к обществу, потому что нет

у человека долга выше, чем бороться за истину и ограждать ее от всего.

— Я не понимаю истины, которая отрицает личность и общество и выше всего ставит себя! — воскликнул Гора.

— А я понимаю, — разгорячившись, настаивал Бинной. — Не личность и общество над истиной, а, наоборот, истина над ними. Если признать высшим смыслом то, к чему стремится наше общество, то оно заслуживает проклятья. И если общество будет препятствовать мне выполнить то, что справедливо и правильно с точки зрения высшей истины, то моя первейшая обязанность по отношению к этому обществу и будет состоять в том, чтобы не считаться с его несостоятельными претензиями. Поскольку в моем намерении жениться на Лолите нет ничего дурного, поскольку фактически я обязан сделать это, то уклониться от брака с ней только потому, что обществу данный поступок неугоден, — будет с моей стороны насмешкой над истиной.

— Разве ты один решаешь, как правильно поступить в данном случае? Подумал ли ты, в какое положение ставишь этим браком своих будущих детей?

— Становясь на такую точку зрения, ты только узакониваешь социальную несправедливость, — возразил Бинной, — зачем же ты тогда порицаешь конторского служащего, который терпеливо сносит оскорбления и попреки хозяина-англичанина? Ведь он тоже думает о своих детях!

Бинной никогда не заходил так далеко в своих спорах с Горой. Еще совсем недавно душа его содрогалась при одной мысли о возможности разрыва с индуистской общиной. Он никогда не позволил бы даже мысли об этом закрасться ему в голову. Если бы не этот спор с Горой, дело приняло бы совсем другой оборот. Бинной никогда не поступил бы вразрез со своими раз и навсегда установившимися понятиями. Но в ходе спора его увлечение, к которому примешивалось теперь чувство долга, выросло и окрепло.

Спор с Горой был очень горяч. Как всегда в такого рода дискуссиях, Гора не прибегал к логическим доводам, а лишь с величайшей — нечасто свойственной людям — страстностью отстаивал свое мнение. Так и сегодня он не

щадил усилий, чтобы в пух и прах разбить Биной, но скоро понял, что это не так-то просто. До сих пор каждый защищал в споре свою теоретически обоснованную точку зрения, и Биной обычно терпел поражение. Но сегодня столкнулись не два мнения, а два человека, и Гора уже не мог найти нужных слов, чтобы отражать сыпавшиеся на него словесные стрелы, они вонзались ему прямо в чуткое, наболевшее сердце.

— Я не собираюсь препираться с тобой, — сказал в конце концов Гора. — Словами тут делу не поможешь, правильное решение может подсказать только сердце. Но то, что ты хочешь жениться на брахманстке и тем самым порвать связи со своим народом, лично мне очень тяжело и больно. Очевидно, ты способен на это. Я же никогда бы не мог — в этом, по всей вероятности, и заключается вся разница между нами, а вовсе не в знаниях и не в способностях. Нас влекут к себе и волнуют совсем разные вещи. Вряд ли ты испытываешь какое-то чувство к индуистской общине, раз уж ты готов нанести ей такой удар. Для меня же в ней сосредоточивается вся жизнь. Мне нужна моя Индия. В чем бы ты ни обвинял ее, как бы ни ругал, именно она нужна мне. Дороже и выше ее для меня никого нет на свете — и не будет! И я никогда не сделаю ничего, что могло бы хоть на волосок отделить меня от нее.

И прежде чем Биной успел что-либо возразить, Гора продолжал:

— Нет, Биной, ты напрасно со мной споришь. Я хочу стоять у позорного столба рядом с той самой Индией, которую все обливают презрением, от которой отвернулся весь мир, — с моей Индией, раздираемой кастовыми перегородками, предрассудками, идолопоклонством! И знай, что, отказываясь от нее, ты отказываешься и от меня!

Гора вскочил, вышел из комнаты и принялся шагать взад и вперед по крыше. Биной сидел молча. Вошел слуга и доложил, что на улице собрались какие-то люди и что они хотят видеть Гору. Обрадовавшись предлогу уйти, Гора поспешил вниз.

В толпе, собравшейся около дома, он заметил Обинаша. Гора был уверен, что Обинаш рассердился на него за вчерашнее, но по его виду этого отнюдь не было

заметно. Больше того, он сразу же стал в чрезвычайно высокопарных выражениях рассказывать о том, как Гора отказался принять гирлянду, которую хотели возложить на него.

— Мое преклонение перед Гоурмохоном-бабу неизмеримо возросло, — говорил он. — Я давно знал, что он необыкновенный человек, но вчера я убедился в том, что он велик! Мы хотели воздать ему почести, но он отклонил их, проявив редкую в наши дни и достойную восхищения скромность. Что еще можно добавить к этому?

Услышав это, Гора очень смутился, и страшное раздражение против Обинаша вновь овладело им.

— Послушай, Обинаш, — нетерпеливо сказал он, — неужели ты не понимаешь, что такие почести оскорбительны для человеческого достоинства. Вы хотите заставить меня кривляться вместе с вами на улице, и вам в голову не приходит, что именно скромность никогда не позволит мне этого! Неужели, по-вашему, величие проявляется в этом? Вы что — решили организовать бродячую труппу и ходить по улицам, собирая подачки? Очевидно, настоящая работа вас нимало не прельщает! Так вот, если ты хочешь работать вместе со мной — прекрасно, хочешь бороться против меня — тоже хорошо! Об одном только прошу: не кричите при каждом удобном и неудобном случае «браво!».

Благоговение Обинаша возрастало с каждой минутой. Он обернулся с сияющей улыбкой к толпе, приглашая присутствующих отметить все благородство слов Горы.

— Какой замечательный пример самоотречения во славу нашей бессмертной родины подал ты нам сейчас! — воскликнул он. — Если ты прикажешь нам пожертвовать жизнью ради нее, мы готовы!

И с этими словами он хотел прикоснуться к ногам Горы, но Гора с раздражением отодвинулся от него.

— Гоурмохон-бабу, — продолжал Обинаш, — вы можете не принимать от нас почестей, но вы не можете отказать почтить своим присутствием ужин, который мы собираемся устроить в вашу честь. Уж на это вам обязательно придется согласиться.

— Я не смогу есть за одним столом с вами, пока не совершу обряда покаяния.

Покаяние! Глаза Обинаша засверкали.

— Никто из нас не подумал бы об этом! — вскричал оп. — Но Гоурмохон-бабу никогда не уклоняется от обрядов, предписываемых индуистским учением!

Все сошлись на том, что лучше и не придумать, чем устроить празднество в день, когда состоится обряд покаяния. На церемонию решили пригласить нескольких выдающихся пандитов, чтобы на примере Гоурмохона-бабу они могли убедиться, что даже в наши дни живы еще заветы индуизма!

Был обсужден также вопрос, когда и где состоится торжество, и когда Гора сказал, что по некоторым причинам он не может предложить для этого свой дом, один из его почитателей — владелец большого дома с садом на берегу Ганги — предложил устроить все у него. Расходы договорились разложить на всех поровну.

Перед тем как уйти Обинаш еще раз обратился к собравшимся с вдохновенным словом.

— Пусть Гоурмохон сердится на меня, — отчаянно жестикулируя, говорил он, — но когда сердце переполнено, молчать невозможно! Для защиты вед в прошлом на нашу священную землю нисходили боги. И сегодня, чтобы спасти индуизм, бог явился к нам. Только в нашей стране есть шесть времен года, и только в нашей стране рождались некогда — и будут рождаться впредь — боги. Мы счастливы, увидев подтверждение этому сегодня! Воскликнем же, братья: «Слава Гоурмохону!»

Раздались приветственные возгласы. Подогретая красноречием Обинаша, толпа начала кричать. Гора в полном смятении обратился в бегство.

Сегодня в первый день освобождения из тюрьмы он чувствовал себя страшно разбитым. Пока Гора сидел в тюрьме, он не раз мечтал о том, как с новым подъемом возьмется за работу, отдаст все свои силы родине, и вот сегодня его неотступно тревожил один и тот же вопрос.

«Где же ты, моя родина? — спрашивал он себя. — Неужели я один вижу и понимаю тебя? Человек, с которым меня связывает дружба с раннего детства, с которым я делился всеми своими мыслями и планами, ради приглянувшейся ему девушки готов в один миг безжалостно порвать с прошлым своей страны и ее будущим. А все эти

так называемые мои последователи после того, как я столько раз объяснял им, в чем заключаются мои взгляды, вдруг решают, что я — бог, рожденный только для того, чтобы спасти индуизм! Для них я всего лишь ходячая шастра! Но где же Индия? — мучительно думал Гора. — Шесть времен года! Да, в Индии шесть времен года! Но если они помогают вызревать плодам, вроде Обинаша, мы ничего не потеряли бы, будь у нас несколькими временами года меньше».

В этот момент вошел слуга и доложил, что Анондомойи зовет его. Гора вздрогнул.

«Мать зовет», — повторил про себя он. И эти слова приобрели для него вдруг новый, глубокий смысл. «Что бы там ни было, но у меня есть мать! — думал он. — И она зовет меня! Она примирит меня со всеми, не допустит разрыва ни с кем. Я знаю, те, кто с ней, в ее комнате, — мои истинные друзья. Я слышал ее голос в тюрьме, она являлась моему мысленному взору там. А сейчас она зовет меня, и я пойду к ней и увижу ее наяву».

Думая так, Гора взглянул в окно на холодное, ясное небо, и такими мелкими и незначительными показались ему вдруг его размолвки с Биноем и Обинашем. В полуденном солнечном сиянии ему казалось, что Индия простирает к нему руки. Он видел ее реки и горные цепи, протянувшиеся к океану, ее многочисленные города. И лившийся откуда-то чистый ослепительный свет ярко озарял ее всю. У Горы перехватило дыхание, слезы восторга подступили к глазам, и от уныния в душе не осталось и следа. Теперь он был снова готов с радостью отдать всего себя той бесконечной работе, которая принесет плоды лишь в далеком будущем. Но юноша уже не сожалел о том, что не увидит великой Индии, представшей его взору в эти сокровенные минуты.

«Меня призывает мать, — повторял Гора. — Я иду к ней, дарующей людям пищу и правящей миром, к той, что находится бесконечно далеко от меня во времени и которую я вижу повсюду, к той, что стоит выше смерти и присутствует во всех проявлениях жизни, к той, что освещает чудесным светом великого Будущего несчастное, убогое настоящее. Я иду в недостижимую даль, которая вместе с тем совсем рядом, — меня призывает мать!»

Горе казалось, что его радость разделяют и Биной и Обинаш — словно не было сегодняшних размолвок, словно все мелкие раздоры потонули в единой гармонии.

Гора вошел в комнату Анондомойи с преображенным, светящимся счастьем лицом. Чье-то чудесное присутствие, казалось, наполняло радостью все вокруг. В первое мгновение он не узнал ту, которая сидела рядом с его матерью. Это была Шучорита — она поднялась и поклонилась ему.

— Так это были вы! — воскликнул Гора. — Садитесь, пожалуйста!

Эти простые слова Гора произнес так, будто приход девушки был необыкновенным, значительным событием.

Когда-то Гора решил, что ему не следует больше встречаться с Шучоритой. Во время своих странствий, пока он был занят делами и преодолевал всякие трудности, ему удавалось не думать о ней. Но когда он находился в тюрьме, мысли о ней постоянно преследовали его. В свое время Гора не задумывался над тем, что Индию населяют также и женщины. И когда благодаря Шучорите он впервые познал сию непреложную истину, замечательное это открытие совершенно потрясло его мужественное сердце.

Стоило солнечному свету и вольному ветерку проникнуть в темницу, наполняя тоской душу, внешний мир переставал казаться ему его личным полем деятельности, местом, где обитают лишь представители сильной половины рода человеческого, и тотчас же в видениях ему являлись прекрасные лица двух богинь, царивших над этим миром. Они рисовались ему на нежной лазури спокойного неба, озаренные то солнечными, то лунными и звездными лучами и, казалось, сияли неземным светом — одно из них светившееся материнской любовью, было знакомо ему с младенческих лет, другое же — красивое и нежное — он узнал совсем недавно.

В тюрьме, томясь от скуки и раздражения, Гора не мог отогнать от себя воспоминания об этом прекрасном лице. Радостное волнение, которое он испытывал при виде его, раздвигало стены темницы, и лишения тюремной жизни начинали казаться ему нереальным, ничего не значащим сном. Взволнованное сердце юноши

словно излучало невидимые волны, которые беспрепятственно проходили сквозь все преграды и, растворившись в небесной голубизне, витали по всей вселенной.

Весь этот месяц Гора убеждал себя, что смешно бояться образа, созданного фантазией, ибо страшны людям только реальные вещи, поэтому он не препятствовал своим мыслям устремляться навстречу чудесному видению.

Когда же он вышел из тюрьмы и увидел Пореша-бабу, его сердце наполнилось радостью. В первый момент Гора даже не понял, что эта радость вызвана не столько встречей с Порешем-бабу, сколько тем, что она всколыхнула волшебное чувство, которое неизменно вызывал в нем так часто являвшийся ему в заточении чудесный образ. Но постепенно, уже на пароходе ему стало ясно, что при всех своих достоинствах Пореш-бабу не мог бы пробудить в нем столь сильного чувства, и Гора решил, что пора взять себя в руки.

«Я не поддамся!» — внушал он себе.

На пароходе же он принял решение уехать куда-нибудь подальше и не дать сковать свою волю даже самым прекрасным цепям.

Именно в таком состоянии духа он и заспорил с Биноем. Его спор с другом при первой же встрече после разлуки никогда не перешел бы в столь бурную стычку, если бы Гора не спорил в данном случае прежде всего с самим собой, мучительно пытаясь разобраться в своих собственных сомнениях, в своих собственных мыслях и чувствах. Он так страстно возражал Биною, потому что это было совершенно необходимо ему, Горе. И Биною, в ком сегодняшние бурные наскоки Горы вызвали не менее бурную реакцию, который мысленно в пух и прах разбил все его доводы и всем своим существом возмущился против них, считая их проявлением глупейшего фанатизма, и в голову не приходило, что Гора никогда не говорил бы с ним так резко, если бы эта резкость не была направлена против него самого.

После разговора с Биноем Гора решил, что нельзя так просто покинуть поле битвы. «Если, испугавшись за себя, я решу отступить от Биноя, он окончательно погибнет», — думал он.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Глубокая задумчивость овладела Горой. Все это время он не думал о Шучорите, как о живом человеке — она была мечтой, созданной его воображением. Ее образ являлся для него олицетворением индийской женщины, воплощением чистоты, святости и красоты семейного очага. Он испытал огромное счастье, когда рядом со своей матерью увидел живое воплощение богини процветания Лакшми — той, которая одаряет лаской детей, ухаживает за больными, утешает страждущих, дает познать великое чувство любви самым ничтожным, той, которая никогда не покинет даже самого убогого из нас в несчастье и горе и никогда не презирает нас, той, которая, сама достойная поклонения, с преданностью относится к самому недостойному. Ему казалось, что это прикосновение ее искусных, прекрасных рук освящает все дела людей, и что сама она, неистощимая в терпении, всепрощающая в любви, была послана всевышним на землю как вечный дар.

«А мы не обратили внимания на этот драгоценный дар, — думал он. — Отодвинули его в тень, забыли о нем — это ли не признак нашего внутреннего убожества? Ведь она и есть то, что мы называем родиной. Это она восседает на столепестковом лотосе в сердце Индии, а мы только ее слуги. Бедствия страны — бесчестье для нее. И нам, мужчинам, должно быть очень стыдно со спокойным безразличием взирать на это бесчестье».

Гора сам удивился своим мыслям. Он даже не подозревал, насколько неполно было его представление об Индии, пока он не замечал ее женщин. И так же неполно было его представление о долге в отношении своей страны, пока женщины оставались для него чем-то неясным, расплывчатым и нереальным. Казалось, что в его понимании долга была твердость, но не было жизни, как в человеческом теле, сильном, мускулистом, но лишенном нервов. И ему вдруг стало ясно, что чем решительнее будут мужчины отстранять от себя женщин, чем меньше места отводить им в своей жизни, тем слабее будут становиться они сами.

Поэтому слова Горы «так это были вы!» — не являлись обычной вежливой фразой. Его слова содержали в себе удивление и вновь обретенную радость жизни.

Пребывание в тюрьме наложило свой отпечаток даже на внешний облик Горы. Он заметно похудел; тюремная лица была так противна ему, что целый месяц он почти голодал. Он побледнел, а коротко подстриженные волосы еще сильнее подчеркивали худобу лица.

Увидев, как похудел Гора, Шучорита почувствовала, что в душе ее подымается глубокое уважение к нему, и в то же время сердце ее сжалось от боли. Ей захотелось склониться перед ним и взять прах от его ног. Гора показался ей факелом, горящим чистым и ярким пламенем. Благоговение и сострадание переполнили ее грудь, так что она не могла произнести ни слова.

— Вот теперь я поняла, Гора, — нарушила молчание Анондомайи, — что за счастье иметь дочь! Если бы ты знал, каким утешением была для меня Шучорита в твоё отсутствие! До тех пор пока я не знала ее, я и не подозревала, что в каждом несчастье есть и своя светлая сторона — потому что только тогда мы познаем все истинно хорошее и великое. Наша беда в том, что мы не всегда знаем, где и какое утешение в горе уготовил нам всевышний. Ты смущаешься, дитя мое, — она обратилась к Шучорите, — но я не могу не рассказать, сколько счастья ты принесла мне в это тяжелое время.

Взглядом, полным признательности, посмотрел Гора на смутившуюся девушку.

— В печальные дни она приходила разделить твои страдания, — сказал он матери. — Теперь же, когда к тебе вернулась радость, она снова пришла, чтобы умножить ее. Так поступают только истинные бескорыстные друзья, люди с большим сердцем.

— Когда попадается вор, диди, — заговорил Биной, заметив растерянность Шучориты, — его бьют все, кому не лень. И раз уж сегодня ты попалась нам в руки, придется и тебе пожинать плоды своих дел. Теперь тебе не убежать. Я ведь тебя давно знаю, но до сих пор никому ничего не выболтал. Правда, в душе я был уверен, что в один прекрасный день все раскроется.

— Ну еще бы, конечно, ты молчал! — со смехом сказала Анондомойи. — Ты же молчалив от природы! С первого дня знакомства, — обратилась она к Шучорите, — он без удержу поет вам всем хвалебные гимны!

— Слушай и запоминай, диди, — проговорил Биной. — Вот тебе свидетельство того, что я умею ценить хорошее в людях и отнюдь не лишен чувства благодарности.

— Ну, а теперь вы поете хвалебные гимны самому себе, — воскликнула девушка.

— Нет, от меня о всех моих достоинствах вы никогда не узнаете, — ответил Биной. — За этим вам следует обратиться к ма. Она вам такого наскажет, что ушам не поверите. Я и сам поражаюсь, когда слушаю ее. Кажется, готов умереть молодым, если она пообещает написать мою биографию!

— Вы послушайте только, что говорит этот мальчишка! — воскликнула Анондомойи.

— Твои родители, Биной, дали тебе имя как раз под стать характеру, — промолвил Гора.

— Они молили о скромности, наверное, только потому, что не ожидали от меня иных достоинств, не то быть бы мне посмешищем для всех.

Так была преодолена неловкость первой встречи.

— Заходите к нам как-нибудь, — сказала Шучорита Биною на прощание.

Биной Шучорита пригласила, но Гору пригласить не решилась, а тот, не поняв настоящей причины, слегка обиделся. Раньше его ничуть не огорчало то, что Биной очень легко сходилась с людьми и находил свое место в любом обществе, тогда как сам он этого не умел; сегодня же он почувствовал, что это существенный недостаток его характера.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Биной понимал, что Шучорита позвала его для того, чтобы поговорить о возможности его женитьбы на Лолите. По-видимому, несмотря на то, что он принял окончательное решение и объявил о нем, вопрос этот по-прежнему

висел в воздухе. Было похоже, что ни одна сторона не собиралась выпускать Биню из рук, покуда он был жив!

До сих пор юношу больше всего беспокоило, как он сообщит эту новость Горе. Думая о Горе, он представлял себе не просто друга детства. Гора олицетворял для него определенные идеалы, определенные убеждения, он был его опорой в жизни. Их постоянное общение было привычным и в то же время служило постоянным источником радости для Бинюя, а всякое разногласие с Горой было для него равносильно внутреннему разладу.

Но неизбежное свершилось, и первое смущение, вызванное внезапным разговором, исчезло. Бинюй воспрянул духом, рассказав Горе о своих отношениях с Лолитой. Ожидание операции всегда страшнее самой операции; стоит вскрыть нарыв, и пациент, несмотря на боль, начинает чувствовать облегчение и понимает, что на самом деле все совсем не так страшно, как казалось.

Раньше у Бинюя не хватало решимости спорить даже с самим собой, но, раз поспорив с Горой, он теперь постоянно думал, что мог бы возразить приятелю в том или другом случае. Он в два счета мысленно разбивал любые доводы Горы. Если бы только ему удалось толком обсудить все с Горой, поговорить по душам, поспорить — пусть даже поссориться, — он мог бы все-таки сделать для себя какой-то определенный вывод. Но было очевидно, что Гора доводить до конца начатое объяснение не собирается. Бинюя это возмущало.

«Гора не желает понять, — думал он. — Но и объяснять он тоже ничего не желает. Он просто хочет силой заставить меня подчиниться. Сила! Разве я могу когда-нибудь склониться перед силой! Но, будь что будет, правда на моей стороне!» И только он произнес мысленно слово «правда», как оно целиком завладело его сердцем. Чтобы устоять против Горы, ему нужно было заручиться поддержкой надежнейшего союзника, и, решив, что таким союзником и опорой может быть для него только правда, он настойчиво стал повторять про себя это слово. Придя к убеждению, что он нашел прибежище в правде, Бинюй проникся к себе глубоким уважением и потому, направляясь к дому Шучориты, шел высоко поднимая голову. Склонность ли к правде вселяла в него такую уверенность

в себе или склопность еще к чему-то, определить Биною в его теперешнем состоянии было довольно трудно...

Хорпмохини хлопотала на кухне, когда пришел Биной. Заглянув к ней и сделав заявку на обед, достойный брахмана, он прошел наверх.

Шучорита что-то шила. Не отрывая глаз от работы, она сразу же заговорила о том, что было у нее на уме.

— Как по-вашему, Биной-бабу, — сказала она, — нужно ли считаться с внешними препятствиями при отсутствии внутренних?

В разговоре с Горой Биной стоял на одной точке зрения, тепер же, в разговоре с Шучоритой, он переключился на диаметрально противоположную. Кто бы мог подумать, что у него был с Горой горячий спор на эту тему?

— Но не преуменьшаете ли вы значения внешних препятствий? — спросил Биной.

— На это есть причины, Биной-бабу, — пояснила Шучорита. — Ведь препятствия, которые ставит наше Общество, трудно назвать чисто внешними, поскольку наша община основана на религиозных принципах, тогда как община, к которой принадлежите вы, связана, главным образом, узами общественных отношений. Вот почему для вас выйти из членов общины не было бы столь большой потерей, как для Лолиты.

Затем последовала дискуссия на тему о том, должно или нет личные религиозные убеждения ограничивать рамками какой бы то ни было общины.

В разгар этой дискуссии в комнату вошел Шотиш с письмом и газетой в руках. При виде Биной он очень обрадовался и сразу же настроился на праздничный лад. Немедленно между Шотишем и его другом завязался оживленный разговор. Шучорита же взялась за брахмаистскую газету и приложенное к ней письмо, которые прислала ей Лолита. В этой газете внимание Шучориты привлекла заметка, в которой сообщалось, что некой весьма известной брахмаистской семье угрожала недавно опасность выдать одну из своих девиц замуж за индуиста. Однако угроза эта тепер отпала сама собой ввиду того, что жених вдруг заартачился. Взяв это сообщение в основу своего повествования, автор далее проводил сравнение между достойной сожаления слабостью брахмаистского семейства

и силой убеждения молодого индуиста, причем сравнение это было далеко не в пользу брахмаистского семейства.

Шучорита решила про себя, что брак Лолиты с Биноем нужно устроить во что бы то ни стало, но, понимая, что одними разговорами от этого молодого человека ничего не добьешься, она отправила Лолите записку с просьбой прийти немедленно, ни словом не упомянув, что Биной уже у нее.

Поскольку нет такого календаря, который по мере надобности обращая бы будни в праздник, Шотишу все-таки пришлось собираться в школу. Шучорита тоже поднялась и, извинившись, попросила Биноя подождать, пока она примет ванну.

Когда Биной остался один в комнате, возбуждение от спора мало-помалу улеглось, сознание своей молодости, своей мужественности овладело им. Было около девяти часов. Прохожих в переулке — почти ни души. Только маленькие часы на письменном столе Шучориты своим тиканьем нарушали тишину. Атмосфера комнаты начала постепенно оказывать свое действие на ход мыслей Биноя. Казалось, будто вся обстановка стала вдруг знакомой до мельчайших подробностей. Строгий порядок на столе, вышитые чехлы на креслах, шкура антилопы на полу, несколько картин на стенах, небольшая полка с книгами в красных переплетах — все это глубоко трогало Биноя. Ему казалось, что комната полна какой-то волшебной тайны. Казалось, она до сих пор хранила нежные робкие отзвуки секретов, которыми шепотом обменивались здесь девушки в тиши полудня.

Биной попытался представить себе, кто, где и как сидел во время этого разговора. Сколько мыслей, сколько образов навевали на него слова Пореша-бабу: «Я слышал от Шучориты, что Лолита к тебе равнодушна». Что-то сладостное и волнующее, как песня странствующего певца, коснулось его сердца, и из самых дальних тайников души поднялось такое замечательное непостижимое чувство, что, не будучи ни поэтом, ни художником, Биной буквально изнемогал от невозможности передать его. Ему казалось, что сделай он что-то, и все будет хорошо, и в то же время

ощущал в себе полную неспособность к действию. Будто легкая завеса отделяла его от того, что было совсем рядом, и делала это близкое непостижимым; однако найти в себе силы сорвать эту завесу он не мог.

В дверях появилась Хоримохини и спросила, не надо ли ему воды. Когда Биной ответил отрицательно, она вошла и села.

Пока Хоримохини жила в семье Пореша-бабу, она была искренне расположена к Биною. Но стоило ей переехать на новую квартиру и почувствовать себя дома, как все приятели Шучориты сделались ей до крайности неприятны. Она пришла к заключению, что во всех Шучоритиных погрешностях против правил поведения следует винить исключительно ее друзей. Хотя Хоримохини знала, что Биной не брахмаист, она прекрасно видела, что в индуистской вере он не слишком крепок, так что теперь она не очень-то стремилась приглашать этого сына брахмана к трапезе, освященной у алтаря.

— Ведь ты же, дорогой мой, сын брахмана. А вечернюю молитву ты разве не читаешь? — спросила она как будто между прочим Биной.

— Тетя, — сказал Биной, оправдываясь, — мне столько в жизни пришлось долбить наизусть, что я забыл все подходящие молитвы.

— Пореш-бабу тоже немало учился, — ответила Хоримохини, — и хоть он и другой веры, а молится же как-то и утром и вечером.

— Но, тетя, — повинился Биной, — чтобы такого достичь, мало заучить наизусть несколько текстов. Если я когда-нибудь стану таким, как Пореш-бабу, я тоже буду молиться утром и вечером.

— А пока что следовал бы хоть заветам предков, — сказала Хоримохини раздраженно. — А то получается ни то ни се. По-твоему, хорошо это? Ведь должен же человек во что-то верить. А ты и от старого отстал, и к новому не пристал! Разве так можно?

На этом месте речь ее была прервана появлением Лолиты, которая, увидев Биню, пришла в полное смятение.

— А где диди? — спросила она Хоримохини.

— Радхарани пошла купаться, — ответила Хоримохини, и Лолита, словно ее приход нужно было как-то объяснить, залепетала:

— Это Шучорита меня позвала.

— Ну так посиди пока, — сказала Хоримохини, — она сейчас придет.

Лолиту Хоримохини тоже не очень жаловала, потому что теперь ей хотелось вырвать Шучориту из прежнего окружения и окончательно прибрать к рукам. На остальных дочерей Пореша-бабу обижаться ей не приходилось, но Лолитину манеру поминутно забегать, чтобы поболтать с Шучоритой, Хоримохини очень и очень не одобряла. Иной раз, чтобы прекратить их разговоры, она поручала Шучорите какую-нибудь работу, а то начинала сетовать, что занятия Шучориты идут уже не так успешно, как прежде. Это, однако, нисколько не мешало ей ставить Шучорите на вид каждый раз, как та все-таки садилась за книги, что для молодых девушек ученье не только не нужно, но даже вредно. А было все дело в том, что, чувствуя свое бессилие перед Шучоритой, она вишила в этом попеременно то ее знакомых, то науки.

Нельзя сказать, чтобы Хоримохини доставляло большое удовольствие сидеть с Лолитой и Биноем, но она была на них сердита и потому не уходила. Она чувствовала, что их связывают какие-то таинственные отношения, и потому решила про себя:

«Не знаю, как уж там в вашем кругу принято, но у себя в доме я никакого бесстыдства, никаких таких христианских штучек не допущу».

Но и Лолиту мучил дух противоречия. Вчера она собиралась с Шучоритой к Анондомойи, но, когда дошло до дела, почувствовала, что не сможет заставить себя пойти. Несмотря на все свое уважение к Горе, Лолита питала к нему острую неприязнь — ей никак не удавалось освободиться от чувства, что сам Гора относится к ней сугубо отрицательно. Она ощущала это настолько отчетливо, что с самого того дня, когда Гора вышел на свободу, изменились и ее чувства к Биною. Еще совсем недавно она немало гордилась своим влиянием на Биню; теперь, при мысли о том, что он никак не может выр-

ваться из-под опеки Горы, его слабохарактерность возмутила ее до глубины души.

Биной же, напротив, увидев входящую в комнату Лолиту, пришел в страшное волнение. Он никак не мог заставить себя сохранять непринужденность манер в ее присутствии, так как, с тех пор как сплетники стали ставить рядом их имена, мысли его при ее появлении начинали метаться из стороны в сторону, как магнитная стрелка перед бурей.

Лолита не на шутку рассердилась на Шучориту, застав у нее Биной. Она поняла, что ее пригласили сюда выяснять отношения, а также в надежде, что она сумеет вновь завоевать расположение заупрямившегося Биной. Поэтому она сказала, обращаясь к Хоримохини:

— Скажите, диди, что у меня нет сейчас времени и что я зайду в другой раз, — и поспешно вышла из комнаты, даже не взглянув на Биной.

Теперь, поскольку Хоримохини больше незачем было оставаться в комнате, она тоже встала и пошла по своим хозяйственным делам.

Биной и раньше приходилось видеть на лице Лолиты выражение, словно она едва сдерживает рвущийся наружу огонь. Но это было давно. С тех пор он успел успокоиться, уверенный, что черные дни, когда Лолита в любую минуту готова была разить его огненными стрелами гнева, навсегда миновали. И вдруг сегодня он увидел, что она опять извлекла это старое оружие из своего арсенала и что на нем нет и тени ржавчины. Тяжело, когда на вас сердятся, но сносить презрение такому человеку, как Биной, было еще тяжелее. Ему вспомнилось, с каким отвращением смотрела она на него, когда считала его всего лишь спутником планеты «Гора». И он мучился мыслью, что Лолите его колебания не могут не казаться трусостью. Биной представлялось невыносимым, что сомнения, в основе которых лежит чувство долга, Лолита принимает за малодушие, а сказать что-нибудь в свое оправдание она ему, конечно, не даст. И это было для Биной жесточайшим наказанием, потому что он знал, что говорит хорошо и убедительно, ловко манипулирует словами, и что его способности отстаивать в споре любое положение можно только позавидовать. Но Лолита,

открывая против него враждебные действия, никогда не давала ему высказаться. Не представилось такой возможности ему и сегодня.

Заметив брошенную газету, Биной в раздражении схватил ее и вдруг увидел место, отчеркнутое карандашом. Он прочел заметку и тотчас же понял, что речь идет о нем и о Лолите. Биной отчетливо представил себе, что Лолита, вероятно, постоянно подвергается такого рода оскорблениям со стороны членов «Самаджа». Не мудрено, что такая гордая девушка, как Лолита, не может испытывать по отношению к нему ничего, кроме презрения, если он, вместо того чтобы защищать ее как-то, занялся детальным разбором различий, существующих между разными общинами. Ему стало стыдно, когда он попробовал сравнить себя с ней — самолюбивой и смелой, и вспомнил ее бесстрашное пренебрежительное отношение к общественному мнению.

Когда Шучорита, приняв ванну, накормив завтраком и отправив в школу Шотиша, вернулась в комнату, она застала Биню в таком понуrom и подавленном состоянии, что возобновлять прежний разговор она не решилась. Сядя за стол, Биной не прополоскал рот, как того требовал обычай.

— Вот что, Биной, — сказала недовольно Хоримхини. — Раз ты не придерживаешься индуистских обычаев, отчего бы тебе не стать брахманом?

— Как только я окончательно уверюсь, что индуизм — это только свод правил о том, что можно и чего нельзя есть, к чему можно прикасаться и к чему нет и многих других бессмысленных обычаев и запретов, — ответил Биной, слегка обидевшись, — я немедленно перейду, если не в брахманство, то в христианство, мусульманство — во что угодно... но пока что я в индуизме до такой степени еще не отчаялся.

От Шучориты Биной ушел в подавленном состоянии; ему казалось, что удары сыплются на него со всех сторон, а кругом пустота и укрыться негде. Он разошелся с Горой, оттолкнул от себя Лолиту, и даже его горячая дружба с Хоримохини стала заметно охладевать. В ответ на нежность, которую питала к нему Бародашундори, и доброту Пореша-бабу, и теперь еще ласкового с ним не-

смотря ни на что, он перевернул в их доме все вверх дном, и теперь уж ему там не было места.

Биной нуждался в искреннем расположении тех, кого любил, и делал все, чтобы заслужить эту любовь. Как же могло случиться, что именно он, Биной, оказался вдруг за пределами привычного круга симпатии? Вот он вышел из дома Шучориты и не знает, куда ему идти! Было время, когда он без раздумий направился бы к Горе, но теперь сделать это не так-то просто. Что он скажет Горе? А молчать в присутствии друга слишком тяжело. И к Порешу-бабу пойти он тоже не мог.

Биной медленно шел по дороге, понуриив голову, и неоступно думал над тем, почему он оказался в таком нелепом положении.

Погруженный в свои мысли, он вышел к пруду Хедуа и сел на берегу в тени под деревом. Все трудности, с которыми сталкивала его жизнь, он обязательно обсуждал с Горой. Он не принимал ни одного решения, не посоветовавшись предварительно и не поспорив с ним. Сегодня это было невозможно — думать и принимать решения он должен был сам.

Биной не страдал отсутствием способностей к самоанализу. Он не мог оправдывать себя, сваливая вину на объективные причины. И потому после некоторого раздумья пришел к выводу, что во всем виноват он один.

«Нет на земле такого ловкача, — мысленно рассуждал он, — который мог бы купить вещь, ничего не заплатив за нее. Если хочешь выбрать одно, поступишь другим. Я же нахожусь в положении человека, который не хочет упустить ничего, и потому теряет все. Хорошо тому, кто сумел решительно и бесповоротно выбрать свой жизненный путь. Несчастный же, который мечется по нескольким дорогам, не в силах отказаться ни от одной из них, только лишает себя возможности достичь желаемой цели. Кто он, если не жалкий бездомный пес!»

Трудно определить болезнь, но, даже установив диагноз, нелегко бороться с ней. Биной был способен остро мыслить, но не умел действовать. Вот почему до сих пор он во всем опирался на друга, более волевого, чем он сам. Наконец-то теперь, в самую критическую минуту своей жизни, он вдруг понял, что в мелочах безвольные люди

могут прибегать к чужой помощи, но на крутых поворотах жизни им приходится рассчитывать только на свои силы.

Когда солнечные лучи начали подбираться поближе, разгоняя тень, в которой он сидел, Биной поднялся и снова вышел на дорогу, но не успел он сделать и нескольких шагов, как услышал голос Шотиша: «Биной-бабу, Биной-бабу!» И через секунду маленький друг уже крепко держал его за руку. Была пятница, и Шотиш шел домой из школы, чтобы не возвращаться туда до понедельника.

— Пойдемте к нам, Биной-бабу, ну пойдемте! — упрашивал он.

— Как же я могу? — спросил Биной.

— Но почему же не можете? — не отставал Шотиш.

— Вряд ли у вас очень обрадуются, если я так зачашу.

Но Шотиш не удостоил этот довод ни малейшим вниманием и только сказал:

— Нет, пошли!

Шотиш и не подозревал, как запутались и осложнились за последнее время отношения Биной и его родных, и поэтому искренняя привязанность, которую мальчик питал к нему, особенно трогали юношу. Из всех обитателей дома, еще так недавно казавшегося ему земным раем, Шотиш один сохранил ясные, ничем не омраченные дружеские чувства к Биной. Он один с прежней доверчивостью смотрел на Биной сейчас, когда все, казалось, рушилось вокруг него, и только одному Шотишу не было никакого дела до всех выпадов и обвинений общества.

— Пошли, брат, — сказал Биной, обняв мальчика. — Я провожу тебя до дому.

Обняв Шотиша, Биной словно ощутил всю сладость любви и ласки, которой Шучорита и Лолита окружали мальчика с самого детства.

Биной с наслаждением слушал мальчика, который всю дорогу без умолку болтал о каких-то посторонних пустяках. И в этом общении с чистой детской душой Биной смог на некоторое время забыть о своих собственных запутанных делах.

Дорога к дому Шучориты шла мимо дома Пореша-бабу. С улицы была видна гостиная Пореша во втором этаже. Когда они приблизились к дому, Биной не удержался

жался и бросил взгляд на окно. Он увидел сидящего за столом Пореша-бабу. Разобрать, разговаривает он с кем-нибудь или нет, было нельзя, но было видно, что рядом с его креслом на низенькой плетеной табуретке, спиной к улице, сидит в позе примерной ученицы Лолита.

Возбуждение, в котором Лолита покинула дом Шучориты, не прошло ей даром. Она долго не находила себе места и наконец, не видя другого способа успокоить расходившиеся нервы, тихонько вошла в комнату отца. Таким миром и покоем веяло от Пореша-бабу, что нетерпеливая Лолита нередко приходила молча посидеть возле него, когда раздражение и беспокойство овладевали ею.

— В чем дело, Лолита? — спросил ее Пореш-бабу.

— Ни в чем, отец, — ответила она. — Просто у тебя тут так хорошо и прохладно.

Пореш-бабу прекрасно понимал, что сегодня она пришла к нему с разбитым сердцем; у него и самого на душе было тяжело. Он повел разговор о том и о сем, стараясь развеселить ее и понемногу отвлечь от черных мыслей.

Вот этой-то задушевной беседы отца с дочерью и был свидетелем Биной. Он невольно остановился, не отводя глаз от окна, и совершенно пропустил мимо ушей то, что говорил Шотиш. А тот как раз поставил на обсуждение чрезвычайно сложный вопрос из области военной тактики. Его интересовало в принципе, нельзя ли между своей и вражеской армиями расположить отряд дрессированных тигров и тем самым обеспечить победу? До этого момента вопросы и ответы следовали один за другим бесперебойно, и при этой неожиданной осечке Шотиш поднял глаза, чтобы узнать, в чем дело. Проследив взгляд Биноя, он увидел Лолиту и закричал:

— Лолита-диди, Лолита-диди, посмотри, я по дороге из школы встретил Биноя-бабу и привел его к нам!

Увидев, как вскочила со стула Лолита, как повернулся к окну Пореш-бабу, Биной отчаянно смутился, понимая, что причиной общего замешательства был он. Но делать было нечего. Простившись кое-как с Шотишем, он вошел в дом.

Когда он поднялся на второй этаж, Лолиты в гостиной уже не было. Чувствуя себя преступником, ворвавшимся

к ним в дом и нарушившим их покой, он робко опустился на стул.

Как только с обычными вежливыми вопросами о здоровье и так далее было покончено, Биной сразу перешел к делу.

— Поскольку я не слишком ревностно соблюдаю правила и обряды, предписываемые индуистской религией, и, откровенно говоря, чуть ли не ежедневно нарушаю их, я считаю своим долгом вступить в «Брахмо Самадж». И мне очень хотелось бы, чтобы именно вы ввели меня в ваше Общество.

Еще за четверть часа до этого у Биноя не было ни ясного желания, ни решимости сделать это. Пореш-бабу был настолько удивлен, что некоторое время молчал.

— Но обдумал ли ты всесторонне этот вопрос? — наконец спросил он.

— В данном случае обдумывать, собственно, нечего, — ответил Биной. — Вопрос, по-моему, заключается в том — правилен ли этот поступок? Ответ на него может быть только один. С моим образованием невозможно искренне воспринимать религию, сущность которой фактически сводится к тому, чтобы как-нибудь, не дай бог, не нарушить определенных правил и честно соблюдать определенные обряды. Я не могу не видеть несоответствия на каждом шагу. Пока я связан с людьми, ревностно относящимися к индуизму, я неизбежно буду оскорблять их религиозные чувства, что с моей стороны очень нехорошо. Даже отбросив в сторону остальные соображения, я считаю, что должен все это в корне изменить, иначе я потеряю всякое уважение к себе.

Для Пореша-бабу столь многословное объяснение было совершенно необязательным. Нужно оно было самому Биной, чтобы укрепить его решимость. Теперь его просто распирало от гордости при мысли о том, что он оказался в самой гуще борьбы добра и зла, из которой — встав на сторону добра — он непременно должен выйти победителем. На карту сейчас было поставлено его человеческое достоинство.

— А совпадают ли твои взгляды в вопросах веры со взглядами «Брахмо Самаджа»? — спросил Пореш-бабу.

— Скажу вам откровенно, — ответил Биной после короткого раздумья. — Было время, когда я считал себя человеком религиозным. Я даже со многими ссорился по этому поводу, но теперь я убедился, что в вопросах веры я совершенный профан. И понял я это, познакомившись с вами. В моей жизни пока что еще не было случая, чтобы я почувствовал настоящую потребность в религии; не веря по-настоящему в ее необходимость, я до сих пор довольствовался принятой у нас религией и, давая волю воображению, упражнялся в софистике. Я никогда не ощущал потребности задуматься над тем, какая же религия истинна? И, собственно, интересовала меня не религия, а споры о ней. Чем труднее давалась победа в споре, тем больше я гордился такой победой. Я и теперь не могу с уверенностью сказать, станет ли для меня религия до конца истинной и необходимой. Несомненно одно: при благоприятных условиях и имея перед собой достойный пример, я со временем смогу разрешить для себя этот вопрос. И уж, во всяком случае, избавлюсь от унижения нести перед собой, как победное знамя, то, что в действительности противно моему здравому смыслу.

По мере того, как он излагал Порешу-бабу свою точку зрения, доводы в защиту его теперешнего душевного состояния оформлялись, и скоро он заговорил с таким жаром, словно давно уже пришел к этому решению, заранее взвесив все за и против.

Тем не менее Пореш-бабу настаивал, чтобы он поспешил с окончательным решением, — и это дало Биною повод предположить, что Пореш-бабу, по-видимому, недооценивает твердости его намерений. Подобное предположение лишь придало ему упорства, и он опять стал твердить, что уверен в себе и что решение его непоколебимо. Ни тот, ни другой в течение всего разговора ни словом не обмолвился ни о Лолите, ни о возможной свадьбе.

В это время в комнату якобы по какому-то хозяйственному делу вошла Бародашундори. Покончив со своим делом, она собралась уже было уходить, так и не обратив на Биноя никакого внимания. Биной был уверен, что Пореш-бабу непременно окликнет жену и сообщит ей последние новости. Но Пореш-бабу не сказал ни слова, считая, что говорить об этом еще не время. Он хотел

сохранить пока что все втайне. Однако поскольку Бародашундори откровенно игнорировала его, Биной просто не мог выдержать такого отношения с ее стороны. Он догнал ее и в поклоне, коснувшись ее ног, сказал:

— Я пришел сообщить вам, что хочу вступить в «Брахмо Самадж». Я знаю, что недостойн, но надеюсь, что вы поможете мне подняться на должную высоту.

Выслушав его, пораженная Бародашундори медленно вернулась в комнату и села, вопросительно глядя на Пореша.

— Биной просит, чтобы я ввел его в члены «Брахмо Самаджа», — пояснил Пореш-бабу.

При этих словах сердце Бароды наполнилось гордостью победителя, но почему-то была в ее гордости и какая-то червоточина. Ей давно хотелось раз и навсегда проучить Пореша-бабу. Не раз заявляла она с уверенностью прорицательницы, что ее супруг когда-нибудь еще пожалеет о своем поведении. Раздраженная непоколебимым спокойствием, с каким он наблюдал бушевавшие вокруг него в обществе страсти, она ждала возмездия, и теперь, когда, казалось, все должно наконец кончиться ко всеобщему удовольствию, Бародашундори не чувствовала безоблачной радости.

— Если бы вы сделали это сообщение несколькими днями раньше, — проговорила она напыщенно, — то вы могли бы нас избавить от многих неприятностей и унижений.

— Наши затруднения и унижения тут ни при чем, — заметил Пореш. — Биной желает вступить в члены «Самаджа», только и всего.

— И это все, чего он желает? — удивилась Бародашундори.

— Видит бог, я знаю, что причина всех ваших неприятностей и унижений кроется во мне! — воскликнул Биной.

— Вот что я тебе скажу, Биной, — сказал Пореш-бабу. — Подожди со вступлением в Общество, пока ты не уяснишь себе как следует, что это даст тебе. Я ведь не раз говорил, чтобы ты не предпринимал никаких шагов, чреватых серьезными последствиями, только потому,

что считаешь себя обязанным помочь нам выпутаться из щекотливого положения.

— Это, безусловно, верно, — вступила Бародашундори. — Но лично я считаю, что он не имеет права сидеть сложа руки, после того как так запутал нас всех.

— Но если начать метаться, вместо того чтобы сидеть сложа руки, — возразил ей Пореш-бабу, — то можно запутаться еще больше. И к чему говорить, что нужно что-то делать! Часто в жизни бывает так, что как раз лучше всего ничего не делать.

— Ну, конечно, — обиделась Бародашундори, — я дура и ничего не понимаю. Но я была бы вам обязана, если бы вы сказали мне, на чем вы в конце концов остановились. Мне некогда — у меня работа стоит.

— Я бы хотел, чтобы церемония принятия меня в члены состоялась в воскресенье, то есть послезавтра, — сказал Биной, — так что, если Пореш-бабу...

— Нет, — перебил его Пореш-бабу, — я не хочу принимать в этом никакого участия, поскольку это может быть в какой-то мере выгодно моей семье. Тебе придется обратиться непосредственно в «Брахмо Самадж».

Это обескуражило Биноя. Он пока что не чувствовал ни малейшего желания обращаться с просьбой о приеме его в Общество официальным путем, тем более что именно из «Брахмо Самаджа» и пошла сплетня о нем и Лолите. Как он напишет такое прошение? В каких выражениях? Как будет смотреть в глаза людям, после того как оно будет напечатано в брахмаистских газетах? Его письмо прочтет Гора, прочтет Анондомойи. К письму не будет дано никаких объяснений, и читатели-индуисты узнают только, что Биной вдруг ни с того ни с сего загорелся желанием вступить в «Брахмо Самадж». А ведь это далеко еще не все! И если газета умолчит об остальном, то Биной пропадет со стыда!

Видя, что Биной молчит, Бародашундори испугалась.

— Ах, я и забыла, он ведь не знает никого, кроме нас, в «Брахмо Самадже», — сказала она. — Но ничего, мы сами все устроим. Я сию же минуту пошлю за Пану-бабу. Времени терять нельзя. Ведь воскресенье уже на носу!

Только она кончила говорить, как мимо комнаты, по дороге наверх, прошел Шудхир, и Бародашундори крикнула ему:

— Шудхир, в воскресенье Биной вступает в наш «Самадж»!

Шудхир чрезвычайно обрадовался. Биной ему всегда очень нравился, и мысль видеть его в «Брахмо Самадже» была ему очень приятна. Ему казалось нелепым, что человек, умеющий так великолепно писать по-английски, такой умный и хорошо образованный, не вступает в «Брахмо Самадж». Теперь, когда подтвердилось его убеждение, что человек, подобный Биною, не может найти счастье помимо «Брахмо Самаджа», сердце Шудхира наполнилось гордостью.

— Но удастся ли все подготовить к воскресенью? — сказал он. — Ведь многих не успеют оповестить.

Дело в том, что Шудхиру хотелось, чтобы о вступлении Биной знали все и вся и восприняли бы это как поучительный пример.

— Нет, нет, — воскликнула Бародашундори, — к воскресенью можно прекрасно управиться. Сбегай, Шудхир, за Пану-бабу.

Несчастный, на чьем примере восторженный Шудхир собирался доказывать всем неодолимую силу идей «Брахмо Самаджа», чувствовал себя очень плохо. То, что на словах представлялось чем-то не столь существенным, на деле поставило его в крайне неловкое положение.

Как только собрались посылать за Пану-бабу, Биной поднялся, чтобы уйти, но Бародашундори, не хотевшая выпустить жертву из рук, стала удерживать его, убеждая, что Пану-бабу не заставит себя долго ждать.

— Нет, извините меня, не сегодня, — сказал Биной виновато.

«Только бы вздохнуть, только бы вырваться отсюда и обдумать все толком», — думал он.

Когда он встал, чтобы уходить, поднялся и Пореш-бабу и, положив руку на плечо Биною, сказал:

— Не делай ничего впопыхах, Биной. Успокойся и подумай хорошенько, прежде чем окончательно решаться на этот шаг. Ведь он изменит всю твою жизнь, не делай его, не разобравшись как следует в своих мыслях.

На что окончательно выведенная мужем из терпения Бародашундори возразила:

— Люди, которые берутся за что-нибудь, заранее не подумав, которые сидят сложа руки, пока не попадут сами и других не втянут в хорошенькую переделку, обычно, увидев, что деваться некуда, говорят: «Сядьте да подумайте!» Ты можешь тут сидеть и думать, сколько твоей душе угодно, а до нас тебе и дела нет, хоть умри!

Шудхир вышел из дому вместе с Биноем. Его распирало от нетерпенья, как лакомку, которому хочется отве-дать изысканных блюд, не дожидаясь пира. Ему хотелось тотчас же отвести Биню к своим друзьям, сообщить им благую весть и тут же предаться ликованию, но неумеренный восторг Шудхира повергал Биню все в большее уныние. Когда Шудхир предложил ему немедленно пойти к Пану-бабу, Биней, оставив его слова без внимания, вырвал руку и пошел прочь.

Пройдя несколько шагов, он встретил Обинаша, который вместе с несколькими приятелями несся куда-то как угорелый. Однако, увидев Биню, все они остановились.

— Вот и Биней-бабу, как нельзя кстати, — воскликнул Обинаш. — Пошли с нами, Биней-бабу.

— Куда? — спросил Биней.

— Да в сад в Кашипуре, конечно, — ответил Обинаш. — Чтобы подготовить все к церемонии покаяния для Гоурмохона-бабу.

— Нет, — отказался Биней, — у меня сейчас нет времени.

— То есть как это? — воскликнул Обинаш. — Вы понимаете ли, какое это будет важное событие? Гоурмохон-бабу не стал бы заниматься пустяками. Пришло время индуйстам показать свою силу! О покаянии Гоурмохона-бабу заговорит весь народ! Мы пригласим известных пандитов и именитых брахманов со всей страны, так что событие это отразится буквально на всей индуистской общине. Люди увидят, что мы еще живы, они поймут, что истинный индуизм и не думает умирать!

Кое-как избавившись от Обинаша, Биней пошел своей дорогой.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

Когда в ответ на приглашение Бародашундори явился Харан-бабу и узнал, в чем дело, он принял глубокомысленный вид и некоторое время важно хранил молчание.

— Я полагаю, что этот вопрос мы должны будем обсудить вместе с Лолитой, — сказал он наконец.

Как только пришла Лолита, Харан-бабу с подчеркнутой торжественностью сказал:

— Лолита, в твоей жизни наступил очень ответственный момент. С одной стороны — твоя религия, с другой — твое чувство. Тебе нужно сделать выбор между ними.

Он остановился, чтобы посмотреть, какое впечатление произвели его слова на Лолиту, уверенный, что пред лицом столь пламенного благочестия, блистательный пример которого являл собой он сам, должны трепетать малодушные и пасовать лицемерные, — «Брахмо Самадж» имел все основания гордиться Хараном-бабу.

Но Лолита продолжала молчать, и он заговорил снова:

— Ты, без сомнения, уже слышала, что Биной-бабу, видя положение, в каком ты очутилась, или по какой-то другой причине, выразил согласие вступить в нашу общину.

Это было новостью для Лолиты, но она никак не реагировала на его слова и продолжала сидеть неподвижно, словно каменное изваяние; только глаза ее заблестели.

— Пореш-бабу, конечно, очень обрадован такой любезностью со стороны Биноя, — продолжал Харан-бабу, — но только ты одна можешь решить, действительно ли нам следует радоваться этому. Вот почему я обращаюсь к тебе с просьбой от лица «Брахмо Самаджа»: забудь на время о своем безрассудном увлечении, обрати все свои мысли к богу и, заглянув в свое сердце, спроси его — есть ли истинная причина радоваться этому событию?

Так как Лолита продолжала молчать, Харан-бабу, уверенный в том, что слова его производят на нее громадное впечатление, и воодушевляясь все больше и больше, продолжал:

— Вступление в число членов «Самаджа»! — воскликнул он, — Нужно ли говорить, какое огромное значение

для человека имеет этот священный обряд! И вдруг этот обряд будет осквернен! Ради чьего-то счастья, удобства, любовного увлечения мы должны будем почтительно расступиться перед лицемерием, допустить, чтобы ложь проникла в «Брахмо Самадж»! Так скажи же мне, Лолита, неужели ты согласишься, чтобы этот прискорбнейший случай в истории «Брахмо Самаджа» был навеки связан с твоим именем?

Но Лолита и на это не ответила ни слова и лишь судорожно сжала ручки своего кресла.

— Я не раз наблюдал, как невероятно ослабляют волю человека его чувства и привязанности. Я знаю, что человеческие слабости следует прощать. Но посуди сама, можно ли простить хоть на миг слабость человека, которая является причиной гибели не только его самого, но и подрубает под самый корень опору жизни сотен других людей? Дал ли нам всевышний право прощать такие слабости?

— Нет, нет, Пану-бабу, — воскликнула Лолита, вскакивая с кресла. — Ради бога, не прощайте нас! Мы так привыкли к вашим нападкам, что самая мысль о том, что вы хотите простить нас, была бы для нас просто невыносимой! — И она выбежала из комнаты.

Слова Харана-бабу сильно встревожили Бародашундори, так как упустить Биноя она не хотела ни в коем случае, но все уговоры ни к чему не привели, и в конце концов она простилась с Хараном очень раздосадованная. Не сумев склонить на свою сторону ни Пореша, ни Харана, она оказалась в весьма затруднительном положении. Совершенно непостижимо, чтобы она, Барода, могла так ошибиться. Ее мнение о Харане-бабу претерпело очередное изменение.

Что же касается Биноя, то сначала, пока процедура вступления в число членов «Самаджа» рисовалась ему весьма смутно, он с большим воодушевлением говорил о своей решимости. Однако, узнав, что ему придется писать официальное заявление, которое будет обсуждать в числе других и Харан-бабу, он пришел в ужас — шум, поднятый вокруг этого, страшил его. Он не знал, куда ему пойти и с кем посоветоваться, так как не решался говорить об этом даже с Анондомойи. Бесцельно бродить

по улицам ему совсем не хотелось, и в конце концов он отправился домой, поднялся в свою комнату и повалился на постель.

Наступили сумерки. Слуга принес лампу. Биной хотел было отослать его обратно, но в это время снизу донесся голос Шотиша, звавшего: «Биной-бабу, Биной-бабу!»

Услышав этот зов, Биной почувствовал такое же облегчение, как путник в пустыне, наконец утоливший жажду. Шотиш был единственным человеком, который мог утешить его сейчас. Апатию Биноя как рукою сняло.

— Ты что, Шотиш? — крикнул он в ответ, вскочил с постели и, не надевая туфель, бросился вниз по лестнице.

Но внизу, в маленьком дворике, его ждал не только Шотиш, рядом с ним стояла Бародашундори. Неразрешимые вопросы снова вставали перед ним, борьба еще не кончилась. Биной проводил Шотиша и Бародашундори наверх.

— Шотиш! — приказала Барода. — Пойди посиди на веранде.

Биною стало жаль своего маленького друга, который должен был в тоскливом одиночестве дожидаться конца их разговора. Он усадил его в соседней комнате, зажег свет и принес ему книжки с картинками.

— Ты ведь никого не знаешь в «Брахмо Самадже», Биной, — начала Бародашундори. — Так ты вот что сделай — напиши письмо и дай его мне, а я завтра же утром сама схожу к секретарю и договарюсь, чтобы они все подготовили к воскресенью. Тебе самому ни о чем не придется беспокоиться.

Биной так растерялся, что не нашелся что ответить. Он покорно написал письмо и отдал его Бародашундори. Он понимал, что во что бы то ни стало должен прийти к определенному решению, должен отрезать все пути к отступлению, чтобы положить конец своим колебаниям и сомнениям.

По ходу разговора Бародашундори упомянула вскользь и возможность его брака с Лолитой.

Когда она ушла, Биной почувствовал, что в душе его подымается отвращение; не радовала даже мысль о Лолите. Ему вдруг стало казаться, что это по ее настоянию

**Р. Тагор в кругу писателей перед отъездом в Англию
(1912 г.)**

Бародашундори проявила не совсем приличную торопливость. Потеряв уважение к самому себе, он невольно стал хуже думать и о других.

Бародашундори, со своей стороны, думала о том, как обрадует она Лолиту, вернувшись домой. Ведь ясно же, что дочь ее любит Биноя, именно поэтому в «Самадже» и поднялся такой шум из-за их брака. Во всем происшедшем она обвиняла кого угодно, только не себя. Вот уже несколько дней, как она почти не разговаривала с Лолитой. Но сейчас, поскольку ее стараниями выход был найден, Бароде не терпелось поскорее сообщить своей своеправной дочери замечательную новость и помириться с ней. Пореш чуть было все не испортил, да и Лолита сама доказала, что обращаться с Биноем она совершенно не умеет. Не помог ничем и Пану-бабу. Лишь одна Бародашундори сумела разрубить гордиев узел! Да, да! Одной женщине удалось сделать то, что оказалось не под силу нескольким мужчинам.

Дома она узнала, что Лолите немного нездоровится и что она рано легла спать.

«Сейчас я тебя вылечу», — усмехнулась про себя Барода.

С лампой в руке она вошла в неосвещенную спальню дочери. Та еще не ложилась и сидела, откинувшись на спинку кресла. Увидев мать, Лолита тотчас же встала.

— Куда ты ходила, ма? — спросила она. В голосе Лолиты слышались резкие нотки. Ей уже сказали, что Барода с Шотишем отправились к Биною.

— Я ходила к Биною, — ответила Бародашундори.

— Зачем?

«Зачем, зачем... что она воображает, что я ей зла хочу, что ли? — сердито подумала Бародашундори. — Неблагодарная девчонка!»

— Вот зачем! — воскликнула она, протянув Лолите письмо Биноя.

Прочитав его, Лолита залилась краской, которая становилась все гуще по мере того, как Бародашундори, желая подчеркнуть свой успех, рассказывала, чего ей стоило получить у Биноя это письмо; она с гордостью дала понять, что никому другому не удалось бы довести дела до успешного конца.

Лолита бросилась в кресло, закрыв лицо руками, и Бародашундори, решив, что дочь стыдится обнаружить при ней свою радость, вышла из комнаты.

Когда на следующее утро Барода вошла за письмом, чтобы отнести его в «Брахмо Самадж», она обнаружила, что кто-то разорвал его в мелкие клочки.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

Под вечер, лишь только Шучорита собралась пойти проведать Пореша-бабу, вошел слуга и доложил о приходе какого-то господина.

— Кто это? Биной-бабу? — спросила она.

— Нет, этот очень светлый и высокий.

Шучорита вздрогнула.

— Проводи его наверх, — сказала она слуге.

До этой минуты Шучорита не задумывалась, во что и как она одета, но сейчас, взглянув на себя в зеркало, осталась недовольна своим видом. Но переодеться было уже некогда, и, наскоро поправив волосы и сари, она вышла в гостиную. Сердце ее стучало. Она совсем забыла, что на столе лежат сборники статей Горы. Возле этого стола как раз и сидел Гора, стопка книг покоилась прямо перед ним, и ни прикрыть, ни убрать их уже не было никакой возможности.

— Тетя давно хотела познакомиться с вами, — сказала Шучорита, — я пойду скажу ей, что вы здесь, — и она поспешно вышла из комнаты, не решаясь остаться с глазу на глаз с Горой.

Через несколько минут она привела Хоримохнини. Та много слышала от Биной о Горе, о его жизни, о том, как непоколебим он в своих убеждениях и вере. Иногда под вечер она даже просила Шучориту почитать ей его статьи. Нельзя сказать, чтобы она хорошо понимала, что он хочет сказать, но, во всяком случае, ей было ясно, что Гора выступает в защиту шастр и соблюдения установленных обычаев и против распушенности современного общества. Она заочно восхищалась Горой, ибо ей представлялось замечательным и весьма похвальным то обстоятельство, что молодой человек, получивший английское

образование, остался настоящим ревнителем старой веры. Биной, с которым она познакомилась в семье брахманста, на первых порах совершенно очаровал ее, но мало-помалу — особенно после того, как они переселились в свой дом — она стала с горечью замечать, что он отнюдь не лишен недостатков, и часто незаслуженно упрекала его именно потому, что столь безудержно восхищалась им вначале. Оттого-то она и ждала с таким нетерпением встречи с Горой.

Хоримохини была совершенно потрясена, увидев его. Да, это действительно был брахман! Словно священный огонь, словно, лучезарное воплощение самого Шивы, предстал он перед ней! Она преисполнилась почтением к нему и, когда он встал, чтобы коснуться ее ног, в смущении отступила назад.

— Я много слышала о тебе, сын мой, — промолвила она наконец. — Так вот ты какой, Гоур! И впрямь Светлый! Совсем как поется в молитве:

...Кто сделал светлым тело Горы,
умастив его сандалом и лунным нектаром?

Теперь, когда я сама убедилась в этом, мне странно, как они осмелились отправить тебя в тюрьму.

— Если бы вы были судьей, — засмеялся Гора, — в тюрьмах, наверное, обитали бы только крысы да летучие мыши.

— Нет, дорогой, разве так уж мало на свете воров и жуликов? Неужели у судьи не было глаз? Ведь стоит только взглянуть на тебя, и сразу станет ясно, что ты не простой смертный, а избранник божий. Разве нужно бросать людей в тюрьмы только для того, чтобы они не пуствовали? О господи, где же правосудие?!

— Судьи потому и сидят, уткнувшись в своды законов, чтобы не поднять глаз на подсудимого и не увидеть на его лице отблеск величия божьего, — сказал Гора. — Иначе разве полез бы им кусок в горло? Разве могли бы они спать спокойно, приговаривая людей к телесным наказаниям, к заключению, к ссылке на острова, к повешению?

— Когда выдается свободная минутка, я всегда прошу Радхарани почитать мне твои статьи. Все мечтала, что наступит день, когда я из твоих собственных уст услышу

то, что в них написано. Я — бедная глупая женщина и в придачу очень несчастливая. Не все, что ты пишешь, мне понятно, не все по душе, но я твердо верю, что смогу многому научиться у тебя.

Гора скромно промолчал в ответ.

— Я не отпущу тебя, прежде чем ты не отведаешь моего угощения. Давно уж не приходилось мне принимать у себя сына брахмана. На этот раз угощение будет скромным, но ты еще придешь к нам, и тогда уж я угощу тебя на славу.

Лишь только Хоримохини вышла из комнаты, сильнейшее волнение охватило Шучориту.

— Биной сегодня был у вас? — внезапно спросил ее Гора.

— Да.

— Я не видел его после этого, но, зачем он приходил, знаю.

Шучорита молчала.

— Вы хотите заставить Биню жениться по правилам вашего «Брахмо Самаджа», — продолжал он. — Вы считаете, что это честно?

Его слова задели Шучориту и помогли освободиться от смущения и нерешительности.

— А вы хотите, — сказала она, взглянув Горе прямо в лицо, — чтобы я начала бранить свадебные обряды нашего «Брахмо Самаджа»?

— Вы можете быть уверены, — ответил Гора, — что я не жду от вас ничего мелкого и недостойного. Я никогда не поставлю вас на одну доску с рядовым членом какого-нибудь религиозного общества. Я совершенно убежден, что вы не принадлежите к числу тех, которые все силы свои отдают на то, чтобы привлечь в свою общину возможно большее количество членов. Мне хотелось бы, чтобы вы правильно понимали и правильно оценивали бы свои действия, не полагаясь на мнение других. Вы должны уяснить себе, что вы не просто член какой-нибудь определенной общины.

Призвав на помощь все свои душевные силы, Шучорита возразила:

— А разве вы сами не являетесь членом определенной общины?

— Нет, — ответил Гора, — я индуист. Индуизм — это не община. Индуисты — это нация. И нация эта настолько велика, что нельзя подводить под одно определение всех людей, входящих в ее состав. Ведь океан и его волны это далеко не одно и то же — то же самое можно сказать об индуистах и различных религиозных обществах.

— Почему же тогда так силен общинный дух среди индуистов?

— А почему человек обороняется, когда его бьют? Потому, что в нем есть жизнь. Один лишь камень бесчувствен к ударам.

— Но что же мне делать, — спросила Шучорита, — если то, что я считаю сущностью религии, вызывает бурный протест со стороны индуистов? Скажите мне — что?

— Вот что я отвечу вам на это, — сказал Гора, — если вы, считая, что исполняете свой долг, оскорбляете огромную нацию, именуемую Индией, то, мне кажется, вам следует призадуматься — не допустили ли вы тут какой-то ошибки, не ослеплены ли вы чем-нибудь, все ли тщательно взвесили? Разве можно насильно навязывать кому-то убеждения только потому, что вы привыкли принимать на веру все, что проповедует ваша община, или не берете на себя труда задуматься, правильно ли это? Когда крыса прогрызает обшивку корабля, она руководствуется исключительно своими желаниями и интересами. Она не видит, что, добившись для себя маленького преимущества, может принести всем остальным огромный вред. Вот и вам следует подумать — действуете ли вы только в интересах своей общины или всего человечества. Представляете ли вы себе человечество? Знаете ли вы, как разнообразны потребности людей, их характеры, склонности? На просторах вселенной каждый занимает свое место — одни расположились на склонах гор, другие — на берегу моря, третьи — на краю пустыни, и в то же время никто не стоит на одном месте, в движении находятся все. А вы хотите заставить всех жить по законам одной лишь вашей общины! Хотите закрыть на все глаза и думать, что все люди одинаковы, что самой природой они только для того и предназначены, чтобы стать членами общины, известной под именем «Брахмо Самаджа». Если вы так считаете, то, скажите на милость, чем

отличается ваша психология от психологии государств-хищников, которые, гордясь своей силой, отрицают огромную роль в развитии всего человечества того факта, что каждый народ индивидуален, что он имеет свои особые, неповторимые черты, и полагают, что оказывают великое благо людям, стремясь покорить все народы мира и обратить их в своих рабов.

На какое-то мгновение Шучорита забыла о том, что Гора убеждает ее в чем-то. Его выразительный низкий сильный голос волновал ее до глубины души. Она не думала больше о возражениях, мысли, которые он высказывал, находили живой отклик в ее сердце.

— Не ваш «Самадж» создал двести миллионов индийцев, — продолжал Гора. — Так кто же дал вам право подгонять всю огромную Индию под один шаблон? Как вы можете взять на себя ответственность установить, какой путь должны избрать эти миллионы? Какую веру они должны исповедовать? Что сделает их могущественными и независимыми? И когда на вашем пути к осуществлению этой невыполнимой задачи встречаются препятствия, в вас подымается гнев против своей страны, и чем труднее препятствия, тем сильнее вы злитесь и ненавидите тех, кого хотите облагодетельствовать. А между тем вы считаете, что молитесь тому самому богу, который создал людей разными и вовсе не хочет, чтобы различия между ними исчезли. Если вы действительно чтите его, то почему же вы не хотите следовать его заветам? Неужели гордыня завела вас так далеко, что вы предпочитаете жить своим умом и решениями общины, не считаясь с тем, что завещал он?

Когда Гора заметил, что Шучорита молча слушает его и даже не пытается возражать, сердце его исполнилось сострадания к ней, и он продолжал уже более мягко:

— Вам, может быть, мои слова кажутся слишком резкими, но прошу вас, не относитесь ко мне враждебно только потому, что я принадлежу к другой общине. Поверьте, если бы я видел в вас противника, я не произнес бы ни слова. Но мне больно видеть, как ваш свободный от природы ум и широта мысли стискиваются рамками вашего Общества.

Шучорита покраснела.

— Нет, нет, не думайте обо мне, продолжайте, я стараюсь понять вас, — прошептала она.

— Мне осталось сказать совсем немного. Поймите Индию своим ясным умом и полюбите ее сердцем. Если вы будете рассматривать народ Индии только с точки зрения «Брахмо Самаджа», вы никогда не поймете его до конца, научитесь презирать и совершите гигантскую ошибку. Нам не дано взглянуть на него оттуда, откуда его можно увидеть во всей полноте. Бог создал людей разными: они по-разному думают, по-разному живут, различна их вера, неодинаковы и обычаи, но всем им присуще единое — человеческое. У всех людей есть что-то общее, присущее одновременно и мне и моей Индии. Если мы сможем понять, что же это, собственно, такое, нам удастся раздвинуть окружающие нас барьеры мелочности и ограниченности, и нашему взору предстанет нечто удивительное и великое и поведаст нам тайну веропочитания древних. И мы увидим, что под неостывшим пеплом еще теплится жертвенный огонь, зажженный в древние времена, и пойдем, что настанет день, когда этот огонь вырвется на свободу, сметая преграды места и времени, и ярким пламенем возгорится над миром. Допустить хотя бы на мгновение мысль, что великие дела и думы индийского народа в прошлом не существовали, что все они плод воображения — значит, надругаться над истиной. На это способны только атеисты!

Шучорита слушала, не перебивая, с опущенной головой. Когда же он замолчал, она подняла на него глаза.

— Но что мне делать? — спросила она.

— Я все сказал вам, — ответил Гора, — есть только одна вещь, которую я хочу добавить. Поймите, что индуизм стремится, подобно матери, принять в свои объятия людей самых различных убеждений. Иными словами, индуизм считает, что человек — это прежде всего человек, а не член какой-то определенной общины. Мудрые и глупые равны перед индуизмом, и он признает, что мудрость может проявляться в самых разнообразных аспектах. Христианская религия отрицает это. Она утверждает, что есть только их вера, или же вечный мрак, — ничего другого для нее не существует. И те из нас, которые учились среди христиан, готовы стыдиться

религиозной свободы и веротерпимости, отличающей нас, индуистов. Мы перестаем понимать, что именно широта религиозных взглядов индуистов может привести в конце концов человечество к единой религии. Пока мы не найдем в себе силы вырваться из водоворота христианского учения, мы не сможем понять все величие и истинную сущность индуизма!

Шучорита не только слушала Гору, она как бы зримо ощущала то, о чем он говорил. Силой слова он заставлял и ее видеть картины далекого будущего, рисовавшегося ему. Забыв свое смущение, забыв себя, смотрела она на сияющее, одухотворенное лицо Горы, и ей казалось, что она видит в его глазах отблеск той чудесной силы, которая одна способна претворить в действительность великие идеи на земле. Шучорите не раз приходилось слушать, как рассуждают о принципах истины ученые и умные люди — члены «Самаджа». Но слова Горы отнюдь не были обычными доводами в споре — они были откровением! Она чувствовала, как он подчиняет себе ее волю, мысли, движения. словно сам Индра-громовержец явился ей — его глубокий сильный голос заставлял трепетать ее сердце, и быстрые вспышки молний огненной змейкой пробегали по ее жилам. Она уже не в силах была разобраться, в чем она не согласна с Горой и в чем их взгляды совпадают.

В эту минуту в комнату вошел Шотиш. Он побаивался Горы, поэтому обошел его стороной и, подойдя вплотную к Шучорите, шепнул ей на ухо:

— Пану-бабу пришел.

Шучорита вздрогнула, как от удара. Нужно было во что бы то ни стало отклонить визит Харана, избавиться от него, помешать ему войти... Надеясь, что Гора не расслышал, что шептал ей Шотиш, она вскочила в полном смятении, быстро сбежала вниз по лестнице и остановилась перед Хараном-бабу.

— Я прошу вас извинить меня, но сегодня мне неудобно разговаривать с вами, — проговорила она.

— Почему же неудобно? — осведомился Харан.

— Если вы завтра утром зайдете к отцу, — сказала Шучорита, не отвечая на его вопрос, — то найдете меня там.

— У тебя, как видно, сегодня гости? — настаивал оп. Шучорита постаралась избежать ответа и на этот вопрос.

— Пожалуйста, извините меня, — сказала она, — но сегодня у меня нет времени.

— Однако с улицы я слышал голос Гоурмохона-бабу. Он здесь?

Не ответить на этот вопрос Шучорита уже не могла.

— Да, здесь, — промолвила она, покраснев.

— Вот и прекрасно! — воскликнул Харан. — Мне как раз нужно поговорить с ним. Если у тебя есть какое-нибудь неотложное дело, занимайся им, пожалуйста, а я тем временем побеседую с Гоурмохоном-бабу.

И, не дожидаясь разрешения, он стал подниматься по лестнице. Шучорита последовала за ним и, не глядя на стоявшего рядом Харана-бабу, сказала Горе:

— Тетя готовит вам угощение, сейчас я схожу посмотрю, как у нее там подвигаются дела.

С этими словами она поспешно вышла из комнаты, а Харан-бабу с важным видом уселся на стул.

— Вы что-то плохо выглядите, — начал он.

— Это правда, — подтвердил Гора, — недавно я прошел специальный курс для похудения.

— И то верно, — продолжал Харан, стараясь заставить свой голос звучать как можно ласковее, — вам, наверно, было очень тяжело.

— Не так тяжело, как этого хотели бы некоторые, — саркастическим тоном заметил Гора.

— Я хотел поговорить с вами о Биное-бабу, — переменял тему разговора Харан. — Вам, вероятно, известно, что на это воскресенье намечена церемония вступления его в члены «Брахмо Самаджа».

— Нет, мне это неизвестно, — ответил Гора.

— Но вы одобряете этот шаг?

— Биной не спрашивал меня, одобряю я его или нет.

— Но вы считаете, — настаивал Харан-бабу, — что Биной-бабу духовно подготовился к этому шагу?

— Раз уж он согласился проделать все нужные обряды, то ваш вопрос мне кажется совершенно излишним.

— Ослепленные страстью, мы часто не отдаем себе

отчета в том, во что верим и во что не верим. Вы ведь знаете человеческую натуру.

— Нет. Я не занимаюсь бесполезными рассуждениями о человеческой натуре.

— Несмотря на то, что мои убеждения и убеждения моей общины не совпадают с вашими, я отношусь к вам с величайшим уважением. Я совершенно уверен, что никакие соблазны не могли бы заставить вас изменить свою религию — пусть ложную. Но...

— Конечно, для Биной будет тяжелым ударом лишиться даже той крупинки уважения, которое вы еще продолжаете питать ко мне, — с иронией перебил его Гора. — В мире неизбежно приходится решать, что хорошо и что дурно, но если вы собираетесь определять относительную ценность человеческих поступков, взяв за мерилу свое уважение или отсутствие такового, то не ждите, что ваше мнение разделят все остальные.

— Хорошо, пусть этот вопрос останется открытым — в конце концов это не так важно. Но я хочу спросить вас — намерены ли вы воспрепятствовать желанию Биной жениться на дочери Пореша-бабу?

— Харан-бабу, — побагровев, сказал Гора. — Неужели вы думаете, что я буду обсуждать с вами дела Биной? Вы столько говорите об особенностях человеческого характера, и уж вам-то следовало бы помнить, что Биной мой друг, а не ваш.

— Я говорю об этом только потому, что это дело непосредственно касается «Брахмо Самаджа», в противном случае...

— Ну, а я не имею никакого отношения к «Брахмо Самаджу», и меня ничуть не трогает ваша озабоченность на этот счет.

В это время вернулась Шучорита, и Харан-бабу, повернувшись к ней, сказал:

— Шучорита, мне нужно поговорить с тобой по очень серьезному делу.

На самом деле в этом не было никакой необходимости, просто Харан-бабу хотел дать понять Горе, насколько близки его отношения с Шучоритой. Но она не ответила ему. Да и Гора не шелохнулся, всем своим видом показывая, что вовсе не собирается уйти и предоставить

Харану-бабу возможность поговорить с Шучоритой наедине.

— Шучорита, — снова сказал Харан. — Выйдем в ту комнату, мне нужно кое-что сказать тебе.

Не обращая никакого внимания на его слова, Шучорита обратилась к Горе:

— Как чувствует себя ваша мать?

— Я никогда не видел, чтобы она чувствовала себя плохо.

— Да, я заметила, что бодрость и хорошее расположение духа — естественное ее состояние.

Гора вспомнил, как часто она навещала Анондомойи, пока он был в тюрьме.

Харан-бабу тем временем взял со стола одну из книг и, увидев на титульном листе имя автора, стал просматривать ее.

Шучорита смутилась и покраснела, а Гора, зная, что это за книга, смеялся в душе.

— Гоурмохон-бабу, — поинтересовался Харан, — это, надо полагать, ваши юношеские опыты?

— Я до сих пор еще не вышел из юношеского возраста, — улыбнулся Гора. — Знаете, у некоторых разновидностей животных юность проходит моментально, у других же затягивается надолго.

— Гоурмохон-бабу, — сказала Шучорита, — угощение готово. Пройдите, пожалуйста, в ту комнату. Тетя не выйдет, пока здесь Пану-бабу, и, наверное, она уже ждет вас.

Последние слова ее были рассчитаны на то, чтобы досадить Харану. Сегодня ей столько пришлось вытерпеть от него, что она никак не могла удержаться и не отплатить ему хоть немного.

Гора встал, но Харан и тут не пожелал признать себя побежденным.

— Я подожду, — заявил он.

— Зачем же вам ждать напрасно, — возразила Шучорита. — Ведь уже поздно.

Но Харан-бабу не двинулся с места, и Шучорита вышла вместе с Горой из комнаты.

Встретившись здесь с Горой и увидев, какие отношения существуют между ним и Шучоритой, Харан-бабу вновь почувствовал боевой задор. Разве допустимо, чтобы

она так легко ускользнула из лап «Брахмо Самаджа»? Неужели не найдется никого, кто бы мог удержать ее? Какие-то меры нужно принять!

Харан-бабу придвинул к себе листок бумаги и принялся писать Шучорите письмо.

У Харана были свои навязчивые идеи. В частности, он твердо верил, что если в борьбе за правое дело он возьмется распекать кого-то, то его горячие слова не могут не пронять виновного. Ему и в голову не приходило, что слова — это далеко еще не все и что приходится считаться и с таким немаловажным фактором, как сердце.

Когда после продолжительной беседы с Хоримохини Гора снова вошел в комнату Шучориты за своей тростью, уже смеркалось. На столе горела лампа, Харана-бабу в комнате не было, но на столе, на самом видном месте лежало письмо, адресованное Шучорите.

При виде этого письма у Горы неприятно заняло сердце — он сразу же понял, от кого оно. Гора знал, что Харан-бабу домогался руки Шучориты, о том же, что домогательства его были отклонены, он не слышал. Еще когда Шотиш прошептал на ухо Шучорите о приходе Харана-бабу, а она, забеспокоившись, быстро сошла вниз и через несколько минут привела его наверх, Горе стало не по себе. Позднее, когда Шучорита пригласила его в другую комнату и оставила Харана в одиночестве, он увидел в этом только подтверждение близких отношений, существовавших между ними, хотя и счел такой поступок крайне невежливым. И теперь, когда он увидел на столе письмо, неприятное чувство вновь овладело им. Ведь письмо всегда хранит какой-то секрет. Сообщая одно лишь имя и скрывая содержание, запечатанные письма обладают неприятным свойством раздражать людей.

— Я зайду завтра, — проговорил Гора, посмотрев в лицо Шучориты.

— Приходите, — ответила она, опустив глаза.

Гора уже сделал шаг к дверям, но вдруг остановился и воскликнул:

— Ваше место в солнечной системе Индии! Вы принадлежите моей родине, и разве можно допустить, чтобы вы были сметены в пустоту хвостом какой-то кометы.

Только убедившись, что вы заняли в этой системе подобающее вам место, я отойду в сторону. Вам внушили, что, заняв его, вы заставите отступить от вас ваших единоверцев, но поймите, что истинная вера не может быть достоянием какой-то горстки людей. Истинная вера бесчисленными нитями связывает между собой всех тех, кто окружает вас; ее нельзя ограничить тесными рамками замкнутого круга верующих, так же как нельзя пересадить дерево, которое вы хотите сохранить сильным и жизнеспособным, из сада в цветочный горшок. И если вы хотите, чтобы ваша вера стала близка и нужна всем, вы прежде всего должны занять место в сердце народа Индии, которое было предопределено вам задолго до вашего появления на свет. Никогда не говорите о народе: «Я чужая ему и он чужд мне!» Помните, что в этом случае от вашей веры, от вашей внутренней силы не останется и следа. Уверяю вас, если убеждения могут увлечь вас в сторону от места, занять которое повелел вам сам господь, то, значит, этим убеждениям никогда не суждено восторжествовать где бы то ни было. Итак, завтра я приду снова.

С этими словами Гора вышел, но еще долго после его ухода воздух в комнате был словно наэлектризован, и Шучорита продолжала сидеть неподвижно в своем кресле.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

— Послушай, ма, — говорил Биной Анондомойи, — сказать по совести, мне всякий раз становилось немного стыдно, когда я должен был кланяться идолу. Мне, правда, удавалось скрывать это чувство. Я даже написал несколько великодушных статей в защиту идолопоклонства. Но должен тебе сказать совершенно искренне: кланяться то я кланялся, но мозг мой восставал против этого.

— Очень уж у тебя все получается сложно. Ты не умеешь ничего принять целиком и страшно любишь копаться во всяких мелочах. Оттого ты такой и привередливый.

— Что ж, это правда, — ответил Биной. — У меня ведь достаточно сообразительности, чтобы при помощи тонких аргументов доказывать даже то, во что я и сам не верю,

обманывал и себя и других. Взять хотя бы все эти споры о религии, которые я вел последнее время — отстаивал то я вовсе не принципы религии, а точку зрения индуистской общины — вот и все!

— Именно так и бывает, когда у человека нет истинной веры, — заметила Анондомойи. — Тогда религия становится всего-навсего предметом тщеславия, так же как родовитость, почет или деньги.

— Правильно, — согласился Биной. — О религии, как таковой, мы вовсе и не думаем — просто лезем на стену из-за нее, потому что это наша религия. То же самое делал и я, только до конца обмануть себя мне не удавалось. И иногда мне было ужасно стыдно прикидываться верующим, когда веры никакой давно уже не было.

— Ты что думаешь, я всего этого не понимала? — воскликнула Анондомойи. — Ведь у вас вечно все не как у людей: и мысли и чувства — все преувеличенное. Не удивительно, что в мозгах у вас образовалась пустота, и для того, чтобы заполнить ее, приходится запихивать туда все что попало. Верили бы вы попросту — и ничего этого не понадобилось бы.

— Вот я и пришел спросить тебя, — продолжал Бинсй, — хорошо ли притворяться, что веришь во что-то, когда на самом деле это не так?

— Вы только его послушайте! Неужели об этом еще нужно спрашивать?

— Ма, — внезапно сказал Биной, — завтра состоится официальная церемония приема меня в члены «Брахмо Самаджа».

— Что это значит, Биной? — вскричала пораженная Анондомойи. — Неужели это обязательно?

— Но я же как раз и старался растолковать тебе, почему это обязательно, — укоризненно сказал Биной.

— Разве твоя вера не позволяет тебе оставаться дольше в нашей общине? — спросила Анондомойи.

— Если я останусь, мне придется кривить душой.

— А у тебя нет смелости остаться и не кривить душой? — настаивала Анондомойи. — Спокойно переносить неизбежные нападки?

— Но, ма, раз я не разделяю убеждений правоверных индуистов...

— Но ведь в индуистской общине уживается триста тридцать миллионов человек, так почему же ты не сможешь остаться в ней?

— Но не могу же я из кожи лезть вон, доказывая, что я правоверный индуист, если члены общины будут настаивать, что это не так.

— Члены нашей общины называют меня христианкой, — сказала Анондомойи, — я никогда не сажусь за один стол с ними во время праздничных трапез, но я не вижу, почему я должна покорно соглашаться с их мнением о себе. Я считаю, что долг повелевает мне оставаться тем, кто я есть, и что с моей стороны было бы неправильно порвать с общиной.

Биной собрался было возразить, но Анондомойи не дала ему говорить и продолжала:

— Обойдись без возражений, Биной! Об этом не спорят. Неужели ты думал, что сумеешь провести меня? Я прекрасно вижу, что под предлогом спора со мной ты упорно стараешься обмануть самого себя. Но не пытайся хитрить в таком большом и серьезном деле.

— Но, ма, — промолвил Биной, опустив голову, — я уже написал письмо, в котором дал слово, что в воскресенье вступлю в члены.

— Но это невозможно, — нахмурившись, сказала Анондомойи. — Если ты объяснишь все толком Порешу-бабу, он ни за что не станет настаивать на этом.

— Пореш-бабу вовсе не в восторге от моего решения, — ответил Биной, — он даже не хочет принимать участия в церемонии.

— Ну, значит, тогда и волноваться нечего, — с облегчением сказала Анондомойи.

— Нет, ма, раз я дал слово, отступить нельзя. Это невозможно.

— Ты говорил об этом Горе? — спросила она.

— Я еще не видел его, после того как решился.

— А разве его нет дома сейчас?

— Нет, мне сказали, что он ушел к Шучорите.

— Так ведь он был у нее только вчера, — удивилась Анондомойи.

— Пошел и сегодня.

В это время с улицы донесся говор и звуки шагов, и во двор внесли носилки. Биной решил, что это явилась в гости какая-нибудь родственница Анондомойи, и вышел из комнаты.

Но это оказалась Лолита; она вошла и низко поклонилась Анондомойи. Ее появление было совершенно неожиданным, и Анондомойи, с удивлением взглянув на нее, сразу же догадалась, что Лолиту привели сюда неприятности, обрушившиеся на нее в связи с предстоящей церемонией вступления Биноя в члены их общины.

Чтобы помочь ей начать разговор, Анондомойи мягко сказала:

— Я так рада, дорогая, что ты пришла. Только что здесь был Биной. Он говорил, что завтра вступает в члены вашего «Самаджа».

— Но зачем он это делает? — с раздражением спросила Лолита. — Что заставляет его?

— Разве нет никаких причин, толкающих его на это? — с удивлением спросила Анондомойи.

— Я по крайней мере таких причин не знаю.

Не понимая, что хочет сказать этим Лолита, Анондомойи молча смотрела на нее.

— Ведь это оскорбительно для него самого, вдруг взять и ни с того ни с сего вступить в члены «Брахмо Самаджа», — промолвила Лолита, не глядя на Анондомойи. — Ради чего Биной собирается это сделать?

«Ради чего! Разве она не знает? Не радуется этому?» — подумала Анондомойи и вслух сказала:

— Церемония вступления назначена на завтра. Биной считает, что раз уж он твердо обещал, отступить сейчас поздно.

— Разве можно в таких вопросах говорить о каких-то твердых обещаниях? — воскликнула девушка, устремив на Анондомойи горящий взгляд. — Если оказывается необходимым изменить свое решение, то его нужно менять — вот и все!

— Дитя мое, — сказала Анондомойи, — пусть тебя не смущают мои слова. Я буду говорить с тобой совершенно откровенно. Из нашего разговора с Биноем я поняла, что, каковы бы ни были его религиозные убеждения, ему не следует покидать свою общину, он не должен делать этого.

И я вижу, что он и сам это понимает, что бы там он ни говорил. Но ведь ты же, милая, не можешь не знать, почему он решился на это. Он считает, что, оставаясь индуистом, он не сможет жениться на тебе. Так скажи же мне откровенно, без всякого смущения — так ли это?

— Я ничего не утаю от вас, ма, — ответила Лолита, глядя Анондомойи прямо в глаза. — Я говорю то, что думаю. Мне самой такие понятия чужды. Я долго думала и пришла к убеждению, что человеку вовсе не нужно отказываться от своей веры, от своих взглядов и от своей общины, если он решил соединить свою жизнь с человеком, исповедующим другую религию. Ведь иначе индуисты не могли бы дружить с христианами и вообще каждую общину нужно было бы отгораживать от остальных высокой стеной.

Лицо Анондомойи просияло.

— Как я рада услышать это от тебя, — воскликнула она. — Как раз то же самое думаю и я сама. Если люди несходны внешнею, характером, своими внутренними качествами, то считается, что это ничуть не мешает их союзу! Так почему должны мешать ему их убеждения и религия? Я так счастлива. Ведь я сильно беспокоилась за Биноя. Я знаю, что он отдал вам всю душу, и ему было бы страшно тяжело огорчить кого-то из вас. Один только господь знает, как мучилась я, стараясь удержать Биноя от этого шага. Но ведь какой счастливчик! Шутка сказать, так легко выпутаться из такого трудного положения! Но позволь мне задать тебе один вопрос — ты разговаривала об этом с Порешем-бабу?

— Нет еще, — смущенно ответила Лолита. — Но я знаю, он все поймет.

— В этом я ничуть не сомневаюсь, — заметила Анондомойи. — От кого бы ты в противном случае унаследовала свой светлый ум и силу воли? Сейчас я позову Биноя, вы сами должны обсудить это и что-то решить. Но перед этим я хочу тебе сказать одну вещь. Я знаю Биноя с детства и могу тебя смело заверить: он стоит того, чтобы из-за него перенести столько горя. Я часто думала, что та, кому достанется Биноя, будет счастливцей. Я присматривалась к некоторым девушкам, но мне все казалось,

что они недостаточно хороши для него. Теперь я вижу, что и ему выпало немалое счастье.

Анондомайи поцеловала Лолиту и вышла позвать Биною. Она тактично оставила их в обществе одной Лочмии, а сама ушла, сказав, что пойдет приготовить угощение Лолите.

Сегодня оба они сразу побороли свое смущение. Внезапно обрушившиеся на них трудности, необходимость преодолеть их помогли им понять и оценить всю глубину и серьезность своей любви. Тревога, неуверенность и иные чувства больше не разделяли их пестрой завесой. Торжественно, молчаливо, без колебаний признали они, что сердца их бьются в унисон и что потоки их жизней готовы слиться воедино, как Ганга и Джамуна. Биной и Лолита сознавали, что их сблизила не община, не общие взгляды, их союз родился совершенно естественно, и они знали, что в основе его лежит истинная глубокая вера, которая стоит выше мелких разногласий и придилок ученых пандитов.

Глаза Лолиты сияли.

— Я не перенесла бы, если бы ради меня вы совершили поступок, оскорбляющий ваше достоинство. Я хочу, чтобы вы, безо всяких колебаний, оставались тем, кто вы есть.

— Но и вы не должны порывать со своим прежним миром, — сказал Биной. — Для чего существуют на земле различия, если любовь не в состоянии мириться с ними?

Они говорили долго, совершенно забыв о том, что он — индуист, а она — брахмаистка, и сознание духовной человеческой общности согревало их ровным мягким светом, подобным немигающему пламени светильника.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

Солнце только что зашло. Окончив молитву, Порешбабу в задумчивости сидел на веранде перед своей комнатой.

Неожиданно в дверях показались Лолита и Биной. Низко склонившись перед ним, оба коснулись его ног.

Их появление немного удивило Пореша.

— Пойдемте в дом, — пригласил он, так как на веранде стояло только одно его кресло.

— Нет, нет, не вставайте, — ответил Биной, усаживаясь прямо на пол. Рядом с ним у ног Пореша села и Лолита.

— Мы пришли просить вашего благословения, — сказал молодой человек. — Других обрядов для вступления в жизнь нам не надо. — И, когда Пореш-бабу с недоумением посмотрел на него, продолжал: — Я не хочу давать обществу никаких обетов, которые связали бы меня по рукам и ногам. Ваше благословение и будет той скромной церемонией, которая навеки соединит наши жизни истинными узами. Мы благоговейно кладем наши сердца к вашим ногам и знаем, что вместе с вашим благословением получим и счастье, которое господа угодно даровать нам.

— Так, значит, Биной, ты не станешь брахмаистом? — спросил Пореш-бабу после некоторого молчания.

— Нет, — ответил Биной.

— Ты хочешь остаться правоверным индуистом?

— Да.

Пореш-бабу перевел взгляд на Лолиту, и она, догадавшись, о чем он думает, сказала:

— Отец, я считаю, что моя вера — это мое личное дело. Пусть из-за этого у меня будут трудности в жизни, пусть даже неприятности, но я никогда не поверю, чтобы религия могла встать между мной и людьми, которые не сходятся со мной во взглядах и придерживаются других обычаев. Раньше мне казалось, — продолжала девушка, видя, что отец по-прежнему молчит, — что в мире только и существует один «Брахмо Самадж», все, что находилось за его пределами, терялось для меня во мраке. Я считала, что отойти от «Самаджа» — значит отойти от истины. Но теперь я освободилась от этого заблуждения.

Пореш-бабу грустно улыбнулся.

— Я не сумею объяснить тебе, отец, какая огромная перемена произошла во мне. В «Брахмо Самадже» я встречала многих людей, с которыми у меня не было ничего общего, кроме религиозных убеждений. И мне кажется глупым утверждать, что все те, кто состоят со мной вместе в «Самадже», — обязательно близкие мне люди, а всех остальных я должна чуждаться.

— Довольно трудно рассуждать трезво, когда человек взбудоражен мотивами личного порядка, — промолвил Пореш-бабу, погладив по спине свою непокорную дочь. — Общество необходимо для сохранения преемственности поколений, и эта необходимость естественна и закономерна. Подумала ли ты о том, что на твоей общине лежит бремя забот о счастье твоего будущего потомства?

— Но ведь есть еще и индуистская община, — вмешался Биной.

— А если она не возьмет на себя ответственности за вас, если она не признает вас?

Биной вспомнил слова Анондомойи.

— Тогда мы должны будем заставить ее взять на себя эту ответственность. Общество индуистов всегда брало под свою защиту молодые религиозные общины, со временем оно может превратиться в сообщество людей самых разнообразных религиозных направлений.

— Слова одно, а вот когда доходит до дела, все оказывается иным, — возразил Пореш-бабу. — В противном случае неужели кто-нибудь решился бы добровольно оставить свою старую общину? Если общество стремится опутать религиозное чувство человека цепями бессмысленных обрядов и приковать его навечно к одному месту, то получается, что члены его обречены на роль вечных марионеток.

— Но если индуизму свойственна такая узость, — ответил Биной, — наше дело попытаться вывести его из этого состояния. Никто не станет разрушать хороший каменный дом ради того, чтобы впустить в него побольше света и воздуха, если для этого достаточно шире распахнуть двери и окна.

— Отец, — вступила в разговор Лолита, — все, о чем вы говорите, мне не очень понятно. Лично я никогда бы не взяла на себя ответственности в таком деле, как усовершенствование какой бы то ни было религиозной общины. Но со всех сторон меня окружает такая несправедливость, что я просто задыхаюсь, и я не вижу основания, почему я должна молча мириться с этим? Мне не совсем ясно, что я должна делать и чего не должна, но терпеть это я просто не могу.

— А не разумнее ли было бы подождать немного? — ласково спросил Пореш-бабу. — Сейчас ты слишком взволнована.

— Я не против того, чтобы подождать, — ответила девушка. — Но я уверена, что ложь и несправедливые притеснения будут расти чем дальше, тем больше, и очень боюсь, что у меня не хватит сил сдержаться и я натворю что-нибудь такое, что огорчит тебя. Пусть тебе не кажется, что я не думала над всем этим. Я размышляла долго и поняла, что со своими взглядами и образованием вне «Брахмо Самаджа» я обязательно столкнусь с большими трудностями и испытаниями. Но в моей душе нет робости, наоборот, я испытываю радость, чувствую прилив новых сил! Единственно, о чем я беспокоюсь, отец, это как бы не огорчить тебя, — и Лолита нежно дотронулась до ноги Пореша-бабу.

— Видишь ли, дорогая моя, если бы я полагался только на свой ум, — улыбнулся Пореш, — я огорчался бы всякий раз, когда что-нибудь противоречит моим желаниям и убеждениям. Я не думаю, чтобы потрясение, которое пришлось вам испытать, принесло бы вам вред. В свое время я тоже восстал против всех и вся и покинул дом, ни на минуту не задумываясь над тем, чем это мне грозит. Во всех сложностях, через которые проходит теперь общество, чувствуется рука всевышнего. И разве мне дано знать, что именно желает он создать из этого очищающего хаоса? Что такое для него «Брахмо Самадж» и что такое индуизм? Он видит прежде всего человека.

Пореш-бабу закрыл глаза, как бы погружившись в уединение своего сердца.

— Послушай, Биной, — заговорил он опять, после некоторого молчания, — ты сам знаешь, что общественное устройство в нашей стране тесно переплетено с религией и, следовательно, ни одна общественная церемония не обходится без религиозного обряда. Ты, конечно, отдаешь себе отчет в том, что для тебя будет невозможно ввести в круг своего общества человека, не придерживающегося ваших религиозных воззрений.

Лолита не поняла до конца смысла этих слов, ибо она никогда не знала, в чем именно заключается разница между «Брахмо Самаджем» и другими религиозными

общинами. Она считала, что между обрядами и обычаями разных общин существенной разницы нет. Ей казалось, что расхождение между общинами так же неощутимо, как различия между ее семьей и Биноем. Она даже не подозревала, что существуют какие-то особые препятствия, которые могли бы помешать их свадьбе по обрядам правоверных индуистов.

— Вы имеете в виду, что во время свадебной церемонии нам придется кланяться изваянию божества? — спросил Биной.

— Да, — ответил Пореш-бабу, взглянув на дочь. — Сможет ли Лолита согласиться с этим?

Биной тоже посмотрел на Лолиту и увидел по ее лицу, что при мысли об этом все в ней возмутилось.

Чувство увлекло Лолиту в области, до той поры неизвестные ей, и ловушки подстерегали ее здесь на каждом шагу. Жалость охватила Биноя, но вместе с ней пришла и твердая решимость защитить девушку. Ему столь же невыносимо было бы наблюдать, как смертоносные стрелы останавливают ее неукротимый порыв к победе, как и видеть это благородное создание сломленным и побежденным.

Некоторое время Лолита сидела, опустив голову. Затем она подняла на Биноя свои выразительные нежные глаза.

— Вы и в самом деле искренне всем сердцем почитаете идолов? — спросила она.

— Нет, нет, — без малейшего колебания ответил Биной. — Идол для меня не бог, а всего лишь символ индуизма.

— Но нужно ли проявлять внешние знаки почтения перед тем, кого вы в душе считаете всего лишь символом? — спросила она.

— Я не допущу поклонения идолу на нашей свадебной церемонии, — твердо заявил Биной, обращаясь к Порешу.

— Ты не продумал всего этого, как следует, Биной, — сказал Пореш, вставая. — Ведь этот серьезный шаг касается не только вас. Нельзя забывать, что брак не только личное, но и общественное дело. Мой совет тебе — подожди несколько дней, подумай. Не спеши с решением.

И Пореш ушел в сад и стал гулять там взад и вперед по дорожке.

Лолита тоже направилась было к выходу, но внезапно остановилась и сказала, обращаясь к Биною:

— Если в нашем желании нет ничего плохого, неужли мы отступим с позором только потому, что оно не совпадает с правилами какой-то общины? У меня это не укладывается в голове. Выходит, что лицемерие общество терпит, а справедливость порицает.

Биной медленно подошел к Лолите и, глядя прямо ей в глаза, сказал:

— Я не боюсь никакой общины. Если мы соединимся и приютом нашим будет истина, можно ли во всем мире найти общину выше этой.

И в эту минуту в комнату ворвалась Бародашундори.

— Биной, я слышала, что ты решил не вступать в члены «Брахмо Самаджа»! Это правда? — повышенным тоном спросила она.

— Я отказываюсь от церемонии в общине, — ответил Биной, — но я согласен принять наставление какого-нибудь почтенного гуру.

— Что значит весь этот обман и интриги?! — накинулась на него Бародашундори вне себя от ярости. — Зачем же ты два дня притворялся и уверял, что готов к церемонии? Обманывал меня и всех в «Брахмо Самадже»? А ты подумал о том, что губишь Лолиту?

— Но ведь далеко не все в «Брахмо Самадже» согласны с тем, чтобы Биной сделался его членом, — возразила девушка. — Ты же читала газету. Зачем вообще вступать при таких обстоятельствах?

— Да, но без этого о свадьбе не может быть и речи, — сказала Бародашундори.

— Почему, собственно, не может? — спросила Лолита.

— Вы, что же, собираетесь устроить свадьбу по индуистскому обряду?

— Вполне возможно, — ответил Биной, — я сделаю все, чтобы устранить любые препятствия, которые могут встретиться.

Бародашундори онемела. Когда же оцепенение прошло, она резко сказала:

— Уходи отсюда, Биной! Ступай прочь из нашего дома! И чтобы я больше никогда тебя здесь не видала!

ГЛАВА ШЕСТИДЕСЯТАЯ

Шучорита была уверена, что сегодня Гора придет. С самого раннего утра ее охватило волнение. Но, радуясь предстоящей встрече, она в то же время испытывала неясный страх: укоренившиеся с детства понятия и привычки на каждом шагу сталкивались с идеями Горы, звавшего ее к новой жизни, и это волновало и тревожило ее.

Вчера, например, увидев, как благоговейно склонился Гора перед идолом, стоявшим в комнате тетки, она была по-настоящему потрясена. И напрасно утешала она себя, говоря: «Ну и что ж из того, что он поклонился идолу. Ничего не поделаешь — такова уж его вера», — воспоминание об этом продолжало мучить ее.

Всякий раз, замечая в поведении Горы что-нибудь резко противоречащее ее собственным религиозным взглядам, она невольно замирала от страха. Неужели господь так и не дарует ей душевного покоя?

Желая показать хороший пример Шучорите, гордившейся своими современными взглядами, Хоримохини и на этот раз повела Гору в свою молельню. И он снова в почтении склонился перед изваянием.

Как только он спустился в комнату Шучориты, она спросила его:

— Неужели вы действительно верите в идолов?

— Да, я действительно верю, — ответил Гора неестественным, напряженным голосом.

Шучорита опустила голову и ничего не сказала. Кроткая, безмолвная печаль девушки поразила Гору.

— Выслушайте меня, — поспешно проговорил он. — Признаюсь вам: я и сам не знаю — верю ли я в идолов или нет, но я, во всяком случае, уважаю религию народа моей страны. Религиозные обряды, складывавшиеся в течение тысячелетий, не могут не вызывать у меня чувства благоговения. Я не способен, подобно христианским миссионерам, относиться к ним с презрительной враждебностью.

Шучорита смотрела на него, о чем-то сосредоточенно думая.

— Я знаю, — продолжал он, — что вам трудно до конца понять меня, потому что вы воспитывались в узких

понятиях вашей общины и потеряли способность беспристрастно относиться к таким вещам. Когда вы смотрите в комнате у своей тети на изваяние бога, вы видите только камень, я же вижу любящее, исполненное веры и благоговения женское сердце. И могу ли я при этом сердиться или пренебрежительно посмеиваться? Неужели вы считаете, что божество, воплощающее ее сердце, — всего лишь каменный идол?

— Разве вся суть в самом поклонении? Разве для нас не должно иметь значения, чему именно мы поклоняемся? — в свою очередь, спросила Шучорита.

— Иными словами, — проговорил взволнованно Гора, — вы считаете, что поклоняться какому-то вещественному предмету как божеству недопустимо? Но разве вещь определяется только с точки зрения времени и пространства? вспомните, что, когда вы мысленно повторяете какой-нибудь текст из священного писания, вы испытываете в душе благоговение. Так неужели же, если этот самый текст будет написан на бумаге, вы станете определять его величие числом букв и величиной страниц, на которых он написан? Идея, воплотившаяся в жизнь, всегда неизмеримо мельче, чем ваше представление о ней. Для вашей тети этот маленький идол представляет нечто воистину безграничное, куда большее, чем все необъятное небо, вмещающее луну, солнце и звезды. Вы называете безграничным то, что не ограничено размерами, то, что можно представить себе только зажмурившись. Не знаю, удовлетворяет ли это вас. Всевышнего же вы можете лицезреть и в таком маленьком предмете, как этот идол, и притом широко открыв глаза. Если бы это было не так, могла ли бы ваша тетя так держаться за него, когда в мире для нее уже не осталось никаких радостей? Неужели же великая пустота ее сердца могла быть заполнена крошечным камушком? Ведь это же не игра. Пустота человеческого сердца может быть заполнена только чувством, не имеющим предела.

Шучорите было не под силу возражать против таких неоспоримых доводов, в то же время безоговорочно согласиться с ними она тоже не могла. Какая-то смутная, непонятная тревога охватывала ее душу.

Споря, Гора никогда не чувствовал жалости к противнику, напротив, он отличался неумолимой жестокостью хищного зверя. Однако безмолвное признание Шучоритой своего поражения смутило его, и он продолжал уже более мягко:

— Я не хотел нападать на ваши религиозные взгляды. Я хотел только сказать, что тот, кого вы так пренебрежительно называете «идолом», просто недоступен вашему пониманию, пока вы представляете его только зрительно. Лишь люди невозмутимого духа, те, кто находят в нем успокоение встревоженному сердцу, прибежище в трудную минуту, знают, смертен он или вечен, ограничен в пространстве или неизмерим. Поверьте мне, ни один верующий в нашей стране не молится вещественному предмету. Молясь ему, они видят мысленным взором того, кто безграничен и велик, и в этом находят счастье.

— Но ведь так samozабвенно молятся далеко не все, — сказала Шучорита.

— А какое имеет значение, чему поклоняются те, у кого нет истинной веры? Чему поклоняются те брахмаисты, в сердце которых веры нет? Все их молитвы теряются в бездонной пустоте, нет, хуже... Это гораздо более страшно, чем пустота. Их бог — община, а жрец — тщеславие. Разве вы никогда не замечали, как чтут в вашей общине это кровожадное божество?

Не отвечая на его вопрос, Шучорита спросила сама:

— Все, что вы говорите о религии, вы говорите на основании собственного опыта?

— Иными словами, — засмеялся Гора, — вы хотите знать, нуждался ли я когда-нибудь в боге? Нет, боюсь, что все мои помыслы были направлены в другую сторону.

Он сказал это вовсе не для того, чтобы обрадовать девушку, однако у нее словно отлегло от сердца. Ей было почему-то приятно узнать, что Гора не так уж компетентен на этот счет.

— Я не претендую на право поучать других в вопросах религии, — продолжал Гора. — Но для меня невыносимо, когда брахмаисты смеются над тем, чему поклоняется мой родной народ. Вы считаете их невеждами и идолопоклонниками. Мне же хочется крикнуть им: «Нет, вы не невежды и не идолопоклонники, вы мудры и ис-

тно благочестивы!» Когда я подчеркиваю свою набожность, я всего лишь хочу заставить народ Индии осознать все величие основ нашей религии и всю глубину нашего религиозного чувства. Я хочу научить его гордиться сокровищами, которыми он обладает. Я не могу допустить, чтобы народ Индии терпеливо сносил унижения, я не позволю ему оставаться слепым к истине, носителем которой он является, и пренебрегать своими достоинствами. Я полон решимости сделать это. Вот почему я и пришел к вам. С тех пор как я познакомился с вами, ни днем, ни ночью меня не оставляет мысль, которая раньше никогда не приходила мне в голову. Я все время думаю о том, что Индия никогда не проявит себя до конца, пока ей служат одни лишь мужчины. По-настоящему она покажет себя только в тот день, когда ее душа откроется и нашим женщинам. Во мне горит желание взглянуть на свою страну, стоя рядом с вами, увидеть ее одними с вами глазами. Я как мужчина могу только работать и, если понадобится, умереть за мою Индию, но кто, кроме вас, женщин, сумеет зажечь перед ней великий светильник любви? Служение Индии лишится всей своей красоты, если вы останетесь в стороне!

Увы! Где была она, эта Индия? Как далеко от нее находилась Шучорита? Откуда явился этот преданный Индии фанатик, забывший о себе аскет? Почему, растолкав всех вокруг, он подошел и встал рядом с ней? Почему, без колебаний, отменяя в сторону все препятствия, он именно ей сказал: «Но без тебя все это напрасно. Я пришел за тобой. Пока ты находишься вдалеке, жертва не будет полной»?

Шучорита и сама не могла понять, почему от этих слов по ее щекам медленно поползли слезы.

Гора смотрел на нее, и ему казалось, что она похожа на чистый и нежный цветок, взбрызнутый росой. Глаза Шучориты были полны слез, но она не опускала их. В них не было ни тени смущения, ни тени робости, и, встретив ее взгляд, юноша дрогнул, подобно тому как содрогается во время землетрясения мраморный дворец. С громадным усилием он овладел собой и отвернулся к окну. Было уже совсем темно. Там, где узкий переулок упирался в улицу, виднелся кусочек неба, черного, как уголь, усеянного

яркими звездами. Этот клочок неба и несколько звезд увлекли мысли Горы далеко-далеко прочь от будничных забот, от повседневных дел этого привычного мира. Тысячелетия бесстрастно наблюдали они, как возвышаются и сходят на нет династии царей, равнодушно внимали мольбам и стонам людей. Но сейчас, когда из бездонных глубин жизни к ним долетел зов одного человеческого сердца, обращенный к другому, когда их коснулось дыхание безмолвной тревоги затерянной во вселенной земли, казалось, дрогнули и далекие звезды и далекое небо.

В эту минуту экипажи и люди, двигавшиеся по улице оживленной Калькутты, показались Горе нереальными, как тени на экране кинематографа. Шумы города не достигали его ушей. Он смотрел в глубь собственного сердца — там было спокойно, темно и тихо, как в ночном небе, и там сияли нежные глаза, полные слез, и звали его из ниоткуда в никуда...

Гора вздрогнул, услышав голос Хоримохини, которая хотела угостить его чем-то.

— Только не сегодня, — поспешно ответил он, — извините меня, я должен уйти. — И, не дожидаясь ответа, он быстро вышел.

Хоримохини удивленно посмотрела на Шучориту, но та тоже направилась к двери, оставив Хоримохини качать головой в полном недоумении.

Вскоре пришел Пореш-бабу. Не найдя Шучориты в ее комнате, он отправился к Хоримохини и спросил, где она.

— Откуда я знаю, — раздраженно ответила та. — Она долго разговаривала с Гоурмохоном-бабу в гостиной, а теперь, верно, одна бродит по крыше.

— По крыше? В такой холод?! — удивился Пореш-бабу.

— Пусть немного прохладится. Теперешним девушкам холод не вредит.

У Хоримохини сегодня было прескверное настроение. Рассердившись, она даже не позвала Шучориту ужинать, а та тоже забыла о времени.

Шучорита очень встревожилась, увидев на крыше самого Пореша-бабу.

— Пойдем, отец, вниз. Ты простудишься, — позвала она его.

Когда, войдя в освещенную комнату, Шучорита взглянула на Пореша, его измученный вид потряс ее. Все эти годы он был отцом и наставником рано осиротевшей девочки, и вот сегодня ее чуть не увлекли прочь от него, чуть не разорвали все узы, которые связывали их с самого ее детства! Шучорита чувствовала, что никогда не простит себе этого.

Пореш устало опустился на стул, а она, чтобы не показать ему своих слез, встала за его спиной и принялась нежно перебирать его седые волосы.

— Биной отказался вступить в «Брахмо Самадж», — сказал Пореш.

Шучорита молчала.

— Я не очень огорчен, — продолжал Пореш. — У меня еще раньше были свои сомнения на этот счет. Но из слов Лолиты я заключаю, что она не видит в этом никакого препятствия к своему браку с ним.

— Нет! — с силой сказала Шучорита. — Нет, отец! Этого никогда не должно быть! Ни за что!

Столь бурное проявление чувств было так несвойственно Шучорите, что Пореш невольно удивился:

— Чего никогда не должно быть?

— По какому же обряду они вступят в брак, если Биной не станет браhmaистом?

— По индуистскому.

— Нет, нет! — воскликнула Шучорита, отрицательно потряхнув головой. — Как ты можешь говорить это? Ты и мысли такой допускать не должен! Чтобы после всего Лолита на своей свадьбе кланялась идолу! Я не согласна! Нет, нет!

Уж не потому ли, что всеми мыслями Шучориты завладел Гора, она и восприняла так болезненно известие о том, что свадебная церемония состоится по индуистскому обряду? Своей вспышкой она как бы давала понять Порешу, что она по-прежнему с ним, словно хотела сказать ему: «Я никогда не оставлю тебя. Никто не заставит меня разорвать нити, которыми я связана с твоей общиной, с твоими взглядами, с твоим учением!»

— Биной согласен, чтобы свадьба была без идолопоклоннических обрядов, — сказал Пореш и, когда Шучорита

вышла из-за стула и села против него, продолжал: —
Что ты скажешь на это?

Шучорита ответила не сразу.

— Но ведь это значит, что Лолита должна выйти из нашей общины!

— Я много думал над этим. Знаешь, Радхарани, когда человек вступает в конфликт с обществом, нужно принимать во внимание два момента: на чьей стороне правда и кто сильнее. Нет никакого сомнения, что общество всегда сильнее, и восставшему, конечно, приходится страдать. Но Лолита не раз говорила мне, что она не только согласна перенести любые невзгоды, но даже рада будет им. Если это правда, я не вижу в ее замужестве ничего плохого и не знаю, вправе ли я помешать ему.

— Но как же все это будет, отец? — спросила Шучорита.

— Я знаю, — ответил он, — что впереди нас ждет много неприятностей, но поскольку в браке Лолиты с Биноем ничего дурного нет, то я, право, не вижу, почему я должен считаться с препятствиями, которые будет ставить на их пути община. Совершенно неправильно, чтобы из уважения к своей общине человек становился узким и ограниченным в своих взглядах и поступках. Напротив, из уважения к нему община должна более широко смотреть на вещи. Поэтому-то я и не могу осуждать тех, кто, сознавая, что их поступки принесут им неприятности, идет на это.

— Больше всего неприятностей придется испытать тебе, отец.

— Об этом не стоит думать.

— Ты уже дал согласие?

— Пока нет, но я дам его. Кто, кроме меня, благословит Лолиту в путь, который она избрала? Кто, кроме господ, может помочь ей?

После того как Пореш-бабу ушел, Шучорита долго сидела в каком-то оцепенении. Она знала, как сильно любит Пореш Лолиту, и ей легко было представить себе, что он должен был пережить, прежде чем решиться позволить любимой дочери сойти с проторенной дорожки и шагнуть в неизвестность. И все же, несмотря ни на что, он — очень немолодой человек — готов был помочь ей восстать про-

тив всех и не обнаруживал при этом почти никаких признаков тревоги. Он избегал проявлять свои душевные силы, но в минуты кризиса оказывалось, что запас их поистине неисчерпаем!

В другое время ее никогда не поразила бы так эта внутренняя твердость; ведь как-никак она знала его с самого раннего детства. Но сегодня, потрясенная откровениями Горы, она отчетливо поняла, насколько противоположны характеры этих двух людей. Как неукротима сила воли Горы! Как безжалостно он мог все смести со своего пути и подавить чужую волю. Быть с ним заодно — значило беспрекословно подчиняться ему во всем. Сегодня Шучорита подчинила ему свою волю, и в самом унижении этом видела счастье; она чувствовала, что, принося в жертву свою гордость, она обретает нечто неизмеримо большее. Но сейчас, когда ее отец, задумчиво опустив голову, переступил порог освещенной комнаты и исчез во тьме, она не могла не сравнивать его с Горой — сильным, целеустремленным, в расцвете юности, — и невольно испытала желание сложить к ногам Пореша цветы преданности своего любящего сердца. Долго сидела она, уронив на колени руки, безмолвная и неподвижная, как изваяние.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

С самого утра комната Горы стала ареной бурных споров. Раньше всех, посасывая трубку, пришел Мохим.

— Ну что ж, Биной, кажется, наконец разорвал свои цепи? — спросил он Гору.

Не сразу поняв, что имеет в виду брат, Гора вопросительно посмотрел на него.

— Никакого смысла обманывать меня больше нет! Дела твоего приятеля ни для кого не секрет — все кричат об этом. На, посмотри! — И Мохим протянул Горе бенгальскую газету. В ней на самом видном месте была напечатана очень резкая статья по поводу предстоящей церемонии вступления Биноя в члены «Брахмо Самаджа». Грубо и нагло автор писал, что в то время, когда Гора находился в тюрьме, некий видный член «Брахмо Самаджа», имеющий дочерей на выданье, тайно подговорил слабоха-

рактерного юношу порвать со своей древней индуистской общиной, чтобы получить возможность жениться на девушке из брахманской семьи.

Когда Гора заявил, что ему ничего об этом не известно, Мохим сначала не поверил, а потом начал возмущаться подлостью Биной.

— Еще когда он сначала дал слово, а потом стал увиливать от женитьбы на Шошимукхи, мы должны были понять, что он покатился по скользкой дорожке, — волновался Мохим.

Затем прибежал запыхавшийся Обинаш.

— Гоурмохон-бабу, что же это творится? Ведь никому и в голову прийти не могло! Подумать только, Биной-бабу...

Он не смог договорить. Возможность на чем свет стоит ругать Биной доставляла ему истинное наслаждение, и он даже не мог притвориться, что огорчен происшедшим.

Очень скоро у Горы собрался весь цвет его партии, и вокруг поступка Биной закипел жаркий спор. Большинство сходилось на том, что удивляться тут нечему: все они неоднократно замечали, что он человек слабый и неустойчивый — по-настоящему, всем сердцем, он никогда не принадлежал к их партии. Многие утверждали, что им просто невыносимо было видеть, как Биной с самого начала пытался стать вровень с Гоурмохоном-бабу. В то время как все остальные почтительно сохраняли подобающую дистанцию между собой и Гоурмохоном-бабу, Биной постоянно навязывался ему, прямо-таки из кожи лез, чтобы показать, что он не такой, как все, и ему под стать только дружба с самим Горой. Всем приходилось мириться с таким надменным отношением Биной, поскольку он пользовался исключительным расположением Горы, и вот вам налицо печальные последствия...

— Конечно, может, мы не так образованны, как Биной, — говорили они, — и не так умны, как он. Но зато мы никогда не изменяем своим принципам! У нас что на уме, то и на языке! Мы не способны сегодня поступать так, а завтра этак... Называйте это глупостью, тупостью или вообще как хотите.

Гора сидел молча, не принимая никакого участия в разговоре.

Позднее, когда все уже разошлось, Гора вдруг увидел, что по лестнице, минуя его комнату, подымается Биной, и, выскочив в коридор, позвал его:

— Биной, ты, кажется, решил порвать со мной? Может быть, я как-нибудь нечаянно тебя обидел? — сказал Гора, как только они вошли в комнату.

Заранее настроив себя на мысль, что ссоры сегодня не избежать, Биной вошел в комнату в весьма воинственном настроении, но, увидев, как мрачен Гора, уловив нотку обиды в его голосе, он почувствовал, что всю его решительность как рукой сняло.

— Гора, я не хочу, чтобы ты превратно понял меня! В жизни неизбежны всякие перемены, неизбежно приходится многим жертвовать, но это еще не причина, чтобы я мог пожертвовать нашей дружбой.

Некоторое время Гора молчал.

— Ты стал членом «Брахмо Самаджа»? — спросил он наконец.

— Нет, и не стану. Но я считаю, что это вообще большого значения не имеет.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Только то, что теперь мне кажется несущественным вопрос, стану ли я брахманстом или нет.

— Тогда позволь спросить — теперь ты считаешь так, ну, а как ты считал прежде?

Тон Горы заставил Биную насторожиться.

— Раньше меня охватывало бешенство, когда я слышал, что кто-то собирается стать брахманстом, — ответил он, — и я благочестиво надеялся, что этого человека постигнет достойная кара. Но теперь со мной этого не бывает. Я пришел к заключению, что против мнения можно бороться только мнением, против довода — доводом, и что возмущаться кем-то потому, что его убеждения не сходятся с твоими, просто дико.

— Значит, ты теперь будешь спокойно относиться к тому, что индуст становится брахманстом, — заметил Гора, — но если ты узнаешь, что брахмаист хочет совершить покаяние и стать индустом, ты будешь возмущен до глубины души — в этом только и разница между твоей прежней точкой зрения и теперьшней.

— Ты говоришь это просто потому, что очень раздражен, а вовсе не потому, что действительно так думаешь.

— Я говорю так потому, что уважаю тебя, — продолжал Гора, — это совершенно естественно и неизбежно. Будь я на твоём месте, я поступил бы точно так же. Если бы мы могли менять свои религиозные взгляды, как хамелеон меняет цвет кожи, тогда другое дело, но это слишком серьёзный вопрос, чтобы подходить к нему так легко. Ведь если бы не существовало никаких препятствий, если бы не было угрозы того или иного наказания, человеку вовсе не нужно было бы напрягать все свои умственные способности, разрешая столь серьёзный вопрос, как перемена религии. Человек должен подвергнуться какому-то испытанию, чтобы понять, действительно ли он нашёл ту истину, которую искал. И должен быть готов к любым последствиям, даже к возмездию. Жемчужина истины не предлагается даром.

Теперь уже спор разгорелся вовсю. Слова летали словно стрелы и, сталкиваясь, высекали искры.

После долгой словесной битвы Биной наконец встал и сказал:

— Наши с тобой характеры, Гора, абсолютно не сходятся. До сих пор эта разница не проявлялась резко, потому что каждый раз, когда я был не согласен с тобой, я старался подавить это чувство, зная твою нетерпимость, зная, что ты готов разить направо и налево всех, кто расходится с тобой во взглядах. Поэтому, только ради того, чтобы уберечь дружбу с тобой, я вечно должен был насиловать себя. Теперь я наконец понял, что ничего хорошего это не принесло и не могло принести.

— Но скажи мне откровенно, что ты думаешь делать дальше? — спросил Гора.

— Теперь я стою на собственных ногах, — ответил Биной. — Мне не нужно больше думать о том, как бы умиловить общество, которое представляется мне чудовищем, требующим ежедневных человеческих жертв. Какова бы ни была моя дальнейшая судьба, я не собираюсь больше ходить с петлей его предписаний и запретов на шее.

— Уж не собираешься ли ты, как юный брахман из «Махабхараты», убить соломинкой демона-людоеда? — с издевкой в голосе спросил Гора.

— Не знаю, удастся ли мне убить его соломинкой или нет, — ответил Биной, — но я решительно отказываюсь признать за ним право хватать меня и рвать на части, даже если ему удалось вцепиться в меня.

— Ты говоришь такими аллегориями, что тебя трудно понять! — воскликнул Гора.

— Не понять тебе трудно, а согласиться с тем, что я прав. Ты знаешь не хуже меня, как бессмысленны оковы, при помощи которых общество хочет стеснить нашу волю в таких вопросах, как: что употреблять в пищу, к чему прикасаться, на чем сидеть и так далее, тогда как именно вера предоставляет человеку полную свободу. Но ты оправдываешь эту власть общества, потому что сам по природе властен. Так запомни, пожалуйста, что я не потерплю ничьей тирании. Я признаю требования общины к себе только до тех пор, пока она признает за мной право предъявлять требования и к ней. Если же община не желает видеть во мне живое существо и хочет превратить меня в заводную куклу, то и я перестану приносить ей цветы и елей и буду считать ее бездушным механизмом.

— Короче говоря, ты станешь брахманстом?

— Нет.

— Но ты женишься на Лолите?

— Да.

— По обряду правоверного индуизма?

— Да.

— И Пореш-бабу согласен на это?

— Вот его письмо, — сказал Биной, протягивая его Горе.

Гора дважды внимательно перечитал письмо Пореша. Заканчивалось оно так:

«Я не скажу, хорошо ли это или плохо с моей точки зрения, не собираюсь говорить и о том, какие радости и горести сулит вам этот шаг. Вы оба знаете мои взгляды, мои религиозные убеждения, знаете общину, членом которой я состою. Знаешь ты, Биной, и то, в каком духе воспитывалась Лолита и какое образование она получила. Вы оба тщательно взвесили все обстоятельства, прежде чем избрали этот путь, и ничего нового я сказать вам не могу. Но не думайте, что я бросил руль, потому что не

знал, что сказать вам, потому что так и не смог прийти ни к какому решению. Я очень много думал над этим и понял, что, поскольку к тебе, Биной, я испытываю чувство глубокого уважения, я не вижу, почему вам брак может быть нежелателен с точки зрения религии, и, следовательно, считаю, что вы не обязаны отступать перед препятствиями, которые воздвигает на вашем пути община. В связи с этим я хочу сказать только — раз уж вы собираетесь нарушить законы своих общин, вы должны духовно стать выше их. Вы должны показать, что в вашей любви, в вашем союзе, таится не только сила, готовая отрицать и разрушать, но и созидательное, умиротворяющее начало. Нельзя, решив столь смело и порывисто этот вопрос, успокоиться — от вас потребуется немало героизма и в дальнейшем, когда наступят будни вашей жизни — в противном случае вас ждет печальный конец. Ведь для того чтобы подняться над обыденностью и заурядностью жизни, у вас не будет помощи общества; вы должны будете сделать это сами, своими силами, и если не сумеете, то неминуемо окажетесь ниже толпы. Ваше будущее с его радостями и печалями вызывает у меня много опасений. Но эти опасения не дают мне права мешать вам, ибо только те, кто достаточно смел, чтобы на собственном опыте решать задачи, которые ставит перед вами жизнь, поднимают общество на высшую ступень. Те же, кто просто живут по раз и навсегда установленным правилам, не способствуют развитию общества, а лишь поддерживают его. Поэтому я не стану мешать вам своими страхами и тревогами. Не обращайтесь ни на какие препятствия, следуйте по тому пути, который вы считаете правильным, и да поможет вам господь! Всевышний никогда не налагает оковы на волю своих созданий — постоянными переменами он будит в нас стремление к чему-то новому. И вы, как его помощники в этом, яркими факелами зажгли свои жизни и вступили на трудный, тернистый путь. Да укажет вам дорогу тот, кто предначертанным путем ведет весь мир. Я не могу убеждать вас идти тем путем, который избрал я сам. Когда я был молод, как вы, я тоже однажды оттолкнул свою ладью от берега и направил ее навстречу буре, не слушая ничьих предостережений. И никогда не раскаивался в этом,

А впрочем, что из того, если бы и пришлось раскаяться? Человек может ошибаться, терпеть неудачи, страдать, но он не может стоять на месте; ради того, что он считает своим долгом, он должен быть готов пожертвовать собой. Только благодаря тому, что поток вечно несет вперед свои воды, и сохраняется чистота священной реки общества. В своем движении вперед поток неизбежно подмывает берега, от этого возможны обвалы, но, преградив путь реке плотиной, чтобы избежать их, мы только превратим ее в тинистый, застоявшийся пруд. Это я знаю твердо, поэтому я отступаю в сторону — пусть сила, которая заставляет вас идти против законов общества, которая увлекает вас прочь от легкого счастья и спокойной жизни, ведет вас! Я склоняюсь перед ней с чувством благоговения и молю, чтобы она вознаградила вас за всю ту клевету и оскорбления, которыми будут осыпать вас, за разлуку с теми, кто дорог вашему сердцу. Пусть ваша жертва не пропадет даром! Пусть тот, кто призвал вас на трудный путь, поможет вам достигнуть цели!»

Гора долго молчал.

— Гора, ты должен дать свое согласие, — сказал Бинной. — Встань на ту же точку зрения, что и Пореш-бабу.

— Пореш-бабу может дать согласие, он находится в потоке, который размывает берега. Я же — не могу, потому что тот поток, в котором нахожусь я, укрепляет берег. Неисчислимые реликвии прошлых веков стоят на нашем берегу, и мы не можем бросить их на произвол разрушительных сил природы. Ругайте нас, делайте с нами что угодно, но мы оденем наш берег в камень. Для нас это место священо, и хотя река год из года покрывала его наносным илом, мы не позволим крестьянам возделывать эти земли. Пусть это приносит нам убытки. На этом берегу нам жить, а не пахать. И нас ничуть не смущают нападки ученых-земледельцев, упрекающих нас в том, что мы избрали для своей цели слишком твердую почву.

— Короче говоря, ты не согласен на наш брак?

— Конечно, нет.

— Следовательно... — начал Бинной, но Гора не дал ему договорить.

— Следовательно, я порываю со всеми вами, — сказал он.

— А если бы я был одним из твоих приятелей-мусульман?

— Это совсем другое дело. Когда от дерева отламывается ветка, ей уж никогда не прирасти снова. Но дерево всегда остается опорой лианы, даже поваленная бурей на землю, она может снова подняться и обвиться вокруг него. Но если родное становится чужим, нужно рвать с ним окончательно. Другого выбора нет. Потому-то так суровы правила общества и его запреты.

— Потому-то и нельзя допускать, чтобы окончательный разрыв был возможен из-за пустяков, — ответил Биной. — Может быть, потому так и крепки кости рук и редки их переломы, что не так-то просто эти переломы срастаются... Ты не задумывался над тем, как трудно человеку спокойно жить и работать в обществе, которое при малейшем ударе получает неизлечимые травмы?

— Это не моя забота, — возразил Гора. — Все эти вопросы решает общество, причем настолько вдумчиво и всесторонне, что мне не приходится ломать над этим голову. Как-никак эти вопросы существовали тысячелетия до моего рождения, а общество, как видишь, и не думает распадаться. Ведь не задумываюсь же я над тем, как движется земля вокруг солнца — по прямой или извилистой линии, сбивается ли она с пути или нет — и пока что никаких неудобств от этого не испытываю. Точно так же отношусь я и к своей общине.

— Знаешь, Гора, — засмеялся Биной, — я столько раз говорил то же самое, и вот сейчас мне приходится выслушивать все это от тебя. Это, конечно, наказание свыше за мои прежние разглагольствования. Но какая польза спорить? Я теперь ясно увидел то, чего не замечал раньше. Я понял, что жизнь человека подобна полноводной реке. По неведомым законам она вдруг сама сворачивает в сторону и силой своего течения прокладывает новое русло там, где никогда не текла раньше. Все эти внезапные повороты и новые непредвиденные русла — не что иное, как воля всевышнего. Река жизни — не искусственный канал, ее не заставишь течь в установленном направлении. И если это понять ясно, то никакие словесные ухищрения в заблуждение ввести не смогут,

— Когда мотылек летит на огонь, он, наверное, пользуется точно такими же доводами, — сказал Гора, — но сегодня я не буду понапрасну тратить время, разубеждаю тебя.

— Вот и хорошо, — сказал Бинной, поднимаясь со стула. — Тогда я пойду на минутку к матери.

Не успел он выйти, как в комнату медленно вошел Мохим, жуя, как обычно, бетель.

— Ну как, видно, ничего не вышло? — спросил он Гору. — И не выйдет! Ведь я предупреждал тебя, говорил — смотри в оба: он мне уже давно не внушал доверия! Но ты разве будешь меня слушать! Вот если бы тогда поднажать да женить его на Шошимукхи, не о чем было бы и разговаривать теперь. Но ведь никому до этого дела нет. Кто стал бы меня слушать? Если человек сам не понимает, хоть лоб расшиби, ничего ему не докажешь. Вот и дождались, что такой малый, как Бинной, ушел из общины. А жаль, жаль!

Гора не отвечал.

— Значит, судя по всему, обратно его уж не заполучишь? — продолжал Мохим. — И ведь подумать, сколько времени он нам голову морочил со свадьбой. Теперь с этим делом мешкать больше нельзя, сам знаешь, как у нас в обществе, попадись только им в лапы — пропал! Есть у меня один жених на примете — да ты не бойся, тебе сватовством заниматься не придется. Я уже сам все устроил.

— Кто же этот жених? — спросил Гора.

— Да этот — твой Обинаш.

— И он согласился?

— Еще бы! Это тебе не Бинной! — воскликнул Мохим. — Нет, что ни говори, но оказывается, из всей твоей группы только один Обинаш по-настоящему предан тебе. Он прямо занялся от радости, услышав, что есть возможность породниться с тобой. Это, говорит, для меня счастье и большая честь. Заговорил я о приданом, а он уши зажал и слышать ничего не хочет. Тогда я сказал, что улажу все с его отцом. Но, скажу я тебе, отец совсем не похож на сына, не стал затыкать уши. Наоборот, сам повел такой разговор, что мне было внору затыкать уши. К тому же я заметил, что сынок во всем беспрекословно

слушается отда, чуть ли не молится на него. Так что от его посредничества толку не будет. Чтобы закончить дело, придется продать облигации, иначе ничего не получится. Но ты все-таки скажи Обинашу несколько слов. Если он услышит, что ты тоже одобряешь...

— Все равно ни рупии не скинет, — прервал его Гора.

— Это верно, — подтвердил Мохим. — Если сыновье почтение к тому же и выгодно, то его уж ничем не поколеблешь.

— Значит, дело решено бесповоротно? — спросил Гора.

— Бесповоротно.

— И день назначен?

— А то как же! В день январского полнолуния. Не так долго и ждать. Его отец сказал, что можно обойтись без драгоценных камней, но нужны тяжелые золотые украшения. Надо будет посоветоваться с ювелиром, как увеличить вес золота, не увеличивая цену.

— Но к чему такая сненика? — спросил Гора. — Ведь опасности, что Обинаш в скором времени вступит в «Брахмо Самадж», нет.

— Это верно, но ты не заметил, что отец что-то начал сдавать? Врачей не слушает, все будто назло делает. Саньяси, с которым он недавно подружился, велит ему совершать омовение три раза в день, а сверх того заставляет делать такие упражнения по системе йога, после которых у отца зрачки, дыхание, внутренности — все становится не как у людей. Хорошо бы устроить свадьбу Шоши, пока он еще жив. Я бы вздохнул свободно, если бы смог закончить это дело, прежде чем сбережения отца попадут в руки Онкаранондо Свами. Я вчера только разговаривал с отцом и вижу, что трудностей не оберешься. Кажется, придется поманить этого проклятого саньяси гашишем, прибрать его к рукам и заставить помогать нам. Не то, будь уверен, отцовскими денежками попользуются не те, у кого семья на руках и кому они нужны больше всего. Ведь в чем беда-то: отец жениха пристает, требуя денег, а собственный отец, едва услышит о том, что нужно давать деньги, погружается в созерцание. Что мне, повесить на шею свою одиннадцатилетнюю дочь и утопиться, что ли?

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

— Радхарани, почему ты не ужинала вчера вечером? — спросила Хоримохини.

— Как так? Я поела, — удивилась Шучорита.

— Что же ты ела? — сказала Хоримохини, указывая на тарелки. — Все как было, так и осталось.

Тут только Шучорита поняла, что вчера она даже и не вспомнила об ужине.

— Это нехорошо, — сердито продолжала Хоримохини. — Насколько я знаю Пореша-бабу, он очень не одобряет, когда люди впадают в крайности. Сам-то он уж на что спокойный, увидишь его — и на душе благодать. Что бы он сказал, если бы узнал, как ты себя ведешь?

Шучорите было неловко догадаться, на что намекает Хоримохини, и в первое мгновение она почувствовала замешательство. Ей никогда не приходило в голову, что кто-нибудь может увидеть в ее дружбе с Горой обычные отношения между мужчиной и женщиной и найти в этом повод для косых взглядов и сплетен. Потому-то она и смутилась сначала. Но в следующую же секунду выпрямилась, отложила рукоделие и смело посмотрела в лицо тетке. Она решила раз и навсегда, что не даст никому повода подумать, что она стыдится своих отношений с Горой.

— Ты же знаешь, тетя, что вчера у нас был Гоурмон-бабу. Я так с ним заговорила, что забыла об ужине. Тебе бы тоже было интересно послушать, о чем он мне рассказывал.

Но слушать Гору вовсе не представлялось Хоримохини таким уж заманчивым. Она любила благочестивые беседы. Горины же рассуждения насчет веры не шли, по ее мнению, от чистого сердца и никакой радости ей не доставляли. Впечатление было, что Гора в каждом собеседнике видит человека, несогласного с ним, и считает своим долгом переубедить его. Ну хорошо, сокрушая своими доводами несогласных, он заставлял их признать свою правоту; а что он мог сказать тем, кто и не думал оспаривать его мнения? Хоримохини была совершенно равнодушна к тому, что волновало Гору. Ее ничуть не трогало, что брахмансты хотят жить согласно своим убеждениям и

предпочитают не смешиваться с индуйстами, — лишь бы это расхождение во взглядах не грозило ее отношениям с близкими людьми, а до остального ей не было никакого дела. Поэтому разговоры с Горой не представляли для нее никакого интереса. Когда же она поняла, что Шучорита все больше и больше подпадает под влияние Горы, эти разговоры стали ей просто неприятны. В материальном отношении Шучорита была совершенно независима от нее; так же самостоятельна была она и в своих мнениях, вопросах веры, поведении, и Хоримохини никак не удавалось хоть в чем-то заставить ее беспрекословно подчиняться себе. А ведь на склоне лет Радхарани была ее единственной опорой! Поэтому стоило Хоримохини подумать, что кто-то, кроме Пореша-бабу, пробует повлиять на Шучориту, как она начинала тревожиться. Старой женщине казалось, что Гора неискренен, что просто он хочет хитростью завладеть сердцем Шучориты. Хоримохини даже подозревала его в том, что главной его целью было прибрать к рукам состояние племянницы. Одним словом, Гора был первым врагом Хоримохини, и она решила сделать все возможное, чтобы расстроить его планы.

Гора не обещал, что придет сегодня и, собственно говоря, никаких особых причин приходить ему не было. Но нерешительность отнюдь не была свойственна его натуре: если он принимался за что-нибудь, то не задумывался над последствиями, не знал колебаний, а устремлялся к цели прямо, словно стрела.

Когда рано утром Гора пришел к Шучорите, Хоримохини была на молитве. Шучорита же приводила в порядок стол и разбирала книги, тетради, бумаги и не особенно удивилась сообщению Шотиша о приходе Гоур-бабу. Она была уверена, что Гора обязательно придет.

— Итак, Биной все-таки порвал с нами, — сказал он, опустившись на стул.

— Как порвал? — спросила Шучорита. — Ведь он же не вступил в «Брахмо Самадж».

— Он был бы ближе нам, если бы вступил в «Брахмо Самадж». Нам больнее всего именно то, что он продолжает цепляться за индуизм. Было бы лучше, если бы он совсем оставил нашу общину.

— Но почему вы придаете общине такое исключительное значение? — спросила задетая за живое Шучорита. — Разве естественна для вас слепая преданность? Или, может быть, вы только заставляете себя так относиться к ней?

— При нынешних обстоятельствах такое отношение к общине совершенно естественно для меня. Когда почва у вас под ногами начинает колебаться, приходится вырабатывать цепкую, твердую походку. Мы кругом наталкиваемся на противодействие, поэтому, конечно, в наших словах и делах проявляется известная крайность. Это вполне закономерно.

— А почему вы считаете, что противодействие, которое вы видите вокруг, с начала и до конца несправедливо и ненужно? — спросила Шучорита. — Если община становится препятствием на пути к прогрессу, она обязательно подвергается нападкам.

— Прогресс подобен волнам в реке, которые подмывают берег, — возразил Гора. — Но я не считаю, что у берега нет способа помешать этому. Не думайте, что я совсем уж не задумываюсь над тем, что хорошо и что плохо в нашем обществе. Разобраться в этом настолько легко, что в наши дни судьями стали даже шестнадцатилетние подростки. Гораздо труднее почитать и любить все это.

— Но разве почтение и любовь обязательно приводят к познанию истины? — спросила Шучорита. — Разве любовь свободна от ошибок? Скажите мне, неужели вы оправдываете идолопоклонство? Неужели вы в самом деле искренне верите в идолов?

Некоторое время Гора молчал.

— Я постараюсь чистосердечно объяснить вам свою точку зрения, — начал он. — Сначала я искренне верил во все это и не считал своим долгом осуждать идолопоклонство только потому, что оно не принято в Европе, и потому, что против него можно выдвинуть несколько дешевых возражений. Сам я специально никогда не занимался религиозными вопросами, но я не собираюсь бессмысленно твердить, что культ формы и идолопоклонство — одно и то же или что всякое богочитание не сводится в конце концов к поклонению изваянию божества. В искусстве, литературе, даже истории и других науках

находится место воображению, и я никогда не соглашусь с тем, что только религия не имеет на него права. Именно в религии полностью раскрывается все совершенство духовных сил человека. И неужели вам не кажется, что наша попытка сочетать воедино воображение, познание и любовь, нашедшая выражение в культе изваяний божества, не открывает человеку гораздо более значительную истину, чем все, что делается в других странах?

— Но ведь и в Греции и в Риме тоже поклонялись статуям богов, — возразила Шучорита.

— В этих странах статуи нужны были не столько для выражения религиозных чувств, сколько для поклонения красоте, тогда как у нас в Индии воображение тесно переплетено с нашей философией и нашей верой. Возьмите наших Радху и Кришну, Шиву и Дургу — дело совсем не в том, что именно они были в течение многих веков объектами поклонения нашего народа, а в том, что в них яшла выражение древняя философия нашей расы. Именно на этих образах выросло богопочитание Рамрошада и Чойтонно. Разве в истории Греции и Рима вы найдете примеры столь глубокого благочестия?

— Но неужели вы не допускаете, что с течением времени меняются и религия и общество? — спросила Шучорита.

— Как могу я не допускать этого! — воскликнул Гора. — Но изменения эти должны быть обоснованными. Ведь и человек тоже меняется. Ребенок постепенно вырастает в мужчину, однако ж человек не может внезапно стать кошкой или собакой. Перемены в жизни Индии должны совершаться именно своим, индийским, путем, если же они вдруг начнут повторять факты английской истории, то ничего, кроме нелепости и абсурда, из этого не выйдет. Я готов отдать свою жизнь, чтобы доказать всем, что все могущество нашей родины, ее величие заключается в ней самой. Неужели вы не понимаете этого?

— Нет, я понимаю, — ответила Шучорита. — Только раньше я никогда не слышала ничего подобного и не задумывалась над этим. Знаете, когда попадаешь в новое место, нужно время, чтобы привыкнуть к обстановке. Так теперь и со мной. Может быть, это потому, что я жен-

щина и недостаточно умна, чтобы разобраться во всем этом.

— Нет, нет! — воскликнул Гора. — Очень многие мужчины, из тех, с кем я без конца разговаривал на эти темы, были убеждены, что великолепно во всем разбираются, но, уверяю вас, ни один из них не был способен видеть то, что увидели вы. Я с первого же раза почувствовал, что вы на редкость проникательны и умны. Вот почему я стал так часто приходить к вам и поверять вам свои сокровенные мысли. Я, ни на минуту не задумываясь, открыл вам все надежды моей жизни.

— Мне очень неловко, когда вы так говорите, — смущенно сказала Шучорита. — Я не могу понять, какие надежды вы возлагаете на меня, на что я способна и что должна буду делать; не знаю, смогу ли я выразить чувства, вдруг овладевшие мной. Одного я боюсь — вдруг когда-нибудь вы увидите, что совершили ошибку, поверив в меня?

— Здесь не может быть ошибки! — прогремел Гора. — Я покажу вам, какая громадная сила заложена в вас. Не беспокойтесь — я беру на себя заботу помочь вам проявить свои способности. Доверьтесь мне!

Шучорита не отвечала, но ее молчание красноречивее слов говорило о том, что она вполне готова довериться. Молчал и Гора. В комнате воцарилась тишина. С улицы доносились возгласы старьевщика, но мало-помалу звон медной посуды, которую он продавал, затих, и его голос замер вдали.

Окончив свою молитву, Хоримохини отправилась на кухню. Ей и в голову не пришло, что в комнате Шучориты, откуда не слышно было ни звука, кто-то есть. Но, заглянув мимоходом к племяннице, она увидела Шучориту: Гору, погруженных в безмолвную задумчивость, и от возмущения даже вздрогнула, словно молния ударила ей в сердце. Немного овладев собой, она подошла к двери и позвала:

— Радхарани!

Шучорита встала и подошла к ней.

— Сегодня у меня постный день, — сказала Хоримохини ласково, — и что-то ослабела я. Пожалуйста, пойд

па кухню и разведи огонь, а я пока посижу с Гоурмохоном-бабу.

Шучорита прекрасно поняла замысел тетки и пошла в кухню сильно обеспокоенная. Тем временем Гора почитительно склонился перед Хоримохини и взял прах от ее ног. Она опустила на стул и сидела некоторое время, поджав губы.

— Ты ведь не брахманст? — спросила она наконец.

— Нет, — ответил Гора.

— Ты уважаешь нашу индунтскую общину?

— Конечно, уважаю.

— Так почему же ты так ведешь себя? — выпалила она вдруг.

Не понимая, в чем его обвиняют, Гора молча устремил на Хоримохини вопросительный взгляд.

— Радхарани уже не маленькая, — продолжала Хоримохини, — вы с ней не родственники, о чем это у вас могут быть такие разговоры? Она девушка, у нее по дому работы много, и незачем ей вовсе столько времени на пустую болтовню тратить. Ты — человек развитой, тебя вон как все хвалят! Так скажи же на милость, где это у нас видано, чтобы девушки так себя вели? Или, может, священное писание это одобряет?

Гора был совершенно потрясен таким оборотом дела. Ему и в голову не могло прийти, что кто-то может косо смотреть на его отношения с Шучоритой.

— Я не видел в этом ничего особенного, — попытался оправдаться он. — Ведь она член «Брахмо Самаджа», и я знал, что она свободно встречается со всеми.

— Хорошо, пусть Шучорита член «Брахмо Самаджа», а это что, по-твоему, хорошо? — воскликнула Хоримохини. — Вот ты своими речами людей будоражишь, к истине призываешь, а как ты думаешь, смогут они тебя уважать, если увидят, как ты ведешь себя? Вчера ты с ней до поздней ночи разговаривал — и все тебе мало. Сегодня опять пришел с самого утра. Она ни в кладовую не заглянула, ни в кухню, не подумала даже о том, что сегодня я пощусь и нужно помочь мне хоть немного. Этому, что ли, ты ее учишь? В вашей семье тоже есть девушки. Так, может, ты и их отрываешь от домашних

дел и читаешь им свои наставления? Что-то я этого не думаю, а если бы кто-нибудь еще этим занялся, тебе бы это не понравилось.

Гора не находил ответа.

— Я как-то не задумывался над этим, — заметил он, — ведь она воспитывалась именно в таком духе.

— Про воспитание ты лучше помолчи! — закричала Хоримохини. — Пока Радхарани со мной и я жива, я этого не допущу! Я уже кое в чем вернула ее на истинный путь. Мы еще когда у Пореша-бабу жили, сплетни пошли, что она, как повелась со мной, так и стала правоверной индуисткой. А только мы сюда переехали, как пошли эти споры бесконечные с вашим Биноем, и опять все вверх дном! Он, кажется, на брахмаистке собирается жениться? Ну что ж — воля его! Не успела я от Биноя избавиться, еще один повадился ходить — Харан-бабу какой-то! Он только на порог, а я с ней сразу наверх, в свою комнату. Так он ничего и не добился. Ну, думала я, не пропали даром мои старания: образумилась немного. Сначала, когда мы поселились здесь, она ела, не обращая внимания на то, кто прикасался к пище, но сейчас я вижу, что с этими глупостями покончено. Вчера сама приготовила рис, сама принесла его из кухни. Запретила слуге приносить воду. И теперь я молю тебя: не отнимай ее у меня! Все, кто был у меня в этом мире, — умерли. Осталась только одна она. Да и у нее, кроме меня, родных-то никого нет. Не трогай ты ее! Ведь у них в семье есть еще девушки — Лабонне, Лида. Они тоже умные да образованные. Если тебе нужно им что-нибудь сказать, иди да говори, никто тебе и слова не скажет.

Гора сидел совершенно ошеломленный.

— Ты сам посуди, — продолжала Хоримохини, помолчав немного, — ведь ей уж замуж пора, года-то подошли. Неужели ты думаешь, что она всю жизнь будет в девушках сидеть? Женщине нужен свой дом.

Гора был вполне с этим согласен. Его взгляды на роль женщины ничем не отличались от взглядов Хоримохини, но он никогда, даже в мыслях, не относил их к Шучорите. Воображение отказывалось представить ему Шучориту, хлопчущую по хозяйству в доме мужа. Ему казалось, что она всегда будет жить, как сейчас,

— А вы уже думали о замужестве своей племянницы? — спросил он.

— Кто-то ведь должен об этом подумать, — ответила Хоримохини, — если я не позабочусь, так кто же еще?

— Но разве можно будет выдать ее замуж за кого-нибудь из правоверных индунстов?

— Нужно попытаться, — сказала Хоримохини. — Если ничего не случится и все пойдет гладко, думаю, что сумею это сделать. Про себя-то я уже все решила. Но пока она в таком настроении, у меня не хватает смелости предпринять что-нибудь. Однако за последние два дня я замечаю, она стала податливее; буду надеяться, что дело выйdet.

Гора чувствовал, что не следует больше расспрашивать Хоримохини о ее планах, но удержаться не мог.

— И у вас уже есть жених на примете? — спросил он.

— А как же, — ответила Хоримохини, — прекрасный человек — Койлаш, мой младший деверь. Недавно у него умерла жена. И он как раз ищет себе подходящую девушку постарше, а то такой бы не засиделся! Лучшего жениха не придумаешь.

Чем глубже вшивался острый шип в его сердце, тем больше вопросов относительно жениха задавал Гора Хоримохини.

Выяснилось, что из всех братьев мужа Хоримохини Койлаш самый образованный, чем он был обязан исключительно самому себе. Хоримохини не могла объяснить, чему именно он учился, но, как бы то ни было, в семье он слыл ученым. Однажды он послал в почтовое управление жалобу на деревенского почтмейстера и так ловко все описал по-английски, что какой-то большой господин из управления сам приезжал проводить расследование. Вся деревня была поражена талантом Койлаша. Однако, несмотря на такую ученость, благочестие его не уменьшилось ни на йоту, так же как и приверженность старым обычаям.

Выслушав всю историю Койлаша, Гора встал, поклонился Хоримохини и молча вышел из комнаты. Спускаясь по лестнице, он увидел Шучориту, которая что-то делала в кухне, находившейся на другом конце двора. Услышав его шаги, Шучорита подошла к двери, но Гора поспешно

вышел на улицу, не оборачиваясь, и она, тяжело вздохнув, вернулась к своим делам.

Выходя из переуллка, Гора повстречался с Хараном-бабу.

— В такой ранний час! — усмехнулся Харан.

Гора ничего не ответил, но Харан, кивнув в сторону дома Шучориты, продолжал:

— Что, у них были? Шучорита дома?

— Да, — ответил Гора и торопливо зашагал прочь.

Войдя в дом, Харан-бабу через открытую дверь кухни сразу же увидел Шучориту. Путь к бегству для девушки был отрезан. Не было поблизости и тетки.

— Я только что повстречался с Гоурмохоном-бабу, — заметил Харан. — Он, наверное, был здесь?

Не отвечая ни слова, Шучорита начала энергично переставлять горшки и сковородки, всем своим видом показывая, что страшно занята и что ей буквально дохнуть некогда, не то что разговаривать. Но это несколько не смутило Харана-бабу. Он остановился в дверях и вступил с ней в разговор, несмотря на то, что Хоримохини уже несколько раз предостерегающе кашлянула, оставившись на лестнице за его спиной. Хоримохини, конечно, и сама могла бы подойти к Харану-бабу, но она отлично понимала, что стоит ей хоть раз показаться ему, и потом уж ни ей, ни Шучорите не будет покоя от этого чрезмерно напористого молодого человека. Поэтому, едва увидев Харана-бабу, Хоримохини сразу же опускала на лицо покрывало с поспешностью, достойной молоденькой новобрачной.

— Шучорита, отдаешь ли ты себе отчет в том, что ты делаешь? К чему идешь? — разглагольствовал Харан-бабу. — Ты, я полагаю, знаешь, что Долита с Биноем вступают в брак по индуистскому обряду? Ты знаешь, кто в этом виноват?

Не дождавшись от Шучориты никакого ответа, Харан-бабу понизил голос и торжественно заявил:

— Виновата ты!

Харан-бабу предполагал, что Шучорита дрогнет пред лицом столь тяжкого обвинения, но, увидев, что она по-прежнему занимается своим делом, не обращая на него

никакого внимания, он вложил в свой голос еще больше торжественности и, грозя пальцем, продолжал:

— Я повторяю, Шучорита: виновата ты! Можешь ли ты сказать, положи руку на сердце, что не провинилась ни в чем перед «Брахмо Самаджем»?

Шучорита молча поставила на огонь сковородку с маслом, которое начало громко шипеть и брызгать во все стороны.

— Это ты ввела в дом Биноя-бабу и Гоурмохона-бабу, это ты превозносила до небес их достоинства, так что они стали теперь для вас дороже, чем самые уважаемые старые друзья из «Брахмо Самаджа»! Теперь ты видишь, к чему это привело. Разве я не предостерегал с самого начала? И вот что получилось! Кто теперь оставит Лолиту? Ты, наверное, думаешь, что на этом кончатся все невзгоды? Нет! Я пришел предостеречь тебя: теперь твоя очередь. Ты, конечно, теперь раскаиваешься, видя беду, которая постигла Лолиту, но помни — недалек тот день, когда и ты скатишься так низко, что тебе уже ничто не поможет. Но еще не поздно, одумайся, Шучорита! Вспомни, какие радужные надежды связывали нас когда-то, каким светлым казался нам наш долг перед жизнью, как широко расстилалось перед нами будущее «Брахмо Самаджа»! Вспомни все те великие решения, которые мы принимали вместе, как заботливо подготавливались к предстоящему нам длинному жизненному пути! И ты думаешь, что все это исчезло? Нет, нет! Оглянись! Ты увидишь, что нивы наших надежд цветут по-прежнему. Вернись, Шучорита!

Овощи в кипящем масле начали отчаянно брызгаться, и Шучорита, умело действуя лопаточкой, стала переворачивать их. Харан-бабу умолк, чтобы посмотреть, какое действие произвел его призыв к покаянию. Но Шучорита отставила с огня сковородку, повернулась и, глядя Харану прямо в глаза, сказала твердо:

— Я индуистка.

— Ты индуистка?! — повторил захваченный врасплох Харан-бабу.

— Да, я индуистка, — повторила Шучорита и, снова поставив сковородку на огонь, принялась быстро мешать овощи.

— Очевидно, Гоурмохон-бабу с утра до вечера наставляет тебя в индуистской вере? — резко спросил Харан, несколько оправившись от первого потрясения.

— Да, я от него приняла посвящение, — ответила девушка, не поворачивая головы. — Он мой гуру.

До сих пор Харан-бабу полагал, что духовным наставником Шучориты является он сам. Ему не было бы так тяжело, если бы она сказала, что любит Гору, но услышать из ее уст, что Гора похитил у него право быть ее гуру, было для него равносильно удару ножом в самое сердце.

— И ты воображаешь, что раз уж твой наставник такая заметная фигура, то индуистская община должна будет принять тебя?

— Меня это не интересует, я в таких делах мало разбираюсь. Я знаю одно: я — индуистка.

— А тебе известно, что уже одного того факта, что ты так долго оставалась незамужней, достаточно, чтобы индуистская община отвергла тебя?

— Не тревожьте себя зря на этот счет. Запомните, я — индуистка.

— Значит, у ног своего нового наставника ты забыла даже религиозные наставления, полученные от Пореша-бабу! — вскричал Харан-бабу.

— Господь моего сердца знает, во что я верю и чему поклоняюсь, и обсуждать свои взгляды с кем бы то ни было я не собираюсь, — сказала Шучорита. — Но прошу вас запомнить раз и навсегда, что я — индуистка!

— А я тебе говорю, — закричал потерявший самообладание Харан-бабу, — что, будь ты хоть самой что ни па есть правоверной индуисткой, ничего ты этим не добьешься! Гоурмохон-бабу — это тебе не Биной. Не надейся, что ты его поймашь, хоть до хрипоты кричи, что ты — индуистка! Чего проще играть в наставники, а вот насчет того, что он сделает тебя хозяйкой в своем доме, ты и не мечтай!

Забыв на минуту о своей стряпне, Шучорита резко повернулась к Харану.

— Что вы сказали?!

— Я сказал, что Гоурмохон-бабу никогда и не подумает на тебе жениться.

— Жениться? — В глазах Шучориты загорелся опасный огонек. — Разве я вам не говорила, что он мой гуру?!

— Это-то ты мне говорила. Но мы умеем читать и между строк!

— Уходите отсюда сейчас же! — крикнула Шучорита. — Вы не смеете оскорблять меня! И запомните — с сегодняшнего дня я больше никогда не покажусь вам.

— Не покажешься? А еще бы ты показалась! Ведь ты теперь затворница! Правоверная индуистка! «Невидимая даже солнцу»! Чаша грехов Пореша-бабу теперь полна до краев. Пусть он на старости лет пожинает, что посеял, а я больше вас знать не хочу.

Шучорита громко захлопнула дверь кухни, потом бросилась на пол и заткнула рот краем сари, с грудом заглушая рыдания, тогда как Харан-бабу с почерневшим от злости лицом выскочил на улицу.

Хоримохини слышала весь разговор от начала до конца. То, что сегодня сказала сама Шучорита, превзошло все ее самые смелые мечты, и сердце ее переполнилось радостью.

«А почему бы и нет? — восклицала она про себя. — Я ли не молилась всевышнему! Неужели эти молитвы могли быть не услышаны? — И она тотчас же отправилась в молельню. Распростершись перед изваянием своего бога, Хоримохини дала обет отныне увеличить количество приношений. До сих пор ее молитвы отличались спокойствием и сосредоточенной печалью, но сегодня, увидев, что сбываются ее эгоистические надежды, она молилась пылко, нетерпеливо и в высшей степени настойчиво.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

Еще ни с кем и никогда не разговаривал Гора так, как с Шучоритой. До сих пор он лишь высказывал слушателям свои мнения, давал распоряжения, произносил перед ними речи. Шучорите же он открыл свою душу. И радость, которую он испытал при этом, не только вдохнула новую силу в его мысли и решения, она одухотворила их. Ему казалось, что жизнь его приобрела какую-то особен-

ную красоту, что сам господь благословил его самоотречением и аскетизм, покрыв их божественным нектаром. Весь во власти этого радостного чувства, Гора день за днем приходил к Шучорите, нисколько не задумываясь о последствиях своего поведения, пока сегодня разговор с Хоримохини не напомнил ему, что в свое время он беснощадно высмеивал и упрекал Биню за столь же слепое увлечение. Он даже испугался, поняв, что помимо своей воли оказался в аналогичном положении. Гора призвал на помощь все свое мужество, как это делает слепой, натолкнувшийся на что-то в незнакомом месте и замерший в страхе. Ведь он неоднократно утверждал, что только благодаря самоограничению и неукоснительному выполнению древних законов Индии удавалось в течение многих столетий выстоять в борьбе против вражеских сил, в то время как многие могущественные нации исчезли бесследно. Он не допускал никаких послаблений в этом отношении, он говорил, что можно разграбить богатства страны, но что душа ее, защищенная этими суровыми законами, останется неприкосновенной и ни один тиран не сумеет даже приблизиться к ней. «Пока мы поработены другим народом, мы должны неукоснительно соблюдать свои законы, — призывал Гора. — Теперь не время разбирать, что в них хорошо, что плохо. Когда тонущий человек в надежде спастись хватается за первый попавшийся предмет, он не рассуждает, красив ли этот предмет или безобразен». Все это Гора повторял и не раз и не два. Во все это он верил и сейчас с такой же силой, как прежде. Поэтому, когда Хоримохини разбранила его, он испытал боль вроде той, что испытывает благородный слон, когда его колят анкушем.

Подходя к дому, Гора увидел Мохима, который сидел на скамейке без рубашки и блаженно курил. Сегодня контора не работала и он был свободен. Он вошел в дом вслед за Горой и сказал ему:

— Послушай, Гора, мне нужно с тобой поговорить. Ты на меня не сердись, — продолжал он, когда они вошли в его комнату и уселись там, — но я хочу задать тебе один вопрос — уж не заразился ли и ты той же болезнью, что и Биня? Что-то ты очень уж зачастил туда и подружился с ними.

— Не бойся, — ответил, покраснев, Гора.

— Как знать, как знать! Положение вещей мне что-то не очень нравится. Ты думаешь: проглотишь кусочек — и домой? Не тут-то было! Внутри-то этого кусочка — крючок! На примере своего друга можешь убедиться. Постой, куда же ты? Я еще самого главного не сказал. Говорят, что женитьба Биноя на этой брахмаистке — дело решенное. Но я заранее предупреждаю тебя, что после этого у нас с ним не может быть ничего общего.

— Само собой разумеется.

— Могут быть неприятности, если мать заупрямится. Мы люди семейные, и без того сколько трудностей нужно одолеть, пока отдашь замуж да переженишь детей, а если вдобавок у нас тут «Брахмо Самадж» обособляется, лучше мне совсем отсюда ноги уносить, да поживее.

— Нет, этого не будет, — заверил Гора.

— Дело с замужеством Шоши более или менее улажено, — продолжал Мохим. — Но свекор будущий ни за что не удовлетворится, если в придачу к невесте не получит еще и хороший куш золота. Он, видно, хорошо знает, что человек относится к скоропортящимся товарам, а золото сохраняется куда дольше. Его, главным образом, интересует не пилюля, а то, чем ее закупают. Просто стыдно называть его свекром, так он нагло требует денежки! Эта свадьба вскочит мне в хорошую монету — зато я получил неплохой урок, пригодится, когда буду женить сына. Эх, родиться бы мне снова! Вот было бы дело. Тогда бы я устроил свадьбу по всем правилам и отца своего заставил бы быть посредником. Будь уверен, уж тогда бы я извлек все выгоды из того, что родился мужчиной. Разорить дотла отца невесты — вот поступок, достойный мужчины! Да, что бы ты там ни говорил, а меня не особенно прельщает перспектива днем и ночью воспевать победу индуизма. Голос что-то не звучит. Моему Тинкоре сейчас всего четырнадцать месяцев — жене потребовалось много времени, чтобы исправить ошибку, которую она совершила, родив первой дочь. Как бы там ни было, Гора, ты уж в союзе со своими приятелями поддержи как-нибудь индуизм, пока мой сын не подрастет настолько, чтобы жениться, а там — пусть вся страна

станет мусульманской, или христианской, или еще какой-нибудь — мне до этого нет дела!

Гора встал.

— Так вот я и говорю, — продолжал Мохим, — зачем приглашать Биной на свадьбу Шоши. Слишком глупо давать повод к новым неприятностям. Ты уж предупреди как-нибудь мать.

Придя в комнату матери, Гора увидел, что Анопдомойи сидит у стола и, надев очки, подводит какие-то счета. Увидев сына, она сняла очки и закрыла тетрадь.

— Садись! — сказала она.

Гора сел.

— Мне нужно кое о чем посоветоваться с тобой, — продолжала Анопдомойи после того, как Гора сел. — Ты, конечно, знаешь о предстоящей свадьбе Биной?

Гора молчал.

— Его дядя очень рассердился. Никто из родных на свадьбу не придет. Сомневаюсь, чтобы свадьбу можно было устроить в доме Пореша-бабу, так что все эти заботы свалятся на самого Биной. Вот я и думаю: не использовать ли нам для этой цели второй этаж дома с северной стороны, нижний этаж занят, а верхний до сих пор без жильцов. Мне кажется, это было бы очень удобно.

— Что ж тут удобного?

— Кто же, кроме меня, присмотрит за всеми приготовлениями? Ведь ему самому все это будет не под силу. А если устроить свадьбу у нас, я очень просто смогу все это сделать.

— Это невозможно, ма, — решительно сказал Гора.

— Почему? Я уже получила согласие хозяина дома.

— Нет, ма, — продолжал Гора. — Не надо устраивать свадьбу здесь. Уверяю тебя, что это лишнее, послушай меня.

— Но почему? Ведь Биной женится не по брахманстскому обряду.

— Бесплезно спорить на этот счет. Общество такими доводами не убедишь. Биной волен делать все, что ему угодно, но мы согласиться на этот брак не можем. В Калькутте много других домов. В конце концов у него есть свой дом.

Анондомайи и сама знала, что в Калькутте есть много мест, где можно устроить свадьбу, но она не могла примириться с мыслью, что несчастному Биною, отвергнутому родными и друзьями, придется для этой цели довольствоваться наемным помещением. Поэтому-то ей и пришло в голову воспользоваться пустующей квартирой в их доме. Если бы Анондомайи не предвидела взрыва возмущения со стороны общества, она с большой радостью устроила бы все это у себя.

— Если тебе так неприятна эта мысль, — со вздохом сказала она, — придется, очевидно, снять какой-нибудь другой дом. Но мне это будет очень трудно. Впрочем, что толку говорить, раз это неосуществимо.

— Но, ма, ты вообще не должна присутствовать на этой свадьбе, — возразил Гора.

— Что ты говоришь, Гора?! — воскликнула Анондомайи. — Если я не пойду на свадьбу нашего Биноя, то кто же пойдет, хотела бы я знать?

— Нет, это невозможно, ма, — настаивал Гора.

— Ты можешь расходиться с Биноем во взглядах, Гора, но разве это причина, чтобы вы стали врагами?

— Ты несправедлива, ма! — горячо воскликнул он. — Мне очень тяжело оттого, что я не смогу разделить радость Биноя на его свадьбе. Кому, как не тебе, знать, как искренне я люблю его. Но ведь вопрос тут совсем в другом — вражда и дружба не имеют к этому никакого отношения. Биной принял решение, отлично сознавая, каковы будут последствия. Не мы отвернулись от него, он сам отверг нас, и он великоленно отдавал себе отчет в том, что его ждет.

— Да, Гора. Биной знал, что ты не захочешь принимать никакого участия в его свадьбе. Все это так. Но знал он также и то, что я никогда не отступлюсь от него в такую важную для него минуту. Я могу с уверенностью сказать: если бы Биной знал, что я не дам благословения его невесте, он скорее бы умер, чем согласился на этот брак. Разве я не знаю своего Биноя? — закончила Анондомайи, смахнув слезу.

Тяжесть на сердце, которую уже давно испытывал Гора при мысли о Биное, увеличивалась с каждой минутой. Но он все же возразил:

— Но ведь ты же член общины, ма. У тебя есть обязательства по отношению к ней. Разве можно забывать об этом?

— Как будто ты не знаешь, Гора, что я уже давно не имею ничего общего с общиной! — воскликнула Анондомайи. — Потому-то меня и ненавидят там, потому-то и я предпочитаю держаться в стороне.

— Эти твои слова, ма, огорчают меня больше, чем что бы то ни было.

Анондомайи словно обняла Гору нежным взглядом своих наполненных слезами глаз.

— Милый мой мальчик, — сказала она. — Госнодь свидетель, что, как мне ни жаль, я не могу избавить тебя от этого огорчения.

— Тогда мне остается одно, — сказал Гора, вставая, — я пойду к Биною и скажу ему, чтобы он постарался устроить свою свадьбу так, чтобы это не испортило еще больше твоих отношений с общиной. Иначе это будет очень нехорошо и эгоистично с его стороны.

— Ладно, — улыбнулась Анондомайи, — делай как знаешь. Поди и скажи ему, а я посмотрю, что из этого выйдет.

После того как Гора ушел, Анондомайи долго сидела в раздумье, затем медленно поднялась и пошла в комнаты мужа.

Был одиннадцатый день лунного месяца — день воздержания и поста. В комнатах Кришнодояла не было никаких признаков приготовления пищи. Сам он сидел на полу на шкуре антилопы и читал новый бенгальский перевод религиозной книги индуистов.

При появлении жены он очень встревожился, но она остановилась на почтительном расстоянии от него и, усевшись на пороге комнаты, сказала:

— Послушай, мне кажется, что мы совершаем большой грех.

Кришнодоял уже давно отстранился от всех мирских дел — и хороших и греховных, они нимало не трогали его, поэтому он равнодушно спросил:

— Какой именно?

— Оставлять Гору в неведении больше нельзя ни одного дня. Ведь в конце концов положение все более и более запутывается.

Когда Гора заговорил о необходимости покаяния и очищения, эта же мысль возникла и у Кришнодояла, но затем, увлеченный детальным изучением системы йога, он уже не нашел времени как следует подумать об этом.

— Переговоры о свадьбе Шошимукхи подходят к концу, — продолжала Анондомойи. — Она, вероятно, состоится где-то в феврале. До сих пор, если у нас в доме происходили религиозные церемонии, мне всегда удавалось под каким-нибудь предлогом удалиться из дому, взяв с собой Гору. Но ведь особенно важных церемоний у нас еще никогда не бывало. Я просто не знаю, как быть со свадьбой Шоши? С каждым днем наш грех усугубляется. Вечером и утром молю я у бога прощения; прошу его наказать меня по заслугам. Но меня неотступно тревожит мысль, что скрывать дольше мы не сможем и что для Горы это будет страшным потрясением и несчастьем. Пропшу тебя, разреши мне рассказать ему все, без утайки, а там пусть меня постигнет кара, уготованная мне судьбой.

Зачем понадобилось Индре мешать Кришнодоялу в тот момент, когда, сурово умерщвляя плоть, он стремился прийти к торжеству духа? За последнее время он добился серьезных успехов! Он проделывал невероятные вещи с дыханием и, постепенно сокращая количество пищи, довел себя до того, что желудок его чуть ли не касался позвоночника. И именно в это время на него обрушилась такая беда.

— Ты что, с ума сошла?! — воскликнул Кришнодоял. — Если об этом узнают, у меня будут очень большие неприятности! Могут отобрать пенсию, вполне возможно, что придется иметь дело с полицией. Что сделано, то сделано. Старайся, чтобы законы по возможности соблюдалась, а если их и нарушат, тоже большого греха не будет.

Кришнодоял решил, что после его смерти они могут делать, что хотят, лишь бы сейчас оставили в покое. Кроме того, он знал, что если он не будет ни во что вмешиваться и закроет глаза на то, что творится вокруг, то в конце концов все как-нибудь утрясется.

Не зная, как же ей поступить, Анондомойи встала и несколько секунд с тоской смотрела на него.

— Какой у тебя большой вид, — сказала она. — Посмотри на свое тело...

— Тело! — повторил Кришнодоая с пренебрежительной усмешкой. Его совершенно очевидно раздражила глупость жены. Так и не разрешив большого вопроса, он снова уселся на шкуре антилопы и погрузился в изучение знаменитого трактата.

А в это время Мохим сидел в другой комнате и вел с саньяси серьезную беседу на тему о том, что является высшим предопределением человека, и о других не менее высоких материях. Возможно ли спасение души для семейного человека, вопрошал он с таким смирением и тревогой во взоре, словно от ответа на этот вопрос зависела вся его жизнь. Саньяси пытался утешить Мохима, говоря, что, хотя спасение души для семейного человека и невозможно, но райские обители вполне ему доступны. Впрочем, это сообщение мало успокаивало Мохима. Зачем ему райские обители? Он жаждет спасения. Вот только бы выдать замуж дочь, а там он посвятит свою жизнь служению саньяси и спасению души! Никто не сможет удержать его от этого. Но вот выдать дочь замуж — это нелегкое дело. Если бы только гуру сожалелся и помог ему!

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Сейчас, задним числом, Горе казалось, что в своих отношениях с Шучоритой он не проявил необходимой сдержанности, и решил впредь быть осмотрительнее. Он чувствовал, что, поддавшись ее очарованию, ослабил требования к себе и стал забывать свои обязанности по отношению к общине.

Окончив утреннюю молитву, он вошел в свою комнату и увидел, что там его ожидает Пореш-бабу. Радостное волнение невольно охватило Гору. Он не мог не ощущать особой дружественности отношений, существовавших между ним и Порешем-бабу. Гора низко поклонился гостю.

— Ты, конечно, слышал о предстоящей свадьбе Биной? — спросил Пореш.

— Слышал, — подтвердил Гора.

— Он решил, что свадьба будет не по обряду «Брахмо Самаджа».

— Тогда ему вообще незачем жениться.

Пореш усмехнулся, но не стал вступать в спор.

— От нашего «Самаджа» на свадьбе не будет никого. Говорят, что не придет никто и из родственников Биной. Со стороны моей дочери буду только я. Со стороны Биной, вероятно, не будет никого, кроме тебя. Вот почему я и пришел посоветоваться с тобой.

— Но какой смысл советоваться об этом со мной? — покачав головой, сказал Гора. — Я не хочу иметь ничего общего с этим делом.

— Не хочешь? — Пореш удивленно посмотрел на юношу.

В первый момент, увидев, как удивился Пореш-бабу, Гора почувствовал смущение. И именно от этого он тут же сказал еще более твердо:

— Это же совершенно невозможно для меня.

— Я знаю, что ты его друг, — возразил Пореш-бабу, — а ему сейчас друг нужен, как никогда.

— Да, я его друг, но я имею обязательства не только по отношению к нему, и некоторые мои обязательства гораздо важнее.

— Скажи мне, Гора, — спросил Пореш, — ты считаешь, что в поведении Биной было что-то нехорошее, несправедливое?

— Смотря о какой справедливости идет речь. Если вы говорите о вечной справедливости — это одно, если же речь идет о справедливости на земле, то она заключается в законах общества, и мы не можем пренебрегать ими, чтобы не вызывать распада этого общества.

— Но ведь законов бесчисленное множество, и можно ли утверждать, что каждый из них справедлив?

Вопрос Пореша-бабу попал в цель, Гора встрепенулся, мысли его пришли в движение, и очень скоро он уже твердо знал, что ему надо делать. Он больше не испытывал никаких колебаний и решил высказать откровенно все, что было у него на сердце. Его соображения своди-

лись к следующему: если мы не признаем полностью всех законов общества, мы тем самым ставим препятствия на пути к достижению чрезвычайно важной внутренней цели, ради которой и существует общество и которая скрыта от взоров большинства. Потому-то нам и нужна власть правил и обычаев: повинаясь им без рассуждения, мы проявляем уважение к обществу.

Пореш-бабу внимательно выслушал Гору, и когда тот, немного сконфуженный собственной самоуверенностью, кончил, сказал:

— В общем, я с тобой согласен. Верно то, что господь предопределяет каждому обществу особую цель и что эта цель понятна далеко не всем. Но главная задача человека должна состоять в том, чтобы уяснить себе эту цель, а вовсе не в том, чтобы беспрекословно, бездумно следовать законам общества.

— А я считаю, — возразил Гора, — что только в том случае, если мы будем свято исполнять его законы, откроется нам и истинное назначение нашего общества. Вступая же в противоречия с обществом, мы будем не только препятствовать его развитию, но и пойдем его неправильно.

— Истина познается только в противоречиях и в преодолении препятствий. Совершенно неверно утверждение, что несколько мудрецов когда-то в древности познали истину и раз и навсегда установили ее. Истину нужно открывать снова и снова — она познается каждым поколением в борьбе и трудностях, — сказал Пореш. — Как бы то ни было, сейчас мне не хочется спорить на эту тему. Я уважаю свободу личности, мне кажется, что только в столкновениях свободных личностей может решиться вопрос, где вечная истина, а где преходящая фантазия. И только решив этот вопрос или хотя бы сделав все, чтобы решить его, мы можем быть уверены, что содействуем процветанию общества.

Пореш встал. Поднялся со стула и Гора.

— Я считал, что из уважения к «Брахмо Самаджу» мне следует держаться несколько в стороне от этой свадьбы и что тебе, как другу Биноя, легче будет устроить все. В таких делах у друзей есть преимущество перед родственниками: они могут не считаться с противодействием

общества. Но раз и ты считаешь своим долгом отречься от Биноя, очевидно мне придется взять всю ответственность на себя и одному заняться этим делом.

Гора и не подозревал, сколько горькой истины таилось в этом слове «одному». Он не знал, что Бародашундори противится браку, что собственные дочери Пореша восстановлены против него. Опасаясь недовольства Хоримохини, он даже с Шучоритой не мог посоветоваться, как лучше устроить свадьбу. Все члены «Брахмо Самаджа» относились к нему крайне враждебно. Что же касается дяди Биноя, то он прислал Порешу несколько оскорбительных писем, в которых называл его интриганом и ловцом женихов.

Уходя, Пореш-бабу встретился в дверях с Обинашем и еще несколькими товарищами Горы, которые тотчас же начали посмеиваться над Порешем-бабу и острить на его счет.

— Если вы не способны уважать того, кто действительно этого достоин, — воскликнул Гора, — так не смейте хоть глумиться над ним!

Горе снова пришлось окунуться в привычные дела его группы. Но какими неинтересными и незначительными казались они ему сейчас! Разве это настоящее дело? В нем же нет жизни! Никогда раньше Гора не сознавал с такой ясностью, что вся эта писанина, болтовня, организационная работа не только не приносит никому никакой пользы, а, наоборот, лишает его возможности заниматься настоящим делом. Все это больше не прельщало его. Его тянуло к новому просторному руслу, в которое он мог бы направить полноводную, взволнованную от избытка сил, реку своей жизни.

Между тем приготовления к церемонии покаяния шли своим чередом, и это несколько подбадривало Гору. Покаянием он хотел не только очиститься от тюремной скверны, но и полностью освободиться от всего, что тяготило и омрачало его в последнее время. Он хотел возродиться духом и телом, чтобы с новыми силами взяться за свою работу. Было получено разрешение, назначен день, разсланы приглашения знаменитым профессорам и пандитам Восточной и Западной Бенгалии. Те из последователей Горы, которые были побогаче, собрали между собой деньги. Все члены его партии верили, что

наконец-то после долгого затишья в стране затевается нечто настоящее. Обинач тайно совещался со своими приятелями, как бы уговорить пандитов, чтобы во время раздачи священных трав, риса, цветов, сандала и других атрибутов церемонии, они преподнесли Горе титул «Свечотча индуизма». Было решено, что Гора получит сандаловую шкатулку и в ней приличествующие случаю санскритские стихи, отпечатанные золотыми буквами на пергаменте и скрепленные подписями брахманов-пандитов. Старейшие и самые уважаемые профессора вручат ему, как символ благословения самой Индии, «Ригведу» Макса Мюллера в дорогом сафьяновом переплете.

Они полагали, что это удивительно красивая форма признания заслуг Горы, который сейчас, когда индуизм находился в упадке, сделал все, чтобы сохранить заветы древней ведической религии.

Так, ежедневно, без ведома Гоурмохона-бабу совещались его последователи, стремясь сделать предстоящую церемонию возможно более приятным и назидательным зрелищем.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Хоримохини получила письмо от своего деверя Койлаша.

«Благословением ваших милостивых стоп, — писал он, — у нас все благополучно. Надеюсь, что и вы подадите нам добрую весть о себе и тем самым рассеете наши тревоги».

Писал он это, несколько не смущаясь тем, что с самого отъезда Хоримохини из их дома, никто ни разу не потрудился узнать, как ей живется. Пересказав все новости о Кхуди, Потоле, Бходжхори и прочих, в заключение Койлаш попросил: «Сообщите подробно о невесте, которую, как писали в последнем письме, вы присмотрели для меня. Вы говорите, что ей лет двенадцать — тринадцать, но что она — крупная девушка и выглядит гораздо старше. Это меня устраивает, только вы хорошенько узнайте, как записано за ней состояние — только пожизненно или с правами наследства, а я, со своей стороны, посоветуюсь со старшими братьями. Думаю, что они возра-

жать не станут. Рад слышать, что невеста — ревностная индуистка, но нужно постараться как-нибудь скрыть, что она так долго жила в брахмаинтской семье. Так что никому больше не говорите об этом. На ближайшее лунное затмение назначено празднество омовения в Ганге, и если я сумею попасть в Калькутту, то обязательно заеду взглянуть на невесту».

До сих пор Хоримохини кое-как мирилась с Калькуттой, но стоило зародиться надежде снова попасть в мужнин дом, как ее охватило нетерпение. С каждым днем изгнание становилось все невыносимей, и, будь ее воля, она бы немедленно поговорила с Шучоритой и постаралась назначить день свадьбы! Но она боялась особенно торопиться, потому что чем ближе узнавала она Шучориту, тем яснее ей становилось, что она ее совсем не понимает.

Хоримохини, однако, стала выжидать случая и начала смотреть за Шучоритой еще строже, чем прежде. Она не спускала с племянницы глаз, даже молитвы заканчивала теперь раньше.

Со своей стороны, Шучорита, после того как Гора внезапно перестал бывать у них, поняла, что здесь не обошлось без участия Хоримохини, но утешалась тем, что он все-таки по-прежнему ее гуру.

Часто отсутствующий наставник приобретает гораздо большую силу, чем тот, которого мы видим постоянно. Потому что тогда мысль, не находя выхода, начинает восполняться изнутри. Если бы Гора был тут же рядом с ней, Шучорита спорила бы с ним и возражала бы ему, теперь же она читала его статьи и безоговорочно принимала их. Когда же ей попадалось что-нибудь непонятное, она говорила себе: «Если бы только он пришел и объяснил, я бы обязательно поняла».

Но желание увидеть его одухотворенное лицо, услышать его громовой голос было столь неодолимо, что понемногу она стала по-настоящему чахнуть. Иной раз Шучорита с болью в сердце начинала думать о том, что на свете есть много людей, которые могут в любой момент беспрепятственно видеть Гору и даже не понимают своего счастья.

Однажды днем пришла Лолита и бросилась Шучорите на шею со словами:

**Р. Тароп в Страсбурге
(1921 г.)**

- Ну вот, все и хорошо, Шучи-диди!
- Что хорошо, Лолита? — спросила Шучорита.
- Все решено!
- Когда же?
- В понедельник.
- Где?

— Сама не знаю, — тряхнула головой Лолита. — Знает отец.

— Ты счастлива, сестра? — спросила Шучорита, обняв Лолиту.

— А почему бы мне не быть счастливой?! — воскликнула Лолита.

— Теперь, когда ты добилась всего, чего хотела, — ответила Шучорита, — когда тебе больше не с кем ссориться, я боялась, что ты потеряешь интерес.

— Почему? — рассмеялась Лолита. — Разве мало людей, с которыми можно ссориться? Теперь по крайней мере их не нужно будет искать где-то вне дома.

— Ах, вот оно что! — воскликнула Шучорита, шугливо потрепав ее по щеке. — У тебя, оказывается, все обдуманно заранее. Вот я скажу Биною. Время еще есть. Надо его, бедного, предупредить.

— Поздно предупреждать твоего бедного! — воскликнула Лолита. — Нет ему спасенья! Несчастья, которое было ему на роду написано, теперь не миновать. Остается только рыдать и биться головой об стену.

— Ты даже не представляешь себе, как я рада за тебя, Лолита, — сказала Шучорита, вдруг посерьезнев. — Я только молюсь о том, чтобы ты оказалась достойной такого мужа, как Биной.

— Ах вот как! А не следует ли кое-кому постараться быть достойным такой жены, как я? Ты поговори как-нибудь с ним, послушай, что он скажет — сама пожалеешь, что была так слепа и не сумела оценить любовь такого большого, такого удивительного человека.

— Ну хорошо, теперь по крайней мере нашелся ценитель, — сказала Шучорита, — и плакать больше не о чем, потому что он получил то, что хотел, и по той цене, которую готов был заплатить. Теперь тебе уже не нужна будет любовь таких скромных, незаметных людей, как мы.

— Как это не нужна? Еще как нужна! — И Лолита так сильно ущипнула Шучориту за щеку, что та даже вскрикнула. — Твоя любовь мне всегда нужна, — лукаво добавила она, — и ты не имеешь права тайком от меня отдавать ее кому-то другому.

— И не отдам, никому не отдам! — воскликнула Шучорита, прижимаясь щекой к Лолитиной щеке.

— Никому? — спросила Лолита. — Правда, никому? Ты уверена?

В ответ Шучорита лишь покачала головой.

— Послушай, Шучи-диди, — сказала Лолита, чуть-чуть отстранившись, — ты ведь сама знаешь, дорогая, я не перенесу, если ты отдашь свою любовь кому-то другому. До сих пор я молчала, но сегодня хочу высказаться. Когда Гоурмохон-бабу ходил к нам... Нет, нет, диди, не красней, если уж я решилась сегодня, то все равно скажу все до конца. Хоть я никогда ничего от тебя не скрывала, но об этом, сама не знаю почему, говорить открыто не могла, и это мне было больно. Но теперь, когда я ухожу от вас, я не могу больше об этом молчать. Когда Гоурмохон-бабу только начал бывать у нас, я, помню, очень сердилась. Почему я сердилась? Ты тогда думала, что я ничего не понимаю — правда? Я заметила, что при мне ты даже никогда не произносила его имени, и от этого я злилась еще больше. Мне было невыносимо думать, что настанет время, когда ты будешь любить его больше, чем меня... Нет, сестра, дай мне договорить — ты даже не знаешь, как я от этого страдала! Ты и теперь не будешь говорить со мной о нем. Но я больше за это не сержусь. Как бы я была счастлива, сестра, если бы ты и...

— Лолита! Умоляю тебя, не говори таких вещей. От твоих слов мне хочется провалиться сквозь землю.

— Почему же нет, сестра, разве он... — начала было Лолита. Но Шучорита снова в сильном волнении перебила ее:

— Нет, нет, нет! Ты с ума сошла — что ты говоришь! Об этом и подумать нельзя.

Робость Шучориты рассердила Лолиту.

— Но, диди, ведь это уже слишком, Я внимательно наблюдала и могу тебя заверить...

Но Шучорита не дала ей договорить. Она вырвалась из рук Лолиты и выбежала из комнаты. Лолита побежала вслед за ней.

— Хорошо, я больше не буду говорить об этом, — пообещала она.

— Никогда, никогда не говори об этом, — умоляла Шучорита.

— Такого серьезного обещания дать я не могу, — ответила Лолита. — Придет время сказать — скажу, а нет, так нет. Это я, во всяком случае, тебе обещаю.

Последние дни Хоримохини неотступно следила за Шучоритой. Она буквально ходила за ней по пятам, так что не заметить этого было невозможно. И такая подозрительность и слежка стали для Шучориты просто невыносимы. Она раздражалась, но не могла сказать тетке ни слова. Сегодня после ухода Лолиты Шучорита в полном изнеможении села за стол и, закрыв лицо руками, заплакала. Пришел слуга и принес лампу, но она велела унести ее. Было время вечерней молитвы, и Хоримохини была у себя, но, увидев, что Лолита ушла, она, не окончив молитвы, спустилась вниз и вошла в комнату племянницы.

— Радхарани! — позвала она.

Шучорита поспешно встала, украдкой вытирая слезы.

— Что это значит? — спросила Хоримохини. И не получив ответа, повторила злым голосом: — Я не понимаю, что означают все эти глупости?

— Тетя, — всхлипнула Шучорита, — зачем ты день и ночь следишь за мной?

— А ты сама не знаешь? Ты не ешь, плачешь — отчего бы это? Ты думаешь, я маленькая — ничего не понимаю.

— Уверю тебя, тетя, что ты ничего не понимаешь. Ты как ужасно заблуждаешься, что для меня это с каждой минутой становится невыносимее.

— Ну что ж, — ответила Хоримохини, — если я заблуждаюсь, будь добра, объясни мне...

— Хорошо, я объясню, — сказала Шучорита, делая отчаянные усилия, чтобы побороть стыдливость. — Я узнала от своего гуру нечто совершенно для меня новое. Нужно много духовных сил, чтобы осознать это пол-

постью, а их-то мне и не хватает, мне трудно вести постоянную борьбу с собой. Но ты, тетя, совершенно неправильно понимаешь наши отношения. Ты оскорбила его и прогнала. Все, что ты говорила ему, — неправда. И все, что ты думаешь обо мне, — несправедливо. Ты поступила нехорошо. Не в твоих силах унижить такого человека, как он, но почему ты тиранить меня? Что я сделала?

Рыдания подступили ей к горлу, и она поспешно вышла из комнаты.

Хоримохини была ошеломлена.

«Ну дела, — подумала она про себя, — в жизни таких разговоров слышать не приходилось».

Тем не менее она дала Шучорите время немного успокоиться, прежде чем позвала ее ужинать.

— Послушай, Радхарани, — сказала она, как только Шучорита села за стол. — Я не маленькая. Меня с детства воспитали, как у вас принято говорить, в индуизме, и я немало слышала всяких мнений о нем. Ты же ничего об этом не знаешь и не понимаешь, что Гоурмохон просто морочит тебе голову, называясь твоим гуру. Я кое-что слышала из того, что он говорил. В его словах нет ничего такого, чему нас с детства учили. Он сам выдумал себе какое-то писание. Мне-то нетрудно разобраться, у меня ведь есть свой гуру. И мой тебе совет, Радхарани, держись-ка ты подальше от всего этого. Когда придет время, мой гуру займется тобой и наставит тебя в истинной вере — он у меня человек серьезный. И не бойся, я введу тебя в индуистскую общину. Не беда, что ты жила в брахманской семье. Кто узнает об этом? Правда, ты уже перестарок... но будто нет девушек, которые развиваются раньше времени. Да и кто в твой гороскоп смотреть станет! С деньгами все можно устроить. Я сама видела, как один парень из рыбаков за небольшие деньги превратился в писца. Я введу тебя в дом таких почтенных брахманов, что никто и слова не посмеет сказать. Господи, да вся община у них из рук смотрит. Так что не придется тебе больше убиваться и лить слезы о своем гуру.

Когда Хоримохини завела это тщательно продуманное вступление, у Шучуриты пропал всякий аппетит, ей казалось, что она не сможет проглотить ни кусочка. Но силой воли она заставляла себя есть, так как знала, что в про-

тивном случае ей придется выслушать еще более отвратительную лекцию.

Наконец Хоримохине заметила, что ее слова не производят на Шучориту должного впечатления.

«Совершенно не понимаю таких людей, — подумала она про себя. — То кричит до хрипоты, что она индуистка, а когда подвернулся такой случай, она и слушать не хочет... Ведь тут можно будет обойтись без покаяния, никто объяснений у нее спрашивать не станет. Придется только кое-кому немного сунуть, и она запросто войдет в правоверную общину. Ну, а если уж ей и это не нравится, то как она может вообще называть себя правоверной индуисткой?»

Хоримохине не потребовалось много времени, чтобы убедиться, что Гора — самый настоящий проходимец. И, размышляя над тем, что могло толкнуть его на такую нехорошую дорогу, она пришла к выводу, что причина крылась в красоте Шучориты и в ее богатстве. Чем скорее она сумеет спасти Шучи вместе с ее акциями и водворить в надежную цитадель, то есть в дом, принадлежавший когда-то покойному мужу Хоримохине, тем будет лучше для всех. Но для этого нужно уломать Шучориту, иначе ничего не получится. И Хоримохине принялась за работу. День и ночь твердила она Шучорите о своем бывшем доме, приводила всевозможные примеры необыкновенного авторитета, которым пользуется мужнина родня, рассказывала о самых невероятных поступках, которые сходили им с рук, о том, как ни в чем не повинные люди, осмелившиеся пойти против них, подвергались остракизму, в то время как те, кто пользовался их расположением, могли играючи есть кур, приготовленных мусульманами, и позволять себе многие другие вольности, а община смотрела на это сквозь пальцы... Все это она рассказывала длинно и подробно, приводя для пушей убедительности имена и полные адреса.

Бародашундори гордилась своей прямолинейностью, поэтому она не стала скрывать от Шучориты, что желает видеть ее в своем доме как можно реже. Каждый раз, когда она испытывала потребность облить кого-ни-

будь грязью, она неизменно подчеркивала эту свою истинно брахмаистскую добродетель. Поэтому она весьма недвусмысленно дала понять Шучорите, что ей не приходится рассчитывать на гостеприимство в прежнем доме, и Шучорита прекрасно понимала, что если она зачистит к ним, то это будет стоить Порешу-бабу тишины и покоя. Поэтому без особой нужды она туда не ходила. Зная это, Пореш-бабу ежедневно сам навещал Шучориту.

Последние несколько дней, занятый делами и одолеваемый заботами, он не мог вырваться к ней. И каждый день, несмотря на состояние растерянности и смятения, в котором она находилась, Шучорита ждала его. Она была убеждена, что никогда и ни за что не порвется ее духовная связь с Порешем-бабу, без которой ни один из них не мог быть счастлив, и тем не менее сознавала, что за последнее время появились какие-то ниточки, тянувшие ее прочь от него. Это обстоятельство огорчало ее и не давало покоя. А тут еще Хоримохини с каждым днем все больше отравляла ей жизнь. И вот сегодня Шучорита, рискуя навлечь на себя гнев Бародашундори, отправилась в дом к Порешу.

Солнце уже садилось, и от высокого трехэтажного дома, стоявшего с западной стороны, протянулась длинная тень. В тени медленно прогуливался взад и вперед Пореш-бабу, один, в задумчивости низко опустив голову.

— Как ты себя чувствуешь, отец? — спросила Шучорита, подходя к нему и стараясь идти с ним в ногу.

Пореш-бабу вздрогнул, когда его мысли так внезапно прервали, остановился на миг на месте и затем, посмотрев на Шучориту, ответил:

— Спасибо, Радха, хорошо.

Они стали прохаживаться вместе.

— В понедельник Лолита выходит замуж, — заметил Пореш-бабу.

Шучорита собиралась спросить, почему он не позвал ее помочь в приготовлениях к свадьбе или хотя бы посоветоваться, но теперь не решилась этого сделать, чувствуя, что причина до некоторой степени кроется в ней самой — в другое время она не стала бы дожидаться, когда ее позовут.

Но Пореш-бабу сам заговорил о том, что так беспокоило Шучориту.

— На этот раз я не мог спросить твоего совета, Радха, — сказал он.

— Почему, отец? — спросила Шучорита.

Не отвечая на этот вопрос, Пореш-бабу продолжал пристально всматриваться ей в лицо, так что Шучорита наконец не выдержала.

— Ты думал, что во мне произошла какая-то перемена? — прошептала она, отводя взгляд чуть в сторону.

— Да, — подтвердил Пореш. — И поэтому решил не ставить тебя в затруднительное положение своими просьбами.

— Отец, — начала Шучорита, — я давно хотела обо всем рассказать, но последнее время не видела тебя. Поэтому и пришла сегодня. Я не знаю, сумею ли объяснить все как следует, и потому боюсь, вдруг ты меня не поймешь.

— Я знаю, что о таких вещах говорить не так-то просто. Твоими мыслями завладело нечто из области чувств, и хотя ты ощущаешь это нечто, но выразить словами свои чувства не можешь.

— Да, это именно так! — воскликнула Шучорита с облегчением. — Но как мне объяснить тебе, насколько сильно это чувство? Словно я переродилась, словно стала смотреть на мир новыми глазами. Я никогда раньше не видела себя так, как вижу теперь. До сих пор я не ощущала связи ни с прошлым, ни с будущим своей страны, но сейчас я так отчетливо всем сердцем почувствовала все величие и правду этой связи, что я только и думаю об этом. Послушай, отец, я не кривлю душой, когда говорю, что я индуистка, хотя прежде никогда не решилась бы признать это. Теперь я громко, не задумываясь, говорю: да, я индуистка! И делаю это признание с радостью.

— А всесторонне ли ты обдумала этот вопрос, взвеси ли все за и против?

— Разве хватило бы у меня одной ума обдумать его всесторонне? Могу сказать только, что я много читала по этому вопросу, много раз его обсуждала. Пока я не научилась смотреть на вещи в их истинном соотношении, пока у меня была тенденция преувеличивать значение частных вещей, я ненавидела индуизм в целом.

Услышав такие речи, Пореш-бабу удивился. Он ясно видел, что в мыслях Шучориты произошел какой-то перелом и, поскольку ей казалось, что она поняла какую-то

правду, никакие сомнения больше не тревожили ее. Она не производила впечатления человека, подхваченного потоком смутных ощущений, в которых он, в своем ослеплении, не способен разобраться.

— Отец, — продолжала Шучорита, — почему я должна говорить, что я — ненужный человек, отрезанный от своей родины и касты? Почему я не могу смело заявить, что я индуистка?

— Иными словами, — улыбнулся Пореш, — ты хочешь, чтобы я ответил тебе, почему я не называю себя индуистом? Собственно говоря, никаких серьезных причин для этого, пожалуй, и нет. Разве что индуистская община отказывается признавать меня таковым. Ну и еще то, что люди с моими взглядами на религию не называют себя индуистами. Но, повторяю, — продолжал Пореш, заметив, что Шучорита молчит, — это все несерьезные доводы, это, так сказать, причины внешнего порядка. Подобные препятствия можно и не принимать во внимание. Но есть одно существенное затруднение и внутреннего характера. Путь в индуистскую общину открыт не для всех, по крайней мере прямой дороги туда нет, хотя окольные пути, вероятно, имеются. Одним словом, эта община не для любого и каждого. Она лишь для тех, кто волею судеб родится индуистом.

— Так ведь это можно сказать про любую общину?! — воскликнула Шучорита.

— Нет, ни про одну мало-мальски значительную общину этого не скажешь, — ответил Пореш-бабу. — Двери мусульманства широко открыты для желающих; принимает всех в свое лоно и католицизм. То же можно сказать и о других христианских церквях. Захоти я, например, стать англичанином, в этом тоже не было бы ничего невозможного: если бы я прожил достаточно долго в Англии и следовал обычаям страны — англичане приняли бы меня в свое общество и для этого мне не пришлось бы даже принимать христианство. Абхиманью легко проник в стан врага, но не мог выбраться оттуда. Про индуизм можно сказать как раз обратное. Вход в эту общину наглухо закрыт, зато выходов имеются тысячи.

— И все же, отец, — возразила Шучорита, — индуизм за эти века не распался, индуистская община все еще живет.

— Распад общества бывает замечен не сразу, — ответил Пореш-бабу. — В старое время существовали кое-какие входы в индуистскую общину, вступить в нее могли даже неарийцы, чем наша страна могла справедливо гордиться. Даже при мусульманском правлении по всей стране было сильно влияние индуистских раджей и заминдаров, которые при помощи всяких запретов и карательных мер удерживали в общине тех, кто хотел из нее выйти. Сейчас, при английском владычестве, когда закон ограждает права всех без исключения, уже нет прежних возможностей закрыть выход из общины искусственными мерами. Вот почему с некоторых пор индуистов в Индии становится меньше, а мусульман — больше. Если так пойдет дальше, то мусульмане окажутся в большинстве и тогда нашу страну не назовешь уже Индостаном.

— Но, отец, — воскликнула в отчаянии Шучорита, — разве не должны мы сделать все, что в наших силах, чтобы не допустить этого? Неужели и мы оставим индуизм и тем самым ускорим его гибель? Ведь как раз сейчас и нужно как можно крепче держаться за него!

Пореш-бабу ласково похлопал дочь по плечу.

— Разве можем мы, даже при самом большом желании, сохранить кому-то жизнь тем, что будем крепко держаться за него? Развитие общества происходит по определенным законам, и общество, естественно, отказывается от тех, кто отвергает их. Ортодоксальная индуистская община оскорбляет людей и отворачивается от них. И потому-то с каждым днем ей становится все труднее и труднее защищать себя. В наши дни уже не спрячешься за ширмой — дороги в мир открыты на все четыре стороны, и со всех концов земли к нам прибывают все новые и новые люди. Мы уже больше не можем возводить стены из томов шастр и вед, чтобы отгородиться от всех и вся. Если индуизм и теперь не найдет в себе силы побороть эту изнурительную болезнь, то в конце концов соприкосновение индуизма с внешним миром кончится полным крахом индуизма.

— Я ничего этого не понимаю, — с болью в голосе проговорила Шучорита. — Но если правда, что в наши дни все отступают от индуизма, то я по крайней мере не оставляю его в такую минуту. И раз мы родились в это

неудачное время, мы тем более должны держаться своей общины в трудный для нее час.

— Дитя мое, — сказал Пореш-бабу, — я не хочу оспаривать мыслей, зародившихся в твоей головке. Ищи успокоения в молитве и, вынося решение о чем бы то ни было, всегда прислушивайся к голосу правды, которую ты носишь в себе, и к идеям добра, которые ты так хорошо чувствуешь, и тогда все тебе станет ясно. И никогда не позволяй себе даже в мыслях поставить ниже своей страны *того*, чье величие несравненно, потому что это не принесет ничего хорошего ни тебе, ни стране. Так по крайней мере думаю я и потому хочу посвятить *ему* безраздельно все свои помыслы и устремления. Только тогда смогу я быть честным по отношению к своей стране, по отношению к людям.

На этом месте его прервал слуга, вручивший ему письмо.

— У меня нет с собой очков, да и темно уже, — сказал Пореш-бабу, — так что, будь добра, прочти мне.

Шучорита взяла письмо и прочитала его вслух. Оно было из комитета «Брахмо Самаджа». Внизу стояли подписи многих видных членов Общества. Смысл письма сводился к тому, что, поскольку Пореш разрешил своей дочери сочетаться браком не по брахмаистским обрядам и сам собирается присутствовать на этой свадьбе, «Брахмо Самадж» не может согласиться с тем, чтобы он оставался его членом. Если же он имеет что-нибудь сказать в свое оправдание, то пусть напишет объяснительное письмо, которое должно быть вручено комитету не позже следующего воскресенья, когда окончательное решение по его делу будет принято путем простого голосования.

Пореш-бабу положил письмо в карман, а Шучорита нежно взяла его руку, и они опять начали молча ходить взад и вперед по дорожкам сада. Постепенно вечерние сумерки сгустились, и в их переулке зажгли фонарь.

— Отец, — ласково сказала девушка, — уж и на молитву пора. Сегодня я буду молиться вместе с тобой. — И с этими словами она отвела его в уединенную молельню, где уже был постлан коврик и горела свеча. В этот вечер безмолвная молитва Пореша-бабу продолжалась дольше обычного. Наконец он прочитал вслух небольшую мантру

и встал. Переступив порог, Пореш-бабу увидел Лолиту и Биноя, которые молча сидели у дверей молельни. Они низко склонились перед ним. Он же положил им на голы руки, благословляя их.

— Завтра я приду к тебе, дитя мое, — сказал он Шучорите, — а сейчас мне нужно кончить кое-какие дела, — и он ушел к себе в кабинет.

По лицу Шучориты текли слезы. Безмолвно стояла она в темноте веранды. Долго молчали и Лолита с Биноем.

Когда Шучорита собралась наконец уходить, к ней подошел Биной.

— А ты, диди, разве не благословишь нас? — спросил он ласково, в низком поклоне склоняясь перед ней. И один бог знает, что, задыхаясь от слез, прошептала Шучорита в ответ.

Придя к себе, Пореш-бабу сел писать ответ комитету «Брахмо Самаджа». Он написал:

«Все заботы в связи со свадьбой Лолиты мне придется взять на себя. Если на этом основании вы сочтете необходимым исключить меня, я приму это, как должное, и буду молиться только об одном — чтобы господь дал мне приют у своих ног, после того как от меня отвернутся все общины».

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

Шучорите очень хотелось пересказать Горе все, что она услышала от Пореша. Неужели Гора не задумывался над тем, что Индия, которую он старался показать ей, которую хотел заставить ее любить всем сердцем, стоит пред лицом разрушения, что гибель уже нависла над ней?

До сих пор Индия умудрялась держаться силой своих внутренних устоев, так что индийцам не приходилось особенно тревожиться. Но не пора ли покончить с этой беспечностью? Имеем ли мы право сидеть дома сложа руки, по-прежнему уповая на нерушимость этих древних устоев?

«Тут должна быть доля и моего труда, — думала Шучорита. — В чем же он состоит?» Ей казалось, что в такое время Гора должен быть рядом, чтобы распорядиться ею и указывать путь. Если бы только он устранил с ее пути все препятствия, вразумил ее и указал

принадлежащее ей по праву место, она бы доказала, насколько выше она стоит всех сплетен и клеветы, которые обрушило на нее общество.

Гордость переполняла ее, и она спрашивала себя, почему Гора не испытал ее, почему не возложил на нее осуществление какой-нибудь невероятно трудной задачи? Смог ли бы хоть один из его последователей пожертвовать всем с той же легкостью, как она, Шучорита? Неужели ему не нужна такая готовность и самопожертвование? Разве не наносится ущерб родине тем, что она — Шучорита — до сих пор бездействует, скованная общественным мнением? Она не допускала мысли, что он может так пренебречь ею.

«Не может же Гора так просто оставить меня, — говорила она себе. — Он должен прийти, он должен испытать меня. Он должен окончательно преодолеть смущение и робость, ведь как бы ни был он велик и силен, он нуждается во мне. Он сам говорил мне это! Как же он может забыть теперь обо всем из-за какой-то пустой болтовни?»

Тут к Шучорите прибежал Шотиш.

— Диди! — сказал он, остановившись около нее.

— Что, болтунишка? — спросила Шучорита, обняв мальчика.

— В понедельник у Лолиты свадьба, — ответил Шотиш, — и я на несколько дней перееду к Биною-бабу. Он сам меня пригласил.

— А ты спросил тетю?

— Да, но она рассердилась на меня и сказала, что ничего не знает, и послала меня спросить тебя — говорит, как она скажет, так и делай. Диди, разреши мне! Не думай, я заниматься не брошу. Я буду каждый день учить уроки, и Биной-бабу поможет мне.

— Да, но ты же будешь всем мешать, когда в доме идут такие приготовления.

— Нет, нет, диди, обещаю, что я никому нисколько не помешаю.

— А собачонку свою ты тоже собираешься взять с собой?

— Да, Биной-бабу велел обязательно взять ее. Он даже ей специальное приглашение прислал — на красной бумаге. Там сказано, что ее просят быть на свадебном обеде со всем своим семейством.

— А кто же это семейство?

— Ну как же, Бинной-бабу говорит, что я, конечно, — нетерпеливо затараторил Шотиш. — И еще, диди, он велел принести нашу музыкальную шкатулку. Дай мне ее, я не сломаю.

— Я бы только спасибо сказала, если бы ты ее сломал. Хоть на время избавилась бы от нес, и то хорошо! Так, значит, вот зачем твой друг пригласил тебя! Оказывается, ему просто нужна была твоя музыкальная шкатулка, чтобы не нанимать на свадьбу оркестра!

Шотиш пришел в страшное негодование.

— Нет!! Совсем нет! Бинной-бабу сказал, что он хочет, чтобы я был его шафером. Что должен делать шафер, диди?

— Он должен поститься весь день.

Мальчик не поверил. Тогда Шучорита привлекла его к себе.

— Хорошо, болтунишка, скажи мне, кем ты будешь, когда вырастешь?

На этот вопрос у Шотиша ответ был готов, так как, поскольку, по его наблюдениям, их школьный учитель являл собой образец неограниченной власти и необыкновенной учености, он решил, что обязательно станет учителем, когда вырастет.

— Только работать много придется, — сказала Шучорита, после того как Шотиш известил ее о своем намерении. — Как ты смотришь на то, чтобы нам с тобой объединиться и работать вместе? Трудиться придется, не жалея сил, если мы хотим возвеличить нашу страну. Впрочем, разве ее нужно возвеличивать? Где еще есть такая великая страна, как наша? Мы должны подняться сами, чтобы стать достойными ее! Знаешь ли ты это? Понятно ли это тебе?

Шотиш был не из тех, кто легко признает, что чего-то не понял. Поэтому он твердо ответил:

— Да!

— Знаешь ли ты, как велика наша страна и наш народ? — продолжала его сестра. — Как бы тебе это объяснить? Это удивительная страна! Сколько тысячелетий тому назад господь решил сделать ее первой страной в мире! Сколько людей из разных стран стекалось сюда,

чтобы помочь осуществлению божьей воли. Сколько великих людей родилось на нашей земле, сколько великих сражений разыгралось здесь, сколько великих истин было высказано, сколько наблюдалось примеров великого подвижничества! Сколько было создано религиозных учений! В какие только тайны не проникали наши мудрецы! Вот наша Индия! Запомни, дорогой, Индия — это великая страна. Никогда не забывай ее и не пренебрегай ею. Когда-нибудь ты поймешь то, что я тебе говорю сегодня. Я думаю, ты и теперь кое-что понимаешь. Ты должен осознать, что родился в этой великой стране, и отдавать все свои силы служению ей!

Немного помолчав, Шотиш спросил:

— Диди, а ты что будешь делать?

— Я тоже буду трудиться ей на благо. Ты мне можешь?

— Да, конечно, — сказал Шотиш, гордо выпятив грудь.

Дома Шучорите не с кем было поделиться чувствами, переполнявшими ее сердце. Вот она и излила их бурным потоком своему маленькому брату. С детьми его возраста обычно не говорят таким языком, каким говорила она, но Шучориту это нисколько не смутило. Воодушевленная своим новым познанием, она считала, что нужно лишь объяснить как следует все то, что поняла она сама, и все — старые и малые, каждый в пределах своих возможностей, так или иначе поймут ее. И ей казалось невозможным умалчивать о чем-то или приспособливаться к чужому пониманию, потому что так можно было исказить истину.

Воображение у Шотиша разыгралось.

— Когда я вырасту большой и у меня будет много, много денег...

— Нет, нет, нет! — перебила его Шучорита, — не говори о деньгах! Нам с тобой, болтунишка, не нужны деньги. Дело, которому мы себя посвятили, потребует от нас преданности, самой жизни нашей!

В эту минуту в комнату вошла Анондомойи. Кровь прихлынула к сердцу Шучориты. Она наклонилась и взяла прах от ног Анондомойи. Шотиш последовал ее примеру, но сделал он это нехотя, так как низкий поклон почему-то ему никогда не удавался.

Анондомойи привлекла к себе мальчика, поцеловала в голову.

— Я пришла посоветоваться с тобой, — обратилась она к Шучорите. — Потому что больше пойти мне не к кому. Биной заявил, что свадьба должна быть у него в доме. Но я не согласилась. Что он, наваб какой-то, чтобы вся свадебная церемония — включая выдачу невесты — происходила в его собственном доме? Нет, это недопустимо, а потому я подыскала дом, неподалеку от вас. Я прямо оттуда. Ты уговори, пожалуйста, Пореша-бабу.

— Отец согласится, — заверила ее Шучорита.

— Но и тебе, дорогая, тоже придется сходить туда. Свадьба назначена на понедельник, и за эти несколько дней нам нужно успеть привести там все в порядок. Времени остается не так много. Я бы управилась и сама, но знаю, что Биную будет очень обидно, если ты не придешь помочь. Сам попросить тебя он не решается. Собственно, он даже твоего имени не упоминает, и отсюда я заключаю, что это его, видимо, очень тревожит. И, пожалуйста, не старайся держаться в стороне — этим ты и Лолиту обидишь.

— Вы сможете присутствовать на свадьбе? — воскликнула Шучорита.

— То есть, что значит «присутствовать»? Разве я чужая, чтобы только присутствовать? Это же свадьба Биноя! И я должна все для него сделать. Но я предупредила Биноя, что в этой свадьбе я ему никто, я со стороны невесты, он возьмет Лолиту из моего дома.

Сердце Анондомойи было переполнено жалостью к Лолите из-за того, что родная мать отвернулась от нее в такой момент. Именно поэтому она так старалась, чтобы в день своей свадьбы Лолита не чувствовала недостатка в заботе и ласке. Анондомойи решила, что сама займет место матери Лолиты, своими руками оденет ее к свадьбе, сама встретит жениха и доглядит за тем, чтобы как следует встретили всех немногочисленных приглашенных, если они все-таки придут. И она твердо решила привести новую квартиру в такой порядок, чтобы Лолита сразу же почувствовала себя дома.

— А у вас не выйдет из-за этого неприятностей? — спросила Шучорита,

— Очень может быть, но что из того? — ответила Анондомойи, вспомнив, как неистовствовал по этому поводу Мохим. — Даже если и будут маленькие недоразумения, самое главное суметь промолчать — тогда все скоро уляжется.

Шучорита предполагала, что Горы на свадьбе не будет, и ей не терпелось узнать, не пытался ли он помешать матери принимать в ней участие. Но она не решилась спросить сама, а Анондомойи о Горе не обмолвилась ни словом.

Хоримохини слышала, как пришла Анондомойи, но она сначала не спеша кончила свою работу и только тогда вышла к ней.

— Как поживаешь, сестра? — спросила она. — Что ты давно не показываешься и не даешь о себе знать?

Не отвечая на упрек, Анондомойи сказала:

— Я пришла за твоей племянницей.

И она объяснила цель своего посещения. Хоримохини надулась и некоторое время недовольно молчала.

— Я не могу ввязываться в это дело, — сказала она наконец.

— Нет, сестра, я и не прошу тебя, — сказала Анондомойи. — А за Шучориту не волнуйся. Она будет все время со мной.

— Тогда выслушай меня! — воскликнула вдруг Хоримохини. — Радхарани все время твердит, что она индуистка, и, надо сказать, сейчас она и рассуждать и поступать стала, как правоверная индуистка. Но если она хочет войти в индуистскую общину, ей следует быть поосторожнее. Разговоров и так не оберешься. Ну, это я еще как-нибудь улажу. Но пока что ей хоть некоторое время нужно вести себя с оглядкой. Люди прежде всего спросят, почему она до сих пор не замужем? Пожалуй, и это можно кое-как замять. Постараться, так и хороший жених найдется. Но если она опять примется за старое, так ведь ее не остановишь. Ты ведь выросла в индуистской семье, сама должна, кажется, понимать! И как у тебя духу хватило звать ее? Ну, скажи, будь у тебя дочь, смогла бы ты послать ее на эту свадьбу? Небось, подумала бы, как ее замуж потом выдавать-то будешь?

Пораженная Анондомойи могла только молча смотреть на Шучориту, лицо которой пылало от стыда.

— Да я нисколькo не настаиваю, — проговорила наконец Анондомойи, — и, если Шучорита возражает, то я..

— Тогда я уж и вовсе не понимаю, что у тебя в голове, — воскликнула Хоримохини. — Ведь твой собственный сын ей тут индуизм проповедовал, а ты вдруг такое предлагаешь! С луны ты, что ли, свалилась!

Куда девалась прежняя Хоримохини, которая в доме Пореша-бабу всегда старалась держаться как можно незаметнее, словно чувствовала себя в чем-то виноватой, которой достаточно было заметить в вас хоть искру симпатии к себе, чтобы она тотчас горячо привязывалась к вам? Теперь она дралась за свои права, как тигрица. Все время ее мучили подозрения. Ей казалось, что все вокруг только и думают о том, как бы отнять у нее Шучориту. Она никак не могла разобраться, кто же — друг и кто — враг, потому-то она так и разволновалась сегодня. Душа ее больше не находила успокоения в молитвах, и бог, к которому она обратилась, когда весь мир ее рухнул, больше не помогал ей. Когда-то она была вполне земным человеком. Потом, после того как на нее обрушились одно несчастье за другим, она решила, что ей уже больше ничего не нужно — ни денег, ни дома, ни родных. Но стоило сердечной ране немного затянуться и жизнь со всеми ее соблазнами снова заявила на Хоримохини свои права, и в ее изголодавшейся душе опять пробудились после долгого сна прежние желания и надежды. Она очень быстро возвращалась к тому, от чего столько времени отрекалась, и стала теперь куда жаднее к жизни, чем была в прежние дни.

Перемена, происшедшая с Хоримохини в столь короткий срок и сквозившая теперь буквально во всем — в ее лице, в глазах, в каждом жесте, в словах и поведении, — страшно поразила Анондомойи, и ее нежное сердце наполнилось мучительным беспокойством за Шучориту. Если бы только Анондомойи знала об этой скрытой опасности, она никогда бы не пришла звать Шучориту на свадьбу. Теперь же надо было думать, как лучше выйти из создавшегося положения.

Как только Хоримохини исподтишка подковырнула Гору, Шучорита, опустив голову и не проронив ни слова, вышла из комнаты.

— Не бойся, сестра, — сказала Анондомойи. — Я сначала не подумала обо всем этом. Но теперь я не буду больше ее уговаривать, и ты ей тоже ничего не говори. Ее воспитали в определенных понятиях, и, если ты начнешь слишком уж ее прижимать, она может и не выдержать.

— Ты думаешь, я сама этого не понимаю? Нет, я еще из ума не выжила. Пусть она сама тебе скажет, стесняла я ее когда-нибудь или нет! Она до сих пор делала, что хотела, я ей слова не сказала. Я всегда говорю: лишь бы она жила! Больше мне ничего не нужно. Горькая моя судьба! Я ночей не сплю, все думаю — как бы чего не случилось.

Когда Анондомойи собралась уходить, Шучорита вышла из своей комнаты и поклонилась ей. Анондомойи ласково погладила ее по голове.

— Я приду, дорогая, и расскажу тебе обо всем, так что ты не унывай. С божьей помощью все обойдется по хорошему.

Шучорита ничего не ответила.

На следующий день, рано утром, Анондомойи, взяв с собой Лочмию, отправилась очищать дом от многодневной пыли, и только они устроили на полу настоящий потоп, как в дверях появилась Шучорита. Увидев ее, Анондомойи отбросила метлу и щетку, подошла и нежно прижала девушку к груди. А затем принялась усердно мыть, скрести и оттирать все в доме.

Денег Пореш-бабу дал Шучорите на расходы достаточно, и, исходя из этой суммы, они с Анондомойи составили список необходимых покупок, который без конца изменяли и дополняли.

Немного погодя приехали и сам Пореш-бабу с Лолитой, которая больше не могла оставаться дома, так как теперь никто из домочадцев не осмеливался даже разговаривать с ней, и их молчание она болезненно чувствовала на каждом шагу. Когда же в довершение ко всему друзья Бародашундори валом повалили к ней, чтобы выразить свое соболезнование, Пореш почел за лучшее вообще увести дочь из дому. В час прощанья Лолита пошла поклониться матери, и после ее ухода Бародашундори продолжала сидеть отвернувшись, и на глазах ее были слезы. Лабонне и Лида в душе были порядком взволнованы

замужеством сестры и, будь их воля, сами с восторгом приняли бы участие в свадебных хлопотах. Но, когда Лолита пришла к ним проститься, сестры вспомнили о своем суровом долге перед «Брахмо Самаджем» и придали лицам непреклонное выражение. У порога Лолита заметила Шудхира, но за его спиной толпилось несколько брахмаистов, внимательно наблюдавших за всем происходящим, так что ей не удалось обмолвиться с ним ни словом.

Сев в экипаж, Лолита заметила в углу на сиденье какой-то сверток. Она развернула его и увидела серебряную вазу для цветов, на которой было выгравировано по-английски: «Да благословит господь счастливую чету». К вазе была привязана карточка с инициалами Шудхира. Лолита твердо решила не позволять себе плакать сегодня. Но, получив в час прощания с отчим домом этот единственный знак внимания от друга детства, не смогла удержаться, и слезы градом покатались у нее по щекам. Пореш-бабу, сидя тихонько в углу, тоже утирал глаза.

— Входи, входи, дорогая моя! — закричала Анондомойи с таким видом, будто все время караулила ее появление, и, взяв Лолиту за обе руки, ввела ее в комнату.

— Лолита навсегда покинула наш дом, — сказал Пореш-бабу, когда по его просьбе вызвали Шучориту, и голос его дрогнул.

— Здесь она не будет чувствовать недостатка в ласке и заботе, отец, — ответила Шучорита, взяв его за руку.

Когда Пореш собрался уходить, Анондомойи, натянув край сари на голову, подошла к нему и поклонилась. Смущенный Пореш тоже ответил ей поклоном.

— Не беспокойтесь за Лолиту, — сказала Анондомойи. — Тот, кому вы ее вручаете, никогда ничем не огорчит ее. У меня никогда не было дочери и мне всю жизнь недоставало ее, но я всегда надеялась, что дочерью мне станет жена Биноя. Господь наконец услышал мою молитву и послал мне такую замечательную дочку, о какой я даже и мечтать не могла.

С самого того дня, как начались волнения в связи с замужеством Лолиты, Пореш-бабу впервые почувствовал какое-то облегчение и увидел в жизни какой-то просвет. По крайней мере он узнал, что есть в мире уголок, где он может отдохнуть душой.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

После того, как Гора вышел из тюрьмы, к нему поваляли посетители, но их лести и восторги доводили его до того, что он едва сидел дома. В конце концов, чтобы избежать самых назойливых из них, он снова пустился странствовать по окрестным деревням.

Наспех позавтракав, он ранним утром уходил из дома и возвращался голько поздно ночью. На поезде он доезжал до какой-нибудь станции недалеко от Калькутты и оттуда пешком отправлялся в близлежащие деревни; заходил в дома маслоделов, гончаров, рыбаков и людей других низших каст. Они не понимали, зачем этот светлокожий высокий брахман ходит из дома в дом и расспрашивает об их горестях и радостях, и сказать правду, часто встречали его приход с недоверием. Но Гора, не обращая внимания на косые, подозрительные взгляды, по-прежнему заходил то в одну, то в другую хижину, и его не останавливали даже неприветливые замечания, которые ему приходилось иногда выслушивать.

Чем ближе он знакомился с жизнью этих бедняков, тем неотступнее преследовала его одна мысль. Он видел, что в деревне общинные узы были намного крепче, чем среди интеллигенции. Зоркое око общины день и ночь следило за тем, как едят, лежат, сидят обитатели каждого дома, соблюдают ли они религиозные обряды. Люди простодушно верили в необходимость соблюдения обрядов, никаких сомнений на этот счет у них никогда не возникало. Но эта слепая вера в незыблемость традиций и власть общины отнюдь не придавала им сил в борьбе с тяготами повседневной жизни. Сомнительно, чтобы где-нибудь еще в мире можно было встретить существа столь запуганные, беспомощные, не умеющие думать о своем благе, как индийские крестьяне. Единственный путь к облегчению своей участи они видели в неукоснительном соблюдении законов индуизма, и если им пытались указать иной путь, они просто не понимали, о чем им говорят. Вся жизнь их обуславливалась запретами — запретами, грозившими всевозможными карами, установленными суровыми правилами общины. Казалось, будто их с ног до головы

опутывает сеть разнообразных наказаний, грозящих за нарушение правил, которые на каждом шагу предписывали или запрещали что-нибудь. Но эта сеть была похожа на тенета ростовщика. Крестьяне смотрели на общину, как на безжалостного заимодавца, а не как на милостивого повелителя, среди них не было единства, которое помогло бы им стоять рядом, плечо к плечу, и в горе, и в радости. Гора не мог не видеть, что, пользуясь оружием традиций и обычаев, один человек сосет кровь другого и безжалостно душит его. Сколько раз он наблюдал, какими жестокими становились эти люди, лишь только дело касалось соблюдения установленных общиной обрядов. У одного из этих бедняков долгое время болел отец. Лечение, питание больного, уход за ним окончательно разорили беднягу, но никто и пальцем о палец не ударил, чтобы помочь ему. Более того, односельчане уверяли, что этот неизлечимый недуг является наказанием, посланным свыше за какой-то тайный грех, и наставляли, чтобы больной совершил обряд покаяния, требовавший новых расходов. Всем было известно, что человек этот нищ, беспомощен, но жалости он ни в ком не вызывал. И так было повсюду и во всем. Для детей похороны родителей были гораздо большим несчастьем, чем сама их смерть, подобно тому как расследование преступления полицией было для деревни большим несчастьем, чем само преступление. Ссылки на бедность, на невозможность выполнения обрядов во внимание не принимались; безжалостные требования общины должны были быть выполнены полностью. Родственники жениха пускались на любые хитрости, чтобы только сделать бремя расходов отца невесты окончательно невыносимым, ни капли сострадания к несчастному ни у кого не было. Гора видел, что общество не помогает человеку в нужде, не старается ободрить его в несчастье, оно лишь угрожало ему, втоптывало в грязь и унижало его.

Гора забывал об этом в обществе просвещенных людей, среди которых он привык жить, ибо это общество испытывало на себе действие внешних сил, помогающих людям объединиться ради общего блага; там стремились сохранить единство, и приходилось думать лишь о том, чтобы их совместные усилия не вылились в слепое подражание кому бы то ни было и не оказались бесплодными.

Но в застывшей в летаргическом сне деревне, на которую удары извне не оказывали непосредственного действия, Гора увидел ничем не прикрытую, позорную слабость своей страны.

Юноша нигде не находил и следа той религии, которая стремлением помочь, любовью, состраданием, самопожертвованием и уважением к человеку даровала бы людям силы, жизнь, счастье. Традиции, старинные обычаи только разобщали людей, старательно отделяя их друг от друга; они изгоняли из обихода людей даже любовь и не давали простора уму; они только ставили препятствия человеку на каждом шагу. Здесь в этих деревнях Гора воочию убедился, как жестоки и пагубны последствия этого слепого рабства — он не мог не видеть, что они проявлялись буквально во всем, отражаясь на здоровье людей, их умственной деятельности, нравственности, труде, и не мог заставить себя и дальше верить в иллюзию, созданную собственным воображением. Прежде всего Гора увидел, что среди низших каст в деревне вследствие недостатка женщин или по какой-то другой причине получить девушку в жены можно было лишь за очень большой выкуп, поэтому многие мужчины до преклонного возраста, а кое-кто и пожизненно были обречены на безбрачие. И вместе с тем вдовам строго-настрого запрещалось выходить вторично замуж. В результате здоровье многих людей подрывалось и не было человека, который на себе не испытывал бы всего вреда и неудобства этого закона. Проклятие тяготело над всеми без исключения, и в то же время никто не видел способа избавиться от него. И тот самый Гора, который в просвещенном обществе не допускал ни малейшего отклонения от обычаев, здесь, в деревне, решительно вступил в борьбу с ними. Ему удавалось иногда убедить в правильности своих доводов деревенских жрецов, но на простых людей общины влиять он не умел.

— Все это хорошо, — недовольно говорили они, — вот когда вдовы брахманов начнут выходить замуж, тогда и мы будем поступать так же.

Им казалось, что Гора презирает их, как людей низших каст, и проповедует свои идеи только для того, чтобы заставить их придерживаться подходящих им низких обычаев; за это они сердились на него.

Скитаясь по деревням, Гора заметил, что у мусульман есть нечто такое, что помогает им сплотиться. Он заметил, что в любом несчастье мусульмане крепко держатся друг за друга, что совершенно несвойственно индуистам, и часто размышлял над причинами столь резкого различия между двумя общинами, живущими бок о бок. Он никак не хотел согласиться с ответом на этот вопрос, который запрашивался сам собой. Ему слишком тяжело было признать, что мусульман объединяют не обычаи, а религия. С одной стороны, обычаи, исполнения которых требовала их община, не были столь бессмысленными, и с другой — религия сближала и объединяла их. Мусульмане объединялись на положительной, а не на отрицательной основе, они не были чьими-то должниками, наоборот, им принадлежало что-то ценное, ради чего они готовы были по первому зову встать плечо к плечу и без колебаний пожертвовать своей жизнью.

В просвещенном обществе Гора писал, спорил, выступал с речами для того, чтобы убеждать других. Для него было естественным рисовать все в розовом свете, власть его воображения оживляла слова, которые должны были помочь ему перетянуть кого-то на свою сторону. Он давал уточненные объяснения самым простым вещам и создавал в лунном свете своих эмоций чарующую картину того, что на самом деле было всего лишь грудой жалких обломков. Видя, что в Индии существует группа людей, которые отвернулись от страны и видят в ней только плохое, Гора, движимый страстной любовью к родине, старался окутать ее недостатки блестящим покрывалом своих чувств и скрыть их от оскорбительных и холодных взглядов этих людей. Иначе он не мог. Все в Индии хорошо. Он не просто доказывал это, как защитник на суде, не убеждал, что недостаток может обернуться добродетелью, если на него посмотреть с другой точки зрения, нет, он всей душой верил в то, что говорил. Даже там, где отступали все, он оставался стоять, гордо держа в крепких руках победное знамя своей веры. Его девизом было: «Сперва мы вернем уважение народа к своей родине, все остальное — потом!»

Но во время странствий по деревням, где он не был окружен слушателями, где ему нечего было доказывать, где не нужно было призывать на помощь все свои силы,

чтобы повергнуть в прах всех этих высокомерных и ненавидящих, он не мог больше скрывать от себя истину. Именно сила любви к родине и заставила его с такой отчетливостью увидеть всю правду о ней.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

В камзоле туссорского шелка, подпоясанный шарфом, с парусиновым чемоданом в руке Койлаш предстал перед Хоримохини и взял прах от ее ног. Ему было лет тридцать пять. Это был низкорослый человек с тяжелым лицом, туго обтянутым кожей. Уже несколько дней бритва не касалась его подбородка, который теперь напоминал скошенное поле.

— Это кто же приехал? Ну, садись, садись! — обрадовалась Хоримохини, увидев после долгой разлуки родственника мужа.

Она поспешно постелила циновку и спросила, не принести ли воды.

— Спасибо, не надо, — важно ответил он и прибавил: — А выглядишь ты слава богу!

— Да где уж там! — воскликнула недовольным тоном Хоримохини, воспринявшая этот комплимент, как личное оскорбление, и стала перечислять свои многочисленные недуги. — Хотя бы умереть поскорее, чем так-то мучиться.

Койлаш возразил против такого небрежения к жизни и, в подтверждение того, что их семья надеется, что Хоримохини будет жить еще долго, хотя уже и нет в живых его старшего брата, сказал:

— Нет, не говори так! Вот видишь, если бы не ты, так я бы в Калькутту не попал, а так у меня хоть крыша над головой есть.

Койлаш пересказал от начала до конца все новости о родных и соседях, а потом вдруг осмотрелся по сторонам и спросил:

— Так, значит, это ее дом?

— Да! — ответила Хоримохини.

— Как видно, капитальный, — заметил Койлаш.

— А как же! Капитальный, конечно! — раззадоривала его Хоримохини.

Койлаш отметил, что стропила сделаны из прочного материала и даже на двери и окна пошел хороший лес, а не какое-нибудь манговое дерево. Он поинтересовался также кладкой стен: в полтора или два кирпича. Спросил, сколько всего комнат — наверху и внизу. И результатами осмотра, кажется, остался весьма доволен. Ему трудно было определить, во сколько обошлась постройка дома, так как в строительных материалах он смыслил мало и точных цен не знал. Шевеля пальцами ног, Койлаш погрузился в подсчеты и пришел к заключению, что дом должен был стоить что-нибудь от десяти до пятнадцати тысяч рупий, однако вслух этого предположения высказывать не стал.

— Как думаешь, невестка, тысяч семь-восемь стоит? А? — спросил он Хоримохини.

— Да ты что это говоришь! — воскликнула Хоримохини, недоумевая пред лицом такого невежества. — Тысяч семь-восемь! Вот еще! Никак не меньше двадцати.

С большим вниманием начал Койлаш рассматривать все, что попадало в поле его зрения. Он наслаждался при мысли о том, что стоит ему только кивнуть, и он тотчас же станет полновластным хозяином этого заботливо построенного дома со всеми его балками, окнами и дверьми из дорогого тика.

— Все это очень хорошо. А как невеста?

— Ее неожиданно пригласили к тетке, и она пробудет там дня три-четыре, — торопливо ответила Хоримохини.

— Тогда как же мне посмотреть ее? У меня дома тяжба, нужно завтра же ехать.

— Тяжба твоя подождет. Нельзя тебе уехать, не кончив с этим делом.

Койлаш подумал, помолчал и, наконец, пришел к выводу: «За отсутствием одной из сторон тяжба, наверное, будет решена не в мою пользу. А да ладно! Ну-ка посмотрим еще раз, как меня собираются компенсировать за убытки».

Вдруг через отворенную дверь он увидел в углу комнаты Хоримохини, где она обычно молилась, небольшую лужицу. В этой комнате не было стока для воды, но тем не менее Хоримохини ежедневно мыла и скребла свою моленную, почему вода и скапливалась в углу. При виде этой лужицы Койлаш не на шутку огорчился.

— А вот это уж нехорошо, невестка, — сказал он.

— Что нехорошо? В чем дело? — спросила Хоримохини.

— Да вон вода скопилась. Этого никак нельзя допустить.

— А что поделаешь, деверь?

— Нет, нет, так нельзя. Эдак и пол, пожалуй, сгниет. Послушай, невестка, нельзя в этой комнате воду зря лить.

После этого Хоримохини молчала, пока Койлаш не заинтересовался внешностью Шучориты.

— Я тебе одно скажу: в вашем доме таких невест еще не было. Да ты сам увидишь.

— Ну уж! — запротестовал Койлаш. — Наша средняя невестка...

— Нашел с кем сравнивать! Где вашей невестке до нее! И что ты там ни говори, а жена твоего младшего брата покрасивее будет твоей средней невестки.

Надо сказать, что жена среднего брата благосклонностью Хоримохини не пользовалась.

Койлаша не особенно интересовало сравнение красот средней и младшей невесток. Дав волю воображению, он уже нарисовал в уме девушку неземной красоты с миндалевидными глазами, прямым носом и волосами до пят.

Из всех этих разговоров Хоримохини поняла, что основания надеяться у нее есть, и не маленькие. Она даже подумала, что в конце концов недостатки, которые, без сомнения, могут найти в невесте члены общины, не будут в данном случае иметь решающего значения.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

Биной знал, что Гора теперь уходит из дома очень рано, поэтому в понедельник он отправился к нему, едва забрезжил рассвет, и прямо поднялся в спальню. Не найдя его там, Биной спросил слугу и узнал, что Гора в молельне. Это его несколько удивило. Подойдя к дверям молельни, Биной увидел Гору. Он сидел негруженный в молитву. На нем было шелковое дхоти, и еловый чадор прикрывал плечи, оставляя большую часть тела обнаженной, отчего было видно, как светла его кожа. Обнаружив, что Гора молится, Биной удивился еще больше.

Заслышав шаги, Гора обернулся и, увидев Бинюя, испуганно воскликнул:

— Не входи сюда!

— Не бойся, не войду, — ответил Бинюй. — Но мне нужно поговорить с тобой.

Гора вышел, переменял одежду и увел Бинюя наверх.

— Итак, брат Гора, сегодня — понедельник, — сказал Бинюй, когда они уселись в комнате Горы.

— Ты прав, сегодня — понедельник, — со смехом ответил Гора. — Календарь как будто не ошибается, а уж ты-то и подавно не перепутаешь, какой сегодня день. То, что это не вторник, сомнению не подлежит.

— Я знаю, что вряд ли ты придешь ко мне, — неуверенно сказал Бинюй, — но я не могу сделать такой шаг, не поговорив с тобой еще раз. Вот я и поднялся ни свет ни заря и явился к тебе.

Гора все сидел молча, и Бинюй продолжал:

— Гора, ты не сможешь прийти ко мне на свадьбу? Это окончательно?

— Да, Бинюй, не смогу, — ответил Гора.

Бинюй молчал.

— А какая беда в том, что я не могу прийти? — улыбкой скрывая тяжесть, переполнявшую его сердце, сказал Гора. — Ты победил. Тебе удалось перетянуть на свою сторону мать. Я не смог удержать ее, как ни старался. Приходится признать, что даже в битве за мать я потерпел от тебя поражение. Одна за другой крепости сдаются, и как бы мне скоро не остаться в одиночестве...

— Не сердись на меня, Гора. Ведь я очень уговаривал ее не приходиться на мою свадьбу! А она ответила: «Вот что, Бину! Те, кто не хочет быть на твоей свадьбе, не придут, даже если ты пригласишь их, а те, кто хочет быть, придут, если бы ты и запретил им это. Поэтому, не волнуйся и не трать слов попусту». Вот ты говоришь, что потерпел поражение от меня — согласишься, что поражение-то было совсем не от меня, а от твоей матери. И что это далеко не первый раз с тобой случается! Но и то сказать — у кого еще есть такая мать!

Хотя Гора сделал все возможное, чтобы удержать Анон-домойи, в глубине души он вовсе не был огорчен тем, что, невзирая на его возмущенные протесты и недовольство,

она все-таки пошла на свадьбу. Он даже был рад этому. Ему было отрадно сознавать, что, как бы велика ни была пропасть, разделявшая их с Биноем, частица нежного любящего сердца его матери всегда будет принадлежать его другу. Их пути могли разойтись, но он знал, что, пока священные узы материнской любви соединяют их, ничто и никогда не сможет нарушить их дружбы.

— Я пойду, Гора! — сказал Биной. — Если уж ты никак не можешь прийти, не приходи. Но не таи в душе обиды против меня. Я уверен, что, если ты поймешь, какой великий смысл и значение обретает моя жизнь благодаря этому браку, ты никогда не лишишь нас своей дружбы.

С этими словами он встал.

— Посиди, Биной, — поспешно проговорил Гора. — Ведь торжественное событие произойдет только вечером. Куда же ты так спешишь?

Биной тотчас же сел, тронутый неожиданной просьбой, высказанной мягко и ласково.

И сразу же между ними завязался искренний, задушевный разговор, как будто и не было позади стольких дней разлуки. Мягкие нотки, звучавшие в голосе Горы, затронули ответные струны в сердце Биноя, и ему захотелось высказать все, что накопилось за это время в его душе. Он рассказывал о всяких мелочах, таких пустых и неважных на первый взгляд, которые, однако, приобретали в его пересказе особую прелесть, словно старые стихи, положенные на музыку. С каким жаром и вдохновением поведал он Горе о том, что ему пришлось пережить и перечувствовать за это время. Как замечательно, чудесно было все то, что случилось с ним. Всем ли дано изведать неопишемое счастье, которое переполняло душу Биноя? И у всех ли есть силы удержать это счастье? Нет, он твердо знал, что пережить такие высокие чувства дано далеко не всем людям, соединяющим свои жизни. Он настойчиво подчеркивал, что их отношения нельзя сравнивать с тем, что испытывают другие люди. Весьма сомнительно, что кто-то еще познал всю глубину любви так, как познал ее Биной. Если бы познать ее было уделом каждого, жизнь на земле не могла бы оставаться такой, как сейчас, она расцвела бы, подобно тому как ярко одеваются новыми листьями и цветами леса от первого дыха-

ния весны. Люди не жили бы, как теперь, скучно и нудно, тратя свое время на сон и на еду, и вся сила и красота, заложенные в них от природы, воплотились бы в чудесное разнообразие форм и красок. Любовь была бы подобна волшебной палочке, и никто не смог бы остаться бесчувственным к ее прикосновению. Она придавала бы замечательные качества самым заурядным людям. И человек, хотя бы раз вкусивший ее, неминуемо постигал бы, в чем заключается смысл жизни.

— Гора, — в экстазе говорил Биной. — Я понял, что только настоящая любовь способна в один миг пробудить все душевные силы человека. Неважно, что причина тому, но такая любовь — большая редкость, и поэтому очень многие из нас никогда не могут до конца познать себя. Очень часто мы не имеем никакого представления о возможностях, которые таятся в нас, и даже не можем проявить те таланты, которые в нас заложены. Потому-то так безрадостна жизнь и так недостает людям веселья. Вот почему лишь некоторые, вроде тебя, понимают, что каждому человеку дана великая душа, а заурядный человек не в состоянии понять это.

Поток восторженных речей Биной был прерван громким зевком, донесшимся из комнаты Мохима. Слышно было, как он встал и отправился умываться. Биной попрощался с Горой и вышел.

Гора поднялся на крышу, посмотрел на восток, где полыхала заря, и тяжело вздохнул. Долго ходил он по крыше взад и вперед. Обычная поездка по деревням была на сегодня отменена.

В это утро Гора чувствовал на сердце тоску и пустоту, которую он не мог заполнить ничем. Ему страстно хотелось, чтобы яркий прекрасный свет озарил его жизнь и дело, которому он посвятил себя. Он словно простирал руки к небу и требовал: «Света! Яркого света!» Казалось, в его распоряжении было все: брильянты, золото, серебро. Не составляло труда достать и железные доспехи и щит. Но где была она — ласковая, лучезарная заря, дарующая надежду и утешение? Незачем умножать богатства, которыми мы владеем, нужно лишь, чтобы что-то заставило

эти богатства открыться взору людей во всей их красе и блеске.

Теперь уже Гора не мог, как прежде, смеяться над Биноем, утверждавшим, что, когда наступает замечательный момент и любовь вспыхивает одновременно в сердцах мужчины и женщины, волшебный свет озаряет их жизнь. В душе Гора признавал, что это не обычное единение душ, а нечто такое, без чего жизнь не может быть понастоящему полна, от соприкосновения с чем все приобретает какую-то особую ценность. Любовь помогает мечте воплотиться и вдыхает новую душу в плоть. Она не только делает человека вдвое сильнее и умнее, но и пробуждает в нем новый интерес к жизни.

И вот сегодня, в день, когда Биной по собственной воле становился изгнанником общества, в сердце Горы вдруг зазвучала мелодия той самой песни, которую пело сердце Биноя. Уже давно ушел Биной, а чудесная мелодия не желала затихать. Подобно тому как с плеском смешивают свои струи две реки, устремляющиеся к океану, так и любовь, переполнявшая сердце Биноя, соединилась в страстном гимне с потоком любви, изливавшимся из сердца Горы. Чувство, которое Гора старался заглушить в себе, подавить, скрыть от самого себя, не признать, вышло из берегов и решительно заявило о себе. У Горы не было больше сил отвергать его, как чуждое ему, или презирать, как недостойное.

Так прошло много часов, и, когда день стал растворяться в сумерках, Гора достал чадор, набросил его на плечи и вышел на улицу.

«Я должен взять то, что принадлежит мне, — сказал он себе. — Иначе моя жизнь в этом мире будет неполной, бесполезной».

Он ни на минуту не сомневался в том, что она, Шучорита, ждет его знака. Сегодня, сейчас он позовет ее.

Гора быстро шел по шумным улицам многолюдной Калькутты. Он не замечал, когда его толкали. Его душа словно покинула тело и устремилась куда-то вдаль, вперед...

Подойдя к дому Шучориты, он остановился и внезапно задумался. Сколько раз он приходил сюда, и дверь всегда бывала открытой настежь, но сегодня... Гора толкнул ее —

оказалось, что дверь заперта изнутри. Он постоял в раздумье, затем постучал.

На пороге появился слуга. Узнав в неясных сумерках Гору, он, не ожидая вопроса, сообщил, что молодой госпожи нет дома.

— Где же она? — спросил Гора.

Слуга объяснил, что она уже дня три тому назад переселилась в другой дом, помогает приготовить все к свадьбе Лолиты.

Пока Гора стоял и думал, не пойти ли ему на свадьбу Биноя, из дома вышел какой-то незнакомый бабу.

— Что вам угодно, господин? — спросил он.

Смерив его взглядом с головы до ног, Гора ответил:

— Ничего, спасибо!

— А то зайдите, посидим, покурим, — пригласил его Койлаш.

Койлаш истосковался по собеседникам. Хоть бы кто-нибудь зашел поболтать — и то легче бы было. Днем он еще кое-как убивал время, стоя с трубкой в руке на углу переулка и наблюдая прохожих, но по вечерам умирал со скуки. Все темы для разговоров с Хоримохини были давно исчерпаны, да и круг их был чрезвычайно ограничен. Поэтому Койлаш обосновался в небольшой комнате на первом этаже около входа, там он курил свою трубку, вступая время от времени в разговоры со слугой, чтобы как-то скоротать время.

— Нет, спасибо, я сейчас не могу, — ответил Гора, и не успел Койлаш открыть рот, чтобы повторить просьбу, как молодой человек оказался уже в конце переулка.

Гора был твердо убежден, что он родился для того, чтобы выполнить какую-то специальную миссию, predeterminedенную ему тем, от кого зависели судьбы его родины, и, однажды уверовав в это, он теперь считал, что большинство событий его жизни были не случайны и отнюдь не являлись результатом его личного желания. Поэтому он всегда искал какой-то особый смысл даже в самых незначительных обстоятельствах своей жизни.

Сегодня, когда, повинувшись непреодолимому желанию, он отправился к Шучорите и сначала нашел ее дверь запертой, а затем услышал, что ее нет дома, он решил, что неспроста что-то мешает его надеждам сбыться. Тот, кто

руководил его поступками, дал понять, что он недоволен Горой. Очевидно, в этой жизни двери дома Шучориты были перед ним закрыты. Шучорита не для него! Человек, подобный Горе, не имеет права поддаваться своим желаниям, в его жизни нет места личным радостям и горестям. Он индийский брахман, его дело молиться господу за свою великую родину, его долг — самоотречение во имя благополучия Индии. Страстная любовь, привязанности — не его удел.

«Господь наглядно показал мне, что такое любовь, — говорил себе Гора. — Теперь я знаю, что в ней нет ясности и покоя, что она жгучая и терпкая, как вино. Она будоражит душу и порождает иллюзии. Но я — саньяси, в моем сознании ей нет места».

ГЛАВА СЕМИДЕСЯТАЯ

Шучорита, которую столько времени тиранила Хорпмохини, за эти несколько дней, проведенных с Анондомойи, почувствовала такое облегчение, какого не испытывала никогда в жизни. Она очень привязалась к Анондомойи, и ей с трудом верилось, что когда-то она не знала эту женщину и была далека от нее. Анондомойи каким-то образом прекрасно понимала все ее мысли и порой без слов приносила ей глубокое успокоение. Никогда прежде Шучорита не произносила так от души слово «мать». И она не упускала случая лишний раз произнести его, хотя бы и без большой надобности.

Когда все приготовления к свадьбе Лолиты были закончены и Шучорита в полном изнеможении свалилась на постель, у нее на уме была только одна мысль — как она теперь расстанется с Анондомойи? Она начала тихонько повторять про себя: «Ма, ма!» И от этого сердце ее так переполнилось, что из глаз брызнули слезы, но тут возле нее появилась Анондомойи. Она откинула кисейный полог от москитов и присела на кровать.

— Ты звала меня? — спросила Анондомойи, погладив Шучориту по голове.

Когда Шучорита поняла, что говорила вслух, она не смогла ответить на вопрос, а только уткнулась лицом в ко-

Обониндронатх Тагор. Зов флейты

лени Анондомойи и разрыдалась. Анондомойи продолжала молча гладить ее по голове. В эту ночь они спали вместе.

Анондомойи не хотелось возвращаться домой сразу же после свадьбы Биноя.

— Они оба ничего еще не смыслят в житейских делах, — сказала она. — Как же я уйду, не наладив им хоть немного хозяйство?

— Ма, — обратилась к ней Шучорита, — тогда и я останусь с тобой на эти несколько дней.

— Правда, ма! — оживилась Лолита. — Пусть Шучиди побудет с нами несколько дней.

Услышав эти слова, Шотиш подбежал к Шучорите, обнял ее и заплясал от радости.

— И я, и я тоже останусь, диди! — кричал он.

— Тебе же нужно учиться, болтуннишка, — возразила Шучорита.

— Меня будет учить Биной-бабу.

— Биной-бабу сейчас не сможет заниматься с тобой.

— Почему же не смогу? — донесся голос Биноя из соседней комнаты. — Неужели ты думаешь, что я за сутки умудрился забыть все, что учил когда-то, просиживая за книгами ночи напролет.

— А разрешит ли твоя тетя? — спросила Анондомойи Шучориту.

— Я пошлю ей записку.

— Нет, не стоит, лучше я сама напишу ей.

Анондомойи знала, что, если Шучорита сама выразит желание остаться, Хоримохини непременно обидится, если же попросит ее об этом она, Анондомойи, то весь гнев Хоримохини обрушится на нее, а не на Шучориту.

В письме Анондомойи сообщала, что она должна задержаться на некоторое время у Биноя, чтобы наладить хозяйство молодых, и если Хоримохини согласится, чтобы Шучорита побыла с ней еще несколько дней, то это значительно облегчит ее задачу.

Письмо Анондомойи не только рассердило Хоримохини, но и пробудило в ней подозрения. Она подумала, что теперь, когда ей удалось в корне пресечь посещения Горы, его мать стала всячески стараться заманить Шучориту в силки. Все это представилось ей не чем иным, как сговором между матерью и сыном. Теперь Хоримо-

хини припомнила, как еще в самом начале ей не понравился образ мыслей Анондомойи.

У Хоримохини гора свалилась бы с плеч, если бы ей удалось благополучно пристроить Шучориту в знаменитую семью Раев. Да и сколько можно заставлять Койлаша ждать? Бедняга прокоптил все стены в доме, день и ночь куря свою трубку.

На следующий день утром после получения письма Хоримохини, захватив слугу, сама отправилась в паланкине в дом Биной. Там она застала Шучориту, Лолиту и Анондомойи, собравшихся в нижней комнате и занятых приготовлением обеда. Сверху, сотрясая окрестности, доносился громкий голос Шотиша, заучивавшего написание английских слов и их бенгальские значения. Дома никто никогда не подозревал, что у него такой необычайной мощи голос. Но здесь, чтобы доказать всем, как ревностно он относится к приготовлению уроков, ему приходилось налегать на него.

Анондомойи тепло встретила Хоримохини, но та, не обращая внимания на любезный прием, без всяких церемоний заявила:

— Я приехала забрать Радхарани домой.

— Вот и прекрасно, но сейчас присядь хоть на минутку, — пригласила Анондомойи.

— Нет, спасибо, — ответила Хоримохини, — мне еще обряды совершать надо. Я и утренней-то молитвы толком не закончила. Я не могу задерживаться.

Шучорита резала тыкву, не вступая в разговор, пока тетка не обратилась непосредственно к ней.

— Ты слышала? — сказала Хоримохини. — Собирайся!

Лолита и Анондомойи сидели, не говоря ни слова. Шучорита отложила работу и встала.

— Пошли, тетя, — сказала она и направилась с ней к выходу, но по дороге, взяв Хоримохини за руку и заведя ее в другую комнату, сказала твердым голосом: — Раз уж ты приехала за мной, я не стану позорить тебя при всех. Я поеду с тобой домой, но сегодня же к полудню вернусь сюда.

— Это что еще за разговоры! — возмутилась Хоримохини. — Ты еще скажи, что навсегда останешься здесь?

— Навсегда остаться здесь я не могу, — ответила Шу-

чорита. — Потому-то я и хочу побыть с Лолитой как можно дольше сейчас, пока у меня есть возможность.

От этих слов Хоримохини пришла в ярость, но, рассудив, что для препирательств момент сейчас неподходящий, сочла за лучшее промолчать.

— Ма, — сказала Шучорита, улыбнувшись Анондо-мойи. — Я съезжу ненадолго домой и сейчас же вернусь.

Анондомойи не стала ни о чем спрашивать и лишь проговорила:

— Хорошо, моя милая.

— Я вернусь к полудню, — шепнула Шучорита Лолите.

Девушка подошла к паланкину.

— А Шотиш? — Она вопросительно взглянула на тетку.

— Нет, Шотиш пусть остается, — ответила Хоримохини, решив, что Шотиш чудный мальчик на расстоянии и лучше его держать подальше от дома.

Когда они благополучно уселись в паланкин, Хоримохини попробовала завести разговор на волнующую ее тему.

— Ну вот Лолиту и выдали замуж. И слава богу! Порешу-бабу по крайней мере можно об одной дочери больше не беспокоиться.

После этого вступления она долго распространялась на тему о том, какая это тяжелая обуза иметь в доме незамужнюю дочь и сколько хлопот доставляет она своим родителям.

— Что тебе сказать, — продолжала она. — И у меня нет другой заботы. Об одном только и думаю, даже когда на молитву встану, эта мысль меня не оставляет. Правду тебе говорю, я и молиться-то теперь с прежним усердием не могу. Я что говорю: все ты у меня взял, господи, так за что же ты еще новое ярмо на меня надеваешь?

Как теперь выяснилось, для Хоримохини замужество Шучориты было не только житейской заботой, но и помехой на пути к спасению души. Но даже услышав о таких серьезных осложнениях, Шучорита не проронила ни слова. Тетка не сумела понять, что же, собственно, думает Шучорита, и, руководствуясь пословицей «молчание — знак согласия», истолковала поведение своей жертвы в благоприятную для себя сторону, решив, что она, по видимому, сдается. Не преминула она намекнуть и на

то, какая это сложная задача распахнуть дверь в индуистское общество для девушки вроде Шучориты и как ловко справилась с ней Хоримохини. Теперь, даже если Шучориту будут приглашать в самые знатные дома, ее будут сажать за стол вместе со всеми и никто даже пикнуть не посмеет.

Лекция достигла как раз этого пункта, когда паланкии донесли до дома. Поднимаясь наверх, Шучорита заметила в маленькой комнатке у входной двери незнакомого человека, которого слуга натирал маслом перед омовением. Увидев Шучориту, гость этот нимало не смутился, а, напротив, с нескрываемым любопытством стал рассматривать ее.

Наверху Хоримохини сообщила Шучорите, что человек этот — ее деверь, который приехал погостить и, исходя из всего вышесказанного, Шучорита сразу поняла, что все это значит. Хоримохини всячески пыталась убедить племянницу, что очень невежливо будет с ее стороны бросить гостя и уехать сегодня днем, но Шучорита только отчаянно замотала головой и сказала:

— Нет, тетя, я должна ехать.

— Ну, хорошо, останься на сегодня, а завтра поедешь.

— Я выкупаюсь и сразу же пойду обедать к отцу, а оттуда к Лолите, — стояла на своем Шучорита.

— Ведь приехали специально посмотреть на тебя, — сболтнула Хоримохини.

— Для чего ему это? — спросила Шучорита, краснея.

— Вы ее только послушайте! — воскликнула Хоримохини. — Разве теперь делаются такие дела без смотрин? В мое время не так было. Твой дядя меня до свадьбы не видел.

И, сделав такой прозрачный намек, Хоримохини торопливо начала припоминать дальнейшие подробности сватовства. Она описала, как старый служащий знаменитого рода Раев по имени Онатхбондху и старая горничная, которую звали Тхакурдаши, а с ними двое привратников в чалмах и с посохами в руках явились накануне свадьбы в дом ее отца посмотреть невесту, как в тот день волновались ее родители и как все в доме сбилось с ног, чтобы принять по-хорошему этих посланцев семьи Раев и не ударить лицом в грязь. В заключение, тяжело вздохнув, она сказала, что теперь уже времена не те.

— Ну что тебе стоит, — уговаривала Хоримохини, — посидишь с ним пять минут, вот и все.

— Нет! — твердо сказала Шучорита.

Это «нет» было произнесено так решительно, что Хоримохини даже растерялась.

— Ну, хорошо, хорошо. Нет так нет, — поспешно согласилась она. — Можно обойтись и без этого. Но только Койлаш — молодой человек, современный, образованный и, как все вы, ни с чем не желает считаться. Он объявил, что хочет видеть невесту своими глазами. Ведь ты же всюду бываешь. Вот я и пообещала ему устроить как-нибудь вашу встречу. Ну, а раз ты так стесняешься, что ж поделаешь, можно обойтись и без этого.

И она принялась рассказывать о том, какое удивительное образование получил Койлаш, как одним росчерком пера он сумел так насолить деревенскому почтмейстеру, что тот не скоро это забудет; и о том, как никто во всей округе никогда не начинает тяжбы, не посоветовавшись предварительно с Койлашем. Всем-то он всегда все разъяснит. А уж о характере деверя и говорить не приходится! Он не пожелал жениться вторично после смерти жены, несмотря на настойчивые уговоры родных и друзей, а предпочел следовать указаниям своего гуру. Чего Хоримохини стоило уговорить его! Он и слушать ее сначала не хотел. Ведь какая семья! Какой авторитет в общине!

Шучорита, однако, оказалась совершенно равнодушной и к семье, и к ее авторитету. Она даже недвусмысленно дала понять, что как-нибудь перенесет, если в индуистской общине вообще не найдется для нее места. Она, глупая, совершенно не поняла, что если после всех стараний тетки Койлаш наконец дал согласие жениться на ней, то для нее это большая честь. Она, кажется, даже сочла это за оскорбление! Хоримохини была до глубины души возмущена капризами и своеволием современной молодежи.

И тут ее недовольство перекинулось на Гору. Тоже еще! Ходит, похвается, что уж такой примерный индуист, что дальше некуда, а кто его в общине-то знает? Кто его почитает, интересно знать? И кто за него вступится, когда община решит покарать его, если он женится на богатой брахмаистке, польстившись на ее денежки? Все эти денежки уйдут на то, чтобы замазать его дружкам рты...

— Зачем ты так говоришь, тетя? — попробовала остановить ее Шучорита. — Ты же знаешь, что все это неправда.

— Когда человек доживет до моих лет, — ухмыльнулась Хоримохини, — его уж не проведешь! У меня есть глаза и уши. Я все вижу, все слышу, все понимаю и только дивлюсь да помалкиваю.

Затем она высказала свое непоколебимое убеждение, что Гора в сговоре с матерью и отнюдь не из высоких побуждений замыслил заполучить Шучориту в жены и что тем оно, вероятно, и кончится, если она, Хоримохини, с помощью семьи Раев не сумеет вызволить Шучориту из беды.

Это было уже слишком даже для терпеливой Шучориты.

— Не забывай, что ты говоришь о людях, которые пользуются моим уважением! — воскликнула девушка. — И раз ты не в состоянии понять мои отношения с ними, то мне остается только одно — уйти отсюда. Когда ты образумишься и мы сможем снова жить с тобой вдвоем, я вернусь.

— Если Гоурмохон тебе не нравится и ты не собираешься выходить за него замуж, то чем же Койлаш тебе не хорош? — проговорила Хоримохини. — Ведь не собираешься же ты весь век в девках сидеть?

— А почему бы и нет? — воскликнула Шучорита. — Я никогда не выйду замуж.

Хоримохини вытаращила глаза.

— Что же, ты до самой старости...

— Да, до самой смерти! — сказала Шучорита.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

То обстоятельство, что он не застал дома Шучориту в тот момент, когда ему так страстно хотелось увидеть ее, направило мысли Горы по другому руслу. Ему казалось, что он подпал под обаяние Шучориты только потому, что позволил себе излишне часто видеться с ее семьей и, сам того не замечая, безнадежно запутался. В своем высокомерии он преступил дозволенные границы, нарушил обычаи своей страны. Вопрос был не только в том, что, пре-

ступая эти границы, человек сознательно или бессознательно вредил себе, он утрачивал также способность делать добро другому. Близкие отношения с людьми, частое общение с ними неизменно приводили к тому, что чрезмерно обострялись многие чувства, заставляя забывать о вере и благоразумии.

Открыть эту истину Горе помогло не только близкое знакомство с девушками-брахмаистками; даже прежде, встречаясь с простым деревенским людом, он не раз чувствовал, как увлекает его водоворот жизни. Он постоянно испытывал чувство жалости к людям и невольно начинал думать, что тот или иной обычай вреден, неправилен и что нужно ему положить конец. Но разве сострадание не мешает человеку трезво судить о том, что хорошо, а что плохо? Чем сильнее говорит в нас жалость, тем скорее теряем мы способность видеть вечную и неизменную истину, — подобно тому как дым закрывает от нашего взора огонь костра, так и жалость затемняет свет истины.

Гора часто повторял себе, что именно поэтому в Индии исстари придерживались правила — тот, на ком лежит забота о всеобщем благе, должен держаться обособленно. Мнение, что монарх может хорошо править своими подданными, лишь находясь в тесном общении с ними, не имеет под собой никакого основания. Мудрый монарх только проигрывает от общения со своими подданными. Вот почему и сами подданные добровольно окружают монарха ореолом. Они прекрасно понимают, что стоит только ему опуститься до дружбы с ними, и всякая необходимость в нем сразу же отпадет.

Брахман тоже должен стоять вдали от всех, одинокий и невозмутимый. Ведь он заботится о счастье всех и поэтому не может общаться со всеми.

«Я и есть такой брахман Индии», — говорил себе Гора. Общающихся с кем попало, погрязших в спекуляциях, алчности и прочих низостях брахманов он не считал настоящими, плоть от плоти Индии святыми людьми. По его мнению, они стояли даже ниже шудр, ибо шудра рожден и живет в скверне, брахман же, забывший о святости, не брахман, а смердящий труп. Именно по вине таких брахманов Индия и влачила сейчас столь жалкое существование.

С нынешнего дня Гора решил неукоснительно соблюдать все правила живительного учения брахманов.

«Я должен оставаться совершенно незапятнанным, — говорил он себе. — Я занимаю в жизни не такое место, как все: я могу обойтись без друзей, я не принадлежу к распространенной породе людей, которым близость женщины доставляет высшее наслаждение, а общение с темным, простым народом для меня совершенно непозволительно, ибо эти люди должны взирать на брахмана так, как взирает земля на далекое небо в ожидании дождя. Кто же спасет этот народ, если я буду слишком близок к нему?»

До сих пор юноша не уделял молитве слишком много внимания. Но сейчас, когда сердце его охватила тревога и обычная выдержка изменила ему, когда дело его вдруг потеряло всякий смысл и печаль объела его жизнь, он решил обратиться к молитве. Он сажился перед изваянием божества и пытался сосредоточиться, однако вызвать в себе религиозный экстаз ему не удавалось. Путем логических рассуждений он объяснял природу бога, но для того, чтобы по-настоящему понять его, требовалась какая-то риторическая фигура. Но риторическая фигура не наполняет сердца благоговением, и метафизические рассуждения не заменяют молитвы. Очень скоро Гора заметил, что настоящие благоговение и вдохновенный восторг он испытывает отнюдь не в храме, пытаясь отдаться молитве, а в пылу спора.

И все же Гора не сдавался. Он стал неукоснительно каждый день молиться и исполнять все религиозные обряды, предписывавшиеся священными законами. Он убеждал себя, что там, где недостает чувства единения со всеми, единство нужно поддерживать только с помощью обрядов и правил.

Каждый раз, когда Гора отправлялся в деревню, он заходил в храм и, сидя там погруженный в глубокое созерцание, говорил себе: «Именно здесь мое настоящее место. С одной стороны — бог, с другой — молящиеся, а между ними — брахман, объединяющий их, подобно тому как соединяет берега реки мост».

Постепенно Гора пришел к заключению, что брахман вовсе и не должен быть набожным. Набожность — это отличительная черта простого народа, и мост, соединяю-

щий религиозных фанатиков с предметом их поклонения, — это мост мудрости, который не только соединяет, но и устанавливает границу между ними. Если бы молящегося и его божество не разделяла бездна чистого знания, все его представления о божестве были бы извращены. Потому-то брахману и не дано впадать в религиозный экстаз. Его дело сидеть в гордом одиночестве на вершине познаний и, строго соблюдая все правила, оберегать веру во всей ее чистоте и непорочности на радость толпе. Подобно тому как брахману нет покоя в мирской жизни, ему неведома и samozабвенная радость молитвы. В этом и есть величие брахмана. В мирских делах для брахмана главное — выполнение всех правил и воздержание, в религиозных — знание.

И раз сердцу удалось на какой-то срок одержать над ним верх, Гора решил наказать его. Мятежному сердцу грозило изгнание. Но кто мог привести эту угрозу в исполнение?

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Приготовления к церемонии покаяния Горы в саду на берегу Гапги шли своим чередом. Обиначу было только досадно, что избранное для церемонии место было не в центре Калькутты и, следовательно, она не сможет привлечь столько народу, сколько ему хотелось бы. Он прекрасно понимал, что самому Горе покаяние не очень нужно, нужно оно было народу Индии, на который такое зрелище должно было морально воздействовать. И ради этого, конечно, следовало провести церемонию на глазах у толпы.

Но Гора не согласился, — он хотел, чтобы во время церемонии пылал жертвенный огонь и читались веды, что было не совсем удобно в центре людной Калькутты. Для этого более подходило уединенное место в лесу или на берегу Гапги. Там при свете священного пламени, под пение ведических гимнов Гора мог взывать к древней Индии, — той, к словам которой прислушивался весь мир, — и, очистившись от грехов и совершив омовение, прийти от нее посвящение в новую жизнь. О «моральном воздействии» Гора вовсе не тревожился.

Не зная, как еще удовлетворить свою потребность в гласности, Обинаш прибегнул к помощи прессы. Ничего не сказав Горе, он во всех газетах опубликовал сообщение о предстоящем покаянии. Но и на этом он не успокоился и написал несколько длинных передовиц, в которых подчеркивал, что благородного и непорочного брахмана вроде Горы, конечно, не может коснуться никакая скверна и что он совершает покаяние за всю страну, взяв на себя грехи так низко павшей в наши дни Индии. «Подобно тому как наша погрязшая в прегрешениях страна томится в оковах иноземцев, — писал Обинаш, — Гоурмохон-бабу на себе испытал, что значит быть закованным в кандалы. Он взял на себя муки родины и вызвался искупить покаянием ее грехи. Поэтому вы, братья бенгальцы, и ты, несчастный двухсотпятидесятимиллионный народ Индии...» и так далее.

Прочитав эти словоизлияния, Гора впал в ярость. Но удержать Обинаша было невозможно. Гневные тирады Горы не производили на него никакого впечатления. Сказать правду, Обинаша они даже радовали.

— Наш наставник витает в мире высоких чувств, — говорил он, — и ничего не понимает в делах житейских. Его можно сравнить с небожителем Нарадой, который своей игрой на вине покорил Вишну и заставил его сотворить священную Гангу. Но принудить ее омыwać наш бранный мир и оживить прах сыновей Сагары смог лишь живший на земле царь Бхагиратха, а вовсе не жители неба. Это два совершенно разных дела.

Выходки Обинаша приводили Гору в бешенство, но Обинаш лишь посмеивался про себя, и только его почтение к учителю неуклонно росло.

«Обликом наш наставник, — говорил он себе, — настоящий Шива, но душой совершенный ребенок: в мирских делах ничего не смыслит, совершенно непрактичен, моментально вспыхивает, и также быстро отходит».

Стараниями Обинаша вокруг предстоящего посвящения Горы был поднят большой шум, и число людей, которые приходили посмотреть на Гору и поговорить с ним, достигло невероятной цифры. Каждый день приносил ему столько писем, что он не успевал прочитывать их. Всеобщее обсуждение его покаяния умалило, по

мнению Горы, всю торжественность этого обряда и превращало его в заурядное публичное зрелище. Но это был порок века, бороться с которым было трудно.

Последнее время Кришнодоял даже не касался газет, но людская молва проникла и в его убежище; прихлебатели, раздуваясь от гордости, сообщили ему, что его достойный сын Гора готовится торжественно совершить покаяние, и выразили надежду, что юноша пойдет по святым стопам своего отца и со временем станет таким же великим человеком.

Трудно сказать, сколько времени прошло с тех пор, как Кришнодоял последний раз заходил в комнату Горы. Сегодня, однако, сняв свои шелковые одежды, он надел обыкновенное платье и пошел к сыну, но не застал его.

Слуга доложил Кришнодоялу, что Гора находится в комнате жреца.

— Господи боже мой! Что ему там нужно?

Узнав, что Гора молится, Кришнодоял встревожился еще больше и поспешил в моленную. Там он нашел Гору, который сидел перед алтарем, погруженный в молитву.

— Гора! — позвал Кришнодоял с порога.

Удивленный появлением отца, Гора встал. В своих покоях Кришнодоял установил изваяние собственной божественной покровительницы и молился отдельно от всех. Все семейство поклонялось богу Вишну, но сам он почитал богиню Шакти и уже давно не участвовал в семейных богослужениях.

— Пойди-ка сюда! — позвал он.

Гора вышел из моленной.

— Что все это значит? — воскликнул Кришнодоял. — Что ты там делаешь? Ведь для этого есть специальный брахман, — продолжал он, видя, что Гора молчит. — Все необходимые обряды за всех в доме он регулярно выполняет. Так тебе-то что еще нужно?

— Ничего плохого в этом нет, насколько я понимаю.

— Ничего плохого! Ты так думаешь? А не кажется ли тебе, что нечего вмешиваться не в свое дело, раз у тебя и права на это нет. Это грех! Понимаешь? И грех этот ложится не только на тебя, но и на всех в доме.

— Если говорить об искренности в вопросах веры, — возразил Гора, — то, по всей вероятности, очень не-

многие имеют право совершать богослужение. Но неужели ты хочешь сказать, что я не имею права делать то, что делает паш жрец Рамхори?

Кришнодоял не сразу нашелся что ответить.

— Видишь ли, — сказал он после некоторого молчания, — ежедневные обряды и молитвы — это кастовая обязанность Рамхори. Бог снисходительно смотрит на то, что их каста приняла на себя эту обязанность. Если же мы сами за это возьмемся, то нам придется отстранить их, а что будет с общиной? У тебя нет никакой причины отстранять его, и я не вижу, зачем тебе понадобилось входить в его комнату.

Раз уж сам Кришнодоял говорил, что даже такой праведный брахман, как Гора, не должен входить в модельню, значит, он имел для этого основания, и поэтому Гора не стал возражать.

— И вот еще что, Гора, — продолжал Кришнодоял, — я слышал, что ты как будто созвал всех пандитов на церемонию своего покаяния. Это правда?

— Да, — признался Гора.

— Пока я жив, этого не будет! — горячо воскликнул Кришнодоял.

— Но почему? — спросил возмущенный до глубины души Гора.

— Как почему? Разве я тебе не говорил, что ты не должен принимать участия в такой церемонии.

— Да, ты это говорил, — подтвердил Гора, — но не объяснил причины.

— И не вижу никакой необходимости объяснять, — ответил Кришнодоял. — Ты должен с почтением относиться к тому, что говорят тебе старшие и наставники. Без их разрешения ты не можешь участвовать ни в одной религиозной церемонии. Тебе, надо полагать, известно, что подобные церемонии связаны с памятью предков?

— Да, но в чем же тут препятствие для меня? — удивился Гора.

— Для тебя это совершенно исключено, — сердито сказал Кришнодоял, — я не допущу, чтобы ты принимал в них участие.

— Вот что, — жестко и холодно ответил Гора, — это мое личное дело. Я хочу очиститься от скверны и с этой

целью устраиваю обряд покаяния, и я совершенно не понимаю, почему ты так волнуешься из-за этого и протестуешь.

— Послушай, Гора, — не выдержал Кришнодоял. — Было бы очень хорошо, если бы ты не пускался в спор по всякому поводу. О таких вещах не спорят. Есть много такого, что тебе понять еще не под силу. Позволь мне сказать тебе еще раз — ты глубоко заблуждаешься, если считаешь, что стал уже настоящим индуистом. Это не в твоей власти. Каждая капля твоей крови, каждая клеточка твоего тела восстает против этого. Даже при самом большом желании нельзя вдруг стать индуистом. Для этого нужно совершать праведные поступки из рождения в рождение.

— Я не знаю, как уж там из рождения в рождение, — всныхнул Гора, — но разве я не могу претендовать на права, которые дает мне кровь нашего рода?

— Опять ты споришь! — воскликнул Кришнодоял. — И тебе не стыдно прямо в глаза противоречить мне? Называешь себя индуистом, а сам никак не бросишь эти английские повадки. Слушай, что тебе говорят, и немедленно прекрати все это.

Гора стоял молча, опустив голову.

— Но если я не совершу покаяния, — сказал он, — я не смогу есть со всеми вместе на свадьбе Шошимукхи.

— И великолепно! Что в этом плохого? — воодушевился Кришнодоял. — Тебя посадят отдельно.

— Значит, и в общине я должен держаться отдельно от всех?

— Это было бы очень хорошо, — согласился Кришнодоял, но, заметив, что его воодушевление несколько удивляет Гору, добавил: — Не обращай внимания на эти мелочи. Я ведь тоже никогда не ем вместе со всеми, даже когда бываю среди приглашенных. А какие у меня связи с общиной? Если ты хочешь вести праведный образ жизни, тебе лучше всего вступить на такой же путь. Я уверен, что для тебя это будет наивысшим благом.

В полдень Кришнодоял послал за Обинашем и сказал ему:

— Что это вы там замышляете? Зачем вам понадобилось ставить Гору в такое затруднительное положение?

— Как это так замыслием? Ваш Гора сам любого поставит в затруднительное положение. Его не очень-то поставишь.

— Ну, так вот что, — твердо сказал Кришнодоял, — предупреждаю, что этой церемонии не бывать. Я никогда не соглашусь на это. Чтобы сейчас же вся подготовка к ней была прекращена!

Обинаш был удивлен упорством старика. Но он знал немало примеров в истории, когда отцы великих людей совершенно не понимали своих сыновей, и решил, что Кришнодоял тоже принадлежит к числу таких отцов. Он подумал, что для старика было бы куда полезнее поучиться у своего сына, вместо того чтобы проводить все время в обществе всяких шарлатанов. Но Обинаш был тонким дипломатом. Он не стал понапрасну тратить слов, понимая, что спорами ничего не добьешься и что шансы на «моральное воздействие» слишком незначительны.

— Очень хорошо, господин, если вы не согласны, мы, конечно, не пойдем против вашей воли, — сказал он. — Но ведь все уже готово, приглашения разосланы, и отменить церемонию сейчас нельзя. Я думаю, мы вот как сделаем: пусть церемония покаяния в этот день все-таки состоится, только без участия Горы. Ведь чего-чего, а грехов у нас в стране хоть отбавляй.

Заверение Обинаша успокоило Кришнодояла.

Гора никогда особенно не прислушивался к словам Кришнодояла, решил он не подчиняться ему и на этот раз. Он не считал себя обязанным следовать советам родителей в делах, относившихся к высшей сфере жизни. Однако последний разговор оставил у него неприятный осадок. У него родилось смутное подозрение, что в словах Кришнодояла есть какая-то скрытая правда. Это подозрение давило его, как непонятный кошмарный сон, от которого никак не можешь проснуться. Ему казалось, что его стремятся столкнуть с намеченного пути, вытеснить отовсюду. Гора вдруг ясно почувствовал свое одиночество. Перед ним лежало обширное поле деятельности, необъятна была и сама работа, но рядом с ним не было абсолютно никого!

Обряд покаяния был назначен на следующий день, заранее было решено, что Гора еще с вечера пойдет в сад, но только он собрался уходить, как неожиданно явилась Хоримохини.

— А-а, вы пришли? — удивился он, не особенно обрадованный ее приходом. — А мне как раз надо уходить. Матери тоже уже несколько дней нет дома. Если вы хотите видеть ее, то...

— Нет, спасибо, — ответила Хоримохини, — я пришла к тебе. Придется тебе присесть па минутку. Я долго не задержу.

Гора сел, и Хоримохини тотчас же заговорила о Шучорите. Она пояснила, что все, что Гора преподавал своей ученице, пошло ей на пользу, настолько, что она теперь даже не от каждого примет воду и вообще образумилась.

— Господи! — воскликнула Хоримохини. — Ты и представить себе не можешь, сколько мне с ней было хлопот. Век тебе не забуду, что ты наставил ее на путь истинный. Да вознесет тебя господь над людьми, да пошлет тебе невесту хорошую, достойную твоего славного рода, да пребудет во благоденствии дом твой и да дарует тебе всевышний богатство, продление рода и счастье!

Затем Хоримохини сказала, что Шучорита уже не девочка и что ее нужно выдавать замуж без дальнейшего промедления. Выросла бы она в правоверной индуистской семье, так давно бы уже стала матерью семейства. Гора, конечно, согласится с ней, что дольше тянуть с замужеством становится просто неприлично. Хоримохини, которой вопрос замужества племянницы стоил многих мучительных тревог, удалось наконец с большим трудом и после долгих уговоров и униженных просьб добиться, чтобы ее деверь Койлаш приехал в Калькутту. Божьей милостью преодолены все трудности, которых она так опасалась. Все улажено. Жених не требует приданого и готов смотреть сквозь пальцы на ее прошлое. Все это Хоримохини, благодаря своей ловкости, удалось уладить, и вдруг именно теперь — смешно сказать — Шучорита заупрямилась! Что у нее на уме, Хоримохини просто представить себе не может. Одному богу известно, что это —

то ли чье-то чужое влияние, то ли, может, понравился ей кто-то другой...

— Но, — продолжала она, — скажу тебе прямо, она не достойна тебя. Если выдать ее замуж в деревню, никто о ней и знать ничего не будет, и все как-нибудь благополучено сойдет. Но ведь ты же в городе живешь, и если женишься на ней, как же ты потом будешь людям в глаза смотреть?

— О чем вы говорите? — рассердился Гора. — Откуда вы взяли, что я собираюсь жениться на пей?

— Да как тебе сказать, — извиняющимся тоном сказала Хоримохини. — В газетах напечатали. Я со стыда чуть не умерла, как услышала.

Гора понял, что или Харан, или кто-нибудь из его приспешников вынесли все на страницы газет.

— Это ложь! — крикнул он, сжимая кулаки.

— Сама знаю, — сказала Хоримохини, напуганная громовым раскатом, прозвучавшим в его голосе. — Я должна тебя кое о чем попросить, а ты согласишься. Сходи к Радхарани не откладывая.

— Зачем?

— Объясни ей все толком.

Гора ухватился было за это предложение и хотел уже идти к Шучорите. Сердце говорило: «Иди, взгляни на нее в последний раз. Завтра покаянье, и после этого ты начнешь жизнь аскета. В твоём распоряжении только сегодняшней вечер, какие-то несколько коротких минут ты сможешь побыть с ней. В этом нет никакого греха, а если и есть, то завтра все равно и этот грех сгорит в пламени жертвенного костра».

— Что я должен объяснить ей? — спросил Гора, после короткого молчания.

— Только то, что, по обычаям индуистов, взрослая девушка, вроде Шучориты, должна без промедлений выходить замуж и что заполучить в мужья такого человека, как Койлаш, — это неожиданное счастье для девушки, находящейся в ее положении.

Будто стрела вонзилась в сердце Горы. Он вспомнил человека, которого видел в дверях дома Шучориты, и вздрогнул, как от укуса скорпиона. Одна мысль о том, что Шучорита достанется этому человеку, была ему не-

выносима. Все его существо возмутилось против этого, и он в душе воскликнул: «Нет, не бывать этому!»

Ни с кем никогда не может быть у нее такой близости. Никому никогда еще не открывалась вся глубина ее прекрасной души, ясности ума, тонкости чувств, и никогда никому больше не откроется. Как это было чудесно! Как удивительно! Искра божья, обитающая в самых сокровенных тайниках души, пробившаяся наружу! Часто ли выпадает на долю человеку такое, и многим ли посчастливилось в жизни стать свидетелями подобного чуда? Шучорита принадлежит тому, на чью долю выпало великое счастье заглянуть ей в самую душу, кто почувствовал искру божью, таящуюся в ней! Как же может она принадлежать кому-то другому?

— Неужели Радхарани так и останется на всю жизнь незамужней? Разве это возможно?! — воскликнула Хоримохини.

В этом тоже была своя правда. Завтра Гора собирается совершить обряд покаяния. После этого он должен стать чистым и непорочным брахманом. А Шучорита, значит, остается навек в девушках? Кто имеет право предъявлять к ней требование обречь себя на это пожизненно? Что может быть тяжелее для женщины?

Хоримохини продолжала тараторить что-то, но Гора не слушал ее.

«Отец так настойчиво запрещал мне совершать этот обряд. Неужели его запрет ничего не стоит, — размышлял он. — Может быть, то, что я рисую себе, как свое предназначение, всего-навсего плод моей фантазии, и я вовсе не рожден для подвига. Может быть, я только искалечу себя, пытаясь тащить на своих плечах эту мною же самым придуманную ношу, и, изнывая под тяжестью ее, так и не сумею выполнить ничего из того, что мне действительно предназначено в жизни? Я чувствую, что страсть овладела моим сердцем. Как мне вырваться из ее плена? Отец каким-то образом угадал, что в глубине души я не брахман и не аскет. Потому так неумолим его запрет. Я пойду к нему. Сегодня, сию же минуту спрошу его, что такое он нашел во мне, почему сказал, что путь к покаянию закрыт для меня. Я найду выход, если только сумею добиться от него объяснения! Найду!»

— Подождите меня немного. Я сейчас вернусь, — сказал Гора Хоримохини и поспешно направился в покои отца. Ему казалось, что Кришнодоял знает что-то такое, что может дать ему немедленное освобождение.

Но двери комнаты, где отец совершал богослужение, оказались закрытыми. Гора постучал. Никто не откликнулся. Изнутри доносился запах благовоний — это Кришнодоял с одним из своих саньяси усваивал какой-то сложный прием системы йога, требующий большого напряжения сил; в таких случаях он всегда запирает двери, чтобы ему не мешали. Сегодня всю ночь никому и ни под каким предлогом не разрешалось входить к нему.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

«Нет не завтра, а сегодня началось мое покаяние, — воскликнул в душе Гора. — Ни за что не разгорится завтра в моей душе такое пламя, как пылает сейчас.

Господь затем и пробудил во мне это страстное желание, что на пороге новой жизни я должен принести великую жертву. Иначе отчего бы так странно все сложилось? Логически моя дружба с ними — вещь совершенно невероятная, сближение людей, противоположных по убеждениям, при обычных обстоятельствах случается в этом мире нечасто. Кроме того, кто бы мог подумать, что столь непреодолимое влечение может вспыхнуть в сердце такого невозмутимого человека, как я? И что это чувство вспыхнет с такой силой именно сегодня. До сих пор я слишком легко расставался с тем, что отдавал родине. Да и не приходилось мне отдавать ничего такого, с чем трудно было бы расстаться. Раньше я не понимал, почему это люди скупаются, когда им нужно отказаться от чего-то ради своей страны. Но великому делу легкая жертва не нужна. Нужно страдание! И родиться для новой жизни я смогу лишь после того, как мое сердце будет пронзено насквозь. Завтра утром члены моей общины станут свидетелями обряда моего покаяния, а сейчас, накануне, всевышний пришел и постучался в двери моего сердца. Разве смогу я принять очищение, если я не покаюсь в глубине души моей? Лишь вручив богу то,

с чем мне труднее всего расстаться, я буду поистине нищ и достоин прощения — и лишь тогда я действительно стану брахманом!»

Как только Гора вернулся, Хоримохини сказала ему:

— Ну, пожалуйста, пойдем со мной! Последний раз! Ведь если ты придешь и скажешь одно только слово — все сразу будет хорошо.

— Зачем мне идти? — возразил Гора. — Какое имею я к ней отношение? Абсолютно никакого!

— Но она же верит в тебя, как в бога, почитает, как своего гуру, — ответила Хоримохини.

От этих слов сердце Горы затрепетало, но он снова возразил:

— Не вижу, зачем мне идти. Едва ли я когда-нибудь еще встречу с ней.

— Что верно, то верно, — Хоримохини даже улыбнулась от удовольствия. — Нехорошо слишком часто встречаться с такой взрослой девушкой. Однако я все-таки не отстану от тебя, пока не добьюсь своего. Ты можешь отказать мне в любой другой раз, когда я позову тебя, но только не сегодня.

Но Гора только качал головой: нет, нет и нет, больше никогда! Все кончено! Жертва принесена! И он не может позволить себе ничем запятнать ее. Он не пойдет к Шучорите.

Когда Хоримохини поняла, что переубедить его невозможно, она попросила:

— Если уж ты никак не можешь пойти, то, будь добр, напиши ей.

Гора опять покачал головой: нет, это невозможно. Он не может писать ей.

— Ну хорошо, — сказала Хоримохини. — Напиши тогда хоть две строчки, для меня. Ты знаешь все шастры. Я пришла к тебе за наставлением.

— За каким наставлением?

— Разве не первый долг девушки из индуистского дома выйти в соответствующем возрасте замуж и приняться за выполнение домашних обязанностей?

Гора ответил не сразу.

— Послушайте, — наконец сказал он, — не впутывайте меня в эти дела. Я не пандит, чтобы давать наставления,

— Скажи мне прямо, чего ты, собственно, хочешь? — довольно резко выкрикнула Хоримохини. — Сначала сам заварил кашу, а как расхлебывать, так ты в кусты! Что это значит? Видно, не хочется тебе, чтобы сомнения Радхарани рассеялись.

В другое время Гора вспылил бы от этих слов, он просто не снес бы такого обвинения, при всей его справедливости. Но сегодня началось его покаяние, и он не имел права сердиться. Кроме того, в глубине души он понимал, что Хоримохини говорит правду. Он был достаточно жесток, чтобы порвать узы, связывавшие его с Шучоритой, но одну тоненькую, незримую нить он все-таки хотел оставить. Он даже теперь еще не мог навсегда отказаться от Шучориты.

Но нет, он не допустит и тени скаредности со своей стороны! Нельзя, отдавая богу одной рукой, припрятывать что-то другой.

Он достал листок бумаги и четким, размашистым почерком написал:

«Святая цель жизни женщины — семья. Алтарь ее бога — домашний очаг. Брак — не удовлетворение прихотей, а содействие процветанию. Мир может быть исполнен радости, и он может быть исполнен печали — добродетельная, чистая женщина примет его таким, каков он есть! Посвятив себя семье, она выполнит свой главный долг, поставленный перед ней богом!»

— Неплохо было бы, если бы ты написал что-нибудь похвальное и о нашем Койлаше.

— Нет, я не знаю его, — возразил Гора, — и не могу ничего писать о нем.

Хоримохини бережно сложила бумажку, завязала ее в уголок сари и отправилась домой.

Шучорита вместе с Анондомайи все еще жила в доме Лолиты, и Хоримохини сочла неудобным разговаривать там, опасаясь, что Лолита с Анондомайи начнут отговаривать Шучориту и опять собьют ее с толку. Поэтому она послала Шучорите записку с просьбой прийти домой на следующий день к обеду, чтобы обсудить одно очень важное дело. Она обещала, что отпустит ее обратно к Лолите в тот же день.

На следующее утро Шучорита явилась, настроенная очень решительно. Она не сомневалась, что тетка обязательно заведет разговор о замужестве, и приготовилась сопротивляться. Она решила раз и навсегда покопчить с этой историей, твердо сказав «нет».

Когда обед был съеден, Хоримохини сообщила ей:

— А я вчера вечером ходила к твоему гуру.

Шучорита испугалась: неужели тетка опять вела о ней разговоры и осыпала Гору упреками.

— Не бойся, Радхарани, — успокоила ее Хоримохини, — я ходила к нему вовсе не для того, чтобы ссориться. Сидела я одна, сидела и надумала, дай, думаю, зайду к нему, по крайней мере хоть хорошие речи послушаю. Поговорили мы о том, о сем. Потом речь о тебе зашла, и сразу я заметила, что тут наши с ним мнения сходятся. Он тоже считает, что нехорошо, когда девушки долго замуж не выходят. Он даже говорит, что в шастрах прямо сказано, что это грех. Такое, может быть, и допускается в европейских семьях, но не в индуистских. Поговорила я с ним откровенно и о Койлаше, оказывается, Гора и на это дело смотрит разумно.

Шучорита была готова умереть со стыда, а Хоримохини продолжала свое:

— Ты ведь считаешь его своим гуру, значит, должна слушаться его советов.

Шучорита молчала, Хоримохини же не унималась:

— Я ему сказала: пожалуйста, приди, убеди ее сам! Меня-то она не слушает. Но он говорит: нет, мне больше не следует встречаться с ней, наша индуистская община не позволяет этого. Тогда я спрашиваю, что же теперь делать? А он тогда взял и написал что-то собственной рукой и велел тебе передать. Вот, посмотри. — И она, неторопливо развязав уголок сари, вынула листок бумаги, развернула его, разгладила и положила перед Шучоритой.

Читая, Шучорита чуть не задохнулась; потом долго сидела, не шевелясь, неподвижно, как деревянная кукла.

В содержании записки не было ничего нового для нее, ничего противоречащего здравому смыслу; Шучорита и сама была согласна с высказанным в ней мнением. Но почему, почему эта записка была прислана специально ей через Хоримохини? В этом она видела ка-

кой-то мучительный смысл, мучительный во многих отношениях. Почему Гора прислал ей этот наказ именно сегодня? Конечно, настанет время, когда и Шучорите придется выйти замуж. Но почему Гора так с этим спешит? Разве его долг по отношению к ней выполнен до конца? Может быть, она помешала его планам? Встала на пути к тому, что он считал целью своей жизни? Разве Горе больше нечего дать ей, и неужели он больше ничего не ждет от нее? Нет, она по крайней мере не хочет так думать, она, во всяком случае, все еще чего-то ждет. Шучорита изо всех сил старалась побороть мучительную боль в сердце, но боль не проходила.

Хоримохини дала Шучорите достаточно времени на раздумье. Она даже, как обычно, поспала немного, а когда проснулась и пришла к племяннице, то застала ее все в той же позе.

— Скажи мне, о чем ты все думаешь, Радха? О чем здесь раздумывать? Или Гоурмохон-бабу написал что-нибудь не так?

— Нет, он все написал правильно, — кротко ответила Шучорита.

— Так зачем же тогда откладывать? — воскликнула Хоримохини, приободрившись.

— Я не собираюсь ничего откладывать, — сказала Шучорита. — Сейчас я схожу ненадолго к отцу.

— Послушай, Радха, — заволновалась Хоримохини, — твой отец никогда не захочет, чтобы ты вышла замуж за индуиста. Но твой гуру, он...

— Тетя, — воскликнула в раздражении Шучорита. — Почему ты без конца говоришь об одном и том же? Я иду к отцу не для того, чтобы разговаривать с ним о своей свадьбе. Я иду к нему просто так.

Только в обществе Пореша-бабу могла теперь Шучорита найти утешение. Она застала отца за укладкой чешмодана.

— В чем дело? — спросила Шучорита.

— Да вот собираюсь для разнообразия в Симлу, побродить по горам, — усмехнулся Пореш. — Завтра отправлюсь утренним поездом.

За его смешком крылась целая драма, и это не могла не заметить Шучорита. Дома жена и дочери, вне дома

все его знакомые не давали ему ни минуты покоя. Ему нужно было уехать на некоторое время куда-нибудь подальше, чтобы дать утихнуть буре, бушевавшей вокруг него. Шучорите было больно смотреть, как он сам укладывает вещи к предстоящему путешествию. Ей было трудно представить себе, что никто из членов его семьи, никто из живущих с ним под одной крышей не удосужился прийти помочь ему. Поэтому, отстранив Пореша-бабу, она прежде всего выкинула все из чемодана, а затем, уже тщательно сложив каждый предмет одежды в отдельности, старательно уложила все обратно. Его любимые книги она упаковала так, что им не была страшна никакая тряска. Не отрываясь от работы, Шучорита тихо спросила Пореша-бабу:

— Ты один едешь, отец?

— Мне это совсем не трудно, Радха, — заверил ее Пореш-бабу, заметив печаль, сквозившую в ее вопросе.

— Нет, отец, я поеду с тобой, — сказала Шучорита.

Пореш-бабу заглянул Шучорите в лицо, и она поспешно добавила:

— Обещаю, что я тебе не буду мешать.

— Зачем ты так говоришь? — спросил Пореш-бабу. — Разве ты когда-нибудь мне мешала, дитя мое?

— Я без тебя просто не могу, — торопливо продолжала Шучорита. — Я многого не понимаю и буду блуждать впотьмах, если ты не объяснишь мне. Ты учил меня полагаться на собственный разум, но у меня нет этого разума, нет сил постичь все это. Возьми меня с собой, отец!

С этими словами она повернулась к Порешу-бабу спиной и, низко склонившись над чемоданом, стала перекладывать вещи. По ее лицу текли слезы.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Гора вручил Хоримохини исписанный листок с таким чувством, словно с этим письмом обрывалась последняя связь между ним и Шучоритой. Но подписать документ еще не значит выкинуть из головы всякую мысль о деле. Сердце его восставало против этой сделки, и, хотя сам

Гора силой воли заставил себя подписать документ, вышедшее из повиновения сердце отказывалось скрепить его своей подписью. А вышло сердце из повиновения настолько, что Гора чуть было тут же не побежал к Шучорите. Но как раз в этот момент часы на соседней церкви пробили десять, и он вдруг сообразил, что в такой поздний час с визитами никто не ходит. После этого он лег, но так и не уснул и все слушал, как часы отбивают час за часом. В этот вечер он так и не пошел в Бали, где находился сад, сообщив, что придет туда утром.

Наутро Гора отправился в сад, но куда девались крепость духа и ясность мыслей, с которыми он собирался приступить к обряду покаяния?

Многие пандиты уже собрались, других еще ожидали. Гора почтительно приветствовал гостей, а те, в свою очередь, восхваляли его наперебой, называя светочем древнего благочестия.

Постепенно сад наполнился шумной толпой. Гора не присел ни на минуту, присматривая за всем. Но даже в этом шуме и суете одна мысль неотступно преследовала его. Ему казалось, что какой-то голос, поднимаясь из самой глубины сердца, все время нашептывает: «Ты виноват, ты виноват, ты виноват». Сейчас было не время разбираться, в чем же, собственно, заключается его вина, но заставить замолчать сердце он не мог.

В самый разгар приготовлений к церемонии покаяния какой-то недоброжелатель, проникший в тайники его сердца, злорадствовал: «А вина-то налицо». И вина эта заключалась не в погрешностях против законов и обычаев, не в нарушении шастр, не в каком-нибудь преступлении против веры — это было зло, свершившееся в нем самом. Вот почему душа Горы восставала против всех этих приготовлений к предстоящей церемонии.

Приближалось время начинать. Место богослужения было устроено под навесом, укрепленном на бамбуковых шестах. Но когда Гора, успевший совершить омовение в Ганге, уже начал переодеваться, в толпе вдруг произошло какое-то движение. Замешательство быстро распространялось. Наконец к Горе подошел с опечаленным лицом Обинаш и сказал:

— Из дому только что сообщили, что Кришнодоял-бабу серьезно заболел. Он прислал за тобой экипаж и просит, чтобы ты немедленно возвращался домой.

Гора поспешно направился к выходу. Обиаш собрался ехать с ним, но Гора сказал:

— Нет, нет. Оставайся тут за распорядителя. Неудобно и тебе уходить.

Когда Гора вошел в комнату Кришнодояла, тот лежал на постели, а Анондомойи осторожно растирала ему ноги. Гора переводил встревоженный взгляд с одного на другого, пока Кришнодоял не сделал ему знак сесть на стул, очевидно заранее для него приготовленный.

Гора сел.

— Не лучше ему? — спросил он мать.

— Сейчас немного лучше, — ответила Анондомойи, — мы послали за английским доктором.

Здесь были еще Шошимукхи и слуга. Кришнодоял знаком отослал их из комнаты.

Убедившись, что в комнате больше нет посторонних, он молча посмотрел в глаза Анондомойи и затем, повернувшись к Горе, сказал слабым голосом:

— Мой час пробил. И то, что я так долго от тебя скрывал, я открою тебе сейчас. Иначе мне не будет покоя.

Побледневший Гора сидел не шевелясь, не произнося ни слова. Долгое время все молчали.

— Гора, — снова заговорил Кришнодоял, — в то время я с полным безразличием относился к нашей общине, потому и совершил такую огромную ошибку, а когда дело было сделано, исправить уже ничего было нельзя. — И он опять умолк. Гора тоже сидел молча, ни о чем не спрашивая.

— Я думал, — продолжал Кришнодоял, — что мне никогда не придется говорить тебе об этом и что все так и будет продолжаться. Но теперь я вижу, что это невозможно — ведь нельзя же, чтобы ты принимал участие в погребальном обряде, когда я умру.

По-видимому, самая мысль о такой возможности приводила Кришнодояла в ужас.

Гора почувствовал, что он больше не может терпеть, что ему нужно немедленно знать, в чем же, наконец, дело. Он вопросительно посмотрел на Анондомойи и сказал:

— Расскажи, ма, что все это значит? Разве я не имею права принимать участие в погребальном обряде?

До сих пор Анондомойи сидела понурившись и словно оцепенев, но, услышав вопрос Горы, она подняла голову и твердо посмотрела ему в глаза.

— Нет, родной, не имеешь.

— Я, значит, не его сын? — спросил Гора, вздрогнув от неожиданности.

— Нет, — ответила Анондомойи.

И тогда неотвратимо последовал второй вопрос:

— Ма, так и ты мне не родная мать?

У Анондомойи разрывалось сердце, но она ответила бесстрастным, недрогнувшим голосом:

— Гора, родной. Ты мое единственное дитя. Я бездетная женщина. Но, если бы я выносила тебя, ты не мог бы мне быть дороже.

Гора снова перевел взгляд на Кришнодояла.

— Откуда же вы тогда меня взяли?

— Это было во время восстания, — начал Кришнодоял. — Когда мы жили в Итаве. Твоя мать, боясь попасть в руки сипаев, прибежала ночью к нам в дом, мы ее приютили. Твой отец погиб в сражении накануне. Его звали...

— Не к чему называть имя! — закричал Гора. — Я не хочу знать его имени!

Кришнодоял смолк, удивленный вспышкой Горы. Немного погодя он добавил:

— Он был ирландцем. Твоя мать умерла в ту самую ночь, когда ты появился на свет. С тех пор ты воспитывался в нашей семье.

В одно мгновение вся жизнь Горы обратилась каким-то странным сном. Основа, на которой покоилось его существование с самого детства, вдруг рассыпалась в прах, и он больше не понимал, где он и кто он. То, что он считал своим прошлым, утратило реальность, светлое же будущее, которого он так долго, с таким нетерпением ждал, — исчезло без следа. Он показался себе капелькой росы на листе лотоса, которая появляется на миг, чтобы снова уйти в небытие.

У него нет ни матери, ни отца! Нет ни рода, ни племени! Нет даже бога! Куда ни повернись, везде одно

сплошное «нет»! За что же ухватиться? За какую взяться работу? С чего начинать строить жизнь заново? К чему стремиться? Где взять, как накопить материалы для новой постройки? Заблудившись в этой враждебной пустоте, Гора молчал. И такое выражение было на его лице, что и окружающие не могли больше проронить ни слова.

В это время с домашним доктором-бенгальцем явился врач-англичанин. Он посмотрел на Гору с неменьшим интересом, чем на больного. И про себя удивился, что это за странный человек такой, потому что на лбу Горы так и остался священный знак, сделанный глиной из Ганги, и одет он все еще был в шелковое одеяние, в которое его обрядили после омовения. Рубашки на нем не было, и из-под накинутой на плечи ткани виднелось мощное тело.

Раньше при виде англичанина Гора непременно почувствовал бы невольную неприязнь, сегодня же он с интересом разглядывал доктора, пока тот осматривал больного.

«Значит, получается, что этот человек здесь мне ближе всех?» — спрашивал он себя снова и снова.

Закончив осмотр и опросив больного, доктор сказал:

— Ну что ж, никаких угрожающих симптомов я пока что не вижу. Пульс не внушает опасений, органических отклонений тоже не наблюдается. При известной осторожности можно рассчитывать, что припадок не повторится.

Когда доктор попрощался и ушел, Гора, не говоря ни слова, поднялся и направился к двери, но в этот момент вбежала Анондомойи, которая перед приходом доктора вышла в соседнюю комнату.

— Гора, родной, не сердись на меня, не разбивай мое сердце, — воскликнула она, хватая Гору за руку.

— Зачем ты так долго от меня скрывала? — спросил Гора. — Почему было не сказать раньше?

— Мальчик мой! — заговорила Анондомойи, с готовностью взваливая всю вину на себя, — из страха лишиться тебя взяла я на душу этот грех. И если в конце концов этим кончится, если ты сегодня уйдешь от меня, мне некого будет винить, кроме себя, но только для меня это будет конец всему, драгоценный мой!

— Ма!— Это было первое, что Гора сказал ей в ответ, но когда Анодомойи услышала это единственное слово, слезы, которые она до этого сдерживала, хлынули потоком.

— Мне сейчас нужно сходить к Порешу-бабу, ма, — сказал Гора.

У Анодомойи отлегло от сердца.

— Ну, конечно, сходи, родной, — сказала она.

Кришнодоля же весьма огорчился тем обстоятельством, что открыл Горе его тайну, поскольку безвременная кончина, как выяснилось, ему отнюдь не грозила.

— Послушай-ка, Гора, пожалуй, не стоит никому обо всем этом рассказывать. Будь только осторожней, а в остальном держись по-прежнему, никто ничего и не узнает.

Не ответив, Гора вышел. Ему было легко от сознания, что он ничем не связан с Кришнодоляом.

Мохим не мог не пойти в контору без предупреждения. Послав за докторами и отдав кое-какие распоряжения относительно ухода за больным, он пошел к начальнику и отпросился. На обратном пути Мохим встретил Гору, когда тот уже выходил из дому.

— Ты куда? — спросил Мохим.

— Все благополучно. Был доктор, говорит, ничего опасного.

— Слава тебе господи! — с облегчением проговорил Мохим. — Ведь послезавтра свадьба Шошимукки. Так что, Гора, ты бы помог немного. И знаешь что, предупреди-ка Биноя, чтобы он как-нибудь не зашел в этот день. Обинаш ведь ревностный индуист, и он заранее просил, чтобы такой публики на свадьбе не было. И вот, что я еще хочу тебе сказать, брат. Я пригласил одного англичанина, своего главного начальника по службе, так ты смотри, не того... а то еще выгонишь его, не дай бог — с тебя всё станется. От тебя ведь многого не требуют — просто поклонись, да скажешь «Good evening, sir!» Вот и все. Против этого в ваших шастрах ведь ничего не сказано. Если хочешь, можешь для верности посоветоваться с пандитами. Пора тебе понять, что они — господствующая нация, и тебя не убудет, если ты перед ними слегка свое достоинство попридержишь.

Не ответив Мохиму, Гора ушел.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

Как раз в тот момент, когда Шучорита, пряча слезы, поклонилась над чемоданом, в комнату вошел слуга и доложил Порешу о приходе Гоурмохона-бабу.

Только она успела утереть слезы и отложить работу, как в дверях появился Гора.

Глипа Ганги все еще виднелась на его лбу, и он по-прежнему был в шелковых одеждах. Он просто-напросто забыл в своей решимости, что никто в таком виде визитов не делает. Шучорита невольно вспомнила, как Гора был одет, когда впервые появился в их доме. Она знала, что в тот день он пришел к ним в полном боевом снаряжении. Неужели он и сегодня счел нужным облачиться в боевые доспехи?

Войдя, Гора низко склонился перед Порешем и взял прах от его ног. Пореш-бабу смущенно отстранился и, подняв Гору, воскликнул:

— Что ты, что ты, сын мой, сядь, прошу тебя!

— Пореш-бабу, никакие узы меня больше не связывают! — воскликнул Гора.

— То есть... — изумился Пореш-бабу.

— Я не индуист!

— Не индуист?!

— Да, я не индуист, — продолжал Гора. — Сегодня я узнал, что меня подобрали во время восстания — мой отец был ирландец. Сегодня передо мной закрылись двери всех храмов от края до края Индии. Теперь во всей стране ни на одном индуистском празднестве для меня не найдется места.

Пореш-бабу и Шучорита были ошеломлены, они не находили, что сказать.

— Сегодня я стал свободен, Пореш-бабу, — воскликнул Гора. — Мне можно больше не бояться быть оскверненным или отвергнутым. Мне больше не нужно на каждом шагу смотреть под ноги, чтобы сохранить свою чистоту.

Шучорита долгим взглядом посмотрела в озаренное лицо Горы, а он продолжал:

— Пореш-бабу, до сих пор я неустанно старался слить свою жизнь с жизнью Индии. На каждом шагу мне встречались препятствия, но дено и ношно всю жизнь ста-

рался я возвести эти препятствия в культ и поклонялся им. И поскольку все мои силы уходили на то, чтобы твердо обосновать такое поклонение, меня не хватало больше ни на что — это была моя единственная работа. Потому-то каждый раз, как мне случалось встретиться лицом к лицу с настоящей Индией, я отворачивался в страхе. Создав в своем негибком, некритическом уме какую-то несуществующую Индию, я боролся со всем, что видел вокруг себя; спрятавшись за неприступной стеной, старался уберечь свою веру в целостности и сохранности. Сегодня эта стена в мгновение ока рассыпалась в прах, а я, получив безграничную свободу, очутился вдруг перед лицом безграничной истины. Все, что есть в Индии хорошего и дурного, все ее радости и горести, ее мудрость и все ее нелепости стали понятны и близки моему сердцу. Теперь я поистине имею право служить ей, потому что мне открылось настоящее поле деятельности, — сейчас это уже не плод моего воображения, это настоящее поприще для работы на благо Индии, на благо трехсот миллионов ее детей!

Недавнее потрясение заставляло Гору говорить с таким подъемом, таким энтузиазмом, что волнение передалось и Порешу-бабу. Он встал со стула и теперь слушал стоя.

— Вы ведь понимаете меня? — продолжал Гора. — Я пытаюсь сказать, что стал наконец тем, кем непрестанно стремился стать всегда, и не мог. Сегодня я действительно стал индийцем. В моей душе нет больше места противоречиям, существующим между индуистами, мусульманами, христианами. Отныне каждая каста Индии — моя каста, и хлеб всего народа — мой хлеб. Знаете, что я вам скажу: мне приходилось много блуждать по Бенгалии и пользоваться гостеприимством самых нищих деревенских семей — не думайте, что я выступал с проповедью только перед городской публикой, — но далеко не со всеми я мог сесть рядом, как с равными. И все это время я таскал за собой невидимую пропасть, которая отделяла меня от людей и которую я никак не мог переступить. Постепенно в моем мозгу образовалась какая-то пустота, хотя я всячески старался не замечать ее. Я пытался прихорошить эту пустоту всевозможными

побрякушками, потому что, любя Индию больше жизни, я не допускал никакой критики в отношении той части ее, которая была мне знакома. И вот теперь, когда я освободился от бесплодной обязанности выдумывать всякие ничемные украшения, я, Пореш-бабу, почувствовал, что снова живу.

— Когда мы обретаем нечто истинное, — сказал Пореш-бабу, — нас радует в нем все — даже самая его неполнота и несовершенство, и у нас никогда не бывает потребности украшать его фальшивыми драгоценностями.

— Знаете, Пореш-бабу, — сказал Гора, — прошлым вечером я молил бога, чтобы он позволил мне вступить сегодня в новую жизнь! Я просил, чтобы все ложное и скверное, что опутывало мою жизнь с самого детства, отошло от меня навсегда, чтобы я мог возродиться. Повидимому, господь по-своему истолковал мою молитву — он поразил меня неожиданностью, с какой открыл мне всю правду. Я и мечтать не мог, что он так начисто сотрет с меня сегодня всю скверну. Я стал так чист, что могу, не боясь осквернения, войти даже в дом чандала. Пореш-бабу, сегодня утром с сердцем, совершенно открытым, я пал ниц у ног моей Индии — только теперь я наконец окончательно понял, что такое материнское лоно.

— Гора, — сказал Пореш-бабу, — веди нас, чтобы и мы могли разделить с тобой данное нам от рождения право покоиться на материнском лоне.

— А вы знаете, — спросил Гора, — почему, обретя свободу, я прежде всего пришел к вам?

— Почему? — спросил Пореш-бабу.

— Вы знаете, где ключ к этой свободе! Потому-то вам всегда будет тесно в любой общине. Возьмите меня в свои ученики, Пореш-бабу! Укажите мне путь к такому богу, который принадлежит всем: индуистам, мусульманам, христианам, брахманам — всем без исключения, двери храма которого никогда не закрываются ни перед кем. Я хочу, чтобы он был не просто богом индуистов, но богом самой Индии!

Лицо Пореш-бабу засветилось тихим благоговением, и он молча опустил глаза.

Тогда Гора повернулся к Шучорите, неподвижно сидевшей на стуле.

— Шучорита, — сказал он с улыбкой. — Отныне я уже не ваш гуру. Но молю вас об одном — возьмите меня за руку и отведите к своему настоящему гуру.

И он протянул ей правую руку. Шучорита встала, вложила свою руку в его, и они вместе склонились перед Порешем-бабу в глубоком поклоне.

Э П И Л О Г

Когда в тот вечер Гора вернулся домой, Анондомойи тихонько сидела на веранде перед своей комнатой. Он подошел к ней и опустился к ее ногам. Анондомойи подняла его голову и поцеловала.

— Ты моя мать! — воскликнул Гора. — Мать, в поисках которой я скитался повсюду, а она, оказывается, все время ждала меня дома. Ты не знаешь каст, ты не знаешь ненависти, для тебя все равны — только ты олицетворяешь для нас счастье! Индия — это ты!

— Ма, — попросил он немного погодя, — позови, пожалуйста, Лочмию, пусть она принесет мне стакан воды.

И тогда ласково, голосом, в котором еще слышались слезы, Анондомойи прошептала:

— Гора, давай я пошлю за Биноем!

ЧЕТЫРЕ ЖИЗНИ

Повесть

Перевод
Н. Световидовой
Под редакцией
В. Ефановой

ДЯДЯ

1

Я приехал в Калькутту из деревни, чтобы учиться в колледже. Шочиш в это время готовился к экзаменам на степень бакалавра искусств. Мы были почти одного возраста.

С самой первой встречи он произвел на меня впечатление чего-то лучезарного и светлого: его глаза лучились, тонкие, длинные пальцы трепетали, подобно языкам пламени, а кожа была такой светлой, что казалось, будто от нее исходит сияние. Я увидел в этом отблеск его прекрасной души и полюбил Шочиша с первого же взгляда.

Я очень удивился, узнав, что многие товарищи по колледжу Шочиша ненавидят. Известно, что люди заурядные обычно не испытывают вражды друг к другу. Яркая индивидуальность всегда вызывает двойное к себе отношение: одни преклоняются перед ней, другие без усталости поносят ее.

Студенты, жившие со мной в одном пансионе, скоро догадались, что я втайне преклоняюсь перед Шочишем. Это лишило их покоя. Они не упускали случая сказать о Шочише что-нибудь дурное в моем присутствии. Я знал, что на резкие слова лучше не возражать: если в глаз попадает соринка, не надо его тереть, от этого боль только усилится. Но однажды, когда они с особенным раздражением обсуждали поведение Шочиша, я не утерпел.

Мое положение затруднялось тем, что я был едва знаком с Шочишем, а мои противники знали его с детства, некоторые даже приходились ему дальними родственниками. «Это чистая правда!» — убежденно твердили они. «Ни за что этому не поверю!» — с еще большей убежденностью повторял я. Спор кончился тем, что они назвали меня грубияном.

В ту ночь я плакал в постели. На следующий день, в перерыве между занятиями, когда Шочиш, лежа в тени деревьев, окружающих Голдингхи, читал какую-то книгу, я подошел к нему и забормотал что-то несвязное. Шочиш закрыл книгу и внимательно посмотрел на меня. Тому, кто не видел его глаз, не объяснить их выражения.

Наконец он нарушил молчание:

— Клеветники обливают людей грязью потому, что им нравится это занятие, — к истине они отнюдь не стремятся. А раз так, значит, не надо утруждать себя, доказывая, что слова их — ложь.

— Но знаете, лжецу... — начал я.

Шочиш перебил меня:

— Да они вовсе и не лжецы. Рядом с нами живет один юноша из касты маслоделов. Он — паралитик. У него дрожат руки и ноги, и он совсем не может работать. Как-то в холодную погоду я отдал ему дорогое одеяло. В тот же день мой слуга Шибу явился ко мне и сказал, задыхаясь от злости: «Господин, этот парень не больной, он притворяется». Люди, которые отрицают, что во мне есть что-то хорошее, похожи на Шибу: они искренне верят в то, что говорят. По воле судьбы у меня оказалось дорогое одеяло, а Шибу и ему подобные решили, что это противоестественно. Я не намерен браниться с ними из-за этого.

Я ничего не ответил и задал новый вопрос:

— Они говорят, что вы атеист. Разве это правда?

— Да, я атеист, — ответил Шочиш.

Голова моя поникла. А я-то сражался со студентами и доказывал, что Шочиш никак не может быть атеистом.

В самом начале моего знакомства с Шочишем я испытал два жестоких удара. Увидев его, я подумал, что он

сын брахмана. Он был похож на бога, изваянного из светлого камня. Я слышал, что его титул «моллик», а в нашей деревне было семейство родовитых брахманов, которые тоже носили титул «моллик». Но затем я узнал, что Шочиш — из касты шонарбене. Наша семья принадлежала к ортодоксальной касте каястха, мы привыкли всей душой презирать касту шонарбене. Вдобавок я считал, что безбожники — хуже человекоубийц, что они отвратительнее даже, чем пожиратели коровьего мяса.

Я стоял и смотрел в лицо Шочишу, не произнося ни слова. И вот тогда я увидел на этом лице сияние, словно отблеск священного огня, горевшего внутри.

Разве могло кому-нибудь прийти в голову, что наступит день, когда я буду есть вместе с шонарбене, а в атеизме превзойду даже своего учителя. Но вскоре так и случилось.

В нашем колледже был профессор литературы Уилкинс. Его эрудиция была столь же велика, сколь низко мнение о студентах, которым он читал лекции; он был убежден, что преподавать английскую литературу бенгальским студентам — непроизводительный труд. Поэтому даже в классе, где мы должны были изучать Мильтона и Шекспира, он находил нужным пояснять нам, что кошка — это «четвероногое из породы кошачьих». «A quadruped of feline species» — как он выражался. Только Шочишу разрешал он не делать записей на лекциях. Он говорил ему:

— Шочиш, я возьму тебе ущерб, причиненный занятиями в этом классе. Приходи ко мне домой, и у тебя возродится любовь к литературе.

Это вызывало возмущение студентов. Они пустили слух, что светлая кожа Шочиша — причина расположения сахиба и что Шочиш нарочно притворяется атеистом, чтобы понравиться Уилкинсу. Наиболее предприимчивые из студентов отважились даже попросить у профессора книги о позитивизме. «Вы ничего в них не поймете», — услышали они в ответ.

Подумать только — они не способны даже читать об атеизме! После этого они еще больше вознегодовали на Шочиша и на атеизм.

Я расскажу о поступках и убеждениях Шочиша, которые дружно осуждались окружающими. Кое-что известно мне от других, а кое-чему я оказался свидетелем сам.

У Шочиша был дядя Джогомохон, старший брат его отца. В свое время он слыл отъявленным атеистом. Мало сказать, что он не верил в бога, он был убежден, что бога нет. Задача капитана военного корабля заключается не столько в том, чтобы вести свой корабль, сколько в том, чтобы топить корабли врага. Джогомохон считал своим долгом всюду, где можно, посылать ко дну веру в бога. Вот каким был порядок его доводов:

«Если есть бог, значит, разум мне дал бог, этот разум утверждает, что бога нет; следовательно, сам бог говорит, что бога нет.

А вы ему в глаза противоречите: «Бог есть!» В наказание за это прегрешение все триста тридцать миллионов богов индийского пантеона дерут вас за уши!»

Джогомохоха женили еще мальчиком. Его жена умерла, не достигнув совершеннолетия. Еще до ее смерти Джогомохон прочитал Мальтуса и во второй раз жениться не стал.

Его младший брат Хоримохон, отец Шочиша, был полной противоположностью Джогомохону — настолько, что меня, пожалуй, могут заподозрить в вымысле, занимательности ради. Но вымысел, которому нужно завоевать доверие читателей, бывает обычно очень скромным, тогда как истина уверена в себе и может, следовательно, позволить себе совершенно невероятные вещи. Вот почему в жизни родные братья часто ходят друг на друга не больше, чем утро на вечер.

Хоримохон в детстве отличался слабым здоровьем. Его охраняли, как узника, и ограждали от всех опасностей с помощью амулетов, жертвоприношений богам, воды, выжатой из волос саньяси, земли, собранной в святых местах, чудодейственного нектара от ног брахманов и остатков пищи этих живых богов; а также благословений, полученных за большие деньги у святых наставников и жрецов.

Когда Хоримохон подрос, он уж больше не болел, но родные никак не могли забыть, что у него слабое здоровье. Они требовали от него только одного: чтобы он оставался в живых. Хоримохон не лишал их надежды. Он вел вполне приятное существование, не забывая, однако, напоминать время от времени окружающим, что в любой момент может уйти в другой мир.

Его отец умер молодым, и это заставило мать и теток все свои заботы целиком перенести на Хоримохона. Для него готовились специальные блюда, он ел раньше всех, он работал меньше всех, он отдыхал больше всех. Хоримохон ни на минуту не забывал, что он вверен особым заботам не только матери и теток, но и попечениям всех богов во всех трех мирах. И он поклонялся не только богам, не только священным коровам и брахманам, но и тем, от кого могло зависеть его благополучие в этом мире: полицейскому инспектору, богатому соседу, крупному государственному чиновнику, издателю газеты — всех их он боялся и почитал.

Джогомохон боялся совсем другого. Он держался вдали от сильных мира сего, опасаясь, как бы кто-нибудь не заподозрил, что он надеется получить от них какие-то милости. Богов он не признавал по этой же причине. Джогомохон не хотел склоняться ни перед властью людей, ни перед могуществом богов.

В положенное время, то есть весьма преждевременно, Хоримохона женили. У него родились три девочки, три мальчика, а затем появился на свет Шочиш. Все говорили, что мальчик удивительно похож на дядю. Джогомохон и обращался с ним, как со своим собственным сыном. Он взял на себя заботы об образовании Шочиша, и Хоримохон немедленно подсчитал, какая от этого будет выгода. Джогомохон слыл выдающимся знатоком английского языка: его даже называли бенгальским Маколеем или бенгальским Джонсоном. Он, как улитка в раковину, весь ушел в изучение английских книг. Груды книг, которые высились от пола до потолка, указывали место обитания Джогомохона в доме. Так полоса гальки указывает путь горного потока.

Всю свою отцовскую любовь Хоримохон излил на старшего сына Пурондора. Ни одному его желанию он не пе-

речил и всегда смотрел на своего любимца жалостливыми глазами. Он боялся, что сын умрет от огорчения, если в чем-нибудь получит отказ.

Пурондор совсем не учился. Его рано женили, но удержать его в тесном кругу семьи оказалось невозможным. Жена энергично выражала свое возмущение по поводу частых отлучек Пурондора. Но это лишь вызвало большое недовольство Хоримохона, он стал рассказывать каждому встречному, что из-за скверного характера жены сыну приходится искать утешения вне дома.

Видя все это, Джогомохон предпочитал ни на шаг не отпускать от себя Шочиша — так он старался спасти его от опасностей отцовской любви. Еще в детстве Шочиш научился хорошо читать и писать по-английски. Скоро он прочел труды Милля и Бентама. Их огненные идеи воспламенили его душу, и Шочиш вспыхнул факелом безбожия.

Джогомохон обращался с Шочишем, как со своим товарищем. Он считал, что почитание старших — обычай, унижающий человека. Однажды муж племянницы, только что породнившийся с их семейством, обратился к нему в письме: «Припадая к почтенным стопам вашим, вверяю...» Джогомохон сделал ему следующее наставление:

«My dear¹ Норен, ни я, ни ты не знаем, что означает, когда стопы называют «почтенными». Следовательно, это пустые слова. Кроме того, ты игнорируешь меня и обращаешься непосредственно к моим стопам. Пора бы тебе знать, что стопы — это всего лишь часть моего тела, и до тех пор, пока они присоединены ко мне, не надо апеллировать к ним, не замечая меня. Далее, стопы это не руки и не уши, поэтому верить им что-либо — безумие. Наконец, употребив при обращении к моим стопам не двойственное, а множественное число, ты, возможно, и выразил почтение, потому что вы, индусты, поклоняетесь четверопогим. Однако я считаю нужным указать тебе, что ты заблуждаешься относительно моей биологической природы».

¹ Дорогой (англ.).

Джогомохон говорил с Шочишем о вещах, которых люди предпочитают не касаться в разговоре. И когда кто-нибудь возражал против этого, Джогомохон отвечал: — Чтобы истребить ос, надо разрушить их гнездо. Покончить с безнравственностью можно, лишь поборов ложный стыд, который вызывают подобные разговоры. Вот этого я и стараюсь добиться.

∴

Шочиш закончил колледж. Теперь Хоримохон начал прилагать все усилия к тому, чтобы вырвать его из рук своего старшего брата. Но ведь известно, что лучшее средство затянуть петлю, надетую на шею, — это дернуть за веревку. Поэтому, чем сильнее одна сторона тянет к себе, тем упорнее сопротивляется другая.

Хоримохон злился на Джогомохона куда больше, чем на Шочиша. Он припаялся всюду поносигь старшего брата.

Хоримохон не возражал бы, если бы дело касалось только убеждений и верований. Он стерпел бы, если бы дядя и племянник, съев курицу, объявили всем, что это козлятина. Но они зашли так далеко, что никакая ложь уже не могла их спасти.

Я расскажу о событии, которое положило конец терпению Хоримохона.

Джогомохон считал главной заповедью атеистов: «твори людям добро». Его чрезвычайно радовало, что, исполняя эту заповедь, атеист не получает взамен ничего, кроме неприятностей, что он не ждет наград ни от небесных, ни от земных властей и не боится их гнева. Если кто-нибудь задавал Джогомохону вопрос: «Какую выгоду преследуете вы, творя «возможно больше добра возможно большему числу людей?» — он отвечал: «Никакую, в этом-то и есть наша выгода». Он говорил Шочишу: «Помни, дорогой, мы атеисты. Мы должны гордиться этим и быть чисты и безупречны в своих поступках. Не поклоняясь никому, мы должны с тем большим уважением относиться к себе».

Шочиш был самым верным последователем Джогомохона в претворении в жизнь заповеди «твори людям

добро». По соседству с их домом находился кожевенный склад. И вот дядя и племянник принялись так усердно творить добро кожевникам-мусульманам, работавшим на этом складе, что священный знак на лбу Хоримохона стал жечь его огнем, и в душе его забушевал пожар. Зная, что ссылками на шастры и семейные традиции можно добиться как раз обратных результатов, он обвинил старшего брата в незаконной растрате отцовского имущества. На это Джогомохон возразил: «Пусть сначала мои расходы достигнут той суммы, которую ты истратил на прожорливых брахманов, вот тогда мы, может, и придем к взаимопониманию».

Однажды домашние увидели, что на половине дома, занимаемой Джогомохоном, готовится пиршество. Повара и слуги — все были мусульмане. Хоримохон не находил себе места от возмущения. Он позвал Шочиша и спросил его:

— Ты как будто собираешься пригласить своих друзей-мусульман в дом наших предков и здесь их угощать?

— Будь у меня деньги, я бы их, конечно, угостил, но денег у меня нет. Мусульман пригласил дядя, — ответил Шочиш.

Старший сын Хоримохона, Пурондор, пришел в ярость.

— Я посмотрю, как они посмеют войти в наш дом и есть тут! — кричал он.

А Хоримохон сказал Джогомохону, что категорически возражает против его затей.

— Ты каждый день приносишь угощение своему божеству, — я тебе ни слова не говорю, — отпарировал Джогомохон. — Теперь я хочу угостить мое божество, и ты мне не мешай.

— Твое божество?

— Да, мое божество.

— Ты что, стал брахманом?

— Брахмансты почитают бесплотное божество, его нельзя увидеть. Вы веруете в божество воплощенное, которое нельзя, однако, услышать. Мы же поклоняемся божеству из плоти и крови. Его можно и увидеть и услышать, в него нельзя не верить.

— Твое божество — эти мусульмане-кожевники?

— Да, эти мусульмане-кожевники! И ты сам сможешь увидеть проявление удивительного могущества моего божества: если перед ним поставить угощение, оно без труда будет брать его руками и отправлять в рот. Ни один из твоих богов на это не способен. Я люблю наблюдать это поразительное таинство. Если бы ты не ослеп, взирая на свое божество, то и ты этому порадовался бы.

Пурондор отправился к дяде, поднял шум и пообещал, что устроит грандиозный скандал.

— Ах ты, обезьяна! — засмеялся Джогомохон. — Не забывай, что мое божество — из плоти и крови. Ты сам в этом убедишься, только тронь его!

Пурондор храбрился изо всех сил, но он был еще трусливее отца. Чтобы добиться своего, он готов был идти напролом, но пойти против соседей-мусульман он все же не отважился и ограничился тем, что явился к Шочишу и изругал его. Но Шочиш только посмотрел на брата своими удивительными глазами и не вымолвил ни слова.

В тот день никто не помешал празднику.

4

После этого события Хоримохон не на шутку ополчился против брата. Семья существовала на доходы от земли, принадлежащей храму. Хоримохон подал в окружной суд жалобу на Джогомохона: Джогомохон — безбожник и вероотступник — явно недостойн служить богу и, следовательно, не имеет никакого права на эти доходы. Недостатка в почтенных свидетелях не было. Все соседи-индуисты готовы были дать показания в пользу Хоримохона.

Но прибегать к уловкам не пришлось. Джогомохон прямо заявил на суде, что он не верит ни в богов, ни в богинь; он ест все, дозволенное и недозволенное; он не знает, из какого члена Брахмы сотворены мусульмане, и не считает зазорным принимать пищу с ними вместе.

Суд сложил с Джогомохона сан «служителя бога». Знатоки законов, сторонники Джогомохона, полагали, что Верховный суд не утвердит этот приговор.

— А я не собираюсь подавать апелляцию, — сказал Джогомохон. — Не хочу обманывать даже того бога, в которого не верю. Его достаточно обманывают благочестивые верующие.

— А что ты будешь есть? — беспокоились его друзья.

— В крайнем случае проглочу свой последний вздох.

Выиграв этот процесс, Хоримохон вовсе не хотел похвастаться перед старшим братом своей победой. Он боялся, как бы Джогомохон не проклял его и не навлек на него всяких несчастий. Но Пурондор не в силах был забыть тот случай, когда он спасовал перед «божеством» Джогомохона.

Он притащил домой барабан и на следующий день спозаранку разбудил барабанным боем весь квартал. В гости к Джогомохону в это время пришел один его приятель. Он никак не мог понять, в чем дело.

— Что случилось? — недоумевал он.

— Сегодня посрамляется мое божество. Вот по какому случаю этот грохот, — разъяснил Джогомохон.

В течение двух дней по инициативе Пурондора длилось пиршество в честь брахманов. И все теперь твердили, что украшение этой семьи — Пурондор.

Родные братья разделились. Глухая стена перегородила старый калькуттский дом.

Хоримохон свято верил в человеческий эгоизм и считал, что если люди не всегда правильно разбираются в вопросах религии, то уж там, где дело касается денег, еды и одежды, им от рождения присущ здравый смысл. Он был твердо убежден, что теперь его сын оставит разоренного Джогомохона и, привлеченный хотя бы запахом еды, попадет в золотую клетку отца. Но Шочиш доказал, что он не унаследовал ни религиозных, ни деловых качеств отца. Он остался с дядей.

Джогомохон уже давно привык считать Шочиша своим сыном и несколько не удивился, когда после раздела племянник остался с ним.

Но и Хоримохон хорошо знал своего старшего брата. Он стал распускать слухи о том, что Джогомохон отпускает Шочиша в надежде вытянуть кое-что из кошелька его отца. С кротким видом, чуть не плача, Хоримохон сообщал всем и каждому: «Разве бы я допустил,

чтобы брат мой испытывал нужду? Но я не потерплю, чтобы он своими дьявольскими хитростями удерживал в руках моего мальчика. Ну, да мы еще увидим, кто кого перехитрит!»

Когда друзья рассказали об этом Джогомохону, он закипел от негодования. Он упрекал себя в наивности — как мог он не предвидеть, что брат его обязательно прибежит к такому приему.

— Прощай, Шочиш, — сказал он племяннику.

Шочиш понял, как мучительно тяжело было дяде произнести эти слова, и не стал возражать. Восемнадцать лет они были неразлучны, теперь им приходилось расставаться.

Когда Шочиш, погрузив чемодан и постель на верх экипажа, уезжал из дома, Джогомохон лежал на полу в своей комнате, плотно закрыв дверь. Настал вечер. Пришел старый слуга, чтобы зажечь лампу. Но напрасно стучал он в дверь — Джогомохон не отзывался.

«Твори возможно больше добра возможно большему числу людей!» Человеческие отношения нельзя измерять арифметически. Сердце опровергает все расчеты ума. Сейчас, в разлуке, Шочиш стал ему особенно дорог, потому что боль, разрывавшая сердце Джогомохона, затмила для него все на свете.

Джогомохон не спросил племянника, зачем он нанял экипаж и погрузил на него свои вещи. Шочиш отправился не на половину отца, а в пансион, где жил его друг.

Хоримохон несколько раз принимался плакать, скорбя о том, что в наши дни и родной сын может стать совсем чужим. У Хоримохона было очень чувствительное сердце.

После раздела дома Пурондор нарочно поместил изображение домашнего божества в комнате, примыкавшей к спальне дяди. Теперь на заре и в вечерние сумерки трубный звук священных раковин раздирал уши Джогомохона. При мысли об этом Пурондор прыгал от восторга.

Шочиш стал давать частные уроки. Джогомохон нашел себе место директора в частной школе. Хоримохон же и Пурондор занялись тем, что стали спасать детей благородных семейств от этих учителей-безбожников,

В скором времени Шочини пришел к Джогомохону и поднялся в его кабинет на втором этаже. У них не было привычки совершать пронам. Джогомохон обнял Шочиша и усадил на стул.

— Что случилось? — спросил он.

Случилось нечто из ряда вон выходящее.

Молоденькая девушка по имени Пошибала жила со своей матерью-вдовой у братьев матери. Пока была жива мать, все шло хорошо. Но вот мать умерла. Братья ее оказались низкими пегодьями. Один из их приятелей увез Пошибалу к себе. Очень скоро он стал упрекать ее в неверности, терзать ревностью и грубо оскорблять. А бедняжка ожидала ребенка. Вся эта история разыгралась в доме соседей одного из учеников Шочиша. Шочини хотел спасти эту несчастную. Но у него не было денег, не было жилья. Поэтому он пришел к дяде.

Джогомохон вспыхнул. Он готов был разmozжить голову этому негодяю. Он был не из тех, кто может при подобных обстоятельствах оставаться спокойным и хладнокровно обдумывать последствия своих поступков.

— Ну ладно, — сказал он. — Моя библиотека свободна. Я поселю ее там.

— Библиотека? — изумленно переспросил Шочиш. — А книги?

До тех пор пока Джогомохон не нашел работы, он жил, продавая книги. Теперь у него их осталось совсем немного, и он решил перенести их в спальню.

— Веди се сюда, — распорядился он.

— Да я уже привел. Она ждет внизу.

Джогомохон спустился вниз и увидел в комнатке рядом с лестницей съжившуюся в уголке женщину, похожую на узел с одеждой.

Джогомохон ураганом ворвался в комнату и загрохотал:

— Встань, встань, мать моя! Зачем сидеть в пыли!

Молодая женщина прижала к лицу край сари и залилась слезами. Хотя разжалобить Джогомохона было не так-то легко, на глаза его тоже навернулись слезы,

— Шочиш, — обратился он к племяннику, — стыд, который испытывает сейчас эта женщина, — мой стыд и твой стыд. Заставить ее нести такое тяжкое бремя! — Он повернулся к женщине: — Не стесняйся меня, мать! Меня еще в школе прозвали «безумный Джогай», я, как был, так и остался безумным.

Джогомохон решительно взял ее за руки и поднял с пола. Покрывало упало у нее с головы, открыв личико юное, нежное и непорочное. Пыль, осевшая на цветок, загрязняет только его лепестки, сердцевинка же остается чистой. Эта девушка, похожая на цветок акации, тоже не утратила прелести внутренней чистоты. В ее черных глазах притаился страх, точно у раненой антилопы, хрупкая фигурка сжалась от стыда, но тень порока не коснулась кроткого, жалкого личика.

Джогомохон привел Ноибалу в свою комнату на втором этаже.

— Посмотри, мать, какой порядок у меня дома! Метла тут и не прогуливалась, все перевернуто, все раскидано. А уж обо мне самом и говорить нечего: и ем не вовремя, и омовения совершаю не вовремя. Теперь ты вошла в мой дом, сюда вернется порядок, и безумный Джогай станет жить, как все люди.

Чем может быть один человек для другого, Ноибала прежде не представляла себе. Ей не пришлось это узнать даже при жизни матери. Мать не баловала ее нежными заботами, она видела в ней лишь молоденькую девушку, за которой нужен глаз да глаз. Путь таких взаимоотношений усеян шипами недоверия. Как же смог Джогомохон, совсем чужой для нее, проникнуть сквозь окутывавший ее покров дурного и хорошего и с открытым сердцем принять ее такой, какова она есть?

Джогомохон нанял старуху служанку помогать Ноибале по хозяйству, чтобы она не слишком уставала. Нони опасалась, что Джогомохон не станет принимать пищу из ее рук, — ведь она же падшая женщина. Но оказалось, что он не хотел принимать пищу иначе, как из ее рук. Он поставил условием, что будет есть только в том случае, если она сама будет готовить ему еду, сидеть рядом с ним и угощать его.

Джогомохон понимал, что теперь на них обрушится поток новых оскорблений. Нони тоже предчувствовала, что так будет, и не знала покоя от страха. Опасения их начали сбываться уже через несколько дней.

Старая служанка думала сначала, что Нони — дочь Джогомохоха. Узнав, что это не так, она оскорбила ее, наговорила дерзостей и с негодованием отказалась служить в таком доме. Нонибала помертвела при мысли о том, что скажет теперь Джогомохон.

— Мать, в моем доме взошла полная луна, — успокоил ее Джогомохон, — а полнолуние — время больших приливов. Но вся грязь, вся глина, поднятые со дна, не смогут затемнить прекрасного лунного сияния.

Хоримохон послал к Джогомохону одну из теток, живших на его половине.

— Ах, Джогай, что ты затеял! — завела она. — Изгони грех!

— Вы люди благочестивые, — отвечал Джогомохон, — только такое вы и можете посоветовать. Ну, а если я изгоню грех, что будет с грешницей?

Тогда явилась дальняя родственница и предложила:

— Отошли девчонку в больницу. Хоримохон согласен оплатить все расходы.

— Да ведь она мать! — воскликнул Джогомохон. — Неужели я вдруг отошлю мать в больницу, польстившись на то, что кто-то хочет взять на себя расходы! Как может Хоримохон говорить об этом!

Старуха схватилась за голову:

— Кого ты называешь матерью!

— Я называю матерью ту, которая носит во чреве младенца. Ту, которая, рискуя своей жизнью, дает жизнь ребенку. Бесчестного негодая я не назову отцом. Он только страдания приносит, самому ему ничего не делается.

Хоримохон чуть не лопнул от злости. Разве мог он потерпеть, чтобы в отчем доме, за стеной, жила падшая женщина?

Он немедленно и без колебаний поверил, что повинен во всем этом Шочиш, который окончательно погряз в грехе, а безбожник-дядя его поощряет. В сильном возбуждении Хоримохон рассказывал об этом каждому встречному.

Джогомохон не сделал ничего, чтобы положить конец несправедливым наветам. «По священному писанию атеистов, — говорил он, — нам, безбожникам, за добрые дела полагаются адские муки поруганий». По мере того как людская молва расцветивалась новыми красками и облекалась в новые формы, Джогомохон и Шочиш все громче смеялись и все больше радовались. Хоримохон и все остальные почтенные люди его круга в ужас приходили — слыханное ли дело, чтобы дядя и племянник вели себя так непристойно!

Пурондор, который после раздела не понимал ногой даже тени той части дома, где жил Джогомохон, поклялся теперь, что не успокоится до тех пор, пока не изгонит из дома эту девчонку.

Уходя в школу, Джогомохон тщательно закрывал все двери, через которые можно было проникнуть в дом, и как только у него выдавалась свободная минутка, тотчас спешил домой.

Но как-то раз в полдень Пурондор приставил лестницу к перегородке, разделявшей плоскую крышу на две части, залез на нее и спрыгнул на половину Джогомохона. Нонибала спала после обеда у себя в комнате. Дверь не была заперта.

Пурондор вошел и увидел спящую Нонибалу. Он был изумлен и взбешен.

— Вон оно что! Так это ты здесь! — заорал он.

Нонибала проснулась и, увидев Пурондора, побледнела. У нее не было сил ни убежать, ни крикнуть.

— Нони! — снова крикнул Пурондор, трясясь от ярости.

Но тут в комнате появился Джогомохон.

— Вон! Убирайся из моего дома! — загремел он.

Пурондор ощерился, как злобная кошка.

— Если ты не уйдешь, я позову полицию! — пригрозил Джогомохон.

Пурондор метнул огненный взгляд на Нони и бросился вон. Нони упала без сознания.

Джогомохон догадался, в чем дело. Он позвал Шочиша и убедился, что тот знал, кто погубил Нонибалу. Шочиш только не решался сказать об этом дяде, опасаясь вспышки его гнева. Шочиш знал, что в Калькутте

Нони нигде не спасется от преследований Пурондора, кроме дома Джогомохона. Только туда Пурондор не посмеет явиться.

Нонибалу бил озноб, она дрожала от страха, словно лист бамбука на ветру. Через несколько дней у нее родился мертвый ребенок.

Как-то глубокой ночью в припадке слепой ревности Пурондор палкой выгнал Нони из дома. После этого он долго искал ее, но не нашел. Когда же он увидел ее в доме дяди, ревность охватила его с новой силой. Он решил, что Шочиш сманил Нони от него, чтобы самому позабавиться ею, и что он поселил ее в доме рядом, чтобы сильнее насолить брату. Этого уж никак нельзя было вынести.

Все стало известно Хоримохону. Пурондор не постыдился сам рассказать обо всем отцу. Отцовская любовь извиняла ему все проступки.

Хоримохон счел весьма противозаконным и неестественным желание Шочиша отобрать эту девчонку у старшего брата и решил сделать все, чтобы помочь Пурондору спасти свое достоинство из рук оскорбителей и нарушителей закона.

Он сам нанял какую-то женщину и отправил ее к Джогомохону под видом матери Нони, наказав ей плакать и умолять Джогомохона отпустить ее дочь. Джогомохон рассвирепел и прогнал ее, так что больше она и близко не подходила к его дому.

Нони таяла день ото дня и скоро стала похожа на тень. Наступили рождественские каникулы. Джогомохон старался ни на секунду не оставлять Нони одну и никуда не выходил из дому.

Раз вечером он читал Нони рассказ Вальтера Скотта, переводя его на бенгали. Вдруг в комнату ворвался Пурондор, таща за собой какого-то молодого человека. Когда Джогомохон хотел позвать полицию, этот молодой человек объявил:

— Я брат Нони. Я пришел ее забрать.

Джогомохон ничего ему не ответил, схватил за шиворот Пурондора, проволока его до лестницы и пинком спустил вниз. Затем он обрушился на молодого человека:

— Негодяй! Стыда у тебя нет. Когда надо было за-

щитить Нони, ты был ей никто, а когда надо ее погубить, ты ей брат?

Молодой человек не замедлил удалиться, но издали крикнул, что придет выручать сестру с помощью полиции. Этот человек и правда был братом Нони. Пурондор хотел убедить его, что соблазнитель Нони — Шочиш.

Нони молилась про себя: «Мать-земля, расступись, прими меня».

Джогомохон позвал к себе Шочиша и сказал ему:

— Я заберу Нони и уеду отсюда, поселюсь где-нибудь на западе Индии. Если остаться здесь, девочка не выдержит преследований.

— Уж если мой брат начал преследовать, он настигнет вас всюду, куда бы вы ни поехали.

— Где же выход?

— Выход есть. Я женюсь на Нони.

— Женишься?

— Да, гражданским браком.

Джогомохон прижал Шочиша к груди. Из глаз его полились слезы. Больше он уж никогда так не плакал.

6

После раздела дома Хоримохон ни разу не переступал порога владений Джогомохона. Но в тот день он примчался к нему, растрепанный и взбудораженный.

— Дада, что за ужасное дело вы замышляете? — выпалил он.

— Ужасное дело было в прошлом, — ответил Джогомохон, — а теперь есть возможность его исправить.

— Дада, Шочиш тебе все равно что сын. Неужели ты допустишь, чтобы он женился на падшей женщине?

— Да, я воспитал Шочиша, как родного сына. Теперь я вознагражден. Он спасет честь нашего рода.

— Дада, я признаю себя побежденным. Я запишу на твое имя половину своего состояния. Только не мсти мне так ужасно.

Джогомохон вскочил со стула и воскликнул:

— Так вот оно что! Ты хочешь кинуть мне полсвинку своих объедков, как подачку собаке! Но я не такой бла-

гочестивый, как ты. Я атенст! Не забывай об этом! Я не мщу по злобе и не принимаю подачек из милости!

Хоримохон направился в пансион, где жил Шочиш. Он вызвал сына, чтобы поговорить с ним наедине.

— Что ты затеял! — зашипел он. — Другого способа погубить себя ты не нашел? Решил наш род опозорить?

— Я лишь стараюсь стереть пятно позора с нашей семьи, — возразил Шочиш, — это моя единственная цель.

— Ты что, совсем не знаешь святых законов? Эта девчонка — все равно что жена твоему брату, а ты ее...

— Жена?! — не выдержал Шочиш. — Не произносите этого слова!

Но тут Хоримохон стал произносить все, что только приходило ему в голову, и на все лады поносить Шочиша. Шочиш в ответ не сказал ни слова.

Хоримохон беспокоился, главным образом, из-за того, что Пурондор угрожал покончить жизнь самоубийством, если Шочиш женится на Нони. Услышав это, жена Пурондора заметила: «Вот бы и пришел конец всем несчастьям, да только где тебе — храбрости не хватит». Хоримохон не очень верил угрозам Пурондора, но в глубине души все-таки побанвался.

Шочиш до сих пор избегал Нони. Они ни разу не виделись наедине и вряд ли хоть раз он говорил с ней. Когда все было решено насчет свадьбы, Джогомохон посоветовал Шочишу: «Потолкуй перед свадьбой один на один с Нони. Нужно, чтобы вы узнали друг друга».

Шочиш согласился. Джогомохон назначил день. Он попросил Нони:

— Мать, уж сегодня ты нарядись, как мне нравится.

Нони стыдливо опустила голову.

— И смущаться нечего. Я очень хочу, чтобы ты была сегодня нарядной. Придется тебе выполнить мою просьбу. — И он подал ей бенаресское сари, расшитое блестками, кофточку и газовый шарф, которые купил для нее на свой вкус.

Нони склонилась и взяла прах от его ног. Он взволнованно отступил и воскликнул:

— Неужели мне до сих пор не удалось убедить тебя, что почитать старших вовсе не обязательно? Пусть я

старше тебя годами, но ведь ты мать и поэтому выше меня. — Он поцеловал ее в лоб и добавил: — Меня пригласили к Бхоботошу, я вернусь поздно.

— Отец, благослови меня, — попросила Нони, взяв его за руку.

— Я вижу, ты хочешь безбожника в преклонном возрасте превратить в религиозного человека. Я не верю в благословения, но когда вижу твое личико, мне очень хочется благословить тебя.

Он приподнял голову Нони за подбородок и некоторое время молча смотрел ей в лицо. Из глаз Нони хлынули слезы.

Вечером в дом к Бхоботошу прибежал человек и вызвал Джогомохона. Придя домой, Джогомохон увидел лежащее на постели тело Нони. На ней были наряды, подаренные им. В руках ее было письмо. У изголовья стоял Шочиш. Джогомохон развернул письмо и прочел:

«Отец, я не могла. Прости меня! Ради тебя я всеми силами старалась выполнить твое желание. Но я не могу забыть его до сих пор. Тысячу раз припадаю к твоим благословенным стопам.

Грешная Нонибала».

Ш О Ч И Ш

1

Атеист Джогомохон перед смертью сказал Шочишу:

— Если ты захочешь совершить поминальный обряд душам предков, то посвети его отцу, но не дяде.

А умер он вот как.

В тот год в Калькутте была эпидемия чумы, но люди боялись не столько этой болезни, сколько санитаров — вестовых смерти. Хоримохон знал, что чума прежде всего распространится среди его соседей-кожевников, и тогда уж не миновать смерти и ему, и всем его чадам и домо-чадам. Прежде чем бежать из дому, он зашел к брату.

— Дада, я нанял дом в Кальне на берегу моря, если...

— Ерунда! — оборвал его Джогомохон. — Как это я брошу их и поеду?

— Кого?

— Да вот этих кожевников.

Хоримохон поморщился и пошел прочь. Он направился в пансион, где жил Шочиш.

— Едем, — коротко приказал он сыну.

— У меня есть дело, — ответил Шочиш.

— Убирать трупы соседей-кожевников?

— С вашего позволения, да. Если понадобится...

— С моего позволения!.. Если понадобится, ты отправишь в ад все четырнадцать поколений наших предков! Негодяй! Нахал! Безбожник!

Зловещие признаки конца железного века повергли Хоримохона в неопиcуемый ужас. Он вернулся домой и исписал мельчайшими буквами целую десть балийской бумаги, выводя имя Дурги.

Хоримохон уехал. В квартале появились первые случаи заболевания чумой. Люди не хотели звать врачей, боясь, как бы больного не отправили в больницу. Джогомохон сам пошел в одну из больниц и, увидев, что там творится, сказал, что если люди больны, то это еще не основание обращаться с ними, как с преступниками.

Своими силами он организовал у себя на дому частную лечебницу. Шочиш, я и еще несколько человек ухаживали за больными. Среди нас был даже один доктор.

Первый пациент, который попал в нашу больницу, был мусульманин. Он умер. Вторым оказался Джогомохон. Он тоже не выжил.

— Сегодня я получил последний дар от религии, которую исповедовал. У меня нет сожалений, — сказал он Шочишу, умирая.

Шочиш никогда не совершал пронама при жизни Джогомохона. Сегодня, после смерти дяди, он в первый и последний раз взял прах от его ног.

Когда после окончания эпидемии Хоримохон увиделся с сыном, он изрек:

— Смерть, достойная атеиста!

— Да, — с гордостью подтвердил Шочиш.

2

После смерти Джогомохона Шочиш бесследно исчез. Так мгновенно исчезает пламя свечи, когда налетевший, порыв ветра задует ее.

Мы даже не представляли себе, как сильно Шочиш любил дядю. Дядя был для него отцом, другом, даже сыном. Джогомохон совсем не заботился о себе и был так непрактичен, что Шочиш взял на себя обязанность избавлять дядю от всех трудностей жизни. Таким образом, Шочиш не только получал пользу от дяди, но и сам мог быть ему полезен. Пустота, образовавшаяся после смерти Джогомохона, совершенно измучила Шочиша. В отчаянии

он убеждал себя, что всякое отрицание является в то же время и утверждением, что если бы в мире не было ничего истинно существующего, то эта пустота уже давно поглотила бы вселенную.

Два года Шочиш странствовал с места на место, и мы потеряли с ним всякую связь. Наше общество атеистов с еще большим энтузиазмом продолжало свою работу. Мы яростно нападали на всех, кто придерживался какой бы то ни было религии, и, творя свои добрые дела, дошли до того, что скоро не осталось ни одного доброго человека, который сказал бы о нас хоть одно доброе слово. Шочиш был нашим цветком; теперь, когда цветок отпал, шипы обнажились и стали нещадно колоть всех и вся.

3

Два года от Шочиша не приходило никаких вестей. Я и думать не мог хоть в чем-нибудь упрекнуть его, но иногда в душу мне закрадывалось подозрение, что горе, налетевшее на Шочиша, низвергло его с тех высот, на которых он обитал.

Как-то, встретив отшельника, Джогомохон сказал: «Жизнь, как меняла, проверяет человека на звук. Она сталкивает его с горем, нуждой, с жаждой свободы. И безжалостно отбрасывает каждого, кто слабым звуком отзовется на удары судьбы. Таковы отшельники, это отброшенные фальшивые монеты, негодные к обращению на большом рынке жизни. И они еще хвастают тем, что ушли от жизни сами. Не может ускользнуть от жизни тот, кто имеет хоть какую-то ценность. Сухой лист падает потому, что дерево само сбрасывает его, — это мусор».

Могло ли случиться, что Шочиш оказался в куче мусора? Неужели испытание тяжким горем показало, что на ярмарке жизни он не имеет никакой ценности?

Между тем разнесся слух, что Шочиш — наш Шочиш! — примкнул где-то около Читтагонга к Лиланондосвами, поет гимны, в экстазе отбивает такт ладошами и пускается в пляс.

Раньше я никак не мог представить себе, что такой человек, как Шочиш, может быть атеистом, теперь же я

не мог понять, каким образом Лиланондо-свами удастся заставить Шочиша плясать. И потом вставал вопрос: как же будем теперь выглядеть мы сами? Ведь наши враги станут издеваться над нами. А врагов у нас было немало.

Прежние последователи Шочиша очень на него рассердились. Многие утверждали, будто им с самого начала было ясно, что Шочиш — всего-навсего оторванный от земли мечтатель.

Только теперь я понял, как сильно люблю Шочиша. Я не мог сердиться на него даже за то, что он пустил отравленную смертельным ядом стрелу в наш лагерь.

4

Я отправился на поиски Лиланондо-свами. Я переправлялся через реки, пересекал равнины, ночевал у торговцев и наконец настиг Шочиша.

Было около двух часов дня. Я надеялся застать Шочиша одного, но мне не повезло. Толпы людей заполняли двор и веранду дома, где остановился Лиланондо-свами. Целое утро возносились здесь гимны богам. Для пришедших издалека было приготовлено угощение.

Шочиш бросился ко мне, обнял и прижал к своей груди. Я был изумлен. Он всегда отличался сдержанностью, и внешняя холодность только подчеркивала горячность его сердца. А сейчас он был словно в опьянении.

Свами отдыхал в доме. Он заметил меня через открытую дверь.

— Шочиш! — окликнул он басом.

Шочиш озабоченно направился в дом.

— Кто это? — спросил свами.

— Срибилаш, мой друг, — ответил Шочиш.

В то время мое имя начинало приобретать известность. Один образованный англичанин, услышав мою речь, сказал: «Этот человек так...» Впрочем, не буду приводить его слов и умножать тем самым число своих врагов. Достаточно сказать, что я стяжал себе среди студентов и их родственников репутацию пламенного атеиста, крепко оседлавшего английский язык и способного смело взять любое препятствие.

Мне показалось, что свами обрадовался, узнав о моем приезде. Он захотел увидеть меня. Я вошел в комнату и приветствовал его, но без должного почтения. Мы, ученики дяди Шочиша, в знак приветствия подносим ко лбу сложенные ладони, держа руки, как сабли; головы мы не склоняем и стоим, точно распрямленный лук, с которого сняли тетиву.

Это не ускользнуло от внимания свами.

— Шочиш, приготовь-ка мне трубку, — приказал он.

Шочиш стал возиться с трубкой. Он еще не зажег трут, а я уже пылал. Я не мог придумать, где бы сесть. В комнате стояла тахта, на ней была разостлана постель свами. Я вовсе не считал, что мне не пристало сидеть на этой постели, однако, сам не знаю почему, не сел, а остался стоять у двери.

Свами был осведомлен о том, что я удостоен премии «Премчанд Райчанд».

— Сын мой, — обратился он ко мне, — когда охотник за жемчугом ныряет на дно моря, он не должен задерживаться там долго, иначе погибнет. Ему надо скорее подниматься наверх, чтобы глотнуть воздух. Если ты, сын мой, хочешь жить, то тебе придется вынырнуть из пучины знаний и выйти на берег. Ты получил премию «Премчанд Райчанд», а попробуй-ка от нее отказаться.

Шочиш приготовил трубку, подал ее свами и сел на пол. Свами вытянул ноги. Шочиш принялся осторожно их массировать.

Я был так потрясен этим, что не мог больше оставаться в комнате. Я понял, что он велел Шочишу набивать трубку и массировать себе ноги для того, чтобы сильнее уязвить меня.

Пока свами отдыхал, его почитателям дали поесть. В пять часов вечера началось пение гимнов, которое продолжалось до десяти.

Вечером, когда мы наконец остались одни, я сказал Шочишу:

— Шочиш, ты с самого рождения был свободным человеком. Как ты мог надеть на себя эти оковы? Разве со смертью дяди все забыто?

Шочиш, переставив два первых слога моего имени, всегда называл меня Бисри, отчасти в знак шутливой

ласки, отчасти потому, что это соответствовало моей паружности¹.

— Бисри, — ответил он, — когда дядя был жив, он предоставлял мне свободу на арене жизни так же, как предоставляют свободу ребенку на площадке для игр. После своей смерти он предоставил мне свободу в океане чувства, — это та свобода, которую получает ребенок в объятиях матери. Знай, что и то и другое — дары дяди. Я наслаждался этой свободой на заре жизни. Зачем же я откажусь от нее сейчас, приближаясь к закату?

— Что бы ты ни говорил, — стоял я на своем, — а дядя не завещал тебе пабивать трубки да массировать ноги. Это на свободу не похоже.

— Так ведь тогда я находился на суше, — пояснил Шочиш, — там дяде незачем было связывать свободу моих движений. А здесь — океан чувств. Чтобы не утонуть в нем, надо держаться за свой корабль. Вот почему я держусь за гуру. Массируя ему ноги, я переплыву этот океан.

— Все это звучит довольно убедительно в твоих устах, но тот, кто протягивает тебе свои ноги...

— Он не нуждается в моих заботах, — поспешил уверить меня Шочиш, — потому он и делает так. Если бы ему нужны были мои услуги, он бы постыдился их принимать. Это необходимо мне.

Я понял, что Шочиш находится в мире, мне недоступном. Обнимая меня при встрече, он обнял не меня, а олицетворение вселенной, некую идею.

Такого рода идеи действуют, как вино. Под влиянием алкоголя пьяный может обнять первого встречного и проливать слезы на его груди — ему все равно, я это или кто-нибудь другой. По эти объятия нравятся пьяному, а мне — нет. Я не хочу быть каплей безликого погока. Я — это я.

Мне стало ясно, что спорить бесполезно. Но я не смог покинуть Шочиша. Я вновь покорился его обаянию и стал странствовать с ним из одной деревни в другую. Постепенно меня тоже охватило опьянение. Я тоже стал

¹ Здесь игра слов: Срибилаш (букв.) — приятный, обаятельный, доставляющий удовольствие; Бисри (букв.) — некрасивый, отталкивающий.

прижимать к своей груди всех и каждого. Я тоже стал проливать слезы, я тоже стал массировать ноги гуру. И в один прекрасный день, в момент озарения, Шочиш явился мне в свете, который я не могу назвать иначе, как божественным.

5

Слава о том, что Лиланондо-свами сделал своими приверженцами двух таких неукротимых атенстов, как я и Шочиш, которые к тому же вкусили плоды цивилизации из рук англичан, разнеслась во все концы. Почитатели свами, жившие в Калькутте, умоляли его посетить их город.

Он поехал туда.

В свое время у него был в Калькутте преданный ученик по имени Шиботош. Свами всегда останавливался в его доме. Возможность служить Лиланондо-свами и его свите была единственной радостью в жизни Шиботоша.

Умирая, он оставил своей молоденькой бездетной жене лишь самые необходимые средства к существованию. Все имущество и дом в Калькутте он завещал своему гуру. Он хотел, чтобы со временем этот дом стал главным местом паломничества для последователей Лиланондо-свами.

В этом доме мы и остановились.

Пока я, точно в тумане опьянения, шествовал из одной деревни в другую, все шло будто так и надо. Но в Калькутте этот туман сгустился и стал непереносимым. До сих пор я жил в волшебном мире прекрасного. В этом мире разворачивается вечная любовная игра между женщиной, владычицей всего мира, и мужчиной, владыкой женского сердца. Деревенское пастбище, теплая баньяна у переправы, полуденный отдых, дрожащая от пения цикад вечерняя тишина — все было проникнуто этой любовью. Пока мы странствовали под открытым небом, я брел, словно во сне, и никакие сомнения не мучали меня. Однако, попав в суровую Калькутту, в шумную толпу спешащих куда-то людей, я очнулся. Наваждение рассеялось.

Некогда в калькуттской толчее я самозабвенно день и ночь отдавался занятиям, спорил о судьбах родины с

друзьями в Голдигхи, принимал участие в политических собраниях, попадал в тюрьму за сопротивление произволу полиции; здесь я откликнулся на призыв дяди Шочиша и поклялся, что всеми силами буду мешать ограблению народа, рвать сети рабства и освобождать из них сознание моих соотечественников; здесь, подобно парусной лодке, отважно идущей против течения, я шел вперед, не обращая внимания на брань родных и чужих, знакомых и незнакомых. Мне страстно захотелось окунуться в скорбную и тревожную атмосферу прежней Калькутты, где я некогда жил в водовороте людей, страдавших от голода и жажды, счастливых и несчастных, добрых и злых.

Подчас мне начинало казаться, что я слаб, что я не прав, что у меня не хватит сил для самоотверженного служения одной цели. Я присматривался к Шочишу и видел, что ему нет дела до того, что где-то на земле есть Калькутта, это просто не касалось его.

6

Мы с Шочишем поселились вместе с гуру в доме Шиботоша. Мы были главными его учениками, он не хотел, чтобы мы жили отдельно от него.

Учитель и ученики целыми днями вели беседы о чувстве и о философии чувства. В эту серьезную и малоопытную беседу иногда неожиданно врвался звонкий женский смех, доносившийся из внутренних комнат дома. А то вдруг мы слышали женский голос, звавший какую-то Бами. На тех высотах мысли, где мы иссушали свой ум, эти звуки казались не заслуживающими внимания. Но временами они представлялись нам ливнем, хлынувшим во время засухи. Когда жизнь, подобно оборванным лепесткам цветка, долетала до нас из неведомого мира, находившегося за стенами нашей комнаты, мне сразу становилось ясно, что высшее блаженство — именно там, в том мире, где звенит связка ключей на поясе у Бами, где благоухают ароматы, доносящиеся из кухни, где веник шаркает по полу. Тот мир, где все обыденно, но все истинно, где перемешалось великое и малое, суровое и нежное, и был миром панвысшего блаженства.

Вдову Шиботоша звали Дамини¹. В первое время мы видели ее лишь мимоходом и очень редко. Но мы были неотделимой частью своего гуру, и очень скоро Дамини стала появляться открыто и в нашем присутствии.

Дамини и в самом деле была похожа на молнию в облаках, несущих живительный дождь. Она была воплощением цветущей молодости, но в душе ее полыхал беспокойный огонь.

Вот что записал Шочиш в своем дневнике:

«В Нонибале я увидел один из образов «вселенской» женщины. Эта женщина приняла на себя бремя позора, пожертвовала жизнью ради любви к негодяю, смертью своей победила смерть. Дамини — другой тип «вселенской» женщины. Она и смерть — несовместимы. Она вся словно соткана из радостей жизни и похожа на благоуханный весенний цветок, жадно берущий от жизни все, не уступая мертвящему аскетизму ни капли жизни».

Но я хочу рассказать о Дамини все по порядку.

В те дни, когда поток денег, нежданно-негаданно вырученных от выгодной продажи джута, переполнил кошелек Оннодапрошада, отца Дамини, ее выдали замуж за Шиботоша. До этого у Шиботоша было лишь знатное происхождение, теперь к нему пришло и богатство. Оннода подарил зятю дом в Калькутте и обеспечил его средствами к существованию. Сверх того он дал за Дамини много драгоценностей.

Он приложил немало стараний, чтобы ввести Шиботоша в курс дел своего предприятия, но душа Шиботоша не лежала к мирским делам. Однажды некий астролог предсказал ему, что при благоприятном сочетании созвездий он вследствие особой благосклонности Брихаспати еще при жизни достигнет наивысшего блаженства: душа его освободится от перерождений и соединится с богом. С тех пор в надежде на освобождение он охладел к золоту и прочим соблазнам и стал ревностным учеником Лиланондо-свами.

Между тем отца Дамини постигло несчастье: ветер удачи изменил направление и бежавшая на всех парусах

¹ Д а м и н и (букв) — молния.

лодка богатства дала сильный крен. Онnode пришлось продать все свое имущество, и теперь он едва сводил концы с концами.

Как-то вечером Шиботош зашел на женскую половину дома и сказал жене:

— Пришел свами-джи. Он зовет тебя, хочет дать тебе наставление.

— Я не могу сейчас пойти, — отозвалась Дамини. — Мне некогда.

Некогда! Шиботош подошел поближе и увидел, что Дамини сидит в полутемной комнате и перебирает свои драгоценности.

— Что ты делаешь? — изумился он.

— Разбираю украшения.

И поэтому у нее нет времени? Вот как!

На следующий день Дамини, открыв железный сундук, увидела, что там нет шкатулки с драгоценностями.

— Где мои украшения? — спросила она мужа.

— А ты преподнесла их своему гуру, — ответил муж. — Поэтому он как раз в тот момент и позвал тебя. Ведь он всеведущий. Он похитил твою жадность к золоту.

Дамини вспыхнула:

— Отдай мои украшения!

— Зачем они тебе?

— Это подарок моего отца. Я верну их ему.

— Твои украшения теперь в более подходящем месте. Они не попали в кошню богача, они пожертвованы на святое дело.

Так начался благочестивый разбой. Мучители притесняли и оскорбляли Дамини, стремясь изгнать из ее души злых духов земных помыслов и желаний. В то время когда ее отец и маленькие братья едва не умирали с голода, ей приходилось своими руками готовить кушанья для шестидесяти—семидесяти человек почитателей свами, которые ежедневно наводняли дом.

Она нарочно не клала в кушанья соли, нарочно подавала подгоревшее молоко, но ее старания ни к чему не приводили.

В это время умер ее муж. Перед смертью он сумел достойно покарать жену за недостаток благочестия: все свое имущество, включая жену, он передал гуру.

В дом вливался неиссякаемый поток почитателей. Люди стекались отовсюду, чтобы поклониться гуру. А Дамини, которая могла видеть его в любой момент, не прилагая к тому ни малейших усилий, пренебрежительно отвергала это редкое счастье.

Когда гуру звал ее, чтобы прочитать ей религиозное наставление, она отказывалась: «У меня голова болит». Когда он, заметив отсутствие Дамини на вечернем собрании, спрашивал ее о причине, она объясняла: «Я ходила в театр». Это было явной неправдой и звучало оскорбительно: женщины, почитательницы гуру, в ужасе всплескивали руками, глядя на выходки Дамини. Она и одевалась-то не как вдова, и наставлений гуру не желала слушать; душа и плоть ее — хоть она жила бок о бок с таким великим человеком — не засияли благостью и самоотречением. «Какой позор! Мы многих видывали, а такую видим в первый раз!» — восклицали женщины.

Свами-джи посмеивался. «Бог любит бороться с сильными. Когда-нибудь придет и ее час покаяться», — проронил он.

Пока же он был терпелив и милостиво прощал ее. Эта снисходительность казалась Дамини невыносимой, она была для нее равносильна наказанию. Гуру проявлял чрезвычайную мягкость в обращении с ней. Однажды он услышал, как Дамини потешается над ним вместе с одной из своих подружек, но даже тут ни словом не упрекнул ее.

— Чудо свершится, и чтобы показать это, всевышний избрал Дамини. Несчастливая сама не знает, что творит, — изрек гуру.

Таково было положение вещей в момент нашего прибытия. А потом чудо действительно стало свершаться.

Мне не хочется больше писать, да и писать трудно. За плотной завесой жизненных явлений неотступно ткется невидимый узор, который не предусмотрен никакими правилами или священными законами. Не будь его, разве приходилось бы нам терпеть мучительный разлад между внешней жизнью и жизнью внутренней, духовной, и проливать столько слез!

Подобно тому как цветок неслышно разрывает вдруг жесткую оболочку бутона и подымает кверху свою омытую росой головку, так и Дамини, стряхнув шелуху непокорности и возмущения, неожиданно озарила нас кротким, мягким светом новой зари. Отныне она стала так легко и прекрасно служить нам, искателям истины, что казалось, будто на нас, словно дар небес, излилась сладость божественной любви.

Теперь, когда Дамини стала похожа на застывшую на небосводе яркую молнию, Шочиш заметил ее блеск. Но я должен сказать, что заметил он только блеск, но не саму Дамини.

В комнате Шочиша стояла фарфоровая пластинка с фотографией Лиланондо-свами, погруженного в созерцание. Однажды Шочиш обнаружил фотографию на полу, разбитую вдребезги. Он решил, что это натворила его кошка. Но скоро стали твориться такие дела, которые были бы не под силу даже дикой кошке.

Над домом нависла грозовая туча. На небосводе сверкали невидимые молнии. Не знаю, как у других, а у меня сердце сжималось от боли. Мне начало казаться, что я задыхаюсь в этой атмосфере. Я готов был бежать. Мне было более по душе учить детей кожевников лигатурам бенгальского алфавита, в которых отсутствовали какие-либо чувства.

Как-то в прохладный полдень, когда гуру и его усталые почитатели отдыхали, Шочиш, зайдя за чем-то в свою комнату, застыл на пороге. Он увидел Дамини, которая ничком лежала на полу. Волосы ее распустились, она билась головой об пол и вскрикивала:

— Камень! О камень, камень! Сжался! Сжался, убей меня!

Шочини задрожал от ужаса и бросился прочь.

8

Гуру-джи каждый год отправлялся в какое-нибудь отдаленное и уединенное место. И этой весной он тоже собрался в путь.

— Я поеду с вами, — объявил Шочиш.

— И я тоже, — присоединился я. Я был до предела изнурен духовными усилиями. Трудное путешествие и жизнь вдали от людской суеты были бы мне только на пользу.

Свами-джи призвал к себе Дамини.

— Мать, я отправляюсь в странствие. Раньше это время ты всегда проводила у своей тетки. На этот раз я тоже обо всем договорился.

— Я поеду с вами, — неожиданно заявила Дамини.

— Ты же не сможешь. Дорога очень трудная.

— Смогу. Обо мне вам не придется заботиться.

Настойчивость Дамини понравилась свами. В прошлые годы это время было отдыхом для Дамини. Она мечтала о нем весь год.

«Невероятно, — размышлял свами. — Бог своей волшебной алхимией каким-то образом превратил камень в масло».

Дамини не передумала. Она отправилась с нами.

9

В тот день мы шли почти шесть часов по жаре и наконец добрались до мыса, который вдавался в море. Кругом царили тишина и безлюдье. Море было почти совсем спокойно, легкий шелест кокосовых пальм сливался с ленивым рокотом моря. Казалось, что земля во сне разметала руки и одну откинула на море. В ее ладони лежал голубовато-зеленый холм. В этом холме в древние времена был вырублен пещерный храм. В ученых кругах шли горячие споры о том, буддийский это храм или индуистский, изображен ли в нем Будда или Васудева и можно ли обнаруживать в этом храме греческое влияние или нет.

Мы намеревались осмотреть пещеру и вернуться в мир, к людям, но это нам не удалось. День уже клонился к вечеру, наступала двенадцатая ночь темной половины месяца.

— Нам придется переночевать в пещере, — решил гуру-джи.

Мы втроем сели на песчаном берегу моря у подножья пальмы. На западе опускавшееся в море солнце посылало

последний привет дня наступающей темноте. Гуру-джи запел. Это была песнь современного поэта:

Мне долго пришлось по дороге шагать,
Лишь в сумерках мы повстречались с тобою,
Хотелось увидеть твой облик, но свет
Мгновенно сменился кромешною тьмою.

Мы слушали песню, затаив дыхание. У Дамини из глаз побежали слезы.

Свами-джи продолжал:

Пусть мне не пришлось на тебя посмотреть —
Душою об этом не буду скорбеть.
Постой же немного — я ноги твои
Позволь волосами своими закрою¹.

Когда свами кончил петь, застывшая вечерняя заря, разлившаяся по небу и морю, наполнилась безмолвием, словно золотой спелый плод — соком. Дамини склонилась перед свами и совершила пронам. Ее распутившиеся волосы рассыпались по земле.

10

В дневнике Шочиша было записано:

«В пещере много помещений. В одном из них я растелил одеяло и лег. Мрак пещеры был похож на большого черного зверя: его влажное дыхание будто обволакивало меня. Он представлялся мне первым живым существом первобытных времен: у него нет глаз, нет ушей, но страшный неутолимый голод терзает его. Это существо навеки заключено в пещеру. У него нет разума, оно ничего не знает, оно умеет только страдать и беззвучно плакать.

Усталость тяжелым грузом опустилась на мое тело, но я никак не мог уснуть. Птица — а может, то была летучая мышь — залетела в пещеру и стремительно носилась в темноте, со свистом разрезая воздух крыльями. Мурашки бегали у меня по телу, когда до меня доносилось дуновение ветерка, поднятого ею.

¹ Перевод Г. Ярославцева.

Мне захотелось выйти из пещеры и лечь снаружи, но я забыл, где выход. Я двинулся в одну сторону — и стукнулся обо что-то головой, пошел в другую — опять обо что-то ударился, направился в третью — споткнулся и упал в неглубокую ямку, наполненную просочившейся сквозь трещины водой.

В конце концов, я вернулся и лег на одеяло. Мне представилось, что это страшное первобытное существо держит меня в своей мокрой пасти и мне не суждено отсюда выбраться. Оно испытывает ужасный голод, оно облизывает меня своим языком и, кажется, залижет до смерти. Его слюна, подобно желудочному соку, незаметно растворяет меня.

Как было бы хорошо, если бы я мог уснуть. Мой возбужденный мозг не мог вынести цепкого объятия гнетущей тишины. Это было бы под силу только мертвому.

Не знаю, когда на мое сознание упала пелена оцепенения, но это был не сон. Вдруг сквозь забытие я услышал прерывистое дыхание у своих ног. Ужас охватил меня. Это было оно — первобытное существо!

Кто-то обхватил мои ноги. Я подумал, что это зверь, по звери покрыты шерстью, а у этого существа шерсти не было. Дрожь пробежала по моему телу. Может быть, это змея? И оттого, что я не мог представить себе облик этого существа, мне делалось еще страшнее. Оно жадно тянулось ко мне, мягко касалось меня, и это было противно до омерзения.

От ужаса и отвращения у меня перехватило дыхание. Я старался отпихнуть его. Оно положило голову на мои ноги. Слышалось его прерывистое дыхание. Я стал опять отталкивать его ногами.

Ужас, охвативший меня, начал рассеиваться. Сначала мне показалось, что у этого существа на теле не было волос, но внезапно я почувствовал, как волна их упала на мои ноги. Я с усилием поднялся.

Что-то мелькнуло во мраке. Странный звук донесся до меня. Что это было? Сдавленные рыдания?»

ДАМИНИ

1

Вернувшись в деревню после паломничества к пещере, мы поселились в двухэтажном доме одного из учеников гуру-джи рядом с храмом.

Сейчас, после возвращения, мы редко видели Дамини. Правда, она готовила нам и убирала в доме, но по возможности старалась не показываться на глаза. Она подружилась с соседскими женщинами и все свое свободное время проводила то у одной, то у другой из них.

Гуру-джи был раздосадован. Он понял, что Дамини тянется к земле, а не к небесам. Раньше она прислуживала нам благоговейно, точно совершала поклонение божеству, а теперь выполняла свои обязанности с неохотой. По мнению гуру, она совершенно утратила мягкость и обаяние, так украшавшие ее прежде.

Гуру-джи опять начал втайне побаиваться Дамини. Мрачная морщинка залегла у нее меж бровей, и ветер ее настроения стал меняться что-то очень уж часто.

Грозные признаки надвигающейся бури проглядывали во всем: в небрежной прическе, в плотно сжатых губах, в выражении глаз, в резких и порывистых движениях.

Гуру-джи решил снова обратиться к пению гимнов и молитв. Он надеялся, что улетевающая пчелка, привлечен-

пая сладким ароматом, сама вернется в улей и будет спокойно сидеть там. Короткие зимние дни убежали один за другим, вспениваясь вином песен.

Но увы, Дамини не давала себя поймать. Гуру-джи предрек, усмехаясь: «Господь бог отправился на охоту. Лань умчалась, но это только делает охоту еще более увлекательной. Все равно в конце концов лань будет подстрелена».

Когда мы впервые познакомились с Дамини, она не появлялась открыто среди почитателей гуру, но тогда нас это нимало не беспокоило. А теперь мы ощущали ее отсутствие. Если ее не было в комнате, где мы сидели, мы просто не могли найти себе места. Гуру-джи приписывал поведение Дамини ее гордости; разумеется, его собственная гордость весьма страдала от этого. Что же касается меня... впрочем, обо мне говорить не стоит.

В один прекрасный день гуру отважился мягко попросить Дамини:

- Дамини, у тебя найдется время вечером? Тогда...
- Нет, — не дала ему даже закончить Дамини.
- Почему же, скажи?
- Я пойду к соседям помогать готовить сладости.
- Сладости? Зачем?
- В доме у Нонди будет свадьба.
- А тебе разве обязательно нужно...
- Да, я им обещала.

И Дамини вихрем умчалась из дому. При этой сцене присутствовал Шочиш. Он онемел. Столько уважаемых, достойных и богатых людей склоняло голову перед его гуру, а эта ничтожная девчонка — откуда у нее эта дерзость и уверенность в себе!

В другой раз Дамини вечером была дома. Гуру развивал перед нами какую-то чрезвычайно важную тему. Он не успел еще по-настоящему углубиться в свой предмет, как вдруг, обведя взглядом наши лица, понял, что мы его не слушаем, что наши мысли чем-то отвлечены. Оглянувшись, он увидел, что Дамини, которая сидела и пришивала пуговицы к рубашкам, куда-то исчезла. Понял он и то, что Дамини его не слушала, что она не хотела слушать его поучений. Он потерял нить своего повест-

вованя и замолчал. Немного погодя он встал, подошел к комнате Дамини и спросил через дверь:

— Дамини, что ты тут одна делаешь? Ты не придешь к нам?

— Нет, я занята.

Гуру заглянул в комнату и увидел там клетку. В клетке сидел коршун.

Дня два назад Дамини нашла коршуна, ударившегося о телеграфные провода. Она спасла его от стаи ворон и стала выхаживать.

Вслед за коршуном появился щенок. Не думайте, что он был породист и красив: это было воплощенное уродство. Достаточно было хлопнуть в ладоши, и он тут же задирает морду к небесам и начинал жалобно и протяжно выть. Счастье, что творец не слышал этих жалоб, ибо те, кто слышал, испытывали при этом жесточайшие муки.

Как-то днем, когда Дамини была на крыше дома и осматривала цветок в разбитом горшке, к ней подошел Шочиш.

— Почему ты перестала туда ходить? — обратился он к Дамини.

— Куда?

— К гуру-джи.

— А зачем? Разве вам это надо?

— Нам-то нет, а тебе надо.

Дамини вспыхнула:

— Вовсе нет! Нисколько!

Шочиш взглянул ей в лицо и, помолчав, проговорил:

— Знаешь, твоя душа беспокойна. Если ты хочешь покоя, так...

— Так этот покой дадите мне вы? Да ведь вы сами совсем обезумели, у вас у самих в душе бушует буря! Откуда у вас покой? Умоляю вас, пощадите меня! Когда-то у меня был покой, и я снова хочу обрести его!

— Ты видишь только волны, которые будоражат поверхность. Если бы у тебя хватило терпения заглянуть в настоящие глубины, ты нашла бы там покой.

Дамини с мольбой сложила руки и выкрикнула:

— О, умоляю вас, не тяните меня в эти глубины. Я успокоюсь, если вы оставите меня. Я мечтаю об этом!

Мне печасто представлялся случай близко сталкиваться с женщинами, и я не накопил достаточно опыта, чтобы легко проникать в тайны женского сердца. Я наблюдал женщин издали и сужу о них по поступкам.

Однако эти поверхностные наблюдения убеждают меня, что женщины обычно отдают свое сердце тем, кто готовит им в удел одни лишь страдания. Они дарят гирлянду своего предпочтения животным, которые затаптывают эту гирлянду в грязь изменных желаний. Или наоборот, делают своими избранниками мечтателей, обладающих столь утонченными чувствами, что им не под силу пести гирлянду любви. Делая свой выбор, женщины пренебрегают такими, как я — средними людьми, в которых сочетаются хорошие и дурные качества. Ведь мы, называя женщину женщиной, по крайней мере знаем, что она — не слепленная из глины игрушка и не певучая мелодия вины. Женщины отвергают нас потому, что в нас нет ни дерзкого безрассудства необузданной страсти, ни розовых иллюзий фантазии. Мы не можем сломить их силой своего чувства, не можем расплавить их жаром своего сердца и отлить в образ своей мечты. Мы видим их такими, каковы они на самом деле, поэтому они испытывают к нам чувство симпатии, но никогда не дарят нам своей любви. Мы — их верная опора, они знают, что могут рассчитывать на нашу преданность. Мы с такой готовностью приносим себя в жертву, что они обычно забывают цену нашему самопожертвованию. Поэтому единственная наша награда состоит в том, что, очутившись в трудном положении, они обращаются к нам за помощью. Кроме того, иногда нам удается даже заслужить их уважение...

Но довольно. Может быть, все эти слова вызваны чувством горечи, может быть, на самом деле все это обстоит и не так, может быть, мы приобретаем там, где ничего не надеемся получить. Во всяком случае, мы должны утешаться такими рассуждениями.

Дамини избегала гуру-джи, потому что ненавидела его. Дамини упорно пряталась от Шочиша, потому что испытывала к нему прямо противоположные чувства. Я был единственным человеком около нее, к которому она

не питала ни ненависти, ни любви. Поэтому Дамини часто болтала со мной о том о сем, рассказывала мне о всяких происшествиях у соседей. Эти беседы происходили обычно на крыше нашего дома. Усевшись в тени, Дамини крошила орехи для бетеля и оживленно болтала. Мне и в голову не приходило, что времяпрепровождение это — само по себе событие, казалось бы, весьма незначительное — может заставить Шочиша спуститься на землю с тех высот, где он витал. Возможно, эти разговоры наши и не были совсем уж незначительным событием, но мне-то было хорошо известно, что в мире, в котором жил Шочиш, вообще не существовало такого понятия, как «событие». Помыслы и поступки обитавших там небесных дев имели отношение к вечности, но никак не к земной истории. Ведь трудно же предположить, чтобы те, кто сидит на берегу Вечной Джамуны и прислушивается к звукам флейты, на которой неустанно играет легкий ветерок, могли видеть и слышать еще что-нибудь. Правда, с тех пор как мы вернулись из паломничества к пещере, глаза и уши Шочиша была закрыты гораздо менее плотно, чем прежде. Вполне возможно, что тут была доля и моей вины. Я стал пропускать собрания, на которых обсуждалась проблема достижения высшего блаженства. И это не укрылось от внимания Шочиша.

Как-то раз Шочиш решил выяснить причину моего отсутствия и появился как раз в ту минуту, когда я гонялся за ручицей мангустой Дамини. Я хотел напоить ее молоком, за которым специально ходил к молочнику. Никакой беды не произошло бы, если бы я отложил это занятие до окончания нашего собрания. Более того, предоставив мангусте самой заботиться о своем пропитании, я смог бы продемонстрировать одновременно верность двум важнейшим принципам нашей веры: любовь к богу и сострадание ко всем живым существам. Шочиш застал меня врасплох. Я поставил кувшин и хотел было улизнуть дорогой, которая вернула бы мне потерянное достоинство. Но меня совершенно озадачило поведение Дамини. Она нисколько не смутилась.

— Куда же вы, Сриблалаш-бабу? — воскликнула она.

Я почесал затылок и пробормотал:

— Я думал пойти...

— Да они уже кончили петь. Сядьте, посидите.

У меня даже уши запылали. Как она обращается со мной, да еще в присутствии Шочиша!

— С этой мангустой просто беда,—продолжала Дамини.— Вчера она забралась во двор к мусульманам и утащила курицу. Нельзя оставлять ее на свободе. Я просила Срибилаша-бабу купить большую корзину и посажу ее туда.

Дамини чуть ли не с гордостью рассказывала Шочишу о том, как Срибилаш-бабу послушно поит молоком ее мангусту, достает корзину и совершает другие тому подобные доблести. Я вспомнил, как гуру-джи, желая произвести на меня впечатление, велел Шочишу набить трубку. Тут было то же самое.

Шочиш ничего не сказал и быстрыми шагами вышел из комнаты. Я взглянул на Дамини. Она смотрела ему вслед. Глаза ее метали молнии, на губах застыла горькая усмешка. Какие мысли бродили в ее голове, знала лишь она одна. Как бы то ни было, с тех пор она под всевозможными предлогами стала постоянно приглашать меня к себе.

Раз днем она угощала меня сладостями собственного приготовления.

— Хорошо бы и Шочишу... — заикнулся я, но Дамини перебила:

— Если его позвать, он рассердится.

А Шочиш видел, как она меня угощает.

Мое положение было самым трудным. Два главных действующих лица этой драмы играли свои роли в гордом безмолвии. А все разговоры с ними и объяснения доставались мне — второстепенному персонажу. Я не раз проклинал за это судьбу. И все же не находил в себе сил уйти со сцены и отказаться от тех крох, которыми вознаграждались ежедневно мои старания. Моя роль оказалась нелегкой!

3

Уже несколько дней Шочиш с еще большим рвением, чем прежде, отбивал ладошами такт, плясал и пел гимны. Наконец он пришел ко мне и решительно заявил:

— Дамини больше нельзя жить с нами.

— Почему же?

— Нам необходимо порвать все без исключения связи с Природой.

— Если это необходимо, значит, в поисках истины мы идем по неправильному пути.

Шочиш взглянул на меня с изумлением.

Я пояснил:

— То, что ты называешь Природой, существует и не перестает существовать, как бы ты ни закрывал на это глаза. Поэтому, если ты будешь стремиться к истине, уверяя себя, что Природа не существует, ты только обманешь самого себя. Настанет день, когда этот самообман раскроется и ты окажешься в тупике.

— Все это умозрительные рассуждения! — воскликнул Шочиш. — Я говорю о том, что есть на самом деле. Ведь совершенно ясно, что женщины — тайные вестницы Природы. Они исполняют ее веления, прибегая ко всяческим уловкам, только бы увлечь пашу душу. Но они бессильны, пока не завладеют нашим разумом. Стало быть, мы должны по мере сил избегать этих посланниц, если хотим сохранить разум свободным.

Я хотел было возразить, но Шочиш не дал мне сказать ни слова.

— Брат Бисри, ты не видишь сетей обмана, расставленных Природой, поэтому ты в них и запутался. Тебя околдовала красота. Сейчас эта красота заслоняет тебе весь мир, ты зришь на нее сквозь розовые очки желания. Но придет время, и ты освободишься от этого желания. И раз уж эти сети расставлены так очевидно, к чему храбриться и рисковать быть пойманным?

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, — ответил я. — Но ведь не мы расстилали сеть, которая опутывает весь мир, и как спастись от нее, мы не знаем. Приходится в этом признаться. А раз так, я считаю, что мы постигнем истину лишь в том случае, если сможем освободиться от власти Природы, не убегая от нее. Мы же идем ложным путем, стремимся постичь не всю истину, а лишь ее часть, и запутываемся все больше и больше.

— Как же ты хочешь постичь истину? Скажи яснее, — попросил Шочиш.

— Нам следует направить лодку своей жизни по волнам мира. Мы не должны уклоняться от этого. Наша за-

дача не в том, чтобы потопить лодку, а в том, чтобы вывести ее. Для этого нужен руль.

— Ты и тебе подобные не почитаете гуру. Вам не понять, что он и есть наш руль. Вы хотите достичь истины своим путем. Все равно вам это не удастся.

Шочиш ушел в комнату гуру, уселся около него и принялся массировать ему ноги. В тот день, приготавливая для гуру трубку, Шочиш пожаловался ему на козны Природы.

Но одной трубки оказалось мало, чтобы прийти к какому-нибудь определенному решению. Долгие дни гуру упорно размышлял. Он много вытерпел от Дамини. А теперь, оказывается, эта девчонка вносит еще и смятение в ряды его верных почитателей. И никак не придумать, как от нее отделаться, потому что она завещана гуру вместе с домом и остальным имуществом. Все осложнялось тем, что гуру побаивался Дамини.

Шочиш удвоил, учетверил свое рвение. Однако, массируя ноги гуру, разжигая ему трубки, он ни на миг не мог забыть, что Природа поклялась, очевидно, воздвигнуть неодолимое препятствие на его пути к постижению истины.

В деревню, в храм Гобиндо-джи пришла группа известных странствующих певцов, исполнителей гимнов Кришне. Они устроили представление, которое должно было окончиться поздно ночью. Я поспешил уйти в самом начале, полагая, что в такой толпе никто не заметит моего отсутствия.

В тот вечер Дамини раскрыла передо мной свою душу. Она говорила так мило и просто о том, о чем люди часто не могут говорить, даже если им хочется, потому что слова застревают у них в горле. Она говорила так, словно сама впервые проникла в темные, неведомые закоулки своей души, словно ей удалось случайно оказаться наедине с собой.

Мы не заметили, как в комнату вошел Шочиш. Дамини плакала. Кажется, она не говорила ничего особенного, но ее слова лились из глубины души, затопленной слезами.

Представление еще не могло окончиться. Я понял, что-то важное заставило Шочиша прийти сюда. Увидев его неожиданно перед собой, Дамини вытерла глаза, встала и направилась в соседнюю комнату.

— Послушай, Дамини, я должен тебе кое-что сказать, — прерывающимся голосом проговорил Шочиш.

Дамини тихо села. Я собрался было уйти, но она так на меня посмотрела, что я и шевельнуться не посмел.

— Скажи мне, — нарушил молчание Шочиш, — ты пришла к гуру, движимая теми же чувствами, что и все мы?

— Нет, не теми, — ответила Дамини.

— Так зачем же ты находишься среди его почитателей?

Дамини сверкнула глазами:

— Зачем? Разве я живу здесь по своей воле? Да ведь это вы, почитатели гуру, держите в тюрьме благочестия меня, нечестивую, это вы заковали мои ноги в кандалы! Разве вы оставили мне выход из этой тюрьмы?

— Мы решили обеспечить твою жизнь, если ты поселишься у кого-нибудь из родственников.

— Вы решили?

— Да.

— А я не решила!

— Почему? Чем тебе это не нравится?

— Одному из вас придет в голову одно, другому другое, а я что, игрушка для вас?

Шочиш изумленно смотрел на Дамини.

Дамини снова заговорила:

— Я живу здесь с вами не по своему желанию, не потому, что мне нравится угождать вам. И я не уйду отсюда только потому, что вы пожелали от меня избавиться, что я оказалась вам неугодной.

Дамини зарыдала, прижала обеими руками к лицу край сари и бросилась вон из комнаты, хлопнув дверью.

В тот вечер Шочиш не пошел больше слушать божественные гимны. Он долго молча сидел на веранде. Южный ветерок нес к звездам плеск волн далекого моря, похожий на сдерживаемые рыдания земли. Я вышел из дома и отправился бродить по пустынным деревенским улицам.

Мир реальный решительно объявил войну иллюзорному миру идей, в котором гуру пытался удержать меня и Шочиша. Он наливал в сосуд аллегорий вино рассужде-

ний и долго поил нас этим вином. А теперь аллегории столкнулись с действительностью и грозили опрокинуть этот сосуд и разлить его содержимое. Гуру не мог не видеть признаков близкой катастрофы.

Поведение Шочиша стало странным. Подобно бумажному змею, сорвавшемуся с привязи, он тихо плыл, влекомый воздушным течением, но каждую минуту мог попасть в воздушный водоворот и начать стремительно падать на землю.

Шочиш как будто не охладел к чтению молитв, поклонению богам, религиозным рассуждениям, но, внимательно присмотревшись, можно было заметить, что почва у него под ногами начинает колебаться.

Что касается меня, то тут Дамини не оставила гуру никаких надежд. Как только она поняла, что мое отсутствие тревожит гуру и причиняет страдание Шочишу, она удвоила свои усилия. Увидев, что я, Шочиш и гуру сидим вместе и ведем беседу, Дамини подходила к дверям и звала:

— Сриблэш-бабу, выйдите на мипутку.

Она не говорила, зачем ей нужен Сриблэш-бабу. Гуру-джи смотрел на меня, Шочиш смотрел на меня, я колебался, поглядывал на дверь, потом вскакивал и торопливо выходил из комнаты. После моего ухода они старались продолжить беседу, но усилия их были напрасны, и они в конце концов расходились по своим комнатам. Все рушилось и распадалось, и ничего нельзя было поправить.

Мы с Шочишом были главными посетителями идей гуру, нас можно было сравнить с Айраватой и Уччайшравой. Гуру не мог так просто, без борьбы, лишиться нас. Он решил как-то уладить дело и пошел к Дамини:

— Мать Дамини, я собираюсь отправиться в далекое и трудное путешествие. Тебе придется уехать отсюда.

— Куда же я денусь?

— Ты поедешь к своей тетке.

— Я не могу.

— Отчего?

— Во-первых, она мне не родная тетка, во-вторых, зачем ей брать на себя такую обузу?

— Чтобы она не расходовалась на тебя, мы ей...

— Разве дело в деньгах? Она не обязана обо мне заботиться.

— Что ж, по-твоему, я так и буду всегда держать тебя при себе?

— Не я должна отвечать на этот вопрос.

— А куда ты денешься, если я умру?

— Ну, уж это не моя забота. Мне слишком часто давали понять, что у меня нет матери, нет отца, нет братьев, нет дома, нет денег, — ничего нет, вот почему так тяжело бремя забот обо мне. А вы добровольно взяли на себя это бремя, значит, вы не можете перекладывать его на плечи других. — Произнеся эту речь, Дамини удалилась.

Гуру-джи тяжело вздохнул и простонал:

— Мадхусудан!

Дамини попросила меня достать ей хорошую бенгальскую книжку. И разумеется, когда Дамини просила хорошую книжку, она имела в виду отнюдь не «Бхоктиротнакор». Она без зазрения совести давала мне поручения, быстро поняв, что мне доставляет удовольствие выполнять их. Есть сорта деревьев, которые лучше растут, если им подрезать ветки. Вот таким деревом я был для Дамини.

Я достал для нее книги ультрасовременного писателя, совершенно очевидно не столько поклонявшегося Ману, божественному прародителю человеческого рода, сколько людям, его сынам. Книги попали в руки гуру-джи. Он приподнял брови:

— Что это, Срибилаш? Для чего в доме такие книги?

Я не ответил.

Гуру-джи перелистал несколько страниц.

— Тут нет ни капли правдоподобия, — бросил он. И добавил, что писатель этот ему никогда не нравился.

— Если вы читаете ее внимательнее, так увидите, что книга правдива, — вспыхнул я.

В моей душе назревал протест. Мне надоел дурман рассуждений, я устал от него. Мне были отвратительны все эти бесконечные возвышенные разговоры о духовном мире человека и одновременно полнейшее безразличие к самому человеку.

Гуру-джи пристально посмотрел на меня.

— Ну что ж, действительно, кажется, придется почитать внимательнее, — сказал он и положил книги к себе

под подушку. Я понял, что он не собирается их отдавать.

Дамини наверняка подслушала наш разговор. Она подошла к двери и спросила:

— Я просила вас достать мне книги. Их еще нет?

Я молчал.

— Мать, такие книжки не для тебя, — сказал гуру-джи.

— Откуда вы знаете?

Гуру-джи нахмурился.

— Может быть, ты знаешь лучше меня?

— Я читала их раньше, а вы, наверно, нет.

— Тогда зачем тебе читать их еще раз?

— Если вы чего-нибудь хотите, вам никто не препятствует, а я, по-вашему, не могу иметь никаких желаний?

— Я ведь отшельник, ты знаешь это.

— А я не отшельница, вы это тоже знаете. Мне нравятся такие книги. Отдайте их.

Гуру-джи вытащил книги из-под подушки и швырнул мне. Я передал их Дамини.

Ковчилось тем, что книги, которые Дамини намеревалась читать одна, я стал читать ей вслух. Мы сидели на веранде, читали и рассуждали о прочитанном. Шочиш несколько раз проходил мимо, ему явно хотелось присоединиться, но так как его никто не приглашал, он не решался.

Раз нам попалось в книжке очень смешное место. Дамини весело хохотала и никак не могла успокоиться. Мы знали, что в тот день все отправилось в храм и Шочиш тоже пошел туда. Вдруг мы заметили, что дверь сзади нас открылась, вошел Шочиш и сел рядом с нами.

Дамини сразу же перестала смеяться; почувствовал неловкость и я. Я искал, что бы сказать Шочишу, но ничего не мог придумать и только молча перелистывал книгу. Шочиш встал и удалился так же внезапно, как и вошел. После его ухода чтение почему-то утратило для нас всякий интерес. По-моему, Шочиш не понимал, что я предпочел бы его сложные отношения с Дамини той простоте, которая установилась между мной и ею. Поэтому Шочиш злился на меня, а я на него.

В тот же день Шочиш явился к гуру-джи и сказал:

— Учитель, я хочу один пожить у моря. Вернусь через несколько недель.

— Очень хорошо! Ступай! — с энтузиазмом одобрил гуру-джи.

Шочиш отправился в путешествие. Дамини больше не звала меня читать книги; других дел ко мне у нее тоже не было. Не замечал я, чтобы она ходила поболтать и к соседкам. Она сидела дома, и дверь в ее комнату была затворена.

Прошло несколько дней. Однажды в полдень, когда гуру-джи спал, а я сидел на веранде и писал письмо, неожиданно вернулся Шочиш. Он даже и не взглянул в мою сторону, направился прямо к двери в комнату Дамини, постучал и позвал:

— Дамини! Дамини!

Дамини тотчас же открыла дверь и вышла к нему. Что за вид был у Шочиша! Он был похож на корабль, у которого жестокая буря сломала мачту, разодрала паруса. Его глаза блуждали, волосы были всклокочены, лицо измучено, одежда грязна.

— Дамини, я хотел, чтобы ты покинула нас. Я был неправ, прости меня, — произнес он.

Дамини умоляюще сложила ладони:

— Нет, нет, не говори так!

— Прости меня, — повторил он. — Я никогда больше не допущу чудовищной мысли, что мы можем тебя удерживать или отпускать, думая только о том, чтобы ничто не мешало нашему стремлению к истине. Но у меня есть к тебе просьба. Ты должна ее выполнить.

Дамини стремительно нагнулась и дотронулась до ног Шочиша.

— Приказывай мне.

— Присоединись к нам. Не отдаляйся от нас.

— Я присоединюсь. Я не буду больше грешить. — И она опять нагнулась и, коснувшись ног Шочиша, повторила: — Я не буду больше грешить.

5

Камень снова превратился в масло. Яркий свет, который излучала раньше Дамини, не то что померк, но он уже больше не слепил. Под лучами религиозного поклонения, почитания и служения пыльным цветом рас-

цвели цветы кротости. Когда мы собирались для молитвенных песнопений, когда гуру-джи беседовал с нами на религиозные темы, когда он толковал «Гиту» или «Бхагаватпурану», Дамини всегда была с нами. Она опять стала носить простые сари из туссорского шелка. И каждый раз, когда она появлялась среди дня, казалось, будто она только что совершила омовение.

Подчинение гуру было для нее самым тяжким испытанием. Когда она склонялась перед ним, я наблюдал в уголках ее глаз вспышки злых огоньков. Однако до сих пор она неукоснительно выполняла все его приказания. Гуру отважился даже как-то выразить ей свое недовольство тем самым ультрасовременным писателем, сочинения которого внушали ему такое отвращение. На следующий день он обнаружил на своей постели цветы, а под ними — разорванные страницы книг этого писателя.

Я много раз замечал, что особенно невыносимо для Дамини было наблюдать, как Шочиш прислуживает гуру-джи. Она спешила сама все сделать за Шочиша, но сй не всегда это удавалось. И если Шочиш разжигал трубку для гуру-джи, Дамини твердила про себя: «Я не буду грешить, я не буду грешить».

Ничего не вышло из того, что задумал Шочиш. Когда Дамини смирилась в первый раз, он увидел в этом лишь красоту смирения, но не заметил красоты Дамини. На этот раз красота Дамини затмила ему все — включая молитвенные песнопения и наставления в истине. Красоту Дамини нельзя было не замечать. Теперь Шочиш видел ее так ясно, что туман его собственных божественных размышлений поневоле рассеялся. Он уже не мог думать о Дамини как о некоем воплощении «вселенской» женщины. Теперь не Дамини пела песни, а песни пели о Дамини.

Мне остается добавить одну незначительную подробность: я оказался больше не нужен Дамини. У нее не находилось для меня никаких поручений. Что касается моих товарищей, то коршун издох, мангуста убежала, а щенка Дамини отдала, потому что он плохо себя вел и раздражал гуру-джи. Я остался без дела и без общества и поневоле опять присоединился к гуру-джи, хотя все его рассуждения и песнопения стали мне тягостны и отвратительны.

Как-то раз, когда Шочиш в открытом сосуде фантазии варил невероятный напиток из смеси античной философии, древней восточной мудрости и современной научной мысли с некоторым добавлением чувств и разума, к нам вбежала Дамини и закричала:

— Идите скорей!

Я поспешно вскочил:

— Что случилось?

— Говорят, жена Нобина отравилась.

Нобин приходился родственником одному из учеников нашего гуру-джи, он жил рядом с нами и участвовал в наших песнопениях. Когда мы прибежали, его жена была уже мертва. Нам рассказали, что жена Нобина взяла к себе сироту-сестру. Они принадлежали к кулинам, поэтому трудно было найти ей подходящего жениха. Но девушка была красива, и жениться на ней выразил желание младший брат Нобина, который учился в колледже в Калькутте. Свадьба должна была состояться после того, как он сдаст экзамены. Тем временем жена Нобина обнаружила, что ее муж соблазнил девушку. Она предложила мужу жениться на несчастной. Долго уговаривать его не пришлось, он охотно дал согласие. После их свадьбы жена Нобина покончила с собой, приняв яд.

Сделать ничего было нельзя. Мы вернулись. У гуру-джи собрались его ученики, они пели гимны; гуру-джи в экстазе плясал.

В тот вечер рано взошла луна. Дамини молча сидела на крыше дома, там, где свет луны играл с тенью деревьев. Шочиш медленно ходил взад и вперед. Я, одержимый страстью писать дневник, сидел один у себя в комнате.

Кукушке в эту ночь тоже не спалось. Южный ветер шевелил листья деревьев, и они о чем-то шептались под лившимся на них светом луны. Что-то вдруг словно подтолкнуло Шочиша, он подошел к Дамини и остановился за ее спиной. Дамини вздрогнула, накинула на голову край сари и поднялась.

— Дамини, — окликнул Шочиш.

Дамини замерла. Сложив ладони, она сказала:

— Учитель, выслушай меня.

Шочиш молча смотрел на нее.

— Объясни мне, какая польза миру от того, чем вы занимаетесь днем и ночью? Разве вы можете спасти кого-нибудь? — спросила она.

Я вышел на крышу.

— Вы днем и ночью рассуждаете о чувстве и больше ни о чем, — продолжала Дамини. — Теперь вы увидели, что это такое. Для него нет ни заповедей религии, ни законов кармы; для него не существует ни брата, ни жены; оно не признает ни чести, ни совести; оно не знает ни сострадания, ни доверия, оно не боится ни стыда, ни позора. Какое средство открыли вы, чтобы спасти человека из ада бесстыдных, жестоких, губительных страстей?

Я не мог удержаться:

— О, мы открыли прекрасное средство: чтобы в безопасности исследовать чувство, необходимо изгнать из наших рядов женщину.

Дамини не обратила внимания на мои слова. Она продолжала, обращаясь к Шочишу:

— Ваш гуру ничему меня не научил. Он не мог и на мгновение уснокоить мою тревожную душу. Огня не погасить огнем. На том пути, по которому он вас ведет, вы не встретите ни твердости, ни мужества, ни покоя. Эта женщина умерла потому, что демон страсти истерзал ее несчастное сердце и убил ее. Разве вы не видели отталкивающего лица убийцы? О учитель, я молю тебя, не приноси меня в жертву этому демону. Спаси меня! Если кто-нибудь меня может спасти, то это только ты.

Мы трое долго молчали. Стояла такая тишина, что казалось, будто от звона цикад вибрирует серебристый купол неба.

Наконец Шочиш нарушил молчание:

— Скажи, что я могу для тебя сделать.

— Будь ты моим гуру, — отозвалась Дамини. — Я не признаю никого другого. Дай мне такую веру, которая была бы превыше всего, которая спасла бы меня, которая не дала бы погибнуть тому божеству, что живет во мне.

Шочиш выпрямился.

— Пусть будет так, — сказал он.

Дамини распростерлась у его ног и коснулась земли лбом. Она долго лежала так, шепча:

— Ты мой гуру, ты мой гуру. Спаси меня от греха, спаси, спаси!

Э П И Л О Г

Прошел слух, что Шочиш снова стал отступником. Ураган брани опять забушевал в газетах. Когда-то Шочиш провозгласил, что не признает каст и отрицает религию; затем он с не меньшей горячностью объявил, что признает всех богов и богинь, все омовения и жертвоприношения, все обряды и ритуалы. Но вот пришел день, — и он отказался от всяких обрядов и преспокойно отошел в сторону. Теперь уж никто не мог бы сказать с уверенностью, чему он поклоняется и поклоняется ли вообще чему-нибудь. Ясно было одно: он снова принялся за добрые дела, но уже далеко без прежнего задора.

Произошло еще одно событие, которое вызвало новые издевательства и брань со стороны газет. Я женился на Дамини. Тайна этого брака вряд ли будет когда-нибудь разгадана. Да и к чему ее разгадывать.

С Р И Б Л А Н

1

Когда-то здесь была фабрика по производству индиго. Она совсем разрушилась, сохранились лишь отдельные строения. Я попал в эти края, возвращаясь домой после того, как предал сожжению тело Дамини. Мне понравилось это заброшенное место, и я решил остаться здесь на несколько дней.

Аллея из деревьев ашоки вела от фабрики к реке. Раньше тут был сад, а теперь остались лишь два столба от ворот да кусочек разрушенной ограды. В уголке у стены сохранилась могила какого-то мусульманина, служившего на фабрике. На могиле вырос густой куст волькамедии и дерево аканд. Их ветки, усыпанные цветами, раскачивались от южного ветерка и, казалось, весело смеялись над смертью — словно юная свояченица над смущенными повобрачными. Берега пруда обвалились, вода высохла, на дне его крестьяне меж корней кориандра посеяли вику. Когда я сижу по утрам на груде кирпичных обломков в тени дерева ашоки, аромат цветущего кориандра одурманивает меня.

Я сижу и размышляю о том, что эта фабрика, остов которой возвышается сейчас, словно скелет животного, когда-то была полна жизни. От нее расходились волны радости и горя, и люди, наверно, думали, что эти волны будут бежать вечно. Разве могу я, ничтожный бенгалец,

сравниться с тем грозным сахибом, который жил здесь и превращал в голубую индиговую краску кровь тысяч бедняков крестьян? А природа, подобрав, чтобы не мешались, свои зеленые одежды, легко превратила в прах даже этого сахиба с его индиговой фабрикой. Достаточно двух-трех взмахов руки, и земля окончательно очистится от следов его пребывания.

Это старая истина, и я не собираюсь повторять ее вновь. Неужели, думал я, заря сменяется зарей лишь для того, чтобы время не стояло на месте? Сахиб вместе с ужасами своей фабрики исчез с лица земли, как пылинка. Но неужели то же самое произошло с моей Дамини?

Я знаю, никто со мной не согласится. Философия Шанкарачарьи держит всех в своей власти. «Весь этот мир — иллюзия», — учил Шапкарачарья. Он был саньяси, и, вопрошая: «Кто твоя жена, кто твой сын?» — сам не понимал смысла того, о чем спрашивал. Но я не саньяси, поэтому я твердо знаю, что Дамини не была росинкой на листе лотоса.

Все же я слышал, что грихастхи — главы семейств — рассуждают именно так. Пусть! Они — всего лишь главы семейств и теряют всего лишь хозяйку дома. Для них дом — иллюзия, иллюзия и хозяйка дома. Все это вздор, пустяки и может быть выметено, как мусор.

У меня не было времени, чтобы стать главой семьи, и по своему характеру я вовсе не был склонен превратиться в саньяси. Это спасло меня. Та, которую я завоевал, не превратилась ни в хозяйку дома, ни в иллюзию. Она осталась тем, чем была — моей Дамини. Кто посмеет назвать ее тенью?

Если бы я знал Дамини всего лишь как хозяйку дома, мне не о чем было бы писать. Но она была для меня гораздо большим и реальным, поэтому я напишу о ней всю правду, без утайки, — и пусть люди думают все, что им взбредет в голову.

Если бы мы с Дамини жили так, как живут все в мире иллюзий — занимаясь хозяйством, совершая омовения, пожевывая бетель после еды, — тогда после ее смерти я, наверное, испустил бы тяжкий вздох и пробормотал: «Этот мир так изменчив!» — а потом внял бы добрым советам какой-нибудь тетушки и женился снова, чтобы еще раз

убедиться в изменчивости мира. Но я вошел в свою семейную жизнь вовсе не так легко, как нога входит в старую туфлю. Я с самого начала оставил надежды на счастье. Нет, это не совсем так, я не настолько лишен человеческих чувств, чтобы не думать о счастье. Я мечтал о счастье, но не считал себя вправе требовать его.

Почему? Да потому, что это я уговорил Дамини выйти за меня замуж. Не под покрывалом из красного шелка и не под звуки свадебных мелодий обменялись мы «благоприятным взглядом». Это произошло при свете дня, открыто и без завесы тайны.

Когда мы расстались с Лиланондо-свами, нам пришлось подумать о средствах к существованию. До сих пор, куда бы мы ни попадали, мы питались тем, что подносили гуру его почитатели, и чаще страдали от несварения желудка, чем от недоедания. Мы совершенно забыли о том, что людям приходится строить себе дома, тратиться на их содержание или, по крайней мере, снимать себе жилище. Мы знали только: дома существуют, чтобы в них жить. Мы не задумывались над тем, где преклонит свою голову хозяин дома, в котором мы остановились, наоборот, хозяину самому приходилось ломать голову над тем, как разместить нас поудобнее.

И вдруг мы вспомнили, что дядя завещал Шочишу свою половину дома. Если бы завещание оставалось в руках Шочиша, то этот бумажный кораблик давно утонул бы в волнах потока рассуждений о путях к наивысшему блаженству. Но оно хранилось у меня. Я был душеприказчиком. Я должен был позаботиться о том, чтобы были выполнены условия, которые в нем содержались. Главных условий было три: во-первых, в доме запрещалось совершать какие бы то ни было религиозные обряды; во-вторых, в нижнем этаже дома надлежало открыть вечернюю школу для детей кожевников; в-третьих, после смерти Шочиша дом передавался в собственность этой школы. Больше всего на свете дядя ненавидел набожность, он считал ее даже худшим пороком, чем корыстолюбие. Эти оговорки в завещании, которые дядя называл по-английски «гигиенической профилактикой», должны были разрядить атмосферу чрезвычайной набожности, царившей в смежной половине дома у отца Шочиша,

— Собирайся, — сказал я Шочишу, — поедем в Балькутту, в твой дом.

— Я еще не готов к этому, — ответил Шочиш.

Я не понял его.

Он объяснил:

— Было время, когда я опирался на разум. Потом я понял, что при помощи одного только разума нельзя справиться со всем тем страшным и трудным, что несет с собой жизнь. Я стал искать поддержки в чувстве, но тут предо мной открылась бездонная пропасть. Тогда я попытался опереться и на свой разум, и на свое чувство одновременно. Но быстро понял, что человеку никогда не найти опоры в самом себе. Я не могу вернуться в город, пока не решу этого вопроса.

— Что же теперь делать?

— Вы вдвоем поезжайте в Калькутту. А я буду странствовать один. Кажется, я различаю впереди берег. Если я потеряю его сейчас, то уж больше никогда не найду.

Когда мы остались вдвоем с Дамини, она сказала мне:

— Этого нельзя допустить. Кто же позаботится о нем, пока он будет скитаться один? Мне делается страшно, когда я вспоминаю, в каком виде он вернулся из своих странствий в последний раз.

Сказать ли правду? Волнение Дамини ужалило меня, как злая оса, я был возмущен до глубины души. После смерти дяди Шочиш пропадал почти два года, ведь не погиб же он! Я не удержался и раздраженно напомнил ей об этом.

— Сриблалаш-бабу, я знаю, человек не так легко погибает, но зачем же ему страдать, если есть мы! — воскликнула Дамини.

«Мы!» Половину в этом множественном числе составлял несчастный Сриблалаш. На земле одни люди должны страдать, чтобы избавлять от страданий других. Весь человеческий род делится на две таких категории. Дамини поняла, к какой принадлежу я. Ну что ж, хорошо хоть, что она и себя причислила к той же категории.

Я пошел к Шочишу и сказал ему:

— Ладно, в город сейчас не поедем. Поживем немного в этой старой хижине у реки. Говорят, в ней обитают привидения, значит, нам не будут надоедать люди.

— А что будете делать вы?

— Мы тоже постараемся быть незаметными, как привидения.

Шочиш взглянул на Дамини. Мне почудился страх в его взоре.

Дамини умоляюще сложила руки:

— Ты мой гуру. Пусть я грешница, но позволь мне служить тебе.

2

Должен сознаться, мне была непонятна одержимость Шочиша в его исканиях истины. В другое время я поднял бы его на смех, но сейчас я не мог смеяться. Я понял, что это уже не минутная вспышка, а настоящее пламя. Когда я увидел, с какой силой бушует пламя, охватившее Шочиша, я забыл все уроки его дяди Джогомохона, и доводы, которые я мог бы привести сам, застыли у меня на губах. Что толку спорить с Гербертом Спенсером о том, что источником этого пламени явился призрак, а причиной затухания будет слепая случайность? Было ясно одно: страшный огонь полыхает в душе Шочиша и сжигает его.

До сих пор, прислуживая гуру, танцуя, распевая, проливая слезы, он не знал покоя ни днем, ни ночью, физическое утомление не оставляло места посторонним мыслям. Теперь же он сидел без дела и не мог справиться со своими думами. Теперь он не погружался на дно океана чувств, он боролся за то, чтобы удержаться на поверхности. Внутренняя борьба отражалась на его лице, и смотреть на него было страшно.

Наконец я не выдержал и заговорил с ним:

— Послушай, Шочиш, по-моему, тебе нужен гуру, с его помощью ты бы легче достиг истины.

— Замолчи, Бисри, замолчи! — раздраженно выкрикнул Шочиш. — Разве мне нужно то, что легко! Ложь всегда легка, трудна истина.

— Но для того, чтобы указать путь к истине... — робко возразил я, но Шочиш нетерпеливо перебил:

— Ох! Это ведь не урок географии! Истина придет ко мне только тем путем, который найду я сам, а путь гуру приведет меня всего лишь к воротам гуру.

Сколько раз мне приходилось слышать от Шочиша прямо противоположные утверждения. Я, Срибилаш, был преданным учеником дяди Шочиша, но я ни разу не осмелился назвать его «гуру», ведь дядя за это побил бы меня палкой! И я же, Срибилаш, следуя примеру Шочиша, массируя ноги Лиланондо-свами и называя его «гуру»! Прошло совсем немного времени — и теперь Шочиш читает мне такие проповеди! Но мне было не до смеха, я призадумался.

— Теперь я понял, — продолжал развивать свою мысль Шочиш, — что означает санскритское изречение: «Лучше умереть в своей вере, чем принять веру чужую». Все можно принять из чужих рук, кроме веры. Вера, полученная из чужих рук, убивает, но не спасает. Я не смогу поклоняться богу, которого получил из чужих рук, как милостыню. Если мне суждено его обрести, я сам должен найти путь к нему, а если нет — «лучше умереть».

Я спорщик и не так легко сдаюсь, поэтому я выдвинул новый аргумент:

— Только поэт находит стихи в своей душе. А тот, кто лишен поэтического дара, внимает стихам других!

— Я поэт, — не моргнув глазом, ответил Шочиш.

С меня довольно! Я повернулся и ушел.

Шочиш не ел, не спал, казалось, он не отдавал себе даже отчета, где находится в данный момент. Он худел с каждым днем, тело его стало похоже на тонкое лезвие ножа. Казалось, еще немного, и он не выдержит. Но я не осмеливался его уговаривать. Только Дамини никак не могла успокоиться. Она была рассержена на бога: если бог так милостив к тем, кто в него не верит, так почему же он мучает того, кто ему поклоняется? Дамини умела дать почувствовать Лиланондо-свами свое недовольство, но она не знала, как донести свой гнев до бога.

Все же она не переставала заботиться о том, чтобы Шочиш вовремя ел, вовремя совершал омовения. Она прибегала к бесчисленным уловкам, стремясь подчинить порядку жизнь этого выбитого из колеи человека.

Долгое время Шочиш терпел и не оказывал явного сопротивления. Но однажды он перешел вброд реку, пе-

ресек песчаную отмель на том берегу и исчез из вида. Солнце достигло зенита и стало клониться к западу. Шочиш не возвращался. Дамини ждала его, не прикасаясь к еде. В конце концов она не выдержала, взяла блюдо с едой, перешла реку и добралась до отмели.

Кругом царило безмолвие, не видно было ни души. Солнце нещадно палило, песок обжигал. Песчаные гряды возвышались, словно выстроенные рядами стражи пустыни. Дамини остановилась среди этого унылого бескрайнего простора, где не услышишь ни отзвука, ни отклика, и почувствовала, как сердце ее холодеет. Казалось, будто мир стерт с лица земли и перед ней простерлась голая первородность. У ног Дамини лежало отрицание. В нем не было ни звука, ни движения, ни алых пятен крови, ни зелени растений, ни голубизны неба, ни коричневатых красок земли. Оно было как ухмылка раскаленного черепа; как высунутый к безжалостно палящему небу высохший от жажды, распухший язык.

Дамини смотрела по сторонам, не зная, куда направиться, как вдруг увидела на песке отпечатки ног. Следы привели ее к озеру. На влажном прибрежном песке виднелись следы множества птиц. У озера сидел Шочиш, прячась в тени песчаной дюны. Вода в озере была синяя-синяя. По берегу сутились бекасы, трясли хвостами и взмахивали черно-белыми крыльями. В стороне от них галдели дикне утки и без конца чистили себе перышки. Как только Дамини поднялась на гребень песчаной дюны, они закричали еще громче, захлопали крыльями и поднялись в воздух.

Увидев Дамини, Шочиш вскочил.

— Зачем ты пришла сюда?

— Принесла поесть.

— Я не буду.

— Да ведь поздно уж.

— Не буду, — буркнул Шочиш.

— Ну, я посижу. Ты немного погодя...

Шочиш взорвался:

— Ах, зачем ты меня... — но, взглянув на Дамини, он осекся. Дамини молча взяла блюдо и пошла назад. Кругом сверкал голый песок, словно зрачки тигра в ночи.

Дамини чаще метала молнии, чем проливала слезы.

Но в тот день я застал ее сидящей на полу; глаза ее были полны слез. Когда она увидела меня, слезы потекли еще сильнее, будто в душе ее прорвалась плотина.

Сердце мое сжалось. Я сел рядом.

Когда она немного успокоилась, я заговорил:

— Почему ты так беспокоишься о здоровье Шочиша?

— О чем же мне еще беспокоиться? Его тяготят другие заботы. Разве я в них что-нибудь понимаю? Разве я могу ему там помочь?

— Знаешь, когда человек одержим какой-то идеей, его физические потребности сами собой сокращаются. Испытывая большое горе или большую радость, он не ощущает ни голода, ни жажды. Сейчас Шочиш в таком состоянии, что с ним ничего не случится, даже если не обращать внимания на его физические потребности.

— Но ведь я женщина! Наше предназначение — давать жизнь, пусть даже ценой собственной жизни. В этом подвиг и слава женщины. Когда мы видим, как страдает тело, наша душа истекает слезами.

— Вот поэтому-то те, которые духом побеждают тело, вас и не замечают.

— Как это не замечают! — возмутилась Дамини. — Они прекрасно видят нас, но в ином свете!

«Как вас, женщины, привлекает этот «иной свет»? — подумал я. — О Срибилаш, соверши такие подвиги, чтобы в новом рождении оказаться среди тех, кто видит все в «ином свете!»»

3

Шочиш не мог забыть страдания, отразившегося в глазах Дамини, когда он нанес ей там, на берегу озера, тяжелую обиду. Вот уже несколько дней, как он усердно старался искупить свою вину. Давно уже он не вел с нами разговоров, а теперь снова стал звать Дамини и беседовать с ней. Темой этих бесед были его философские размышления.

Но Дамини была гораздо больше обеспокоена неожиданным вниманием Шочиша, чем его прежним безразличием. Она знала, что так долго не протянется, что расплата будет тяжелой. Как только Шочиш подведет итог своему

теперешнему поведению, он увидит, что расход намного превышает доход, и крах тогда станет неизбежен. Шочиш, как послушный ребенок, вовремя ел, вовремя совершал омовения, и от этого беспокойство и смущение Дамини все возрастали. Кажется, она почувствовала бы облегчение, если бы Шочиш восстал. Дамини мысленно зывала к Шочишу: «Ты прогнал меня в тот день и хорошо сделал. Ты внимателен ко мне потому, что хочешь наказать себя. Мне тяжело это», и добавляла, обращаясь к себе: «Прочь горе и заботы! Мне опять надо подружиться с соседками и ходить к ним в гости!»

И вот однажды ночью нас разбудил крик:

— Бисри! Дамини!

Шочиш не подумал о том, что было уже около двух часов ночи. Чем он занимался по ночам, неизвестно. Во всяком случае, своими поступками он разогнал все привидения из этого заколдованного дома.

Мы проснулись и в страхе выбежали во двор. Шочиш стоял в темноте на утрамбованной площадке перед домом.

— Я все понял! — закричал он. — У меня не осталось и тени сомнения!

Дамини опустилась на площадку. Рядом с нею рассеянно уселся Шочиш. Я тоже сел.

— Если я пойду с *ним* в одном направлении, то буду только удаляться от *него*. А если двинусь в обратную сторону, то соединюсь с *ним*, — поведал нам Шочиш.

Я молча смотрел в его горящие глаза. То, что он говорил, было неоспоримо с точки зрения геометрии, но все-таки, что же это могло означать?

— Он любит форму, — говорил далее Шочиш, — поэтому он снисходит к ней. Мы не можем жить одной формой, поэтому вынуждены стремиться к тому, что не имеет формы. Он свободен — и потому забавляется оковами, а мы связаны — и потому находим радость в освобождении. Мы не понимаем этого, и отсюда все наши несчастья.

Мы хранили молчание, как звезды на небе. И Шочиш заговорил опять:

— Дамини, ты не понимаешь? Певец идет от вдохновения к мелодии, а слушатели от мелодии приходят к вдохновению. Один человек идет от свободы к

оковам, а другой из оков приходит к свободе. Только так они и встречаются: певец, с одной стороны, и слушатели — с другой. Он кует оковы, когда поет, а мы, слушая его, освобождаемся от них.

Не знаю, поняла ли Дамини речи Шочиша, но его самого она поняла. Она сидела молча, сложив руки на коленях.

А Шочиш все говорил:

— До сих пор я сидел в темноте, в углу, молчал и слушал песнь этого божественного певца. И вдруг все понял. Я не мог удержаться и позвал вас. Я все время старался создать его по своему подобию и только обманывал себя. О всевышний — тот, кто разбивает наши оковы, я растворю себя в тебе, растворю навеки! Оковы не для меня, я не смогу жить в оковах. Они в твоих руках, поэтому ты никогда не сможешь порвать узы, соединяющие тебя с твоим творением. Оставайся во мне, в моей плоти, и дай мне раствориться в твоей бесплотности! О ты, не имеющий ни начала, ни конца, я нашел тебя, ты мой, ты мой... — речь Шочиша перешла в бормотание, он встал и пошел в темноте к реке.

4

Начиная с той ночи Шочиш опять стал вести прежний образ жизни: опять не вовремя ел, не вовремя совершал омовения. Я не мог определить, когда волны его души вздымались к свету, а когда опрокидывались во тьму. Да поможет бог тому, кто возьмет на себя задачу следить за тем, чтобы такой человек вел себя, как послушный ребенок.

Ночью после тягостно удушливого дня разразилась сильная буря. Каждый из нас спал в своей комнате. На веранде, расположенной перед нашими комнатами, всегда горела керосиновая лампа. Порыв ветра погасил ее. Река забурилась, небо разверзлось, и полил дождь. Внизу с шумом разбивались волны реки, сверху грохотал дождь, казалось, они вместе аккомпанировали танцу гибели мира. Казалось, кто-то бродит в кромешной тьме, испуская пронзительные крики, от которых, точно слепой ребенок, в страхе цепенеет небо. Из зарослей бамбука

доносились вопли, словно там рыдала овдовевшая нечистая сила. В саду скрипели и трещали ветки манговых деревьев. Река с шипеньем и грохотом билась о берег. Наш ветхий домишко стонал, как живое существо, когда острый пож ветра вонзался под его ребра.

В такие ночи срываются с петель двери человеческой души, внутрь врывается буря, расшвыривает аккуратно расставленные приличия и условности, срывает покровы и обнажает неведомые до того чувства.

Я не спал. Я ворочался на постели, меня одолевали мысли, какие — здесь не стоит писать, они не относятся к этому рассказу.

Вдруг я услышал голос Шочиша:

— Кто там?

— Это я — Дамини. Твое окно распахнулось, в комнату льет дождь. Я закрываю окно.

Она увидела, что Шочиш встал с постели. Мгновение он колебался, потом бросился вон из комнаты. Сверкнула молния, вдали прогрехотал гром.

Дамини долго сидела на пороге своей комнаты. Шочиш не возвращался. Ярость бури усиливалась с каждой минутой.

Дамини не могла больше ждать. Она вышла из дома. Ветер сбивал с ног. Ей казалось, что эта небесная стража обрушилась на нее с бранью и побоями. Мрак точно ожил. Дождь выскивал каждую щелочку, каждое отверстие в небосводе и потоками низвергался на землю. Дамини почувствовала бы облегчение, если бы весь мир мог потонуть в этом потоке слез.

Внезапно удар молнии расколол небо от края и до края. В ослепительной вспышке Дамини увидела Шочиша. Он стоял на берегу реки. Дамини, собрав последние силы, кинулась к нему и упала у его ног. Она крикнула, заглушая вой ветра:

— У твоих ног я клянусь — я не виновата! За что ты меня так караешь?

Шочиш безмолвствовал.

— Если хочешь, бей меня, столкни в воду, но вернись! — заклинала Дамини.

Шочиш повернул к дому. Только войдя в дом, он разжал губы.

— Тот, кого я ищу, мне необходим. Больше мне ничего не нужно. Оставь меня, Дамини, умоляю тебя.

Дамини стояла и молчала. Потом она произнесла:

— Хорошо, я уйду.

5

Все это Дамини рассказала мне много позже. Тогда еще я не знал, что произошло между ними. Поэтому, когда я увидел, как они поднялись на веранду и разошлись по своим комнатам, тоска и отчаяние тяжким грузом легли мне на грудь и сдавили горло. Всю ночь я метался от боли и не мог уснуть.

Что за вид был на следующее утро у Дамини! Можно было подумать, что ночная буря вовлекла ее в свой неистовый танец и вымотала из нее последние силы. Я не знал, что произошло, и испытывал страшнейшее раздражение против Шочиша.

— Сриблаш-бабу, отвези меня в Калькутту, — попросила вдруг Дамини.

Я знал, как трудно было ей произнести эти слова, поэтому не стал ее ни о чем расспрашивать. Моя боль немного утихла. Дамини была права — ей лучше уехать. Лодка разбивается, ударившись о скалы.

Перед отъездом Дамини склонилась к ногам Шочиша.

— Я провинилась перед тобой. Прости меня.

И Шочиш, не подымая на нее глаз, ответил:

— Я тоже виноват. Сначала мне надо самому очиститься от грехов. Только тогда я смогу прощать других.

Уже по дороге в Калькутту я понял, какой беспощадный разрушительный огонь бушует в сердце Дамини. Этот огонь опалил и меня, и я не мог удержаться, чтобы не бросить несколько горьких слов в адрес Шочиша.

— Знаешь что, — вскипела Дамини, — никогда не отзывайся о нем так при мне: ты не знаешь, от чего он меня спас. Ты видишь только мое горе, но забываешь о том, что он сам много страдал, спасая меня. Гнусность хотела посрамить красоту, и за это она наказана. Ну и хорошо, и хорошо, очень хорошо! — И Дамини стала бить себя кулаком в грудь. Я удержал ее руку.

В Калькутте я отвез Дамини к ее тетке, а сам отправился в пансион, где жил раньше. Друзья были поражены, увидев меня.

— Что с тобой? Ты болен? — допрашивали они.

На следующий день с первой почтой я получил письмо от Дамини. Она писала: «Забери меня. Здесь для меня нет места».

Тетка не захотела держать у себя Дамини. Сплетни о нас уже ходили по городу. Вскоре после того, как мы ушли от Лиланондо-свами, появились празднично-ликующие номера еженедельных журналов: жертвенный алтарь был готов, и кровь должна была пролиться. Шастры запрещают приносить в жертву самок животных, что же касается жертв человеческих, то в наши дни принесение в жертву женщины доставляет людям самое большое наслаждение. В газетах имя Дамини не упоминалось, но очень ловко давалось понять, что позор ложится на ее голову. Вот потому-то в доме тетки не нашлось для нее места.

К этому времени отец и мать Дамини уже умерли, но я знал, что кое-кто из братьев жив. Я спросил Дамини, не отвезти ли ее к ним, но она покачала головой:

— Они очень бедные.

На самом деле Дамини не хотела подвергать их испытанию. Она боялась, что братья тоже скажут: «У нас нет места для тебя». Этого она бы не вынесла.

— Так куда же ты поедешь? — спросил я.

— К Лиланондо-свами.

К Лиланондо-свами! Я не находил, что сказать. Как ужасна игра судьбы!

— Да разве свами-джи тебя примет? — наконец вымолвил я.

— В восторге будет.

Дамини знала людей. Создатели сект гораздо больше радуются каждому новому последователю, чем постижению истины. Уж у Лиланондо-свами для Дамини наверняка найдется место. Только...

В этот критический момент я отважился:

— Дамини, есть еще один выход. Если ты обещаешь, что не рассердишься на меня, я скажу.

— Говори, я слушаю.

— Если бы ты сочла возможным выйти замуж за такого человека, как я...

Но Дамини остановила меня.

— Что ты говоришь, Срибилаш-бабу! Ты обезумел!

— А хотя бы и так! Ведь безумные с легкостью решают самые трудные вопросы! Безумие — это как волшебные туфли в арабских сказках: надев их, можно подняться над тысячами мелочей жизни.

— Мелочей жизни? Что ты считаешь мелочами жизни?

— Например, то, что скажут люди, что случится в будущем, и тому подобное.

— А что ты считаешь важным?

— А ты что считаешь важным? — спросил я вместо ответа.

— Например, в каком положении очутишься ты, если женишься на мне?

— Ну, если это, по-твоему, важно, то тут и говорить не о чем — хуже, чем сейчас, мое положение быть не может. Я был бы счастлив, если бы мог изменить его полностью: мне станет легче, если я смогу изменить его хотя бы чуть-чуть.

Я не верю, чтобы Дамини могла не чувствовать интуитивно состояния моей души. Но до сих пор для нее это было неважно, во всяком случае, ей не надо было откликаться на мои чувства. А сейчас она должна была дать ответ.

Дамини молчала и думала.

Я нарушил молчание:

— Дамини, я принадлежу к числу самых заурядных людей на свете, более того, я — самый ничтожный из них. Поэтому не надо ломать себе голову: если хочешь, выходи за меня замуж, не хочешь — не выходи.

На глаза Дамини набежали слезы.

— Если бы ты был заурядным человеком, я бы не колебалась ни минуты.

И она снова погрузилась в свои думы. Наконец она проговорила:

— Ведь ты знаешь меня.

— Ты меня тоже знаешь, — отозвался я.

Так мы объяснились. Самые ценные слова те, которые остаются невысказанными.

Раньше я уже говорил о том, что некогда покорил своим английским красноречием многие умы. Но те времена были уже в прошлом, и большинство людей успело освободиться от моих чар. Только Норен продолжал внимать мне, как божественному откровению. Один из его домов оказался свободным, и мы там поселились.

С самого начала мое предложение упало в бездну молчания, и я думал, что потребуется немало уговоров и объяснений, прежде чем оно выберется на берег «да» или на берег «нет». Но разум создан, очевидно, для того, чтобы издеваться над логикой. С пробуждением весны радостная улыбка всевышнего начала освещать изредка наше жилище.

До сих пор у Дамини не было времени разглядеть, что я собой представляю, наверно, потому, что ее ослеплял свет, лившийся с другой стороны. Теперь ее мир сузился и сосредоточился на мне одном. Ей ничего не оставалось, как смотреть на меня широко раскрытыми глазами. Мне повезло, что Дамини впервые рассмотрела меня именно в это время.

В прошлом мы с Дамини немало побродили вместе по берегам рек и озер, оглашая воздух страстными напевами и ритмичными ударами кимвал и мридангов. «У ног твоих мое сердце попало в сети любви», — пели мы тогда. Из искр этой песни разгорелось новое пламя. Но завеса, разделявшая нас, не сгорела.

Какое же чудо произошло на незаметной улочке в Калькутте? Скученные домишки расцвели, словно райское дерево. Творец явил нам свою щедрость. В кирпичных коробках зазвучали божественные мелодии. Он дотронулся до меня волшебным камнем и вдруг сделал меня прекрасным.

Преграда, разделяющая людей, делает расстояние между ними непреодолимым. Но стоит преграде рухнуть — и расстояния как не бывало. В одно мгновение мы с Дамини оказались рядом.

— Я была как во сне, — призналась Дамини, — нужен был толчок, чтобы меня разбудить. Между тобой, каким я знала тебя раньше, и тобой, каким я вижу тебя теперь, лежит пелена непроницаемого тумана. Я бесконечно благодарна моему гуру за то, что он рассеял этот туман.

— Дамини, не смотри на меня так! — взмолился я. — Если бы ты раньше открыла, как некрасиво это создание творца, я бы как-нибудь смирился, но теперь я просто этого не вынесу.

— А я только теперь обнаружила, как прекрасно это создание творца!

— Твое имя сохранит историю! Перед твоим именем померкнет слава того дерзкого, который водрузит знамя на Северном полюсе — он осуществит трудно выполнимое, ты же совершила невыполнимое.

Никогда прежде я не замечал, что апрель такой короткий месяц. В нем всего тридцать дней, а в каждом дне — двадцать четыре часа и ни минуткой больше. В руках творца время бесконечно, и я не мог понять, почему он так скупится.

— А что скажут твои родственники, узнав, что ты затеял новое безумство... — начала было Дамини, но я не дал ей закончить.

— Они желают мне добра, поэтому, по всей вероятности, выставят меня за дверь.

— А что будет потом?

— А потом мы с тобой вместе создадим наш новый дом — создадим заново, от самого фундамента. Это будет только твое и мое творение.

— Но ведь и хозяйку этого дома тоже придется создавать заново. Пусть она тоже будет творением твоих рук, пусть в ней ничего не останется от обломков прошлого.

Мы назначили свадьбу на май. Дамини хотела, чтобы приехал Шочиш.

— Зачем? — удивился я.

— Он будет посаженным отцом.

Я не знал, где скитается этот одержимый. Я слал письмо за письмом, но ответа не было. Наверняка он жил в той же самой заброшенной лачуге, иначе письма вернулись бы назад. Но я подозревал, что он не читал наших писем.

— Дамини, придется тебе самой поехать и пригласить его, — предложил я. — Ведь известно, что «письменное приглашение — извинение отсутствию». Я поехал бы один, да не решаюсь. Он, вероятно, до сих пор сидит на

берегу озера и наблюдает, как утки чистят перья. Туда только ты можешь пойти, больше никто не отважится.

— Я ни за что не пойду туда, я же обещала ему, — улыбулась Дамини.

— Ты обещала, что не будешь носить ему еды, а отнести приглашение на пир можно.

На этот раз все сошло гладко. Мы вдвоем подхватили Шочиша под руки и привезли его в Калькутту. Он обрадовался нашей свадьбе, как ребенок, которому подарили игрушку. Мы хотели устроить свадьбу тихо, но Шочиш не позволил. А когда об этом событии узнали дядюшкины друзья — мусульмане, они пришли в бурный восторг, соседи решили даже, что к ним, наверно, приезжает сам кабульский эмир или хайдерабадский низам.

Но апогеем праздника явилась брань и улюлюканье в газетах. В вышедших на следующий день номерах было торжественно совершено заклятие двух жертв. Но мы не посылали им проклятий. Да наполнит мать-Дурга кошельки издателей, и да утолит она жажду человеческой крови у читателей хоть на этот раз!

— Бисри, идите жить в мой дом, — предложил Шочиш.

— Поселись и ты с нами, — сказал я, — и давай снова примемся вместе за дело.

— Нет, мое дело в другом месте.

— Ты не уедешь, пока не побываешь у нас на празднике боу-бхат, — настаивала Дамини.

Нельзя сказать, что на празднике боу-бхат было слишком много приглашенных. Присутствовал только один Шочиш.

«Идите в мой дом и живите спокойно», — пригласил Шочиш, но мы-то знали, что это будет за спокойствие. Хоримохон завладел частью дома, доставшейся по наследству Шочишу, и сдавал ее в аренду. Он занял бы эту половину дома сам, но его советники в религиозных и житейских делах отговорили его: ведь там умер от чумы мусульманин. Правда, душа и тело арендатора тоже подвергались из-за этого немалой опасности, но так ли уж обязательно было сообщать ему об этом.

Как мы вырвали это помещение из рук Хоримохона — долгая история. Мне помогли в этом, главным образом, соседи-мусульмане. Достаточно было показать им завеща-

ние Джогомохона, — и мне не пришлось обивать пороги адвокатов.

До сих пор я регулярно получал средства из дому, теперь я их лишился. Мы вдвоем с Дамини стали создавать свой дом без посторонней помощи. Трудности только радовали нас. Поскольку в свое время я был удостоен премии «Премчанд Райчанд», я легко нашел место преподавателя. Кроме того, мне удалось увеличить наши доходы, издавая новые учебники — это патентованное средство для сдачи экзаменов. Наши потребности были не так уж велики, и мне вовсе не обязательно было много работать. Но Дамини считала, что мы должны заботиться о том, чтобы Шочиш не испытывал нужды. Было и еще одно обстоятельство, о котором Дамини мне не говорила и о котором я ей тоже не говорил, так что мне пришлось заняться этим делом тайно: надо было выдать замуж двух ее племянниц и дать образование ее племянникам. Братьям Дамини это было не под силу, они были слишком бедны. Родственники не пускали нас даже на порог своего дома, но принимать от нас денежную помощь не считали зазорным. К тому же принимать деньги можно, а признаваться в этом отнюдь не обязательно.

Вот по этим причинам мне и пришлось прибавить к своим занятиям работу помощника редактора в газете, выходящей на английском языке. Не посоветовавшись с Дамини, я нанял повара и еще двух слуг. Не посоветовавшись со мной, она на следующий же день их всех расчитала. Я пытался протестовать, но она сказала:

— Вы, мужчины, неправильно понимаете помощь ближнему. Я вижу, как ты изнуряешь себя работой. Куда же я денусь от стыда и горя, если ты не позволишь мне помогать тебе?

Я работал, Дамини тоже, и наши жизни сливались, как воды Ганги и Джамуны. Дамини выполняла всю домашнюю работу и учила шитью дочек наших соседей-мусульман. Она дала обет ни в чем от меня не отставать.

У меня нет поэтического дара, и я не сумею воспеть, как Калькутта превратилась для нас в Вриндаван, а наш тяжелый труд — в мелодию божественной свирели. Наши дни не плелись шагом, не бежали бегом — они неслись в стремительной вдохновенной пляске.

Опять пришла весна... и ушла. Она была последней.

Во время нашего паломничества к пещере Дамини простудилась. С тех пор ее мучила боль в груди, но она никому об этом не говорила. И вдруг ее здоровье резко ухудшилось. На мои упреки Дамини отвечала: «Эта болезнь — мое скрытое богатство, это мой волшебный камень, мое приданое. Только с ним я и могла прийти к тебе. Иначе я была бы недостойна тебя».

Каждый новый врач ставил новый диагноз. Их советы и рецепты не совпадали. Когда врачи сожгли все мои сбережения в огне оплаты их визитов и счетов из аптеки, они на прощание посоветовали мне переменить воздух. К тому времени я уже не владел ничем, кроме воздуха.

— Отвези меня на берег моря, туда, откуда я принесла свою болезнь, — попросила Дамини. — Уж там-то воздуху хватит.

В одну из ночей марта, когда полная луна сияла на небе, а море в час прилива несло к берегу свои волны, словно нескончаемые потоки слез, Дамини взяла прах от моих ног и прошептала:

— Как быстро все миновало. Я молю, чтобы в новом рождении ты опять был со мной.

КОММЕНТАРИИ

Р О М А Н «Г О Р А»

Рабиндранат Тагор происходил родом из Бенгалии — области Индии, которая первой была завоевана Англией. Со второй половины XVIII века колониальное иго проявлялось тут в своем самом отталкивающем и омерзительном виде. Вместе с тем именно в Бенгалии полтора века назад впервые в Индии зародилось стремление приобщиться к передовой культуре Европы. Этому особенно способствовал аристократический род Тагоров, род владетельных брахманов, давших Бенгалии немало выдающихся деятелей. Дед Р. Тагора стал одним из первых индийцев, впитавших идеи французской революции. Отец его, убежденный сторонник социальных реформ, пытался согласовать индуизм с наиболее прогрессивными идеями нарождавшейся буржуазии Индии.

Детство и юность Тагора протекали в переходное для Индии время, когда с развитием капитализма появляются национальная буржуазия и пролетариат. Так как эти перемены происходили в поработанной стране, они влекли за собой особенно тяжкие бедствия. Крестьянство оказалось жертвой не только феодального разбоя и капиталистической эксплуатации, но и колониального произвола. Голодная смерть стала обычным явлением в стране. Стихийные крестьянские восстания вместе с растущим недовольством нарождающейся буржуазии создавали предпосылки нового подъема национально-освободительного движения.

* * *

Тагор представлял себе жизнь как радостный праздник, где ему суждено играть на флейте своего вдохновения. Казалось, что его стихи создавались на исходе безоблачного дня

у подножья темно-зеленых деревьев, склопсных пад медленными и прохладными водами Ганги. Его стихи увлекали в призрачный мир мистического общения с Духом, который все обнимает и всюду проникает, с вездесущим Духом, присутствующим в человеке, в природе, в бесконечном пространстве. Именно так и толковались они эстетствующими критиками Европы, когда поэзия Тагора стала известна за пределами Индии.

«Гитапджали» («Жертвенные песни»), мастерски переведенные самим Тагором на английский язык (1912), были первыми произведениями бенгальского поэта, снискавшими ему признание во всем мире. Побелевская литературная премия, присужденная поэту в 1913 году, утвердила его славу.

Когда Европа открыла в Рабиндранате Тагоре новую литературную звезду, в Индии он уже давно считался выдающимся писателем, автором многочисленных произведений различных жанров. Бенгальцы видели в нем неутомимого поватора, подлинного корифея своей литературы. Поэзия Тагора вызывала в Индии иной резонанс, чем в литературных салонах Европы. Его могучее искусство оказывало огромное влияние на бенгальскую литературу, высвобождая ее из-под груза мертвящих догм средневекового аскетизма и содействуя ее дальнейшему формированию. В «Жертвенных песнях», в «Поэмах Кабира», во всей лирике Тагора индийский читатель находил стихи, проникнутые любовью к человеку, к труду, к родине, к земной красоте и верой в лучшее будущее своей страны.

Философия Тагора, его пантеизм, с полным правом может считаться мировоззрением многих представителей передовой бенгальской интеллигенции конца XIX — начала XX века. Ибо этот пантеизм подразумевал отрицание самой страшной из всех надстроек, созданных индусским средневековьем, — отрицание индусской официальной религии с ее системой каст и божественным предопределением. Идеалом Тагора было слияние человека с присущей ему от рождения божественной природой; увидеть бога в человеке — это и есть поистине «узреть бога», человек — величайшее из всех существ. Таков был источник той радости, которая, отчасти по недоразумению, так умиляла мистиков Запада. Это был не столько мистический экстаз, сколько светлая радость освобожденного сознания,

которое сбросило путы, связывавшие мысль в Индии на протяжении веков.

Сама по себе философия Тагора не представляла ничего нового. Тагор лишь истолковал традиции индуистского реформаторства XIV—XVI веков. Религиозные проповедники типа Чойтонно, такие, как поэт-ткач Кабир из Бенареса, развили доктрину наполовину монотеистическую, наполовину пантеистическую, которой многим обязано мировоззрение Тагора, уходящее корнями в философию упаншад — философию древней Индии.

Подобно тому как доктрина Кабира, направленная против индуистского и мусульманского духовенства, стала впоследствии знаменем борьбы крестьянских повстанцев против феодальной империи Великих Моголов, философские взгляды Тагора объективно выражали протест разоренного и обезземеленного крестьянства против колониального гнета, феодальной эксплуатации и надвигавшегося капитализма. Вместе с тем его поиски истины на путях возвращения к прошлому, наивная вера в «мессианизм» Индии, получившая столь горячий отклик в определенных кругах интеллигенции, находятся в глубоком противоречии с научными представлениями о путях подлинного раскрепощения и освобождения человечества.

Для нас величие Тагора заключено не в его философии. Яркий блеск многогранного таланта открывается в Тагоре-художнике, в его трезвом реализме, в разоблачении общественной лжи и фальши, в высоком гуманизме, в его трогательной любви к прекрасному, а не в метафизике и не в проповеди Всеобщей Любви. И можно без труда заметить, что Тагор-художник гораздо сложнее Тагора-философа.

Содержание рассказов и романов Тагора приобщает нас к кругу идей и человеческих отношений, которые, на первый взгляд, кажутся нам отзвуками весьма отдаленного прошлого: например, судьба женщины, лишенной элементарных гражданских прав, ведущей затворнический образ жизни, предстает перед нами как наиболее полное выражение всех «проклятых вопросов» колониальной Индии.

Трагедия человеческого существования становится у Тагора прежде всего трагедией человеческой души; злободневные для Индии политические, моральные, социальные проблемы поднимаются силой художественного таланта Тагора на высоту общечеловеческих вопросов, обретают глубокий общественный

смысл. Индийская жизнь становится нам близкой и понятной не столько по яркому изображению быта и нравов, сколько через переживания героев. Драматизм отдельных эпизодов, рассчитанных на индийского читателя (и зрителя), в большой мере воздействует и на нас, подготовленных к пониманию трагедии Индии великими идеями Октября.

* * *

В 1910 году Рабиндранат Тагор опубликовал роман «Гора», названный по имени его главного героя. Ему удалось создать реалистическое произведение, близкое по форме европейскому роману, но глубоко национальное по своему содержанию.

Когда Тагор писал «Гору», он оказался в разладе с тем направлением, которое приняло национально-освободительное движение в Индии после 1906 года. Он перестал участвовать в нем как политический деятель, но не отвернулся от него. Выполняя свой писательский долг, Тагор решил заново разобраться в происходивших событиях и их общественном смысле, чтобы затем вынести свое суждение художника и гражданина.

Тагор в «Горе» дал *свой* ответ на вопросы, которые поставило индийское национально-освободительное движение 1905—1908 годов, *свою* оценку тех решений, которые намечались, но не осуществлялись в ходе освободительной борьбы. Но сделал он это так, как меньше всего можно было ожидать: он отнес время действия романа на десятилетия назад, вернулся ко времени своей ранней юности и, используя исторический опыт 70—80-х годов XIX века, откликнулся на вопросы, вставшие во весь рост только в первом десятилетии XX века.

В 70-х годах перед бенгальским обществом стояли проблемы значительно менее сложные, чем в годы революционного подъема 1905—1908 годов. «Проклятые вопросы», которые пыталась решать бенгальская интеллигенция в 70-е годы, еще не стали тогда объектом широкой политической борьбы. Задача единства Индии перед лицом английских колонизаторов не имела еще непосредственно практического значения, ибо ставилась не как организационно-боевая, а как теоретическая, программная. Единство Индии рассматривалось поэтому как предпосылка, а не как результат. На первом плане стояли проблемы более частного порядка: женский вопрос в его «ин-

дийско-буржуазном» смысле; каста и религия в их отношении с жизнью общества и т. п.

Перенося главные проблемы индийской современности начала XX века в 70-е годы XIX века, автор искал ту «химически чистую» социальную среду, в которой волновавшие его вопросы могли быть раскрыты наиболее полно в предельно умозрительном плане, без вмешательства «грубой» действительности. Вот почему, размышляя о своем современнике, Тагор написал роман по видимости исторический.

Чем же объяснить, что этот роман высится как гималайская вершина над горной цепью литературных трудов великого бенгальца?

Чем объяснить, что «Гора» лучший из романов писателя? Ответ на этот вопрос надо искать, на наш взгляд, в анализе общественной позиции писателя.

«Гора» — роман проблемный. Он стал одним из важнейших рубежей идейного и художественного роста самого писателя, Великое беспокойство Тагора за судьбы Индии и судьбы человечества в такую эпоху всемирно-исторического значения, как пробуждение Азии и подъем национально-освободительной борьбы в Индии, как Октябрьская революция и начало общего кризиса капитализма, оказалось, вероятно, главным стимулом никогда не прекращавшегося творческого развития писателя.

В романе «Гора» сильнее и глубже, чем в других произведениях этого жанра, созданных Тагором, звучат самые жгучие вопросы философского, общественного и политического характера. Для понимания основных идейных направлений 70—80-х годов XIX века в Индии «Гора» представляет большую ценность, чем многие книги, специально посвященные этому вопросу. И хотя ткань всего романа держится на философско-этической основе, именно здесь, на наш взгляд, ярче, чем в других произведениях, выступает общественный смысл гениальности Тагора.

В чем же заключается общественный смысл, общественная идея романа? Они заключаются, как нам кажется, в том, что в романе «Гора» Тагор дает ответ на некоторые из главных наболевших вопросов своего времени.

Мы уже говорили о том, что в романе не отражены многие основные противоречия 1905—1908 годов. Нет (и естест-

венно, не может быть) движением свадеши¹, охватившего широкие массы города, не видно ни крестьянских волнений, ни организованного выступления рабочего класса. Вместо этого поставлена одна-единственная проблема (но, конечно, очень важная)— проблема достижения *всеиндийского единства* путем преодоления кастовых, групповых, религиозных перегородок. Тем не менее эти противоречия присутствуют незримо. Именно их наличие и продиктовало писателю мысль о необходимости национального единства.

Если русская литература едва ли не на протяжении целого столетия искала пути освобождения народных масс от социального гнета, то в индийской литературе основным мотивом звучал призыв к освобождению от иноземного ига. И потому идея *единства* приобретает особое значение, как путь освобождения от колониального гнета.

Рассматривая события в плане разногласий между «брахманстами» и «индунстами», Тагор тем самым как бы поставил знак равенства между борьбой классов и борьбой предрассудков и суеверий, перевел столкновения между угнетенными и угнетателями в конфликт религиозный и кастовый. Позиция автора в отношении этих двух групп совершенно очевидна.

Если обратиться к фактам истории, то созданное в начале XIX века бенгальским просветителем Раммохоном Раем религиозное общество монотеистов «Брахмо Самадж», противопоставивших единобожие идолопоклонству индуизма, имело своей целью слияние культур Запада и Востока, отрицание самых диких пережитков средневековья, сковывавших нормальное развитие страны.

Однако, будучи передовыми в начале XIX века, идеи брахманизма в конце XIX века становятся реакционными. Жизнь на рубеже XIX—XX веков, резко изменив экономическую структуру индийского общества, ставит перед ним совершенно иные задачи. Англофильские идеи «Брахмо Самаджа», превратившиеся в догму, вызывают у Тагора такой же протест, как

¹ Свадеши — «свой, национальный». Лозунг свадеши («за свое, национальное» и прежде всего за развитие своей, национальной промышленности) стал популярным в годы подъема национально-освободительного движения в первом десятилетии XX века. В это время само национальное движение часто называли движением свадеши.

и крайний национализм неиндуистов, апеллирующих ко всему отжившему только потому, что оно — не «чужое».

Тагор не жалест красок, чтобы доказать людям, что ни ортодоксальная религия, ни приверженность к кастовой системе, ни сектанство в любом его виде не могут вывести Индию из состояния застоя.

С лукавым задором и юмором рисует Тагор целую галерею «приземленных» персонажей, с благодушной иронией вышучивая не в меру ортодоксальных «брахманстов» и «индуистов». Здесь и отгородившийся от всего мира ханжа Кришнодоаял, и тупоголовый демагог Харан-бабу, лукавый и плутоватый Мохим, глупая мешанка Бародашундори и многие другие.

Поразительно наглядно показано общество — то «общество», которое разделено невидимыми перегородками на бесчисленное множество взаимно отчужденных ячеек. Это «общество», как показывает Тагор, существует не только на верху классовой пирамиды — огромная масса забитого, изможденного непосильным трудом и лишениями сельского населения разделена теми же кастовыми и религиозными перегородками. Но фактически эти перегородки порождены эксплуатацией человека человеком, нищетой одних и богатством других, одними и теми же бесконечными заботами о хлебе насущном.

Класс, вернее, социальная прослойка, к которой принадлежит большинство действующих лиц романа, не испытала и в малой мере того гнета, которому подвергалась основная масса населения страны в связи с самим фактом колониальной эксплуатации и иноземного господства. Эта социальная прослойка субъективно могла бы даже «договориться» на время с англичанами. Но объективные закономерности колониальной зависимости, всячески задерживавшие свободное самоопределение и развитие, делали ее или, во всяком случае, ее лучших представителей непримиримыми противниками иноземной власти.

По мнению Тагора, подлинная религия должна стать мировоззрением (эта мысль проходит через весь роман). Основа этого мировоззрения — идея добра, отказ от ограниченности, обусловленной общественными предрассудками, человечность, любовь к людям, самопожертвование во имя Индии.

Чтобы противопоставить себя существующему общественному устройству, нужен недюжинный независимый ум, убежденность в своей правоте, стойкость и героизм в борьбе против веками установленных правил, обычаев и прав. Такими

мы видим в романе Пореша-бабу и Анондомойи. К ним примыкают и представители молодого поколения: Виной, Лолита, Шучорита. «Отцы» не только понимают «детей» и сочувствуют им, но и являются для «детей» примером и образцом высокой морали. Одна из наиболее драматических сюжетных линий романа состоит, например, в том, решатся ли на брак Виной и Лолита, принадлежащие к различным религиозным обществам. И только открытая и прямая поддержка Пореша-бабу и Анондомойи помогает им соединиться.

Пореш-бабу — фигура, стоящая в этом романе особняком; он прямое продолжение прежних героев Тагора по уже знакомым читателю романам («Берег Библии» — Бошонто Рай, «Крушение» — Нолнакхо), а также предтеча будущих («Дом и Мир» — Никхилеш и, еще более, Чондронатх-бабу). Своей терпимостью, добротой, благоразумием Пореш противопоставлен мятущемуся Горе. Пореш-бабу несет на себе основную нагрузку авторской идеи. Он — духовная вершина романа. Но эта сияющая вершина неколебима и неподвижна. А движущееся, страстное, деятельное начало — в Горе. Именно он, пылкий, заблуждающийся, наделенный великой способностью заражать своей убежденностью, становится главным героем романа. Идеализация типов Горы, Шучориты, Пореша и других на фоне остальных персонажей не нарушает, в общем, художественной целостности. Это не фальшивая идеализация, а скорее поэтизация образов. «...юноша вздрогнул, как мраморный дворец, колеблемый землетрясением». «Ее (Шучориты. — Н. Г.) лицо казалось ему чистым цветком, небрежно взбрызнутым каплями росы».

Гора начинает с позиции «мы», заменяя этим местоимением, по сути дела, понятие, равнозначное верхушке бенгальского образованного общества. «Теоретические» доводы, идущие от привычных рассуждений, выработанных определенной социальной средой, религиозные догматы, разделяемые героем романа, процесс освобождения от взглядов неопианизма показаны не дидактически, а на правдивом, глубоко жизненном материале. Гора сознает недостаточность выдвинутых этой средой общественных и нравственных идеалов и ищет пути, ведущие к народу.

Вначале Гора убежденный брахманст — такова сила повального увлечения идеями буржуазного Запада. Затем под влиянием проповеди Хорочондро Бидебагиша и «антипроповеди» английского христианского миссионера Гора становится правверным индусом, фанатично верящим в цезыблемость

социальных устоев общества, через посредство которого проявляется божественное начало, соединяющее людей узами любви. Он завершает свою борьбу, став на позиции народа, олицетворяющего для него Индию.

Конфликт между Горой и обществом — конфликт между ищущей нравственного освобождения, борющейся за правду личностью и обществом, сковывающим человека и его лучшие порывы даже тогда, когда это общество само, по-своему, стремится к более свободному, лучше приспособленному к современности порядку вещей.

Гора — человек чистый, сильный, цельный, увлеченный неодолимой жаждой правды. Он ошибается, ища спасения Индии в идеализации ее прошлого, его обращение к крестьянам встречено с вполне понятным равнодушием: Тагор справедливо подчеркивает, что крестьянин, эксплуатируемый ростовщиками, сборщиками поземельного налога, чиновниками и брахманами, не может провозглашать ни святости брахманов, ни благотворной роли кастовой системы, во главе которой находится жрец. И автор не оставляет никаких сомнений на этот счет: его герой ошибается, но он искренне желает освобождения Индии, желает его всеми силами своей чистой, мятежной души. Тагор создал своего героя непримиримым врагом иностранцев, угнетавших его страну, и пламенным патриотом.

Прозрение Горы настает не внезапно, а постепенно, возникает из логики событий. Уже на первых страницах читатель находит совершенно явный намек на происхождение Горы. В этом сила писателя: он не ищет дешевого эффекта под занавес; роман с начала и до конца нацелен на то, чтобы развенчать идею касты, кастовой и религиозной исключительности, противопоставляющей группу избранных народу, провозгласить единство всего народа.

«С пропией чуть-чуть сатанинской, — писал Р. Роллан, — Тагор представляет, в конце концов, своему герою — вождю национализма, руководящему политикой и религией, сделать открытие, что в его жилах течет кровь ирландца и что он приемыш, подобранный одной сострадательной семьей индусов...»¹

Гора узнал, что он по рождению ирландец, а не индеец и что поэтому не может быть правоверным индусом, ибо индусом не становятся, а рождаются. И эта драматическая раз-

¹ Р. Р о л л а н, В четыре голоса. Предисловие, Л. — М., 1925, стр. 7.

вязка не оборачивается трагедией, напротив, только теперь Гора ощущает себя истинным сыном великой матери-Индии.

Лишив Гору «атрибутов индуизма», Тагор выводит своего героя из узкой колен его мышления, заставляя понять призрачность всех и всяческих преград, разделивших индийское общество перегородками религии, обычаев, кастовой иерархии, задуматься над ничтожностью этих перегородок в сравнении с всеобъемлющей задачей объединения всех национальных сил для освобождения Индии, прояснив некогда смутное ощущение того, что только в единстве с народом эта задача осуществима.

Весь роман проникнут горячим сочувствием к молодым силам, поднимавшимся на борьбу с колониальным режимом.

Освобождение всех людей и отдельной личности от власти предрассудков становится таким образом задачей общечеловеческой. В этом глубокий гуманистический и революционный пафос романа, объективно зовущего к борьбе, и его неувядаемая молодость.

Н. М. Гольдберг

Стр. 12. *Гора* (Гоур) — буквально: светлый, белый.

Стр. 14. *Брахмаист* — член индусского религиозного общества «Брахмо Самадж» (общество монотеистов), основанного в 1828 году бенгальским просветителем Раммохоном Раем (1774—1883), предшественником индийских буржуазно-помещичьих националистов. «Брахмо Самадж» возникло в индуизме как реформаторское течение, ставившее под сомнение непогрешимость *вед*, а также выступавшее против некоторых институтов индуизма, таких, как: детские браки, запрет вторичного замужества вдов, кастовые ограничения и т. д. Брахмаизм, или брахмонизм (религиозно-философское учение общества), проникнутый идеями монотеизма, носил эклектический характер и обнаруживал влияние европейской буржуазной культуры и христианской религии. В дальнейшем в движении «Брахмо Самадж» отразилось стремление буржуазно-помещичьих националистов приспособить религию индуизма и старую индийскую феодальную культуру к потребностям буржуазного развития Индии. Основная часть брахмаистов в этот период состояла из европейски образованной бенгальской интеллигенции,

Стр. 16. ... она не из тех скромниц, которые не позволяют даже солнечным лучам касаться своих нежных ручек.— Подчиняясь ортодоксальным законам индуизма, индийские женщины на протяжении многих веков вели затворнический образ жизни.

Стр. 19. *Комиссариат* — колониальная администрация области, которой подведомственны несколько дистриктов (округов). Комиссариат существовал во всех крупных провинциях Британской Индии, кроме Мадрасской.

Стр. 26. *Кешоб-бабу* — Кешобчондро Шен (1838—1884) — бенгалец, один из лидеров общества «Брахмо Самадж». В начале 60-х годов К. Шен разошелся с другим лидером общества Дебендронатхом Тагором (1818—1905) — отцом Р. Тагора — и в 1866 году основал новую ветвь общества под названием «Набибидхан Самадж» (Общество новых заповедей), объединившую более радикально настроенных брахманстов. Ученые Кешобчондро Шена пользовались особым успехом среди индийского студенчества. К. Шен был одним из инициаторов издания в 1872 году англо-индийским правительством *Закона о гражданском браке*, по которому в Индии впервые вводился гражданский брак и возраст бракосочетающихся устанавливался для мужчин не ниже 18 лет, а для женщин — не ниже 14. Однако в 1878 году его дочь, которой еще не исполнилось и 14 лет, вышла замуж за раджу Куч-Бихара (мелкое индийское княжество в северной Бенгалии). Жениху не было и 16 лет. Это событие оформило давно начавшийся раскол внутри общества, поскольку часть брахманстов была недовольна непоследовательностью руководства, в том числе К. Шена, в их отношении к ортодоксальному индуизму. Наиболее радикально настроенные члены общества, отколовшись от «Набибидхан Самадж», образовали новую ветвь под названием «Садхаран Брахмо Самадж» («Всеобщее Брахмо Самадж»). В романе речь идет о «Брахмо Самадже» в тот период, когда им руководил К. Шен.

Стр. 28. *Кубера* — в индийской мифологии бог богатства и бог — хранитель Севера. Он почитается также хранителем сокровищ Инды.

Стр. 31. *Вишнуит-саньяси* — аскет, отшельник, поклоняющийся Вишну, как высшему божеству. В Бенгалии вишнуизм

получил особенно большое распространение благодаря широкому крестьянскому антифеодалному движению и деятельности *Чойтонно* — выдающегося индусского реформатора XVI века. Проповедь Чойтонно, выдвинувшего в противовес «пути спасения посредством знания» «путь любви к всевышнему», отвечала интересам народных масс. Бенгальские вишнуиты избрали в качестве объекта поклонения одно из земных воплощений Вишну — *Кришну*. Любовь Кришны и *Радхи*, пришедшей в поэзии образ простой девушки-пастушки, стала символом соединения Верховного Божества и человека. Игры, хороводы, танцы и пляски Кришны с пастушками в священной роце *Вриндаван* на берегу реки *Джамуны* — излюбленная тема вишнуитской поэзии.

Тантры — ритуальные книги шактизма — религиозной секты индусов, поклоняющихся культу богини *Шакти* — женской ипостаси многих божеств. Тантризм, будучи связан с народными верованиями на ранних стадиях развития земледелия, в своей жизненной практике широко пользовался алхимией, астрологией, магией.

Сипайское восстание — Индийское национальное восстание 1857—1859 годов, народное восстание против английских колонизаторов, поставившее под угрозу их господство в Индии.

Стр. 32. *«Кто хочет жить в неволе»* — известное стихотворение Ронголала Бондопадхая (1827—1887), бенгальского поэта, критика, издателя.

«Там, где живут двести миллионов...» — первая строка стихотворения «Песнь Индии» (1870) Хемчондро Бондопадхая (1838—1903) — известного бенгальского поэта и публициста.

Хориш Мукхерджи — Хоришчондро Мукхопадхай — оратор и журналист второй половины XIX века, редактор прогрессивной газеты «Хинду патриот».

Стр. 33. *Веданта*. — См. прим. к стр. 555 — «Шанкарачарья».

Стр. 34. *Тики*. — Ортодоксальные брахманы бреют голову, оставляя на макушке прядь волос (тики), которую они закладывают в пучок.

Стр. 35. *Карма* — буквально: «деяние», «дело». Учение о карме лежит в основе индуистской религии. Согласно этому

учению, после смерти человека его душа возрождается в низком или более высоком общественном состоянии в зависимости от степени покорности человека велениям предписанной ему дхармы, то есть беспрекословного выполнения обязанностей своей касты.

Стр. 36. *Священный шнур* — непременный элемент одежды представителей трех высших каст (брахманов, кшатриев, вайшьев). У разных каст шнур изготавливается из разного материала и является, таким образом, одним из отличительных признаков каждой касты. Церемония надевания шнура — торжественный обряд посвящения в касту — совершают над брахманами на восьмом году жизни, над кшатриями — на одиннадцатом, над вайшьями — на двенадцатом. Священный шнур надевается на левое плечо и свисает до правого бедра.

Стр. 37. *Паганы* — афганские племена, неоднократно вторгавшиеся на территорию Индии. *Моголы* — здесь: мусульманская императорская династия Великих Моголов, установивших свою власть над Индией в начале XVI века.

Стр. 39. *Тривени* — место слияния трех рек: Ганги, Джамуны и Сарасвати, которая якобы течет на небе; считается священным.

Стр. 43. *Катеху* — экстракт из ост-индской акации того же названия; применяется в медицине, крашении тканей и дублении кож.

Теодор Паржер (1810—1860) — американский политический деятель и религиозный проповедник, сторонник отмены рабства.

Стр. 48. *Радхарани стала называться Шучоритой...* — Вероятно, по мнению Бародашундори, имя «Шучорита» — древнеиндийского происхождения — обладает тем преимуществом, что оно не связано с индуистской религиозной традицией. *Радха* (см. прим. к стр. 31 — «вишнуйт-саньяси») — имя пастушки, возлюбленной Кришны.

Праздник джамайшошти — шестой день светлой половины (см. прим. к стр. 425 — «одиннадцатый день лунного месяца») месяца джешто (май — июнь), день зятя, в его честь принимают подарки и поздравления.

Стр. 49. *Степень бакалавра искусства* (Bachelor of Arts), *степень магистра искусства* (Master of Arts) — низшая и средняя ученые степени в области гуманитарных наук.

Стр. 51. ...*знак касты, поставленный глиной из Ганги* — тилак — знак касты или секты. Формы тилака разнообразны. Тилак рисуется на лбу, шее, груди, спине и т. д. В качестве краски пользуются раствором сандалового порошка, простоквашей, глиной, коровьим пометом, пылью из-под ног брахманов и т. д.

Стр. 58. ...*из Англии на родину только что возвратилась первая группа юношей-бенгальцев...* — Экзамены на должность чиновника англо-индийской службы (Indian Civil Service) происходили не в Индии, а в Англии, с тем чтобы затруднить индийцам поступление на англо-индийскую государственную службу.

Стр. 60. *Мур Томас* (1779—1852) — английский поэт.

Лонгфелло Генри Уодсуорт (1807—1882) — американский поэт.

Стр. 62. ... *сборник ведических гимнов...* — См. прим. к стр. 431 — «ведическая религия».

Стр. 72. *Абхиманью* — герой древней эпической поэмы «Махабхараты» — сын Арджуны и Субхадры. Одна из древних легенд «Махабхараты» рассказывает о том, как Абхиманью, находясь еще в утробе матери, слышал начало ее разговора с отцом о предстоящей великой битве потомков Бхараты. Арджуна раскрыл перед Субхадрой план боя. Но Абхиманью не слышал конца этого разговора. Когда впоследствии он сам принял участие в сражении и проник в стан врага, он не смог найти выхода оттуда и погиб.

Стр. 77. *Манго* — съедобный плод мангового дерева (*Mangifera indica*), широко распространенного в южной, тропической части Азии.

Стр. 88. *Ману* — в древней индийской мифологии прародитель человеческого рода. Его считают автором сборника предписаний, определяющих обязанности и общественный долг

каждого индийца в соответствии с догматами древней религии. В сборнике содержатся также сведения об организации управления и обороны государства, о нормах семейного, гражданского и уголовного права и т. д. Дошедшая до нас редакция «законов Ману» относится ко II в. до н. э. — II в. н. э. Подобные же «законы» позднего индуизма предание приписывает *Парашаре*.

Джанака, Сита, Рамачандра — герои древней эпической поэмы «*Рамаяна*». Сита — супруга Рамы, дочь царя Митхилы — Джанаки.

Стр. 101. «*Бхагавадгита*», или «*Гита*» — буквально: «Песнь божества» — название философской поэмы, входящей в состав шестой книги «*Махабхараты*». Поэма написана в форме беседы Арджуны и Кришны. Русский перевод «*Бхагавадгиты*» вышел впервые в 1788 году.

Калипрошоно Шингло (1840—1870) — автор известного пересказа на бенгали древнеиндийской санскритской поэмы «*Махабхарата*».

Стр. 134. *Мне не нужны ни войска Кришны, ни его личная поддержка...* — В одной из легенд «*Махабхараты*» рассказывается о том, как Кришна принимал участие в великой битве потомков Бхараты — пандавов и кауравов, выступая на стороне пандавов, в то время как его войско сражалось на стороне кауравов.

Стр. 136. «*Облегченное чтение*» — трехтомный сборник статей, составленный и переведенный с английского Окхойкумаром Дотто (1820—1886), известным бенгальским общественным деятелем, писателем и редактором общественно-литературного журнала — «*Тоттободхини Потрика*».

Стр. 150. *Джам* (*Syzygium cimini*) — большое вечнозеленое дерево. Цветет мелкими ароматными цветами. Плоды черные, продолговатые, напоминают сливу.

Стр. 159. *Анкуш* — железный крюк, которым погоняют слонов.

Стр. 169. *Драйден Джон* (1631—1700) — английский поэт и драматург.

Стр. 181. *Крош* — мера длины, равная 3,5 км.

Стр. 190. *Джатра* — своеобразное народное представление в Бенгалии без сцены и занавеса с неизменным музыкальным сопровождением, чаще всего на мифологические сюжеты.

Стр. 213. *Сирадж-уд-доулла* (1730—1757) — последний правитель Бенгалии, потерпевший поражение от английских колонизаторов в битве при Плесси 23 июня 1757 года. День этой битвы считается датой основания английской империи в Индии.

Нобокришно Деб Бахадур (1732—1798) — брахман, большой знаток персидского языка, оказавший немалые услуги английской Ост-Индской компании в окончательном покорении Бенгалии.

Нондокумар Рай (1704—1775) — индийский раджа, вассал правителя Бенгалии Сирадж-уд-доулла, претендовавший на его место. В 1755 году казнен по обвинению в деятельности против Ост-Индской компании.

«*Рамаяна*» *Криттибаша* — одна из многочисленных бенгальских переделок знаменитого санскритского эпоса. Ее автор Криттибаш Оджха жил в XV веке. Книга эта до сих пор пользуется в Бенгалии большой популярностью.

Стр. 219. ...*Кришна носил на груди след от удара ноги Вхригу...* — В одной из древних легенд рассказывается, как великие мудрецы испытывали богов, желая узнать, который из них наивысший. Вхригу — один из великих мудрецов, почитаемый сыном Брахмы или Шивы, — нанес ногой удар в грудь спящему Вишну. Вишну не только не обиделся, но даже пожалел ногу, нанесшую ему удар, и сохранил в память об этом знак ноги на груди Кришны — одного из своих земных воплощений.

Стр. 232. *Парда* — здесь: занавес, скрывающий женщину от взоров посторонних мужчин.

Журнал Бонкима «Бонгодоршон» — «Бонгодоршон» («Зеркало Бенгалии») — литературно-художественный и общественно-политический журнал, основанный в 1872 году родоначальником бенгальского исторического и социально-бытового романа Бошкимчодро Чоттопадхаем (1838—1894).

Стр. 236. ...лепят себе божков из глины и потом им же и поклоняются... — С древнейших времен в Индии сохранились низшие формы культа. В индуистском пантеоне свыше 330 млн. богов. Практически каждый индус имеет своего «личного» бога, кроме общих семейных, кастовых, групповых и т. д. Эти божества лепятся из глины и устанавливаются в специальных нишах, иногда (у более зажиточных людей) в отдельных комнатах. Отправляясь в наломничество, ортодоксальные индусы надевают на шею небольшие лепные фигурки своих богов.

Стр. 238. *Маши* — родная тетка по линии матери.

Стр. 244. *Картика* — сын Криттики, бог войны. Легенда рисует его прекрасным юношей с шестью головами, двенадцатью руками и глазами, восседающим на павлине.

Стр. 253. *Джибоннатх, Гопал, Нильмани...* — буквально: Властелин Жизни, Пастушок, Голубая Жемчужина — ласкательные имена Кришны в младенческом возрасте. Образ младенца Кришны пользуется особенно большой симпатией народов Индии. Индийские поэты изображают его обыкновенным ребенком, резвым и шаловливым. И этой человечностью в изображении высочайшего божества объясняется глубокая любовь к нему миллионов индийцев.

Стр. 258. ...остатки жертвоприношений идолам... — Ортодоксальные индусы считают, что боги питаются жертвами, которые поднимаются к ним на небеса с дымом.

Стр. 295. *Главы семейств (грихастха)*. — Домохозяйство — одна из четырех ступеней жизни ортодоксального брахмана, когда он женится, заводит семью и выполняет все установленные правилами обряды.

Стр. 306. *Чалкан* — одежда чиновника англо-индийской службы — своеобразный жилет коричневого цвета, застегивающийся на пуговицы снизу доверху.

Стр. 332. *Закон о гражданском браке*. — См. прим. к стр. 26 — «Кешоб-бабу».

Стр. 343. ... на нашу священную землю нисходили боги... — Индийская мифология хранит множество сказаний о земных воплощениях божеств. Боги якобы нисходили на землю в образе царей, героев, диковинных существ и пр. для искоренения зла.

Стр. 402. *Уж не собираешься ли ты, как юный брахман из «Махабхараты», убить соломинкой демона-людоеда...* — проищески-шутливая ссылка на одну из легенд «Махабхараты», рассказывающую о том, как младший брат пандавов Бхимасена убил палицей демона Баку.

Стр. 408. *Упражнения по системе йога...* — Йога — одна из шести древних философских систем. Родоначальником ее считается Патанджали (II в. до н. э.), утверждавший, что освобождение от всякого страдания и несчастья должно быть достигнуто благодаря непосредственному познанию отличия я от физического мира, включая тело, ум и свое я (ego). Но это возможно лишь в том случае, когда функции тела и чувств будут ограничены и подавлены. Для этого система йога указывает восемь средств: воздержание, культура, положение, контроль за дыханием, удаление чувств, внимание, созерцание, сосредоточение.

Стр. 412. *Раджа и Кришна.* — См. прим. к стр. 31 — «вишнунт-саньяси».

Рампротад Шен, «Кобиронджон» (1723—1775) — известный бенгальский поэт вишнунтского направления. Автор поэмы «Биддашундор» и песен «Кали-киртон».

Чойтонно — Чайтанья Дев (1485—1533). — См. прим. к стр. 31 — «вишнунт-саньяси».

Стр. 413. ... *постный день...* — См. прим. к стр. 425 — «одинадцатый день лунного месяца».

Стр. 425. ... *одинадцатый день лунного месяца...* — Лунными днями исчисляется лунный месяц, равный 28 дням. Лунный месяц делится на две половины: светлую и темную. Вследствие этого и лунные дни делятся на светлые и темные. В светлую половину месяца луна прибывает, в темную — убывает. Наименования большинства празднеств связаны с указанием

луноного дня, например: «день зятя в шестой день светлой половины месяца джешто» (см. прим. к стр. 48 — «праздник джамайшошти»). В одиннадцатый день луноного месяца мужчины и женщины трех основных каст Индии постятся, отмечая тем самым день появления на свет дeвы Экадаши, рожденной не женщиной и спасшей богов, как рассказывают легенды, от демона Мрудуманьи.

Стр. 426. *Зачем понадобилось Индре мешать Кришнадояму в тот момент, когда, сурово умерщвляя плоть...* — шуточный намек на одну из древних легенд, рассказывающую, как однажды небожители, обессилевшие в борьбе с демоном Таракой, обратились за помощью к высочайшему божеству (по одним источникам — Индре, по другим — Брахме) и узнали, что Тараку сможет победить лишь не родившийся еще сын Шивы и Парвати — Картика (см. прим. к стр. 244 — «Картика»). Тогда небожители обращаются к богу любви Кама с просьбой вывести Шиву из сосредоточения и внушить ему любовное желание. Кама соглашается помочь небожителям. Он пускает в Шиву цветочную стрелу, за что разгневанный Шива испенеляет его взором.

Стр. 431. *«Ригведа» Макса Мюллера* — первый комментированный перевод сборника древних ведических гимнов Индии, выполненный английским ученым-филологом Максом Мюллером (1823—1900).

Ведическая религия... — религиозные представления древних индийцев, отраженные в литературных памятниках, носящих название *веды*. Молитвы и заклинания, собранные в этих книгах, рисуют ведические религиозные представления как фантастическое отражение сил природы в сознании древних индийцев. В сонме своих богов в этот период индийцы еще не выделяют какого-либо высшего бога. Веды представлены четырьмя сборниками (самхитами). Из них древнейшая, наиболее яркая по форме — *«Ригведа»* (веда гимнов), отражает эпоху разложения первобытно-общинного строя.

Стр. 436. *...парень из рыбаков... превратился в писца...* — Речь идет о кастовой принадлежности: каста рыбаков (кайварта) — одна из низших каст в кастовой системе Индии, каста писцов (каястха) — одна из высших.

Стр. 447. *Наваб* (слово арабского происхождения) — в XVIII веке титул некоторых владетельных индийских князей, номинальных вассалов могольских императоров (наваб Ауда, наваб Бенгалии и т. д.). Часто употребляется в значении «богатый человек», «вельможа».

Стр. 474. *Нарада* — один из великих мудрецов (риши). Нарада изображается старцем с лютней в руках. Предания рассказывают, что искусству пения он обучен Брахмой, творцом вселенной.

Сыновья Сагары. — В одной из древних легенд рассказывается, как царь Бхагиратха с помощью Нарады умолил Брахму (по другим источникам — Вишну) низвести Гангу, протекавшую в небесах, на землю, чтобы оживить своих предков — 60 000 сыновей царя Сагары, сожженных мудрецом Капилой за то, что они ложно обвинили Капилу в похищении жертвенного коня.

Стр. 495. *Чандал* — в индусской сословной иерархии член наиболее бесправной касты, одно приближение которого может «осквернить» представителей высших каст.

П О В Е С Т Ъ « Ч Е Т Ы Р Е Ж И З Н И »

В январе-феврале 1914 года в журнале «Шобудж Потро» («Зеленые листья») печатались рассказы Р. Тагора: «Дядя», «Шочнш», «Дамини», «Срибилаш», которые через год (1916) вышли отдельной книгой под бенгальским названием «Чотуронго», что в буквальном переводе означает «Четыре части».

В центре пристального внимания Тагора здесь, как и прежде, духовный мир человека с его страданиями и радостями. Социальная подоплека коллизии, происходящей на глазах читателя, как будто бы скрыта. Но она присутствует, и именно она создает общественную атмосферу лицемерия и фальши, душащую свободное развитие человеческой личности.

Драматическая развязка повести не случайна — она результат идейной позиции художника, который не может мириться со спекулятивностью вероучений, построенных на отрицании земного существования человека.

«...все произведение Тагора сплошь проникнуто страстным содроганием природы, — писал Р. Роллан в своем предисловии ко французскому изданию повести, — ...звучит песня без слов, песня души, содрогающейся под своим покровом... Звучит музыка тишины».

Стр. 501. *Моллик* — в Бенгалии представитель одной из подкаст высшего жреческого сословия.

Шонарбене — в Бенгалии представитель касты торговцев (банья).

...пожиратели коровьего мяса... — Ортодоксальный индуизм считает корову священным животным. Употребление в пищу говядины считается страшным грехом.

Стр. 503. *Три мира*... — В древней индийской космогонии — небо, населенное богами, воздушное пространство, населенное демонами и низшими духами, земля — жилище людей. Согласно другому толкованию, три мира — это небо, земля и подземное царство.

Маколей Томас Бабингтон (1800—1859) — английский буржуазный историк, публицист и политический деятель; в течение ряда лет был членом совета при генерал-губернаторе Индии. *Джонсон Самюэл* (1709—1784) — английский писатель, критик, языковед.

Стр. 504. *Милль Джон Стюарт* (1806—1873) — английский буржуазный философ, экономист, один из видных представителей позитивизма.

Бентам Иеремия (1748—1832) — английский буржуазный правовед-моралист, проповедник утилитаризма.

Стр. 505. ...съев курицу, они объявили всем, что это козлятина... — Ортодоксальный индуизм запрещает убивать кур.

Стр. 520. *Свами* — почтительное обращение к брахману.

Стр. 522. *Премия «Премчанд Райчанд»* — денежная премия, установленная за лучшее научное исследование в любой области знаний. Названа по имени бомбейского мецената Премчанда Райчанда, пожертвовавшего 200 000 рупий калькуттскому университету на ежегодные премии.

Стр. 526. *Брихаспати* — одно из древнейших ведических божеств, которому в «Ригведе» посвящено одиннадцать гимнов. Брихаспати почитается всезнающим божеством, наставником всех богов, другом и советчиком Индры. Согласно «Ригведе», у Брихаспати семь лиц, острые рога и сто крыльев; он вооружен луком со стрелами и золотой секирой.

Стр. 530. *Будда* (букв. «пробудившийся») — одно из имен Сиддхартхи Гаутамы (VI—V вв. до н.э.) — основателя буддизма. *Васудева* — здесь: одно из имен Кришны, сына Васудевы (отсутствие в русском языке разницы между долгим и коротким «а» не позволяет различить транскрипцию этих двух имен).

Стр. 537. *Вечная Джамуна*. — См. прим. к стр. 31 — «вишпунит-саньяси».

Стр. 542. *Айравата* — слон Индры; *Уччайшрава* — белый конь Индры; одна из древних индийских легенд рассказывает о том, как во время пахтанья океана богами и демонами вместе с амритой (божественный нектар) из морской пены вышли Айравата и Уччайшрава, которых Индра взял к себе на небо.

Стр. 543. *Мадхусудан* — букв. «убийца демона Мадху», одно из имен Вишну, выступающего здесь в роли укротителя гордости.

«*Бхоктиротнакор*» — сборник вишнуитской (см. прим. к стр. 31 — «вишпунит-саньяси») поэзии, составленной Порохори Чокроборти (XVIII в.).

Стр. 546. «*Бхагават пурана*» — пурана (букв. «сказание о древности»), содержащая многочисленные легенды о Кришне.

Стр. 547. *Кули* — представитель самой высшей касты брахманско-жреческого сословия. Законы индуизма запрещают женщинам из касты кулинов замужество с представителями низших каст даже того же сословия, что ведет к самой широкой полигамии внутри кулинов и нередко трагически сказывается на судьбах женщин этой касты.

Стр. 551. *Шанкарачарья* (ок. 800 г.) — один из основоположников средневековой идеалистической философской школы ве-

данта (букв. «конец», «окончание вед»). Здесь устами Сриблалаша Тагор проиизирует над философами, строившими свои теории на непризнании реальности существования внешнего мира.

Стр. 552. *...обменялись мы «благоприятным взглядом»...* — одна из церемоний свадебного обряда, во время которого жених видит лицо невесты.

Стр. 566. *Праздник боу-бхат* — широко распространенная в Бенгалии церемония угощения рисом (букв. «бхат») во время свадебного обряда, продолжающегося, как правило, в течение нескольких дней в доме невесты (букв. «боу»).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Р. Тагор с семьей. (1909 г.)
Слева направо: младшая дочь Мира Деби, старший сын Ротхиндронатх Тагор, Рабиндранатх Тагор, жена Ротхиндронатха — Протима Деби, старшая дочь Р. Тагора — Мадхурилота Деби.
2. Шантиникетон. Центральная библиотека.
3. Шантиникетон. «Удалца» — дом-музей.
4. Р. Тагор с сыном. (1910 г.)
5. Нондолал Бошу. В студии Обонидронатха Тагора.
6. Тагор с близкими друзьями. (1911 г.)
7. Тагор в кругу писателей перед отъездом в Англию.
(1912 г.)
8. Р. Тагор в Страсбурге. (1921 г.)
9. Обонидронатх Тагор. Зов флейты.

СОДЕРЖАНИЕ

ГОРА. Роман	7
Глава первая — двадцать восьмая <i>в переводе</i> <i>Е. Алексеевой</i>	
Глава двадцать девятая — тридцать девятая <i>в</i> <i>переводе Е. Смирновой</i>	
Глава сороковая — семьдесят шестая и эпилог <i>в переводе Б. Карпушкина</i>	
ЧЕТЫРЕ ЖИЗНИ. Повесть. Перевод <i>И. Световидовой.</i>	
Дядя	499
Шочниш	518
Дамини	533
Срибилаш	550
Комментарии	571
Список иллюстраций	594

Рабиндранат Тагор
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ,
Т. 5

Редактор М. Кафитина
Художественный редактор Г. Клодт
Технический редактор Ж. Примак
Корректоры Р. Пунга и А. Юрьева

*

Сдано в набор 25 II 1963 г.
Подписано в печать 12/VI 1963 г.
Бум. 84×108^{1/2}. 18,625 печ. л. = 30,54 усл.
печ. л. 29,891 уч.-изд. л. + 8 вклеск = 30,29 л.
Тираж 98 000. Зак. 1179. Цена 1 р. 10 к.

Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

*

Типография № 2 им. Евг. Соколовой
УЦБ и ПП Ленсовнархоза.
Ленинград, Измайловский пр., 29.

10. 10. 10.